Андрей Алексеев
Борис Докторов

В ПОИСКАХ АДРЕСАТА

Санкт-Петербург – Foster City
2012

(Ред. от 18.02.2011 – 6.02.2012)

А. Алексеев
Б. Докторов

В поисках Адресата

ПЕРЕПИСКА ДВОИХ С ПОСТЕПЕННЫМ РАСШИРЕНИЕМ КРУГА ТЕМ И УЧАСТНИКОВ

(февраль – октябрь 2006 г.)

Посвящается Алле Родионовой – молчаливому и заинтересованному со-участнику и почтальону этой переписки.

Содержание

Вместо предисловия..... 5

(1) А. Алексеев. От составителя - сегодня..... 5

(2) А. Алексеев – Б. Докторову..... 7

(3) Апология письма (из переписки с Р. Г. Баранцевым) 7

(4) А. Алексеев Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации 9

Часть 1. Эпистолярная хроника..... 12

Папка 1.1. Февраль-март 2006 12

Папка 1.2. Апрель 2006 60

В том числе:..... 60

Комментарии Д. Шалина к интервью, взятым Б. Докторовым, .. 66

Три ауторефлексивных интервью (1987, 1988, 1997)..... 89

Алексеев А. Эстафета памяти. Ресурсы, нормы и эффекты. Автобиографического повествования..... 135

Папка 1.3. Май – июнь 2006..... 141

В том числе:..... 141

Б.Докторов Вспоминайте сами, не ждите, пока вас будут вспоминать... 142

Информационное письмо Б. Докторова и Д. Шалина о проекте IBI 146

Содержание IBI, по состоянию на 11.05.2006 (13) 150

С чего начинался IBI (тот же сайт, по состоянию на 13.04. 2006) 156

Из материалов андерграундного экспертно-прогностического исследования рубежа 1970-80-х гг..... 158

(“Ожидаете ли Вы перемен?”) 158

Нечто вроде интермедии - 2..... 181

Из переписки А. Алексеева и Р. Ленчовского (май 2006) 181

Цитаты, вынесенные на обложки томов 1-4 книги: А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. СПб.: Норма, 2003-2005 207

Папка 1.4. Июль 2011 214

В том числе:..... 214

Б. Докторов, Д. Шалин — посетителям сайта проекта IBI (17d) 217

Борис Парыгин 223

Перечень всевозможных отзывов на “драматическую социологию” (как исследовательскую или жизненную практику, так и ее отображение в текстах),..... 233

Интермедия: А. Алексеев Многообразие экспликаций и синонимический ряд “наблюдающего участия”..... 245

Папка 1.5. Август – октябрь 2006 262

В том числе: 262
Ю. А. Левада. 9-й день 280
Часть 2. Труды 281

Папка 2.1. Письма - статьи 281

(1) А. Н. Алексеев: «Рыба ищет где глубже, а человек – где не так мелко…» (фрагмент биографического интервью) 281
(2) А. Алексеев “Пусть докажет, зачем ей это нужно!..” (история одного судебного процесса) 313
(3) А. Алексеев К вопросу об “истории российской социологии в лицах” 335
(4) А. Н. Алексеев Познание через действие. Так что же такое “драматическая социология”?(2006 г.) 348

Папка 2.2. Статьи и доклады 378

(1) Б. Докторов История есть, только если она написана. К открытию рубрики «современная история российской социологии» ... 378
(2) Б. Докторов, Н. Мазлумянова «Международная биографическая инициатива»: Между Россией и Америкой 385
(3) Б. Докторов Биографии для истории 390
(4) А. Алексеев Биография. Наука. История (К созданию коллективного автопортрета российских социологов) 419
(5) А. Алексеев Тезисы о биографии и со-бытии человека 435
(6) А. Алексеев Дневник и письмо как формы социальной коммуникации 437
(7) А. Алексеев Личная переписка как документ биографии и истории 450

Папка 2.3. Эссе 451

Б. Докторов Правый поворот на красный свет светофора 451
Б. Докторов «В поисках Адресата»: вместо послесловия 468

Вместо предисловия

(1) А. Алексеев. От составителя - сегодня

Эта книга написалась нечаянно. В 2006 г. один из ее авторов – А. Алексеев – еще не освоив электронной почты и Интернета, откликнулся на призыв своего коллеги и многолетнего друга, «российского американца» Б. Докторова – вступить в электронное общение по поводу автобиографического интервью on line. [1]

Беседа разворачивалась неторопливо содержательно, однако стремительно технологически и затронула множество разнообразных тем, кроме биографической. Здесь - и методология и методика истории новейшей российской социологии «с человеческим лицом», и текущие «подробности жизни» обоих корреспондентов, и анатомия одного судебного процесса, в который один из корреспондентов (А. А.) оказался в то время вовлечен, и размышления о «драматической социологии»; и все это на фоне зарождения и развертывания уникального сетевого проекта – сайта «Международная биографическая инициатива» (его создатели – Д. Шалин и Б. Докторов), так что и история названного интернет-ресурса в числе предметов обсуждения.

Роскошь профессионального и личностного общения, подкрепленная техническими возможностями Интернета, сохранялась в электронных архивах двоих корреспондентов, и не только их самих, поскольку почти с самого начала в этот эпистолярный обмен оказались вовлечены ближайшие друзья обоих, которые либо выступали техническими посредниками, либо получали копии и иногда на них реагировали. Этот «Ближний круг» постепенно расширялся, как в силу общеинтересности обсуждаемых тем, так и в силу обретения участниками соответствующих техничкеских навыков.

Уже тогда у автора этих строк возникла идея составления своего рода *эпистолярной хроники* (обозначение жанра пришло позднее), которая поначалу стать книгой вовсе не претендовала (просто склад писем в хронологической последовательности). Несколько лет этот материал пролежал невостребованным. Правда, некоторые фрагменты настоящей переписки так или иначе использовались обоими авторами (особенно А. Алексеевым) в своих «академических» (и не только!) трудах. Основной же (изначально предполагавшийся) «продукт» совместной работы - автобиографическое интервью А. А. – так и остался незавершенным. Чуть ли не случайно этот материал был обнаружен недавно в электронном архиве автора этих строк, чтобы затем лечь (в качестве отрывка, фрагмента) в книгу А. Алексеева и Р. Ленчовского «Профессия – социолог…» (2010). [2]

---

[1] К настоящему времени Б. Докторовым взято уже свыше 50 биографических интервью у коллег-социологов самого старшего и последующих поколений. Эти материалы систематически публиковались в профессиональных социологических журналах: «Социологический журнал», «Телескоп», «Социальная реальность». Все вместе они собраны на американо-российском сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html.

[2] См. Алексее А. Н. «Рыба ищет где глубже, а человек – где не так мелко…» фрагмент биографического интервью). В: Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта

Однако попутные и побочные продукты этого обмена письмами, и – шире - сам. **ПРОЦЕСС** эпистолярного общения, как таковой, оказались, пожалуй, интереснее и значимее отдельных, частных РЕЗУЛЬТАТОВ. И вот его-то и хотелось бы сегодня представить читателю, как некую *само*-ценность, каковой она может оказаться и не только для непосредственных участников, но и, возможно, для тех «посторонних», кто захочет перелистать или даже углубиться в эти страницы.

Замечу, что наряду с собственно перепиской сюда включены (иногда прямо «в теле» письма, а иногда автономно) более или менее целостные и законченные произведения, из которых одни уже опубликованы в тех или иных печатных изданиях и/или размещены в Сети, а иные – до сих пор света не видели (во всех случаях сделаны соответствующие ссылки и оговорки). Такие вставки, а также документальные вкрапления в эпистолярную хронику отражены и в оглавлени (см. выше): **«в т. ч.»** (в том числе).

Ни одно слово в текстах писем не поправлено (кроме заведомых опечаток). Зато немало изъятий (как правило, помеченных <…>) - в основном *технических* (во избежание повторов отдельных фраз или значительных кусков текста, что заурядно в электронной переписке), но также и *содержательных*, если тот или иной автор посчитал нежелательным обнародование соответствующей части личного письма.

Вместе с тем, некоторые текстовые повторы *намеренно сохранены,* чтобы читатель мог воспринять один и тот же текст как в процессе зарождения – фрагментированным и в контексте личного письма, так и «в готовом виде» - целостно и обособленным, отделенным от других сюжетов. [3] Это касается трех тем: а) Автобиографическое и ауторефлексивное интервью А. Алексеева; б) История одного судебного процесса, разворачивавшегося в период переписки; в**)** Размышления А. А. об "истории российской социологии в лицах".

Таким образом, оказывается возможным, на указанных примерах (а, б, в), проследить процесс трансформации коммуникации *другому* (письмо), имеющей персонального адресата, в коммуникацию *другим* (статья), адресованную анонимной аудитории.

С учетом сказанного, выстроена и структура настоящей рабьоты. Часть 1 – **Эпистолярная хроника**, как таковая. Часть 2 – **Труды** обоих корреспондентов, выросшие из этой переписки и/или сопряженные с ней тематически и стилистически. Некоторые, относительно самостоятельные тексты представлены *только внутри* эпистолярной хроники – в качестве приложений или «интермедий».

Хочется думать, что данная работа может заинтересовать читателя как в плане содержания, так и в плане метода.

А. Алексеев. Январь 2011

**

драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. Т. 2. СПб.: Норма, 2010, с. 3391-414.

[3] Как правило, «черновик» в составе личного письма практически не отличается от «беловика» в составе статьи, поскольку авторское редактирование (в случае А. А.) состоит в основном в компоновке, рекомпозиции, аранжировке «черновиков», рассматриваемых как документы.

(2) А. Алексеев – Б. Докторову

Дорогой Борис!

Эта работа была подготовлена (сверстана) год назад и вроде только ожидала твоего соавторского предисловия. Другие заботы Тебя от этого отвлекли, да и я не вспоминал. Полежала – и хорошо. Иногда полезно взглянуть новыми глазами.

Взглянув, отмечаю, что в актуальности она не убавила. Если мы научились даже современный момент представлять как будущую историю, то уж тем более исторический смысл может быть усмотрен пусть в недавних, но значимых событиях. А к ним, среди прочего, относятся и ранняя история зарождения проекта «Международная биорафическая инициатива», и многое другое, нашедшее отражение в настоящей эпистолярной хронике.

Так что пора эту документальную композицию извлекать на свет божий.

Мой персональный интерес состоит еще и в том, что некоторые мои работы, представленные здесь в качестве приложений и / или интермедий (например: «Многообразие экспликаций и синонимический ряд “наблюдающего участия”» или «История одного судебного процесса») пока нигде не публиковались. Уж не говорю о нашей с Тобой переписке, затрагивающей многие профессионально и общественно значимые темы.

Как минимум, я могу депонировать эту композицию в свое ВЕБ-хранилище на Яндекс.Народ.ру. А может – найдем и другие способы ее обнародования. Не зря ж она названа: «В поисках адресата».

От Тебя сейчас требуется немного. Даже не прочитать, а пролистать это собрание писем и документов (многое тут Тебе хорошо знакомо, входило и в другие издания) и дать добро на его публикацию. Хочешь – пиши соавторское предисловие, хочешь – просто ответь на это письмо. Мы поместим его после настоящего моего.

Твой – Андр. Ал. 7.02.2012.

***

(3) Апология письма (из переписки с Р. Г. Баранцевым)

А. Алексеев — Р. Баранцеву [4]

<…> Ловлю тебя на слове. Ты недавно (в «Становлении тринитарного мышления», с. 78) повторил, что “...*протоколы жизни* Алексеева стоит прочитать любому обитателю современного социума...” <…> Ну, <…> не любому (хоть и очень ценю твою гиперболу!..), да от начала до конца прочитать и невозможно. <…>

[4] Впервые опубликовано в: Баранцев Р. Г.. Люди в письмах. 5. Антропосфера…., с. 8. (Электронная версия - http://www.math.spbu.ru/user/brem/RUS/letter5.pdf).

Здесь цит. по: Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. Т. 2. СПб.: Норма, 2010, с. 502-504.

Но “кое-что” из моих “протокольных” сочинений и композиций “кое-кому” (в частности, Тебе...) может быть интересно.

Вот, теперь у меня новая разновидность “протоколов жизни” вырисовалась: *групповая переписка (*или многосторонний диалог...) *в “сети”*. Наивным и технологически примитивным прообразом сего для автора этих строк 25 лет назад были так наз. “Письма Любимым женщинам”. Электронная почта, с ее прозрачностью, многоадресностью и оперативностью, понятно, способствует развитию такого жанра. Многие не отдают себе отчета в его долгосрочной ценности. Электронные письма, если и сохраняются, то до очередной атаки вируса, до приобретения нового компьютера, а в худшем случае — до очередной очистки почтового ящика.

Чем объяснять специфику этого жанра, я просто пересылаю тебе три достаточно объемных (лаконизму у тебя учусь, но, увы, безуспешно...) файла: <...>, включающих текущую электронную переписку, мою — в основном с Борисом Докторовым, но также и с другими людьми, участвующими в ней иногда активно, путем инициативного включения в разговор, иногда — позволив мне сделать достоянием общего круга нашу приватную переписку на те же или смежные темы, иногда же — пассивно (получая лишь копии, “для сведения”...).

(Кстати, диалог — это вовсе не обязательно, когда *все* говорят; некоторые могут долго слушать “за кадром”, пока сами не захотят высказаться...).

Поводом для этой переписки послужило обращение ко мне Б. Д. в феврале с. г. с деловым предложением о биографическом интервью. Оказалось, что *«процесс куда интереснее итога» (*конечного! а вот промежуточные и побочные, как раз, интересны). Где-то с третьего или четвертого письма я усмотрел в этом жанр “протокола жизни”, озаглавил — **“***В поисках Адресата”,* и вот теперь адресую также и тебе, для внутреннего пользования**.**

В отличие от неконтролируемой публичности Интернета, с его глобальными “форумами” и т. п., электронная почта, с ее паролями, обеспечивает возможность как *избирательной* связи, так и *взаимопроникновения* дружеских, корреспондентских кругов. Что, кстати, вовсе не исключает и сохранения интимных, приватных контактов, в меру необходимости. Я на эту тему немало рассуждал в переписке с Борисом и не буду повторяться.

Не пугайся объема — более 300 стр. “групповой переписки” — менее чем за полгода. Там много технологических повторений (например, разные варианты монтажа одних и тех же кусков биографического интервью, обширные цитаты из известной тебе “Драматической социологии...”, переписывание текстов, адресованных одному, в письмо к другому, скачивание из Интернета...). Компьютерные технологии способствуют таким повторам (поскольку иногда удобнее повторить, путем технического переноса, чем объяснять, где чего искать). Читать “по диагонали” — дело для нас обычное. Наметанный глаз легко выловит *новое, созвучное, полезное.* (Если таковое есть).

И еще одно замечание. Получение такого “послания с приложениями” - *адресата* (я имею в виду не только тебя, но и любого, уже имеющегося и потенциального...) *вовсе не обязывает*... отзываться, реагировать, даже читать. Разве что подтвердить получение... [5]

[5] «…Мой кодекс электронной переписки: не обязательно отвечать на копии (рассылка веером), и обязательно - на оригиналы, то бишь на индивидуальное письмо. Что с удовольствием и делаю…» (Из письма к А. К. Май 2007).

Где-то в “Новой газете” я читал недавно остроумный фельетон об эпидемии дарения сочинителями собственных произведений (и не только близким, но и незнакомым людям...). Это вроде спама, навязываемой рекламы и т. п. Ну, и между друзьями тоже случается “демьянова уха”... Послать-то — ничего не стоит. А вот даже “скачивать” или перелистывать полученное иногда оказывается обременительным... <…>

Думаю, что в настоящей композиции — “В поисках Адресата” — элементы синтеза коммуникации *себе, другому* и *другим* (“дневник-письмо-статья”, что, к моей гордости, признано тобою в качестве *системной триады* [6]) — есть!

Рэм! Письмо это, так сказать, лично-общественное. <…> Если вздумаешь откликнуться более чем подтверждением получения, буду рад включить твой отклик в “групповую переписку” (с твоего согласия, разумеется). <…> . 18.06.2006.

**

(4) А. Алексеев Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации [7]

1. В структуре процесса человеческой коммуникации традиционно выделяются: субъект-источник коммуникации; содержание коммуникации; ее форма; ее средства (знаковые, технические, институциональные и др.); адрес (субъект, которому коммуникация адресована); эффекты. Коммуникация осуществляется в определенном контексте (ситуации, среде — социальной, исторической, культурной и проч.). Если коммуникация является целевой (т. е. субъект преследует цель, в которой «отдает себе отчет»), можно говорить об эффективности коммуникации (в смысле соответствия результата цели). Различают личную (адресованную вполне определенному, персональному адресату) и массовую (адресованную анонимной аудитории) коммуникации, аксиальную («осевую») и ретиальную («сетевую»), монологическую и диалогическую коммуникации. Существуют и иные классификации процесса.

2. Здесь не станем углубляться в вопросы теории коммуникации и общения, где вышеуказанные понятия фигурируют в разных соотношениях и используются в построении разных социальных моделей. Сосредоточимся на индивидуальной коммуникации (т. е. такой, где субъектом-источником

---

[6] См. Баранцев Р. Г. Становление тринитарного мышления. М.-Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», с. 104.

[7] Впервые опубликовано в: XII Любищевские чтения. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2000, с. … . См. также: Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 1. СПб.: Норма, 2003, с. 299-303; Алексеев А. Н. Письмо, дневник, автобиография: многообразие форм и сопряжение смыслов (теоретико-методологические заметки) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2007, № 4, с. 46-56.

Здесь цит. по сайту «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_letters.html.

выступает индивид, личность, *лицо*) и, в частности, на фундаментальном различении ее возможных *адресов*.

Такими адресами могут быть: сам субъект-источник коммуникации (коммуникация самому себе); другое лицо (индивид, личность); аудитория (другие лица, группа, общность). Будем называть первый случай ***коммуникацией самому себе***, второй — ***коммуникацией другому лицу*** и третий— ***коммуникацией для других.***

3. От этих общих определений перейдем к рассмотрению конкретики вербальной коммуникации личности, в частности, коммуникации, воплощенной в письменном тексте. Здесь для каждого потенциального адреса может быть усмотрен «классический» тип текста, характеризующийся своими содержательными и формальными особенностями, используемыми средствами, а также иными параметрами. Назовем эти типы: *дневник* (коммуникация самому себе); *письмо* (коммуникация другому лицу); *статья* (коммуникация для других).

4. Сначала некоторые «очевидные» черты и определения. ***Дневник*** по преимуществу монологичен; это аксиальная коммуникация; дневник сугубо личностен, импровизационен; он может быть насыщен фактами («записная книжка»), переживаниями, размышлениями («ауторефлексия »); может быть регулярным или эпизодическим, воспроизводящим последовательность событий («хроника») и отражающим движение чувств или хода мысли («поток сознания»). Можно продолжать перечисление вариаций. Принципиальным для нас является то, что дневник в любом случае обращен главным образом к самому себе, в этом его смысл и «организующее начало».

5. ***Письмо*** — тоже личностно и, как и дневник, есть аксиальная коммуникация; оно может содержать фактическую и эмоциональную информацию; письмо может быть сугубо «информационным», «исповедальным» или «поучающим»; оно может быть посвящено обстоятельствам собственной жизни и жизни другого или других, а также обсуждать вовсе не личные обстоятельства; как правило, письмо «реактивно», т. е. откликается на предыдущие сообщения адресата («переписка»); оно может быть «целевым » и «бесцельным» (совершенно спонтанным); письмо par excellence —это *разговор*, оно не монологично, а диалогично (т. е. рассчитано на реакцию собеседника). Вот в этой диалогичности и состоит его (письма) принципиальная особенность, проистекающая из специфики адреса: *другое лицо*.

6. ***Статья*** — наиболее условное из использованных нами выше обозначений «эталонных» типов текста. Ибо «коммуникация для других» может иметь множество ипостасей, среди которых, например, почти все жанры делового, журналистского, научного сообщения. Такая коммуникация адресуется *аудитории*, иногда специфизированной, иногда массовой. В ней (статье) особенно ярко выражена целевая функция и по необходимости минимизирован личностный момент. Здесь не меньшее разнообразие вариаций, чем в предыдущих родах письменных сообщений. Достаточно сказать, что художественная (литературная) коммуникация (в различных отношениях антиномичная — будь-то деловой, будь-то научной) есть тоже «коммуникация для других». Но для целей последующих типологических сопоставлений нам удобна именно «статья».

7. Является ли наша систематизация «адресов» человеческой коммуникации полной, их перечень (на данном уровне обобщения) —

конечным? Нет. Ибо возможна еще коммуникация не «к себе», не «к другому» и не «к другим», а к некой «надчеловеческой» сущности: коммуникация «к Богу», «к Высшему существу», «к Универсуму»; именно индивидуальная, по субъекту-источнику, коммуникация, но апеллирующая к чему-то или к Кому-то, кого (чего) или нет, или есть, но Он (оно) принципиально непостижим (непостижимо).

Да и в рассмотренных ранее формах коммуникации могут присутствовать элементы такого трансцендентного общения: обращение к умершему или к еще не родившемуся, к «предкам» или к «потомкам». Само по себе адресование «к человечеству» может иметь общие черты с молитвой, обращенной к Небу.

8. Нами выделены и обсуждаются три «формы» индивидуальной (субъект-источник), вербальной (знаковые средства), письменной (материальный носитель) коммуникации, принципиально различающиеся по своему адресу (себе; другому; другим), обозначенные (по избранным для нашей модели «эталонным» типам текстов) как *дневник, письмо*и *статья*. Более или менее понятна специфика этих категорий текстов. (Вышеприведенные характеристики далеко не являются исчерпывающими.) Но самым интересным и перспективным — для последующего анализа — является прояснение взаимосвязей, взаимопереходов и взаимодополнительности этих форм.

9. Можно предположить, что здесь имеем дело с *системной триадой* (в смысле Р. Баранцева) 3, поскольку каждый из вышеназванных концептов, по-видимому, соотносим (разумеется, не жестко и не однозначно!) с тем или иным элементом универсального семантического архетипа: интуицио (дневник), эмоцио (письмо), рацио (статья). В таком случае, исследование соотносительности всех трех форм становится не узкопредметной, а философской, эпистемологической задачей.

10. И логически, и исторически письмо является, по-видимому, «праформой » индивидуальной письменной коммуникации. Оно зарождается как закрепленное в «письменах» личное послание, впрочем, очень рано совмещающееся (переплетающееся) с посланием «также и» к другим, а в пределе — «ко всем, кто его прочитает», не сегодня, так в будущем. Вместе с тем, это также есть *само*-выражение, а стало быть — хотя бы в потенции — присутствуют и элементы самокоммуникации. Вообще, человек — существо общественное, и его обращение к себе невозможно без осознания себя как «одного из» себе подобных. Отсюда, кстати, приоритет диалога над монологом — не только «логически», но и «исторически» оправданный.

11. При ближайшем рассмотрении, не только в «письме» могут быть обнаружены элементы как «дневника», так и «статьи» (напомним про условность нашей терминологии!). Но и в любой из названных форм индивидуальной письменной коммуникации можно усмотреть — актуально представленные или потенциально мыслимые — черты остальных. Иначе говоря, понятия «перетекают» друг в друга.

По-видимому, правомерно выделение типов-«кентавров»: письмо-дневник; письмо-статья; статья-дневник. Здесь не станем приводить известные примеры, которыми богата история культуры.

12. Особенно интересно совмещение «имманентных» черт всех трех форм индивидуальной коммуникации в конкретном тексте, иногда приобретающее достоинство синтеза. При этом обычно форма специфична, а содержание — универсально. Например, исповедальное открытое *письмо*, или

дневник, который субъект не требует уничтожить после своей смерти, или *статья*, вроде «Дневника писателя» Ф. Достоевского. Вообще говоря, такие синтетические жанры особенно распространены и сознательно используются в художественной литературе, публицистике, философии. Однако и в обыденной дневниковой и эпистолярной практике можно встретить — будь-то синкретизм, будь-то синтез всех трех форм.

13. Наконец, существует опыт овладения механизмом такой взаимосвязи форм индивидуальной письменной коммуникации, когда, например, человек, пишущий *письмо* конкретному лицу, делает это также и «для себя» или/и отдает себе отчет в том, что его личностное послание может обрести также и других читателей. Или: человек пишет дневник или письмо, сознавая, что потом он «перепишет» это как статью. (Интересно, что невозможно обратное движение: лишнее подтверждение того, что «обращение к другим» вырастает на базе обращения к другому или к себе, а не наоборот.)

14. Нам известно немного примеров *сознательного*взаимодополнения и совмещения форм дневниковой, эпистолярной и «статейной» (научной и проч.) коммуникации. К таким примерам безусловно относится феномен А. А. Любищева (1890–1972), общекультурное значение которого еще далеко не полностью осмыслено, однако, благодаря усилиям его младших современников, имеет шанс стать одним из «услышанных» посланий человечеству в XXI век.

15. Автор настоящих тезисов полагает, что в теории индивидуальной письменной коммуникации — в намеченном здесь аспекте — пока еще непочатый край работы. Но стоит ли «дожидаться», пока такая теория будет построена, а затем станет достоянием социологических или психологических учебников? В дневниковом и эпистолярном наследии как «великих », так и «рядовых» людей (кстати, ставшем в последнее десятилетие предметом все возрастающего общественного внимания) нам видится как богатейшее поле для исследования, так и сокровищница коммуникативного опыта, черпать из которой — и «без учебника»! — может каждый.

(Апрель 1999)

***

Часть 1. Эпистолярная хроника

(ALDOKE1A)

Папка 1.1. Февраль-март 2006

Письмо Б. Докторова А. Алексееву. Копия — Л. Кесельману (1)

20 февраля 2006 г.

Привет Андрей,

Прежде всего тебе спасибо за два новых тома Драматической социологии. [8] Возможно, я единственные в этой части света обладатель этой твоей работы. Кончу заниматься социологией (настанет же это когда-либо) – передам все в библиотеку Стэнфорда... у меня книг не очень много (думаю, не более полутысячи), но все отборное, редкое с автографами...

То, что я хочу написать тебе имеет прямое отношение к твоей работе и тому, что тобою уже сделано...

...мне давно хотелось проинтервьюировать тебя.... но всякие обстоятельства препятствовали... а около недели назад позвонил мне Леня Кесельман и сказал, что он готов поучаствовать в работе по истории современной российской социологии. Проще – в интервьюировании наших общих коллег... действительно, мы оба назвали первым тебя … Теперь немного деталей.

1.

Прошлый год был для меня в высшей степени успешным в профессиональное отношении. В Москве вышла книга «Первопроходцы мира мнений: От Гэллапа дл Грушина» и к концу года я закончил работу «Отцы-основатели. Из истории изучения общественного мнения». Это – 500 страниц, более 200 героев, тысяча примечаений. И это не все с моей гэллапиадой, это - части рукописи, в которой почти два миллиона знаков..не знаю, хватит ли сил и куража все это завершить..

2.

Но есть еще большой проект по современной истории российской социологии...

Так случилось в осенью 2004 года я написал и опубликовал в Телескопе большую статью о Б.А. Грушине. Это было навеяно его 75-ти летием, но статья – не юбилейная. Хотя мы – в очень добрых отношениях, я волновался, высылая ему текст публикации. Ты знаешь немного Бориса, понимаешь, он может так врезать, что мало не покажется....но все прошло хорошо. Очень положительно написал по поводу статьи Фирсов, а Ядов отметил: «это больше, чем о Борисе, это о нашей социологии». И сказал, давай дальше...

3.

И я начал. Но уже не статьи о творчестве отдельных социологов, но – интервью. В 2005 году в Телескопе вышли мои пространные интервью с Фирсовым (2 листа), Гилинским (2 листа), Ядовым (4 листа), Кесельманом (2 листа), а в этом – с Еленой Смирновой (2 листа) и вот-вот появится интервью с Романом Могилевским (2 листа). Были в моей рубрике и другие материалы: «мозаика» воспоминаний об умершем Якове Капелюше, фрагмент последней статьи Геннадия Батыгина и недавно – статья Божкова и Протасенко о том, как в свое время зарубили книгу под редакцией Валерия Голофаста.

Если тебе сложно получить Телескоп, то у Лени Кесельмана – все есть, он может тебе прислать электронные варианты всех этих материалов...короче, ознакомиться со всем этим можно запросто...

4.

Я это дело продолжаю... у меня в работе есть несколько интервью с нашими московскими коллегами...(Здравомыслов, Гофман, Кон, Петренко....) Поскольку я еще работаю над моим огромным проектом по истории становления американских опросов общественного мнения и по истории американской рекламы (тоже регулярно отдаю в Телескоп), то у меня просто физически не хватает времени на беседы со всеми, с кем мы мне хотелось поговорить...

---

[8] Речь о книге: Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005.

5.

Я занимаюсь прошлым нашей социолгии чуть более года...но уже напрашиваются какие-то выводв, скорее – предчувствия этих выводов...я сижу один в моей калифорнийской деревне (в моем городе всего 30 тыс. жителей) и ломаю голову над тем, что было очень далеко от этого места....одно утешает (или драматизирует?), что память свободна от географии

Зная все, что происходило в жизни людей, которых я интервьюировал или интервьюирую сейчас, и моей (для чистоты рассуждений - уберу американский период), я начинаю иначе, чем еще год-два назад относиться к тому, как мы работали, к той среде, в которой мы работали....если попытаться охарактеризовать это отношение кратко, то что-то близкое к «тихой злобе», когда на губах не мат, но «у-у гады». Нас заставляли, вынуждали жить со связанными руками, забинтованными глазами и заткнутыми ушами...и при этом в нас вызывали чувство «полной и глубокой удовлетворенности»...

6.

Когда я писал вводную статью для моей рубрики в Телескопе по истории современной российской социологии (это было в декабре 2004 года), я понимал, что предстоит искать то, что не было опубликовано, что осталось в ящиках... Но я не представлял того, что уже через год я смогу утверждать следующее: «Социологические публикации всего советского периода не репрезентируют того, что делали социологи, о чем и как они думали...». Я хотел бы донести эту простенькую мысль до нашего сообщества и до историков, которые будут заново «открывать» историю советской социологии.

Ведь люди читают лишь то, что БЫЛО издано, т.е. то, что прошло все советы и цензуры...

Осенью 2003 года Ядов подарил мне второе издание «Человек и его работа. В СССР и после». Классика… куда больше? Но ведь потребовалось четыре десятилетия, чтобы книга, наконец, вышла в полном объеме. На конфереции в Москве Н.И.Лапин подарил мне книгу «Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов» (900 страниц). Книга вышла в прошлом году и содержит изложение Генерального проекта, выполненного ИКСИ АН СССР в 1968-1973 годах. На первой странице книги указано: «Первая публикация». Более тридцати лет Лапин (член-корр, элита АН) не мог издать материалы проведенного под его руководством исследования....

...статья Божкова и Протасенко о том, как зарубили книгу Голофаста... в 2005 году я опубликовал в Телескопе заметку «Рецензия на книгу, которой нет» (про книгу Яши Капелюша), есть моя заметка по материалам Докладной записки Парыгина относительно 5-ого советско-венгерского сборника.... О мытарства Кона и Гилинского знают все...

Это все лишь небольшие иллюстрации к утверждению о нерепрезентативности всего массива советских публикаций...я не говорю о самоцензуре... здесь все ясно...

7.

До меня только сейчас дошла практически очевидная мысль: ведь мои интервью могут быть единственными, в которых человек раскрывается... Фирсов рассказал многое из того, чего не было в предыдущих его автобиографических текстах, Ядов многое о себе рассказал, но в моем интервью он наиболее раскрылся... Гилинский, Кесельман, Лена Смирнова, Роман Могилевский... их творческие судьбы не такие яркие, как ядовская... мои с ними интервью могут быть просто единственными в их жизни... человек ушел, и от него могут остаться лишь его публикации, в свете выше сказанного, мало что говорящие о нем о и его судьбе...

Ты – из другого теста... Твоя «драматическая социология» - это ты. И там, где ты фигурируешь явно, и там, где (как бы) лишь материалы, отобранные тобою для включения в очередной том...

…в Москве я позвонил профессору Владимиру Попову по поводу написания им статьи об А.К Уледове (помнишь, его всегда критиковал Грушин? я видел Уледова раз в жизни...), говорил с ним долго, он дал мне телефон вдовы Уледова (ей, видимо, здорово за 80)... она многое помнит и так меня благодарила за память о ее муже, как будто я уже что-то сделал... При жизни он был заметной фигурой, не знаю, есть ли о нем хотя бы приличный некролог...Так что надо спрашивать людей... Лапин сказал, что это моя миссия... кто знает?

8.

Андрей, я понимаю, что ты сам человек не очень зараженный электронной почтой...но у меня все интервью берутся именно так... каждый назовет минусы этого метода (я – больше других), но я вижу и огромные плюсы... мне кажется, что это диалог более сильный, чем интервью под диктофон... это иная форма коммуникации...

Но Леня сказал, что проблема как-то может быть решена...

Мне бы очень хотелось в той серии интервью, которая собирается, выходит на страницах Телескопа и, надеюсь, соберется в книгу о судьбах российских социологов, был бы и твой голос... Конечно, ты свободен в этом интервью использовать любые тексты, которые у тебя есть...это было бы нормальным...

9.

Мы с Леней еще совместно не работали по этой новой тематике....потому деталей я и сам не вижу. Но общий дизайн таков: мы с Леней вырабатываем вопросы, он тебе их высылает...ты отвечаешь ему...он может просить тебя уточнить что-то, дописать... и высылает новые вопросы... но ты можешь писать и не очень привязываясь к нашим вопросам... потом мы всегда разобьем твой текст вопросами...это дело техники...Что в целом меня интересует?

Как и почему ты выбрал свою профессию? Что, кто повлиял?

Где и у кого ты учился кто наиболее сильное влияние оказал на тебя в те годы?

Твой переход от журналистки в социологию...

Твои уходы на завод.. твоя сегодняшняя оценка тех нестандаотных решений...

Твое исключение из партии и восстановление членства...

Твоя оценка исэповской жизни...

Как сложилась идея драматической социологии...пообольше об этом...и о сути, и о жанре книг...

Как ты оцениваешь те изменения, которые произошли в нашей науке (организации науки) в последние годы..

.....

10.

Я никого не тороплю... все работают в том, темпе, в каком могут... обычно на интервью уходит от трех до шести месяцев...

Мне бы хотелось, чтобы рабочие контакты шли через Леню, но я всегда буду в курсе дел... мы с Леней постоянно переписываемся и нередко говорим по телефону...

Естественно, ты всегда можешь написать мне, буду рад... bdoktorov@yahoo.com

С добрыми чувствами, Боря

***

Письмо А. Алексеева Б. Докторову. Копия — Л. Кесельману. (1)

25 февраля 2006 г.

Здравствуй, Борис!

== Твое письмо достигло меня довольно быстро, по цепочке: Леня Кесельман — Алла Родионова. Вообще, в тех редких случаях, когда мне все же приходится обращаться к электронной почте, я пользуюсь ее любезным посредничеством: allar_st@mail.ru. Оперативную информацию Алла передает мне (или я надиктовываю ей) по телефону. Полный же текст письма (мне ли адресованного, мною ли написанного...) попадает к адресату с некоторым временным лагом (иногда — неделя...).

== Спасибо за скорый отклик на мое тебе книжное подношение. Как ты, возможно, заметил, Ты в этой книге — не только потенциальный читатель, но и со-участник, и со-автор. За что особо тебя благодарю!

== 3-м и 4-м томами своей "Драматической социологии..." я, признаться, мало удовлетворен, в основном — из-за их объема, который мог бы и должен был быть на уровне первых двух томов. Сначала мне показалось крайне важным уберечь там (или вставить туда дополнительно...) разнообразные тексты коллег или же прямых или косвенных учителей, композицию документов начального периода "перестройки", а также ряд "произвольных" ассоциативных вкраплений, без чего (по крайней мере, в таких масштабах...), как теперь вижу, можно было бы обойтись. Но когда спохватился — было уже поздно. В итоге, желанная и как будто состоявшаяся полифония, похоже, стала оборачиваться своей противоположностью (какофонией?).

Приращивая в информативности, бывает, теряешь в концептуальности; а стремление к полноте оказывается во вред целостности... Так или иначе, дело — сделано, и, так сказать, "непоправимо".

== За обоими твоими историко-социологическими проектами — как мировой историей изучения общественного мнения (теперь еще + история рекламы), так и историей российской социологии (в лицах) — слежу с восхищением. Главным информационным источником для меня в данном случае выступает "Телескоп", проблем с приобретением которого у меня, разумеется, нет (в отличие от твоих монографий...). Приветствую тебя и в этой связи, и вообще с замечательной постановкой всего твоего профессионально-жизненного эксперимента (кстати, безупречно-точно проанализированного в твоем собственном научно-биографическом интервью, также меня достигшем благодаря Лене Кесельману).

В первом проекте ты уникален среди российских социологов (насколько я понимаю, можно ожидать, что эти твои труды будут востребованы и западными издательствами...). Во втором — первопроходцами выступили Г. Батыгин и его коллеги (имея в виду "Российскую социологию шестидесятых годов в воспоминаниях и документах" — 1999 г., а также публикацию серии научно-биографических интервью в "Социологическом журнале" (начиная с 2000 г.: кажется; особенно запомнились мне: Чесноков, Гудков, Дубин...). Эту линию ты очень достойно и творчески продолжаешь (пока в "Телескопе"...), причем при высоком разнообразии жанров (ср. сюжеты: о Грушине; о Капелюше; интервью с Фирсовым, Гилинским, Ядовым, Кесельманом, Е. Смирновой; документальную композицию о Голофасте).

Хочется особо отметить ту личностную, собеседническую интонацию, которую тебе удалось внести в биографические интервью. Не только героям есть что порассказать и высказать, но и интервьюер выступает режиссером и действующим лицом одновременно. Получаются своего рода драматургические произведения.

Согласен также с тобой, что интервью по электронной почте во многих отношениях предпочтительнее, чем интервью "под диктофон"...

== Вообще, замечу, что советская (российская) социология оказалась весьма щедра на “социологическую ауторефлексию”. Последняя выступает в основном в мемуарном жанре (иногда переплетающемся с итоговыми монографическими публикациями, вроде шубкинской — “Насилие и свобода”). Теперь вот и социологические труды, лежавшие в столе или рассыпанные в наборе (все же, полагаю, не так уж их много — именно в эмпирической социологии, в отличие от социальной философии, скажем...) стали появляться (порой по трагически-мемуарным поводам, как в случае Голофаста). Отчасти этому взгляду социологов на себя как бы изнутри или “со стороны” или из сегодня на себя вчерашних — способствует то, что все же большинство (хоть и с горестными лакунами!) зачинателей-шестидесятников все еще “в строю”; а Б. Грушин (своим историческим “четырехкнижием”) и Ю. Левада (своим современным “Левада-центром”) — так и вообще совершают сегодня новые научно-гражданственные (легендарные на десятилетия вперед...) подвиги.

== Возможно, в последующей монографической публикации свода всех этих научно-биографических интервью тебе стоит скооперироваться с “Социологическим журналом”... Т. е. хорошо бы объединить в одном томе печатавшееся там и в “Телескопе”; концептуально и стилистически в ваших проектах много общего...

== Теперь — о твоем (совместно с Леней) приглашении меня в ваш симпатичный и созвучный мне — и человечески, и профессионально — “театр” (назову его пока “Социологическая антерприза Б. Докторова”). Ну, во-первых, оно для меня безусловно лестно... А с другой стороны, вызывает некоторые затруднения у меня, хотя бы в качестве автора той самой, только что вышедшей “эпопеи” (2,5 тыс. страниц!) — “о времени и о себе”. Усматриваю здесь опасность “перебора”, хоть и отдаю себе отчет в том, что четыре тома “Драматической социологии и социологической ауторефлексии” никто не прочтет целиком (см. заключительную ремарку в последнем томе), а, скажем, журнал “Телескоп” достаточно популярен в нашей среде.

Напоминаю (скорее самому себе) предложенную тобой “канву” вопросов:

— Как и почему ты выбрал свою профессию? Что, кто повлиял?

— Где и у кого ты учился, кто наиболее сильное влияние оказал на тебя в те годы?

— Твой переход от журналистки в социологию...

— Твои уходы на завод... твоя сегодняшняя оценка тех нестандаотных решений...

— Твое исключение из партии и восстановление членства...

— Твоя оценка исэповской жизни...

— Как сложилась идея драматической социологии...пообольше об этом...и о сути, и о жанре книг...

— Как ты оцениваешь те изменения, которые произошли в нашей науке (организации науки) в последние годы...

В общем весьма адекватные, с моей точки зрения, вопросы!.. И, пожалуй, если бы не лежащие у тебя на столе сине-зеленые томики, любо-дорого было бы отвечать... Но вот как избежать: а) фактологических повторов с тем, что уже изложено другими близкими мне акторами и авторами ленинградской-питерской социологии? б) концептуальных повторов с материалами, представленными мною самим в упомянутой “книжище”? (С другой стороны, надо ли избегать этих “перепевов”?).

Вообще же, не отраженными в известной тебе “ауторефлексивной” книге остался разве что начальный этап профессионально-социологической карьеры автора, что само по себе отнюдь не большая потеря для истории нашей науки...

== Есть и еще одно, чисто личностное обстоятельство. После выхода в свет заключительного тома “Драматической социологии...” автор испытывает некоторую

психологическую опустошенность (вроде той, что была у него на рубеже 80-90-х, после выхода из “эксперимента социолога-рабочего”). И участие в твоем предприятии для меня именно сейчас как бы “несвоевременно”. (Кстати, вероятен большой диссонанс с высокой профессиональной идентификацией других героев; для общей композиции проекта оно, может: и неплохо, но мне-то слишком “исповедоваться” сейчас не хочется).

Короче: по крайней мере на эти темы предпочтительно для меня было бы какое-то время (в предположении, что еще есть запас...) помолчать.

== “Сухой остаток” всего сказанного: **1. Благодарю! 2. Сомневаюсь... 3.** Все же, в знак нашей дружбы, **рискну попробовать** (с Леней, подтвердившим свою готовность выступить в качестве режиссера, в моем случае). Если же у исполнителя “роль” не заладится — простите великодушно! В таком случае постараюсь “выйти из игры” во-время.

Дружески твой
Андр. Алексеев

P. S. Леня! Посылаю тебе копию своего письма Борису. Если тебя не остановят мои сомнения (они представляются мне весьма основательными!), согласен попробовать. Твой А. А. 28.02.2006

***

Письмо Б. Докторова А. Алексееву. Копия — Л. Кесельману (2)

28 февраля 2006 г.

Прекрасно, Андрей, я очень рад, что Леня нашел канал... и Алла – надежный человек. Раз общение возможно, грех не воспользоваться этой возможностью... я прекрасно понимаю твое ощущение опустошенности...я и сам его переживаю (может – преодолеваю ?). Я несколько лет шел к книге, написал – две...и кураж ушел...хорошо, что есть интервью, а то совсем бы пропал в моей деревне.

1.

Так, в жанре твоих книг, вставлю-ка я кусок текста о моей деревне..я недавно написал это для одной из моих «любимых женщин».

...и все же начать надо с городка, иначе не понятно, почему мы за него держимся...Фостер Сити (Foster City) называют жемчужиной Пенинсулы (Сан-Франциского полуострова). Он расположен на 50 минутах езды по национальному фривею 101 к югу от Сан-Франциско, и от него столько же до города Сан Озе (San Jose), расположенного южнее нас. Сан-Франциско – один из финансовых центров Америки, это – ворота в Юго-Восточную Азию. Сан Озе – центр Силиконовой долины, один из мировых центров компьюторной технологии, Интернета.

В Фостер Сити нет никаких производств, только офисы крупных компаний. И бизнесы, которые обслуживают население – 30 тыс. человек и тех, кто приезжает на день работать.

Город – молодой, его 30 лет назад основал дальновидный риэлтр Фостер, стал осваивать пустынный берег Залива. По главной улице города с востока на запад можно пройти минут за 40. Это и есть протяженность города. Центра у нас фактически нет, в центре –большое озеро. Рыбу в нем не ловят (ее ловят в Заливе), но катаются на яхтах, лодках и серфингах.

Дома у нас в основном двух этажные, но есть и повыше. Наша зона сейсмически неспокойная, небольшие дома – деревянные, большие - каменные. В городе есть библиотека, несколько рекреационных центров, магазины, кафе и рестораны, сфера бытого обслуживания...есть католическая церковь, реформистская синагога, сайентистский молельный дом, почта, несколько школ (до 9 класса).... все для жизни, и все рядом...внутригородского транспорта у нас нет...есть автобусы, которые довозят до «101» - 5 минут, до электрички (7 минут), на ней я еще ни разу не катался, до Сан-Франциско (экспесс – 40 минут).. До международного аэропорта на машине 20 минут, можно на автобусе...

Не могу сказать, что город «утопает» в зелени...в целом деревья молодые, к тому же здесь принято их регулярно стричь....потому посидеть в тени нельзя, да такой традиции у нас и нет...при жаре лучше быть дома или в машине с кондиционером...или в магазинах, кафе...зимы у нас фактически нет, но ночью бывает холодно, даже иней иногда появляется...цветы и цветущие деревья практически круглый год...

Мы живем в новом доме, мы въехали лет семь назад в только что построенное здание ... от озера это пять минут хода, до магазинов – три... пешком...

На нулевом (уровень земли) этаже – гараж и технические помещения...

На первом – офис менеджера, очень большой холл и комната, в которой можно принимать гостей, устраивать parties....холл – во всю высоту дома (четыре этажа, не считаю нулевого), квартиры – вдоль стен дома...

Есть лифт, на нем надо подняться на второй этаж...здесь – восемь квартир...одна из них – наша...моя теща, Люся и я...над нами есть еще два этажа.

Входим. Слева - кухня с электроплитой, микроволновкой, холодильником, шкафами....есть стол, за которым трое могут спокойно посидеть....прямо – living room. В ней все стандартно: два дивана, стол, за котором можно принимать гостей, три шкафа книг, один из них заполнен уже американскими книгами, с которыми я работаю, ТВ... Из нее направо комната тещи, налева – наша с Люсей. К ней примыкает совсем небольшая комната (вообще – для хранения одежды и чемоданов) с небольшим окном, из которой я сделал кабинет: стол с компьтором, столик с принтером,абочее кресло...из нашей комнаты выход на балкон...

Думаю, что в Питере у меня была квартира вдвое просторонее, но и в этой можно жить и работать...

Вот и живу, вот и работаю...

2.

Да, конечно, рискни писать... размоешь свою опустошенность...

В последнее время я стал искать в своей жизни знаки судьбы...находятся...когда мы еще фактически не знали друг друга, мы жили на Поварском переулке, на одной лестнице...я – на последнем этаже, ты – парой этажей ниже....Андрей, такие совпадения не могут быть случайными, это я к тому, что мы должны «поговорить» о жизни...

3.

Если ты устал вспоминать, начинай оценивать...

Леня напомнил мне, что одновременно (?) с тобою в рабочие пошли Юра Щеголев и покойный Сережа Розет... для тебя это было драмой (отчасти отсюда возникла твоя драматическая социология), для них – трагедией (я так думаю). Ты был уже не теленком и мог бодаться....они были послабее... как ты оцениваешь сегодня твое телодвижение? Оно было на 100% необходимым, обязательным в твоей ситуации (почему ?) или все же еще был запас сил, чтобы не уходить..

4.

Ты ведь и в те годы, когда восстанавливался в КПСС, понимал, что эта организация далеко не ум и не совесть эпохи...что тебя тогда заставляло тратить силы и прочее, чтобы восстанавливаться? И после восстановления ты сразу вышел. Так?

5.

В Америке добрая половина тех, кто до войны стал социологом, начинали в журналистике или хотели быть журналистами...Дело в том, что пулитцеровская традиция в журналистике мощно толкала к анализу социального, а страсть американцев к миграции имеет не только географическую предметность...

Что тебя, как я понимаю, вполне успешного журналиста, толкнуло в социологию? Ты почувствовал «потолок» в аналитических возможностях советской журналистики? Тебя что-то загипнотизировало в социологии? Тебе не кажется, что в твоих томах «Драматической социологии» ты во многом соединил традиции социологии и нормальной (размышляющей, думающей) журналистики. Во всяком случае, «чистый» социолог не додумался бы до такого жанра....

6.

В последние месяцы я пришел к выводу о том, что все мы жили и работали в пространстве, которое пока называю «социологическим гетто»: максимум внешних ограничений и вынужденных самоограничений. Ядов согласен, но спрашивает, может лучше говорить о «резервации». Пожалуй, Кон, я в начале февраля был в Москве и заходил к нему в гости, согласен с моей трактовкой того пространства. Но, скажем Здравомыслов, пока сопротивляется. Что ты скажешь о той степени свободы, в который мы существовали, и о личном ощущении этой свободы (несвободы)?

7.

К какой философской школе, к какому философскому направлению ты себя относишь? Ты давно исповедуешь эту философскую религию или нашел ее относительно недавно? В любом случае, как ты относишься к марксизму (по-моему, ты один из немногих, кто читал некоторые фотокопии работа Маркса?

8.

Я сейчас, говоря о двух первых поколениях советских/российских социологов, выделяю «шестидесятников» и «шестидесятилетних». Ясно, оба названия, особенно второе, условны. Какое поколение тебе ближе? По мироощущению? Мне представляется, что родившиеся в 1929 году (и вблизи) верили в возможность улучшения социализма, те, кто родился в районе 1941 года – уже в это не верили, родившиеся вблизи 1953 года – считали социализм ошибочным типом устройства общества. Есть ли в таком поколенческом подходе правда?

Может быть, темы обозначенные мною уведут тебя от необходимости повторов сказанного в «Драматической социологии»....но и повторы допустимы, вполне приветствуются...июо это авторские повторы.

Рад всегда твоим весточкам, Боря

***

Письмо А. Алексеева Б. Докторову. Копия — Л. Кесельману (2)

3-5 марта 2006 г.

Дорогой Борис!

1.

“...Так, в жанре твоего письма, вставлю-ка я кусок текста...” (признаться, в отличие от тебя, специально по этому случаю написанный) в настоящий ответ на твое замечательное письмо, начинающееся словами: “Прекрасно, Андрей, я очень рад...”.

Иногда я задумываюсь: не является ли всякое творчество — поиском Адресата, которому если и не нужно твое послание, то по крайней мере для тебя “кстати” его

отправить ему (как тебе, например, оказалось кстати, отправить мне свое эссе о городке Фостер-Сити — “жемчужине Сан-Франциского полуострова” — и о твоем доме там). Иначе говоря, в известном смысле: **творчество = познание = общение** (см. обоснование триады “творчество — познание — общение”, которую сам Р. Баранцев согласился считать системной, в разделе 6.5.тома 1 известной тебе книги “Драматическая социология и социологическая ауторефлексия”).

(...На этот источник в дальнейшем еще буду ссылаться — в нескромном предположении, что “все там уже сказано...”, и в скромной надежде, что по крайней мере данный, пришедший на память автору-комментатору фрагмент его произведения адресат найдет и прочтет...).

2.

...Так что же за “кусок текста”?.. Но сначала еще один “отсыл”: в том же томе 1 упомянутой книги раздел 3.7 начинается с описания интерьера “кабинета” социолога-рабочего в цехе № 3 завода “Ленполиграфмаш”, которое чем-то напоминает (ах, это “твое” описание напоминает “мое” — да не все ли равно, кто кого напоминает!..) вышеупомянутую твою зарисовку с резюме: “Вот и живу, вот и работаю...”.

Почитав указанный пассаж дальше, ты поймешь, что вот на том самом полимерном листе, в качестве стола, в часы вынужденного простоя станка ПКР КО-120, занимался социолог-театровед-наладчик кодированием тех самых анкет (в том числе и “Спектакль глазами театрального критика”) которые именно ты на какой-то ЭВМ в каком-то институте (отнюдь не в ИСЭПе!) нелегально обрабатывал на предмет факторного и прочих способов мат-анализа, упоминаемых в твоем ауторефлексивном интервью 2005 г.

Вся эта фраза закручена для того, чтобы напомнить, что в “похожих” интерьерах, в сходных по внешнему рисунку действиях (см. там у меня: хоть штамповка на ПКР, хоть кодирование анкет — трудовые процессы, имеющие кое-что общее по “темпу” и “стилю”...) происходит нечто ЕДИНОЕ, образующее ЖИЗНЬ — хоть твою, хоть мою, — нашу! — здесь и там, вчера и сегодня, присно и во веки веков...

...В отличие от НЕ-ЖИЗНИ (хоть научной, хоть обывательской; хоть политической, хоть театральной; хоть Владимира Владимировича - ТМ, хоть — жалко подбирать к этому персонажу более или менее приличную “пару”, точнее — “оппозицию”)...

3.

Ты заметил — в каком стиле (духе...) все предыдущее написано? В стиле “Писем Любимым женщинам”!.. То-то! Это Ты меня сподвиг... Давно уж так не резвился! А еще (способствовала...) бутылка “Портвейна 13” (не прикасался к этому вредному продукту 20 лет; уже почти антиквариат!..).

...В недавно врученном тебе томе 3 “Драматической социологии...” не без бахвальства приводится “запись для памяти” из заводской жизни: раздел 12.4, датированный “вечером <u>того же</u> (что и описываемые события) дня, 18.04.86”. А рассказывается в нем, среди прочего, о том, как вот нынче по “полтора стакана” пришлось заглотнуть нам с “Бугром” (бригадиром Толиком), по случаю ухода в отпуск слесаря Васи, поскольку самому Васе — после стакана белого — “больше не надо”, а Мише (ныне покойному...) — “больше нельзя” (это я цитирую; и клянусь: вставляя потом ту дневниковую, “по горячим следам”, запись в книгу, никак не редактировал...).

Вот и сегодня устроил сам себе тест на координацию мыслей в подпитии... Однако не претендую на лавры Венички Ерофеева — ни в алкогольном, ни, тем более, в литературно-художественном и философском планах. Тем более — в свои скоро 72. (Уж новых “высот” не взять... На прежних бы удержаться!).

4.

И все же... О чем, бишь, я? (Пишу уже на следующий день, 4 марта).

...А обещанный мною “кусок текста” — он про то, что вот вчера ездили мы с моей дочерью Олей (1960 г. рожд.; эта она выросла на втором этаже дома 13 в Поварском переулке; а ты, оказывается, жил тогда на четвертом, а на третьеи, по легенде, когда-то живал Тургенев...) в Красное Село (Оля теперь живет на пр. Ветеранов 154, т. е. в Красносельском районе), на суд, где слушалось дело “об установлении факта, имеющего юридическое значение” (есть такая, не очень распространенная категория гражданских дел так называемого “особого производства”...).

Дело в том, что, закончив в свое время биолого-почвенный факультет ЛГУ и получив, таким образом, как в любом университете, высшее “педагогическое образование”, Оля в середине 90-х — будучи вовлечена и увлечена проблемой воспитания собственных детей (поначалу именно их...) — получила еще дополнительное “специальное образование” в так называемом ТОО “Союз педагогов”, выдавшем ей диплом “логопеда, преподавателя логоритмики”. И вот теперь в качестве учителя-логопеда работает моя дочь в одном из детских садов в районе Автово, скоро уже 10 лет. Специальность эта ей нравится и достигла она в ней за не столь уж продолжительное время успехов, думаю, побольше, чем ее родитель в своей — за куда более длительный срок. Достаточно сказать, что на базе личного педагогического опыта и творческой фантазии сочинила и выпустила Ольга Новиковская в пяти разных питерских издательствах ни много ни мало 16 книг для детсадовских работников и родителей, типа “Логопедической грамматики” (серия из трех выпусков, для детей 2-4, 4-6 и 6-8 лет), “Логоритмики”, “Развивающих игр...” и “Конспектов комплексных занятий с детьми 4-5 лет”... Некоторые из этих книг продаются аж в киосках метро.

В общем в своей профессиональной сфере Оля едва ли не знаменитый, ну — во всяком случае востребованный человек.

При всем том, она в этой сфере как бы “беззаконная комета”, поскольку “авторитетного” логопедического образования (которое можно ныне получить в Питере только в Педагогическом институте им. Герцена, причем за несколько лет и за большие деньги) не имеет. И лишь “в порядке исключения”, по совокупности своих заслуг, получила она в 2002 г. 1-ю профессиональную категорию (чему соответствует 13-й тарифный разряд), хоть вполне могла бы претендовать на категорию высшую.

Ситуация этакой статусной дискриминации усугубилась с переводом (с начала этого года) специализированных детских садов (в одном из которых трудится Оля) из системы здравоохранения в систему народного образования, где особенно высоки требования к наличию “профилирующего образования”. И вот Оля, обеспокоенная своими перспективами, затеяла прояснять “меру легитимности” своего специального образования.

Тут надо сказать, что обучаться в ТОО “Союз педагогов” Оля пошла в 1995 г. не сама по себе, а по направлению службы занятости (биржи труда), где она тогда состояла на учете. Служба занятости даже выплачивала ей в “период переобучения” какую-то грошовую стипендию... Т. е. государство как бы брало на себя ответственность за то, что человек получит специальную подготовку, открывающую ему дорогу для работы по данной профессии. Но, как и большинство наших государственных гарантий, эта — оказалась весьма ненадежной! (Характерно, что почти никому из тогдашних Олиных соучениц работать логопедом не довелось — их в лучшем случае принимали в детские сады, на наинизшую ставку, рядовыми воспитателями, для чего вовсе на надо было никаких специальных дипломов).

Однако формально для “благополучного существования” (не говоря уж о карьерном росте...) логопеда и некоторых других категорий работников дошкольных учреждений, согласно действующим в системе наробраза рекомендациям и инструкциям, необходим объем “специальной подготовки” не менее1000 учебных часов. Оля же в свое время проходила специальное обучение в течение порядка 40 недель, при пятидневной учебной неделе, с шестичасовой загрузкой каждый день. Нетрудно подсчитать, что около 1200 часов ее “учили”. Вот для констатации этого элементарного факта Оля и запросила обычную архивную справку. Не тут-то было!

Дальше — ситуация, которая в терминах моей “драматической социологии” называется **моделирующей.** (См. об этом хотя бы предисловие к известной тебе книге, в томе 1; что касается иллюстраций, то все “Письма Любимым женщинам”, да и последующие дневники социолога-испытателя 80-х гг., включенные в эту книгу, ими переполнены). С той лишь разницей, что “нормальному человеку” (не социологу и т. п.) не надо моделирующую ситуацию “выстраивать”, точнее говоря — “достраивать” до таковой. Моделирующие ситуации у нас повседневно сами выстраиваются, социологу достаточно ее усмотреть и высветить.

...Оказывается, где-то в конце 90-х гг. товарищество с ограниченной ответственностью “Союз педагогов” прекратило свое существование, однако тут же было учреждено негосударственное образовательное учреждение “Союз педагогов”, причем с теми же директором, административным персоналом и т. д. Но... без правопреемства! В силу последнего обстоятельства, архив ТОО в НОУ отсутствует. В соответствующие гос. архивы архив ликвидированного ТОО, как выяснилось, не поступал. (Непорядок, но спросить вроде не с кого...). Соответствующие архивные документы службы занятости (включающие договора о переобучении), оказывается, ликвидированы, на законном основании, по истечении 5 лет хранения.

(Любой из сообщенных мною сейчас фактов пришлось подтверждать документально, чтобы суд принял дело к рассмотрению).

...Вообще говоря, тут действует “схема”, по которой в выигрыше все (чиновные и не чиновные лица...), кроме тех фактически обманутых клиентов биржи труда, коих направляют на переобучение, потом якобы обучают, потом оспаривают их дипломы, тем самыми понуждая их реабилитироваться заочным обучением в педвузе (если у них на это хватит сил и денег). И не так даже возмутительна эта схема, как обыденна (характерный признак “моделирующей ситуации”).

(Еще интересно, что если 9 лет назад упомянутое ТОО еще, похоже, и впрямь обучало своих студентов в объеме свыше 1000 часов, то вот теперь лицензированное НОУ обучает их в течение заведомо меньшего количество часов, что также подтверждается документально; тем не менее служба занятости продолжает туда людей направлять; в итоге — и органы власти, и учебные заведения “при деле” и с того “кормятся”).

Ну, это общая оценка ситуации. А в данном случае бывший директор ТОО, а ныне — НОУ “Союз педагогов”, некто Р., поначалу неосторожно подписавший выданную Оле справку о том, что она закончила лицензированные курсы по специальности “Логопедия” в возглавлявшемся им заведении в 1996 году, при количестве учебных часов 1040, — потом спохватился и заверить ее печатью своего НОУ отказался (ведь отношения правопреемства между ТОО и НОУ нет!).

Вот и пришлось Оле подавать в суд — да не иск (к кому? не к кому, кроме разве что всей системы...), а именно заявление об установлении факта, имеющего юридическое значение, который в каком-то смысле определяет ее дальнейшую профессиональную судьбу.

В итоге сбора и предъявления документов в суд, а также различных юридических и не юридических консультаций выяснилось, что судебные органы так же не заинтересованы устанавливать данный жизненно важный для гражданки Новиковской факт, как другие причастные организации не заинтересованы его подтверждать или оспаривать. В общем сложилась ситуация как будто безнадежная для заявителя, хоть и удалось добиться (со второй попытки), чтобы дело было принято к производству.

Гражданин, не искушенный ни в законах, ни в обычных нормах (практике) их применения (нарушения...) хотя бы теми же самыми судебными органами, как правило, претерпевает в этих коридорах кафкианские страдания. Нанимать адвоката нормальным людям, как правило, не по средствам (разве что выигрыш дела сулит большие деньги, от которых юристу потом отстегнется). Простое, разовое присутствие адвоката на суде является несоразмерно с результатом дорогим для клиента удовольствием (здесь опускаю суммы и таксы, в частности, “почасовой” оплаты).

Интересно, что юридически корректный язык, которым простой гражданин, понятно, не владеет, органично включает в себя бессмыслицы и неграмотности, которые “всех устраивают”. Еще замечу: разнообразные ведомственные и “вневедомственные” юристы (к которым Оля обращалась) сплошь и рядом давали противоречивые и заведомо неграмотные рекомендации (чтобы убедиться в последнем, достаточно было заглянуть в гражданский или гражданско-процессуальный кодекс). Юристы, особенно при разовых консультациях, сплошь и рядом — порой нечаянно, а порой и намеренно — “подставляют” своих клиентов.

В итоге был “нанят” Олей в качестве “адвоката” я сам. Получив в нотариальной конторе соответствующим образом оформленную доверенность (это стоит порядка 400 руб.) любой гражданин может представлять в суде интересы другого — со всеми теми же обязанностями и правами, что и профессиональный адвокат. Вопрос — как он сумеет этими правами воспользоваться и насколько будет эффективен.

Если в период моих “приключений социолога-испытателя” для меня подобные авантюры были едва ли не профессиональным “хлебом”, то сейчас никакого азарта и удовольствия от них я не испытываю. Это, как говорится, от нашей бедности, в порядке выживания и только “по жизненным показаниям”.

Среди осознаваемых мною собственных жизненных правил есть такое: решая определенную жизненную задачу (игра на выигрыш...), делай так, чтобы нельзя было себя (тебя...) упрекнуть, что эта задача не решена (ты проиграл...) в силу собственного разгильдяйства. Всегда жаль собственных усилий, затраченных на решение задачи, если дело сорвалось из-за твоей же небрежности и непредусмротрительности.

Сейчас не придумывается “максима” (типа тех, что в приложениях к части 2 в томе 2 “Драматической социологии...”), как это сформулировать емко и красиво. Но сама эта мысль далеко не тривиальна и не общепризнана. По счастью, в этой жизненной позиции мы с дочерью вполне созвучны.

(Ах, вспомнил свой собственный лозунг “интернала”: “Если у тебя украли кошелек, значит — ты его плохо положил”. В отличие от логики “экстернала”, у которого всегда “вор виноват” или кто-нибудь еще. Это не совсем то, о чем сказано выше, но близко к тому).

Что мы к этому суду недостаточно готовились — никак нельзя сказать. Мною были разработаны распределение наших с Олей ролей (участие представителя не исключает возможной активности доверителя) и подробнейший сценарий. Но самое трудное было — предусмотреть возможные отклонения от сценария, которые могут произойти (и, разумеется: произошли!) в силу того или иного поведения судьи или изменений обстоятельств вроде неявки свидетеля и т. п. Т. е. сценарий получался “ветвящимся”, как исторический прогноз.

(Разумеется, невозможно предусмотреть все, но в поворотах событий для тебя не должно быть абсолютных неожиданностей).

Все пять заранее заготовленных ходатайств с нашей стороны оказались приняты судьей В., отчасти — в силу психологически хорошо рассчитанного и логически выстроенного порядка их подачи, а также точного обоснования каждого. Удалось “заставить” судью вникать в суть дела, вместо напрашивавшегося и уже даже прозвучавшего там: “А зачем вам это понадобилось, ведь вас же никто не увольняет и аттестация, где могут повысить или не повысить категорию, состоится только через год!”.

Дело рассматривалось 45 мин. (больше нормы!), после чего было отложено. Не отложенным быть не могло, поскольку до этого судом было удовлетворено ходатайство о повторном вызове не явившегося свидетеля (того самого отказавшегося заверять свою подпись “бессменного” директора ликвидированного и возродившегося “Союза педагогов” Р.; теперь ему предстоит подтвердить в суде то самое, под чем он уже успел подписаться). На следующее заседание суда (оно состоится в конце марта) будут приглашены и еще трое свидетелей.

К делу была приобщена восторженная (так! ; составленная и подписанная заведующей специализированным детским садом № 362 от души) характеристика

логопеда Новиковской О. А. с приложением полной библиографии ее опубликованных трудов (впечатляет!).

Приложена к делу (в соответствии с нашим ходатайством) и копия личного письма О. Новиковской бывшему и нынешнему директору “Союза педагогов”, отправленного ею с подачи главного юриста городской службы занятости (по-видимому, озабоченной перевести стрелку ответственности за сложившуюся ситуацию на учебное заведение), в котором (письме) автор блефует: мол, мне придется обратиться к вам с иском о принудительном ежемесячном взыскании с вас разницы между моей нынешней зарплатой и той, которая может возникнуть при отсутствии официального подтверждения указанного вами в не заверенной, но подписанной архивной справке количества учебных часов.

(Вообще, это была “подстава” ведомственного юриста, в чем мы не сразу разобрались. Но судья, по счастью, не возразила. Я же читал это письмо намеренно невыразительно, демонстрируя лишь, что моя доверительница “пойдет до конца”; а зачем судье еще новое обращение в суд, пусть и безнадежное? Не проще ли решить дело уже сейчас, если доказательств достаточно...).

Какие-то еще дополнительные запросы для укрепления доказательной базы суд определил направить: кажется, в гос. архив и аж в налоговую инспекцию. Выдано соответствующее поручение “заинтересованному лицу”, каковым выступал Комитет по образованию Правительства СПб, в лице какой-то своей сотрудницы. Та вроде заинтересовалась необычным учителем-логопедом из Кировского района, предложила Оле ей позвонить для организации консультаций или экспертизы по ее “статусным” и аттестационным делам.

Вот так мы с моей дочерью боролись за ее “место под солнцем”! По крайней мере, на данный момент не безуспешно... Я чего “ностальгический” портвейн (Зина говорит — ядохимикат!) вздумал потом употребить! Это же радость: мы пока не проиграли...

Оля на “вопросы суда” отвечала толково. И даже на какое-то замечания судьи по поводу вставленной в ее речь “подставы” юриста службы занятости, нашлась сказать, что не искушена в юридических правилах и рассчитывает, что суд сам примет то решение, какое надо.

Чтобы тебе была ясна мера моей “адвокатской изощренности” (отчего же не похвастаться перед доброжелательным читателем!) приведу три эпизода судебного разбирательства.

== Я: — С учетом присутствия здесь представителя Комитета образования, прошу суд приобщить к делу служебную характеристику моей доверительницы...

Судья: — Зачем это, какое имеет отношение к делу?

— Это чтобы показать, что О. А. не зря училась в ТОО “Союз педагогов”, что ее хорошо там выучили.

(Ходатайство принято).

== Представитель городского комитета по образованию заявляет (поначалу), что не нужно судебного разбирательства: аттестация еще впереди, достаточно проконсультироваться в комитете...

На что я возражаю: — Допустим, вы или кто-то из ваших экспертов заверит мою доверительницу, что все в порядке, к уровню ее образования никаких формальных претензий нет. Но где гарантия, что ваш консультант через год не окажется в другом месте и не придет другой, который посчитает иначе?

== И еще одно почти правозащитное заявление:

— Пусть даже ничто моей доверительнице не грозит. Но ведь человек имеет право знать, сколько же на самом деле часов его обучали...

(Не подумай, что я так остроумен и находчив. Это все в общем-то “домашние заготовки”. Важно было предусмотреть повороты дела, при которых та или другая может понадобиться, а может и нет).

Пожалуй, вчерашний день включает самый большой мой “судебный” успех (разумеется, промежуточный...) после выигрыша дела о защите чести и достоинства у

секретариата Советской социологической ассоциации в 1986 г., с которого, собственно, началась идеологическая (хоть предмет судебной защиты и был по видимости идеологически нейтрален) реабилитация опального социолога-испытателя. (См. главу 13 в томе 3 “Драматической социологии...”; ну, этот мой сюжет ты, наверное, помнишь; сейчас он в книге неплохо, с интригой, выстроен).

...Конечно, “цыплят по осени считают”... Окончательный итог придется подводить в конце марта. Но даже если он будет отрицательным, мы с дочерью не сможем себя упрекнуть, что не сделали всего от нас зависящего.

5.

Таково мое *судебно-экзистенциальное отступление* (может в сторону, а может — в самый центр интересующей тебя моей “философии жизни” и предмета нашего “разговора о жизни”)

...В самом деле, сколько можно говорить, лучше будем разговаривать... Сверхценность ДИАЛОГА я лет 20 назад концептуально осознал благодаря Роману Ленчовскому — и непосредственно, и через прикосновение к впервые открытому им для меня эпистолярному наследию А. Ухтомского (особенно — его “доминанта на Лицо другого”; см. об этом в главе 6 и приложениях к ней в томе 1 “Драматической социологии...”).

Предложенный мною тебе “кусок текста...” забрал не так уж мало времени (да и места...). Чтобы отправить это письмо через Аллу во вторник, я сейчас успею в лучшем случае откликнуться только на пункт 3 твоего последнего письма.

6.

...Не одновременно, а раньше меня “пошли в рабочие” Юра Щеголев (годом раньше меня) и Сережа Розет (несколькими месяцами раньше...). Еще из нашего круга — Анри Кетегат (живший тогда уже не в Питере, а в Вильнюсе), которого на несколько месяцев опередил я.

(Все трое являются настолько значимыми для меня “сквозными” героями и соавторами “Драматической социологии...”, что не отсылаю здесь к отдельным главам и страницам этой книги. Нынче, в январе собирались вместе: у дочери Зины: мы с Зиной, Анри, Юра, вдова Сережи — Иза; а еще — Анатолий Гаврилович Солипатров, тоже один из героев и соавторов “Драматической социологии”; см. о нем и его тексты в разделах П.5.3 в томе 1 и П.12.1 в томе 3).

...То был довольно немногочисленный “исход” из социологов в рабочие на рубеже 70-80-х гг., именно экзистенциальный исход, подобный миграции в сторожа и операторы котельных части литературно-художественной интеллигенции, явление — очень характерное, в частности, для Питера. Ни о каких ё, профессионально-социологических мотивах у моих друзей, (“социологов-рабочих”) говорить, думаю, не приходится. Что же касается меня, то, при большей чем у них “встроенности” в научно-институциональную среду, так называемый исследовательский мотив был для меня скорее идеологическим “прикрытием”. А “под ним”, в личностном ядре — тот же кризис профессиональной и — шире — “беловоротничковой” идентификации, ну и поиск новизны, может быть, авантюризм, достаточно пОзднее (в 1980-м мне было как-никак 46) “самоиспытание”, пожалуй.

Сейчас стоит, наверное, об этом заявить со всей резкостью, пусть с риском несколько подмочить легенду об “эксперименте социолога-рабочего” и т. д.

Ядов предложил мне в 1980 г., коль скоро так уж круто я нацелился в рабочие, совместительствовать в ИСЭПе. Согласившись (не без материального интереса...), я “обрек” себя на продолжение социологической карьеры в новом качестве. К тому же совмещение столь разных “испостасей” в одном лице щекотало самолюбие. Тут была моя личностная и профессиональная особенность, по сравнению с моими друзьями (рабочими из социологов).

Дальше. Не только у Юры, Сережи и Анри, но даже и у меня не было установки на “вызов Системе”. Просто люди, достойные уважения и сами себя уважающие, живут

как хотят, а систему это “раздражает”, и она начинает их “доставать” (слегка или всерьез). Тогда человек иногда (это я про себя...) начинает “огрызаться”... Дальше — по тексту “Драматической социологии...” (тома 2 и 3). Ну, это в общем не требует дополнительных разъяснений.

Мне хотелось бы энергично возразить тебе насчет того, что Юра и Сережа были якобы “послабее”... и в этом их трагедия. Трагична, конечно судьба Сережи, но в силу именно ранней кончины (1940—1994), а не в силу сделанного им на рубеже 70-80-х гг. жизненного выбора. Просто мы привыкли относить публичный конфликт с системой или профессиональные (в частности, в сфере науки) успехи, вообще — те или иные формы “внешней” самореализации, к настоящим, единственно значимым жизненным достижениям. Но для моих друзей главным было нечто другое. И хотелось бы думать, что и для меня тоже.

Был ли для меня тогдашний уход “обязательным”? Думаю, он был своевременным, не с точки зрения давления внешних обстоятельств, а из внутреннего расположения души и состояния духа. Можно еще сказать, что это было актом поиска свободы (или — скромнее — обретения относительной независимости).

7. Итак, тогдашний уход из социологов в рабочие (как и уход из журналистов в рабочие двадцатью годами ранее) если и был экспериментом, то скорее (больше...) жизненным, чем профессиональным. Но и тут уместно сказать: “Суди себя сам!”. Все же одно автоцитирование из “предисловия” к “Драматической социологии...” здесь себе позволю:

> “...Там, где “социологу-наладчику” в его профессионально-жизненном эксперименте мнились по преимуществу **жизнетворчество**, активная адаптация, подчинение себе обстоятельств, — теперь, как бы между строк, словно симпатические чернила: проступают также и... характерные черты приспособления, ситуационной зависимости, подчинения себя обстоятельствам! Сам же эксперимент социолога-рабочего (самодеятельная акция!) обретает новый смысл. А именно: он оказывается способом (или формой) самосохранения (внутриличностного и не только...), своего рода **выживания**, “вынужденной инициативы”: предстающей уже не только тактикой социального поведения: но и жизненной стратегией.
>
> ...По большому счету, обсуждаемый опыт социолога-испытателя следует трактовать не в качестве акта профессионального или жизненного “подвижничества” <...>, а всего лишь как **ограниченную условиями исторического места и времени попытку жизненного самоосуществления человека.** Причем ключевые смысложизненные вопросы, к решению которых была устремлена эта попытка: в пределах данного эксперимента, как такового, оказались для автора не разрешимыми” (А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1. СПб.: Норма, 2003, с. 34-35).

8. Спрашивается, а как же исследование “глазами рабочего”, “наблюдающее участие” и прочие методические (методологические?) изобретения, вроде даже в учебниках теперь упоминаемые? А никак! Наложились смысложизненные авторские поиски на некоторые актуальные тенденции современной социологии (феноменология, акционистские методы и т. д.). Вот и получился какой-никакой “научный вклад”. Все зависит от ситуации, контекста, а также от того, “как посмотреть”. (Впрочем, в этом пункте, пожалуй, слишком сильное утверждение!..).

9. И последнее замечание в этом письме.

Все сказанное здесь (на эту и, возможно, будущие темы), вовсе не ревизует, а с другой стороны, никак не итожит то, что мне приходилось говорить и писать о себе в последние 15-20 лет. Это лишь уместное приложение, дополнение, примечание, в

данном случае — к истории своих “профессионально-статусных” переходов. Еще один ракурс... Вариация на тему... Ты беглым замечанием в пункте 3 своего письма дал для этого повод.

К твоим пунктам 4-8 обращусь в другой раз.

Твой Андр. Ал.

5 марта 2006 г.

***

Письмо Б. Докторова А. Алексееву. Копия — Л. Кесельману (3)

8 марта 2006 г.

Андрей, буду считать, что этот текст – это не только ответ на твое письмо, но и продолжение моего (от 28 февраля 2006 г.). Соотвественно, в нем нумерация параграфов начинается с 9.

9.

Это прекрасная идея, писать после портвейна, на местном наречии «Порто». Сразу видна родина этого благородно напитка, Португалия. Вот чего у нас нет, так это ни 13 (в Америке это число не используют даже в лифтах, т.е. при нумерации этажей), ни «777». Я здесь постепенно привыкаю к Текиле, это мексиканская (перуанская) водка из кактусов, «кактусовка». Она зеленая, так что точно «зеленый змий». Она будет чуть покрепече водки, но помягче, если не покупать совсем «сучок». И Веничку ты верно вспомнил...когда мне грустно и есть время, я его перечитываю. Достаточно прочесть пару страниц, и на душе легче...

10.

Эпопея с Олей показывате, что ты форму не растерял, что не может меня не радовать. С другой стороны, все тобою описанное говорит, что форму и нельзя терять...все как было, так и есть...может даже покруче...

11.

Ты пишешь: «Иногда я задумываюсь: не является ли всякое творчество — поиском Адресата». Да, является, ты в этом на 100% прав. Часто бывает важнее отправить письмо, чем получить ответ (но и ответ приятен)...я об этом несколько раз писал Голофасту...Триада: творчество = познание = общение всесильна, потому что она верна. И заявление о том, что диалог – сверхценен – это развитие триады.

12.

Я пока не хотел бы обсуждать вопрос о том, была ли то трагедия для Юры и Сергея...буду думать. Но если исходить из того, что они готовили себя к иному и, в чем можно быть уверенным, были готовы к большему, то вопрос о том, была ли то трагедия, все же остается...а была ли трагедия в уходе в кочегары? Цой, Шевчук – единицы, кто прорвался....уверен, что в кочегарах были и ребята, не уступавшие ни талантом, ни чувством времени им...

Если у тебя есть электронная почта Юры Щеголева, пожалуйста пришли мне ее или попроси Юру написать мне: bdoktorov@yahoo.com

Для значительной части ушедших то была трагедия...Я думаю, что вынужденный отъезд из страны Бродского, Довлатова, Шемякина спас их ...

13.

14.

Я хотел бы, чтобы тот уход был поиском свободы... (ты так допускаешь). Да свобода – это великое чувство. Я в последние пару лет осознал это в полной меру...думаю, что рост производительности моего труда это следствие ощущения свободы... в выборе тем, в их интерпретации, в общении, в перемещении в информационном пространстве...

Но нашли ли наши друзья эту свободу? Если да, то хорошо...

15.

Не далее как вчера я получил длинное письмо от Димы Шалина...он активный читатель моих интервью. Я пишу ему по-русски, он отвечает по-английски. По сути в приводимом фрагменте та же (почти) идея, воспринимавшаяся многими, Дима обозначает ее словами: «Выжить была их сверхзадачей». Может быть и он прав?

... Yadov, Levada, Kon belonged to the generation of funding fathers. The disciplinary boundaries when they started were vague, the hopes were high and opportunities many. The very social structure of the 60's was conducive to creativity. Their students came of age in the 60's, but their professional socialization was colored by the reaction that set in the late 1960's. The younger generation witnessed the brutalization of Levada, the roughing of Yadov, the troubles with Shchedrovidsky and Grushin, and they had reasons to expect the worst. Survival was their sverkhzadacha, not breaking the new grounds.

16.

Новые вопросы не шлю поскольку у тебя еще есть фронт работы.

Боря

***

Письмо А. Алексеева Б. Докторову и Л. Кесельману. (3)

11-12 марта 2006 г.

Дорогие Борис и Леня!

Вообще-то, по существу я и предыдущие письма обращал к Вам обоим, а уж теперь, получая реакцию как от Бориса (по электронной почте), так и от Лени (по телефону), правильно будет так и обозначить адрес третьего письма.

Правда, некоторые вопросы ко мне пока формулировал только Борис. Поскольку они все равно не претендуют задать некую биографическую рамку, и отвечаю я на них "как Бог на душу положит", не выстраивая в какой-то хронологической последовательности или тематической логике, то желательно было бы пополнение также и Леней копилки вопросов (вообще или по ходу моих ответов на уже имеющиеся).

Короче, мое "ауторефлексивное интервью" в любом случае получается импровизационнным и "а-системным", что облегчает мне этот труд и, надеюсь, поможет избежать некоторых опасностей чреватого также и лукавством жанра.

1. Сначала, несколько слов об отклике Бориса.

Выражение "форму не растерял...", пожалуй, комплиментарно. Как я понял, речь идет скорее о практике взаимоотношений с социальными институтами, чем о какой-либо иной форме (профессиональной, литературной...). Но о какой бы "форме" речь ни шла, должен признаться, что все то, что раньше делалось "играючи", теперь — не без усилий, как бы с натугой.

Насчет "поиска свободы" применительно к Сереже, Юре, Анри, да и ко мне, на рубеже 70-80-х гг. — это <u>так и есть</u>, по крайней мере именно так нами самими тогда

осознавалось. Сужу не только ретроспективно, но и нахожу подтверждения в собственных дневниковых записях , включающих также и высказывания, например, Сережины (см. разд. 1.4 в томе 1 “Драматической социологии...”). Хоть, понятно, что в новых условиях просто формы несвободы другие, зато избавляешься от самых для тебя нетерпимых...

(Боря, Леня! Если вас начнут раздражать эти мои постоянные “отсылы” к 4-х томнику, скажите! Остановлюсь...)

...Собственной электронной почты у Ю. Щ. нет. Как нет и компьютера.

2. Пожалуй, сейчас будет кстати высказаться на выдвинутую Борисом тему о “социологическом гетто”. Выдержка из письма Д. Шалина, которую Борис приводит, в общем тоже об этом.

“Гетто” ли, “резервация” ли, это предполагает, что вокруг — иной (не огороженный? открытый? свободный?) мир. В таковом ограниченном пространстве могли себя чувствовать советские социологи относительно мировой профессиональной среды. Но при минимуме знаний о ней, у большинства (рядовых), пожалуй, не было и ощущения изолированности. А “внутри”, думаю, социологам было не лучше и не хуже, чем всем другим гуманитариям, разве что сильнее зависимость от партийных органов. А в силу относительно позднего становления этой отрасли, уже не успели социологов коснуться ни “борьба с меньшевиствующим идеализмом”, ни “борьба с космополитизмом!”, ни “борьба с мухолюбами-человеконенавистниками”, а в худшем случае — обвинения в подверженности влияниям “буржуазной общественной науки”...

“Гражданские казни” или “вынужденные отставки”, которые коснулись некоторых ведущих социологов, все же не были запретом на профессию или отправкой в ГУЛАГ. А ко времени “перестройки” все так или иначе “отодвинутые в тень” лидеры нашей социологии оказались еще полны творческих сил. Я бы сказал, что если не советской социологии, как таковой, то ее первопроходцам и их непосредственным ученикам относительно повезло.

Другое дело, насколько, по гамбургскому счету, существенными были как собственно научные достижения, так и общественные эффекты социологии в СССР. Было бы неправильно их принижать, но не следует и переоценивать. Признать собственную второстепенность, маргинальность в мировом научном процессе или же сервильную (будь-то в идеологическом, будь то в прикладном плане) общественную роль — не просто. На критическое отношение к пройденному пути отваживаются далеко не все авторы сегодняшних мемуаров.

Скажу о себе. Помнится, на рубеже 80-90-х гг. мне довелось просмотреть архив собственного журналистского творчества 50-х — 60-х гг. Я испытал чувство настоящего стыда! (Некоторые характерные образцы “воспевания” бригад коммунистического труда и т. п. приводятся в томе 4 “Драматической социологии...” — приложения к главе 22). Лишь на самом излете своей журналистской карьеры (середина 60-х) удалось продвинуться к журналистике, которую с грехом пополам можно назвать проблемной.

Из моего собственного <u>социологического</u> “наследия” конца 60-х — 70-х гг., по правде говоря, тоже похвалиться особенно нечем. Ну, попытки построения марксистской (и впрямь таковой!) теории массовой коммуникации, за которые чуть было не вылетел из аспирантуры факультета журналистики ЛГУ (вторая половина 60-х), кои, строго говоря, были метафизической спекуляцией, с некоторыми элементами “фиги в кармане”. Потом — кое-что из социологии потребления, из социологии культуры, из социологии труда, из социологии жизненного пути... Несколько социологических экспедиций (последняя была на БАМ, уже из ИСЭПа). Увлечение методолого-методическими сюжетами...

Знаете, если бы составлять личное “социологическое избранное” из работ того времени, то кроме пары статей по проблемам контент-анализа, некоторых отчетов исследовательской группы “Социология и театр”, ну, может, еще пары популярных публикаций в соавторстве с С. Минаковой по социологии личности, да конспекта

доклада “Образ жизни и жизненный процесс” 1981 г. (тогда уже на заводе работал; см. раздел 6.1 в томе 1 “Драматической социологии...”) — и не нашел бы чего туда включить стОящего. Остальное — сегодня кажется безнадежно устаревшим.

(Правда, есть одно утешение у автора, листающего пожелтевшие страницы: “А ведь для того времени я был не так уж глуп!”).

Так что же это за глухое и душное время, давшее, “если приглядеться честно и строго...”, не столь уж дружные и очень разнокачественные всходы, в частности, на социологической ниве? (Оговорю, что бросать тень на выдающиеся пионерные социологические проекты и труды, например, Грушина, Шубкина, Ядова, Гордона, Заславской — я вовсе не собираюсь). Внешняя несвобода — да! Давление из ЦК, из Смольного, из райкома партии — да! (Мнение рядового инструктора райкома — для научного сообщества закон...). В частности, отсюда неимоверные траты времени и сил на бессмысленную адаптацию процесса и результатов собственно-научной работы к институциональным требованиям (особенно — идеологическим, но и не только...). Наконец, собственная внутренняя скованность, постоянная автоцензура. Да и ограниченность кругозора у многих...

(Пожалуй, добавить что-либо существенное к тому, что уже сказано об этом, например, в историко-социологических лекциях Бориса Фирсова и в мемуарах наших научных учителей я здесь не смогу).

...Сектор Ядова в Институте социально-экономических проблем поначалу назывался “сектором социальных проблем личности и социалистического образа жизни”. Не Ядовым, понятно, придумано, а так было записано в Приложении к постановлению Президиума АН СССР от 29 мая 1975 (о создании ИСЭПа), предписывавшем определенную структуру секторов и отделов. Ну, еще при первом директоре Г. Черкасове формулировка названия имела не такое уж большое значение. Большинство научных коллективов сохраняло тематическую и кадровую преемственность с “доисэповской” ситуацией. Когда же наступило директорство И. Сигова, пошла чехарда перетряски кадров, переструктурирований и переименований научных подразделений. Сектору Ядова предстояло переименоваться в “сектор образа жизни в крупном городе”, что грозило полным вытеснением из научного плана “исконно-ядовской” проблематики личности.

Недавно мне попалась на глаза копия собственной “служебно-личностной” записки, адресованной Ядову (с подзаголовком: “срочно и конфиденциально”), от января 1979 г., где аж на 7 страницах доказывались алогичность и волюнтаризм предлагаемых дирекцией названий Социологического отдела и входящих в него секторов. Среди прочего выдвигались аргументы для нижеследующего переименования, в частности, нашего подразделения: “сектор социальных проблем развития личности”

Пожалуй, интересна “совсем конфиденциальная” приписка к этому документу:

> “В. А.! ...Конечно, Вам никто не посмеет запретить заниматься социальными проблемами развития личности, под любым названием сектора. Но Вы всегда вынуждены будет делать это вопреки официальным требованиям, а не в соответствии с ними. Вам всегда придется доказывать, что Ваша социально-психологическая “контрабанда”, является не слишком большим нарушением социально-экономического “закона”. *(Намек на название отдела: “отдел социально-экономических проблем труда и образа жизни. — А. А.).* Капитулировав сегодня, в положении далеко не безвыходном, сектор будет десять лет платить репарации. Если Вы считаете, что проиграли дирекции в первом раунде по конъюнктурным “очкам”, то это вовсе не мешает выигрышу во втором раунде путем логического “нокаута”. В худшем случае будет зафиксирован “протест” команды против неправильного судейства...”.

По счастью, Ядов внял этому предостережению и предпринял тогда перед начальством акцию “необходимой обороны”, в результате чего сектор получил вполне приличное (лучше первоначального!) и уместное название: “сектор социальных

проблем личности и образа жизни”. Но каких временнЫх и нервных затрат стоила вся эта суета! И когда только успевали читать научную литературу, проводить исследования, писать статьи и монографии...

(Оно, конечно, ныне такого идеологического диктата и контроля, как в то время, нет. Но сил на “институциональные игры” и “ритуальные танцы” сегодня уходит не меньше. Правда, преимущественно у руководящих, а не у рядовых сотрудников. А тогда — поголовно у всех!).

Было ли все это “выживанием”? В общем, да. Наблюдение Д. Шалина “Выжить было их сверхзадачей...” справедливо, наверное, не только для его поколения. Но вряд ли эта сверхзадача осознавалась или признавалась тогда в качестве таковой. У многих была сильна креативная, творческая мотивация. Была высокая профессиональная идентификация. Некий подспудный страх лишиться возможности “удовлетворять свою любознательность за счет государства” побуждал умеривать эту любознательность. Были некие табуированные зоны и набор писаных и неписаных правил, которые если и преступали то лишь “по неосторожности”.

Среди социологов было не так уж мало инакомыслящих, но практически не было людей, сознательно и открыто ставивших себя в оппозицию системе, которую они исследовали. А если бы были, то на том бы их (таких социологов) исследования, по крайней мере, профессиональными средствами, и закончились бы. Так что можно лишь порадоваться тому, что кое-что они успели, и пусть отчасти замутненное зеркало советского общества тогда все-таки возникло (и уцелело до наших дней...)

И в “гетто” жить можно... А кому становилось уж совсем невмоготу — эмигрировали, кто за рубеж, а кто в кочегарку.

3. Следуя рекомендации Бориса, я не столько вспоминаю, сколько рассуждаю и оцениваю. Как бы не перебрать и в этом. Тоже мне — судия... Смирение паче гордости!

Но в одном постараюсь все же быть (в отличие о известного Вам 4-х томника) действительно смиренным: не говорить о том, о чем Вы меня не спросите...

Леня и Борис! Обнимаю Вас обоих. Точнее — каждого в отдельности.
Ваш Андр. Ал.
12.03.2006

***

Письмо А. Алексеева Б. Докторову и Л. Кесельману. (4)

17 марта 2006 г.

Леня, Борис, здравствуйте!

Один из вас реагирует на мои послания по электронной почте, другой — по телефону. На этот раз, Леня уже успел позвонить, а письмо Бориса меня пока не достигло (хоть, как я знаю, уже отправлено). Однако у меня пока есть “фронт работ”. Буду дальше рыть свою канаву, общее направление которой указано предыдущими вопросами Бориса.

1. “ЧтО тебя, как я понимаю, вполне успешного журналиста, толкнуло в социологию?” — спрашивает Борис.

Было это в 1965 г. Позади лет 8 работы после окончания университета, в основном в молодежных газетах, правда, с трехлетним перерывом (1961-1964) на первое “хождение в рабочие”. Считать меня “успешным” журналистом, в карьерном смысле, пожалуй, можно было. Во всякой редакции (тут и “Волжский комсомолец”, и “Смена”, и “Ленинградская правда”...) я довольно быстро вырастал до “бригадирской” должности (сам пишущий, а не только “руководящий” зав. отделом в газете — что-то

вроде бригадира в цехе). Но качество журналистского творчества, скажем, заведующего отделом комсомольской жизни было на уровне самой этой жизни.

Помнится, немногие более-менее приличные публикации в газете “Смена” состоялись уже в период работы на Ленинградском заводе по обработке цветных металлов, затем — на Волховском алюминиевом заводе. Причем материал для этих публикаций собирался не на своем предприятии, а в других местах, — днем, после ночной смены. Предметом моих журналистских филиппик в конце 50-х — начале 60-х гг. были “формализм в комсомольской работе”, “бюрократизм и волокита”, “бездушное отношение к людям”, “самодурство начальника”, “преследования за критику”... В “Лен. правде” (уже 1964-1965 гг.) довелось написать и. опубликовать несколько действительно проблемных материалов, посвященных начавшейся реабилитации генетики, административным препонам внедрению научно-технических разработок, конфликтам в производственных коллективах.

Вообще, “партийно-советская пресса” влачила тогда довольно жалкое существование — “на коротком поводке” у партийных властей, со строго отмеренными объектами похвалы и критики. Эта “связанность рук” (при том, что иначе, в общем-то и не умел...) тяготила. Профессиональная идентификация расшаталась. Разочарование усугублялось тем, что эффективность проблемных выступлений (когда таковые все же случались) была минимальной, а зачастую и обратной.

Помнится, еще работая в “Лен. правде”, я догадался подсчитать, во сколько раз количество газетных сообщений “по следам наших выступлений” (за определенный период) меньше, чем соответствующее количество самих критических выступлений. Оказалось, почти в 5 раз! Пару лет спустя (уже будучи аспирантом) получил “научно оснащенное” подтверждение этого первоначального, грубого наблюдения, включив в обследование несколько ленинградских газет.

Интересна тогдашняя авторская интерпретация этих результатов исследования “гласной действенности” (термин — мой): мол, со всей очевидностью нарушается принцип, впервые провозглашенный в одной из резолюций 8-го съезда РКП(б) (1919): “Лица или учреждения, о действиях которых говорится в печати, обязаны в кратчайший срок дать на страницах той же газеты деловое фактическое опровержение или же указать об исправленных недостатках и ошибках”. И в последующих партийных документах это требование извещать о результатах критики неоднократно подтверждалось (вот, например, в постановлении ЦК КПСС “О повышении действенности выступлений советской печати”, 1962 г.)... Стало быть, налицо разрыв между партийной нормой и ее осуществлением!

Разрыв между декларациями и жизнью (в этой ли, в других ли областях) стал предметом преимущественного интереса 30-летнего журналиста, нацелившегося в социологию.

По времени это примерно совпало с первым крупным конфликтом в редакции “Лен. правды”, точнее с отделом агитации и пропаганды обкома партии, который было утвердил подающего надежды литсотрудника на номенклатурную должность зав. отделом промышленности главной ленинградской газеты, а тот несколько месяцев спустя “пригрозил” уходом по собственному желанию, если не будут защищены от расправы за критику авторы так и не опубликованного письма в редакцию, где обсуждался “порочный стиль руководства” тогдашнего директора того самого завода, на котором я прежде трудился в качестве рабочего. Ну, из заведующих — за такую “политиу отставок” — меня быстренько разжаловали, но и в спецкоррах я после этого продержался недолго

А мой быший сокурсник по Университету, к тому времени — доцент факультета журналистики ЛГУ Валентин Соколов “сосватал” меня в аспирантуру для занятий “социологией журналистики”.

Из социологов я был тогда лично знаком только с Овсеем Шкаратаном, который, помнится, еще в конце 50-х, в качестве историка, предложил газете “Смена” опубликовать письма ленинградцев, уехавших на целину, а я приложил все усилия,

чтобы публикация состоялась без какого-либо журналистского “причесывания”. Обратился к нему за советом, после чего был приглашен домой к Андрею Здравомыслову (был там и Овсей), где получил от обоих своего рода благословение на исследование взаимосвязи прессы и общественного мнения и т. п.

Как это обычно бывает, жизненная (в данном случае — профессиональная) перемена имела как внутренние импульсы, так и внешние стимулы. От прежнего многое отталкивало, к новому — привлекало. Личностная мотивация и стечение обстоятельств вместе дали эффект “перехода”.

Впрочем, миграция из журналистики в социологию оказалась не прямой, а опосредованной трехлетним пребыванием в аспирантуре факультета журналистики. Тогда это было явно не лучшее место для занятий социологией. Чуть ли не азбучным полагалось там утверждение, что журналистика сама по себе есть “наука” (а не род деятельности, являющийся предметом научного изучения), с чем я упорно не соглашался. “Массовая коммуникация” считалась в этих стенах идеологически подозрительным термином. Особенно “прокололся” аспирант, когда в докладе на какой-то научно-практической конференции неосторожно поделился результатами своих библиотечных разысканий в области советской социологии печати 20-х гг., ведущие фигуры которой М. Гус и В. Кузьмичев (первый — автор книги “Газетоведение”, второй — автор книги “Организация общественного мнения”) были, оказывается, на факультете журналистики под идеологическим запретом, ну вроде Бухарина с его “Азбукой коммунизма”. (Интересно, что позднее мне довелось встретиться с тем и с другим, один жил в Москве, другой — в Томске; идеологическим мракобесием обоих старичков, успевших “перестроиться” за протекшие 40 лет, я был глубоко разочарован).

В общем, между будущим “социологом печати” и деканом факультета (историк и теоретик партийно-советской печати проф. А. Бережной) возникло что-то вроде конфликта (научно-идеологического!). К концу аспирантуры стало окончательно ясным, что ни о какой защите диссертации на факультете журналистики ЛГУ для меня и речи быть не может, равно как и о работе там по завершении “целевой” аспирантуры. И слава Богу!

При своем базовом филологическом образовании я старался как-то восполнить дефицит систематических знаний, обычно приобретаемых на философском факультете. Слушал не только лекции Ядова или Кона (на последнего сбегался чуть не весь университет), но и историю философии, диалектическую логику, статистику, даже линейную алгебру (похоже, что и на матмех забирался). Этакий “ликбез” себе устроил, только что без сдачи экзаменов...

По счастью, Ядов согласился разделить руководство (впрочем, весьма условное) моей диссертационной работой на тему о социологическом изучении массовой коммуникации (на примере прессы) с доцентом факультета журналистики, “чистым” филологом С. Смирновым. Впрочем, “болтаясь” между факультетами журналистики и философским, я был тогда, наверное, равно “не своим” и там, и тут. Причем очень хотел числить себя по “классу социологии”.

Еще одна удача: возникшие связи с социологической лабораторией (не помню, как точно она называлась; во главе с Е. Прохоровым) на факультете журналистики Московского университета. Моя первая относительно значимая публикация (“К вопросу о предмете социологии печати”) появилась в “Вестнике Московского университета” (серия “Журналистика”) в 1967 г. Тем самым я мог себя чувствовать как бы не совсем “чужеродным телом” и в науке о журналистике.

Исключительно значимыми для вхождения в социологический круг были контакты, возникшие на межрегиональных (хоть тогда так и не назывались) встречах исследователей массовой коммуникации в Кяэрику, организуемых Юло Вооглайдом и его коллегами из лаборатории социологии Тартуского университета (1966, 1967, 1968). Кяэрику воспринимался и как “заграница”, и как социологическая “родина”, и как “островок Свободы”. Оттуда пошла моя дружба с эстонскими, московскими, уральскими, сибирскими социологами.

Думаю, мое приобщение к социологии было бы куда более скорым и эффективным, попади я сразу в коллектив, занимающийся крупным исследованием (вроде ядовского или грушинского). Но это состоялось позднее — в новосибирском академгородке, в межведомственной исследовательской группе социологии печати , созданной В. Шляпентохом.

Ну, вот я, кажется, и ответил на вопрос о "путях" и мотивах своего перехода из одной профессии в другую. Говорят, рыба ищет "где глубже". В шутку скажу: рыба ищет, где "не так мелко"... Перемещение в социологию состоялось тогда, когда в журналистике стало вроде бы "невмоготу". Занятия социологией показались тогда более осмысленными — и в плане познания реальности, и в плане возможностей "влиять на ход вещей". Впрочем, тоже — до поры до времени (см. предыдущее письмо на тему об уходе из института на завод — "в поисках свободы").

Замечу, что грань между социальной журналистикой и социологией вообще достаточно подвижна. "Родственной нам наукой" когда-то назвал социологию замечательный публицист В. Канторович. В одном из моих "Писем Любимым женщинам" (1981) выдвигается что-то вроде гипотезы "о динамическом взаимодействии и взаимокомпенсации журналистики и социологии в процессе общественного развития":

> "...50-е гг. — "прорыв" журналистики (после XX съезда), отсутствие социологии. 60-е гг. — "прорыв" социологии, "стабилизация" журналистики (особенно — во второй половине десятилетия). 70-е гг. "стабилизация" социологии, а к концу 70-х, может быть, намечающийся "прорыв" журналистики. "Прорыв" — существенное углубление в познании, гражданственная активность, ломка старых норм, зарождение новых форм, "Стабилизация" — экстенсивное развитие.
>
> Можно сказать и так: периодам экстенсивного развития в одной из двух сфер социального отражения (социология, журналистика) должны соответствовать периоды определенной интенсификации развития другой сферы. <...> Журналистика и социология — своего рода тандем. Лидеры меняются местами в пределах одной команды, обеспечивая ее успех". (Цит. по: А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1. СПб.: Норма, 2003,с. 222).

Но вернусь к мотивации собственных жизненных движений. Получается, что эта мотивация скорее негативная, чем позитивная. Я понимаю, бывают жизненные цели, и даже жизненные планы, вроде окончания вуза, защиты диссертации или приобретения квартиры. Но СВЕРХЗАДАЧА лишь ретроспективно может быть осознана как таковая. А эмпирически, если "без затей", то просто видим — "человека убегающего". Откуда убегающего — более ясно, чем куда. "Убегающего" — в поисках свободы ли, максимального самовыражения ли, общественной ли пользы...

(Как тут не процитировать одного из Бориных героев: "...Должен сознаться, что в моих поступках присутствовало стремление к общественной пользе, как я ее понимал..."; в свою очередь, признаюсь, что подобного осознанного стремления в себе мне усмотреть так и не удалось).

...Борис замечает, между прочим, что "чистый" социолог вряд ли додумался бы до жанра "Драматической социологии...", в котором "соединяются традиции социологии и нормальной *(серьезной. — А. А.)* ... журналистики". Что ж, все мы несем в себе следы своих прежних занятий, навыков, увлечений... Думаю, "чистых" социологов среди представителей старших поколений практически нет. Все "откуда-то" вышли... И наверное это сказывается на всей научной биографии.

Ну, а "изобретение жанра" упомянутой тобою книги — отдельная тема, которой может еще коснусь...

2. Пока не очень ясна мне самому композиция этого моего эпистолярного сочинения. То ли от конца к началу двигаюсь, то ли от начала к концу... Скорее всего — челночное движение.

Ну, “продолжение следует”... Ваш Андр Ал.
20.03.2006

***

Письмо Б. Докторова А. Алексееву. Копия — Л. Кесельману. (4-5)

16 марта 2006 г.

Андрей, все никак после Москвы не мог разобрать привезенное...сразу на меня навалились неотложные дела, но вчера переслал новую статью Мише Илле, почти 90 000 знаков, новая тема, пришлось многое читать, разбираться...устал. Но сегодня поставил на полке твои 3 и 4 тома рядом с 1 и 2, которые были у меня раньше. И первые два, и вторые – рады, все же родственники....

17.

Начал все почитывать. Уже в первом томе нашел среди твоих героев людей, которых встречал в далекой молодости. С Любищевым меня познакомил Олег Калинин (ты его знаешь? Когда-то они дружили с Баранцевым) в самом начале 60-х, это был Первая конференция по биометрическим методам. Я писал дипломную работа по дискриминантному анализу и использовал измерения АА. Его дочь жила не далеко от меня, на Суворовском проспекте, я заходил к нему туда. Да и у Олега Калинина мы не раз собирались «на Любищева». Второй человек – Сережа Маслов. Он учился на мат-мехе парой курсов старше. Очень был талантливым человеком, не только блестящим математиком. У Вершика Люся писала диплом. Видел я его в 2004 году у БМ на его 75-ти летии..изменился...как и я. Все это было вчера...однако, сорок лет назад...

18.

Нашел в первом томе стихи Сергея Розета и немного о нем. И немного про Юру Щеголева. Скажи, Андрей, если я напишу Юре письмо с просьбой немного поотвечать на мои вопросы, не полное интервью, но несколько тем...я никак не обижу его? Не заставлю Юру вспоминать то, что ему не хотелось бы? Если могу, то я переправлю письмо через наш канал: Леня-ты-Юра....а он может написать и все отправить мне почтой...7-8 дней, и я все имею.

19.

Не знал я, что умерли Лена Алексеева, Боря Беликов, Валентин Алексеев...пусть земля им будет пухом..

20.

Историю термина «Драматическая социология» (два тома у меня есть) ты объясняешь. И вообще, это все уже было давно...А как возникла идея 4-х томника и само понятие «социологической ауторефлексии»? Я посчитал - 2409 страниц, неслабо. Почему она у тебя социологическая? В чем ее социологичность? Она – критерий отбора?

Возможно, в одном из томов ты объясняешь принципы отбора тобою материалов для коллекции, тогда укажи, где. Если этого нет, то тогда поясни мне это.

21.

Смиренность – не приветствуется...пиши и о том, о чем ты хочешь, но мы не спросили...

22.

У тебя еще есть вопросы, к которым ты не подошел...и будут еще...а сейчас, листая тома, я захотел спросить тебя про Кьярику. Я пришел поздно в социологию, про Кьярику знаю, но сам не был...немного повспоминал Ядов...он дал мне электронную почту Юло, но что-то записано неверно...не могу с ним связаться... напиши про то, что помнишь, про дух...молодые ничего не знают про тот клуб, но я считаю, что Кьярику надо ввести в историю совесткой социлогии...Божков подарил мне фото, где патриции приносят клятву...

23.

Дабы не плодить дурную бесконечность, я не задаю пока вопросов к тому, что ты уже написал...принимаю как есть...но потом, когда начнем сводить нашу перепску в нечто структиурированное, попрошу уточнить кое-что.

24.

Могу ли ряд твоих пассажей алаверды Диме Шалину? Я его не интервьюирую, но общими рассуждениями мы обмениваемся.

Обнимаю, поблагодари и от меня Аллу... ценю ее заботу.

Боря

***

Письмо А. Алексеева Б. Докторову и Л. Кесельману. (5)

24 марта 2006 г.

Здравствуйте, Борис и Леня!

Сначала отвечу на письмо Бориса от 16 марта. Оно достигло меня позже обычного, т. е. когда уже было подготовлено к отправке мое предыдущее письмо. Так что реагирую с запозданием.

Боря!

Если можно, отправляй свои письма параллельно на адрес как Лени, так и Аллы (allar_st.mail.ru). Хоть Леня и сразу их пересылает ей, все же так повышается шанс скорейшего контакта, да и — страховка от сбоев связи.

(17) ...Ни с кем из знакомых тебе лиц, которых ты встретил в моей книге и упоминаешь в этом пункте своего письма, кроме твоей Люси и Р. Баранцева, мне лично общаться не доводилось. Если Любищев стал одним из моих кумиров после известной книги Гранина, и — тем более — после моего знакомства с Рэмом, то все остальные (С. Маслов, Вершик...) — это как раз те, “с кем социолог-рабочий тогда знаком не был”; вообще, относитеьно мало мой круг общения пересекался с политическим или культурным андерграундом рубежа 1970-80-х гг.

(18) Никаких “противопоказаний” для твоего общения с Юрой Щеголевым я, разумеется, не вижу. Естественно, если ты предполагаешь впоследствии как-то использовать ответы Юры, то следует его заранее об этом предупредить. Я готов передать Юре твое послание, и даже — набрать в машине и переслать Юрин ответ (по тому же каналу). Но — только в случае разового обмена письмами. Если же понадобится “серийная” переписка, то я в качестве посредника не гожусь: и ввиду отсутствия у меня, как и у Юры, подходящей техники, и — живем мы с ним не рядом.

Т. е. вам с Юрой придется тогда воспользоваться чьим-то еще электронным посредничеством (какое он сам назначит...). Не думаю, что ему будет удобна обычная

почта (отправить письмо даже на Украину теперь требует кучу времени, да и дорогое удовольствие). В общем, тут решайте сами.

(19-20) Судя по твоим беглым замечаниям и вопросам, до сих пор у тебя до моей "Драматической социологии и социологической ауторефлексии" руки не доходили. Это — нормально! Чем дольше бутылка лежит не распечатанной, тем дороже вино. Если, конечно, не скиснет...

2400 стр. — понятно, не слабо. Автора оправдывает разве что его претензия быть автором-составителем некой отнюдь не персональной антологии (насколько это удалось— другой вопрос).

Вообще, о "жанре 4-х томника" и т. п. я напишу отдельно, отвечая на какой-то из более ранних твоих вопросов. Сейчас же ограничусь указанием на отдельные фрагменты, в которых так или иначе поясняются весьма субъективные (субъективистские?..) "принципы отбора материалов для коллекции". (Однако сразил ты меня этим подчеркнутым словечком наповал!):

— Предисловие "От автора — сегодня" (в первом томе); "Несколько вступительных слов к томам 3 и 4" (в томе 3); "Предуведомление" к тому 4; "Несколько заключительных слов" (в томе 4). Возможно, еще — "Что сказать мне удалось — не удалось" (с. 446-449 тома 2) или — практически совпадающий с этим раздел 23.14 ("Оборона, которую считаю необходимой и достаточной") в томе 4.

(22) Про Кяэрику стоило бы написать не "попутно", а специально. Сам я поминаю его в томе 4 "Драматической социологии..." (с. 373-374), да и в предыдущем своем письме. Но к подробному рассказу нужна подготовка (хотя бы перечитать три выпуска материалов встреч 1966-1968 гг.; кстати, знакомы ли они тебе?). Я думаю, это скорее задача для историка науки. Кстати, были встречи в Кяэрику и в 70-е гг.

(23) "Когда начнем сводить нашу переписку в нечто структурированное...". Признаться, я до сих пор не решил, хочу ли я этого. Я использую повод (твои вопросы и т. п.) для фиксации некоторых событий (прошлых и даже нынешних), оценок и самооценок — не предрешая способов преобразования "полуфабриката" в "продукт". Может быть, как раз структура и содержание этой нашей переписки, как таковой, и есть главный продукт... И авторов у этого "продукта" как минимум двое: мы оба (еще — Леня, пока "за кадром").

Я далеко не уверен, что, например, плод структурирования "писем Любимым женщинам" (а именно, статья "Человек в системе реальных производственных отношений" 1983 г.; см. главу 11 в томе 3 "Драматической социологии...") информативнее и концептуальнее (разве что — "приличнее"...) самих тех писем.

(Это уже отчасти — к вопросу о жанре, хоть "драматической социологии", хоть "социологической ауторефлексии").

(24) В той мере, в какой материалы нашей переписки все же не вполне приватны, я — при всей своей "почти предельной искренности" (отмеченной Леней) — все же не обхожусь здесь без автоцензуры (даже в письме, написанном при участии "Порто-13"). С другой стороны, редактировать эту нашу переписку я не собираюсь.

Так что, не возражаю против введения моих "пассажей" в твой собственный эпистолярный оборот. Разумеется, я предполагаю, что твои корреспонденты спросят, как минимум, у тебя, могут ли они их свою очередь использовать (буде захотят...). Я разрешаю тебе принимать на этот самостоятельные решения.

(Поймал себя на том, что воспроизвожу, "на новом уровне" формулу распространения своих "писем социолога-наладчика" начала 80-х гг.)

Что касается Димы Шалина, то ему привет. Насколько помню, последний раз мы виделись лет 15 назад (все-таки 15, а не 30...).

Леня спрашивал меня, могу ли я "зарезервировать" для него (Димы) экземпляр "Драматической социологии...". 4-х томник (2003-2005) могу (в отличие от 2-томника

1997 г.). Но если есть интерес, то можно и раньше посмотреть первые два тома 4-х томника в интернете: на сайте Киевского международного института социологии (www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/book.html) или на сайте (www.alekseev-andrej/narod.ru). Скоро на обоих этих сайтах будут вывешены также и тома 3 и 4.

(Тебе и себе для памяти: в томе 3 упомянутой книги на стр.15 последний из этих двух адресов указан с двумя ошибками: нижняя черточка между двумя словами, а надо — дефис; перед словом narod — косая линия, а надо — точку).

Кроме этого письма посылаю тебе также копию моего письма Лене — **"Нечто вроде интермедии"** — на тему присланной им мне Вашей переписки насчет интервью Р. Могилевского и т. п. См. в отдельном приложении (todoct6.doc).

А теперь (подержу двоих моих уважаемых читататателей "в напряжении": что же он, т. е. я, еще сообщит о себе или о социологической науке "сверхоткровенного") предъявлю одну простейшую "моделирующую ситуацию", по поводу которой хочу лишь понять, насколько она специфически НАША, или есть в ней все-таки элементы "глобальности". (Ведь оба моих корреспондента ныне погружены — кто в европейскую, кто в американскую жизнь; стало быть, могут выступать экспертами).

Возможно, вы еще не забыли — во втором из моих писем — экзистенциально-юридический сюжет о моей дочери, вынужденной обратиться в суд за установлением "факта, имеющего юридическое значение", а именно, что ее специальное образование дипломированного логопеда измеряется количеством свыше 1000 прослушанных учебных часов. Я в этом суде защищаю интересы своей дочери в качестве официального представителя.

Приближается день очередного слушания этого дела (среда 29 марта). А вчера поехал я в Красное село — знакомиться с протоколом предыдущего заседания. В судебной канцелярии для ознакомления граждан или их адвокатов с делами отведены специальные часы (3 часа по понедельникам и 2 — по четвергам). Приехав за полчаса до начала приема, я в очереди был седьмым. (Это еще хорошо).

Открыв папку, обнаруживаю, среди прочих несообразностей, что слушание дела по одним записям назначено на 29-е, а по другим — на 28-е (и все эти записи заверены подписью судьи). Ничего себе! Свидетели, которым вручали повестку мы сами, должны явиться 29-го, а на какое число вызван главный свидетель (директор НОУ "Союз педагогов" Рафалович) путем отправки повестки по почте самим судом — неведомо. (Да и вообще каких-либо следов его вызова в суд, кстати, уже повторного, в деле нет). И когда же все-таки будет суд?

В канцелярии, не сразу найдя дело, по причине путаницы с датами, предлагают... "подойти" к судье, чтобы та разрешила недоумение.

Я: — Но судья сейчас не принимает... И вообще, она может быть на заседании...

Мне: — Придется подождать. ЭТО В ВАШИХ ИНТЕРЕСАХ.

Я: — А Вы не могли бы сами прояснить этот вопрос?

Зав. канцелярией: — Нет.

Т. е. в моих, а не канцеляристов, интересах исправлять их же собственную ошибку.

Вообще-то я уже знаю, какая дата правильная (расхождение было обнаружено еще неделю назад, когда я выяснял по телефону часы приема; и тогда удалось установить, что правильно — 29-е, и обещано было исправить; но... исправить забыли; и теперь все по-новой).

Объяснив канцеляристке ситуацию в энергичных, но сдержанных выражениях, я соображаю, что если они сейчас исправят, под моим давлением, а потом снова что-нибудь напутают, то ответственность за их путаницу ляжет на меня. И покорно отправляюсь сидеть под дверью зала № 15, где ведет заседание "наша" судья. Сижу — ЧАС.

За это время та самая канцеляристка несколько раз проходит мимо по коридору (это не там, где канцелярия, а на другом этаже) и даже пару раз зачем-то заходит в этот

зал по своим делам (им-то можно, если нужно...). Заметила меня (знать, запомнила...): “Все ждете?” — “Да. Вы ж велели. А сами не можете?..” — “Нет. Нам не положено”.

Проходит в третий раз. Не выдержала (устыдилась? пожалела?): “Как фамилия вашего истца?” — “Не истца — заявителя. Новиковская”. Заходит в зал. Вряд ли отрывала судью — небось, пошепталась с секретарем. Выходит, сообщает: “Дело слушается 29-го”. — “Спасибо”.

“Люди лучше учреждений”. Это высказывание принадлежит Кропоткину. Его повторил в одном из своих писем Любищев. Так называется глава 13 “Драматической социологии...”.

Но эту историю я рассказал так, к слову, как картинку с натуры. Главное — впереди.

Из протокола заседания от 3.03.06, который мне по счастью не понадобиллсь переписывать, поскольку канцелярия Красносельского суда, в отличие от некоторых других, оснащена ксероксом, убеждаюсь, что ход слушания дела отражен в нем в общем адекватно, хоть и с мелкими фактическими, смысловыми или грамматическими ошибками, на исправлении которых лучше не настаивать (хоть Закон и дает такое право), чтобы не конфронтировать с судом, да если и начнут исправлять — новые внесут. Характерно, что ошибочки все — в какую-то тенденцию укладываются, подтасовки — не подтасовки, а только все “не в вашу пользу”. Ну, нам не привыкать...

Все ведомственные юристы, да и сама судья добивались от заявителя не столько доказательств факта ее обучения свыше 1000 час., сколько объяснений, ЗАЧЕМ ей понадобилось этот факт устанавливать (чтобы не потерять место... пройти аттестацию... повысить зарплату...). В итоге в деле оказалось множество лишних бумаг, в свое время “истребованных” у Оли. И ее заявление наполовину этому посвящено. Ну, и в судебном протоколе эта тема превалирует.

(А ведь и закон гласит (ст. 267 Гражданского процессуального кодекса РФ): “В заявлении об установлении факта, имеющего юридическое значение, должно быть указано, для какой цели заявителю необходимо установить данный факт, а также должны быть приведены доказательства, подтверждающие невозможность получения заявителем надлежащих документов или невозможность восстановления утраченных документов”.

Уж не говорю о том, что нормальная формула всякого заявления у нас просительная. Не “заявляю”, а “прошу”, затем чтобы или потому как... В обшем — ПРОШЕНИЕ, челобитная).

Здесь особенно характерна позиция представителя “заинтересованного лица” (этим заинтересованным, или третьим лицом выступает, с подачи судьи, аж Комитет по образованию Правительства Санкт-Петербурга). Относительно молодая чиновница, что-то вроде штатного представителя Комитета в судах, поскольку доверенность на представительство у нее с прошлого года до конца этого. Так вот из протокола (и так примерно она и говорила):

“Заявление не признаем, считаем, нет факта, ведь диплом не оспаривается. <...> На мой взгляд, не нужно устанавливать данный факт <...>“.

Мол, когда будет аттестация, группа экспертов оценит реальные возможности аттестуемого... Правильно. Она и без этого факта, и с этим фактом — оценит! Только с этим фактом у аттестационной комиссии как бы меньше “свободы действий”. Поэтому лучше, чтобы этого факта не было. Отсюда — “не нужно данный факт устанавливать”. А раз так — “считаем, что нет факта”. Такова ведомственная логика. Аристотель отдыхает...

Ну, а чтобы не апеллировать здесь к общезначимой логике, воспользуемся логикой юридической. Наша чиновница привыкла представительствовать в делах по искам к своему Комитету (или, может быть, по искам Комитета к кому-либо). Это иск можно признать или не признать. А заявление об установлении факта, имеющего юридического значение, с которым она, возможно, сталкивается впервые (поскольку такого рода заявления обычно касаются фактов регистрации рождения, смерти,

несчастносго случая, владения имуществом и т. п.) можно только поддержать или не поддержать.

Все это тонкости, но важно, что государственное учреждение заявление гражданина то ли “не признает”, то ли “не поддерживает”, что облегчает суду задачу просьбу гражданина не удовлетворять.

Вся эта моделирующая ситуация резюмируется в одной реплике (см. ниже). Я надумал позвонить той самой чиновнице из Комитета народного образования (она же оставила Оле телефон), якобы предупредить о точной дате суда (у нее, кстати, тоже была противоречивая информация на этот счет), а на самом деле попытаться донести до ее сознания сказанное выше. Н. В. Ярошенко спросила: “Вы хотите, чтобы мы признали заявление Новиковской?”. “Нет-нет, — сказал я. — Она же не с иском против вас... Речь идет лишь об установлении факта. Он или был, или не был. Суд решит так или иначе, с учетом представленных доказательств. Естественной была бы в этой ситуации нейтральная позиция Комитета”.

Вот тут и прозвучала замечательная формула: “ЗАЯВИТЕЛЬ НЕ ДОКАЗАЛА (так!), ЗАЧЕМ ЕЙ ЭТО НАДО!”. Будучи поставлена в тупик последующей логической аргументацией (ох, не самонадеян ли я в этом последнем утверждении!), моя телефонная собеседница сказала лишь: “Вы думаете так, а я иначе...”. Мы попрощались до встречи в суде 29 марта.

Теперь вопрос: Из Вашего личного жизненного опыта можете ли Вы себе представить американского или немецкого чиновника соответствующего уровня, произносящего фразу вроде: “Докажите, зачем вам это надо!”. Такое вот именно сочетание слов? (Кстати, Боря, как бы это звучало по-английски? Или по-английски, даже и грамматически, ТАК сказать нельзя?).

Или и меня уже начинает захлестывать “просоветская” ностальгия, но так и хочется сказать, что “в наше время” чиновники в среднем были вроде грамотнее. Нет, удержусь...

Финал, увы, похоже, предрешен... Путь же к нему социологически информативен. Моей дочери от этого, понятно, не легче.

(На фоне всевозможных скандалов и беспределов сверху донизу, которыми переполнена современная пресса, мои “моделирующие ситуации”, разумеется, проигрывают. Существенна однако как раз их “нормальность” и обыденность, так сказать “несенсационность”... “Ничтожность” в сочетании с показательностью).

* * *

А теперь “к делу”! На чем мы остановились? Ах да: 1968. Закончена аспирантура факультета журналистики. Остаться на факультете не зовут.

Дальше — несколько везений подряд. Харчев, слушавший мой доклад в Кяэрику про “массовую коммуникацию, журналистику, прессу” (попытка навести какие-то мосты между социологией и “наукой о журналистике”), соглашается взять к себе на Ленинградскую кафедру философии (впоследствии преобразовалась в Ленинградские сектора Института философии). Уже принятый туда, пишу какой-то трактат о подходах к социологическому изучению искусства. Вроде Харчеву нравится. И тут вдруг мне звонит из Новосибирска Шубкин и энергичным голосом приглашает в Академгородок, заниматься... социологией печати!

(Позднее где-то Шубкин вспоминал, что сначала безрезультатно приглашал на это место Леонида Гордона. Что для меня, думаю, честь, а не предмет обиды).

До этого мы с Владимиром Николаевичем знакомы не были. Скорее всего глаз на меня положил Шляпентох, приезжавший из Новосибирска в Кяэрику в том же году. Как известно, он был организатором первых исследований всесоюзных аудиторий газет “Труд”, “Известия”, “Литературная” и “Правда”. До чего ж заманчиво для бышего аспиранта факультета журналистики.

Неловко перед Харчевым, но “отпрашиваюсь” у него. Тот говорит: “Если надумаете вернуться, учтите, что два года я Вас жду”. (Так и вышло).

В Новосибирский академгородок приехал с чемоданом, набитым экземплярами 1000-страничной (так!) кандидатской диссертации. В. Н. смеется: “Если хотите, чтобы ее кто-то стал читать, сократите хотя бы до 300 страниц” (теперь, говорят, и 150 много).

Состою в штате Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии гаук. Работаю же фактически в дислоцирующейся в этом институте группе социологии печати, при Новосибирском университете, у Шляпентоха. Там у меня появляется своя подгруппа контента-анализа (мое тогдашнее определение этого метода: анализ содержания массовых совокупностей текстов с использование формализованного наблюдения и статистических процедур в социологических целях). В этой подгруппе еще трое энтузиастов поиска “очевидных свидетельств неочевидного”, в частности, путем качественно-количественного изучения содержания советской прессы. Первый всесоюзный семинар по контент-анализу состоялся именно в Новосибирске... (Второй — четыре года спустя в Ленинграде).

Живу в комнате аспирантского общежития Академгродка. Переписываю свою диссертацию, уже без оглядки на журналистику, ведь защищать-то придется в ученом совете по философии.

Только я приехал в Новосибирский академгородок, Шубкин покидает его — возращается в Москву. А через некоторое время уезжает в Москву и Шляпентох. Кажется, уже без него сдавали отчет по хоздоговору с “Правдой”. Для меня эта работа с социологической эмпирией была хорошей школой.

И еще повезло... Пригрела меня компания новосибирских философов. Михаил Розов, Наль Хохлов, Владимир Конев... Сказали: “Если прочитаешь вместо Володи курс научного коммунизма в университете, засчитаем тебе кандидатский минимум по философии”. 1969 год. Академгородошная вольница уже на излете. Но я успел-таки прочитать довольно не тривиальный курс: что-то вроде “социологии развитОго социализма”. В социально-философском аспекте очень помогли конспекты В. Конева. Ни с какими официальными программами ни он, ни я тогда не считались, даже не заглядывали в них... Лекции у студентов позовались успехом. Ну, не как у Кона в Питере, конечно... Как уж это у меня тогда так лихо получалось, сам удивляюсь.

В 1970 г. благополучно защитил в Новосибирском университете свою переписанную диссертацию. Вскоре за тем вернулся в Ленинград к Харчеву. Вроде теперь уже вполне социолог.

Дальнейшее последовательное описание может утомить даже таких благожелательных читателей, как вы. Поэтому обобщу в тезисах.

1. Считаю, мне весьма повезло с непосредственными начальниками, которыми на протяжении 10 лет последовательно были — Харчев, Шубкин, Шляпентох, снова Харчев, Шкаратан, наконец, Ядов... Затесался было среди них ненадолго Парыгин (в ИСЭПе), но счел за благо “сплавить” меня Ядову. И оказался я как Братец Кролик, которого бросили в терновый куст (“Сказки дядюшки Римуса”).

2. Повезло с соавторами. Просмотрев собственную библиографию, я нашел там до двух десятков имен, кроме своего собственного. Среди них: Вяч. Дудченко, В. Секерин, Б. Беликов, Б. Максимов, А. Тихонов, А. Назимова, да и вы оба... “Постоянных” соавторов было двое: Виталий Дмитриевский (по социологии театра) и Светлана Минакова (по социологии личности). Бывает, что один соавтор — как бы коренник, а другой — как бы пристяжная... Здесь, как правило, ранноправное сотрудничество.

Ну, и конечно же, мои дорогие соавторы по попытке андергаундного экспертно-прогностического исследования “Ожидаете ли Вы перемен?” рубежа 1970-80-х гг.: М. Гефтер, А. Соснин, В. Шейнис, Н. Шустрова (См. главы 1 и 25 “Драматической социологии...”).

3. Повезло (или не повезло?!) с кругом исследовательских занятий. Тут, такая чересполосица и то, что можно назвать разбросанностью...

Судите сами (располагаю в более или менее хронологическом порядке): социология массовой коммуникации (в основном — прессы); контент-анализ; социология молодежи (в пересечении с социологией села, поскольку молодежь — сельская); социология театра (с выходами в социологию культуры и искусства вообще); социология потребления; социология города (ну, тут скорее редактор, чем исследователь); производственная социология; социология досуга; социология личности; проблематика социально-адаптационных процессов (имея в виду исследование на БАМе); методолого-методические сюжеты; проблематика, ныне обобщаемая в понятии "социология повседневности" (а тогда — "образ жизни"); социология жизненного пути (мой, доморощенный термин, авось когда-нибудь приживется или будет выдуман кем-нибудь заново).

Такой вот тематический "букет" за 10 с небольшим лет, вплоть до начала 80-х. Сколько ходов "нарыл"... Может это и целостность, но уж никак не целеустремленность. Но некоторые из результатов, полученных в одной "сфере интересов", иногда все же пригождались и в другой... Короче, не жалею, что так.

4. Я уже раньше говорил, что сейчас невысоко ценю бОльшую часть своих трудов этого периода. Более или менее заметным (так или иначе отмечаемым в историко-социологических обзорах) является вклад в социологию массовой коммуникации и в социологию театра. Мне бы хотелось добавить сюда еще теоретические и эмпирические штудии, обобщенные в докладе "Образ жизни и жизненный процесс" 1981 г. (см. "Драматическую социологию", том 1), но в авторитетных изданиях они не публиковались и, боюсь, остались вкладом незаметным.

5. Интересно, что почти все мои работы публиковались "в авторской редакции", т. е. практически не подвергались постороннему вмешательству официального редактора (или цензора). Отчасти это обусловлено недостатком амбициозности — напечататься в престижном издании (где с авторами обычно считаются мало), отчасти — некоторой "строптивостью" (не устраивает, как написано, — и до свидания!). Во всяком случае за любую глупость за своей подписью я несу ответственность сам.

Пожалуй, на этом я закончу ретроспективу своей социологической карьеры второй половины 60-х — 70-х гг. (С переходом на положение "социолога-рабочего" в 1980 г. эта карьера существенно трансформировалась).

Борис! Твои вопросы еще далеко не исчерпаны. "Продолжение следует"...
Обнимаю Вас обоих!
Андр. Ал. 24.03.2006

<…>

***

Письмо А. Алексеева Б. Докторову и Л. Кесельману. (7)

29 марта 2006 г., среда

Здравствуйте, мои дорогие!

Вы предложили переписку (электронную...) человеку, который упрямо не желал заводить собственную почту e-mail, оправдываясь тем, что у него нет соответствующей техники и умений, а "на самом деле" просто избегал современного стиля общения, к

которому ныне большинство наших коллег, включая Вас, привыкло. Вы еще не знаете, что выпустили джинна из бутылки...

Ибо — "письма Любимым женщинам" (1980-1982), Вам более или менее известные, не были ли они первобытным "предвосхищением" интернета, когда нажал кнопку — и сразу в несколько десятков (или неведомое количество?..) адресов, как, например, Леня сейчас делает, будь то с собственными, будь то с текстами, которые он считает заслуживающими внимания своих корреспондентов...

Вопреки Вашим ожиданиям, я занялся не столько предложенной Вами "работой по подготовке" автобиографического (ауторефлексивного?..) интервью, сколько "делом развлечения" Вас и самого себя (и, может быть, будущих читателей этой переписки, если она не погибнет, по нашему разгильдяйству, от компьютерных вирусов и т. п.), где то, что подлежит затем "структурированию" и, возможно, публикации в журнале "Телескоп", является лишь необязательным "побочным продуктом" (подобно тому, например, как всякая настоящая диссертация является лишь побочным продуктом собственно исследовательской деятельности).

Итак, жизнь идет "своим чередом"... Рассказываю.

1.

Сегодня, 29 марта 2006 г., я заставил себя проснуться в 6 утра и встать в 6-30. Признаться, это для меня совсем не характерно. Однако в 7-30 надо было выйти из дому, чтобы гарантированно около 9 час. оказаться в Автово. (От дома на Малой Охте, где мы с Зиной уже 8 лет как живем, до Автово добраться на трамвае и метро не больше часа, но я же теперь через каждые 200-250 метров останавливаюсь, стало быть за полтора часа надо выйти там, где раньше требовался час).

В 9.00 на остановке автобуса № 145 в Автово были я, моя дочь Оля и двое ее сокурсниц по ТОО "Союз педагогов" десятилетней давности, получивших тогда диплом "логопеда", впрочем, в отличие от Оли, не использованный ими (ныне одна работает бухгалтером, другая — музыкальным работником), а теперь им предстоит выступить свидетелями в Красносельском районном суде, по делу Ольги Новиковской против кого? — а не против кого, но — ведь "особое производство" (глава 27 ГПК РФ)! — ради <u>установления факта, имеющего юридическое значение...</u>

...Вот после этого, уже не первого, как Вы знаете, судебного заседания, возвращаюсь я нынче домой и думаю: надо бы купить бутылку, но уже не 13-го портвейна (это — было!), а "777". Зачем? Да, не так уж и надо, а чтобы ПОТОМ РАССКАЗАТЬ ВАМ об этой своей ностальгической фантазии. (А вы знаете, как возникали "письма социолога-наладчика" 80-х гг.? Вот так же: спектакль по пьесе или сценарию, сочиненному ради того, чтобы затем его сыграть, не без импровизационных корректив... а потом рассказать, как было сыграно и что отсюда следует; это и есть <u>драматическая социология!</u>).

Не повезло... Ларек на трамвайной остановке, в котором месяц назад я приобретал "Порто-13" (и стоял там рядом — хорошо помню! — другой реликт 70-80-х, а именно — "три семерки"), только что раскурочен, согласно известной программе губернатора Матвиенки по изничтожению мелкого бизнеса. И пришлось — за исполнением задуманного — отправиться в "респектабельный" магазин, где (не с первой-таки попытки!) нашлось искомое... (Но вот уже "Агдам" и "Солнцедар" — канули в Лету, ни в каком, даже антикварном магазине не найдешь...).

"Под впечатлением" воспринятого и пишу сейчас эти строки (рискуя "упасть" в Ваших глазах, однако самоутверждаясь в своей неуязвимости не только алкоголю, но и прочим вредным воздействиям окружающей Среды). Итак...

2. ...Явились мы с Олей на суд с "домашними заготовками". И хватит мне "перелагать", якобы для краткости... Обращусь, как привык, к реальным документам. (Станет лень — не читайте! Но таков мой жанр...).

Судья, открыв заседание, ОБЯЗАН(а) спросить: "Есть ли <u>ходатайства</u> *(подчеркнуто мною — А. А.)* у сторон, до начала слушания дела". А у нас — ЕСТЬ!

(1) В Красносельский федеральный районный суд г. Санкт-Петербурга от Новиковской О. А., проживающей по адресу: 198259, г. Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, дом 154, кв. 57, являющейся заявителем по делу об установлении факта, имеющего юридическое значение

Дело № 2-870/06

ХОДАТАЙСТВО

В дополнение к имеющимся свидетельствам и доказательствам по делу № 2-870/06 прошу приобщить к материалам дела заявление Копытской Алевтины Владимировны, которое она просила меня передать в суд.

Копытская А. В., как и я, проходила обучение в ТОО “Союз педагогов” в 1995/96 г. (копия ее диплома прилагается) и сообщает, что обучалась там в течение 9 месяцев с 5-дневной учебной неделей при 6-часовой нагрузке.

Я не могла пригласить А. Копытскую в суд в качестве свидетеля, ввиду состояния ее здоровья (она пенсионер, инвалид).

О. Новиковская
29.03.2006

(Текста давней Олиной соученицы у меня сейчас нет под руками, но в ходатайстве адекватно изложен его смысл. К нему прилагалась копия ее диплома, выданного ТОО “Союз педагогов” в 1996 г., такого же, как у Оли. Стоит отметить, что А. К. проработала 7 лет “учителем-логопедом” по 9-му тарифному разряду (!); дальше ей ходу не дали, в отличие от Оли, которая сумела-таки пробиться, ВОПРЕКИ своему диплому, до 13-го разряда и 1-й категории логопеда, но чего это стоило...).

(2) (“Шапка” — та же)

ХОДАТАЙСТВО

По ходатайству заявителя, Суд уже дважды вызывал в качестве свидетеля по делу № 2-870/06 Рафаловича Александра Зельмовича, который будучи директором ныне ликвидированного ТОО “Союз педагогов” в 1995/96 учебном году мог бы подтвердить факт объема подготовки в 1040 часов по специальности “логопедия” в указанном учебном заведении в тот период.

Однако Рафалович А. З. в суд так и не явился. При этом в обоих случаях его вызов осуществлялся отправкой повестки из суда по почте, что фактически исключало возможность документального подтверждения, что он был извещен.

Прошу суд принять меры к явке свидетеля Рафаловича А. З. в суд. Со своей стороны я готова лично или через своего представителя доставить повестку по месту нынешней работы свидетеля: Санкт-Петербург, ул. Аэродромная, д. 7, корп. 2, НОУ “Союз педагогов”.

(подпись, дата — те же)

(3) (“Шапка” — та же)

ХОДАТАЙСТВО

Из хода судебного рассмотрения я поняла, что представитель заинтересованного лица (Комитета по народному образованию г. Санкт-Петербурга) не считает целесообразным устанавливать в качестве факта, имеющего юридическое значение, объем моей учебной подготовки по специальности “логопедия” в ТОО “Союз педагогов” в 1995/96 г., мотивируя это тем, что сам по себе мой диплом никак не оспаривается и успешное прохождение аттестации по данной специальности зависит лишь от реальных возможностей, опыта и знаний аттестуемого. Прошу суд истребовать от заинтересованного лица письменное изложение его позиции по данному вопросу с передачей этого документа мне, как заявителю по делу 2-870/06.

(подпись, дата — те же)

(Идея такого обращения принадлежит вневедомственному юристу из Дворца труда, к которому мы с Олей ходили накануне суда. Правда, он предлагал обратиться с подобным ходатайством устно, по ходу заседания. Но я рассудил, что “устно” — к делу не пришьешь, да и подходящий момент трудно угадать).

Первое ходатайство судья приняла благосклонно. Не зря я поставил его первым, хоть оно и не тривиально... (“Пионерский” опыт использования мною письменных свидетельств не вызванных в суд свидетелей 20-летней давности см. в главе 13 “Драматическиой социологии...”).

Второе ходатайство не на шутку раздражило судью. Ведь это значит — опять переносить слушание дела! Она спросила, а <u>какие меры</u>, по моему мнению, может принять суд? Я сказал: не знаю, наверное, в Гражданском процессуальном кодексе это предусмотрено.

(На самом деле знаю: (Ст. 168 ГПК РФ) “...В случае, если вызванный свидетель, эксперт, специалист, переводчик не явился в судебное заседание по причинам, признанным судом неуважительными, он может быть подвергнут штрафу в размере до десяти установленных федеральным законом минимальных размеров оплаты труда. Свидетель при неявке в судебное заседание без уважительных причин по вторичному вызову может быть подвергнут принудительному (! — А. А.) приводу”).

Судья: — Но какие все-таки меры?

Я: — Как минимум я готов лично вручить судебную повестку свидетелю Рафаловичу или кому-либо из его сотрудников по месту работы для передачи ему.

Судья: — Вы юрист?

Я (как бы смущенно): — Я не имею юридического диплома.

Т. е. меня нельзя уесть ни за незнание закона, ни за непонимание того, что упомянутая мною здесь (но не там, в суде!) норма в наших судах (при слушании гражданских дел) <u>никогда</u> не соблюдается.

Судья откладывает решение по данному ходатайству до следующего. А следующее ходатайство вроде и совсем “невинное” (см. 3). Строго говоря, получив такое документальное заверение от Комитета по образованию Правительства СПб , можно, пожалуй, и вообще заявление об установлении юридически значимого факта снимать с рассмотрения. Но ведь присутствующая представитель “заинтересованного лица” не может письменно изложить его (своего “лица”) позицию немедленно. Значит, опять же — откладывать слушание дела...

И судья, не получив возражений от растерявшегося представителя “заинтересованного лица” (напоминаю, <u>лицо</u> здесь юридическое, а вовсе не “лицо” в общечеловеческом смысле) как бы вынуждена (или захотела?!..) принять “запланированное” нами решение: все ходатайства удовлетворить и продолжить слушание дела месяц спустя, а пока... только допросить наших свидетелей, которые сидят под дверью.

А что имеет сообщить или с какими ходатайствами хочет обратиться представитель заинтересованого лица? Надо здесь заметить, что было на прошлом

заседании судебное определение: запросить Комитет по образованию “копии документов, послуживших основанием для выдачи действующей в 1995-1996 году лицензии ТОО “Союз педагогов”, касающихся учебных пограмм по специальности “логопедия””.

Тут молодая чиновница из Комитета робко собщает информацию, которую в наших СМИ принято называть скандальной. Оказывается, ушлый Рафалович (тот самый, уклоняющийся от явки в суд, а ведь и не зря!) ликвидировал свой ТОО “Союз педагогов” и создал (без правопреемства!) НОУ “Союз педагогов” как раз в период обучения Оли и ее сокурсниц, т.е в 1996 г., так что те начинали свою учебу в ТОО, а заканчивали, получается, в НОУ. Последнее было учреждено собранием учредителей в составе г-на Р. и еще какой-то дамы (они же двумя годами раньше и ТОО учреждали...) 11 марта 1996 г. и зарегистрировано Регистрационной палатой СПб 1 апреля 1996 г. (однако темпы!). А диплом О. Новиковской (и всех остальных; свидетели потом предъявляли...) выдан 10 июня 1996 г. (Стало быть, уже тогда было НОУ; чего ж, казалось бы, не заверить Рафаловичу свою теперешнюю справку о количестве прослушанных учебных часов печатью этого самого НОУ?).

Да, но в дипломе стоит круглая печать именно ТОО. Это как же так? Да еще, почему-то рядом “шлепнута” треугольная печать Российского гос. педагогического института им. Герцена. (И так на всех дипломах 1996 г.!).

Все сказанное выше подтверждается документально: лицензия ТОО “Союз педагогов” от 7.04.94; Устав НОУ, зарегистрированный 1.04.96 (спасибо предъявившему их “заинтересованному лицу”); оригиналы дипломов 1996 г., предъявленные Олей и ее сокурсницами-свидетелями). Запахло... “жареным”!

(Я, конечно, могу только строить предположения о мотивах всех этих не столь уж и злостных, небось, махинаций; но общая тенденция создания негосударственных “дочек” (если не родных, то приемных) при государственных вузах, по-видимому, обеспечивает преподавателям последних дополнительный заработок, а организаторам первых свободу для самообогащения).

Столь сенсационные открытия (это на момент суда; потом кое-что прояснилось...) как бы подтвердили наше изначальное утверждение, что без г-на Р. в качестве свидетеля тут никак не обойтись. И судья пояснила мне, что тот будет вызван аж 4-мя повестками: две будут посланы самим судом по нынешнему служебному и домашнему адресу (последний счастливо извлечен из учредительных документов ТОО и НОУ...) и две (с указанием тех же адресов) выданы мне — для попытки их личного вручения).

(А секретарь суда, выписывая повестки Рафаловичу, посоветовала мне вручать по домашнему адресу не в одиночку: мол, бывают случаи...).

Однако отдохну...

2.

Продолжаю уже на следующий день (30 марта).

Разглядев внимательно переданную мне представителем “заинтересованного лица” копию лицензии ТОО № 0110,, обнаруживаю не замеченное первоначально ни чиновницей, ни судьей, ни мною: оказывается, срок действия указанной лицензии, истекавший 7 апреля 1996 г., был продлен (правда, с некоторым опозданием — протокол экспертной комиссии Комитета по образованию от 25.04.96), до... 15 июня 1996 г.

Выходит, не так уж небрежен г-н Рафалович... Заверять диплом 10 июня печатью ТОО он имел право. И то — ведь учились Оля и ее сокурсницы таки в ТОО...

Правда, получается, что был короткий период (апрель-июнь 1996 г.) сосуществования ТОО и НОУ с одним и тем же названием, одними и теми же учредителями и т. п. Не удивительно, что не было между ними правопреемства... Насколько все это правильно и законно — не наше дело. Пускай Комитет по образованию разбирается в своих лицензиях.

Остальные наблюдения над бумагами — как бы не в нашу пользу. Откуда взялась треугольная печать Педагогического университета им. Герцена на дипломах выпускников ТОО? (Этакий блеф... Намек на то,что преподавали-то там доценты названного Университета?.. Так ведь Оля говорит, что лекции читали не столько доценты, сколько молодые выпускники, по собственным же студенческим конспектам)). И еще: в лицензии отсутствует упоминание специальности "логопедия", указанной в дипломах... Уж и неясно, стОит ли нам так уж изобличать г-на Рафаловича? А то и впрямь диплом сочтут недействительным... Ну, забивать голы в собственные ворота мы, понятно, не станем. Тут помолчим.

(А вот одна описка в лицензии 1994 г. — очень смешная... Вместо "дополнительного профессионального образования" в графе "Реализуемая образовательная программа", написано: "дополнительное дошкольное *(выделено мною. — А. А.)* образование". "Дошкольников", стало быть, обучают...)...

3.

Заканчиваю этот сюжет уже в воскресенье 2 апреля. После того, как написал все остальное, относящее к полученным в четверг посланиям Лени и Бориса (см. ниже — **продолжение** и **окончание** этого письма)..

...Обратимся к нашим свидетелям. Лидия и Анжелика явились на суд из дружеской расположенности к моей дочери (не виделись 10 лет!) и "групповой солидарности". Я предупредил обеих, что "допрашивать" их буду скорее всего я. И что я буду интересоваться продолжительностью их обучения в ТОО (9 мес.), количеством учебных дней в неделе (5) и количеством учебных часов в день (6). Это никак не противоречило их собственным воспоминаниям, хоть и 10 лет прошло.

Судья, однако, сочла нужным задавать каждой вопросы сама. И сделала это настолько исчерпывающе и точно, что мне не понадобилось задавать ни одного вопроса (хоть я и имел на это право). Правда, у судьи была своего рода шпаргалка: письменное заявление на ту же тему от третьей (не приглашавшейся) свидетельницы (см. выше: ходатайство 1). Вот как там написано, так и наши свидетели отвечали (независимо друг от друга). Да еще с какими-то подробностями и отвечая на "контрольные" вопросы судьи.

Очень достойно вели себя обе свидетельницы, не поддавались на "провокации". А одна провокация была без кавычек. Сидящая напротив меня, тоже у подножия судебного трона, чиновница из Комитета образования, видя как накапливается "доказательная база" с нашей стороны, вдруг спрашивает Лидию: "А откуда Вы знаете, что Вам преподавали больше 1000 часов?" Но Лидия вовсе этого не говорила, а только назвала количество месяцев, дней в неделе и часов в дне... Судья поправляет представителя "заинтересованного лица" прежде, чем это успел сделать я (я мог бы "отвести" вопрос, а судья принять или отклонить отвод).

Другая провокация (вот ведь дрянь!): "Как же это Вы помните, сколько месяцев занимались, и не помните где?" (А Лидия говорила до этого, что занятия проходили на Петроградской стороне, кажется, в помещении ДК имени Блохина, она не знает, что там теперь). И опять судья вступилась за свидетеля, уж больно тенденциозен был вопрос.

В общем одной свидетельнице пришлось относительно нелегко, а другая — Анжелика — вообще держалась в суде как дома. И вспомнила, что и второе высшее образование им обещали, и что про тысячу часов им "еще тогда" говорили, и что лицензия ТОО на стенке висела... Та и другая предъявили свои дипломы (такие же, как у Оли). И вообще стало ясно, что все тут "чисто" со стороны этих женщин, прошедших переобучение на "логопедов" в ТОО "Союз педагогов" 10 лет тому назад, а вот теперь вынужденных что-то доказывать.

Тут Оля, у своего адвоката "не спросясь", проявила уместную — в данной ситуации — инициативу. Дело в том, что у нее сохранилась тетрадка с конспектами по "возрастной психологии" (это им там преподавали). И на внутренней стороне обложки

этой тетрадки — даты и что-то вроде расписания их занятий ее собственной рукой записаны. У Оли даже ксерокопирована была эта страничка. “На всякий случай”. Я в свое время отговорил Олю от предъявления этого “вещдока” суду, полагая его не слишком убедительным.

Но тут, “развивая успех” допрошенных свидетелей, это оказалось кстати. Обозрев тетрадку, судья спросила: а копии у вас нет? И копия, о которой я, признаться, забыл, была немедленно представлена Олей и легла в дело, безо всяких наших просьб. Так мы с Олей стихийно разделили наши роли и дополнили друг друга.

А судья... полистав тетрадку, обнаружила там на первых страницах конспект про “теории психического развития”: теории созревания, научения и психоаналитическая. Это они излагались в такой именно, исторической последовательнсти — от XIX к XX веку. (Потом шел, кажется, уже Ж. Пиаже). И вот судье стало интересно, какая же из этих теорий является сегодня главной, признанной... (Строго говоря, ни одна: наука о развитии ребенка вперед ушла...). Судья вдруг СПРОСИЛА об этом Олю, изрядно ее этим смутив, ибо за 10 лет можно и подзабыть такую высокую теорию. (Впрочем, Оля нашлась, что ответить, что-то вроде: к экзамену нынче не готовилась...).

Но это уже все было в духе установившихся в судебном зале доброжелательства к заявителю. Можно было истолковать вопрос как проверку, а чей это конспект? Но судья дала понять, что “шутит”, ей просто “интересно”... И действительно, когда человек “слишком хорошо” все помнит, это даже подозрительно...

Еще один интересный (однако тревожащий) сюжет. Стараясь замотивировать свое обращение в суд Оля где-то раскопала и приложила к своему заявлению некое Приложение к приказу Минобразвания России и Госкомвуза России от 14.12.95. — “Рекомендации по определеню уровня квалификации педагогических... работников...” (лень переписывать длинное название”. Именно там упоминались пресловутое требование “не менее 1000 часов” специального дефектологического (в частности, логопедического...) образования. Еще на прошлом заседании судья поинтересовалась у чиновницы из Комитета образования, является ли этот нормативный документ действующим. Та сказала: “Да”.

И вот нынче представитель “заинтересованного лица” сообщает (опять же, не без смущения...), что упомянутый приказ Минобразования, оказывается, отменен в 2000 г. (представила и документальное подтверждение этому). Вроде бы это .тоже аргумент в пользу того, что как юридически значимый факт объем учебной подготовки свыше 1000 часов у выпускницы ТОО “Союз педагогов” устанавливать не надо.

Уж там — юридически значимый или “не значимый”, а сам по себе факт этот после всех свидетельских показаний оспаривать трудно. Не будем предугадывать решение суда, которое 27 апреля, похоже, все-таки состоится.

...Пока ждали приглашения в зал суда, чиновница из Комитета по образованию держалась крайне отчужденно (возможно, встревоженная моим ей телефонным звонком, подробно обсуждавшемся в письме 5). На суде она вела себя как-то неуверенно и даже затеяла что-то приватно обсуждать со мной, в ответ на мою публичную реплику. (Судья сделала обоим замечание, но скорее ей, чем мне). А после суда она вдруг стала... заискивать перед Олей, как бы липнуть к ней, так что мне даже пришлось немножко ее “отшить”, опасаясь какого-нибудь подвоха.

Причин такого ее поведения было, пожалуй, две. Во-первых, очередная наша промежуточная победа “по очкам”. А другая... Она сама— мама трехлетнего ребенка, плохо выговаривающего какие-то звуки. И не могла бы Ольга Андреевна ее “проконсультировать”... Оля дала свой домашний телефон, предупредив, что “далеко живет”. Это — по инерции, поскольку подразумевается, как иногда бывало, что заинтересованная мама с ребенком приедет к ней домой, а не наоборот.

Обсудив потом сию пикантную ситуацию с Олей, мы пришли к заключению: а) ни в коем случае не ездить к этому “клиенту”, пусть сама приезжает, если ей надо; б)

категорически уклониться от любых форм благодарности за консультацию, если таковая состоится.

Пока все. “Продолжение следует”...

Ваш Андр. Ал.

***

Письмо А. Алексеева Б. Докторову и Л. Кесельману. (7). Продолжение

31 марта 2006 г.

Вот только вчера (в четверг) меня достигло письмо Бориса, пересланное Леней. Оно — от 24 марта. Временной лаг — неделя. Борис к этому времени располагал четырьмя моими письмами, из которых уже попытался слепить “что-то похожее на интервью” — не как готовый продукт, а как демонстрацию принципиальной возможности.

В этот самый день (24 марта) мною было написано письмо-5, которое я отправил Лене, впрочем, только 28-го. (Кстати, отправлял лично, из института; т. е. я, похоже, научился отправлять письма, но не получать; а скорее всего что-то не в порядке с моим почтовым ящиком, который “не заметил” поступления в него ни одного из отправленных Леней текстов; так что пользоваться этим якобы моим личным электронным адресом <a_alexeev@front.ru> пока не надо, пока я не скажу. А надежным и относительно оперативным является лишь транзит через Аллу Родионову).

Будь оно (мое письмо-5) тогда уже в руках у Бориса (что было теоретически возможно, при условии прямой связи), он бы наверняка и его включил в свою композицию... Я даже догадываюсь, куда именно: между своими пунктами 2 и 3 (“Из журналистов в социологи” и “Социолог становится наладчиком”). Ведь в промежутке между тем и другим была 10-летняя “академическая” карьера, которую я редуцировал чуть ли не до сводки.

Вот, я воспроизвожу здесь опыт Бориса, чтобы при обсуждении было “куда смотреть”. В него добавлена мною лишь датировка фрагментов, соответственно, указание на реальную последовательность их в нашей переписке. Ниже прояснится, зачем я это сделал...

Первый набросок интервью с А. Алексеевым,
выполненный Б. Докторовым
на базе предыдущей переписки (февраль-март 2006)

Текст для Андрюши...посмотри *(очевидно, обращение к Л. К. — А. А.)*, это уже что-то похожее на интервью. Боря

2006-03-24

Андрей, это ответ на последнюю фразу твоего письма от 17 марта: «Пока не очень ясна мне самому композиция этого моего эпистолярного сочинения. То ли от конца к началу двигаюсь, то ли от начала к концу... Скорее всего — челночное движение».

Мне кажется, что теперь просматриваются и композиция интервью, и его дух...Мое предложение – и я его обозначил ниже – начать с твоего как можно более обстоятельного рассказа о возникновении драматической социологии и о том, как возникла книга (возникли книги)..в том числе – их жанр. Тогда будет вполне естественным постоянное цитирование...оно придаст твоему интервью явную специфичность и даже шарм.

Заголовок мы потом придумаем, в кавычках будет стоять фраза из твоего интервью, которая покажется нам знаковой....

За короткий срок ты нарисовал более поллиста, это очень здорово...посмотри, может быть я что-то не перенес из писем...тогда внеси или укаже мне, что и где...

Уже сейчас наметились четыре раздела...явно появятся еще...об это не волнуйся...На сноски тоже пока не обращай внимания...это все дело техники...

Теперь, Андрей, посмотри, как тебе будет удобнее...дописывать интервью или – как и раньше – писать письма, предоставляя мне право, включать все в текст интервью...я принимаю оба решения..

И последнее. Та скорость, которую мы набрали, позволяет мне предположить, что мы все завершим к концу лета....Что ты думаешь по этому поводу? Дело в том, что я могу ориентироваться на то, чтобы твое интервью было опубликовано в Телесокопе-4 за этот год. В пятом выпуске будет, скорее всего, Здравомыслов...про шестой пока говорить не стоит....далеко.

Всегда жду, обнимаю, Боря

А.Н. АЛЕКСЕЕВ

От ведущего рубрики

... ...

Борис Докторов

<…> (Здесь опущена предпринятая Б. Докторовым первичная систематизация и композиция вопросов интервьера и ответов интервьюируемого, скомпонованные из вышеприведенных писем А. Алексеева. - А. А.)

***

Боря!

Я очень благодарен тебе за этот труд, вовсе не механический, а творческий, хоть ты “всего лишь” соединил куски из разных писем, к тому же стимулированных тобой.

(Единственное исправление, которое ты внес: вместо “Г. Черкасова” — “Гелий Николаевич Черкасов”, а вместо “И. Сигова” — “Ивглаф Иванович Сигов”. С чего бы такой для директоров института эксклюзив? Если я начну ВСЕХ упоминаемых лиц по имени отчеству величать, вряд в габариты умещусь... Но это — шуточки).

Ты действовал профессионально — в русле сложившейся у тебя практики “автобиографических” интервью, в которые более или менее органично инкорпорируются “лирические” и “научные”, а также “мировоззренческие” пассажи, причем иногда какой-то из них выступает своего рода “камертоном” или “ключом” (как ты, например, удачно предлагаешь мне — про “Драматическую социологию...”, что могло бы придать всему интервью, как ты пишешь, “явную специфичность и даже шарм”...). Но в любом случае основная логика твоего интервью — хронологическая: сначала жизненный период один, потом — следующий за ним. И т. д.

Читая эту арранжировку, я сначала не мог понять, что же произошло с моими фрагментами, дословно сохраненными тобою, но иногда словно приобретающими другой смысл (или звучание?...). Пока не сообразил, что мой-то текст — не автобиографический, а ауторефлексивный (как, между прочим, и известный 4-х томник, где постоянные переходы “из сегодня во вчера”, “из вчера в позавчера”, а “из позавчера в сегодня” и т. д.). А у рефлексии — иная, чем у биографии логика, последовательность реперных точек.

...Недавно вышла (и я успел прочитать...) прекрасная книжка Я. Гордина “В сторону Стикса”, посвященная его ушедшим друзьям — И. Бродскому, Н. Эйдельману и Ю. Давыдову. В ней Яков приводит текст послания ему молодого Бродского (из

Архангельской ссылки), в котором тот в непритязательной форме личного письма предъявляет важные фрагменты своего жизненного и творческого кредо. Сначала жизненное (хоть сейчас речь и не о том, но уж больно хорошо, к тому же задает контекст):

> "...Смотри на себя не сравнительно с остальными, а обособляясь. Обособляйся и позволяй себе все, что угодно. Если ты озлоблен, то не скрывай этого, пусть оно грубо; если весел — тоже, пусть оно и банально. Помни, что твоя жизнь — это твоя жизнь. Ничьи — пусть самые высокие — правила тебе не закон. Это не твои правила. В лучшем случаи они похожи на твои. Будь независим. Независимость — лучшее качество, лучшее слово на всех языках. Пусть это приведет тебя к поражению (глупое слово) — это будет только твое поражение. Ты сам сведешь с собой счеты; а то приходится сводить счеты фиг знает с кем..." (Цит. по: Я. Гордин. В сторону Стикса. Большой некролог.М.: Новое литературное обозрение, 2005, с. 17).

А вот рассуждение прямо по теме моего к тебе сейчас разговора:

> "...Композиция, а не сюжет... Связывай строфы не логикой, а движением души — пусть тебе одному понятным. Они и будут тебе дороги, эти стихи. И от всех мнений избавят. А потом тебе мнений и не захочется... Главное — это тот самый Драматургический принцип — композиция. *(Выделено мною. — А. А.)*... Ведь и сама метафора — композиция в миниатюре... Жизнь отвечает не на вопрос: что? а: что после чего? И перед чем? Это главный принцип. Тогда и становится понятным "что". Иначе не ответишь. Это драматургия. Черт знает почему, но этого никто не понимает. Ни холодные люди, ни страстные..." (Там же).

Вот ты располагаешь мои фрагменты в "естественной" (хронологической) последовательности (пусть предваряя задуманной "увертюрой" о драматической социологии). Получается (если воспользоваться моей маркировкой, или нумерацией писем): **4-2-3.** Однако естественным для ауторефлексии является как раз порядок: **2-3-4.** И только после "исповедальных" заявлений в **2**, например, и "самоизобличения" в **3** — уместна тональность, представленная в **4**, а не наоборот.

Таким образом, наши представления о возможной композиции различаются. Я бы вообще не стал заниматься "структурированием" (убедившись в том, что оно в принципе возможно...). И может быть не стал бы имитировать устную беседу (чему служат твои "служебные" реплики, а мне дороже некоторые твои рассуждения, которые, впрочем, в своей композиции ты хоть и скупо, но тоже используешь), а приблизился бы к реальному обмену электронными посланиями.

Итак, не "дописывать" интервью я готов, а продолжать переписку "на заданную тему", как вздумается и как получится, а там — видно будет. Я уже написал в начале этого письма (еще не читавши твоей композиции):

> "...Вопреки Вашим (твоим и Лени) ожиданиям, я занялся не столько предложенной Вами "работой по подготовке" автобиографического (ауторефлексивного?..) интервью, сколько "делом развлечения" Вас и самого себя (и, может быть, будущих читателей этой переписки...), где то, что подлежит затем "структурированию" и, возможно, публикации... является лишь необязательным "побочным продуктом"...".

С этой точки зрения, например, история "судебной тяжбы" моей дочери при моем "адвокатском" участии оказывается не менее органичной (необходимой...) частью данной (тематической!) переписки (и, кстати, сказать, иллюстрацией того, что же такое драматическая социология, которая есть не столько "научное направление", сколько определенный "способ жизни"...). Хоть я и понимаю, что в заданный твоим проектом жанр этот сюжет вряд ли укладывается.

И последнее в этой связи. Ориентироваться на то, чтобы мое интервью было опубликовано в № 4 "Телескопа" за этот год — не надо, хоть мы и набрали "хорошую

скорость”... Будем поспешать медленно. Будем жить, переписываться на заданные или не заданные темы (пока не надоест кому-нибудь или обоим).

Пусть твоя идея ИНТЕРВЬЮ будет поводом, но не целью ДИАЛОГА. Мне он пока, именно в таком качестве, интересен. Тебе, наверное, тоже (хоть твой “жизненный мир”, в отличие от моего, и насыщен весьма плотно виртуальным общением; в этом смысле — тебе труднее: слишком много разных индивидуальностей надо впускать в себя).

Андр. Ал., 31.03.2006

P. S. Только что (сейчас конец дня 2 апреля, воскресенье) А. Р. прочитала мне по телефону твой отклик на мою, так сказать, “Интермедию” (авторство ее, как ты понимаешь, коллективное...). Восприятие на слух недостаточно для продолжения диалога на эту тему, да может и не стоит дальше ее развивать. Поскольку все — и Леня, и ты, и я — достаточно определенно обозначили свои позиции. Возможно, я все же что-нибудь и добавлю, когда увижу текст глазами, но уже не в этом своем письме, а в следующем — в лучшем случае через неделю.

Единственное, о чем хочу высказаться уже сейчас, это о различении приватных (личных) и лично-общественных писем. Лет пять назад мне довелось представить на очередные Любищевские чтения доклад “Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации”. Это — достаточно мощная модель, мне до сих пор нравится. Включен этот текст и в “Драматическую социологию...”, т. 1 (раздел 4.5). Хорошо бы ты эти несколько страничек там прочитал.

Суть идеи — в различении “коммуникации другому лицу”, “коммуникации для других” и “коммуникации самому себе”. Первая репрезентируется таким типом текстов, как ПИСЬМО, вторая — СТАТЬЯ, третья — ДНЕВНИК. Триада эта, похоже, является системной (по Баранцеву; его тринитарная методология тебе, наверное, знакома). Особенно интересны типы-кентавры и синкретичные или даже синтетические типы.

Одним из примеров то ли синкретизма, то ли синтеза могут служить... “Письма Любимым женщинам” (по крайней мере в той их части, которая ныне опубликована). Вспомни “Притчу о Генеральной линейке”: это писано и “для другого” (единственного адресата), и “для себя” (уяснение самому себе) и “для других” (возможных читателей). Это, строго говоря, не письмо, не статья и не дневник, но — и то, и другое, и третье вместе.

В известном смысле я “мастер” совмещения этих трех типов письменной коммуникации, и в этом ключе веду и нынешнюю переписку. Обращаясь к тебе, я размышляю сам с собой, а еще постоянно помню о потенциальных читателях, в известном смысле адресуюсь к ним (через тебя). Поэтому при всей доверительности и откровенности, я постоянно (иногда — неосознанно...) цензурирую свой текст, чтобы не поставить тебя, себя или еще кого-либо в ложное положение. Вот почему меня не беспокоит, по крайней мере сегодня, даже бесконтрольное распространение моих писем. (Вообще, интернет не гарантирует абсолютной приватности).

...Но мои письма вне диалога мало интересны. А другая сторона (скажем, ты) может и не быть таким адептом лично-общественного жанра. Может, тогда стоит особо оговаривать случаи “сугубо-личной” коммуникации в этой нашей переписке. Боюсь, что твое последнее письмо (по крайней мере, как я его услышал) в значительной своей части заслуживает купюр, а может и изъятия из “связки” наших открытых писем. (Так, например, я поступил со “вторым туром” переписки твоей, Лени и моей из “Интермедии” — сам увидишь, когда откроешь большой файл **aldoke1a**, о котором подробнее см. в самом конце настоящего письма, ниже).

То обстоятельство, что среди потока лично-общественной переписки появляются приватные вкрапления — это не плохо и не хорошо, а нормально! Лишь бы эти пассажи (а может и все письмо...) были обозначены как таковые. Чтобы не полагаться только на такт адресата, который не станет обнародовать чужой интим или крик души...

Боюсь, что при вашем многолетнем опыте эпистолярного общения с Леней эти простые правила не были установлены изначально, откуда иногда возникают, мягко говоря, печальные недоразумения (а можно выразиться и покрепче...). Как автор “Драматической социологии...”, которая на добрую треть составлена из писем, при полном отсутствии “рекламаций” на этот счет, я, пожалуй, могу претендовать быть в данном вопросе экспертом.

(Конечно, в отношении меня для тебя есть проблема, что переписка наша идет при посредничестве не просто техническом, а, естественно, также человеческом, моего “доверенного лица”. Заверяю тебя в его (ее...) дружественности, обязательности и деликатности. Конфиденциальность, также и с этой стороны, гарантируется).

Из твоего последнего послания не ясно, достигло ли тебя мое **письмо-5**, от 24 марта. То, где продолжение “экзистенциально-юридического” сюжета, а также краткий очерк моей социологической карьеры 70-х гг. (начиная с Новосибирска...). Скорее всего, получив через Леню одновременно письма 5 и 6 на той неделе, ты сосредоточился лишь на жгучей теме “Интермедии”... (А в отношении предыдущего письма, если нет вопросов или комментариев, можешь подтвердить только, что ты его читал).

А. А., 2-3.04.2006

**

Теперь — другое персональное обращение:

Леня!

Я прочитал твои тексты: 1) план книги; 2) Российское зеркало белорусского «батьки»; 3) Ще не вмерла Украина…

План книги, по состоянию на конец марта 2006 г., даже воспроизведу здесь, а то ты потом, переделав этот или придумав новый, настоящую версию скорее всего сотрешь

План книги
Очерки российского социального сознания начала третьего тысячелетия

Предисловие

Первая часть Социальное сознание и методы его наблюдения. Методологические основания анализа эмпирических данных.

Вторая часть (первая половина) Старший брат в кольце оранжевых майданов или оранжевые майданы в российском социальном сознании

1 Трансформация и социально-структурные особенности восприятия россиянами отношений между Россией и Украиной.

3 Отношение россиян к политическим процессам в Украине

1 Социально-структурные особенности образа майдана в сознании россиян: воля граждан или вмешательство внешних сил

2 Динамика и социально-структурные детерминанты интереса россиян к политической жизни в Украине

3 Динамика и социально-структурные особенности отношения россиян к В.Ющенко и «Нашей Украине»

4 Динамика и социально-структурные особенности отношения россиян к Ю.Тимошенко

5 Динамика и социально-структурные особенности отношения россиян к В.Януковичу и «Партии регионов»

4 Взгляд из России на проблему русского языка в Украине

Вторая часть (вторая половина)

Динамика и социально-структурные особенности отношения россиян к Белоруссии

Динамика и социально-структурные особенности отношения россиян к Грузии

Динамика и социально-структурные особенности отношения россиян к Прибалтике

Российское социальное сознание в оранжевом зареве своего будущего

Третья часть Российское социальное сознание наедине с собой и своими проблемами

1 У Господа нет других рук, кроме ваших собственных (локализация ответственности)

2 Динамика и социально-структурные особенности российского оптимизма/пессимизма

3 «Тефлон» навсегда? Отношение к власти

4 Отношение к коррупции

5 Свои и чужие. Национализм

6 Монетизация, ЖКХ, другие хворобы

7. Готовность к протесту

8 Миф и человек (Г.Старовойтова в социальном сознании россиян)

9.Из света в тень перелетая (Чубайс, Ходорковский и некоторые другие мифологические персонажи российских социальных поллей

Четвертая часть. Глазами соседей. Россия в украинском и белорусском социальном сознании

Социально структурные особенности восприятия России украинским населением

Региональные особенности и детерминанты восприятия России украинским населением

Социально структурные особенности восприятия России населением Белоруссии

Заключение

.

(1) План безусловно хорош, а главное — реалистичен. Будет ли он реализован — вопрос особый.

Ты, убедившись, что недостатка в актуальной эмпирической подпитке благодаря сайтам ФОМа и “Левада-центра” у тебя нет, сейчас, конечно, будешь разрываться между “злобой дня” и этой “докторской диссертацией honoris kausa”. Но ясно мне, что период творческого молчания (заполнявшегося тобой составлением и рассылкой твоих интернетовских “альманахов”) закончился и ты на пороге очередных профессиональных спуртов или рекордов. (Последний был в конце 2003 г. — “Продолжение жизни”). Желаю тебе разумного распредения сил.

(Кстати, я так понимаю, что и твое интервью в “Телескопе” — лишь сливки из большого бидона с молоком... Прислал бы весь бидон. Для внутреннего — моего лично — употребления).

(2-3) Твое, теперь уже последовательное обращение к теме “международных отношений”, в частности, “двусторонних отношений” народов и стран в зеркале как российского, так и зарубежного социального сознания представляется весьма перспективным.

Понятно, из этих “зеркал” узнаешь “о себе” куда больше, чем о том, что они отражают. Белорусский сюжет с его положительной динамикой позитивного отношения россиян к “последнему диктатору Европы” и впрямь производит удручающее впечатление.

А с интерактивным опросом на “Эхе Москвы” 21 марта (кстати, уже после выборов...), о котором узнаю впервые, что-то даже не верится... Радиослушатели предпочитают Лукашенко Путину в качестве главы Союзного государства?! Не мог бы ты прислать мне файл с записью этой передачи на сайте “Эха”; тебе отыскать его пара пустяков, а я провожусь долго... Среди присылавшихся тобою недавно интернетовских материалов о Белоруссии этого эпизода вроде нет.

Что же касается украинского сюжета, то тут удивляться нечему. И я удивляюсь скорее усматриваемой мною некорректности твоей интерпретации. У россиян спросили, “как они представляют себе нынешние отношения между Россией и

Украиной” (кавычки обозначают цитату из твоего текста — не из вопросника, но смысл прозрачен). И что же удивительного, что три четверти опрошенных назвали их “плохими”. А они что, хорошие?!

Одно дело — отношения между народами, другое — между странами, третье — между правительствами. Последние привычно отождествляются со вторыми. Вторые принципиально разнятся с первыми. Тем более, разные вещи: отношения между странами и, скажем, отношение народа к некой стране (не своей, другой). Непонимание этих различий приводит к совершенно недопустимой подмене понятий и к путанице не только в социальном, но и, боюсь, в социологическом сознании.

Опросы ФОМа показывают, что оценка россиянами отношений между двумя странами последние год с лишним снижалась, что вполне соответствует реальному ухудшению отношений между правительствами России и Украины (не такой уж наш народ слепой и тупой...).

И вот этот социологический факт (оценку россиянами отношений между двумя странами) ты сопоставляешь с другим социологическим фактом, а именно... с самим по себе отношением украинцев к России (формулировка вопроса не приводится, но тоже смысл прозрачен). Тут оказывается, что россияне полагают отношения между двумя странами “плохими”, а украинцы к России относятся “хорошо”, что как бы в укор россиянам... Ничего себе, в огороде бузина, а в Киеве дядька! Могу предположить, что если бы украинцев попросили оценить отношения между двумя нашими странами (государствами), они тоже были бы не в восторге. А россияне хоть, возможно, и не так “хорошо” отнеслись бы к Украине, как украинцы к России (хотя бы в силу упомянутого выше смешения понятий), но уж всяко не увидели бы “в Украине и ее жителях врагов”...

(Твоя размашистая фраза: “Может, это взаимно, и жители Украины тоже (выделено мною. — А. А) видят в России и ее жителях врагов?”).

Вносить путаницу понятий “народа” (жителей страны), “страны” (как некоего государственного образования), “государства” (как аппарата управления страной), “верховной власти” (правительства, президента) и, наконец, самого “Богом данного” или “народом избранного” правителя, конечно, очень выгодно действующей власти. И не наше дело ей в этом “помогать”. А тут получается ей, вопреки собственным намерениям и заверениям, как бы помощь...

Я здесь только “про суть”, не касаясь стилистики. Конечно, стилистика в этих текстах не та, что в первоначальном варианте твоего (ныне уже опубликованного в “Деле”) материала о “палестино-израильском конфликте в представлении россиян”. Но публицист в тебе нынче иногда задавливает социолога. И... “что простительно быку, непростительно Юпитеру”... ... ... <…>

Уже безотносительно к материалам опросов ФОМа и “Левады-Центра” и к твоим их интерпретациям:

Возможные предметы оценки респондентами в опросах, затрагивающих проблематику отношений между странами и т. п. и отношения к другим странам и т. п.

Отношения между...	Свое отношение к...
— народами (национальностями, этническими группами)	— к другому народу (национальности, этнической группе)
— странами	— к другой стране
— государствами	— к другому государству
— правительствами	— к правительству другой страны
— лидерами стран	— к лидеру другой страны

К этому можно бы еще добавить, выходя за пределы “международной” тематики:

Свое отношение к... собственному народу; к собственной стране; к “собственному” государству; к “ собственному” правительству; к лидеру собственной страны.

Ясно, что это разные объекты оценки и/или отношения. Например: можно хорошо относиться к американскому народу; плохо — к президенту Бушу; а к США как стране — хорошо или плохо, в зависимости от того, идентифицируете ли вы эту страну с ее народом или с ее президентом, которые сами по себе могут по-разному думать друг о друге.

Вообще сопоставления как “по горизонтали”, так и “по вертикали” представляются здесь весьма интересными, разумеется, при правильном соотнесении не только объектов, но и субъектов оценки. Тут вообще море смыслов, содержательных и теоретико-методологических проблем...

(В известном смысле, это можно интерпретировать как концептуальную схему или набросок программы специального исследования некоторых важных срезов социального сознания. Может, кому и пригодится...).

Твой Андр. Ал. 1.04.2006

***

Письмо А. Алексеева Б. Докторову и Л. Кесельману. (7). Окончание

Теперь “продолжение интервью”, точнее — размышление по поводу одного из ранних вопросов ко мне Бориса. А именно: ... Ан вот и нет такого вопроса!

Буду, однако, следовать стихийно сложившемуся принципу “челночного” движения: письмо 2 — уход социолога в рабочие, зачем, почему (рубеж 70-80-х гг); 3 — откуда ушел, или рассуждение на заданную тему о “социологическом гетто” (конец 70-х); 4 — путь из журналистики в социологию, через аспирантуру факультета журналистики (вторая половина 60-х); 5 — некоторые штрихи профессионально-научной, социологической карьеры (70-е гг.).

Теперь — в самое начало, к семейным истокам, к “детству, отрочеству и юности”... Ведь кое-что только оттуда и можно объяснить. (Почти все собеседники Бориса так или иначе обращались к этой теме...)

...Будучи в основном “домашним ребенком”, никогда не посещавшим детский сад, да и в школу пошедшим (в военные годы) чуть ли не с четвертого класса, я не могу указать на сколько-нибудь серьезные ранние социализационные влияния, кроме родительских. А родительская семья преставляла собой своего рода “единство противоположностей” (причем не вполне устойчивое).

Мать (Варвара Петровна Пузанова), петербурженка, была родом “из дворян”, правнучка знаменитого металлурга, изобретателя русского булата П. П. Аносова. Отец (Николай Николаевич Алексеев) — “из крестьян” или “из мещан” (скорее последнее, т. к. его родители жили в г. Рыльске, Курской губернии).

Мать окончила относительно привилегированную Екатерининскую гимназию и имела разнообразные гуманитарные наклонности, впрочем, профессионально никак не реализовавшиеся, поскольку уже после революции училась в Технологическом институте. Она сделала определенный вклад в теорию машиностроения, автор нескольких книг (ее первая — “Допуски в тракторостроении” — была издана еще до моего рождения, а вторая — курс лекций — когда мне было 5 лет); но только в 50-х гг.

защитила кандидатскую диссертацию на тему “Анализ размерных связей механизма как основа для простановки размеров в рабочих чертежах”.

Отец же про себя говаривал, что у него имеется “высшее образование без среднего”. Способный инженер-практик, он практически всю жизнь проработал на заводе им. Ворошилова (сейчас — “Звезда”). Последние 10-15 лет, до выхода на пенсию в 60-х гг. работал там главным технологом. Было у матери с отцом и творческое содружество, одним из плодов которого оказалась совместная книга “Размеры и допуски в машиностроении”. Писала, конечно, мать, а отец позже шутил: “Надо мне хотя бы прочитать свою книгу...”.

Мать была достаточно аполитична (хоть мы с нею почти никогда не обсуждали эти темы, могу предположить, что то была форма “внутреннего диссидентства”, распространенного среди уцелевших от репрессий интеллигентов из ее поколения). Отец же рассказывал, что в 20-х гг. он какое-то время был чуть ли не секретарем партийного комитета, пока не спохватились, что он не член партии. Много позже ему, по служебному положению, и надо бы вступить, да он все отшучивался: — Я еще не созрел, не все понимаю!.. — Чего же Вы не понимаете, Н. Н.? — А вот не понимаю, как это получается: один член партии — г-но, другой — г-но, а в целом партия — руководящая сила!” (По другому варианту: “ум, честь и совесть”... Может, и прихвастнул, когда рассказывал, но так или иначе — от него отстали). Впрочем, и полное собрание сочинений Ленина (3-е издание в красной обложке), и многолетний комплект журнала “Большевик” (затем — “Коммунист”) в домашней бибиотеке были.

Мать была типичным интравертом, отец — экстравертом. Мать — считала себя как бы человеком “из прошлого века” (она родилась в декабре 1899 г.; характерно, что для души она читала почти исключительно старых французских авторов, причем в оригинале); отец же — на 4 года моложе матери — типичный “сын XX века”. Мать — была жестка в моральных требованиях к себе и другим, всегда сдержана в выражениях; отец же, как мне кажется, бывал порой недостаточно самокритичен и “за словом в карман не лез”.

С общественной активностью у отца сочеталась конфликтность на работе. Мама часто помогала ему в разрешении этих конфликтов тем, что сочиняла за него безупречно корректные служебные записки. Выручал его также безупречный авторитет профессионала.

Оба инженеры-технологи, мать была по преимуществу теоретиком, отец — практиком. (Интересно, однако, что автомобиль “Победа”, приобретенный в начале 50-х, водила именно мать, а отец научился управлять уже только после ее смерти в 60-х гг.).

...Мы с матерью вернулись в Ленинград из эвакуации вскоре после снятия блокады в 1944 г. Отец — несколько позже, вместе с оборонным заводом, на котором работал во время войны

Мать уделяла единственному сыну очень много внимания до тинейджерского возраста. И фактически заложила культурный багаж, который действовал и во время школьного обучения, и в вузе, и дальше, но со временем оказался мною не то, чтобы растрачен, но явно недостаточно приумножен. Так или иначе, но и школьная золотая медаль, и очень нестандартный в ту пору аттестат зрелости, куда были вписаны три иностранных языка: английский, французский, немецкий, да и “академическая компонента” Сталинской стипендии в Университете (другая компонета — общественная, комсомольская активность) — все это в основном последствия (инерция?..) раннего домашнего образования и материнского влияния.

Примерно после 7-го класса мать полностью прекратила всякую надо мной “опеку”: приготовление уроков, занятия спортом, круг общения, круг чтения — никак ею не контролировались. И тем не менее, в конце школьного периода у меня стал назревать какой-то протест против “маминого” воспитания. Под влиянием школы, пионерсокго лагеря, других внешних воздействий, оно стало казаться мне слишком “камерным”.

Так случилось, что окончил школу я, когда мне еще не исполнилось 16, и поступал в университет, не успев получить паспорт... Возможно, мать прочила мне “академическую” карьеру. Хоть я и окончил славянское отделение филологического факультета, но полиглотом не стал, а лингвистика вскоре показалась слишком скучной и сухой наукой... То ли дело комсомольская жизнь, общественная работа, студенческие стройки! Стоит напомнить, что гуманитарное образование тогда (первая половина 50-х) было крайне идеологизированным. Стремясь “приблизиться к реальной жизни”, я воспользовался возможностью закончить также и отделение журналистики. И распределение получил по этой второй, тоже записанной в мой диплом специальности.

Думаю, что став журналистом, я последовал скорее не по материнским, а по отцовским стопам, только что не в инженерно-технической, а в общественно-гуманитарной сфере. Лишь много позже (когда матери уже не стало), я понял, сколь глубинным и долгосрочным было ее влияние на всю мою последующую жизнь.

...Вообще, воспитательная установка матери была, я бы сказал, “культурно-нравственной”. Все идеологические ценности черпались мною извне семьи (школа, университет, комсомольская работа). Общечеловеческие же ценности имели своими первыми и главными истоками семейное общение и “необязательное” чтение. Вот этот противоречивый симбиоз общечеловеческих и идеологических ценностей, думаю, способствовал возникновению такого жизненного “аттрактора”, как социологическое знание и действие.

(Пожалуй, я здесь слишком “умствую” и концептуализирую свою жизненную историю. А может и упрощаю, элиминируя большое количество факторов. Но это всего лишь модель, понятно, не исчерпывающая всего богатства жизни, однако обладающая определенной объяснительной силой).

О своей журналистской карьере (вторая половина 50-х — начало 60-х) я уже говорил — не больше, чем она того заслуживает. Не рассказывал пока о своем первом “хождении в рабочие”... Оно состоялось после пяти лет работы в молодежных газетах и было своеобразной попыткой преодолеть издержки то ли “камерности семейного воспитания”, то ли “абстрактности идеологических догм”. Вот “не хлебнул лиха” в детстве — дай-ка хлебну... Вот “воспевал” бригады коммунистического труда — а каково там в самих этих бригадах?..

Кто едет “за туманом и за запахом тайги...”, а кто ищет “ту заводскую проходную, что в люди выведет меня...”. Я предпочел второе.

Интересно, что в это же самое время Вадим Ольшанский предпринял первый в советской социологии опыт включенного наблюдения в качестве рабочего на одном из московских заводов. Из его воспоминаний видно, что молодой социолог В. О. был движим в общем-то теми же романтическими побуждениями, что и молодой журналист А. А. “В те месяцы я заново должен был разобраться в жизни, в себе самом. Это главный итог “включенного наблюдения”, социологической аспирантуры”, — пишет мой старший коллега (Ольшанский В. Б. Были мы ранними... / Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 2000, с. 184).

Работа вальцовщиком на одном заводе, потом электролизником на другом продолжалась около 3-х лет, пока не вернулся (правда, ненадолго) к штатной журналистской работе. Эти мои “рабочие университеты” к 30 годам как бы закончили период “первоначальной” социализации, надо сказать, изрядно затянувшийся.

В следующем письме постараюсь ответить на вопрос Бориса:

— *Ты ведь и в те годы, когда восстанавливался в КПСС, понимал, что эта организация далеко не ум и не совесть эпохи...что тебя тогда заставляло тратить силы и прочее, чтобы восстанавливаться? И после восстановления ты сразу вышел. Так?*

Но придется этот вопрос опрокинуть и в достаточно отдаленное прошлое: когда вступал в партию (1961). В некотором смысле, сочинение на тему “Партия в моей жизни”... Гм!

1.04-2.04.2006

***

Пожалуй, на этом завершу настоящее объемное послание — аж в 3-х частях и 70.000 символов! — моим дорогим корреспондентам. Его главные сюжеты:

— развитие моделирующей ситуации с судебным процессом моей дочери “об установлении факта, имеющего юридическое значение” и т. д.;

— обсуждение круга вопросов, так или иначе связанных с Бориной попыткой “структурирования” моих воспоминаний-размышлений;

— моя неоконченная рецензия на тексты Лени, поступившие ко мне в минувший четверг, 30 марта.

— очередной “автобиографический-ауторефлексивный” фрагмент (о родителях, о “детстве, отрочестве и юности”).

Обнимаю Вас обоих (порознь и вместе). Зина шлет привет Лене и Борису.

Ваш Андр. Ал.

Воскресенье, 2 апреля 2006 г.

P. S. Я посылаю Борису также файлы todoct5 и todoct6, хоть они у него уже есть (поступившие через Леню), но я хотел бы, чтобы все мои письма были у Бориса в одной папке, наполняемой из почтового ящика Аллы (независимо от Лениного транзита и моих собственных попыток освоить переписку через “сеть”). Иначе — недолго запутаться.

Кроме того, как бы в ответ на опыт композиции Бориса посылаю свою композицию — не “интервью”, а всей переписки с февраля 2006 г. по сей день, выстроенную хронологически. Строго говоря, именно ее я считаю настоящей и живой целостностью, представляющей наибольший, по крайней мере для меня, интерес. Это — файл aldoke1a.

Туда включены все материалы, представленные в файлах от todoct1 до todoct7, за исключением одного “цензурного” изъятия, а именно: “связка писем” Б. Д. к Л. К. от 18.03.06, Л. К. к Б. Д. от 18.03.06, Б. Д. к Л. К. от 19.03.06 и А. А. к Л. К. от 23-26.03.06, которые я предпочел бы перевести в разряд приватных. (Хоть некоторые из них, похоже, и получили более широкое распространение, но во всяком случае я тому способствовать не собираюсь...).

Все остальное в большом файле **aldoke1a** (до 5 а. л.) по крайней мере мною рассматривается как лично-общественная переписка, которой я даю право моим корреспондентам распоряжаться по своему усмотрению. Соответственно, и сам оставляю за собой такое право... Если что-либо еще следует из моего итогового свода переписки исключить — обязательно дайте знать.

А. А. 2-3.04.2006.

***

ALDOKE2A

Папка 1.2. Апрель 2006

В том числе:

Письмо Б. Докторова А. Алексееву (8а)

30 марта 2006 г.

Андрей, вот так теперь собраны в определенную структуру твои тексты *(см. ниже: text02. — А. А.)*. Внес я и то, что было тобой написано 24 марта 2006 года. Я ничего не менял в твоих текстах, только, исходя из моего понимания содержания тех или иных кусков, предварял их вопросами. Есть пока сводный параграф «О важном понемногу», в него я заношу то, что еще не ложится в выделенные параграфы, но что обязательно должно остаться в финальном тексте... Возможно, такой раздел и именно под таким названием сам постепенно родится... этот постмодернистский ход, вполне отвечает жанру «Драматическая социология и ...». Уже набралось более 35000...и этот факт меня греет... Еще раз спрашиваю о твоих летних планах, не поспеем ли мы подготовить твой текст в августовский «Телескоп»? Было бы прекрасно...

Теперь о разном, но тоже важном..

1. Спасибо о Юре. Да, я напишу ему письмо с рядом вопросов и испрошу его разрешения на публикацию его ответов, если он вообще согласится ответить. Это будет одноразовый выстрел...во всяком случае я так это планирую...

2. До “Драматической социологии и социологической ауторефлексии” дошли и руки и голова...но читаю я выборочно, ничего особого не ищу, но прислушиваюсь к своей памяти и к пониманию прошлого...Я отвел твоему рассказу о драматической социологии (в структуре текста) место наипервейшее.

3. Ты знаешь, вопрос о структуре интервью очень важен...я пока не уверен, что «.... как раз структура и содержание этой нашей переписки, как таковой, и есть главный продукт...». То, что мы понимаем с намека и полуслова, далеко не все поймут, даже при произнесении по буквам и громко...Интервью живет своей жизнью, пишется для современников и потомков... для доброжелателей и не совсем... для своих и чужих... К тому же важен – мне кажется – жанр всей моей работы: историко-науковедческой... я боюсь очень сильно отклониться от того, что найдено... <…>

4. Есть предложение о размещении всех моих интервью на одном из американских сайтов, часто посещаемых «советологами» многих стран...без перевода на английский... мне хотелось бы сразу придать этой онлайновой публикации некий американский стандарт...люди читают то, к чему они привыкли...

5. Текст на www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/book.html я перешлю Диме с твоим приветом, и сам буду его читать... ты долго будешь смеяться, но я давно отдаю предпочтение текстам на экране... у меня и очки так настроены... нашел я и http://www.alekseev-andrej.narod.ru/ Перешлю.

6. Должен тебя расстроить, но и американская бюрократия на высоте. Попроси Наталью Нечаеву рассказать тебе истории ее жизни. Что касается перла “Докажите, зачем вам это надо!”, то грамматика выдерживает и не такое. В данном случае это будет что-то типа: «Prove, what it is necessary to you for».

7. Мое отношние к Интермедии: все верно, четко, однозначно и с соблюдением меры. Подробнее напишу отдельно.

Новых вопросов не высылаю, твое предложение - с душой написать о Кяэрику – принимаю. Было бы прекрасно. Сборников у меня нет, но я все читал. Кяэрику должно существовать в истории нашей социологии, а не только в головах людей, старших 65 лет.

Всегда жду, обнимаю, Боря

(text02) ...

(Этот текст, чуть нарощенный, по сравнению с приводившимся выше text01*, здесь опущен, поскольку в следующем письме, ниже приводится в общем воспроизводящий его, с некоторым дополнением,* text03*. — А. А. Январь 2006)*

***

Письмо Б. Докторова А. Алексееву (8б)

(Здесь опущены пассажи, которые, на мой взгляд, являются приватными и постольку не подлежат включению в "публичный" свод нашей переписки. — А. А.).

30 марта 2006 г.

Да, Андрей, ты проделал огромную работу, создав «нетленку» - Интермедию. Вообще, в ней все сказано, мне и добавить нечего. Я согласен с твоими словами, произнесенными в адрес нашего друга, хотя не уверен, что он с тобою согласится. <...>

Теперь по другим разделам твоего текста. Они, хотя и связаны с конкретикой нашего случая, носят общий характер. Их обсуждение важно для меня, ибо мой проект (интервью – часть его) лишь начинается.

1. Кого я опрашиваю

Все очень просто: я опрашиваю успешных социологов, родившихся не позже середины 40-х, проработавших много лет в социологии, и имеющих желание поговорить со мною прямо или опосредованно (что несколько хуже) по электронной почте. Успешный – значит много сделавший, вне зависимости от того, принимаю я его теории и взгляды или нет. Ты прав, среди моих уже состоявшихся респондетов нет людей случайных, и не будет.

2.

Ты понимаешь, какая это большая и сложная работа вести интервью (я не говорю о том, что это не единственный мой проект)... работа сдерживается двумя обстоятельствами: моими возможностями интервьюировать и моими возможностями публиковать. Миша и так делает невозможное, дает мне в каждом номере два листа..И при этом я уже договорился с «Социологическим журналом» (но они имеют два сдвоенных выпуска в год), с новым журналом Ослона – «Социальная реальность»… я не могу разрешить себе опрашивать человека и не публиковать... нонсенс...

...не хочу писать про содержание портфеля (частично я уже это делал), но в нем есть материалы от очень интересных собеседников...

3.

Вопрос об очереди ко мне слава Богу пока не возникает, но может возникнуть... что я буду делать? Посмотрю, кто занимает очередь. <...>

4.

Ты верно вспомнил книгу Батыгина, в ней под обложкой собраны интервью людей, которые в жизни не подают руки друг другу...но это их дело, все они часть истории. <...>

Историк науки должен уметь стоять несколько в стороне....сегодня мне помогает то, что я живу «в стороне», не участвую в регулярных тусовках...иначе мне было бы много сложнее

5.

Гену Батыгина интересовала судьба российской социологии, меня – судьбы российских социологов. Темы близкие, но не тождественные.

Моя «выборка» конечно должна быть гетерогенной, иначе судьбы людей априори сблизятся. <...>

6.

<...> Естественно, мне приходится редактировть. Во-первых, не все авторы сразу пишут понятно. Во-вторых, некоторые тяготеют к красивости... ради Бога, но места мало... наконец, авторы пишут много...мне надо ВЫБИРАТЬ и СОКРАЩАТЬ... а это уже в любом случае редактирование... Пока никаких конфликтов не было, текст ведь гоняется друг другу много раз...решения находились...

7.

Пока были материалы о Грушине, Ядове, Фирсове... критика была слабой... но вот уже когда будут публиковаться интервью с людьми менее статусными, боюсь, может начаться мать-перемать: «...вот их спрашивает, а меня – нет»... «они сказали так, а было эдак» ... «они похвалили того, а я знаю его как прохвоста и алкоголика»....

Знаешь, мне недавно Лариса Федотова, тебя она помнит и передает приветы, прислала притчу о глухом лягушонке.... он один добрался до вершины горы, так как не слышал снизу голосов о том, что лезть наверх очень опасно... потому хочу быть немного глухим лягушонком... иначе проект не завершить.... а потом, пусть критикуют...

С самыми дружескими чувствами, Боря

***

Из письма А. Алексеева Л. Кесельману, копия — Б. Докторову, от 23-26.03.2006

<...> Конечно, есть в истории нашей бедной науки и монстры, и “нерукопожатные” персонажи. Хотя, например, Ядов даже для Ельмеева (имя чуть ли не нарицательное!) нашел какие-то теплые слова... (Интересно, что “злым гением” в его жизненной драматургии выступает скорее лицемерный Парыгин). Отрицать же причастность тех или иных мало симпатичных нам или не столь уж чтимых нами (скажем, деликатно, так...) людей к актуальной социологической практике или к истории российской социологии, неправомерно.

Так что в круге “званых” Борисом я, конечно, вижу не только “избранных”, но пока не вижу “случайных” людей. (Помню, когда-то в 70-х гг. я заявил, что не считаю возможным печататься в “Социологических исследованиях”, пока там в членах редколлегии состоит Староверов. Сейчас я бы с интересом почитал его мемуары...).

<...>

Если стилистика напыщенных и самодовольных (“бронзовеющих”) жизненных реляций возобладает в “Телескопе” (как это, например, имеет место в юбилейных интервью другого питерского журнала), это, конечно, понизит привлекательность участия в проекте Бориса. Но и публичные “разборки” на тему, кого звать в него, кого нет, кого как спрашивать о жизни и кому как отвечать — могут отвадить от него людей достойных. Я уж не говорю об опасности “толчеи” претендентов на презентацию и обид тех, кого “не пригласили”..

<...>

Стоит как-то различать “открытые” письма и личные, пусть на общественные темы. Мне кажется, частная переписка, с которой иногда начинается общественная полемика, может обретать новых читателей, т. е. аудиторию (даже минимальную...) только с ведома и согласия обоих корреспондентов. С ростом масштабов интерперсонального общения через “сеть” эта норма, похоже, как-то сходит на нет, что, мне кажется, нехорошо.

<...>

* * *

Письмо Б. Докторова А. Алексееву (8с)

5 апреля 2006 г.
Андрей, я обратил внимание на твой пассаж:

> ....Ориентироваться на то, чтобы мое интервью было опубликовано в № 4 “Телескопа” за этот год — не надо, хоть мы и набрали “хорошую скорость”... Будем поспешать медленно. Будем жить, переписываться на заданные или не заданные темы (пока не надоест кому-нибудь или обоим).

Хорошо, я тебя понял, но не будем пока начисто забывать вариант с августовской публикацией. Надо будет...мы потом продолжим....

Не мог я не заметить и другого твоего суждения:

> Таким образом, наши представления о возможной композиции различаются. Я бы вообще не стал заниматься “структурированием” (убедившись в том, что оно в принципе возможно...). И может быть не стал бы имитировать устную беседу (чему служат твои “служебные” реплики, а мне дороже некоторые твои рассуждения, которые, впрочем, в своей композиции ты хоть и скупо, но тоже используешь), а приблизился бы к реальному обмену электронными посланиями.
>
> Итак, не “дописывать” интервью я готов, а продолжать переписку “на заданную тему”, как вздумается и как получится, а там — видно будет.

И это я принял к сведению, но, тем не менее, в приводимом ниже тексте вставил твой рассказ об истоках, детстве...в начало нашей беседы..а фрагмент о первом хождении в рабочие в раздел, в котором ты рассказываешь о своем перемещении из журналистов в социологи. Зачем, почему я так делаю?

Пусть будет два «летоисчисления»: твое и мое. Фактологическая информация – одна и та же. *(Выделено мною. — А. А.)*. Однако, ты лучше разбираешься в твоем упорядочении, я – в этом. Пока никаких иных соображений нет... да, так мне, к тому же, проще считать объем текста (сейчас чуть более одного листа) и – через некоторое время – формулировать новые вопросы.

Я не стремлюсь к хронологическому упорядочению текста, хотя оно удобно во многих отношениях. Более того, вижу, что рассказ о драматической социологии надо ставить в начало... в силу многих обстоятельств...

Из твоих текстов всплыла еще одна тема, относящаяся и к этому интервью, и к драматической социологии, но, явно не хронологическая. Ты пишешь:

> Обращаясь к тебе, я размышляю сам с собой, а еще постоянно помню о потенциальных читателях, в известном смысле адресуюсь к ним (через тебя). Поэтому при всей доверительности и откровенности, я постоянно (иногда — неосознанно...) цензурирую свой текст, чтобы не поставить тебя, себя или еще кого-либо в ложное положение. Вот почему меня не беспокоит, по крайней мере сегодня, даже бесконтрольное распространение моих писем.

Аналогичное ты писал в Интермедии... я согласен с тобою на сто процентов, более того, я не верю тому, кто бы мне написал, что он «рвет тельник» на груди и выворачивает себя... даже самая искренняя лирика не передает всех чувств человека... это нам кажется... просто этот гениальный лирик так чувствует слово, что у нас создается представление о его исчерпанности...

Так вот, в силу сказанного, как ты думаешь, какое место могут занимать интервью с российскими социологами в процессе создания, понимания истории нашей социологии? *(Выделено мною. — А. А.)*.

По-моему, Любищев говорил о том, что общение выше итогов общения (или что-то вроде этого, я тогда был совсем молодым и многого не понимал)... продолжим общение... приветы Зине,

Боря

**

text03

<…> (Здесь опущена очередная систематизация материалов биографического интервью с А. Алексеевым, каким его (интервью) видит Б. Докторов. – А. А. Январь 2011)

Примечание А. А.

...Борис замечает, между прочим, что “чистый” социолог вряд ли додумался бы до жанра “Драматической социологии...”, в котором “соединяются традиции социологии и нормальной *(серьезной. — А. А.)* ... журналистики”. Что ж, все мы несем в себе следы своих прежних занятий, навыков, увлечений... Думаю, “чистых” социологов среди представителей старших поколений практически нет. Все “откуда-то” вышли... И наверное это сказывается на всей научной биографии.

Ну, а “изобретение жанра” упомянутой тобою книги — отдельная тема, которой может еще коснусь...

***

Письмо Б. Докторова Л. Кесельману от 6.04.2006

06.04.2006

Эти тексты я отправил Андрею...посмотри и пожалуйста тоже переправь их... на всякий случай... прошу тебя особо посмотреть мое сообщение о том, что Дима Шалин и я начали вывешивать на его сайте мои интервью и материалы по истории российской социологии... есть там и интервью с тобою... Боря

***

Письмо Б. Докторова А. Алексееву от 6.04.2006 (8d)

5 апреля 2006 г.

Андрей, вот то, что я кратко сказал тебе по телефону.

Дима Шалин, профессор Университета Невады в Лас-Вегасе, - заметная фигура в американской социологии и кроме того заниматся Россией..его интересует методология биографий сама по себе и применительно к России – в частности...

У него есть сайт (http://www.unlv.edu/centers/cdclv/mission/index2.html) - на главной странице его фото с Бродским.

В конце марта у Димы возникла идея разместить мои интервью и относящиеся к истории российской социологии публикации из Телескопа, на этом сайте. Сказано, начали делать.

Вызвал http://www.unlv.edu/centers/cdclv/mission/index2.html ? Посмотри левый столбец открывшейся страницы, найди строчку International, нажми это слово. Откроется другая страница: International Programs offered by CDC. Чуть ниже расположен раздел History of Russian Sociology Project.

Дима разместил на сайте сообщение о моей работе и были положены первые тексты: Vladimir Yadov, Boris Firsov, Yakov Gilinsky, Boris Doktorov, Elena Smirnova, Leonid Keselman, Roman Mogilevsky, Aleksandr Oslon, Georgy Satarov.

Там же есть материалы: Doktorov on the project's history, Shalin's comments on the interviews, Bozhkov and Protasenko on the Golofast Affair, Doktorov on the Firsov Affair.

Это все – начало...Во что это выльется? Никто не знает. Мы оба с Димой «заводные» и потому трудно сказать, что придумаем. Может и ничего... а может и чего...

Хочу попросить тебя прочесть текст Шалина Shalin's comments on the interviews и прокомментировать сказанное. Мы собираемся уже в ближайшее время вывесить начало дискуссии по биографическому интервью... писать, естественно, можно по-русски...

Чтобы тебе не возиться с тестом Димы, не скачивать его, он приведен ниже.

Боря

***

Комментарии Д. Шалина к интервью, взятым Б. Докторовым,
которые помещены на сайте http://www.unlv.edu/centers/cdclv

Shalin's comments on the interviews

http://www.unlv.edu/centers/cdclv/mission/index2.html
March 15-18, 2006

Greetings, Boris:

Following our last exchange, I looked up the interviews I had taped in the Spring of 1990 at Boston, and then later the same year in Leningrad and Moscow. Additional interviews were taped in 1992 and 1993, while conversations with Kon went on for six years. My collection turned out to be more extensive than I thought – about 50 cassettes, at least 40 of which are with social scientists and kindred folks. Many of those I interviewed are familiar to you: Golofast, Saganenko, Firsov, Kon, Keselman, Andrei Alekseev, Starovoitova, Gruhsin and his wife, Victor and Alla Sheinis, Bashkov, Kostiushev, Magun, Dondurei, E. Zdravomyslova, Etkind, Gozman, Paniotto, Levinson, Ionova, Naishul, Remennik, Katkov, Galia Rumiantseva. My respondents also include intellectuals like Chudakova, Seliunin, Khanin, M. Gurevich, plus a few others you probably do not know (some names are unfamiliar to me: Samsonov, Efros, Iziumov?). I knew I had taped more interviews, including one with Levada who visited Harvard during my sabbatical year there, but I couldn't locate these tapes at the moment. A conversation I recorded with Zdravomyslov at the 1990 International Congress of Sociology in Madrid turned up as a blank tape (something went wrong with the recording).

As I listen to my tapes, I see that mine were not so much interviews as conversations or dialogues, sometimes featuring spirited polemics. The discussion revolved around the theme of Russian intelligentsia, survival in the politically vicious times, the meaning of morality under the Soviet regime, the limits of reasonable compromise, the attitude toward perestroika, and the settling of old accounts. I planned to use these tapes in my work on the Russian intelligentsia but did not make headways with the project besides writing a couple of articles, none of which tapped my audio archives. It would be good to make the tapes public at some point, perhaps place them in the CDC web audio archives section, although transcribing the tapes and transferring them onto the digital media would be a daunting task.

I have reread the seven interviews you sent me and see clearly now that I misunderstood the process. Apparently, you did not tape any interviews, all exchanges went through the email. One possible exception is Firsov (you talk about "conversations" between the two of you), but since you don't indicate otherwise, I assume you followed the same Q & A format. The issues of selection and editorial discretion I raised with you do not pose the same problems when you work with the written answers furnished at your request. Still, some redaction inevitably takes place, and you indicate that much in your foreword (e.g., less than 50% of the materials you received via email from Keselman made the final cut). Much of the redaction was necessitated by space constraints and meant to eliminate redundancies, though certain editorial decisions were substantive (e.g., you cut some of the criticism Yadov leveled against Parygin when you felt it crossed the line, grew too personal). Given my interest in pragmatist hermeneutics and biocriticism, it would be interesting to see the actual email exchanges and compare the language of the original with the verbiage that showed up in print. A routine editing may reveal a noteworthy pattern, especially if we consider the larger universe of email correspondence between you and your respondents from which you extracted the relevant materials.

Thus, it took you six months to conduct interviews with Keselman, during which you carried out a routine correspondence with Leonid. The Keselman-Mogilevsky confrontation probably surfaced during this time frame. Neither author mentions this sordid affair in the interviews, yet it was, arguably, an important exchange that could, and I hope some day will, become a case study. Its significance extends well beyond the heated polemics between strong egos. We can learn from this confrontation a good deal about post-Soviet sociology: the relationship between research and marketing, the tension between competing polling outlets, the stakes that political powers have in data gathering, and the potential for the paying customer's corrupting influence on sociological analysis. There are sound reasons for excluding this episode from the present scrutiny, but this omission points to a methodological problem I tried to communicate to you in my earlier note, a problem commonly found in qualitative research and central to historical reconstruction.

Consider the contribution that Protasenko and her colleague made to your history of Soviet sociology project with their article about the Golofast affair. The piece features party documents narrated by the authors who took part in the meeting where Valery Golofast had faced a censure. We learn how, in the early 1980's, several sociologists banded together to block a harsh rebuke that communist party hacks sought to impose on Golofast for an ideological infraction, managing in the end to fend off strogii vygovor s zaneseniem and replace it with a milder censure. Tania Protasenko, who narrates the story, comes across as a key player who spearheaded the action to mitigate the disaster. Yet, the same Protasenko played a different part at a meeting when I was expelled from the Komsomol. As Galia Ruminatseva reminded me in her 1990 interview – I've just listened to the tape – Protasenko played a role of pervogo uchenika in this 1975 affair. She condemned me as an "enemy" whom the department "nursed at its bosom" and who was now ready to "betray his homeland." Tania was not the only person who rose up to condemn me at that meeting. Alesha Alekseev denounced me with some vigor, as did Shkaratan and a few others. One man whose name I no longer recall and whom I knew at the LGU told me that if he and I were to meet on a battlefield, he would not hesitate to shoot me. It was ironic, for this very man was about to be kicked out of Komsomol for his stance on the 1968 Czechoslovakia invasion when I stood up to defend him, making a speech that might have spared him the expulsion.

I don't mean to pick a bone with my colleagues. They had little choice but to impeach my decision to emigrate in order to protect their careers, although some did so with a lot more dignity than others (I helped a few friends come up with acceptable wording a few days before the meeting in case they were called upon to testify). The point I want to make is that the sampling of past events is likely to present a biased picture of the universe under

review when we procure edited accounts that suit our present purposes. Cross-validation is called for when we judge the past by a few examples or anecdotes strategically chosen by self-serving memories.

Gilinsky's interview is a case in point. He cuts a sympathetic figure (I don't think I met the man) who speaks forthrightly and sports a self-critical attitude. His writing is also marked by a rhetorical flare uncommon among sociologists. Apparently, Gilinsky was a politically well-connected man: "Несколько лет был членом Президиума Ленинградской областной коллегии адвокатов, неоднократно привлекался Минюстом РСФСР в качестве ревизора, имел «допуск» к ведению дел, подследственных КГБ, и вел соответствующие дела: об измене родине, об антисоветской пропаганде и агитации" (p. 9). After this admission, is it too much to expect that Gilinsky would give us an account of his dealings with the KGB, unjustly accused people he saw carted off to prison, the role he played in the travesty of justice known as the Soviet legal system? Instead, he alludes to a couple of cases where his legal expertise saved one person from a death penalty and another one from an imprisonment, inviting unwary readers to believe that these two episodes were representative of his legal practice (I am talking about the general thrust of Gelinsky's legal work, not the pecuniary transactions associated with these two cases).

I see a similar problem with Mogilevsky's recollections. He reminds us that "в те годы (как, впрочем, и сейчас) в абсолютном большинстве случаев суд шел на поводу у следствия и государственного обвинения, судьба подозреваемого часто решалась на административном уровне, а не на уровне работы следователя." But then, we are lead to believe that Mogilevsky refused to go along with his superiors and battled the system every step of the way. Not much specifics are offered to back up this impression, and a far larger universe of his deeds that must have dovetailed with the Soviet ways remained unexamined. Says Mogilevsky, "Как и большинство книг того времени, моя монография была рассчитана на читателя, умеющего читать между строк. Не обошлась она и без ритуальных заклинаний, с которыми мне сильно помог редактор, – без этого вряд ли она бы увидела свет" (p. 9). That is about the extent of his willingness to acknowledge the moral compromises of those years, a hard price we all had to pay for advancing through the system.

Firsov's case is particularly interesting to me. Here is a bright man who early on threw his lot with the Communist Party, quickly advanced through the ranks, reached the level of apparatchik, and in the process managed to do a lot of good for a lot of people. Indeed, many owe him a personal debt of gratitude, myself included (Igor Kon once asked Firsov to help me when an apartment in a coop building where I was about to move in had been suddenly reassigned to someone with better connections). Yet, if we are to follow his written account, we are apt to overlook the complexity, the darker underbelly of the life situation in which Boris Maximovich found himself. We learn a good deal about the reprimands Firsov received from the party higher-ups for his independent stance and almost nothing about the praise he received for his stellar party work. As a result, it is sometimes hard to understand why he would be kicked upstairs after yet another run-in with the system. As a party boss in the Khrushchev era, Firsov aided controversial artists, but did he dare to take issue with Khrushchev's vicious attack on abstract art? "После съезда многократно, не менее 30 раз выступал с докладами об этом событии на партийных собраниях, разъясняя новую Программу КПСС и причины перезахоронения тела Сталина у Кремлевской стене," writes Firsov (p. 5). The allusion to the de-Stalinization campaign is strategic; it communicates the hope that the Thaw gave to many and encouraged some to join the party. But I would have liked to hear about Boris pitching his audiences the absurd promise the 22nd Congress of CPSU made to the Soviet citizens ("the current generation of Soviet citizens will live under communism"). I empathize with Firsov as a human being and respect his willingness to expend his social capital on other people. If only we had more party bosses like him in those dark ages! Still, I urge you to look up the book by Alena

Ledeneva, Russia's Economy of Favours. Blat, Networking and Informal Exchange, Cambridge, 1998. This study (I reviewed it for Contemporary Sociology), shows how "good deeds" performed by well-connected people and blatmeisters cemented relationships in the economy of scarcity, augmented one's capital in a politically closed system, and helped the lucky ones to stay afloat.

Your interviews cover key phases and junctions in a person's life – childhood, family background, schooling, early encounters with Marxism, growing political awareness, college years, professional choices, scholarly interests, the research trajectory, career patterns, run-ins with the system, the political disillusionment, the attitude toward perestroika, contributions to the discipline, and generational differences. These are key elements of a bildungsroman the interviewees are invited to write. The rules of the genre require the respondent to look at one's life and identify its turning points. Adjusted to the peculiar trajectory of our society, this meant assessing the Soviet past, identifying the moment when one fell out with the regime, pinpointing the continuity and discontinuity in one's Soviet and post-Soviet selves. I found instructive the manner in which different authors solved this narrative task. The common theme here is the emphasis on the recalcitrance that respondents showed early on in their lives.

Several times Smirnova refers to herself as "belaia vorona" (pp. 8, 11), someone who could never fit in with the Soviet ways, and passes in silence her fine skills as a political survivor. Similarly, Keselman identifies himself as "gorodskoi sumshshedshii," someone ready "все подвергать сомнению" (p. 8), a born trouble maker. Gilinsky's difference shines through in his early encounter with Niezsche ("Девиантное, анархистское, ницшеанское, отрицающее всегда бродило во мне"), his attunement to "'дьявольскому', мефистофельскому, сидящему во мне" (p. 14). Firsov shares his credentials as a rabble rouser ("за коллективные и индивидуальные художества мне в старших классах дважды снижали оценки по поведению и один раз исключали из школы" p. 1) and supplies memorable examples of his outrageous conduct ("я с энтузиазмом руководил похищением классного журнала и погружением его в вечность глубин реки Карповки в присутствии всего класса" p. 1). Mogilevsky accentuates his independence ("строптивость характера отталкивала начальство" p. 8) and the fine ear for propaganda that helped him spot the official lies ("то, что говорилось и писалось, в большинстве случаев не совпадало с тем, что сам наблюдал и чувствовал, возникало ощущение фальши, обмана, всеобщей лжи" p. 1).

I don't mean to suggest that such self-revelations are somehow inauthentic. They ring true to me. More than that, I am inclined to think that the agentic versatility and emotional ambivalence these scholars have shown correlate with intellectual curiosity and creativity. At the same time, these tropes follow the rules of the genre. In particular, they are meant to counterbalance ample evidence that these intellectuals knew how to work the system, that they traveled widely in official circles and did what it takes to augment their political capital. These were Komsomol activists, in many cases young communist leaders, who marched under the communist banners, recited requisite pledges, voted for inane resolutions, took part in the ritual degradation ceremonies, and for the most part kept to themselves the doubts they had about the system.

I know this is what I did in my Soviet years. We had to be that way – how else would you enroll in a Soviet university and enter an ideologically sensitive field like sociology or economics? It is the question of balance and perspective, of grappling with the past without reducing its complexity. The reverse accounting we find in many of these interviews tends to distort the picture, as it highlights one's maverick status while downplaying one's solid ideological credentials. The effect could be jarring at times. Describing his military service, Keselman recalls his sergeant "который буквально засыпал меня нарядами вне очереди, количество которых явно превышало общую совокупность аналогичных наказаний,

полученных всеми остальными новобранцами нашего взвода" (p. 8). The next thing we learn is that Keselman is promoted to a Komsomol leadership post in his garrison. More shenanigans follow, after which Leonid is elevated to an even more ideologically demanding post.

Yadov is one respondent who forgoes this rhetorical gambit. He doesn't paint himself as a budding dissident waiting to come out of the ideological closet and declare himself an opponent of the system. He is upfront with us about his early communist beliefs ("помер Вождь и Учитель . . . я его искренне оплакивал," "Я тогда был совершенным хунвейбином," p. 3), and he declines to renounce his Marxist beliefs of the yesteryear. Marxism is a sound theoretical paradigm, he insists, and predicts its imminent comeback. Gilinsky is another person who acknowledges his communist juvenilia, but unlike Yadov, he reports his early disillusionment with Soviet ideology, low opinion about Marxism, and deep regrets about the fact that he joined the communist party. The rest of the group did not seem to have much use for Marxism, except for the fact that this was the official doctrine at the time and sociologists had to frame their work in Marxist terms. (Come to think of it, the early enthusiasm about Marxism or lack thereof might be a generational phenomenon – Yadov and Gilinksy are 10-15 years older than the rest of the group).

Now about your interview, Boris, where you traded the role of an interviewer for that of a respondent. You come across in your answers as a fair-minded person slow to criticize anybody and preoccupied with scholarly matters. There is much valuable information about your family background, vivid descriptions of people who influenced you during your formative years, the evolution of your scholarly interests, and major career moves. But you have little to say about your political leanings or experiences with ideological institutions, except when you point out that your career as a Komsomol activist was cut short after you had been apprehended playing cards (p. 4). Were you expelled from the Young Communist League? You make clear the oppressive tenor of the time, the fact that the party had little use for the data you gathered (p. 13), that there was "жесткая цензура на публикацию материалов" (p. 14), and that you and your colleagues faced charges that "под зонтиком областного комитета КПСС [мы] протаскиваем буржуазные гэллаповские методы" (p. 14). But there is no word about whether you were ever asked to join the communist party, and if so, why you chose to stay away. Nor do you dwell on your attitude toward Marxism – an issue that figures prominently in your interviews with other respondents. The only person you single out for criticism in your interview is I. Sigov ("Он был партийным функционером и фактически не понимал ни назначения, ни логики академической науки, не задумывался о том, что успехи в деятельности института могли быть лишь следствием высокой квалификации и самостоятельности его сотрудников." P. 14).

One thing that is puzzling to me in your interview is the scant attention given to your decision to emigrate. By any measure, this is a major turning point in a person's life, yet you barely touch upon the reasons behind this precipitous move. Curiously, your interlocutor did not even ask you what prompted you to set sail for the U.S.A. The question posed to you was "Как отнеслись ваши друзья, коллеги к тому, что вы решили уехать в США?" Answering this query, you offer a clue as to the circumstances surrounding your decision: "Окружавшие меня и мою жену люди знали, что мы собирались к сыну, и эта причина рассматривалась как естественная" (p. 24). It is hard to believe this is the whole story, however. I sure wish you shared thoughts about your decision to leave Russia, your attitude toward the political climate at the time, your take on the professional situation in the post-Gorbachev era, the mixed feelings you must have had about the prospect of giving up your profession. Such issues go to the heart of your historical project, I believe.

I found most riveting the part of your interview where you recount your leaving the homeland and coming to America. This is, no doubt, because you and I share the immigrant experience. Emigration is an ultimate divorce, I found out soon enough, in that you part not only with the people you have loved but also with your language, your culture, your friends,

your backyard. . . . I viscerally sense what you have gone through when you describe the rush of the final days before departure, farewells to friends, dealings with the U.S. bureaucrats, retooling in the new land, difficulties with health insurance, the struggle to secure an income, your three-year stint as a security guard in San Francisco, and then your coming back to Russia and working your way into the profession. And yet, so much in your experience remains behind the frame, so many pivotal events are barely alluded to, leaving the reader wonder about the rest of your story:

"Вспоминать первые годы — дело очень трудное: множество событий, но не это главное затруднение. Память многое запирает, не дает возвращаться к тому времени" (p. 25); "Потом обозначились какие-то просветы в моей жизни, и в середине апреля 2000 года я оставил эту работу" (p. 28); "Наташа, вы лучше меня знаете, что публикации в России и заработок – вещи несовместимые" (p. 41); "Я сам финансирую свою работу" (p. 33); "Если совсем искренне, то судьба дала мне шанс что-то сделать, что-то изучить и поделиться найденным с другими. . . . возраст, смерть близких мне людей обостряют это чувство . . . жизнь ограничена" (p. 41). " В силу многих обстоятельств, прежде всего — семейных, я загнал мысль о возвращении так глубоко в подсознание, что она фактически не посещает меня. Я смог построить вокруг себя относительно сбалансированный мир, найти решение многих проблем, с которыми каждодневно встречается человек. Эти решения далеко не оптимальны, но все же этот мир я уже знаю, он позволяет мне профессионально работать. Я — российский социолог, живущий в Америке" (p. 42).

The memory does its work according to the rules of the genre and the needs of the present, bringing to the fore some episodes and glossing over the developments too private to invoke. It is up to readers to use their imagination, connect the dots from the nuggets of information scattered throughout the interview, just as it is up to the respondents to reconstruct their lives according to their multiple agendas. You are admirably upfront regarding your approach to interviewing: "Я помогаю моим респондентам писать автопортреты. Пишут они, но я – «ставлю свет», многое предлагаю, задаю вопросы, задаю структуру текста. . . . Я заинтересован получить ту информацию, которая важна для истории социологии, для раскрытия образа. Акцент – на том, что человек сделал, и на том, как, почему ему удалось это сделать. Мне нужны не просто описания, но рефлексии по поводу прожитого и сделанного" (pp. 40-41).

Coming back to the methodological issues inherent in in-depth interviews, I wish to point out that unlike memoirs where the writer is free to accentuate/ignore particular facets of one's existence, the interview process confronts the respondents with the questions of someone else's choosing. This process gives the interviewer a chance to move the conversation in a certain direction, clarify vague responses, even challenge the interviewee when the situation warrants. You have used your right as an interviewer sparingly, letting the respondent put his or her best foot forward ("Я хочу, чтобы мои герои подали себя с лучшей стороны" p. 40). To be sure, this is your choice; the procedure you have followed reflects your sensibilities as a mild, nonconfrontational human being, and as long as you are upfront about your preferences, you have every right to go about the business according to your agenda. The difficulty, as I see it, begins when you cease to be a participant observer sympathetically querying your friends and colleagues and become a historian whose judgment of the past may differ from particular accounts you have collected. You do so already in your introductory remarks, supplementary materials, occasional corrections with the dates, and credit reallocation (e.g., it was Zdravomyslov rather than Beliaev who had translated the book by Good and Hutton, but then is this really a confirmed fact?). A lot more will have to be done along these lines as you shift gears and don a historian's hat.

To give you one example, Yadov cites 1952 as a date when he was expelled from the party (p. 2). He goes on to tell a story of how this disgrace robbed him of a chance to go to the graduate school, how after graduating from LGU he took a factory job, and then submitted an application to become the party member again. "Пока дело шло по инстанциям, помер

Вождь и Учитель," writes Yadon (p. 3), after which he was reinstated in the party. But that is odd, for Stalin died in 1953, when Yadov was a third year student; by the time he graduated from university, took up a job as a laborer, and made his second bid for the party membership, Stalin was dead for several years. Not that this anachronistic recollection changes the thrust of his argument, but it highlights the work you as an editor will have to do to impart a historical rigor to personal recollections. In several places I was left wondering about the chronology and wished more info were available (e.g., when did Cherkasov die and Sigov take over as director of SEP, how and when was Andreev fired from his job, what charges Firsov faced when he earned strogocha?, etc.).

You will face an even bigger challenge assembling the individual contributions into a volume and passing judgment on the period in question. This is when selective, and in some cases, self-serving, memories have to be confronted. There is a potential bias in choosing one episode over another (e.g., when Smirnova tells us about her successful doktorskaia defense and omits to mention her earlier unsuccessful attempt to submit her dissertation, when Yadov squares off with Elmeev and does not bring up the Antipova affair that shook the IKSI, when respondents recount episodes confirming their principled actions and gloss over less admirable deeds). That reminds me of Heidegger recalling the help he offered to his Jewish students during WWII and passing in silence letters he secretly penned renouncing his Jewish colleagues to the Nazi authorities, or Gadamar touting his decision not to join the Nazi party but conveniently forgetting the shameful talk he gave to the imprisoned French officers about the superiority of the German Volkish Romanticism over the rationalist French Enlightenment (you will find this episode in a paper I recently emailed to you). Sampling by anecdotes and validating through examples endemic to free-wheeling interviews present a serious problem, especially when the interviewer is reluctant to challenge the respondent with counter-examples and play the devil's advocate. Just as it opens certain hermeneutical horizons, each episode closes other interpretive vistas. We depend on the respondent's – or someone else's – willingness to supply alternative examples to offset the possible bias, yet even when such examples are furnished, we cannot be sure how representative the stories are, how they are related to the entire universe of one's life performances.

This issue is central to my pragmatist hermeneutics project and quantum affect dynamics theory which focus attention on a systematic misalignment between our discursive tokens, emotional offerings, and behavioral performances, a misalignment that goes to the heart of human condition and embodies our ontological being. The ETM survey based on these ideas more or less dispenses with the traditional notion of "personality" – not because this notion is wrong or unproductive but because it underplays the stochastic nature of human agency. For a personality theorist, there is a personal core or a set of traits (attitudes, dispositions, values, etc.) that manifest themselves across situations and that remain relatively stable over time. Any behavioral episode that does not fit the personality pattern is treated as a slip, an anomaly, or an exception that only confirms the rule. For the quantum affect dynamics, deviation is the norm and consistency is an emergent phenomenon that reflects situational pressures as much as our hypothetical dispositions.

This is how the New York Times describes George Steinbrenner, owner of the Yankees baseball team: "As always, there are at least two distinct sides to him: brash bully and charitable gentleman. . . . He is a loyal friend who turns distrustful. He's the calm and the storm. Kindness turns to cruelty. He is just as apt to tear apart as blow up." Such a personality pattern poses a problem for personality theorists, who are likely to see this as a volatile, if not pathological, personality type. But for the quantum affect dynamics and the ETM survey based on it, this uncertainty is the norm. The Emotion Template Matrix Analysis finds such indeterminacy to be normal reflection of conflicting social pressures. ETMA treats human beings as nonclassically propertied objects akin to particles of micro physics: when we don't look at a particle, it is everywhere at once, it is a bundle of probabilities that require a measurement event to materialize as a particle with a definite

mass, position, momentum, and such like properties. In a similar fashion, our affect continuously and subconsciously scans the world for saliency; it generates conflicting feelings, it is pulled in different directions at once, and it takes a special occasion (e.g., a survey question) for a human agent to adopt an identifiable attitude. Predictable though such an attitude might be, it is only a matter of probability that a person will show this or that affective stance or self in any given situation. What I am after, in other words, is patterns of uncertainty and structures of indeterminacy, and the history of Soviet society gives us ample room for studying the schizophrenic dimension of human agency.

Well, enough already. Sorry unleashing on you all this stuff. If it perks your interest, you can find more about my musings on the subject in the emotion section of the CDC web site: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/, or check a couple of my recent articles posted on the ASA web site: http://www.csun.edu/~hbsoc126/emotions/publications.htm. Or else, you can take the ETM survey that is available on the internet and check your own e-profile: http://131.216.2.227/.

Meanwhile, I want to thank you for sharing with me your interviews. Your history of Soviet sociology project is valuable indeed, and I hope you will keep expanding it.

With warm wishes,

Dmitri

***

Письмо А. Алексеева Б. Докторову. Копия Л. Кесельману. (8-1)

5 апреля 2006 г. (Среда)

Дорогой Борис!

Еще до твоего вчерашнего телефонного звонка я получил два твоих письма от 30.04.2006 (а ты — в этот же день — мое большое и многосоставное письмо от 29.03-3.04). Сначала откликнусь на твои.

1.

Ты продолжаешь собирать мои “автобиографические-ауторефлексивные” заметки в структуру. Уже 3/4 листа набралось... Не предустанавливая итога, тебе, как я понимаю, так удобнее следить за тем, что отражено, что нет. Как видно, ты тоже готов отдать некоторую дань постмодернизму (начинать — с “драматической социологии”), но мой замысел в этом отношении радикальнее. Ладно, посмотрим. Я уважаю твой историко-науковедческий жанр, равно как и “американский стандарт”. С другой стороны, не хотелось бы слишком под “стандарт” подлаживаться. Следуя “стандарту”, сюжет о родительской семье, наверное, должен был бы быть в начале. Однако неуместен он там, в моей логике!

Вообще, для отражения “судеб”, как таковых, уместнее было бы собрание если не “житий”, то “жизнеописаний” (хоть и не укладывается в этот жанр, но мне особенно симпатичен твой текст о Б. Грушине). А тут ведь (в случае интервью) — не только судьбы, но и “лица”, с очень “не общим” выражением лица. И если бы кто-нибудь из твоих собеседников вздумал отвечать в стихах, это было бы вопреки стандарту, но интересно, ибо отражало бы именно его “лицо” (вспомни мою аргументацию насчет “автопортретов”).

(Слово ЛИЦО я употребляю в смысле Ухтомского. Его “доминанта на Лицо другого” и т. д. См. об этом в главе 5 “Драматической социологии...”, том 1).

Безотносительно к нашей задаче (задачам) замечу, что “Письма Любимым женщинам”, особенно, поначалу были, увы, монологичны. То были письма, но не переписка, Мне же особенно интересен ДИАЛОГ (к чему не сразу пришел: переписка с Романом Ленчовским, Инной Рывкиной, другими моими со-авторами и со-акторами).

2. К лету мы с интервью, думаю, все же не поспеем. Точнее, я — не хочу поспевать, хоть и сделал это сейчас едва ли не первоочередным своим делом.

Понимаю, что у тебя могут быть свои планы и соображения. Но ведь я обещал “попробовать”, и не давал гарантии не только по срокам, но даже и по сути. Я охотно уступлю дорогу другим твоим собеседникам... То обстоятельство, что тебе и Лёне кажется, что у нас “получается”, для меня — не решающий аргумент.

3. Твое “выборочное чтение” “Драматической социологии и социологической ауторефлексии” меня вполне устраивает. И я даже, может быть, им отчасти “руковожу” (своими ссылками в интервью). “Читательских подвигов” (в смысле заключительной ремарки 4-го тома) не жду ни от кого. Даже в нескромном предположении, что это — “энциклопедия” времени, как можно читать энциклопедию подряд?!.

А сложное (я бы сказал — не без эклектики...) архитектурное сооружение, конечно, имеющее свое “внутреннее” строение и “внешний” абрис (да то и другое — во множестве, с разных точек зрения) можно рассматривать и “слева направо”, и “справа налево”, и в любой пространственной и временнОй последовательности. В зависимости от интереса или даже от настроения читателя.

4

...Насчет американской бюрократии, которая “тоже на высоте”. Меня в формуле “Докажите, зачем вам это надо!” впечатлило не что другое, как малограмотность, бескультурье. “Доказать” можно истинность или ложность некоторого утверждения, но не цель или мотив. Их можно “обосновать”, “объяснить” и т. д. У человека, способного на подобное высказывание, не развита (или атрофирована) естественная мыслительно-языковая культурная способность. Ведь тут имеем дело как-никак с чиновницей не низшего звена.

Вообще же, именно на этом пункте мы с Олей, при всех наших “промежуточных” успехах, скорее всего и проиграем это дело. Мы, может быть, докажем, что факт был, но не сумеем доказать, что установление его в качестве имеющего юридическое значение в самом деле необходимо (что тоже требуется, уже как бы и грамотно).

По принципу: вы утверждаете, что вам грозит опасность? Но это не очевидно. Вот когда вас убьют, пожалуй, станет очевидно, что она вам грозила. И то, может быть, это случайность, что вас убили... И с той стороны, с которой вы усматривали опасность, она вам вовсе не грозила.

(Почему-то вспомнилась официозная демагогия по поводу эскалации убийств “инородцев” и иностранцев в России: мол, причем тут “разжигание национальной розни”...).

Вообще, в области казуистики, наверное, бюрократия глобальна. А вот по части уровня культуры имеются, похоже, национальные особенности)

5.

...Мы друг друга не поняли... Я сказал, что про Кяэрику стоило бы написать не “попутно”, а специально. И что это скорее задача для историка науки. Сам такого обязательства я на себя не беру.

6.

Меня, конечно, радует твоя оценка якобы моей “Интермедии”, точнее — моего вмешательства в данную “спорную” ситуацию. Будет ли мое выступление на этот счет эффективным — увидим...

7.

...Твой интерес (в своей историко-науковедческой миссии) к фигурам, так сказать, одиозным (нарочно их сейчас не называю повторно) вызывает у меня, признаться, противоречивое чувство. Я уверен, что “юбилейных” интервью у такого рода персон было более чем достаточно. И для истории социологии как социального института они, может, и интересны. Но не для истории науки как области знания. А ты — какую историю хочешь проследить, постичь или выстроить?

В общем, если тебе так уж нужна “репрезентативная” выборка (так сказать, “каждой твари по паре”...), то не лучше ли воспользоваться для этих целей уже имеющимися материалами, а себя как бы “поберечь”... от этих мазохистских упражнений?

Уж не говорю о том, что “объективистское” соседство в твоей выборке, скажем, Ядова и Парыгина выглядело бы по меньшей мере странно. Хоть и тот и другой “успешны”... К критерию “успешности” (“много сделал”...), более или менее объективному, я бы добавил еще вполне субъективный критерий “приличности” (с точки зрения автора проекта, разумеется). А то рядом с потенциальной “очередью” в твою галерею не выстроилась бы очередь на выход из этой галереи.

(Вот вышел же недавно Юрий Афанасьев из состава РАЕН — Российской академии естественных наук — когда в почетные члены этой академии оказался зачислен... Рамзан Кадыров. Правда, “выйти”, скажем, из твоей выборки тем, чьи интервью уже напечатаны, невозможно...).

Вообще, и без интервью с “парыгиными” у тебя останется большое разнообразие “судеб” и “лиц”. Разве нет?

Впрочем, я сейчас рассуждаю, как бы я поступил на твоем месте... А ты на своем поступай, как считаешь нужным. А я поступлю, как сочту нужным на своем. И т. д.

8.

Следуя правилу различать личные и “открытые” письма, мне, может быть следовало бы изъять из своей подборки **aldoke-a** твое письмо-отклик на “Интермедию”, да жаль. Поэтому я постарался разделить в нем персональные и общезначимые моменты. В частности, я выделил красным цветом (см. в приложениях) те куски этого письма, где ты делишься планами или намерениями обратиться к кому-либо за интервью и т. п. Или называешь какие-либо конкретные имена (кроме авторов уже опубликованных текстов). При составлении своей “связки писем” я эти фрагменты исключу. Согласен?

9.

Ларисе Федотовой мой привет!

P. S. Все вышесказанное является откликом на два твои письма от 30 марта (в приложениях обозначены как 7a и 7b). И написано было еще позавчера, 5 апреля.

Вчера же — через Леню и Аллу — ко мне поступил новый большой пакет твоей корреспонденции. Который “помешал” заняться обещанным сюжетом “Партия в моей жизни” (или как еще сказать...). И вернул к разговору о смысле, проблемах, формах реализации и побочных эффектах твоего проекта.

Андр. Ал. 7.04.06

***

Письмо А. Алексеева Б. Докторову. Копия Л. Кесельману. (8-2)

7 апреля 2006 г.

Борис, еще раз здравствуй!

Вчера (6 апреля,четверг) я, наконец, овладел технологией электронной переписки на базе нового персонального п/ящика alexeev34@yandex.ru, который для меня завела Алла. Мои предыдущие трудности “с этим делом” были, оказывается, вызваны просто неисправностью предыдущего ящика (fatal error...), с которого я еще кое-как мог отправлять письма, но не получать.

Я благополучно обменялся с Лёней при посредстве нового ящика несколькими посланиями (среди которых и пересланный им мне твой text03, и “Комментарий Шалина...”).

Теперь можно отправлять мне почту на этот адрес. Но пока я не почувствую себя абсолютно уверенно (о чем специально извещу), прошу дублировать все отправки писем на привычный тебе адрес А. Р.: allar_st@mail.ru.

Какими новыми поленьями для греющего нас костра я располагаю? Наращиваемая тобою моя автобиографическая композиция text03, с твоими комментариями. Комментарий Шалина к твоим прежним интервью. С твоими пояснениями, как зайти на шалинский сайт... Наконец, только что Миша Илле вручил мне “Телескоп”, 2006-2: с автобиографическим интервью Р. Могилевского, с твоей и Н. Мазлумяновой статьей “из другого проекта” — о Брюсе Бартоне, и с Лёниной статьей о палестино-израильском конликте в представлении россиян.

(Лёнины социологические тексты последнего времени стали предметом оживленной переписки между ним и мною, что-то даже выплеснулось в предыдущее мое послание todoct7, однако это пересекается с нашими историко-биографическими сюжетами субъектно, но не тематически, к тому же мои письма ему носят скорее приватный характер).

Что я успел пока? Разумеется, прочитать твои послания, как таковые (всего твоих эпистолярных текстов или записок, на которые я нынче реагирую, оказывается четыре: 8a — 8d). Просмотрел text03. Зашел на американский сайт Шалина (впечатляет.. хоть я и не понял, какое отношение к сайту, имеют Бродский и Кушнер, если я правильно распознал лицо в нижней части заставки..). Успел прочитать без словаря присланный тобой его текст на изысканном английском (без словаря — это значит: многое упущено в моем восприятии, но общий смысл, интенция и позиция, думаю, мною уловлены и ясны для оценки и первоначального обмена впечатлениями; ты сам, кстати, его комментарий пока никак не комментируешь...).

Строго говоря, и для обсуждения твоего проекта, и для ответа на вопрос: Какое место могут занимать интервью с российскими социологами в процессе создания, понимания истории нашей социологии? — надо бы еще раз перечитать соответствующие публикации в “Телескопе”, да и в “Социологическом журнале”... не говоря уж о “Российской социологии шестидесятых годов в воспоминаниях и документах”. Но это потом. А пока, так сказать, “навскидку”...

1.

Вообще, как мы все понимаем, наука не существует “вне” историко-культурного контекста (ты говоришь — “оболочки”), “вне” собственной истории становления и развития, и “вне” личностей, ее творящих и двигающих. Даже школьный учебник физики, небось, не может при изложении законов Ньютона обойтись без сообщения, когда жил Ньютон и т. п. Тем более — общественно-гуманитарная наука немыслима без исторической ретроспективы и “человеческого фактора”.

Какие же ресурсы в принципе имеются для решения историко-науковедческих задач?

Из “первичных” ресурсов — (а) тексты собственно научные, (б) деловые документы и (в) тексты человеческие (личностные). Под первыми я понимаю весь поток научных публикаций (научная периодика, монографии, материалы научных конференций и конгрессов, сборники статей и т. д.). Под вторыми — документы, как правило, официальные но, пожалуй, и не официальные тоже, имеющие текущий

научный процесс предметом своего освещения или обсуждения (кое-что уцелевает в научных и ведомственных архивах). Наконец, человеческие документы, к каковым относятся и архивы ученых, и воспоминания, и много чего еще, включая биографические интервью.

Есть еще "вторичные" ресурсы — собственно историко-науковедческие разыскания: каждый исследователь так или иначе опирается на своих предшественников, иногда — просто пересказывает их, иногда дополняет, иногда опровергает.

Наконец, ресурсы как бы "нулевого цикла". Это — сырые материалы, протоколы наблюдний, материалы опросов и т. п. (Вот, скажем, массивы анкет "Человека и его работы" 1962 и 1976 гг., если они еще целы).

Я это сейчас к тому, что интервью с российскими социологами занимают "в процессе создания, понимания истории нашей социологии" определенное — не главенствующее, но и не периферийное, а СВОЕ место. Без них историю "не создать" и "не понять". Но и переоценивать их значение не следует. Только в сочетании с другими источниками информации (своего рода триангуляция...) они обретают настоящую ценность.

2. Второе, на что хочу обратить твое внимание. Кажется, уже говорил, что нашей социологии повезло сберечь кадры, которым есть что вспомнить, о чем порассказать, в том числе в жанре биографических интервью. В "Интермедии" перечислены авторы воспоминаний, представленные в упоминавшемся мною выше историко-научном томе под редакцией Г. Батыгина, вышедшем в 1999 г. Пожалуй, еще раз приведу этот список:

— Колбановский, Ядов, Шубкин, Левада, Осипов, Кон, Заславская, Здравомыслов, Ольшанский, Карпинский, Грушин, Оников, Руткевич, Лапин, Рывкина, Коган, Наумова, Галкин, Пилипенко, Фирсов, Араб-Оглы, Гордон, Давыдов, Бестужев-Лада, Семенов.

А теперь другой список (лишь в нескольких персоналиях пересекающийся с этим), а именно авторы, выступавшие под рубрикой "Ретроспектива", затем — "Профессиональые биографии" в Батыгинском же "Социологическом журнале":

— Ольшанский (95-1), Фирсов (95-2), Карпинский (95-3), Левада (96-3/4), Заславская (97-1/2) (эти пять текстов потом вошли в упомянутое выше собрание воспоминаний), Радаев (2000-3/4), Чесноков (2001-2), Дробижева (2001-4), Яницкий (2002-1), Левинсон (2002-2), Гудков (2002-2), Дубин (2002-2), Шкаратан (2002-3), Алиева (2002-4), Батыгин (2003-2), Божков (2004-1/2)...

Особняком стоит в рубрике "Ретроспектива" совершенно замечательная работа Сергея Рапопорта "Социология времен тоталитаризма. Компендиум для нынешних" (СЖ, 1998-1/2), являющаяся не воспоминанием, а попыткой осмысления, по преимуществу.

А твое собственное историко-биографическое режиссерское творчество, которое теперь — не только на страницах "Телескопа", но и на сайте Д. Шалина!.. Напоминаю сам себе: Гилинский, Фирсов, Ядов, Кесельман, Смирнова, Могилевский, не перечисляю тех, которые "на подходе"... Наконец, ты сам.

В другом жанре — опубликованные также в "Телескопе" материалы, посвященные Грушину, Капелюшу и Голофасту. Но в принципе они той же цели служат — презентации, обозрению, обсуждению "ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА" или "ЛЮДСКОГО ПОТЕНЦИАЛА" советской (соответственно, современной российской) социологии.

Но есть еще и другие автобиографические и ауторефлексивные источники. Напомню книгу В. Шляпентоха "Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом" (СПб.: изд-во журнала "Звезда", 2003). Автобиографические сюжеты наличествуют в книге В. Шубкина "Насилие и свобода" (М.: На Воробьевых, 1996). Наверное, ты еще не видел "Записки социолога" С. Кугеля (СПб.: изд-во "Нестор-история", 2005). А И.

Бестужев-Лада издал том на 1150 стр. под названием “Свожу счеты с жизнью. Записки футуролога о прошедщем и приходящем” (М.: Алгоритм, 2004).

Ну, и аз, грешный, устроил что-то вроде театра из собственной профессиональной жизни, что чуть ли не с графоманской добросовестностью отобразил это в “Драматической социологии и социологической ауторефлексии”.

Я насчитал уже свыше 40 (перечисленных здесь) потенциальных клиентов или возможных героев (уже по факту имеющихся готовых, опубликованных на бумажных носителях материалов) раздела History of Russian Sociology Project на сайте Д. Шалина. Если, конечно, не считаться приоритетами и получить соответствующие разрешения от редакции “Социологического журнала” и от Института социологии РАН, что вряд ли вызвало бы у тебя затруднения.

Я пока не беру в расчет (а надо бы!) юбилейные интервью, периодически публикующиеся в других журналах, кроме “СЖ”. Ну, некоторые из этих интервью носят характер откровенно саморекламный (чего не избежали и некоторые из перечисленных здесь мемуаристов; вообще автобиографическое интервью для печати — жанр обоюдо-острый). Но информативность и таких интервью вовсе не ничтожна, и не только фактографическая, но и субъективно-ценностная (“автопортреты”...).

3. К сожалению, этот стихийно складывающийся проект (начатый Батыгиным, подхватил знамя — ты...), в котором собственно твои историко-биографические штудии оказываются лишь актуально реализуемой ныне частью общего дела, оказался недостаточно четко “спроектированным”. Просто, в последнее десятилетие шло накопление биографических интервью и мемуарных текстов социологов, более или менее регулярно публиковавшихся, среди которых были и блестящие работы (помню, на меня особенное впечатление произвел в свое время текст С. Чеснокова), были и “так себе” (не перечитав всего подряд, не хочу приводить примеры).

Когда после очень содержательной, выполненной тобою научной биографии Грушина, ты опубликовал в “Телескопе” (2004-5) свой манифест (“К открытию рубрики “Современная история советской социологии””), тема биографических интервью с “шестидесятниками” и “шестидесятилетними”, там практически отсутствовала, разве что в самой общей постановке вопроса. Дальше пошла твоя “серия” интервью 2005 г., понятно, сразу востребованная в питерском социологическом сообществе. Ты назвал это проектом, хоть специальной методолого-методической проработки его у тебя, как видно, не было (как, боюсь, не было и у Батыгина)...

Упрекать тебя за это нелепо. Хорошо, что эта работа состоялось, ибо без тебя, похоже, не состоялась бы вообще. Но возникли трудности, из которых разве что “глухой лягушенок” может выйти без психологических, да и, пожалуй, без профессиональных потерь. Вообще, к этим интервью, к их собранию (а не только к отдельным авторам), можно, наверное, предъявить претензии “покруче” Лёниных (хоть, разумеется, не в его тональности). Что, отчасти, и делает Д. Шалин в своем комментарии. Мои непритязательные и заинтересованные наблюдения “изнутри” в общем парадоксально совпадают с его, пожалуй, отрешенным и академичным взглядом “человека со стороны” (хоть и тоже пристрастным, когда доходит дело до его собственных воспоминаний).

Практически каждый автор у него предстает (и действительно является!) неким творцом “легенды” собственной жизни и профессиональной карьеры, в которой что-то выпячено, что-то затушевано, а что-то и вычеркнуто из памяти. Иногда сознательно, а иногда и бессознательно это происходит... И Д. Ш. как бы ловит наших коллег на таких “смещениях акцентов”.

Интересно, что он находит нечто общее в текстах очень разных людей, а именно — усмотрение некоего своего “выламывания из общего ряда”, собственного нонконформизма. Скорее всего так оно и было, пишет он, но характерно (это уже я говорю...), что никто не забыл это подчеркнуть или хотя бы упомянуть.

Из комментария Д. Шалина:

<...> I don't mean to suggest that such self-revelations are somehow inauthentic. They ring true to me. More than that, I am inclined to think that the agentic versatility and emotional ambivalence these scholars have shown correlate with intellectual curiosity and creativity. At the same time, these tropes follow the rules of the genre. In particular, they are meant to counterbalance ample evidence that these intellectuals knew how to work the system, that they traveled widely in official circles and did what it takes to augment their political capital. These were Komsomol activists, in many cases young communist leaders, who marched under the communist banners, recited requisite pledges, voted for inane resolutions, took part in the ritual degradation ceremonies, and for the most part kept to themselves the doubts they had about the system. <...>

И Д. Ш. справедливо отмечает, что положение дружественного интервьюера-собеседника может войти в противоречие с позицией дотошного историка-аналитика (а ведь ты тут в обеих ролях!).

<...> Coming back to the methodological issues inherent in in-depth interviews, I wish to point out that unlike memoirs where the writer is free to accentuate/ignore particular facets of one's existence, the interview process confronts the respondents with the questions of someone else's choosing. This process gives the interviewer a chance to move the conversation in a certain direction, clarify vague responses, even challenge the interviewee when the situation warrants. You have used your right as an interviewer sparingly, letting the respondent put his or her best foot forward ("Я хочу, чтобы мои герои подали себя с лучшей стороны" p. 40). To be sure, this is your choice; the procedure you have followed reflects your sensibilities as a mild, nonconfrontational human being, and as long as you are upfront about your preferences, you have every right to go about the business according to your agenda. The difficulty, as I see it, begins when you cease to be a participant observer sympathetically querying your friends and colleagues and become a historian whose judgment of the past may differ from particular accounts you have collected. <...>

Интересно, что Д. Ш., как и я, проявляет интерес к процессу интервьюирования едва ли не больше, чем к его конечному продукту:

<...> It would be interesting to see the actual email exchanges and compare the language of the original with the verbiage that showed up in print. A routine editing may reveal a noteworthy pattern, especially if we consider the larger universe of email correspondence between you and your respondents from which you extracted the relevant materials. <...>

Вообще, надо признать, что интервью по электронной почте способствует все же скорее "мемуарным" повествованиям, чем интерактивному режиму беседы. С другой стороны, далеко не все люди говорят так, чтобы это могло сразу лечь на бумагу или на экран компьютера, так чтобы удовлетворить не только интервьюера, но и самого говорящего. Тогда возникает потребность даже не столько в стороннем, сколько в авторедактировании. Электронный контакт достаточно оперативен, однако снимает проблему "устного косноязычия"... (лично мне, например, свойственного).

Мне кажется, все эти проблемы заслуживали бы предварительного решения, выработки и экспликации неких принципов и даже процедур — как выбора собеседников, так и проведения этаких "заочных" бесед. Тогда, возможно, не возникло бы прискорбных напряжений, обсуждаемых в моей "Интермедии". (А Леню, в качестве сотрудника именно <u>твоего</u> проекта, ты, боюсь, потерял...).

Возможно, и сейчас был бы полезен твой собственный программный документ, обобщающий и осмысляющий накопленный к настоящему времени опыт реализации проекта "российской социологии в лицах"... Вроде ты собирался что-то в этом роде написать

4.

...А что если Шалинский комментарий перевести и опубликовать в том же “Телескопе”? Можно, с твоим “комментарием к комментарию”... СлабО будет Мише? А почему бы нет?

5.

Вообще, всякий человек достаточно противоречив и весьма разнообразен в своих чувствованиях, мыслях и поведенческих проявлениях. К тому же эти противоречивость и разнообразие изменяются в процессе жизни. Скорее в самовосприятии, а также в предъявлении себя другим человек стремится к некой целостности и... к оправданию себя, своей жизни, наделению ее смыслом. И эти представления о себе самом прежнем (в разные периоды) и нынешнем — как-то коррелируют и тоже меняются...

Социологи в этом отношении — вполне нормальные люди. Твои собеседники не дурнее всех прочих.

6.

Я согласен с Д. Шалиным, что

> ...the history of Soviet society gives us ample room for studying the schizophrenic dimension of human agency.

Однако думаю, что указанное “шизофреническое измерение” вполне свойственно и всему человечеству.

7.

...Еще в первом, самом раннем варианте своей “Драматической социологии” я додумался до мысли, которую готов еще и еще повторять. Она состоит

> “...в утверждении культурной самоценности... сиюминутных социальных свидетельств, равно как и рефлексий. То есть — не мемуаров, не ретроспективных анализов, а того, что можно назвать “протоколами”..., а попросту — дневник, “протоколы жизни”... Обратим внимание на преимущество дневника перед автобиографией, в качестве объекта социологического анализа. Дневник несет в себе “только одно” субъективное искажение, которое можно назвать моментным. В “истории жизни” к этому добавляется, кроме естественных искажений памяти, сознательная и/или бессознательная коррекция картины прошлого последующим жизненным опытом. Разделить эти слои субъективности в автобиографическом повествовании очень трудно” (Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Книжка 1. М.: СпбФ ИС РАН, 1997, с. 17)

“Никакие записи и рассуждения по памяти не могут заменить того, что написано 25 лет назад”, — замечал А. Сахаров в своих “Воспоминаниях”.

Характерно, что мемуаристы сплошь и рядом избегают цитировать собственные тексты прошлого времени...

8.

Возвращаясь к нашей персональной теме. Я согласен, чтобы ты строил свою “автобиографическую” композицию, а я — свою “ауторефлексивную”. Потом сопоставим, разберемся...

9.

Телефон Юры Щеголева тебе, вероятно, уже сообщила Алла. Домашний: 272-95-12.

Тв. Андр. Ал.
7.04.2006

***

Прилагаю свои ответы на твой вопрос об отношеняи к… или с… партией.

— Ты ведь и в те годы, когда восстанавливался в КПСС, понимал, что эта организация далеко не ум и не совесть эпохи... что тебя тогда заставляло тратить силы и прочее, чтобы восстанавливаться? И после восстановления ты сразу вышел. Так?

(О принадлежности к партии...)

<...> Членом КПСС, как нетрудно подсчитать, я был почти 30 лет: с 1961 по 1990 г. Из них около 4-х лет пребывал в положении исключенного из партии, однако "восстановлен в рядах" был в 1988-м. "без перерыва в стаже". Вступал — добровольно, выходил — тоже добровольно, без кавычек.

Сейчас "шестидесятилетние" и старше, не состоявшие в партии (в нашей профессии таких немного, но есть), порой сообщают об этом с гордостью. А состоявшие — порой забывают об этом упомянуть. Упоминание же может сопровождаться "извинениями"... С этим иногда сочетается заявление о собственной ранней внутренней оппозиционности (выходит, цинизм, карьеризм...). Или же заявление о собственной прошлой коммунистической правоверности (выходит, наивность, слепота...).

То и другое (цинизм ли, наивность ли...) не украшают. Третий вариант — "двоемыслие" как бы примиряет эти противоположности. Но и тут, понятно, нет предмета для самоутверждения... В этом пространстве самоопределений я бы отнес себя к "двоемыслящим наивнякам". Существуют и комплиментарные определения, типа "коммунист-романтик"...

Я вступал в партию не слишком рано, но и не слишком поздно — в 27 лет. Работал тогда в газете "Смена". XX съезд состоялся пять лет назад. До вторжения в Чехословакию оставалось еще семь лет. Сверстникам, с которыми учился в школе или в вузе, говорил: чем больше в партии будет порядочных людей, тем скорее преодолеем "наследие культа личности"...

Как раз в 1961 г. я попал в какую-то молодежную "элитную" (других тогда не было) зарубежную турпоездку в Англию. Вел там дневник — для себя. Вернувшись, прочитал его участникам поездки. Был дружно одобрен. А месяц спустя фрагменты из дневника оказались опубликованы в комсомольской газете — без какой-либо редактуры под названием (мною же придуманным...) "Вкус собственной правоты".. Были в дневнике и такие строки (в газету, впрочем, не предлагавшиеся):

"Честное слово, советский человек, хоть наша собственная попаганда порой и оглупляет его (воодушевленные решениями "очередного пленума") — действительно на голову выше человека буржуазногообщества. Вот что надо сравнивать в первую очередь, а не метро или нищих на тротуаре. В конце концов нищего можно найти и там, и там".

Несколько месяцев спустя после получения партийного билета состоялось первое "хождение в рабочие". (Этот "побег" был замышлен, понятно, раньше...). Мое интервью о собственной молодости, записанное в середине 90-х, удачно называлось: "Слишком правоверный комсомолец, или дурной шестидесятник" (см. "Драматическую социологию..." том 4, приложения к главе 22). А вот запись из дневника от марта 1964 г. (еще работал на заводе, в газету пока не вернулся):

"...Если хочешь, чтобы люди хоть что-то восприняли <u>из твоей</u>, утерянной ими <u>коммунистической убежденности</u>, не страшись клеймить коммунистического идола, опошленного и истерзанного".

Уже позднее, во времена аспирантуры и начала социологической карьеры состоялось первое знакомство с диссидентской литературой, начался процесс идеологического прозрения. Но и в конце 70-х, помню, произнесенное вслух перед друзьями заключение, что “монополия коммунистической партии является главным источником бед нашего общества”, было для меня выстраданным, личным открытием. Вот такое “замедленное развитие”... Не зря — “дурной шестидесятник”!

(Так ведь и в конце 80-х, в начале перестройки, сколько еще сохранялось — и не только у меня! — иллюзий о “демократической платформе в КПСС” и о “социализме с человеческим лицом”!).

По идее, на рубеже 60-х — 70-х можно было бы, по совокупности “еретических” мыслей (пусть еще смутных...), из партии и выйти. Но тут уже срабатывал инстинкт самосохранения. “Ломать себе жизнь” вовсе не хотелось... Да и зачем, когда состоя в партии, можно самореализоваться полнее, “принести больше пользы” и т. п.? Вот уже и не наивность, а механизм “двоемыслия”...

(Партийный секретарь ИСЭПа...)

Был у меня тогда относительно недолгий период едва ли не экстремального испытания. При образовании в 1975 г. Института социально-экономических проблем из ленинградских филиалов нескольких московских институтов (включая Институт социологических исследований) понадобился для него (точнее — в нем) партийный секретарь, для которого, по совокупности анкетных данных, я, как видно, идеально подошел.

(Надо заметить, что в моем “досье”, похоже, остались не отраженными или не замеченными — ни скоропостижное смещение с номенклатурной должности в партийной газете 10 лет назад, ни научно-идеологические споры с деканом факультета журналистики А. Бережным — еще в 60-х гг., ни “поверхностный” и вроде оставшийся без последствий интерес ко мне сотрудников первого отдела — в те же годы).

В Ленинградском подразделении ИСИ я числился партгрупоргом — должность сугубо формальная: не заглянув в архив, я бы сейчас об этом даже и не вспомнил. Другое дело — секретарь партийного бюро Института. Будь институт чуть побольше, это квалифицировалось бы как освобожденный партийный работник.

Так или иначе, возникла жизненная ситуация, которую пришлось для себя определить: “Посадили в сани — не говори, что не свои...”. Для меня главным оправданием пребывания на этом посту стала, пожалуй, не безуспешная борьба, как теперь сказали бы, за “прозрачность” организационного становления нового института. Из своих “партийных подвигов” вспомню один, кстати, имеющий отношение к сюжету, который упоминает Д. Шалин в своем Комментарии к серии твоих биографических интервью, помещенных ныне также на сайте Университета Невады в Лос-Аламосе.

Еще до образования ИСЭПа из научного коллектива, возглавлявшегося Ядовым, двое сотрудников заявили о своем намерении эмигрировать из страны. По этому поводу были всякие политико-идеологические разборки, подутихшие со временем. А Ядов в новом институте, естественно, возглавил социологический отдел. Тогда одна из сотрудниц сектора Ядова (фамилию ее “шестидесятилетние” помнят, а кто помоложе — знать не обязательно...), известная как изрядная скандалистка, обратилась с письмом в “Правду”, а затем еще и к секретарю горкома партии — с политическими обвинениями против своего шефа. Под давлением горкома Ядову пришлось подать заявление об освобождении его об обязанностей зав. отделом, мотивируя “необходимостью сосредоточиться на руководстве сектором” и т. п..

Партийное бюро в составе А. Алексеева, Г. Смирновой, О. Иванова, Г. Черкасова, Н. Толоконцева, Б. Фирсова и А. Когута на своем заседании 28 октября 1975 г. “рекомендовало” дирекции удовлетворить это заявление.

Мне тогда казалось особенно важным обнажить ситуацию “нажима” сверху, в связи с поступившей “телегой” снизу, исключить неопределенность, “кривотолки” — за что именно “Ядова сняли” (хотя бы и “по собственному желанию”). Сделано это

было оригинальным, и даже, можно сказать, “самоотверженным” образом — путем “провокационного” предложения освободить В. А. от заведования отделом безотносительно к его заявлению. Члены партбюро — все! — возразили против этого предложения, выступили “в поддержку” заявления Ядова, к чему и секретарь партбюро благополучно присоединился (мол, в нашем партийном бюро все решения только единогласные!). Но по ходу этого обсуждения, достаточно откровенного и острого, стали “прозрачны” действительные пружины этого административно-политического решения.

Помню, я добрых полдня потом сочинял “изобличающий” Смольный на пару с доносчицей протокол на 4-х страницах, из которого явствовало, что решение это вызвано “рядом политических обвинений в адрес Ядова, фактической базой для которых были антипатриотические поступки (так тогда это называлось. — А. А.) двоих бывших сотрудников Ядова, работавших в его старом секторе, ныне покинувших нашу страну” (цитата из выступления Черкасова). Дело, мол, прошлое, но наказание пришло теперь, по настоянию (указанию...) секретаря горкома партии. Мол, несправедливо, но куда денешься... Никаких претензий по руководству отделом к Ядову нет... Поручить Алексееву информировать Ядова о ходе и результатах настоящего обсуждения.

Под этим реальным, а не формальным протоколом подписались все члены партийного бюро (важно еще было сообразить — кому после кого предложить подписать). Ознакомлены с ним были не только райком партии, но и все социологи — члены партии, кто пожелал ознакомиться.

Однако продолжалось мое партийное секретарство меньше года. Дело в том, что еще летом 1975 г. состоялось исключение из партии старшего преподавателя кафедры психологии, научного руководителя лаборатории социологии Тартуского университета (Эстония) Юло Вооглайда. Одна из первых формулировок исключения — “за антипартийную деятельность и неискренность перед партией” (впоследствии смягчено до: “за непартийное поведение и отсутствие политической бдительности”).

Из письма в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС товарищу А. Я. Пельше от 27 июня 1975 г.:

> “...Мое обращение к Вам, Арвид Янович, как Председателю КПК, — это личное обращение коммуниста. Я являюсь секретарем партийного бюро Института социально-экономических проблем АН СССР, но в данном случае выступаю от своего и только своего имени. К этому письму меня обязывает мой партийный долг. Я вступал в партию на 3 года позже Ю. Вооглайда, но я готов сегодня разделить ответственность с теми, кто рекомендовал его в ряды КПСС.
>
> Копию этого письма я направляю в ЦК КП Эстонии...”

Когда Гелий Николаевич Черкасов узнал об этом письме (а два месяца спустя было еще и второе: “...подтверждаю свою готовность поручиться за Ю. Вооглайда своим собственным партийным билетом”), то схватился за голову: “Что Вы наделали, А. Н.!”.

Странно, что дело обошлось без партийного взыскания. Меня устно отчитали в райкоме КПСС — за попытку использовать свое общественное (должностное?) положение “для оказания давления на ЦК нашей партии”. Но уж больше в состав партийного бюро не выдвигали...

А от Вооглайда на Новый, 1976 год пришла открытка: “Дорогой Андрей! Усатый — это ты, пожалуй. Желаю тебе и в этом удачи. Твой Юло”. На обороте открытки был изображен эстонский крестьянин, подковывающий... черта!

...Ну, вот и суди сам, когда же мне и таким, как я, стало ясно, что КПСС “далеко не ум и не совесть эпохи”... Понимал это — не только когда восстанавливался в партии, на гребне перестроечной волны, но и раньше — когда в “год Оруэлла” исключали “...за написание и распространение клеветнических материалов на (так! — А. А.) советскую действительность...”, и еще раньше — в пору партийного секретарства, и еще раньше

— примерно с 1968 г. А вот до этого, увы, не понимал. Но если бы уже тогда понял, то и жизнь бы, наверное, сложилась совсем по-другому. Впрочем, в биографии, как и в истории — нет сослагательного наклонения.

(Стоило ли восстанавливаться в партии?..)

А что касается, того, что заставляло “тратить себя” на восстановление в КПСС, то об этом столько понаписано в “Драматической социологии и социологической ауторефлексии” (том 2), что здесь не хочется повторяться. Главная формула моего ответа на этот вопрос была найдена сравнительно недавно (уже когда писал ту книгу): НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА (в том смысле, в каком рассматривает это понятие А.Ф. Кони: “вынужденное защищение от несправедливого нападения...”).

Можно сказать, что защищал умаленную честь, достоинство, ущемленные права, которые в той ситуации идентифицировались как... членство в КПСС. А ради таких ценностей тратить себя не жалко...

Сразу вышел из партии, как восстановили... Ну, не совсем сразу: полтора года прошло. Это было в июле 1990 г. Когда открылся XXiX съезд. Когда стало ясно, что этот социальный институт исторически полностью себя исчерпал. И не один я выходил, а “за компанию” с большинством коллег. По-моему, с тобой вместе... Вспоминаю собрание на втором этаже, в здании на Серпуховской улице.

...А вот когда неправильно уволенный добивается восстановления на работе, и ему это (вдруг!..) удается, то часто сразу же увольняется. Ему не работа эта была нужна, а сам факт восстановления....

**

.

Ну вот, Боря, я и ответил на вопрос про партию... Интересно, куда ты это вставишь по своей “автобиографической” логике? Следующим, вероятно, будет ответ на не заданный тобой вопрос о “взаимоотношениях” с органами гос. безапасности. Вопрос для профессиональной биографии социолога не праздный...

Твой Андр. Ал.
8.04.2006

**

(О взаимоотношениях с КГБ)

...Вообще, коммунистическая партия и “компетентные органы” — своего рода “близнецы-братья” (пользуясь метафорой Маяковского, примененной, впрочем, к В. И. Ульянову-Ленину). Партия — вроде бы старший брат, “органы” — младший. Причем исторически второй — более живучий и удачливый.

До середины 70-х моя персона для младшего из братьев интереса вроде бы не представляла, по крайней мере — внешних проявлений внимания с его стороны я почти не замечал. Но “наслышан” о его тогдашних подвигах был (да кто из гуманитарной интеллигенции не был!). Интересно, что до 40 лет никаких предложений “о сотрудничестве” мне не поступало. Единственное (впрочем, косвенное...) в 1976 г. оказалось и последним.

Я только что избавился от груза партийного секретарства, обнаружив свою “политическую незрелость” в связи с исключением из партии Ю. В. (см. выше). И вот приглашают меня — нет, не в Большой дом! — а всего лишь в комнату рядом с отделом кадров в здании нашего института на ул. Воинова (теперь — Шпалерная). Манера вглядываться в предъявляемые служебные корочки и даже записывать фамилию — у меня была (не знаю — откуда).

После общего “зондажа” (мол, желаем познакомиться,,, и как Вам работается...) просьба — “помочь” профессионально, в качестве знатока и специалиста по “контент-анализу” (я таковым слыл), в разработке методик идентификации автора по характеристикам текста. (Может, это была “легенда” ихнего интереса, а может и впрямь нуждались, хоть и вряд ли; словно из “В круге первом” сюжет...). Ну, для меня это был “подарок” — повод закатить мини-лекцию о контент-анализе, из которой явствовало что “не по адресу” обратились. КА имеет дело с массовыми, а не индивидуальными характеристиками; исследование тенденций, а не определение авторства... Вам нужно не к социологам, а скорее — к психологам или лингвистам, если не к криминалистам...

Ладно, “отбоярился”. Уже прощаясь, мой собеседник неосторожно предлагает “не разглашать” наш разговор. “Это как же не разглашать? Я обязан сообщить в партийные органы. У меня от партии секретов нет!”. — “Ну, Вы ж понимаете...” — “Не понимаю. Вы пришли ко мне за профессиональной консультацией... Почему я должен это утаивать?”. Ушел, недовольный.

Первым, кому я сообщил о поступившем предложении насчет “научного сотрудничества” был мой коллега, с которым у меня вполне доверительные отношения, причем он — партгрупорг отдела. Тот сказал: “Андрюша! Я понял. Молчу!”. Я ему: “Я не для того тебе рассказываю...Ты ж мой партийный руководитель! “ — “И что же мне делать?” — “Наверное, сообщить секретарю партбюро... Впрочем, как знаешь”.

Через пару часов встречаю в коридоре своего бывшего зама по идеологии, ныне сменившего меня на посту партийного секретаря. Как-то он многозначительно на меня поглядывает... Я: “Ты что-то хочешь спросить?” — “Чего же ты мне сам-то не рассказал?” — “А, ну ты для меня высокое начальство! Я по инстанциям...”. Из обмена мнениями стало ясно, что и райком партии следует информировать. Наверное, так он и сделал.

Уж не знаю как, но о беседе с бывшим секретарем партбюро нашего куратора с Литейного стало известно достаточно широко. Больше мы с ним никогда не встречались.

(А теперь: “проверка памяти”... Партгрупоргом отдела в ту пору, помнится, был... ты! Вспоминаешь? Если да, улыбнемся вместе. Если нет, будем считать, что я рассказал анекдот).

Несколько лет спустя все было гораздо серьезнее. Когда охотились за материалами андерграундного экспертного опроса “Ожидаете ли Вы перемен?”, был пущен в ход весь арсенал средств “компетентных органов”, кроме разве что подбрасывания наркотиков... И при обыске в 1983 г. безуспешно искали именно эти материалы, а вовсе не “Письма Любимым женщинам”. Мой экземпляр “писем...” забрали “на всякий случай”, а у Бориса Беликова (обыск — в тот же день) аналогичный экземпляр не тронули...

...Хорошо помню, как в Большом доме на Литейном, перед объявлением официального предостережения, мне почти без вопросительной интонации сказали: “Ну, своих опрошенных Вы, конечно, не назовете...”. Я счел уместным объяснить: “Конечно, нет. Это профессиональная тайна!” (А ведь не всех и знал!).

Сейчас уже вроде не актуально (хотя — как знать!..) но вбивание клина между “старшим” и “младшим” братьями (как никак — братья-соперники!), с одной стороны, и “высокомерная” постановка известных норм профессиональной этики выше подразумеваемых “государственных интересов” (“Вы ж понимаете!..”), с другой, в последние советские десятилетия оказывались довольно эффективными в “выстраивании” отношений с тогдашней политической полицией.

Андр. Ал.
9.04.2006

* * *

Письмо А. Алексеева Б. Докторову. Копия Л. Кесельману. (9)

9 апреля 2006 г.

Дорогой Борис!

Мы договорились, что каждый строит свою потенциальную композицию извлечений из нашей электронной переписки: ты — по хронобиографической, я — по ауторефлексивной логике. В интересах "равноправного соперничества" (а также собственного и, может быть, твоего удобства) я решил зафиксировать здесь, что же в итоге пока получается "у меня".

Здесь собраны в хронологическом порядке их возникновения "собственно-автобиографические" фрагменты из моих писем, чему предпосланы твои вопросы (по мере их поступления). В какой-то момент ты вопросы, как таковые, задавать перестал, справедливо полагая, что мне и на них-то еще отвечать — не переотвечать.

Вообще говоря, в рамках хоть моей, хоть твоей логики, некоторые как твои, так и мои "размышлизмы", к интервью непосредственно вроде бы не относящиеся, могли бы быть использованы в "конечном продукте". Но такая компоновка — дело будущего.

Признаюсь, что моя "композиция" пока меня тоже не удовлетворяет. Боюсь, что любая композиция, будучи извлечена из контекста переписки, как бы проигрывает. Да и сыроваты некоторые куски... Что вполне уместно в импровизационном обмене посланиями, то требует редактуры в целевой публикации.

Сейчас пока ясно одно (и в этом мы сходимся...), что начинать надо с "драматической социологии" (в смысле скорее книги, чем самого "эксперимента социолога-рабочего", уже хотя бы потому, что тут есть информационный повод, да и все остальные твои соображения на этот счет в силе...).

Вообще-то, ты и этот вопрос задал:

— Как сложилась идея драматической социологии...побольше об этом...и о сути, и о жанре книг...

Я готов на этот вопрос отвечать, но ты можешь как-нибудь его и переформулировать, с учетом уточнившегося замысла.

Опять же, для удобства твоего и своего, я включил сюда "подсобные материалы", а именно: (1) собственную биографическую справку (как бы автобиографическую рамку...) из первого тома "Драматической социологии..." и (2) издательскую (понятно, авторскую...) аннотацию к книге "Драматическая социология и социологическая ауторефлексия" (опубликованную на форзаце томов 3 и 4).

...Вот только сейчас сообразил, что не ты первый предлагаешь мне отвечать на "вопросы о жизни" и т. п. Было по крайней мере три прецедента... В частности, три "ауторефлексивных интервью" (разных лет: 1987, 1988, 1997) были включены в недавно вышедшую книгу.

И я надумал переписать их сюда — в качестве Приложения. Читать лишние 15 стр. (столько они вместе составляют) совершенно не обязательно. Но если просмотришь их хотя бы бегло, возможно, они подтолкнут тебя к новым, дополнительным вопросам.

(Разумеется, воспринимать эти тексты следует в контексте времени и места, когда и где они возникли).

Тв. Андр. Ал. 9.04.2006

***

СОБСТВЕННО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ
И НЕКОТОРЫЕ АУТОРЕФЛЕКСИВНЫЕ ФРАГМЕНТЫ
ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. АЛЕКСЕЕВА С Б. ДОКТОРОВЫМ и Л. КЕСЕЛЬМАНОМ (февраль-апрель 2006 г.)

Подсобные материалы

Биографическая справка. Автор о себе (цит. по: А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1.СПб.: Норма, 2003, с. 47-48)

Алексеев Андрей Николаевич. Родился в 1934 году, в г. Ленинграде. Родители — Варвара Петровна Пузанова и Николай Николаевич Алексеев — оба инженеры.

Окончив в 1956 году Ленинградский университет (филологический факультет), работал журналистом (гг. Куйбышев, Ленинград). В 1961 году сменил социальное положение, стал рабочим (вальцовщик, электролизник). В 1964 году вернулся к штатной журналистской работе (г. Ленинград). Год спустя ушел в аспирантуру.

Начиная с 1968 года, работал в научных учреждениях Академии наук СССР (гг. Новосибирск, Ленинград), социологом. Кандидат философских наук (1970). Специализировался в области социологии СМИ, социологии театра, социологии личности, социологии труда, социологического изучения образа жизни, методологии и методики социологических исследований.

В 80-х гг. предпринял экспериментальное исследование производственной жизни изнутри, для чего поступил в качестве рабочего (наладчик, слесарь) на одно из ленинградских промышленных предприятий. Полевой этап этого исследования продолжался с 1980 по 1988 г.

С 1989 г. по настоящее время работаю в Санкт-Петербургском филиале Института социологии РАН (ныне — преобразован в Социологический институт РАН).

В 90-х гг. организовал Санкт-Петербургский архив-коллекцию нетрадиционных периодических изданий и документов общественных движений “Россия на изломе”. С 2001 г. — председатель Научного некоммерческого партнерства “Алексеевский архив”.

В 1997 г. издал книгу “Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)”. В 2001 г. вышла книга: “Год Оруэлла (из опыта драматической социологии)”.

Дочь — Ольга Андреевна Новиковская (1960 г. рожд.) — работает логопедом в детском саду.

**

Аннотация к книге: А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тома 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005.

В этой книге отражены профессиональные и жизненные поиски автора-социолога, относящиеся к исследованию взаимодействия личности и социальной среды, человека и социальных институтов, индивидуального и социального сознания.

На рубеже 70—80-х гг. прошлого века автором с коллегами было предпринято андерграундное экспертно-прогностическое исследование, ставшее впоследствии известным по названию анкеты — “Ожидаете ли Вы перемен?”. Другое не ординарное исследовательское предприятие автора, относящееся к 1980-м гг., известно под названием “эксперимент социолога-рабочего”. Материалы этих двух и ряда других социологических опытов наиполнейшим образом представлены в настоящей книге.

В отличие от известных канонов научной монографии, эта работа представляет собой сюжетно выстроенное “социолого-драматургическое” произведение, где результаты исследования предстают не как готовые, а как развивающиеся в процессе их получения. Сюжетообразующим элементом является упомянутый эксперимент — “наблюдающее участие” социолога в социальных процессах, подлежащих исследованию, будь то освоение нового оборудования на производстве или самооборона от идеологических и политических обвинений (в середине 80-х гг.). Существенными моментами содержания являются как синхронный с событиями

эксперимента самоанализ, так и современная интерпретация поведения социолога-испытателя и его непосредственного окружения.

Тома 1 (“В поисках жанра”) и 2 (“Контрапункты”) настоящей книги вышли в свет в петербургском издательстве “Норма” в 2003 г. Ныне издаваемые тома 3 (“Полигон”) и 4 (“Версии”) продолжают и завершают тетралогию.

Автор является одним из пионеров внедрения качественных (“гибких”, “мягких”) методов исследования в практику современной отечественной социологии. Особое внимание в книге уделено проблематике многообразия и соотношения разных способов социального познания.

Для специалистов гуманитарных наук и широкого круга читателей, стремящихся понять общество, в котором они живут, и самих себя в этом обществе.

**

Вопросы Б. Докторова к А. Алексееву:

Б. Докторов — А. Алексееву (20.02.2006) (1)

<...> Что в целом меня интересует?

— Как и почему ты выбрал свою профессию? Что, кто повлиял?

— Где и у кого ты учился кто наиболее сильное влияние оказал на тебя в те годы?

— Твой переход от журналистки в социологию...

— Твои уходы на завод.. твоя сегодняшняя оценка тех нестандаотных решений...

— Твое исключение из партии и восстановление членства...

— Твоя оценка исэповской жизни...

— Как сложилась идея драматической социологии...побольше об этом...и о сути, и о жанре книг...

— Как ты оцениваешь те изменения, которые произошли в нашей науке (организации науки) в последние годы.

<...>

**

Б. Докторов — А. Алексееву (28.02.2006) (2)

<...> Если ты устал вспоминать, начинай оценивать...

— Леня напомнил мне, что одновременно (?) с тобою в рабочие пошли Юра Щеголев и покойный Сережа Розет... для тебя это было драмой (отчасти отсюда возникла твоя драматическая социология), для них – трагедией (я так думаю). Ты был уже не теленком и мог бодаться... они были послабее... как ты оцениваешь сегодня твое телодвижение? Оно было на 100% необходимым, обязательным в твоей ситуации (почему ?) или все же еще был запас сил, чтобы не уходить..

.

— Ты ведь и в те годы, когда восстанавливался в КПСС, понимал, что эта организация далеко не ум и не совесть эпохи...что тебя тогда заставляло тратить силы и прочее, чтобы восстанавливаться? И после восстановления ты сразу вышел. Так?

— В Америке добрая половина тех, кто до войны стал социологом, начинали в журналистике или хотели быть журналистами... Дело в том, что пулитцеровская традиция в журналистике мощно толкала к анализу социального, а страсть американцев к миграции имеет не только географическую предметность...

Что тебя, как я понимаю, вполне успешного журналиста, толкнуло в социологию? Ты почувствовал «потолок» в аналитических возможностях советской журналистики? Тебя что-то загипнотизировало в социологии? Тебе не кажется, что в твоих томах «Драматической социологии» ты во многом соединил традиции социологии и нормальной (размышляющей,

думающей) журналистики. Во всяком случае, «чистый» социолог не додумался бы до такого жанра....

— В последние месяцы я пришел к выводу о том, что все мы жили и работали в пространстве, которое пока называю «социологическим гетто»: максимум внешних ограничений и вынужденных самоограничений. Ядов согласен, но спрашивает, может лучше говорить о «резервации». Пожалуй, Кон, я в начале февраля был в Москве и заходил к нему в гости, согласен с моей трактовкой того пространства. Но, скажем Здравомыслов, пока сопротивляется. Что ты скажешь о той степени свободы, в который мы существовали, и о личном ощущении этой свободы (несвободы)?

— К какой философской школе, к какому философскому направлению ты себя относишь? Ты давно исповедуешь эту философскую религию или нашел ее относительно недавно? В любом случае, как ты относишься к марксизму (по-моему, ты один из немногих, кто читал некоторые фотокопии работ Маркса?

— Я сейчас, говоря о двух первых поколениях советских/российских социологов, выделяю «шестидесятников» и «шестидесятилетних». Ясно, оба названия, особенно второе, условны. Какое поколение тебе ближе? По мироощущению? Мне представляется, что родившиеся в 1929 году (и вблизи) верили в возможность улучшения социализма, те, кто родился в районе 1941 года – уже в это не верили, родившиеся вблизи 1953 года – считали социализм ошибочным типом устройства общества. Есть ли в таком поколенческом подходе правда?

**

Ответы А. Алексеева на вопросы Б. Докторова

(не в последовательности задававшихся вопросов,
а в хронологической последовательности ответов)

<…> (Здесь опущена выполненная Б. Докторовым сводная композиция ответов А. Алексеева приводившихся выше. – А. А. Январь 2011).

Пока все. Андр. Ал. 9.04.2006

***

Приложения:

Три ауторефлексивных интервью (1987, 1988, 1997)

(См.: А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тома 3 и 4. СПб.: Норма, 2005. [9]

Примечание: Здесь использована рукопись книги; возможны мелкие расхождения с текстом печатного издания. Указанные номера разделов — согласно оглавлению соответствующих томов. — А. А.)

(1)

[9] Электронная версия - http://narod.ru/disk/3015946001/AA%20DRAM%20SOC%20Vol%201-4%20Optim%20All.pdf.html.

16.3. ИНТЕРВЬЮ С “ГЕРОЕМ ДНЯ”

Корреспондент АПН С. Ненашев — А. Алексееву (ноябрь 1987)

Уважаемый Андрей Николаевич!

Агентство печати “Новости” рассчитывает подготовить статью о Вашей работе. Это вопросы для беседы, с тем чтобы не отнимать у Вас много времени. Надеюсь, что мы с Вами сможем встретиться в ближайшие дни.

С. Ненашев, 5.11.87

* * *

А. Алексеев — С. Ненашеву (ноябрь 1987)

Уважаемый Сергей!

С интересом ознакомился с Вашими вопросами. Ценю их оригинальность и вообще — культурную работу. На часть этих вопросов отвечаю письменно — не только для Вашего удобства, но и для лучшего уяснения самому себе.

А. Алексеев, 10.11.87

Вопросы и ответы

1. В некотором смысле Вы стали “героем дня” — о Вас пишут, ТВ предлагает участвовать во встрече с молодежью. Как Вы к этому относитесь? Нужно ли Вам это? Нужны ли уроки Вашего опыта молодому поколению?

— Один из моих товарищей по работе (слесарь Сергей Р.), отношение которого ко мне неподвластно ни партийным постановлениям, ни выступлениям СМИ, недавно высказался так: “Был А. врагом народа, теперь реабилитирован и вроде бы герой, а там глядишь — опять в опалу попадет...”. Миша Г. (тоже слесарь из нашей бригады) поправил: “Не враг народа, а враг начальства...”. Еще немного и я окажусь “другом народа”... Тогда дело, чего доброго, станет за Шарлоттой Корде.

Я благодарен Вам за сдержанность выражения: “в некотором смысле — герой — **дня**”.

Что касается “уроков опыта”, то они всегда полезнее словесных уроков. Это относится к любому возрасту. Научить жить нельзя, этому можно только научиться. Если об этом не забывать, то можно участвовать в любой встрече, в любом качестве. Во всяком случае, я готов отвечать на вопросы, когда мне их задают от души.

2. Что бы Вы хотели сказать молодежи, если ТВ предоставит такую возможность?

— Читайте ответы на анкету газеты “Известия” (октябрь 1987 г.).

3. Какие статьи и в какие журналы Вам заказаны (об этом поминается в статье “ЛГ”)?

— Читайте мой отчет о научной и организационной работе члена ССА от 10.10.87 (прилагаю).

4. Какие жизненные ситуации формировали Ваш характер? Примеры.

— Жизненная ситуация воспитания в родительской семье и обучения в школе (Ленинград — Омск — Ленинград, 1934-1950); ж. ситуация обучения в ЛГУ (Ленинград, 1950-1956); ж. ситуация работы журналистом в областной молодежной печати (Куйбышев — Ленинград, 1956-1961); ж. ситуация работы рабочим на предприятиях Ленинграда и области (Ленинград — Волхов, 1961-1964); ж. ситуация работы журналистом в областной партийной газете (Ленинград, 1964-1965); ж. ситуация обучения в аспирантуре (Ленинград, 1965-1968); ж. ситуация работы в сибирском академическом научном учреждении (Новосибирск, 1968-1970); ж. ситуация работы в ленинградских академических научных учреждениях (Ленинград, 1970-1975); ж. ситуация работы в Институте социально-экономических проблем (Ленинград, 1975-1980); ж. ситуация социолога-рабочего (Ленинград, 1980-1987)...

Ремарка: ***периоды жизни***

Здесь социолог-испытатель пытается применить к себе концепцию жизненного пути как смены способов жизни, или периодизации жизненного процесса

Стоит обратить внимание, что жизненные ситуации здесь "естественно" вычленяются в основном по условиям и характеру трудовой деятельности, а не по каким-либо иным признакам. Отсюда можно заключить, что автору свойственна общая направленность личности в общественно-трудовую сферу, пользуясь терминологией С. Минаковой. (Май 2003).

...5. Что повлияло на выбор профессии журналиста в юности и социолога в зрелом возрасте?

— Когда поступал на филологический факультет ЛГУ в 1950 г., о журналистике не помышлял. Думаю, что выбору этой профессии способствовала вовлеченность в общественную, комсомольскую работу в период студенчества. На уход из газеты в аспирантуру повлияли скорее частные обстоятельства. На обращение к социологии — весь предшествующий жизненный опыт.

6. Как вы оцениваете себя? Есть ли недостатки, от которых Вы хотели бы избавиться?

— Если правда, что недостатки суть продолжение достоинств, то слишком энергично избавляясь от недостатков, можно остаться и без достоинств. Так что теперь уж предпочитаю сохранять их динамический баланс.

Что касается самооценки... Однажды случайный попутчик в поезде стал настойчиво спрашивать: "Ты меня уважаешь?". Мой ответ: "Я уважаю тебя не меньше, но и не больше, чем себя". (Что повергло собеседника в глубокое раздумье...).

Самоирония уберегает от слишком высокой самооценки, чувство собственного достоинства — от низкой.

7. Ваш девиз?

— Девизов, пожалуй, два. Первый: **"Живи так, чтобы когда помрешь, друзьям стало скучно".** Для этого вовсе не обязательно становиться клоуном... Второй же девиз, чего доброго, заставит усомниться в скромности: **"Пока я жив, мир не пропал".** Это, понятно, вариация известного высказывания Льва Толстого: "Мир погибнет, если я остановлюсь!". Только не так серьезно... Ведь я не утверждаю, что мир пропадет, если меня не будет.[10]

[10] Несколько лет спустя автор "придумал" себе новый девиз: "**Суди себя сам**". См. Предисловие к книге «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия».

8. Были ли в юности, в студенческие годы ситуации, с психологической точки сходные с ситуациями последних лет?

— Думаю, что нет. До подобных ситуаций надо еще дозреть, в частности, психологически. А я, в психологическом, да и в идейном отношении, вовсе не был акселератом...

9. Не кажется ли Вам, что Ваше положение последних лет в какой-то степени сходно с судьбой сегодняшних молодых людей: Вас раньше, а их теперь обвиняют в посягательстве на основы строя?

— Не столько моя и этих молодых людей судьбы похожи, сколько сходны позиции тех, кто еще недавно вешал на таких, как я, а теперь готов вешать на них — политические ярлыки. Не удивлюсь, если это вообще окажутся одни и те же люди...

10. Можно ли назвать Вашу способность оказываться в эпицентре конфликтной ситуации “максимализмом юности”?

— Максимализм — не монополия юности. Это характеристика скорее нравственная, чем возрастная. Нравственная же позиция, по большому счету, не может не быть максималистской. Или это — не позиция (бесхребетность). Или — безнравственная позиция (цинизм). Так что, при определенных жизненных убеждениях, можно попасть в эпицентр конфликта, вовсе к этому не стремясь.

11. Согласны ли Вы с мнением, что стремление оказаться в рискованной, конфликтной ситуации — это Ваш способ существования?

— Нет, я бы этого не сказал. Другое дело, что, как замечено не мною, “**Все, что случается с человеком, похоже на него самого**”. К этому можно добавить, что частота и интенсивность рискованных (конфликтных) ситуаций зависит не только от характера человека, но и от обстоятельств.

12. Хемингуэй утверждал: привилегия мужчин в том, что они могут позволить себе до старости оставаться мальчишками. Вы с этим согласны?

— <...>.

13. Как Вы можете прокомментировать утверждение о том, что до некоторой степени Вы по натуре “игрок”?

— Если речь идет об “игроке” по Достоевскому, то я могу только пожать плечами. Другое дело — “человек играющий”. Это выражение можно пояснить хотя бы высказыванием Шиллера: “Человек играет только тогда, когда он является человеком в полном смысле слова, и только тогда является он человеком вполне, когда играет”.

Игра представляется мне важным, эстетическим компонентом жизненной мотивации, в частности, моей собственной, наряду с нравственным и познавательным компонентами. Без игры нет и творчества. (См. об этом, например, очень интересную статью А. В. Гулыги “Игровое поведение и творческое мышление” в журнале “Природа”, 1986, № 4).

Впрочем, у некоторых людей этот жизненный мотив практически отсутствует. Они удручающе неспособны понять человека, который живет “играючи”...

14. Какое понятие Вы вкладываете в слова “делать карьеру”? Заинтересованы ли Вы в своей карьере?

— Откровенно говоря, жаль времени на “делание карьеры”. Как побочный продукт содержательной деятельности, карьера не кажется мне чем-то предосудительным. Моя заинтересованность в карьере, по-видимому, не настолько велика, чтобы этим заниматься специально. Я — из тех солдат, которые не мечтают стать генералом.

15. Нужно ли современному человеку честолюбие? Если да, то в какой степени? Считаете ли Вы, что у Вас есть честолюбивые планы?

— Специфическим предметом честолюбия ученого является, наверное, приоритет. Замечаю за собой, что чем дальше, тем больше утрачиваю интерес к этому. Есть исследователи, которые до глубокой старости помнят и страдают от того, что их кто-то опередил, не говоря уж о том, что “украли идею”... Теперь я склонен радоваться, если “украли”. Значит, было чего красть...

Думаешь — никто кроме тебя не додумался, не открыл, не сформулировал. Ан нет. Так это же хорошо, значит больше шансов на выживание идеи, правильность наблюдения, справедливость вывода!

Наверное, честолюбив... Но каким-то другим честолюбием.

16. Говорят, безумец прокладывает дорогу, по которой потом пойдут толпы здравомыслящих. Вы согласны с этим? Относите ли себя к таким безумцам?

— В общем согласен. Отношусь ли я к таким “безумцам”, судить тем, кто здраво мыслит.

17. Почему Вы начали Ваши исследования по анкете “Ожидаете ли Вы перемен”? Почему их не продолжили?

— Начал, потому что ждал перемен. Не продолжил, потому что перестал ждать и увлекся их деланием.

18. Два конкретных примера из Вашей работы на заводе для иллюстрации проблем, которые Вы ставили, методов их решения, реакций рабочих и руководства, выводов социологического наблюдения.

— Читайте, к примеру, автостенограммы моих выступлений на партийных собраниях цеха (1981, 1987 гг.), публикации в заводской газете (1986-1987 гг.).

19. “Безнравственно не менять со временем свои убеждения” — как Вы относитесь к этому утверждению? Меняли ли Вы свои убеждения? Если да, то в чем?[11]

— Нет, не безнравственно. Лишь бы они, эти убеждения, были. Часто усматривают “смену убеждений” там, где их нет и не было (или есть другие убеждения, которые к видимой перемене никакого отношения не имеют). В таких случаях смена убеждений напоминает движение флюгера.

Разумеется, менял убеждения и я. Но никогда не возвращался к прежним. Например, убеждение в близости осуществления коммунистических идеалов, которое я разделял, скажем, 25 лет назад, давно сменилось убеждением в том, что социалистические принципы в нашем обществе пока далеки от воплощения.

Смена убеждений, как таковых, — естественный продукт развития личности в контексте исторического развития.

---

[11] Вопрос, по невнимательности, был прочитан мною так: “Безнравственно ли менять со временем свои убеждения?”.

20. Где проходит грань между твердостью и твердолобием, гибкостью и соглашательством? Проиллюстрируйте, пожалуйста, на примерах собственных и окружающих Вас людей.

— Мне кажется, такие грани могут быть уловлены лишь интуитивно. Твердолобый — это скорее тот, кто “всегда знает, как надо”. Соглашатель — это скорее тот, кто “не знает, как не надо”.

21. Если бы Вам, как герою одной из пьес М. Фриша, предоставили возможность “переиграть жизнь”, с какого момента Вы хотели бы это сделать?

— Не люблю брать ходы обратно... Я бы уклонился от возможности “переигрывать жизнь”. Лучше ее время от времени переосмысливать.

22. Были ли у Вас моменты отчаяния в жизни?

— “Моментов отчаяния” — не помню. Похоже, что не было. Кризисы внутренние бывали. Так ведь осознанный кризис — преддверие выхода из тупика.

23. Какие моменты или момент Вашей жизни Вы считаете поворотным или критическим?

— Пожалуй, одним из поворотных моментов был уход из журналистов в рабочие в начале 60-х гг. Критическим моментом было принятие на себя обязанностей секретаря партийной организации института в середине 70-х. Были и другие...

24. Как отразились перипетии жизни, конфликтные ситуации на работе — на семейных обстоятельствах? Как оценивает Вас и Вашу нынешнюю позицию дочь? Жена? Как Вы объясняете, что Ваша жена наотрез отказалась беседовать с корреспондентом?

— Моя жена *[Н. А. Крюкова. — А. А.],* прочитав Ваши вопросы, объяснила, почему не захотела встретиться с Вами. Она считает, что есть сферы, куда “посторонним вход воспрещен”. Это мне, после насильственных вторжений в личную и научную жизнь, “терять нечего”. Нормальному же человеку неприятно жить со стеклянными стенами.

Для меня беседа с Вами — отчасти игра, у моей жены — другие игры. Еще она сказала, что... “поддалась моему влиянию”. Она усматривает в себе “пробуждение общественного сознания”. Если учесть, что бумаг моих она обычно не читает и мы на эти темы мало разговариваем, то приходится отнести это за счет сильного, как она утверждает, “биологического поля”. Так она обозначила мое на себя воздействие. Правда, при отсутствии столь крепких, как у меня, нервов, общественные демарши ей иногда дорого обходятся...

Во всяком случае, я благодарен моей жене за то, что она меня терпит и принимает наше существование “над бытом”.

...Случилось так, что я принимал более чем скромное участие в воспитании дочери. Может быть, благодаря этому она не переняла моих недостатков <...>. В связи с моей позицией моя дочь Ольга Новиковская заметила как-то, что она уверится в перестройке тогда, когда ее отец будет восстановлен в партии.

25. Были в Вашей жизни поражения? Если да, то в чем? Взяли ли Вы потом реванш? Стремитесь ли к этому? Считаете ли, что всегда надо брать реванш за поражения?

— Поражений было более чем достаточно. Правда, друзья говорят, что у меня есть способность оборачивать поражения выигрышами. Но вряд ли это можно назвать реваншизмом.

Мне кажется, на “физические” (социальные) поражения надо отвечать моральными или психологическими реваншами. К таким я, пожалуй, стремлюсь. Да и сами как-то получаются... Реванши в обычном смысле слова часто оборачиваются моральным поражением. Они мне неприятны.

26. Среди голосовавших за Ваше исключение из социологической ассоциации были известные в городе ученые <...>. Чем Вы объясняете их позицию: массовой “слепотой” и искренней верой в то, что они делали; трусостью или стремлением следовать разумной трамвайной заповеди “не высовывайся”, в том числе и в Ваших же интереса; или иными соображениями?

Как Вы относитесь к таким людям? Готовы ли принять их извинения? Можно ли с такими коллегами сотрудничать?

— В последнем (10-м) номере журнала “Знание-сила” *[1987 г. А. А.]* опубликована очень интересная статья проф. В. Я. Александрова “Трудные годы советской биологии”. В частности, обозревая события вокруг сессии ВАСХНИЛ 1948 г., проф. Александров пишет: “Человек в отличие от кошки существо сугубо кооперативное, он коллективно гораздо легче творит и добро, и зло. Коллегиально совершенный проступок меньше отягощает совесть, как бы разделяя ответственность между всеми участниками...”. И тут же дает определение: “Термин “кооперативность” применяется в тех случаях, когда в системе, при наличии многих реагирующих единиц, реакция первой единицы облегчает ответ второй, реакция второй — ответ третьей и т. д.”. Думаю, это объяснение применимо и к случаю, который Вы упоминаете.

Мне уже приходилось выслушивать извинения, и не было случая, чтобы я их не принял. Приняв же извинения — вычеркиваешь эпизод из памяти, и нет проблемы: сотрудничать — не сотрудничать. Пользуюсь, однако, случаем, чтобы обратить Ваше внимание на изобилие и иных поступков, которые я называю актами **гражданской защиты** со стороны коллег-социологов, и не только их.

27. Как Вы оцениваете визит секретаря ОК КПСС *[А. М. Фатеев. — А. А.]* к Вам на завод?

— Оцениваю высоко, как поступок партийного руководителя: а) профессиональный, б) нравственный, в) политический.

28. Академик Т. И. Заславская в одном из последних интервью заявила, что перестройка “идет нормальным темпом”. Вы с этим согласны?

— К сожалению, Татьяна Ивановна права. Перестройка идет “нормальным” темпом, имея в виду инерционные нормы старого времени. То есть темпы перестройки пока не ускоренные. Когда зажигание разлажено, машина утрачивает приемистость. С места не рванешь. Впрочем, есть и обнадеживающая метафора. Вспомните, как отрывается от земли космическая ракета, словно зависая над шахтой...

29. Многие считают фарисейством со стороны чиновников утверждение принципов “перестройки”, ведь два года назад эти же самые люди часто утверждали совсем другое. Ваше мнение на этот счет? Кто и насколько способен сегодня “перестроиться”? (по категориям работников, по возрастным группам).

— Конечно, есть и фарисейство... Впрочем, у многих хозяйственных, советских, партийных, профсоюзных чиновников глубинные убеждения и жизненные мотивации

лежат вне плоскости понятий перестройки. Такие говорят: “Времена теперь другие, мы **обязаны** перестраиваться”. Понятно, что лучше бы такие не перестраивались, а высаживались... Что касается специфики разных категорий — читайте мои ответы на анкету “Известий”.

30. Ваш рабочий день: режим, количество часов, затрачиваемых на научную работу и пр. 31. Ваш выходной. Любимый вид отдыха. 32. Любимая книга. Автор. 33. Что такое, на Ваш взгляд, хобби? Есть ли оно у Вас? Нужно ли оно человеку, увлеченному работой? 34. Кого из современных зарубежных коллег-социологов Вы цените больше других? 35. Ваша оценка состояния современной советской социологии. 36. Что, Вы считаете, необходимо будет сделать Вам в ближайшее время?

— Увы, на последние семь вопросов ответить письменно — не успеваю.

А. Алексеев, ноябрь 1987

**

(2)

17.7. ПОЗНАНИЕ ЧЕРЕЗ ДЕЙСТВИЕ, ИЛИ ЧТО Я МОГУ ОДИН

Из расшифровки магнитной записи передачи радиостанции “Юность”, под названием “В редакцию пришло письмо” (октябрь 1988)[12]

Истоки поступка и его последствия

<...> **Корресподент (Т. Васильева)**: Ну вот, и в одном письме, и в другом повторяется вопрос: “Что может поступок одного человека?” Или: “Что я могу один?”

Алексеев: Поступок одного человека может многое. Лучшая агитация — это поступок. Причем поступок, не рассчитанный, в общем-то, на то, что за тобой последуют. Просто когда, ну, “не могу иначе”, и все тут.

Другое дело, я вот тоже сплошь и рядом не знаю, чего делать. Но, понимаете, мне кажется, я знаю, чего я **не могу сделать** *[здесь и далее в тексте выделено сегодня; а в устной речи, выделялось интонационно. — А. А.]*. Причем этот порог, чего ты не можешь сделать, — он у всех разный. Один не может совершить подлость, написать донос, просто **не может** — и все. Это для него немыслимо! Но он **может** проголосовать, допустим, за исключение из партии по доносу. У другого порог выше — он уже и проголосовать **не может**. Третий не только не проголосует, но и, так сказать, встанет рядом и скажет: “Казните меня вместе с ним”.

Происходит как бы повышение порога, то есть если раньше мог гордиться тот, кто не писал доносов, то чем дальше, тем больше возникает возможность гордиться тем, что уже и не голосовал за изгнание или избиение того, про кого написан донос. А сейчас и этого мало. Ты чувствуешь себя неполноценным, недостойным человеком, если у тебя на глазах совершается что-то органически тебе противное.

Один человек, конечно, всего не исправит. Но, по крайней мере там, где он уже прямо с этим столкнулся... Понимаете, когда убивают повсюду, то ты не можешь всех спасти. Но если убивают у тебя на глазах, вот тут уж надо совершать поступки.

В прошлом году встал вопрос о восстановлении меня в партии. А молодым циничным мальчикам, выросшим в начальников цехов и руководителей партийной

[12] Радиопередачу под названием “В редакцию пришло письмо” вела Татьяна Васильева. Трансляция состоялась в воскресенье, 16 октября 1988 г. (в 17-15), одновременно — по Всесоюзному и Ленинградскому радио. Подзаголовки сделаны мною сегодня — для данной публикации.

организации, очень не хотелось, чтобы это произошло, потому что тогда окажется, что нельзя скомпрометировать мои усилия что-то изменить на производстве указанием на то, что я из партии исключен. И эти люди сочинили такую характеристику, будто Алексеев разлагает коллектив, пытается восстановить рабочих против администрации и тому подобное.

Для меня было очень важно и ценно, что пусть не все, но часть коллектива, во всяком случае — бригада, в которой я работаю, заявила, что не может потерпеть такого безобразия. Они написали свою “контрхарактеристику”. Ну, об этом рассказывалось в “Литературной газете”...

Но тут возник один очень интересный момент. Двое молодых людей, молодые коммунисты, на партийном собрании голосовали за обвинительную характеристику в мой адрес. Из которой следовало, что меня ни в коем случае в партии восстанавливать нельзя. А потом **они же** подписали “контрхарактеристику”!

Корр.: То есть успели и там, и там...

А.: Нет. В том-то и дело, что нет. Потом администрация и партийные функционеры на них накинулись: как же так?! Они сказали, что их истинная позиция — вот в этом письме рабочих. А там... “Так вы же нам подсунули эту характеристику, вы же не дали с ней внимательно ознакомиться...”

Они совершили поступок. Им это и недешево досталось, потому что одному, кажется, потом не повысили разряд, как предполагалось, другому — еще что-то. А они просто почувствовали свой порог, то есть они смогли еще проголосовать за нечто им противное, проголосовать в массе, “в куче”, но уже **не смогли** не присоединиться к той коллективной защите, которая сложилась в отношении меня в тот момент.

Значит, они совершили, понимаете, **переход**. Может быть, если бы более было у них развито это чувство <...>, они уже и тогда, на собрании, проголосовали бы против.

Когда меня исключали из партии, было два человека, которые воздержались. Это было почти героическим поступком в 84-м году. Короче говоря, когда не знаешь... то есть эти люди, они, может быть, и не знали, что им делать, но они знали, чего они **не могут** сделать.

Корр.: Да, А. Н., но двое рабочих вашего цеха — они тут же, на себе, ощутили последствия своих поступков. То есть за поступком почти всегда, если это поступок серьезный, за ним идут последствия. Человек, наверное, должен быть к ним *[последствиям. — А. А.]* готов, чтобы они его не сломали...

А.: Ну, тут выбор: может ли человек себя уважать, не совершив этого поступка? Если еще может, пусть не совершает. Но в какой-то момент он просто почувствует, что ему, так сказать, дешевле иметь потом неприятности, чем чувствовать себя человеком, не достойным собственного уважения.

Корр.: Можно задать Вам тогда такой вопрос: у Вас много было неприятностей?

— Хватало.

— Вам дешевле было их иметь?

— Да, мне было дешевле их иметь. <...>

“Если бы всех этих приключений не было, их стоило бы организовать...”

Корр.: Я где-то прочитала, по-моему, у Гроссмана, что скептики и пессимисты — это люди, которые имели горький опыт в своей жизни. Ваш опыт жизни я бы особо

радостным и светлым не назвала. Но тем не менее, я бы не сказала, что Вы похожи на скептика.

А.: Вы знаете, страшно интересная жизнь. Вообще, у меня хватит наглости даже утверждать, что если бы всех этих приключений не было, их стоило бы организовать.

Ну, посудите сами. Я задумал заниматься исследованием человека в системе производственных отношений. Занимался этим, как умел: в институте, на заводе... И в какой-то момент, когда начались все эти преследования — обыск, чуть не уголовное дело, предостережение органов госбезопасности, исключение из партии и из всяких общественных организаций, — все это события 83-84-го годов, но они, в общем-то, продолжались и в 85-м...

Корр.: И можно добавить еще исключение из Союза журналистов, исключение из Ассоциации социологов.

А.: Восстановили теперь, естественно, всюду, но не в этом дело. Понимаете, когда все это началось, пришлось мне вступить в конфликтные отношения с огромным количеством всяких организаций, от комиссии по трудовым спорам до Центрального Комитета партии. И, по существу, это уникальная возможность. Понимаете?

Я оказался субъектом и объектом этого уникального исследования. Причем, поскольку у меня сильно была развита исследовательская установка, то, если угодно, хладнокровно смотрел, что же будет дальше. И это вообще лучший, мне кажется, способ исследования: **познание через действие.**

Вот есть такой метод социологического исследования — включенное наблюдение. Что это такое? Человек, исследователь погружается в определенную среду, как-то приспосабливается к ней и только наблюдает — включенное наблюдение. Если эта среда гниет, он гниет вместе с нею. Если она процветает, он вместе с нею процветает.

Ну и, вначале это неосознанно было, а потом я сознательно стал говорить, что занимаюсь не “включенным наблюдением”, а **наблюдающим участием**. Вы чувствуете перенос акцента на активную позицию? То есть я действовал в этой обстановке, поступал так, как считал нужным. Иногда — достаточно неординарно, и противодействовал этому гниению, что ли.

И исследование получалось не просто через наблюдение, а через изучение — наблюдение и осмысление — последствий собственных поступков. Понимаете? Исследователь превращается в человека, воздействующего на окружающую среду и судящего об этой среде и о процессах, совершающихся в ней, через последствия собственных поступков.

Корр.: Я повторю эту мысль. Человек получает возможность судить о том, что происходит вокруг, через последствия собственных поступков... Наверное, Алексееву “повезло” — сказать трудно, и все-таки, я считаю — **повезло**, что оказалась в нем эта жилка интереса к исследованию, что совпали в одном человеке гражданская позиция и научное любопытство.

Не знаю, кто определил первым, но определение разошлось, и последние восемь лет жизни А. Н., его работы на “Ленполиграфмаше” называют “экспериментом на себе”. И это так, хотя и звучит громко. Сама ситуация отстаивания собственной позиции, противодействию бюрократическому аппарату, день за днем занесенная в дневник, приобретала экспериментальный характер.

А складывалась она из выступлений на собраниях и практических шагов по поводу “двухсменки”, и выборов делегатов на профсоюзную конференцию, и работы совета трудового коллектива. Статьи в заводской газете, разбирательство трудового спора в суде и многое другое. <...>

“Подвижничества тут вовсе нет..”

Корр.: Позвольте мне усомниться только в одном: что Вы **хладнокровно** это наблюдали. Как можно наблюдать хладнокровно, когда это касается твоих нервов, твоих если не каких-то благ, то просто элементарных жизненных удобств?

А.: Вы знаете, я абсолютно не бедствую. В институте я зарабатывал, как старший научный сотрудник со степенью и со стажем, 300 руб. Придя на завод, я сначала потерял вдвое. Но по мере овладения профессиональными знаниями и умениями, мой средний заработок за эти 8 лет возрос до тех же 300 руб. То есть зарабатывать я стал, в общем, не хуже, чем прежде.

Корр.: Но это только материальная сторона...

А.: Материальная, да. Теперь — социально-психологическая сторона. Отчуждение, одиночество (одна из рецензий на фильм "Не могу иначе", кажется, даже так и называлась — "Одинокий победитель") — этого же нет!

У меня, как была, так и осталась очень близкая мне, и поддерживающая меня психологически, родная, если угодно, среда — как на заводе, так и за пределами завода: и среди социологов, и среди журналистов, и среди рабочих. Я чувствую себя достаточно комфортно в среде людей, которые меня понимают. Но человек, не имеющий противников, "врагов", что ли, это, наверное, бесхребетный человек.

Корр.: Если попытаться вспомнить самое начало, когда Вы задавали себе вопросы и искали на них ответы, Вы предполагали, что так все сложится?

А.: Нет, не предполагал. И вообще для меня это было достаточно естественным поступком...

Мне вот что не нравится: почему Вы усматриваете в этом какую-то исключительность? У нас чуть не 10 процентов рабочих — люди с высшим образованием. Это — рабочие-интеллигенты, которые предпочитают труд рабочего труду служащего, который их мало устраивает. Ну, мотивы разные...

Исследовательский мотив был, действительно, у немногих. Но и среди моих друзей-социологов, не так уж мало людей, поступивших точно так же. Разве что при этом они не ставили перед собой исследовательской цели. Так что, никакого тут особенного подвижничества нет.

Корр.: Я Вам скажу, я усматриваю исключительность не в том, что человек с высшим образованием встает к станку. Нет совсем! А в том, что у нас много примеров в жизни, когда человек пытается что-то сделать, у него не получается, и он выражает свое несогласие тем, что вообще отходит от, ну, скажем так, от активной жизни. Мне кажется, что здесь важно найти точку приложения своих сил...

А.: Ну, вот у меня есть друзья, которые, имея высшее образование (инженеры, инженер-физик, преподаватель литературы, режиссер), стали лесниками. Казалось бы, уход из активной жизни, но они стали лесниками не просто для того, чтобы уйти от городской суеты.

И вот, представьте себе, Кавказский государственный заповедник, где возник такой кордон, действительно антибраконьерский, и, естественно, восстановивший против себя и простых, и начальственных браконьеров, и собственное руководство заповедника. И вы знаете, это оказалась жизнь на таком вулкане! Казалось бы, уход...

Корр.: В тихое место?

А.: Да ничего подобного! Человек, достаточно принципиальный, активный и относящийся к жизни всерьез, он найдет себе неприятностей где угодно. Я знаю

высококвалифицированного биолога, который сейчас работает дворником, но при этом у него изрядный конфликт, потому что он и здесь добивается справедливости, устранения всяких безобразий и так далее.

Для людей же пассивных и уходить никуда не надо. Они и всюду приспособятся.

"Сшибка" или "ситуационная мораль"?

Корр.: Если помните, один из первоначальных вариантов названия романа Александра Бека "Новое назначение" был "Сшибка". В дневнике писателя осталась запись:

"...Тяжелое, неблагозвучное слово. Однако оно привлекло меня точностью. Сшибка — научный врачебный термин, введенный Иваном Петровичем Павловым. И, кроме того, по прямому смыслу, сшибка — это схватка, столкновение, сеча, сражение...".

Сшибка — это столкновение двух противоположных, одинаково сильных импульсов, которые идут оба из коры головного мозга. Внутреннее побуждение подсказывает человеку, как поступить. А другой импульс заставляет его поступить противоположным образом — этого требует логика или житейская ситуация, все что угодно. Что выбирает человек?

Если он выбирает не внутренее убеждение, то превращается в механизм, который выполняет чужие приказы. Ну, а если человек выбирает внутренее убеждение?

А.: Для этого он еще должен достаточно хорошо понимать, что же на самом деле является его внутренним убеждением, и есть ли оно у него по данному вопросу вообще.

Сейчас стали часто говорить о "двойной морали". Я помню, еще лет 10 назад усомнился в этом термине. И назвал это "ситуационной моралью". Человек вполне искренне в одной ситуации поступает так, а в другой — наоборот. И он уже сам не осознает, где же, собственное, его.

Человек, в роли дружинника, добросовестно ловит нарушителей общественного порядка, а потом он снимает повязку и сам выпивает бутылку в подворотне. Все в течение одного получаса происходит. Какая у него мораль? Он и тогда, и через полчаса — один и тот же. Он просто полагает, что в данной ситуации ему следует поступать так, а в другой — иначе.

Корр.: Мне кажется, здесь нельзя говорить о морали, а только о подчинении ситуации.

А.: Да, действительно, подчинение ситуации. И приучались люди к тому, что у них вообще собственного мнения нет. Есть некий рефлекс на выживание: в зависимости от того, как лучше себя сохранить, он поступает так или иначе.

Но если уж он осознал (вот, знаете это высказывание: "Раб, осознавший себя рабом, уже не раб"?), так, если он уже это внутренее побуждение осознал, то есть он понял, где черное, где белое, то лучше ему все-таки поступать так, как он понял. Помните, мы с Вами говорили: себе дешевле быть порядочным человеком.

"Неудобные" люди объединяются...

Корр.: А. Н., а сейчас чем Вы занимаетесь?

А.: Сейчас я пытаюсь привести в порядок свой архив, все, что наработано до сих пор. Наработано немало, и довольно нетривиальными способами.

Привыкли, что социолог — это человек, который только спрашивает, человек с анкетой. Это не так. Потом, то новое место, куда я пришел, — профсоюзная школа

культуры, там занимаются проблемами клубов. Для меня очень близки темы, связанные с неформальными объединениями, с самодеятельными всякими группами, с общественными движениями. В какой-то мере это становится предметом моей исследовательской работы.

Недавно вместе с ленинградским журналистом *[С. В. Михельсон. — А. А.]* мы закончили работу над брошюрой “Неудобные люди”.

Пожалуй, больше всего меня интересует то, о чем Вы спрашивали в начале нашей беседы. Это мотивы, формы, смысл нестандартного, инициативного, “неудобного” поведения. Беда в том, что эти “неудобные” люди часто действительно оказываются одинокими. Но вот уже положение меняется. Возникают “неудобные” организации, возникает “неудобная” общественность, возникают целые общественные движения, эти “неудобные” люди объединяются. <...>

(Октябрь 1988)

Ремарка: ***вершина красноречия...***

Это — одна из немногих в данной книге дословных записей импровизационной, реактивной (интервью!) устной речи. Вообще, автор обычно куда более косноязычен. Большинство “автостенограмм” публичных выступлений (приводившихся ранее) готовились заранее. Здесь — тот редкий случай, когда удалось достаточно “гладко”, развернуто и точно высказаться по предмету обсуждения, не прибегая к перу или пишущей машинке. (Май 2003).

> ...Мне кажется, что жизнь по своим причинным связям так сложна, что прагматические критерии часто бесполезны, и остаются — моральные.
>
> *А. Сахаров (“Воспоминания”)*

(3)

П.22.3. СЛИШКОМ ПРАВОВЕРНЫЙ КОМСОМОЛЕЦ, ИЛИ ДУРНОЙ ШЕСТИДЕСЯТНИК

[Цель настоящего приложения — попытка построения авторской “версии” эксперимента социолога-рабочего (одной из... ; ибо и у самого автора этих версий не одна!) с учетом более отдаленной ***биографической ретроспективы****, или, если угодно, в более широком* ***жизненном контексте****..*

Случай для такой ауторефлексии представился в 1997 году, когда из петербургского журнала “Пчела” ко мне обратились с просьбой об интервью для номера журнала, посвященного “Ленинграду 50-х и его героям”, иначе говоря — поколению “пятидесятников, которых неверно называют шестидесятниками” (тонкое замечание Льва Лурье на страницах того самого тематического номера).

Ниже — текст этого интервью (название в журнале и название настоящего раздела книги совпадают). Вел беседу Тимур ***Чагунава****. — А. А.]*

— В воспоминаниях о своих родителях, написанных для Вашей дочери [13], Вы замечаете, что не любите свою молодость. Почему?

— В самом деле, я далек от идиллических воспоминаний о своих молодых годах. Так сказать, не уважаю и не люблю себя, каким был тогда. Кстати, после Вашего знакомства с моей только что вышедшей книгой[14], с одной стороны, и с моими журналистскими опусами 35—40-летней давности, с другой, у вас должна была сложиться какая-то концепция нашей беседы. О чем мы будем разговаривать?

— Концепция? Откровенно говоря, не знаю... Меня интересуют больше всего 50-е годы.

— Хорошо, давайте о 50-х. Для меня это были годы учебы на филологическом факультете Ленинградского университета и начала журналистской карьеры, в молодежной прессе.

— А что Вас побудило стать журналистом? Считали ли Вы себя тогда субъектом производства общественного мнения?

— В ту пору (в середине 50-х годов) я и в самом деле полагал, что таким образом могу влиять на общественное мнение, так сказать, формировать его в нужном (вопрос — для кого? считал — для общества) направлении. Ограниченные возможности пропагандистского влияния на сознание людей вообще мне стали ясны уже позднее. (Десять лет спустя пришлось обратиться к этой проблеме уже как социологу).

— Мне довелось познакомиться с опубликованными в газете “Смена” (25 и 27 июня 1961 г.) Вашими путевыми заметками “Вкус собственной правоты” — о поездке в Англию. Вы там отвечаете на вопрос молодого преподавателя социологии из британского университета, не является ли Ваша коммунистическая убежденность неким аналогом веры, когда человек как бы выстраивает себе идеал...

— Наверное, я тогда рассказывал своему собеседнику о бригадах коммунистического труда, “певцом” и в какой-то мере “изобретателем” которых я был на рубеже 50—60-х годов. Было такое “движение за коммунистическое отношение к труду”... Сомневаюсь, что оно поминается в современных школьных учебниках истории. Вы о нем когда-нибудь слышали?

— Нет.

— Ну вот. А ведь еще и в 1985 году, когда я работал на “Ленполиграфмаше” слесарем, мне (кстати, уже исключенному тогда из партии, из Союза журналистов, отовсюду) присваивали звание “ударника коммунистического труда”... Ладно, вернемся к вопросу, поставленному английским профессором. Я сказал ему тогда, вполне искренне, что “коммунизм — это в моем сердце...”. — “Но в таком случае это что-то вроде веры, — заметил мой оппонент. — Может быть, русские выдумали себе идола — коммунистический идеал, и молятся на него?”. Судя по тому, что написано в моем тогдашнем дневнике (а в газете был опубликован, без каких-либо исправлений, мой личный дневник), я ответил: “Религия учит — верь не стараясь понять. Мы же

[13] “Коротка моя память... (О моих родителях — для моей дочери)” (рукопись; июль 1997). См. на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Memoirs/alekseev.html.

[14] Речь идет о книге: А. Н. Алексеев. Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1-2. М.: СПбФ ИС РАН, 1997.

верим в то, что хорошо понимаем. (Какое самонадеянное заявление!). Мы верим в себя, в собственные силы, в дело рук своих. Чтобы по-настоящему верить, надо понимать. А чтобы хорошо понять, надо также поверить". (Мне едва хватило моего разговорного французского, чтобы сформулировать эту "глубокую" мысль). "Трудно понять наши идеалы, если не хочешь понять, если не веришь, что мы строим счастье для человечества" — комментировал я эту беседу в своем дневнике 1961 года. Ну как Вам, современному молодому человеку, нравлюсь я, в мои молодые годы?

— Мне трудно это себе представить...

Ремарка: ***"Это — ты. Это — я. Это — мы..."***

Перечитав в начале 90-х свои дневники и журналистские сочинения рубежа 50—60-х, автор этих строк поначалу был изрядно удручен и растерян: ну и набекрень же были тогда мозги! Характерна моя тогдашняя письменно зафиксированная реакция на вышеупомянутый дневник-очерк о поездке в Англию:

> *"...Случай этого дневника дает уникальную для автора возможность заглянуть в себя тогдашнего. Грустно? Смешно? Страшно? Не отворачивай лица. Смотрись в потускневшее зеркало. Да, это —* ***ты****. Это —* ***я****. Это...* ***мы.*** *Старт духовного марафона, дистанция которого — без малого 30 лет. Неопровержимая улика в "досье на самого себя". Нелицеприятный материал к биографии "поколения шестидесятых". Уже на пороге финиша, не следует забывать о старте... 25.04.91".*

Автор относится к этим текстам ныне "хладнокровно", с профессиональным, социологическим интересом. (Июль 2001).

...— Правда, ортодоксом я оказался "слишком последовательным". В том же 1961 году я вступил в партию и тут же ушел из газеты на завод, рабочим (тогда это вызвало удивление комсомольского начальства, но диссидентства усмотрено не было; еще и слова такого не знали). А ушел на завод для того, чтобы познать "вкус собственной правоты" не снаружи, а изнутри этих бригад коммунистического труда. А еще год спустя, в той же "Смене" (оставаясь рабочим) опубликовал гневную статью о формализме в организации "движения за коммунистическое отношение к труду".

— Сколько лет Вам было тогда?

— В 1961-м — двадцать семь.

— Насколько я знаю из записи вашего радиоинтервью 1995 года, Вы подразделяете свое поколение — на "подвижников", "циников" и "слепых". Как Вы это можете прокомментировать?

— Я тогда отвечал на вопросы своего бывшего сокурсника по университету Валентина Горшкова, ныне — ведущего радиопередачи "Исповедь шестидесятника". "Подвижник" — это человек, который понял, в каком обществе он живет, достаточно рано, отважился на противостояние ему. Примеров циничного общественного поведения приводить не буду, их более чем достаточно. А еще больше было "слепых"... Литературным примером "слепого" (кстати, прозревшего на краю смерти) может служить Шулубин из "Ракового корпуса" Солженицына. Читали?

— Признаться, еще нет.

— Похоже, что в современные школьные программы этот роман еще не успел войти. Прочтите обязательно! Там еще у Солженицына Шулубин цитирует Пушкина: “На всех стихиях человек тиран, предатель или узник...”. Вроде, для “дурака” и места у Пушкина не нашлось, с горечью замечает Шулубин.

— Ну, а что такое “циник” в Вашей триаде?

— Это когда “ведают что творят”. Человек думает одно, говорит другое, а делает третье... Этот социальный тип, кстати, распространен в любом обществе. Мои же собственные, иногда и нонконформные, но по большей части — очень “правоверные” действия в то далекое время (да и позже!) диктовались простой формулой: не стану делать того, что мне противно. Вот только порог “неприемлемого” для меня, как и для большинства людей моего поколения, был невысок... Это было своего рода спасением от пучины цинизма.

— А чем для вас определялся этот порог тогда?

— Тут причудливо соединялись общечеловеческие ценности (нормы человеческой порядочности, чувство собственного достоинства, “золотое” правило этики, хоть тогда этого выражения не знал), впитанные из семьи, особенно от моей матери, одной стороны, и тогдашние идеологические догмы, воспринятые из школьных и университетских курсов (от “Конституции СССР”, как тогда называлось школьное обществоведение, до “Истории партии” и “Основ марксизма-ленинизма”), с другой. Добавьте к этому увлечение комсомольской работой, причащение к партийной журналистике... Вытеснить “базовые” моральные и духовные ценности из моего тогдашнего мировоззрения идеологическим догмам было не под силу, равно как и наоборот. Те и другие как-то уживались, “притирались” друг к другу. Срабатывал инстинкт самосохранения целостной личности.

— Интересно, а плакали ли вы, когда умер Сталин?

— В тот момент мне казалось, что каждый должен быть как никогда собранным. Я не одобрял тех моих товарищей, которые устремились в Москву, чтобы участвовать в демонстрации всенародного горя (там, кстати, тогда получилось что-то вроде “Ходынки”). Насколько помню, я несколько суток не спал после известия о смерти Сталина, демонстрируя (скорее самому себе), как надо “держать себя в руках”, когда все мы “осиротели”. Слез не было, но до рези в глазах читал ночью (вовсе не для экзамена!) какой-то классический труд по лингвистике...

— А что представляла из себя жизнь студента филологического факультета в начале 50-х?

— Ну, для меня это были прежде всего учеба, комсомольский активизм (один год был даже “освобожденным” секретарем комитета комсомола), на первых курсах — занятия спортивной гимнастикой, и памятнее всего — летние студенческие стройки (возводили сначала “колхозные электростанции”, потом — коровники в Ленинградской области). Кстати, участие в таких стройках (безо всякой оплаты труда) считалось почетным комсомольским поручением. Тут было даже что-то вроде конкурса поначалу... Таким, как я, “отличникам-активистам”, присуждалась Сталинская стипендия.

— Когда вы вступали в комсомол, какие перспективы жизни и работы вам представлялись?

— Я вступал в комсомол в школе, еще в 8-9-м классе. И гордился тем, что вступил рано. А вот некоторые мои одноклассники стали комсомольцами лишь накануне экзаменов на аттестат зрелости... И мне казалось, что я — “честнее их”, потому что вступал в комсомол (как потом и в партию) по убеждению, а не для того, чтобы “улучшить свою анкету”.

— Какие исторические события повлияли на развитие Ваших политических взглядов?

— “Политические взгляды” — это уже из сегодняшнего лексикона. Какие могут быть “политические взгляды” у гребцов на галере, где “партия — наш рулевой”? Тогда говорили — “идейная убежденность”... Действительно, аналог веры! XX съезд развенчал для меня культ одного “бога”, чтобы возвысить культ другого (Ленина). Конечно, можно было бы поговорить о моих реакциях на советское вторжение в Чехословакию в 1968 году или на войну в Афганистане, но давайте не будем выходить за рамки избранной темы *[50-е гг. — А. А.]*.

<...>

— Какие фильмы вы смотрели, какую музыку слушали?

— Лакировочные советские фильмы (вроде “Кубанских казаков”) уже тогда вызывали раздражение. Я предпочитал довоенные ленты. Скажем, “Семеро смелых”, с Тамарой Макаровой (этакий соцромантизм). Нравились старые западные фильмы, вроде “Графа Монтекристо”, прокатывавшиеся иногда в окраинных Домах культуры. А музыка... Дома были пластинки с классикой. Но не помню, чтобы я когда-нибудь сам включал проигрыватель. Любил слушать “магнитофонного” Окуджаву. Но это уже в 60-х...

— Что вы можете сказать о своем поколении в целом?

— Его принято называть “шестидесятниками”. Весьма неоднородно это поколение, различны и траектории жизни его представителей. Общим для всех было разве что военное детство, послевоенная школа.

Кстати, моя типология (“подвижники”, “циники”, “слепые”), неполна. Т. е. она относится только к тонкому слою более или менее идеологически активной интеллигенции. Другая часть интеллигенции, в поисках самосохранения, просто старалась держаться подальше от “идеологической надстройки”. И в “народной гуще” было иначе: “жить, чтобы жить”: работать, примитивно отдыхать, кормить семью, не задаваясь “смысложизненными” вопросами. Особенностью тех и других было чувство страха, которого, в силу разных обстоятельств, не ведали ни “подвижники”, ни “слепые”. Интересно, что на рубеже 50-60-х годов, мне, молодому журналисту, казалось, что нужно “разбудить” массу “простых людей”, приобщить ее к ценностям высокой культуры и... “правильной” идеологии.

В семьях, которых в свое время непосредственно коснулись репрессии, дети взрослели (можно сказать — “прозревали”) раньше. Что касается меня, то мое идейное созревание было каким-то замедленным. Сейчас не любят об этом вспоминать, ведь мне еще в середине 80-х годов казалось, что партия и общество должны обновляться вместе.

— Что еще Вы можете сказать о себе?

— Несколько лет назад я собрал в три папки свои сочинения 50—70-х годов (дневники, журналистские публикации, научные статьи, включая некоторые ранние свидетельства того, что позднее кто-то из писавших обо мне журналистов назвал

“борьбой с системой ее же средствами”; а можно было бы сказать иначе: “бунт на коленях”). Перечитав все это, я, в поисках самоопределения, колебался между названиями: “недоразвитый” или “запоздалый” шестидесятник. Емкую формулу подсказал мне мой друг — поэт Андрей Чернов: “дурной шестидесятник”. Я бы отнес ее к себе. Понадобилась почти целая жизнь, чтобы кое-что понять — о мире и о себе, о “мире в себе” и о “себе в мире”. Ну, Вы ведь если не читали, то просматривали мою “Драматическую социологию”...

— Не слишком ли Вы самокритичны?

— Нет. Вот сейчас Вам столько же лет, сколько мне было в 1953-м (год смерти Сталина). И Вы задаете мне, казалось бы, простенькие, даже наивные вопросы. А можете Вы себе представить меня, в Вашем возрасте, задающим такие вопросы (пусть даже не для газеты) своему старшему собеседнику? Знаете что, включите-ка в свою запись один фрагмент из текста, адресованного моей дочери, с упоминания о котором началась наша беседа:

> “Дети часто мудрее своих родителей, если сравнивать их с родителями, когда те были в их (детей) нынешнем возрасте. Ибо они (родители) тогда еще не прожили того отрезка исторического времени, который суждено было к настоящему времени пережить и им, и детям (пусть одним в зрелом возрасте, а другим — еще в детском). Мне, может быть, и есть чему поучить мою дочь сегодня, в июле 1997 г. (мне — 63, а ей — 36). Но, полагаю, в мои 36 (в году 1970-м, как нетрудно подсчитать), мне можно было бы и “поучиться” у нее сегодняшней”.

Дети старше нас, потому что они младше нас. Это сказал уже не я, а моя жена Зина. По-моему, очень точно сказано.

(Цит. по: Пчела, 1997, № 11, с. 56-59)

> ...Пятидесятники — поколение, вышедшее из холода. Эти ребята содержались в холодильнике Советской власти в ее самый блестящий и самый мрачный период. И вдруг вышли на просторы фестиваля молодежи и студентов и запели “А я иду, шагаю по Москве”. Удачливее этой когорты в Российской истории не сыскать. Разве что шестидесятники XIX века или нынешние — постперестроечные.
>
> Молодые после 1953-го определили развитие гражданского общества в России...
>
> *Лев Лурье (Пчела, 1997, № 11)*

***

Письмо Б. Докторова А. Алексееву (10-а)

16 апреля 2006 г.

Андрей, получил от Аллы два обстоятельных письма...в целом разобрался, с деталями – разберусь. Это прекрасно, что у тебя теперь есть надежный почтовый ящик alexeev34@yandex.ru .

1.

Сегодня имел радость дозвониться до Юры Щеголева....мы договорились, что в ближайшее время я отправлю тебе письмо для Юры, он постарается мне ответить. Он

сам решит: или передаст его тебе для ввода в компьютор и пересылке мне, или отправит по почте.... оба варианта для меня хороши. Спасибо за помошь в установлении контакта.

2.

Безусловно, сюжеты о КПСС и КГБ (спасибо за такую ценную добавку) прекрасно ложатся и в мою структуру... тем более – сюжет с историей «Драматической социологии». Днями все оприходую и расположу... не big deal. Вообще математиков учат теории рядов и итерационным методам приближенного вычисления... детали – у Баранцева, суть: если все делать верно, то какой бы метод движения к финальной точке ни был избран, результат будет один и тот же... но время движения к этой вожделенной точке может быть разным. Тем более,что мы оба слегка приверженцы постмодернизма .

3.

Ты пишешь: «Точнее, я — не хочу поспевать, хоть и сделал это сейчас едва ли не первоочередным своим делом... То обстоятельство, что тебе и Лёне кажется, что у нас “получается”, для меня — не решающий аргумент». Андрей, принимаю и принимаю...пусть все развивается естественным образом. Общение с тобою мне приятно и ценно...и чего мне торопиться? Куда?

4.

Про Кьярику собирается написать Божков...у него есть все материалы...может, когда он напишет, я переправлю его текст тебе, Ядову, Фирсову, Ларисе Федотовой (привет от тебя перешлю), Кону и попрошу дополнить... Кьярику – это серьезно...

5.

Твое разделение истории социологии как социального института и истории социологии как области знания – возможная, но очень сложная задача. Особенно для меня. Но я такой задачи и не ставлю перед собою. Меня вообще интересует не история социологии, но судьбы социологов Ясно, что темы это близкие, но ясно и то, что они разные.

Ты прав, указав в Интермедии, что Ядов в целом положительной оценивает роль Ельмеева (одна из одиозных фигур) для социологии. Ты помнишь в ядовском интервью есть сюжет о том, как он встал на колени перед Парыгиным (тот по критерию успешности в социологии не проходит в мою коллекцию), прося его не насиловать сектор дурацкими темами...недавно я опубликовал в Телескопе большие фрагменты из пасквиля Парыгина на книгу материалов сов.-венгерского сборника... Недавно я был дома у Кона, и мы говорили о Парыгине...эта фигура, которая проехала по многим судьбам ленинградских социологов, я этого забыть не могу...Но есть один момент, хорошее я могу писать о человеке без документов... о деяниях Парыгина надо писать с документами... у меня их нет... я просил Татьяну пошуровать в ее бумагах, она не нашла... имея документы я начал бы спрашивать Парыгина по тем сюжетам.... или просто писать...

6.

История ведь не закончилась.... недавно я получил письмо от Славы Карпова... в университет, где он и Лена Лисовская работают, должен был приехать.... Лобанов... Слава написал на имя проректора жесткое письмо о том who is Mr. Lobanov. Не знаю, чем кончилась эта история, около месяца назад я просил Славу написать, что же произошло, но ответа не получил.

7.

На твое: «В общем, если тебе так уж нужна “репрезентативная” выборка...» я отвечу. Именно потому, что я занимаюсь судьбами социологов, мне не нужна

репрезентативность...мне нужен разброс судеб, разнообразие, набор уникальных судеб, жизненных траекторий... а я попытаюсь найти в этом разнообразии сходство...я его уже вижу, но торопиться с обобщениями не могу....

8.

Наш сайт http://www.unlv.edu/centers/cdclv/mission/index2.html растет не по дням, но по часам. Во-первых, у меня уже есть разрешение на размещение материалов «Социологического журнала», относящихся к нашей тематике. Посмотри: уже несколько дней у нас висят интервью с Чесноковым, Яницким, Батыгинм, Божковым, Шкаратаном, и др. ...размещена статья Сергея Рапопорта... статья Голофаста, два материалы Нины Цветаевой..Во-вторых, я отправил письмо редактору ленинградского журнала «Социология и социальная антропология» Владимиру Козловскому... пока ответа нет... в третьих, есть материалы присланные Коном, Заславской, Шляпентохом, тюменским социологом Силиным, есть новая статья Здравомыслова...это все, Андрей, за полмесяца...

9.

Уже хотел отправлять тебе письмо, а пришел ответ от В. Козловского со словами:

...Я готов к реализации ваших предложений по поводу интервью. ...У нас в ЖССА накопился большой спектр интервью с российскими и зарубежными социологами...

Это же прекрасно.

10.

Много сложнее с СОЦИС. У меня там нет друзей, которые могли бы мне выслать материалы по сайту. У самого журнала сайта нет. В середине мая я собираюсь в Тюмень, и там будет Тощенко... но не думаю, что с ним я решу эту организационную задачу...

11.

Книга В. Шляпентоха “Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом” у меня есть, но пока нет В. Шубкина, С. Кугеля (он мне говорил про свою, но не выслал), А И. Бестужева-Лады...будем живы, разыщим...

12.

Ты спрашиваешь, почему я не отвечаю Шалину.... да я аки пчелка день и ночь собираю материалы для сайта..кроме того, посмотри в разделе Comments текст Mazlumyanova-Doktorov exchange on the interview process это начало дискуссии...

13.

Я бы хотел разместить и твои заметки по поводу текста Шалина на нашем сайте. Можно? Хочешь в таком виде, как ты прислал, хочешь – в более расширенном тобою.

14.

А не будешь ли ты возражать, если мы у нас поставим линк на тот сайт, на котором уже выложены главы твоей «Драматической социологии.....»?

15.

Может со временем найдем способ если не перевода с русского на английский и наоборот, то хотя бы аннотирования...но для этого нужны деньги, и немалые....аналогичное относится к реорганизации сайта...пока мы все делаем

САМИ...как сказали бы в России, на общественных началах, в Америке используется слово - волонтеры

16.

Ты прав, у меня не было возможности долго думать ред началом моего историчесокого исследования, и «История есть, только если она написана» - это не программа, это – призыв к читателям участвовать в написании нашей общей истории. Ты несколько раз спросил меня про очередь ко мне, да никто не откликнулся вообще. Знаю, что люди читают, но никто не пишет....безразличие, что ли? Слабое истрическое сознание? Лень? Не знаю....Я недавно написал эссе под заглавием «Вспоминайте сами, не ждите, когда вас будут вспоминать...»...

17.

Мне нравится твое небезразличие...ценю твой текст и радуюсь, читая его.

Пиши. Боря

***

Письмо Б. Докторова А. Алексееву (10-б)

19 апреля 2006 г.

Андрей, много думаю над тем, что ты написал по разным поводам...здесь один человек в связи с моей перипиской спросил меня, не хочу ли я писать мемуары...конечно, я сказал, что я еще действующий исследователь, но, с другой стороны, если когда-либо начну, то это будет по стопам «драматической социологии»...

1.

Написал письмо Юре Щеголеву, прилагаю, естественно, оно открыто и тебе... пожалуйста, перешли его Юре..

2.

На нашем с Димой сайте уже вывешены интервью из журнал Козловского, в том числе – с Ельмеевым.... я описал Диме твою позицию по поводу интервьюирования таких фигур как Руткевич, Ельмеев, Парыгин.... Дима ответил (желтое – мое):

Boria,

A statement from Rutkevich would also be helpful. As they say, no respectable Zoo can do without a rhino.

Best, DS

3.

Я уже несколько раз перечитал твои слова из письма от 7 апреля 2006 г.

> «…Вообще, надо признать, что интервью по электронной почте способствует все же скорее “мемуарным” повествованиям, чем интерактивному режиму беседы. С другой стороны, далеко не все люди говорят так, чтобы это могло сразу лечь на бумагу или на экран компьютера, так чтобы удовлетворить не только интервьюера, но и самого говорящего. Тогда возникает потребность даже не столько в стороннем, сколько в авторедактировании. Электронный контакт достаточно оперативен, однако снимает проблему “устного косноязычия”... (лично мне, например, свойственного).
>
> Мне кажется, все эти проблемы заслуживали бы предварительного решения, выработки и эксплификации неких принципов и даже процедур — как выбора собеседников, так и проведения этаких “заочных” бесед. Тогда, возможно, не возникло бы прискорбных напряжений, обсуждаемых в моей

“Интермедии”. (А Леню, в качестве сотрудника именно твоего проекта, ты, боюсь, потерял...)».

Твое отношение к электронной почте справедливо, но в нем есть то отношение к ней, которое я испытывал лет десять назад... сегодня я могу работать в сети в системе диалога... кстати, с Гилинским мы многое делали в с ходу, почти в диалоговой системе...

Безусловно, у меня есть некие принципы экспликации собеседников и ведения бесед... и итоги применения этих принципов – уже имеющаяся серия интервью ... при всей видимости простоты, легкости этих текстов, в них есть идея и даже суперидея... Но пока я не завершу сбор основного массива, я не опубликую многого. К концу года подготовлю нечто вроде промежуточного отчета по теме, но не более..

Леня сейчас вернулся из Парижа, скоро собирается к вам... вернется, посмотрим... я буду рад с ним обсуждать вопросы, но, по-моему, он не рвется к сотрудничеству, он весь в своем материале и книге, и дай Бог ему все это осилить...

4.

Андрей, если ты твердо решил не торопиться и полагаешь, что мы не сможем публиковать нашу беседу в 4-ом номере «Телескопа», то тогда я должен буду заполнить то место, которое сейчас держу для тебя. Я не думаю, что это будет сложно, и начну действовать в данном направлении только после того, как ты примешь окончательное решение. Могу я просить тебя «определиться» к концу апреля?

Информации для принятия решения: в выпуске № 5 я планирую дать полтора листа для Здравомыслова, я так договорился с «Социологическим журналом», который тоже будет публиковать мое интервью со Здр.; тексты разные, но респондент и интервьюер одни и те же...сам знаешь, никакой журнал не хочет быть вторым...

Тогда может сразу начнем ориентироваться на публикацию твоего интервью в №6?

5.

В начале письма от 9 апреля ты пишешь:

> «…Сейчас пока ясно одно (и в этом мы сходимся...), что начинать надо с “драматической социологии” (в смысле скорее книги, чем самого “эксперимента социолога-рабочего”, уже хотя бы потому, что тут есть информационный повод, да и все остальные твои соображения на этот счет в силе...).
>
> Вообще-то, ты и этот вопрос задал:
>
> — Как сложилась идея драматической социологии...побольше об этом...и о сути, и о жанре книг...
>
> Я готов на этот вопрос отвечать, но ты можешь как-нибудь его и переформулировать, с учетом уточнившегося замысла…»

Да, конечно, постараюсь теперь развить эту тему...

Прежде всего мне бы хотелось, чтобы ты рассказал о возникновении термина «драматическая социология»… от чего ты отталкивался в поиске имени? были ли какие-либо другие варианты? Когда идея драматической социологии оформилась в нечто более или менее ясное для тебя? Как бы ты сегодня, уже сжившись с этой социологией, обозначил ее?

По твоему мнению, ты единственный, кто работает в твоем ключе, твоими аналитическими методами, или есть и другие попытки среди российских социологов пойти твоим путем...?

Если бы тебе пришлось читать для студентов курс из семи лекций по драматической социологии (ты знаешь прекрасную книгу Гофмана «7 лекций по истории социологии»?), как бы ты назвал эти лекции?

В моем понимании «драматическая социология» неотрывна от твоего стиля письма, включающего:

* анализ социальной реальности (от притчи о Генеральной линейки, ты знаешь, я ее очень высоко ставлю, до описываемой сейчас тобою истории твоих хождений в суд с Олей);

* дневниковые записи

* толкование документов

* письма не только «любимым женщинам» и не только твои, но и тебе

* и т.д.

так ли это?

Мог бы ты назвать кого-либо из социологов, писателей, журналистов...влияние которых ты испытывал (испытываешь) в твоей работе?. Я писал уже тебе, что, на мой взгляд, твой жанр мог придумать и реализовать лишь социолог, прошедший хорошую школу журнализма.

6.

Когда я уезжал, ты был погружен в создание коллекции (архива) самиздата и неофициальной прессы, возможно, я не очень точно называю твой проект. Что произошло за это время? Ты продолжаешь его? Законсервировал? Им кто-нибудь пользуется в работе? В целом, расскажи об этой работе, он была оригинальной и очень интересной.

с лучшими пожеланиями, Боря

***

Письмо Б. Докторова Ю. Щеголеву (10-в)

19 апреля 2006 г.

Юра, был рад поговорить с тобою по телефону и рад твоему согласию подумать над моими вопросами и попытаться ответить на них.

1.

Вот уже почти 12 лет я живу в Америке, видел все.... вот пара фрагментов из моего интервью о начале американской жизни...

…Приехали мы – Люся (моя жена), ее мама и я – в Америку в конце апреля 1994 года. Главная причина – за два года до нас туда уехал Саша, наш единственный сын. Скажу так: мы не уезжали из страны, мы ехали к Сане. Мне хотелось жить близко от него, и я не допускал, что типично для Америки, поиска работы в других штатах.

К моменту нашего приезда он и его жена уже работали и потихоньку входили в американскую жизнь. Это – прекрасно, но, с другой стороны, они были очень заняты, и нам пришлось все осваивать самим. Когда я приехал, мне было 53 года: уже не юноша, но для американской пенсии – слишком молод; я и сейчас до нее еще не дорос. Мы узнали все прелести начала эмигрантской жизни: полное непонимание окружающего мира, безденежье, фуд-стемпы (квазиденьги для покупки продуктов), отсутствие работы и ее поиски. В какой-то момент я работал там, где белого физически и психически здорового американца практически не увидишь.

....Я обнаружил хорошую программу для студентов колледжей, специализировавшихся в организации бизнеса, получил ее и выполнил все предписания. Специальная служба начала помогать мне в поиске работы; я согласился на любую, лишь бы сразу (обычно надо ждать полгода) предоставили медицинскую страховку Люсе и мне. Вскоре я приступил к работе секьюрити в трех минутах ходьбы от дома; сначала по ночам, потом – приобретя опыт – по субботам и воскресеньям.

Многие не любят работать в эти дни, но мне, наоборот, они нравились: спокойнее, чем в будни, и можно готовиться к занятиям ....

Но потом я постарался вернуться в социологию...За последние годы опубликованы две книги, десятки статей в разных журналах...В основном – по истории становления опросов общественного мнения в Америке. Ты помнишь, я и в СССР занимался опросами.

2.

Так случилось, что в конце 2004 года я стал присматриваться к новой теме – истории современной (после Хрущева) российской/советской социологии. В моих условиях не до архивов, даже литературы советских социологов здесь не очень-то...хотя я живу в получасе от Гуверовского центра, одного из ведущих русских архивов Америки...Потому акцент для начала поставил на интервью с моими коллегами, все же я еще не совсем забыт... после 1999 годя я был в России около десяти раз...к сожалению, не каждый раз был в Питере.

В прошлом году и начале этого опубликованы интервью с (в порядке публикации из) в журнале «Телескоп»: Фирсовым, Гилинским, Ядовым, Кесельманом, Смирновой, Могилевским... и эта работа продолжается...

3.

В значительной степени по инициативе Лени Кесельмана начата электронная беседа с Андреем Алексеевым... у него была связь с Андреем...сейчас работа продолжается… делу помогает и то, что у меня есть четыре тома «Драматической социологии...», в которой есть и материалы о тебе (твои) и о Сереже Розете.. Но мне хотелось бы кое-что узнать непосредственно от тебя.

4.

Я изучаю судьбы российских социологов, они – судьбы – разные...разные входы в социологию, разная жизнь, разные уходы из социологии...

Прежде всего, Юра, вспомни, когда и как ты оказался в социологической команде? По-моему ты работал у Шкаратана....Ты по образованию физик-теоретик, да? Ты работал по специальности и сразу в силу каких-то (каких?) обстоятельств оказался в социологии?

В моем представлении ты пришел в социологию не так, как, скажем Саганенко или я, мы после матмеха оказались «мобилизованными» для помощи в обработке...но вот задержались...Ты, так мне кажется, пришел с какой-то идеей описания, моделирования социальной реальности на базе логики физики и физических законов...Так ли это? Мне помнится твое выступление столетней давности (возможно, ты сам его забыл) в Доме политпросвещения после выступления Инны Рывкиной... я помню потому, что тогда только-только начал узнавать, что такое социология (весна 1968 года) и увидел социолога (тебя), говорившего на понятном мне языке.

Когда ты узнал, что есть такая наука – социология? Ты был активным общественником в университете? Ты увлекался философией, экономикой, политикой? Читал что-то специальное?

Действительно, с какой озабоченностью ты пришел в социологию? Вы с Сережей пришли вместе или встретились уже на социологической площадке?

Сколько лет ты проработал в социологии? Что смог, успел сделать? С кем из социологов-предметников ты работал?

Скорее всего было много поводов, мотивов, причин для ухода из социологии? Видимо, были общесоциальные, профессиональные и личные? Так ли это? Какие обстоятельства превалировали?

Когда ты уходил, ты понимал, что это неизбежно, что ничего не способно тебя все же удержать в социологии или что-то внешнее подстегнуло твое решение? Ты сразу принял решение об окончательном уходе или думал, что то был временный шаг? Это был уход продуманный или спонтанный, под настроение?

Почему ты ушел в кочегары (так?)? Почему ты не вернулся к работе по полученной в университете (?) профессии?

Ты оборвал все... постарался сразу все выкинуть из головы....или продолжал сам для себя твои собственные изыскания, развивал тему, которая тебя волновала? Поясню из моего опыта...

В Америке я пять лет всплывал со дна на некую поверхность...Я работал и учился в колледже...два первых года я ничего не делал по науке, но грустил шибко... мне не хотелось идти в программисты, тестировать программы.... думал о том, как быть поближе к социологии… Постепенно нашел тему, начал изучать становление российского Интернета… что-то типа контент-анализа первых сайтов... Это давало мне возможность иметь свою эмпирию и разрабатывать собственную методологию... я по ночам работал секьюрити, по вечерам – занимался в колледже, но днем мог немного для души заниматься социологией...потом это мне пригодилось..

5.

Можно так спросить: «Ты уходил от чего-то или шел к чему-то?» Ты уходил, чтобы быть свободным от ... чего? Ты уходил, чтобы было время для разработки своих задумок? В те годы в ленинградских кочегарах были Цой, Шевчук, Кинчев (?)...по-мому, Митьки, ...многие из тех, кто часами пил кофе и играл на гитаре в «Сайгоне»...они шли в котельные, чтобы быть свободными от официоза и писать песни, рисовать...Что-то подобное было и у тебя?

6.

Ты оказался во внутренней эмиграции. А ты не думал об отъезде из страны? Таких возможностей всегда было много. Из нашего поколения уехали Давлатов, Шемякин, Кузьминский, заставили уехать Бродского...ты думал о таком варианте?

7.

Прошли годы...ты и сейчас в целом позитивно оценивешь свой уход из социологии или думаешь, что то был неверный шаг...? Я понимаю, что это трудный вопрос, ты можешь пропустить любой из заданных вопросов,...можно выбросить и этот. Я не имею права и не хочу травмировать человека воспоминаниями...я знаю по себе, как тяжело вспоминать.

8.

Если можно, напиши немного о Сергее...что он сделал, что хотел сделать, он не был равнодушным к окружавшему ему миру...может потому и ушел рано... Пока мы помним его, он живет с нами...

Лет 15 назад в Москве молодым умер Яков Капелюш, один из первых в стране аналитиков общественного мнения...Летом 2005 года я опубликовал в «Телескопе» мозаику воспоминаний о Яше... на душе стало легче...

9.

Мне бы хотелось твои заметки о себе и Сергее со временем опубликовать в «Телескопе». Естеттвенно, прежде, чем отправить в журнал, я тебе все перешлю, позвоню...Торопить тебя не буду...я знаю, что я обрекаю тебя на тяжелую работу... надеюсь, что в будущем это все кому-либо понадобится...

Юра, если тебя надо, чтобы я позвонил, позвони Андрею, он даст мне знать об этом по электронной почте, и я сразу найду тебя.

С лучшими пожеланиями, Боря

***

Письмо А. Алексеева Б. Докторову. Копия Л. Кесельману. (10)

20 апреля 2006 г.

Борис! Я отвечаю сейчас сразу на два твоих письма — от 16 и 19 апреля. Первое достигло меня через оба ящика — мой и аллин. Второе (вместе с письмом для Ю. Щ.) — взял из своего ящика, но наверное также оно поступило и Алле. Таким образом, я твою почту получаю, достаточно надежно.

Из твоего письма от 16.04 не ясно, получил ли ты два моих "обстоятельных письма" только через Аллу, или — еще раньше — и от меня также. Это обстоятельство, если возможно, хорошо бы проверить, чтобы я был уверен, что наш прямой канал технологически работает в обе стороны.

Для собственного, а может и для твоего удобства — я свои файлы нумерую. Вот этот — 10-й. А предыдущие ("два обстоятельных"...) были: todoct8 и todoct9.

1. Сначала о процессе "эскалации" темы "истории российской социологии в лицах" (я все же предпочитаю так называть твою научно-историографическую инициативу) на двух континентах. Сначала — об американском...

2. ...Вот, не успел я откликнуться на твою информацию о Шалинском сайте (откликался письмом от 7.04, которое было отправлено мною, вероятно, 11.04, а потом еще и Алла продублировала...), как ты — письмом от 16.04 — мне сообщаешь, что на этом сайте "уже несколько дней как висят" еще свыше дюжины биографических интервью и мемуаров российских социологов, взятые из "Социологического журнала" или из других источников.

То есть "выполнено мое пожелание" (боюсь, что "исполнение с перевыполнением" состоялись раньше пожелания; просто мы все "синхронно мыслили"... а вы с Шалиным еще и действовали). И с обращением к Козловскому в "Журнал социологии и социальной антропологии" — тоже сверхоперативность... Я не сомневаюсь, что не будет проблем и с "Социологическим журналом"... Начинается "эффект Тома Сойера, который красил забор..."!

Этот "эффект" сам по себе заслуживает наблюдения и "измерения". Мне кажется, стоило бы фиксировать непосредственно на сайте дату размещения там соответствующего материала в рубрике. Кстати, и время и место "первопубликации" там не везде указаны (например, в каком номере "СЖ" или в каком другом издании данный текст был представлен; это — важно!).

Я еще не успел просмотреть все материалы подрубрик "Интервью" и "Мемуаров", но замечаю, что, по крайней мере, по состоянию на 13.04, еще не все релевантные тексты из "СЖ" там представлены (в частности, тексты Ольшанского, Фирсова, Карпинского, Левады, Заславской — из номеров "СЖ" за 1995-1997 гг.; вероятно, просто не близко лежат их электронные версии, в отличие от текстов издания 1998 г. и позже).

Материалы "Российской социологии шестидесятых годов в воспоминаниях и документах" (СПб., 1999) иногда предварялись аналогичными публикациями в "СЖ", иногда — нет. Те, которые не были первоначально представлены в жуонале (стало быть, тоже электронная версия может не близко лежать...), конечно же, заслуживают помещения на этот сайт.

Среди "приложений" не хватает пока твоих материалов о Якове Капелюше (вот, уже есть! — 21.04.2006). Среди статей отчасти уже отраженного на этом сайте сборника "Социальные науки в постсоветской России" (М.: Академический проект, 2005) была бы здесь очень "к месту", например, интереснейшая статья Г. Гайворонской "Сетевые коммуникации в профессиональном сообществе" (возможно, здесь были технологические трудности с отображением графов и социоматриц...).

Совсем не удивлюсь, если — пока я пишу эти строки (еще, кстати, не успев увидеть на сайте пакет интервью. из "Журнала социологии и социальной

антропологии”, о котором ты сообщаешь в письме от 19.04) — все мои “замечания” окажутся уже “учтенными” и реализованными.

Кстати, я бы действовал “экономно”: если обращаться за новыми интервью, то прежде всего к тем, кому их давать еще не доводилось. Например, интервью с Руткевичем уже было в “Российской социологии шестидесятых...”. Наверняка и Парыгин в каком-нибудь “Вестнике гуманитарного университета профсоюзов” уже в этом качестве фигурировал.

Конечно, выдержать единый “формат”, при таком разнообразии источников, интервьюеров, информационных поводов, — не удастся. Но что мешает, известив фигурантов “историко-социологического” сайта, о том, что они там уже так или иначе представлены, предложить каждому (буде пожелает...) написать к нему свой современный “постскриптум”.

Заведомые отступления от “единого формата” есть и у тебя, например, в интервью с Ослоном и с Сатаровым. Понятно, что это никак не биографические интервью (я бы их постольку поместил скорее в “приложениях”...).

В принципе, еще много чего я мог бы заметить и предложить здесь. Но чтобы не опоздать со своими “рекомендациями” подожду дальнейших событий на сайте (или собственного ознакомления с событиями уже состоявшимися). В целом всячески очень и очень приветствую Вашу с Д. Ш. волонтерскую и “пчелиную” деятельность. Опять же, я вот только недавно прочитал запись беседы “Б. Докторов — Н. Мазлумянова”...

Разумеется, никак не тороплю тебя с “ответом Шалину” и другими концептуальными шагами — собирание нектара с цветов и накопление меда в сотах сейчас важнее.

2-а. Вот сегодня, в пятницу 21 апреля, будучи в институте, зашел на шалинский сайт, чтобы увидеть новации. Итак: 26 “интервью”, 5 “мемуаров”, 4 “приложения”, 3 “комментария”, 16 “статей”... Проект наполняется материалами — в самом деле — не по дням, а по часам.

Вот теперь, когда столько уже сделано, можно и покритиковать инициаторов... В частности, за издержки торопливости.

На мой взгляд, необходимо — всегда — указывать точный адрес первопубликации (журнал, год, номер...). Это не выдерживается в материалах, взятых из “СЖ”, в отличие от материалов из “ЖССА”.. Если из книги, сборника — то тоже корректную библиографическую ссылку. Геннадий Батыгин подобных библиографических небрежностей не потерпел бы...

Плохо, что свалены в одну “алфавитную кучу” биографические интервью, порой существенно различающиеся своим форматом. Я бы уже в их “оглавлении” пометил, чтО из “СЖ”, чтО из “Телескопа”, а чтО из “ЖССА”. У каждого издания — свой стиль...

Уже говорил, что выпадают из общего ряда НЕ биографические интервью Ослона и Сатарова. Как-то это надо бы оговорить.

Производит пока впечатления “свалки” оглавление “статей”. Все статьи распадаются по крайней мере на две разнородные группы: а) собственно науковедческая и т. п. тематика (так сказать, “социология социологии”) и б) работы по проблемам биографического метода вообще. К последним относятся, в частности, работы Валерия Голофаста и Нины Цветаевой.

Надо как-то отделить одно от другого. При том, что тексты (б) могут выполнять методологическую функцию для анализа биографических интервью социологов. То есть именно в этом состоит “оправдание” их помещения на данный сайт. Все-таки это рубрика, посвященная истории российской социологии, а не биографическому методу, как таковому

...Боюсь, что вы с Д. Ш. уже “подгребли” все то, что наиболее виртуально доступно, т. е. уже где-то фигурировало на сайтах. А вот с интервью, публиковавшимися в ранних номерах “СЖ”, или в Батыгинском томе 1999 г., небось придется повозиться — вплоть до применения сканнера, если нет электронной версии.

Но без помещения на сайт интервью, опубликованных в “Российской социологии шестидесятых...” вам никак не обойтись.

3. Вообще, такой сайт мог бы превратиться в “Форум”, но, думаю, лучше не превращать его в исключительно “сетевое” предприятие. В роли собирателей и редакторов этакой тематической (профилированной...) “виртуальной библиотеки”, с элементами дискуссии, Вы с Шалиным мне милее.

4. Ты спрашиваешь, можно ли разместить на сайте мои заметки по поводу текста Д. Шалина. Разумеется, да.

Но я бы расширил это извлечение из нашей переписки до менее частного (не сугубо “реактивного” на письмо Шалина тебе) сюжета: “К вопросу об “истории российской социологии в лицах”. Я сам такое извлечение из трех своих писем к тебе (одного февральского и одного апрельского, а также нынешнего) сделал, спрятав за <...> пассажи, не имеющие прямого отношения к делу либо не уместные по “цензурным” соображениям.

(Часть значимых для меня рассуждений об “автопортретах” российских социологов содержатся также в так называемой “интермедии”, в частности, в мартовском письме к Лене, но их — даже в “отцензурированном” виде — использовать в этой подборке я не считаю возможным).

Итак, авторизованные (но не редактировавшиеся...) извлечения из моих писем “на заданную тему” включены в настоящий файл (см. среди приложений, в самом конце; выделено красным цветом). Если пожелаете, можете их вывесить на сайте — под названием “Alexeev`s comments on the Doctorov and Shalin projects” (или под каким-либо иным...), по возможности сохранив внутри конкретное название “К вопросу об “истории российской социологии в лицах””.

В некотором смысле, это “продолжающаяся” рецензия на вашу с Д. Ш. деятельность.

5. Разумеется, я не стану возражать против постановки на сайте Шалина link`a — переадресовки к сайту Киевского международного института социологии, где уже вывешены — в pdf — первые два тома “Драматической социологии и социологической ауторефлексии” (а вскоре там появятся также третий и четвертый...). Даже сочту за честь...

Не знаю, надо ли для этого испрашивать разрешения КМИСа. Если да — проблем не будет, разумеется. (Впрочем, Леонид Грингауз, инициативно, без моего участия, создавший как бы мой собственный веб-сайт <www.alekseev-andrej.narod.ru/>, для такого трансфера разрешения ни у кого не спрашивал...).

Напоминаю реквизиты киевского сайта:

<www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/book.html>

— чтобы тебе не разыскивать их по нашей переписке.

(Вообще, мое “четырехкнижие”, и тематически, и концептуально, пожалуй, вполне вписывается в ваш историко-научный проект: тут тебе и судьба (судьбы...), и лицо (лица...). Разве что слишком объемно...).

6. Насчет Парыгина.

Он является — документально! — едва ли не главным героем главы 13 моей “Драматической социологии и социологической ауторефлексии” (см. в томе 3; история “правления” Парыгина в ЛО Советской социологической ассоциации, бесславно закончившегося в 1987 г., чему предшествовало выигранное опальным ленинградским социологом еще в 1986-м дело о защите чести и достоинства в Севастопольском народном суде г. Москвы против секретариата ССА, а по существу — против Боровика-Парыгина).

Кроме того — тоже, по сути, документально! — см. раздел 9.7 в томе 2. Раздел этот называется “ИСЭП-1984 (почти по Оруэллу)”. А один из его подразделов — ““Недостаток идеологической выправки у социологов...” (неологизм проф. Парыгина)”.

Да и в “Письмах Любимым женщинам” (главы 2-3, том 1) этот антигерой, насколько помню, мною не обойден вниманием.

Может, тебе и пригодятся эти наводки...

Еще раз повторю: из гигиенических соображений лучше поменьше входить в непосредственный контакт с такого рода “скунсами”. Тот же Ядов “скандальным” эпизодом в своем интервью его неплохо увековечил. Думаю, достаточно и уже имеющихся “компроматов”, а самодовольные парыгинские “автопортреты” тоже, наверняка, уже имеются.

7. Теперь об “эскалации” вашего проекта на российской территории.

Возможно, ты знаешь, что после безвременной кончины Вениамина Иофе в 2002 г. его коллеги по питерскому “Мемориалу” (Научно-исследовательский центр “Мемориал” — СПб) совместно с Европейским университетом в СПб и при участии Центра независимых социологических исследований вот уже четвертый год подряд проводят Чтения его памяти, под серийным названием “Право на имя”. К каждым очередным чтениям выходит сборник трудов предыдущих.

Темы (программы) чтений (соответственно, названия сборников): 1. ... Биографический метод в социальных и исторических науках (2003); 2. ... Биография как парадигма исторического процесса (2004); 3. ...Биография вне шаблона (2005). Четвертые чтения состоялись не далее, как 17-18 апреля. Тема: “...Методология составления и изучения биографий”.

Тематика и география этих чтений от года к году расширяются, они уже стали по существу международными (не говоря уж о постоянных участниках из Москвы и некоторых других российских городов).

Обычно я в этих чтениях участвую, как и — из нашего института — Валерий Голофаст (в первых двух), Олег Божков и Нина Цветаева.

На сей раз я, не мудрствуя лукаво, заявил в конце марта такую тему:

Биография. Наука. История (коллективный автопортрет российских социологов).

> Доклад посвящен проблематике порождения и использования автобиографических текстов, и в частности, биографических интервью ученых, для реконструкции процесса развития науки. При этом рассматриваются имеющиеся опыты такой работы в применении к истории российской социологии (от 1960-х гг. до наших дней). Обсуждаются особенности и мера информативности биографических нарративов в сопоставлении с другими историко-научными источниками. Особое внимание уделяется методологическим и этическим вопросам построения “истории науки в лицах”.

Доклад был по существу обзорный, посвященный “истории и практике” применения биографического метода для изучения истории российской социологии.

Начиная с пионерного проекта Г. Батыгина и его коллег (М. Пугачевой, Н. Мазлумяновой и др.), публикации в “Социологическом журнале” второй половины 90-х — первой половины 2000-х гг. Первый итоговый труд “Российская социология шестидесятых...” (1999). Далее — курс лекций по истории советской социологии Б. Фирсова , где весьма активно и эффективно используются материалы биографических интервью с социологами-шестидесятниками (из указанного тома воспоминаний). (Кстати, вот эту книгу Б. М. я бы обязательно вывесил на вашем сайте; думаю, уже где-то висит, но сделать линк; если же вдруг не висит, то вряд ли у Бориса не сохранилась издательская электронная версия). Далее — интереснейшая книга “Социальные науки в постсоветской России” (2005; под редакцией Батыгина, Козловой, Свидерски). Наконец, твой историко-социологический проект (реализуемый, в частности, в

“Телескопе”), и — самое последнее достижение — Шалинский сайт и ваша с ним там рубрика.

Должен сказать, что доклад этот был встречен, особенно мемориальцами, не то чтобы с интересом, а даже с изрядным энтузиазмом, как некое “целеуказание”, как вообще можно исследовать некую сферу деятельности (не обязательно социологию...) через биографии и автобиографии ее деятелей. Ну, а социологи на сей раз вовсе не оказались “сапожниками без сапог”... С чем, в частности, тебя и поздравляю.

8. 17-го же апреля исполнилось 70 лет Игорю Травину. Событие это отмечалось и в институте.

Кстати, вот чье автобиографическое и ауторефлексивное интервью я был бы рад увидеть хоть в “Телескопе”, хоть на вашем сайте. Причем — безотносительно к данному юбилею. Мне кажется, Игорь — субъект не только интереснейшей (между прочим, не питерско-московской, как у некоторых наших “шестидесятников”, а московско-питерской) профессиональной судьбы, но и носитель исключительного научного, общественного и человеческого потенциала в нашем сообществе.

Но тут, мне кажется, персональная инициатива уместна за тобой. Вряд ли И. Т. станет откликаться на твои безадресные призывы “вспоминать”. Особенно при его нелюбви к электронной технике. Он — гений устного общения.

9. Не пришлешь ли свое эссе под заглавием «Вспоминайте сами, не ждите, когда вас будут вспоминать...»? Мой собственный “манифест” на эту тему — “ЭСТАФЕТА ПАМЯТИ” (2000) — в свое время усилиями Лёни гулял по Интернету, пока не “осел” (без моего ведома, но я, понятно, не возражал) в журнале Овсея “Мир России” (кажется, в 2001 г.). Включен он и в “Драматическую социологию и социологическую ауторефлексию” (том 2, с. 471-477). Кстати, если хотите, можете поместить его и на своем сайте, в рубрике Articles или какой-нибудь другой. Он был бы там уместен.

Должен сказать, что если не своей пропагандой, то личным примером, мне довелось способствовать возникновению совершенно замечательных мемуаров некоторых моих друзей, среди которых особенно ценю автобиографические эссе Анри Кетегата и Рэма Баранцева.

“Мемуарист” (в кавычках или без...) и “действующий исследователь” — это вовсе не альтернативы (как можно понять одно из твоих замечаний в письме). Конечно, бывают попытки совмещения того и другого: собственная жизнь как предмет то ли “включенного наблюдения”, то ли “наблюдающего участия”, и вообще — “драматическая социология”... Но эти роли могут реализоваться и параллельно. И начинать надо во-время...

...Человек в общем вправе не “осчастливливать мир” воспоминаниями о собственной жизни, тем более — интимными. Нехай потом его вспоминают другие... Однако есть предмет воспоминаний, который рано или поздно (лучше рано, чем поздно...) становится для человека моральным обязательством. Это — память о собственных родителях. Ибо никто не имеет о них такого запаса знаний и впечатлений, как ты. И когда уйдешь ты, этот мемуарный потенциал исчезнет навсегда.

Ну, в общем, “делай то, что никто кроме тебя или за тебя не сделает...” (своего рода жизненный девиз).

Обычно спохватываются поздно... Поздно спохватился и я — лет 10 назад, т. е. 30 лет спустя после смерти матери и 20 — после смерти отца. Когда уже: чего знал — мог и забыть, а чего не знал — так уж и не спросишь. Вот тогда (в 1997 г.) написал я текст под названием “Коротка моя память (о моих родителях для моей дочери)”. Это не была автобиография; а ее эскизом этот текст был, лишь в той мере, в какой то было необходимо для рассказа о предках и родителях, он был намеренно доведен лишь до середины 70-х, когда умер отец.

Дальше уж моя дочь могла бы продолжать эту “семейную хронику”. Впрочем, своей “Драматической социологией” я ей эту задачу то ли сильно облегчил, то ли усложнил...

Если захочешь, могу тебе как-нибудь электронную версию этого своего сочинения прислать (еще в “Лексиконе” писалось, но конвертировать в “Виндоуз” недолго). В некотором смысле — эталон, образец, иллюстрация высказанной выше идеи.

...Я понимаю, что сейчас как бы отвлекся на сюжет, уместный скорее в нашем автобиографическом интервью. Но Бог с ним, процесс общения действительно интереснее результата. Напомню, что продолжаемый мною “свод” нашей переписки (пока — файл aldoke1a) имеет название **“В поисках Адресата”**...

Как видишь, я тоже *“много думаю над тем, что ты написал по разным поводам”*... Но должен признаться, что совершенно не умопостигаю, как тебе удается вести такую переписку одновременно и параллельно в десятки адресов...

10. Вот и твое письмо Юре Щеголеву ведь требовало же особого настроя, напряжения мысли, чувства и воли... Я, пожалуй, готов смягчить свое условие “разового” электронного посредничества между вами, т. е. согласиться на передачу твоих писем ему (если будет не одно...) и на соответствующую перепечатку и пересылку его ответов тебе — в интерактивном режиме.

Конечно, это будет медленнее, чем даже наш эпистолярный обмен. Но ведь мы уже согласились, что “спешить некуда”...

Но вот почти буквально на следующий день после вашего разговора случилось несчастье: трагически погибла Юрина сводная сестра, проживавшая в Польше. Наша встреча с ним отодвинулась... И, вероятно, еще задержится его отклик...

Короче, я обещаю быть вашим почтальоном, как только это станет возможным.

11. Да, я полагаю и не возможным, и не желательным опубликование нашей беседы уже в 4-м номере “Телескопа”. Это было бы в ущерб качеству и моей, и твоей работы, да и просто физически, я считаю, не поспеть.

Недостатка в материалах у тебя, наверное, нет. Опережать Здравомыслова я в любом случае не хотел бы. Номер 6-й — может быть... Но и это — не в порядке обязательства (моего перед тобой или твоего передо мной). Окончательно “определяться” насчет содержания № 6 понадобится, вероятно, осенью. А пока — постараемся, не снижая темпов, “поспешать медленно”. Хорошо?

Будем считать, что я желаю “продлить удовольствие”...

12. Спасибо за твое нынешнее развитие мелодии (вопросы о...) “драматической социологии”. Когда доберусь до этого, я твоими “подачами” обязательно воспользуюсь. Нынче же, после “КПСС” и “КГБ” мне удобнее обратиться к твоим давним (чуть ли не из первого письма...) вопросам:

== К какой философской школе, к какому философскому направлению ты себя относишь? Ты давно исповедуешь эту философскую религию или нашел ее относительно недавно? В любом случае, как ты относишься к марксизму (по-моему, ты один из немногих, кто читал некоторые фотокопии работа Маркса?

.

== Я сейчас, говоря о двух первых поколениях советских/российских социологов, выделяю «шестидесятников» и «шестидесятилетних». Ясно, оба названия, особенно второе, условны. Какое поколение тебе ближе? По мироощущению?

Мне представляется, что родившиеся в 1929 году (и вблизи) верили в возможность улучшения социализма, те, кто родился в районе 1941 года – уже в это не верили, родившиеся вблизи 1953 года – считали социализм ошибочным типом устройства общества. Есть ли в таком поколенческом подходе правда?

23.04.2006.

Первый из этих вопросов вызывает у меня некоторое смущение: в самом деле, к какому “философскому направлению”, кроме марксизма, может отнести себя социолог, вышедший “из шестидесятых”, и кандидат философских наук 1970 года выделки? Мне бы не хотелось здесь отвечать слишком учеными рассуждениями о своей принадлежности к “философской школе”.

Если одной фразой, то это было, думаю, движение от некритического представления о марксизме, как единственно правильном мироучении (которое, впрочем, должно развиваться, в соответствии со своей собственной “революционной сущностью”, полагал я со студенческих лет) к “трезвому” взгляду на марксизм, как на одну из множества философских систем, претендующих на объяснение мира, и, как всякая такая система, ограниченную в своих мирообъяснительных возможностях (думаю так сегодня). Если двумя словами, то это движение от мировоззренческого “тоталитаризма” к мировоззренческой “толерантности” и плюрализму.

То же, на более низком уровне общности, можно сказать и о теоретико-социологическом “кредо”, также эволюционировавшим от своего рода “фундаментализма” к “полипарадигмальности”. Думаю, что в этом отношении я вовсе не оригинален.

В центре моих первоначальных занятий “социологией прессы” (в аспирантуре и позже) стояли попытки создания марксистской версии “теории массовой коммуникации” и, думаю, в этих своих усилиях я был куда более истовым марксистом, чем тогдашние изготовители идеологической каши, предъявлявшейся, скажем, студентам факультета журналистики в качестве “марксистско-ленинского учения о печати”. С другой стороны, ортодоксальная “марксичность” моих теоретических опытов времен Кяэрику выглядела, пожалуй, несколько экзотично среди “нормальных” исследователей массовой коммуникации, предпочитавших (имевших возможность...) опираться на более “утилитарные”, частно-научные идеи западной социологии середины века.

Из работы начинающего социолога (1967):

> “С развитием современных конкретных исследований в области эффективности прессы, радио, телевидения все острее ощущается необходимость в разработке понятийного аппарата теории массовой коммуникации в контексте марксистской социологии...
>
> Представляется неправильным распространенное толкование массовой коммуникации просто как одновременного обращения “одного ко многим”, обычно опосредованного совокупностью технических устройств (к этой дефиниции сводится большинство бихевиористских определений). Массовая коммуникация не есть технически оснащенное общение индивидов или “говорящего” индивида со “слушающей” массой. Субъектами общения хдесь выступают социальные группы, выделяемые на уровне не ниже социального слоя или класса.
>
> В каждом данном обществе с “массой” (классом, совокупностью классов, обществом в целом) “разговаривает” класс, принадлежащий к этой массе или антагонистичный ей (в капиталистическом обществе). Такова наша главная антитеза буржуазным концепциям массовой коммуникации.
>
> Таким образом, всякий общественно-исторический тип массовой коммуникации оказывается процессом социально организованного обмена общественной информацией... одну из сторон которого составляет целенаправленное идеологическое воздействие на массы господствующей в данном обществе общественной силы (в социалистическом обществе в качестве такой силы выдвигается сам народ), а другая, эмпирически менее заметная сторона представлена обратным воздействием “адресата” на эту силу.
>
> Взаимодействие понимаемых в указанном смысле субъектов в массовой коммуникации адекватно их взаимодействию во всех иных сферах общественной жизни и в конечном счете определяется отнщением этих субъектов в области экономики. Из

социально-экономического устройства данного общества и реальных интересов господствующей в нем общественной силы, при учете всего многообразия опосредующих факторов, могут быть объяснены конкретные проявления классовости, партийности (или мнимой беспартийности) массовой коммуникации, степень объективности в освещении событий социальной жизни, природа эффектов идеологического воздействия на массы, характер и степень влияния общественного мнения на содержание и формы коммуникации и т. д.

Общение субъектов вроде социального слоя или класса, естественно, не может быть непосредственным. В качестве специфического средства массовой коммуникации (в отличие от языка, являющегося важнейшим средством общения людей вообще, или технических средств, могущих быть включенными в межиндивидуальный контакт) выступают особые институты, общественые учреждения (в частности, пресса, радио, телевидение). Эти институты, как органы выражения интересов определенного субъекта (класса или всего народа), в своей совокупности образуют систему социалоьных средств массовой коммуниткации, функционирующую в данном современном обществе...”

Да простят меня читатели этого интервью за столь пространное автоцитирование. Но это куда информативнее, да и честнее, чем пересказывать или рассуждать о том, “откуда мы вышли” и т. п.

Впоследствии это теоретико-идеологическое построение получило развитие в “социологической модели массовой коммуникации”, элементами которой были: “социальный субъект 1”, “социальный субъект 2”, “средство массовой информации”, сама “массовая информация” и “массовая аудитория”. Первый субъект осуществляет информационно-пропагандистское (= массово-коммуникативное) воздействие на второго субъекта через свои институты (средства, органы) массовой информации, а второй субъект воспринимает воздействие первого через посредство своих собственных “институций” — массовых аудиторий.

Модель оказывалась универсальной, действующей как для буржуазного, так и для социалистического общества. Только для первого она

“...особенно “прозрачна”, поскольку взаимодействующие социальные субъекты здесь суть не только разные, но и антагонистически противоположные классовые силы (буржуазия и трудящиеся массы, народ)” (это я цитирую уже последнюю из своих работ на эти темы — из сборника “Массовая коммуникация в социалистическом обществе”, Л.: Наука, 1979).

А своеобразие социалистической массовой коммуникации состоит в том, что

“...здесь обнаруживается специфическое “тождество” социальных субъектов 1 и 2, оказывающихся одним и тем же субъектом, только взятым в разных аспектах: как субъект информационно-пропагандистской деятельности и как субъект восприятия и потребления массовой информации. В качестве первого выступает передовой класс или общество в целом, в лице своего авангарда — Коммунистической партии *(! — А. А.)*. В качестве второго — общество в целом, широчайшие народные массы”.

Ну, и заключительный аккорд, из работы “зрелого” социолога (1979):

“...Прогрессирующее “слияние” обоих социальных субъектов массовой коммуникации по мере продвижения к развитому коммунистическому обществу не исключает, а предполагает сознательное регулирование, программирование деятельности по производству и распространению массовой информации, осуществляемое управляющими центрами субъекта-общества в его интересах. Соответствие последним обеспечивает в конечном счете реализацию идеальной модели, выдвинутой еще молодым Марксом, применительно к исторически первому средству массовой информации и пропаганды: свободная пресса — это “язык народа обращенный им к самому себе” (Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 1, с. 44).

Итак, массовая коммуникация есть язык общества, обращенный им к самому себе. Общество становится действительным хозяином своего “языка”, поскольку сбрасывает с себя путы социального порабощения и неравенства и обретает способность контролировать условия собственной жизнедеятельности...”

Еще в начале 70-х предполагалось, однако не состоялось издание книги автора этих строк под названием “Язык общества, обращенный им к самому себе”. Академикам — членам редакционно-издательского совета АН СССР показалась (и, пожалуй, не без оснований...) слишком вычурной апелляция к молодому Марксу в заглавии.

В 1973 году та же рукопись, но уже под скромным названием “Средства массовой информации”, успела пройти все стадии редподготовки в Ленинградском отделении издательства “Наука”. Как вдруг — скандал вокруг книги Эльмара Соколова “Культура и личность”, вышедшей годом раньше в том же издательстве, и резкое повышение научно-идеологической бдительности.

Из издательского заключения на рукопись книги “Средства массовой информации”, после экстренного дополнительного рецензирования:

“...Увлекшись конструированием "специальной социологической теории массовой коммуникации", он *(автор. — А. А.)* уже на исходных позициях выпустил из вида значение общей социологической теории — исторического материализма...

Вместо марксистского учения о базисе и надстройке... автор пытается вывести "модель" коммуникации на институциональном уровне, исходя из некой абстрактной общей структуры деятельности... Он строит свою теорию "субъект-1" и "субъект-2", где сама целесообразная деятельность как особый момент исчезает, а под субъект-1 и субъект-2 можно подставить или отдельные индивиды *(так! — А.А.),* или классы — схема работает в любом случае.

Как хорошо показал в своей рецензии на рукопись проф. В. Я. Ельмеев, это соответствует попыткам западных социологов растворить общественные отношения в деятельности, и все последующие совершенно верные рассуждения автора о классовой сущности массовой коммуникации, коренных различиях между социалистической и буржуазной прессой и т. д. изменить ничего не могут: все здание теории А. Н. Алексеева оказывается без марксистского фундамента, оно стоит на песке позитивистских концепций...

По вышеизложенным причинам мы считаем, что работа А. Н. Алексеева издана быть не может, а поскольку речь идет не о частных недостатках рукописи, а о ее ошибочной методологической основе, это не позволяет говорить и о какой-либо доработке.” (Подписи — редактора и руководителя отделом издательства. Сентябрь 1973)

...Я бы сказал: в то время в советской общественной науки были представлены три “разновидности” марксизма: “творческий”, “ортодоксальный” и “дремучий”. Для последнего второй был не менее неприемлем, чем первый. Ибо вышеприведенная последовательно марксистская концептуальная схема если не доказывала, то “намекала” на отсутствие “тождества” (чтобы не сказать противоположность...) интересов “социально-классовых субъектов 1 и 2”, отношения которых полагались лежащими в основе эмпирически наблюдаемого взаимодействия между СМИ и их аудиториями в социалистическом обществе.

Вообще, марксизм — такое большое и глубокое озеро, из которого множество рек вытекает (да еще переплетаются друг с другом по ходу течения). И вульгарный экономический детерминизм, и взаимоналожение социокультурных и политических факторов, и деятельностная природа социально-исторического процесса, и подчинение личности “общественным интересам”, и “абстрактный гуманизм” (молодого Маркса).

...Никаких фотокопий работ Маркса я, разумеется, в руках не держал. Но вот немецкоязычными оригиналами, особенно ранних произведений, интересовался, а также пытался прояснить для себя некоторые термины из русскоязычного марксистского тезауруса, путем сопоставления их с соответствующими немецкими

терминами, а также их переводами на английский и французский. (Это было в 70-х гг., в пору активного самоутверждения в нашем обществознании понятия образ жизни).

Оказывается, очень многое в советской социологии зависело от того, как были в свое время переведены на русский такие использовавшиеся классиками немецкие слова, как Tatigkeit, Verhalten, Verhaltnis, Verkehr, Wert...

Из понятий, более или менее обиходных в марксистском дискурсе (но и не только в нем, разумеется...), ключевыми для меня, от начала занятий социологией и до настоящего времени, были и остаются: деятельность и субъект (последний — не в сугубо-гносеологическом смысле: субъект — объект, а близко к тому, в каком сегодня употребляют термины "актор" или "агент"). Для освоения первого понятия существенным в 60-е гг. для меня было влияние Г. Щедровицкого, для включения же в активный оборот второго — влияние Б. Грушина (в обоих случаях влияние — заочное). В частности, из книги Грушина "Мир мнений и мнения о мире" (1967) было почерпнуто автором "социологической модели массовой коммуникации" представление о "коллективном", или групповом социальном субъекте.

В своей недавно вышедшей работе "Современная теоретическая социология как концептуальная база российских трансформаций" (2006) В. Ядов пишет:

> "Суть деятельностно-активистского подхода: отказ от идеи диктата "естественно-исторических" закономерностей социального прогресса в пользу утверждения принципа "социально-исторического" процесса, не имеющего жестко заданного вектора, ибо решающую роль в современных обществах играют деятельные социальные субъекты (agency), включая научно-технические открытия, социальные движения, легитимных лидеров, массы обычных граждан" (с. 7 указанной книги).

Похоже, что всю свою "социологическую жизнь" я так или иначе тяготел именно к этому подходу, и из классического марксистского наследия с давних пор извлекал именно его. (Кстати, и в методологии андерграундного экспертно-прогностического исследования "Ожидаете ли Вы перемен?" рубежа 80-90-х гг он представлен достаточно ярко; см. "Драматическую социологию и социологическую ауторефлексию": главу 1 — в томе 1, и главу 25 — в томе 4).

Из современных российских авторов отчетливее всего указанный подход реализует, мне кажется, Т. Заславской (своей "деятельностно-структурной концепцией" социетальной трансформации российского общества).

Весьма значимыми и перспективными для меня сегодня представляются опыты синергетической интепретации общественных процессов. Ну, в отличие от деятельностного подхода, усмотреть "истоки" синергетического — в марксистской социально-философской традиции, пожалуй, невозможно..

Здесь замечу, что "разочарование" в марксизме, или его развенчание, как "всесильного, потому что верного" мироучения, было последним в цепи моих мировоззренческих разочарований от 50-х к 80-м годам: сначала — Сталин, потом — советский социализм, потом — социализм вообще и, пожалуй, одновременно, Ленин, и, наконец, — Маркс. Моей, пожалуй, индивидуальной особенностью, по сравнению с многими ровесниками, было относительно замедленное движение по ступенькам и относительно позднее восхождение на вершину этой "лестницы прозрения".

...Что же касается все более безусловного обнаружения несоответствия социальной реальности марксистским схемам (о чем уже шла речь и ранее), то кто как, а я долго не уставал искать тому те или иные "конкретно-исторические" объяснения (и оправдания...).

В качестве общего алгоритма таких оправданий (еще в конце 60-х гг.) для меня выступала, например, опора на французского марксиста Луи Альтюссера. Тот развивал идею о "сюрдетерминации" исторических факторов. Альтюссеру принадлежит броская формула: "В истории исключение из правил есть правило правил". (Что-то вроде "идеальных типов" М. Вебера, которые никогда не реализуются "в чистом виде"...).

Тем самым как бы снималась острота противоречия между марксистской теорией и исторической практикой...

== Теперь — о мировоззренческих различиях поколений. Об этом существует большая литература. Я скажу только о социологах.

Я не думаю, что поколение моих старших коллег было в целом более наивным, чем мое или даже чем поколение младших (сам я отношусь как бы к промежуточному между родившимися в конце 20-х и в начале 40-х поколению). Во всех этих профессиональных "когортах" наличествовал и определенный идеологический наив (постепенно улетучивавшийся...), и та или иная степень "двоемыслия". Кроме того, существенной является историческая динамика, а также особенности семейной истории и индивидуальной биографии. Я пытался рассказать о собственной идейной эволюции. У иных моих ровесников (да и старших...) эта эволюция могла заметно опережать мою.

Что же касается родившихся в 50-х, в частности, ровесников XX съезда, то они (обычно именуемые "семидесятниками") никаких иллюзий уже пережить или нести в себе не могли. Они более прагматичны, так сказать, "сознательно адаптивны", сугубо профессионально ориентированы и далеки от "прекраснодушия".

Ну, приверженцев социализма, ностальгирующих по временам брежневского застоя и т. п. среди сегодняшних социологов (в отличие от философов...), полагаю, считанные единицы..

Пока все.
Твой Андр. Ал.
24.04.2006

* * *

К ВОПРОСУ ОБ "ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В ЛИЦАХ"

Борис! В некотором смысле, это "продолжающаяся" рецензия на вашу с Д. Ш. деятельность... А. А. 22.04.2006

<...> (Здесь опущен текст под вышеприведенным названием, составленный из писем А. Алексеева к Б. Докторову от февраля-апреля 2006 г. Впоследствии этот текст был помещен на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/alekseev.html. См. Приложение 3.. - *А. А. Январь 2011)*

***

Письмо Б. Докторова А. Алексееву (11-1)

21 апреля 2006 г.

Андрей,

Из совокупности вопросов, которые мы стали с тобою неспешно обсуждать, хочу сегодня выбрать один: об освещении роли «одиозных» (в твоей терминологии) фигур в современной истории российской социологии. Хотя сами критерии отнесения того или иного ученого к сомну одиозных не очень-то ясны, будем исходить из того, что о критериях мы можем договориться. Тогда остается часть вопросов, как освещать

эту одиозность, в какой мере историк имеет право, должен, может, обязан...касаться этой темы, подходить к ней, искать возможность встречи с этими фигурами.

В ответ на твои рассуждения о Парыгине, я в предыдущем письме написал, что, были бы у меня документы о его деяниях, которые не отвечают этике нормальной науки, я бы хотел задать ему вопросы, касающиеся тех деяний. Я специально посмотрел, что пока в телескоповских материалых есть о Парыгине. Есть у Ядова, есть у Божкова и Протасенко, есть мой материал о том, как был зарублен очередной том советско-венгерских исследований. Знак всех высказываний - один. Потому уже сейчас наш сайт предлагает читателю, не знающему Парыгина, однозначное описание: человек, во многом ответственный за разгром ленинградской социологической организации.

Обсуждаем мы эту тему и с Шалиным, вот что он написал мне сегодня:

> April 21, 2006
> Boria,
> You can add in your note to Andrei that the well documented piece on the Golofast affair posted on our site gives the full account of Parygin's role in the history of Soviet sociology. Add to this Yadov's interview, my comments alluding to Yadov's strenuous opposition to Parygin, future comments that are likely to take up the issue, and you will have to conclude that we do not foster the even-handedness when we describe the impact that various characters had on Russian sociology.

Не знаю, читал ли ты отзыв Ларисы Федотовой на мою книгу, недавно опубликованный Телескопом. В нем приведен мой ответ Ларисе на вопрос о том, не собираюсь ли я серьезно углубиться в изучение истории нашей социологии. Вот что я написал ей:

> «Возможность «российского продолжения» — многоаспектный вопрос; в нем присутствуют методологический, информационный, организационный и «человеческий», или «личностный», аспекты. Прежде всего, история – дальнозорка, российская практика изучения мнений пока «коротковата» для собственно исторических обобщений. Во-вторых, в моих условиях изучение прошлого российских опросов может оказаться крайне затруднительным. В Америке сложно добывать необходимые российские книжные и журнальные публикации, тем более – отчеты, создававшиеся тоннами. Один пример: в семидесятые годы в Ленинграде под руководством Б. Фирсова была проведена серия зондажей отношения работающего населения города к проблемам внутренней и международной политики СССР. Ничего, отражающего эту работу, не опубликовано.
>
> В третьих, многое – к сожалению – потеряно, уничтожено, и лишь беседы с участниками исследований, проведенных три-четыре десятилетия назад, могут что-то восстановить. Вот это я потихоньку делаю. Есть интервью (отмечу в порядке их проведения) с Ю. Сатаровым, А. Ослоном, Б. Фирсовым, Я. Гилинским, В. Ядовым, Л. Кесельманом, есть мозаика воспоминаний о Я. Капелюше. Ряд интервью будет завершен в ближайшие полгода. Но все это лишь заготовки для тех, кто начнет систематически изучать, описывать историю советских/российских исследований общественного мнения. К созданию такой обобщающей работы, думается, можно приступать лишь через пару десятилетий. Все, что будет сделано раньше, может оказаться неточным, субъективным, политизированным.
>
> Более того, если я – российский аналитик — рискнул писать историю американских опросов, то может быть какой-либо американский или европейский ученый решится изучить зарождение и становление опросов в России? Поверь мне, в этом есть глубокий смысл. Речь идет о независимости ученого, не связанности его с принадлежностью к тем или иным отечественным школам, о его полной свободе в интерпретации фактов и построении обобщений». *(См. Телескоп... 2005, № 6. — А. А.)*

Подчеркнул сейчас конец моего ответа.... Что ты думаешь по этому поводу? Я замечаю, что Дима куда раскованнее, нежели я, смотрит на то, что у нас происходит и происходило...Ты в последние годы, видимо, мало бывал в Москве... парадокс, но, возможно, я бываю чаще...российское социологическое сообщество очень раздроблено,

всюду границы «мы и они»... многие обвиняют друг друга в политической ангажированности... ко мне относятся чуть проще, так как я – «забугорный»... наука, об интересах которой пекутся (на словах) все, страдает от такой разобщенности... она (разобщенность) же мешает верному понимаю прошлого... что сейчас более всего меня заботит...

Грустно это все, вспоминаю выпитый тобою портвейн и рука тянется к стАкАнУ...чок-чок

Боря

***

Письмо А. Алексеева Б. Докторову (11-1)

Борис!

Я отправил со своего ящика и прошу также Аллу отправить тебе со своего файл todoct10, в котором большой ответ на несколько твоих писем, кроме последнего — от 21.04.2006 (того, в котором фрагмент твоего письма Ларисе Федотовой). Это последнее письмо я получил только на свой ящик, сегодня, 25.04, т. е., как видишь, 4 дня спустя после его отправки). Компьютер-то на работе... Отвечу на него уже в следующую свою отправку, через неделю.

Вообще же, желательно, чтобы ты посылал одно и то же письмо параллельно на мой ящик и на ящик Аллы. Это страховало бы получение мною писем, а также, вероятно, и повысило бы и оперативность моих ответов.

Твой Андр. Ал. 25.04.2006

***

Письмо Б. Докторова А. Алексееву (11-2)

25 апреля 2006 г.

Хорошо, Андрей, я подумал, что во вторник ты будешь на работе и все прочитаешь...Сайт не только как онлайновое существо, но как ИДЕЯ развивается... тебе масса приветов от Димы Шалина....

Боря

***

Письмо А. Алексеева Б. Докторову. Копия — Л. Кесельману (11-2)

26.04.2006 г., среда

Здравствуй, Борис!

Вчера отправил тебе письмо, где: а) мой возможный вклад — “К вопросу об “истории российской социологии в лицах”” — в ваш с Д. Шалиным сайт (также и мой Дмитрию привет!); б) тот фрагмент моего автобиографического интервью, где про “философскую школу” и т. п.; в) мое “самоопределение” насчет отказа поспешать с этим интервью к номеру 4 “Телескопа”.

Вероятно, в течение недели придет твой отклик на это письмо (todoct10.doc). (В четверг очередной и, думаю, последний суд в Красном Селе, в институт не попаду, так что расчет скорее на получение письма Аллой). Пока же я откликнусь на твое последнее (от 21 апреля, достигшее меня только вчера). Плюс, возможно, еще несколько соображений...

25-го вечером прилетел Леня. <...>

На днях состоялось избрание на собрании Отделения общественных наук РАН И. И. Елисеевой в качестве директора Социологического института, а М. К. Горшкова — в качестве директора Института социологии. Оба утверждены в этих должностях Постановлением Президиума РАН от 18 апреля с. г. В частности, в нашем институте в этой связи 16 мая состоятся досрочные перевыборы Ученого совета. Хоть ты и далеко, но события, полагаю, заслуживающие того, чтобы тебя о них известить.

* * *

...Еще раз к вопросу об "одиозных" персонажах в твоей исследовательской практике. В одном из моих предыдущих писем (5.04) есть такой пассаж:

> "...Твой интерес (в своей историко-науковедческой миссии) к фигурам, так сказать, одиозным (нарочно их сейчас не называю повторно) вызывает у меня, признаться, противоречивое чувство. Я уверен, что "юбилейных" интервью у такого рода персон было более чем достаточно. <...>
>
> В общем, если тебе так уж нужна "репрезентативная" выборка (так сказать, "каждой твари по паре"...), то не лучше ли воспользоваться для этих целей уже имеющимися материалами, а себя как бы "поберечь"... от этих мазохистских упражнений?
>
> Уж не говорю о том, что "объективистское" соседство в твоей выборке, скажем, Ядова и Парыгина выглядело бы по меньшей мере странно. Хоть и тот и другой "успешны"... К критерию "успешности" ("много сделал"...), более или менее объективному, я бы добавил еще вполне субъективный критерий "приличности" (с точки зрения автора проекта, разумеется). А то рядом с потенциальной "очередью" в твою галерею не выстроилась бы очередь на выход из этой галереи. <...>
>
> Вообще, и без интервью с "парыгиными" у тебя останется большое разнообразие "судеб" и "лиц". Разве нет?..."

Из другого моего, еще мартовского письма (адресованного непосредственно Лене Кесельману, но и тебе также):

> "...Конечно, есть в истории нашей бедной науки и монстры, и "нерукопожатные" персонажи. Хотя, например, Ядов даже для Ельмеева (имя чуть ли не нарицательное!) нашел какие-то теплые слова... (Интересно, что "злым гением" в его жизненной драматургии выступает скорее лицемерный Парыгин). Отрицать же причастность тех или иных мало симпатичных нам или не столь уж чтимых нами (скажем, деликатно, так...) людей к актуальной социологической практике или к истории российской социологии, неправомерно.
>
> Так что в круге "званых" Борисом я, конечно, вижу не только "избранных", но пока не вижу "случайных" людей...".

Д. Шалин справедливо замечает:

> "...A statement from Rutkevich would also be helpful. As they say, no respectable Zoo can do without a rhino". *(Цитирую по твоему письму от 19.04).*

...Это — "носорог"... А вот как насчет "скунса" или "гадюки"?..

Теперь ты пишешь (21.04):

> "...Из совокупности вопросов, которые мы стали с тобою неспешно обсуждать, хочу сегодня выбрать один: об освещении роли «одиозных» (в твоей терминологии) фигур в современной истории российской социологии. Хотя сами критерии отнесения того или иного ученого к сомну одиозных не очень-то ясны, будем исходить из того, что о критериях мы можем договориться. Тогда остается часть вопросов, как освещать эту одиозность, в какой мере историк имеет право, должен, может, обязан...касаться этой темы, подходить к ней, искать возможность встречи с этими фигурами...".

Вообще говоря, судить о человеке стоит не столько по тому, что он думает о себе сам, сколько по тому, что думают о нем другие. Если же конкретнее и операционально, то реальная роль каждого актора на “социологическом поле” может быть оценена, например, по частоте его упоминаний в интервью других, по занимаемому им месту в этих текстах и, далее, по “знаку” выказываемого к нему там авторского отношения. (В общем — азбука контент-анализа...).

Г. Градосельская своими коммуникационными сетями и матрицами в статье из сборника “Социальные науки в постсоветской России” (постарайтесь разместить эту статью на сайте!) сделала только первый, важный шаг в этом направлении анализа (например, в построенной ею на материалах еще давнего интервью Ядова его “эгоцентрической сети” — .Парыгин, Сигов, Черкасов и Заславская мирно и безоценочно фигурируют рядом друг с другом...).

Выработка однозначных критериев “одиозности” действительно затруднительна, если не невозможна. Например (далее — выделено синим — “интимный” фрагмент моего письма, которое я исключаю из “публичного” обращения, кроме, самого ближнего круга).

<...>

...Кстати сказать, меры моего здравомыслия и толерантности хватает на то, чтобы не ставить ультиматумы кому-либо из своих друзей по поводу их тесных взаимоотношений с людьми, с которыми я дружбы водить во всяком случае не стал бы. Обычно я ограничиваюсь приватным высказыванием своего “особого мнения” и больше к этому предмету не возвращаюсь.

С другой стороны, мне категорически не хватает терпимости выслушивать от кого-либо из друзей неприемлемые для меня высказывания о других своих друзьях, которые, понятно, не являются для нас общими. Буде такое случится, я обычно резко “закрываю тему”, т. е. предлагаю при мне плохо об этом человеке не говорить. По крайней мере, острота ситуации снимается.

Разумеется, если бы такие случаи с кем-либо из друзей участились, неизбежно произошло бы взаимное охлаждение, утрата доверия, даже разрыв... Но так далеко дело обычно не заходит. Хоть у меня и бывало пару раз...

(Получилось своего рода морально-психологическое отступление или нравоучение... Интересно, как ты к нему отнесешься? Впрочем, это, я так, a propos... Упомянутые выше лица столь чувствительных струн в моей душе не задевают).

...Вообще, что касается “одиозности” (как, впрочем, и “сверхценности”) общественно значимых (или хотя бы просто известных...) фигур, то иного, более объективного, критерия, кроме профессионального “общественного мнения”, увы, нет. Не мне тебя учить, как исследовать общественное мнение... Однако это очень трудно, при живых-то “объектах=субъектах”. И при том, что “общественное мнение” может меняться (в том числе, отчасти, и под влиянием твоих публикаций). Остается полагаться — пока — на меру, такт, искусство того, кто отважился на такое исследование. То есть на критерий уж и совсем субъективный...

Возможность непосредственных контактов исследователя с “одиозными” фигурами, конечно же, не оспаривается мною, хотя не думаю, что эта конкретная задача относится к первоочередным.

...Отзыв Ларисы Федотовой на твою книгу в “Телескопе” я, разумеется, читал. С твоей постановкой вопроса о собственной работе как “заготовках для тех, кто начнет систематически изучать, описывать историю советских/российских исследований...” вполне согласен. Равно как и с твоим размышлением о “независимости ученого, несвязанности его с принадлежностью к тем или иным отечественным школам... его полной свободе в интерпретации фактов и построении обобщений”.

В известном смысле ты, по своему нынешнему положению (не только географическому, но и социально-профессиональному), а также по ряду личностных и

биографических особенностей, — оптимальная фигура для такой “подготовительной работы”. Что ты, судя по твоему письму, и сам хорошо понимаешь...

Еще — воспользуюсь случаем, чтобы высказаться касательно вашего диалога с Натальей Мазлумяновой, вывешенного на сайте.

Можно сказать, что Н. М. является сторонником более “жесткой”, “дотошной” манеры ведения интервью. Тебе, судя по всему, ближе — более “мягкая” или “щадящая” манера. Разумеется, и ты, и она отвергаете крайности той или иной формы беседы. Далее, Н. М. позиционирует себя (не люблю это выражение, да ладно...) в качестве исследователя научных карьер, с их внешними обстоятельствами и внутренними мотивациями... Для нее интервьюируемый как бы больше объект, чем субъект...Ты — формулируешь свою задачу как исследование судеб российских социологов. Чем постулируешь не абстрактную, а конкретную (для тебя...) субъектность своих героев.

В принципе возможно взаимодополнение (взаимооплодотворение...) этих позиций или подходов.

Примечательно, что Н. М. видит перспективу последующей более или менее строгой обработки собранных материалов (что наверняка не чуждо и тебе...). И она, как и я, усматривает в этой работе возможность написания “истории российской социологии в лицах”. И ты (опять же, как и я...) не ожидаешь от данного метода “самодостаточных” результатов. И тем самым, среди прочего, подкрепляешь свое “интуитивное” желание дать побольше “воли” своим собеседникам (даже если они где-то себя приукрасят или что-то существенное опустят...).

Мне было интересно следить за поворотами вашей с Н. М. беседы, в которой я, пожалуй, не усматриваю полемики, а скорее партнерское развитие темы: “с одной стороны...” и “с другой стороны...”. Могу предложить “с третьей стороны...”: Какое бы интервью ни взять, хоть “допрос с пристрастием...”, хоть “дружеское попустительство” интервьюера своему герою (этакое laissez faire...), мы имеем **автопортрет** конкретного человека**.** И это — главное, мне кажется.

Из множества автопортретов, каждый из которых, в принципе, может быть подвергнут определенной “расшифровке”, “декодированию”, во всяком случае — интерпретации (причем в контексте остальных интервью и иных документальных свидетельств, включая, очевидно, и научные труды героя), складывается **коллективный автопортрет** российских социологов.

А чтобы избежать каких-то пробелов или неадекватностей автобиографического рассказа, невольно или намеренно не замеченных интервьюером, я бы ввел обязательную процедуру “свежей головы” для каждого биографического интервью, которая (свежая голова...) могла бы обратить внимание интервьюера и интервьюируемого на “темные места”, с тем, чтобы автор (субъект) биографии мог, если захочет, их прояснить или... еще лучше затушевать.

Мне кажется, стихийно у тебя так и получалось, по крайней мере, в случае интервью у Гилинского и у Ядова, судя по преамбулам “ведушего рубрики”. Стоило бы сделать это правилом...

* * *

(Боря! Если захочешь, можешь предыдущую пару страниц, с соответствующими купюрами, добавить к “продолжающейся рецензии” — фрагменту нашей переписки, предложенному мною для вашего сайте в предыдущем письме: “К вопросу об “истории российской социологии в лицах””. В самый конец этого текста, перед подписью. См. то, что вынесено мною в конец настоящего письма и выделено красным, а купюры там обозначены <...>.

.Если, конечно, вы с Д. Ш. захотите эту “рецензию” использовать. И если да, то в случае, что я не опоздал с этим дополнением.

...Только что Алла прочитала мне твое письмецо с сообщением, что мой текст уже вывешен на вашем сайте. Выходит, “нарастить” его я опоздал. Если сочтете

содержательно уместным и это технологически возможно, можете дополнить уже вывешенное).

И последнее. Да, я мало бываю в Москве, но и из Питера, и в самом Питере заметна усматриваемая тобою "разобщенность сообщества", которая не может не огорчать. Раньше мы страдали больше от "межклассовых" противоречий, теперь — скорее от "внутриклассовых" (которые, как показано специалистами, могут быть поглубже и пооострее первых...).

* * *

27.04.2006

Сегодня в очередной раз ездил в Красное село на суд по вопросу об Олином дипломе и т. п. На сей раз явился вызванный в суд в качестве свидетеля достаточно грозным судебным предписанием бывший директор ТОО "Союз педагогов" Р. Чиновница из Комитета по народному образованию отсутствовала, прислав факс о неизменности позиции "заинтересованного лица".

Месяц назад казалось, что тучи сгущаются над господином Рафаловичем и его учреждением. Однако он держался очень уверенно, и не сморгнув глазом заявил, что не может подтвердить факт обучения выпускницы ТОО 1986 в течение 1040 часов, хоть прежде и написал это — "из любезности" — в не заверенной справке за своей подписью. Судья как бы удовлетворилась его ответами, хоть они и давали повод для новых вопросов. Я же не стал изобличать его, скажем, в том, что они записывали в диплом специальность "логопедия", не имея ее в списке лицензированных. Бороться за справедливость надо. но не себе же во вред!..

Вопрос о правовом значении факта, установить который Оля просила суд (что она обучалась в ТОО "Союз педагогов" свыше 1000 часов), остался подвешенным, поскольку приказ Министра народного образования 1995 г. и приложение к нему, где фигурировала эта цифра, действительно был отменен в 2000 г. Тут судья дала понять (не сказав прямо...): не проще ли нам самим снять свое заявление и тем исчерпать дело.

Посоветовавшись с Олей, я суду облегчать задачу не стал, впрочем, уже понимая, чем дело кончится.

В итоге дело опять перенесено на месяц, уже не по нашей инициативе, а по инициативе судьи, которая, получив к настоящему времени ответы на свои запросы из разных инстанций (чего на прошлом заседании не было), все-таки еще один запрос решила послать (как бы "в наших интересах", но по сути — чтобы исключить какую-либо возможность оспаривать потом ее решение...).

Вообще, чем дальше, тем больше становится ясным, что дальнейшее статусное продвижение моей дочери (присвоение высшей категории и т. п.) будет зависеть (как и прежде зависело...) от растущего признания ее собственных заслуг, а не от каких-либо юридически установленных фактов. Последние могут тому разве что способствовать или препятствовать, а в остальном — self made man (woman)...

Сегодня она вручила мне еще пять (итого получается 23...) детских книжек с О. А. Новиковской на титуле, вышедших в петербургском издательстве "Паритет", в серии "Учимся вместе — делаешь сам" (это обращение к детям, а к родителям и педагогам: "Игровые модели обучения и воспитания"). Названия этих книжек-игр (для детей среднего и старшего дошкольного возраста): "Найди и покажи"; "Сложи словечко"; "Вершки и корешки"; "Веселый счет"; "Вылечи словечко". Из стандартной для всех пяти аннотации: "Работа с этой книгой способствует закреплению у ребенка ряда полезных навыков и умений: различение цветов, развитие мелкой моторики и логического мышления". (Там еще для каждой книжки своя собственно педагогическая экспликация).

А вот пример "игровой модели" (из книжки "Найди и покажи"):

Стилизованная детская картинка. Под ней стишок:

Муравьишка в чаще
Дров охапку тащит.
Эй, товарищи-друзья,
Выручайте муравья!
Коли нет ему подмоги,
Муравей протянет ноги.

Задания:

1. Выручи муравьишку — вырежи и наклей его товарищей так, чтобы они со всех сторон спешили на помощь своему другу: первый муравей выходит из муравейника, второй сидит под листом лопуха, третий спускается с пенька, четвертый бежит по дорожке навстречу муравью, который тащит груз, пятый забрался на ромашку.

2. Еще раз покажи каждого муравья и скажи, где он находится. (При ответе необходимо употребить предлоги: *из, под, с, по, на*).

Понятно?

Замечу, что муравей и на картинке тащит не соломинку, а действительно охапку (вязанку?) дров... Очень очеловеченный муравей.

* * *

29.04. Вчера звонил Юра. Его сестру похоронили в Польше. Я прочитал ему по телефону твое письмо, Он оценил его высоко. Отвечать будет, хоть, как и я, пока не гарантирует своего согласия на публикацию. На днях я передам ему этот текст , а также распечатки некоторых материалов из вашего сайта (интервью из “Телескопа”), для общей ориентировки.

Юра принял мое предложение о технологическом посредничестве в контактах между Вами. Однако просил тебя также сообщить свой почтовый адрес, на случай, если он захочет им воспользоваться.

Спасибо за присланный тобою текст «Вспоминайте сами, не ждите, когда вас будут вспоминать...». Пока я воспринял его только в чтении Аллы по телефону. Откликнуться по существу смогу, посмотрев глазами, т. е., вероятно, в следующем письме...

Пока же — обменяемся “манифестами”...

Вот, присовокупляю к этому письму (см. в конце файла) упоминавшуюся в моем предыдущем свою “Эстафету памяти”, еще 2000-2001 г. Она впервые была доложена на международном семинаре в Киеве в ноябре 2000 г.. Потом публиковалась в Любищевском сборнике (2001), в “Телескопе” (2001), в “Мире России” (тут у меня нет точной ссылки под руками), вошла в “Драматическую социологию и социологическую ауторефлексию” (“Вместо заключения”, в томе 2). Были когда-то эти заметки и в интернете, чуть ли не на твоем сайте: <http://www.socio.ru/public/alekseev/Biogr.doc>.

Этой своей работе я придаю большое значение, текст для меня в известном смысле программный.

Сейчас, коль скоро в вашей историко-науковедческой рубрике представлены некоторые тексты и по социобиографике вообще (Голофаст, Цветаева...), думаю, этот — тоже стоит туда поместить. (Как, кстати, и твое “Вспоминайте сами...”).

* * *

(Добавить в автобиографическое интервью. 1970-е гг.)

...Вот, просмотрел мозаику своих, уже отправленных тебе автобиографических фрагментов и нахожу, что 1970-е, т. е. период активной профессионализации, представлен чем-то вроде описи: под чьей “рукой” (руководством), с кем сотрудничал (соавторствовал...), в каких областях специализировался... Да еще недолгое партийное секретарство выперло на первый план... Пусть даже все “инвентаризации” в соответствующем отрывке хронологически выстроены, однако логика “научной эволюции” не просматривается: откуда куда и — почему так?

Если коротко, то я бы определил сегодня эту логику следующим образом: от идеологических спекуляций — к апологии научной строгости, а от этой последней — к “мягким” методам и акционистским подходам.

Начальный этап (конец 60-х гг) с его попытками построения марксистской теории массовой коммуникации был охарактеризован выше. Последовавшие затем (70-е гг.) контент-аналитические разработки, опросы читательских и зрительских аудиторий, изучение структуры и динамики репертуара драматических театров страны или конкретного культурного центра (Ленинград), при посредстве экспертов-театроведов, опросы, направленные на изучение образа жизни, потребительской и культурной активности, будь то населения мегаполиса, будь то строителей Байкало-Амурской магистрали, наконец, участие в панельном исследовании “Человек и его работа. 1976”, — все это были “социологические опыты” в рамках “дискурсивной” (пользуясь термином В. Шубкина из его замечательной новомировской статьи “Пределы”, 1978 г.), количественной парадигмы.

К 1975 г. относится моя (совместно с Борисом Беликовым) работа “О понятии “строгое исследование” в гуманитарных науках”, где, кажется, впервые серьезно задумался над тем, что “строгость” (предполагающая использование так называемых “жестких” методов) — отнюдь не синоним “объективности” или “истинности”. Были выдвинуты два реалистичных критерия строгости, а именно — критерий соответствия цели и критерий воспроизводимости результатов (чему в эмпирической социологии соответствуют требования обоснованности операциональных определений и надежности инструментов измерения). Это был первый шаг к преодолению сайентистских иллюзий...

Переход к “качественной” социологии произошел на рубеже 70-80-х гг. (я говорю, разумеется, не о мировой социологии, и не об отечественной, а о себе лично). Наиболее отчетливо это проявилось в попытке экспертно-прогностического исследования (“Ожидаете ли Вы перемен?”), и в так называемом “эксперименте социолога-рабочего”, или исследовании производственной жизни “изнутри”, глазами рабочего. (То и другое подробно рассмотрены в книге “Драматическая социология и социологическая ауторефлексия”, 2003-2005).

Впрочем, сразу оговорю, что в продолжающемся и по сей день “парадигмальном” споре между приверженцами количественных и качественных методов социологии я вовсе не беру сторону последних, “в ущерб” первым, а полагаю равноправными и взаимодополняющими три элемента системной (по Р. Баранцеву) триады: субъект-объектная социология, субъект-субъектная социология и социальная философия (соотносимые с фундаментальным семантическим архетипом: *рацио — эмоцио — интуицио*).

Другая линия персональной “научной эволюции” (в целом протекавшей, пожалуй, “скачкообразно”, включая “смены вех”) — это возрастающий интерес к динамике, будь то общественного, будь то личностного развития. Так, мне казалось приниципиально важным (во второй половине 70-х) выдвижение понятия жизненный процесс в качестве категориальной пары к понятию образ жизни (взятому на уровне индивида; на уровне общества такой категориальной парой к “образу жизни” я полагал “социальное развитие”...).

Постулировался (мною) принцип приоритета исторического, генетического подхода (в исследованиях образа жизни) перед структурно-функциональным. Сам же образ жизни, поначалу полагавшийся “системой” эмпирически наблюдаемых форм

повседневного поведения, получил у автора этих строк существенно новую трактовку — как способ взаимосвязи условий, сознания и деятельности субъекта.

К тому же времени (вторая половина 70-х) относится повышенный интерес (я о себе говорю...) к занятиям проблематикой жизненных путей, Жизненный путь трактовался как смена способов жизни (поначалу речь шла о “жизненных ситуациях”), каждый из которых характеризуется своими жизненными обстоятельствами, стереотипами поведения и направленностью личности. Придумывались (в соавторстве с С. Минаковой), сценарии фокусированных и даже отчасти формализованных биографических интервью (“Ваша жизнь — вчера, сегодня, завтра”), а также тесты на определение поведенческой и ценностной направленностей личности (вопросники “Как Вам живется...” и “Ради чего мы живем?”).

Понятие “жизненного пути” оказалось одним из ключевых и в исследовании проблем социальной адаптации строителей БАМа (проводившегося совместно с В. Дьченко в 1977-78 гг.).

Помню, в 1981 г. (тогда уже работал на заводе...) я попытался обобщить все мало-мальски значимые результаты собственных исследований за 10 лет в докладе под названием “Образ жизни и жизненный процесс”. Приведу здесь три из пары десятков выводов этого доклада:

> “<...> 3. **Вывод о доминирующей роли “отложенных” эффектов пройденного исторического или жизненного пути в ряде ключевых моментов образа жизни поколений и структуры жизнедеятельности индивидов.**
>
> Нами получены разнообразные подтверждения выдвинутой ранее гипотезы об относительно высокой (а в некоторых отношениях и преобладающей!) роли прошлых обстоятельств жизненного пути (таких, как социальное происхождение, условия социализации, “стартовое” образование и др.) для формирования различных аспектов актуальной жизнедеятельности человека.
>
> Особенно заметна связь между социально-биографическими переменными и характеристиками социокультурной активности людей.
>
> Может показаться даже удивительным, что зависимость “культурного ценза” семьи опрошенного (измерявшегося, впрочем, довольно грубо — размерами домашней библиотеки) от “образовательного ценза” родителей (учитывался наивысший уровень образования среди родителей) больше, чем от собственного образовательного статуса (уровня образования) опрошенного (данные ленинградского обследования “100 вопросов о Вашей жизни”, начало 70-х гг.).
>
> Еще более существенно обусловленными социальным происхождением и условиями социализации предстают образовательный и социально-профессиональный статусы обследованных. Широкий круг данных подобного рода получен также в исследованиях зрительской аудитории ленинградских театров (70-е гг.).
>
> Разнообразные “отложенные” эффекты исторического пути, пройденного целыми поколениями (участие в войне, общественная ситуация середины 50-х гг. и проч.), на наш взгляд, могут оказаться ключом к объяснению многих современных явлений в сферах труда, быта, досуга, а также особенностей жизненной позиции представителей этих поколений.
>
> <...> 4. **Вывод-гипотеза о складывающейся диспропорции между семейно-бытовой, индивидуально-потребительской, и социально-творческой, общественно-гражданственной компонентами в структуре жизнедеятельности личности.**
>
> Этот вывод базируется на разнообразных социологических данных, в том числе полученных нашим научным коллективом *[сектор социальных проблем личности и образа жизни ИСЭП АН СССР. — А.А.]* — насчет распространения и укрепления “инструментального” отношения к труду (труд как средство для жизни), в отличие от отношения к труду как к “самоценной” деятельности.
>
> Многократно отмечавшийся рост индивидуально-потребительских тенденций, усугубляющаяся вовлеченность людей в семейно-бытовую сферу, “рецидивы мещанской психологии” (упоминаемые в партийных документах) — все это позволяет говорить о том, что на передний план сегодня выдвигается потребительская компонента образа

жизни, в отличие от компоненты социально-творческой, а также — общественно-гражданственной.

Дополнительное подтверждение этому получено недавно нами в совместном с С. Минаковой исследовании структуры и динамики жизнеощущения личности после завершения вуза без отрыва от производства.

Мы задавали, в частности, вопросы о том, насколько человек удовлетворен своими нынешними жизненными обстоятельствами, “счастлив ли он”, а также о том, насколько ему удается удовлетворять свои потребности (материальные и культурные) и насколько удается развивать и реализовать свои способности. Анализ связей между ответами на эти вопросы показывает, что развитие и реализация способностей (вкупе с удовлетворением культурных потребностей) относительно автономны от удовлетворения материальных потребностей.

Примечательно, что “дух” не выдерживает конкуренции с “бытом” — в формировании “ощущения счастья”. Счастливым (в картине данных упомянутого исследования), предстает скорее тот, кто удовлетворяет свои материальные потребности, чем тот, кто реализует свои способности или развивает их. Кстати, “наиболее счастливыми” оказываются люди с доминирующей вовлеченностью в общественно-трудовую сферу (в нашей выборке это, как правило, хозяйственные руководители среднего и высшего звена). Но, как показывает анализ, жизненный мотив удовлетворения материальных потребностей у людей даже и с такой направленностью личности — превалирует над мотивом реализации способностей.

<...> 7. **Вывод о прогрессирующем развитии феномена “ситуационно-ролевой” морали в сферах трудовой, общественной, бытовой и т.д. активности.**

На термине не настаиваем. Но речь идет о развитии особого социально-нормативного комплекса, в котором рассогласование норм-требований и норм-стереотипов поведения является минимальным.

Массово одобряемым и общественно-санкционируемым все более становится поведение, которое иногда называют конформным, но точнее его характеризовать как “ситуационно-ролевое”. Это поведение, направленное на сохранение системы взаимосвязей субъекта с окружающей средой или на такое изменение этой системы, которое способствует увеличению ее стабильности. Отсюда — феномен “ситуационно-ролевой” морали, в пределе приближающейся к абсолютной адаптивности. Один и тот же человек ведет себя прямо противоположным образом в зависимости от ситуации, в которой он оказался, или той из своих социальных ролей, которая в этой ситуации актуализируется. Внутренние максимы поведения как бы “стираются”, отступают перед внешними императивами и теряют всякую регулятивную роль.

При этом человек не осознает этой своей ситуативно-ролевой зависимости. Он равно убежден в своей “правоте”: и в роли дружинника, задерживающего того, кто выпивает в садике, и в роли пьющего водку у пивного ларька; и в ситуации хронометража рабочего времени, когда надо скрыть свои производственные резервы, чтобы не пересмотрели нормы, и в ситуации инициативного (со стороны рабочих) пересмотра норм, упреждающего их (эти нормы) неизбежный административный пересмотр.

Это мораль не “двойная”, а именно ситуационная, в ней нет сознательного “лицемерия”. При этом достигается относительная свобода поведения (не осознаваемого в качестве вынужденного).

Само по себе инициативное (не “ситуационное”!) поведение оказывается эффективным тогда, когда оно предстает — в общем мнении — как **“инициатива вынужденная”.** Принцип вынужденной инициативы может выступать также и своеобразным адаптационным средством, если человек ставит перед собой цели “овладения ситуацией”, творчески-преобразовательной или нормотворческой деятельности.

(Конечно, это уже не “чистая” социология! Но социология, по нашему убеждению, должна не только способствовать формированию личности согласно общественным требованиям, но и “учить” личность эффективно действовать в социальной среде). <...>“ (Цит. по: Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1. СПб.: Норма, 2003, с. 450-453).

(Вышеприведенный набросок был обнаружен мною в архиве совсем недавно и не воешел в состав состояшейся публикации фрагмента автобиогрпафического интервью «Рыба ищет, где глубже…» в книге А. Алексеева и Р. Ленчовского «Профессия – социолог…» (2010). См. ниже, в части 2 настоящей работы. – А. А. Январь 2011).

* * *

Борис!

Собрав все имеющиеся на сегодня собственно автобиографические фрагменты в один файл, обнаружил, что вместе они занимают около 30 стр. и составляют уже более 80.000 символов. Это наверняка "перебор" — больше, чем должно быть "на выходе"...

На данный момент как бы "исчерпаны" твои вопросы (и мои сюжеты...), относящиеся к "первичной социализации" и "до-экспериментальной" части профессиональной биографии. "Драматическая социология", планировавшаяся тобой в самое начало, пока не обсуждалась, равно как и "что было потом". Если то, что потом — сводимо к паре абзацев, то "драматическая социология", пожалуй, нет.

Так или иначе, на оставшуюся часть этой работы я не собираюсь ужимать себя больше, чем делал это до сих пор (как видно, недостаточно...). Просто надо отдавать себе отчет в перспективе существенных сокращений.

Конечно, есть искушение сокращать прежде всего за счет цитат "из прошлого". Хоть, признаться, они мне представляются самым интересным и дающим пищу для читательских размышлений, больше, чем авторские современные самооценки.

Во всяком случае, я рассчитываю в решении всех этих проблем и на тебя также. Хорошо, если ты поделишься предварительными соображениями на сей счет.

Похоже также, что придется мне согласиться с твоей "автобиографической" логикой интервью. "Ауторефлексивная" — еще больше усложнит дело, потребовав лишних комментариев. Но, в случае выстраивания в хронологической последовательности, понадобится и авторедактура имеющихся кусков...

1.05.2006. А. А.

* * *

<u>ДОПОЛНЕНИЕ К ТЕКСТУ</u>
<u>"К ВОПРОСУ ОБ "ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В ЛИЦАХ""</u>

Из письма А. Алексеева Б. Докторову от 26 апреля 2006 г.

<…> (Здесь опущен текст дословно совпадающий с фрагментом письма от 26.04.2006 , приводившегося выше. – А. А. Январь 2011).

* * *

<u>Приложение</u>

Алексеев А. Эстафета памяти. Ресурсы, нормы и эффекты. Автобиографического повествования

(Опубликовано в Интернете: <http://www.socio.ru/public/alekseev/Biogr.doc>/ См. также: А.Н.Алексеев. Письменная эстафета памяти (о ресурсах, нормах и

эффектах автобиографического повествования) / XIII Любищевские чтения. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2001, с. 75-80; А.Н.Алексеев. Эстафета памяти. О ресурсах, нормах и эффектах автобиографического повествования // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербкржцев, 2001, N 4, с. 39-42; Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 2. СПб.: Норма, 2003, с. 471-477. А. Алексеев. Эстафета памяти // Мир России, 200?, № ?, с. ...)

Целью настоящих заметок является общая постановка вопроса о таком специфическом моменте повседневной жизни современного человека, который можно метафорически определить как **эстафета памяти**.

* * *

1. Порождение автобиографических повествований (нарративов), создание и накопление “историй жизни” и “семейных хроник”, по нашему убеждению, есть задача не только гуманитарно-научная, но и общекультурная. В конечном счете, это задача продления **памяти** человечества — ее сохранения не “на скрижалях истории”, а в мельчайших “капиллярах” и “клеточках”, в самой толще социальной жизни.

Названная задача, в качестве таковой, далеко не вполне общественно осознана, во всяком случае — эта работа пока не вошла в повседневный быт и культурный обиход семей и граждан.

Люди привыкли жить “сегодняшним днем”, иногда они “планируют будущее”, однако редко “оглядываются назад” и сплошь и рядом не осознают свой собственный **жизненный путь**, как некую культурную, духовную, социальную ценность.

2. Общая постановка вопроса: “человек — это прежде всего его собственная жизнь”, в терминах еще “донаучных”, содержится в одном из наших текстов 1983 г. [1]. Попытка концептуализации и обоснования категорий **фамильная ценность** и **семейная память** см. в работе 1998 г. [2].

За последнее десятилетие научная работа по сбору и анализу “историй жизни” и “биографий семей” получила плодотворное развитие в ряде исследовательских центров Москвы, Киева, Санкт-Петербурга. (Здесь эти центры и их труды не перечисляем).

3. Автобиографическое повествование (АП) выступает одной из естественных форм презентации жизненного пути и “объективации” памяти, прежде всего — индивидуальной памяти, без которой не может быть и “памяти коллективной”. К названному типу текстов примыкает жанр самодеятельных **семейных хроник** (СХ), где, с большей или меньшей степенью подробности, представлены жизненные пути всех членов многопоколенной семьи, в их переплетении. В дальнейшем будем говорить в основном об автобиографическом повествовании, хотя все сказанное может быть отнесено и к семейной хронике (биографии семьи).

4. Рассмотрим сначала вопрос о ресурсах, или источниках АП. Здесь можно выделить три основные группы ресурсов “истории жизни”:

а) **личный** (соответственно — семейный) **архив**, в широком смысле, — включая всю совокупность документальных материалов, “жизненных свидетельств”, как личностных, интимных, так и официально-публичных, относящихся к данному индивиду (семье); б) **живая память** ныне здравствующего человека (“память о своей жизни, о своей семье”); в) **память**

других — о данном человеке или людях (ныне здравствующих или покойных); она может быть как “живой”, так и документированной.

5. К разряду личностных документов относятся любые тексты, отражающие факты поведения и сознания данного, конкретного человека, причем отражающие их — иногда “специально”, иногда (чаще) “попутно”, т.е. без сознательной установки на фиксацию таковых фактов. К ценнейшим документам такого рода относятся: **дневники** (ныне — едва ли не культурный реликт!); **письма** (как собственные письма данного индивида, так и, пожалуй, в не меньшей мере, адресованные ему); **фотографии** и другие изобразительные материалы, а в последнее время также — любительские **аудио-** и **видеозаписи.**

Весьма информативным источником или ресурсом АП (СХ) являются также “официальные” документы, особенно — такие, где сам субъект жизни выступает автором (копии листков по учету кадров, “служебные” автобиографии, обращения в официальные органы и т.п.), но также и адресованные данному человеку или посвященные ему (от метрического свидетельства до профсоюзного билета или пенсионной книжки).

6. К сожалению, “рядовой человек”, не сознающий историю собственной жизни и жизни тех, с кем он повседневно общается, как культурную ценность, плохо сберегает эти “жизненные свидетельства”. А отношение его потомков, наследников к этим “следам” прожитой жизни порой является просто варварским. В итоге, документированная память (личный архив) нередко оказывается еще менее долговечной, чем “живая”.

7. Вообще, ресурсы АП — конечны. “Живая память” субъекта, разумеется, хранит впечатления, “воспоминания” (часто изобилующие аберрациями, связанными с последующими “напластованиями” жизненного опыта). Однако чем дальше во времени — тем меньше точность и достоверность биографической информации (если она не может быть подкреплена документами).

8. Здесь возникает проблема как личной ответственности человека за сохранение “себя” (в случае СХ — всех членов семьи) во времени, так и — особенно — **ответственности младших поколений** за сбережение памяти о старших. Дети еще кое-что помнят о своих родителях, а уж о родителях родителей (если не застали их в живых), а тем более о прадедах — не больше того, что написано на кладбищенском кресте (если хоть он цел).

Процесс “истирания” памяти в конечном счете неизбежен, но как правило (в частности, в нашем обществе, пережившем трагедию ее изничтожения) довольно слабо развита общекультурная установка на “торможение” этого энтропийного процесса.

Можно понять тех наших старших современников, которые в суете буден не оставили детям писаной истории своей жизни. (Или — намеренно “оберегли” своих детей от “опасной” информации из семейного прошлого, как это часто случалось у наших отцов и дедов). Однако сегодня становится уже непростительным, если человек не рассказал, не записал, не зафиксировал (для своих детей, внуков) хотя бы минимума биографической информации **о своих родителях**: ведь после их смерти он зачастую оказывается единственным живым носителем этой информации. И когда он сам уйдет, взять ее будет почти неоткуда.

Как видно, проблема автобиографического нарратива и семейной хроники является также и **моральной** проблемой.

9. Конечно, работа ученых, записывающих “истории жизни”, журналистов, проводящих “конкурсы биографий”, вообще — всякие институциональные усилия запечатлеть уходящее время (эпоху) “в точке пересечения биографии и истории общества” [3] имеют общекультурное значение. Однако остается проблема сохранения “памяти о жизни” **каждого человека**. А это уже не может быть решено накоплением АП и СХ в исследовательских архивах и т.п., а только — развитием и распространением **культуры** создания таких “историй” и “хроник” в каждой семье.

Автобиографическое повествование (писаное самим субъектом жизни или записанное с его слов), равно как и семейная хроника, в принципе должны стать элементом нашего жизненного обихода, что, по-видимому, потребует специальной просветительной работы. Необходимо воспитание в людях — и культуры жизнеописания, как такового, и культуры сбережения личных архивов (прежде всего в семьях), и “культуры памяти” вообще, как неотъемлемого элемента цивилизованного общества и личности.

Понятно, что такая социокультурная программа реализуется не скоро, но надо хотя бы ее сформулировать.

10. Обозначим некоторые **нормы** автобиографического повествования. Здесь выдвинем три “постулата”, равно относящихся как к письменному, так и к устному АП:

а) Постулат **фиксации семейных корней**. Всякая “история жизни”, для какой бы цели она ни создавалась, должна включать генеалогическую информацию — столь подробную, насколько это под силу автору данной истории. При том, что о предках рассказать больше некому, субъект повествования должен сделать это — в силу культурно-нравственного императива, отмеченного выше.

(Для семейных хроник указанный аспект выдвигается на передний план)

б) Постулат **внятности биографического текста**. “История жизни” может быть: краткой или развернутой; “объективной” или эмоционально окрашенной (насыщенной); выстроенной хронологически или тематически, или еще как-либо иначе. Но субъект должен позаботиться о тех, кто его услышит или прочитает. В АП должны быть по возможности четко обозначены узловые точки “жизненной траектории” (что, где, когда...), хотя бы приблизительно датированы жизненные события. Важно, чтобы у воспринимающего этот текст не возникло неясностей (разве что сам повествующий намеренно опускает нечто важное, чего-то не хочет сообщать).

(Семейные хроники требуют внимания к четкому определению степеней родства; желательно построение генеалогического дерева, что требует минимального обучения).

в) Постулат **ценности “истории жизни”**. Конечно, хорошо, если инициатором фиксации “воспоминаний о жизни” выступает близкий носителю биографической информации человек, младшие члены семьи или профессионал-исследователь. Однако пусть даже человека (обычно это человек пожилой) никто к этому особенно не побуждал — он должен “убедить себя” или принять a priori, что его жизненная история (семейная хроника) нужна, что она может быть **востребована** не сегодня, так завтра, близкими или далекими, знакомыми или не знакомыми ему людьми.

Допустим, “заказчика” на АП (СХ) сегодня нет. Можно в таком случае посоветовать всякому, особенно — человеку в преклонном возрасте, поискать и своевременно назначить своего “душеприказчика” — такого, которому он

может “оставить” писаную историю своей жизни (а тот — сохранит) или рассказать (а тот — запишет и т.д.). Также желателен выбор конкретного “душеприказчика” и для личного архива, даже — совсем небольшого. (И это вовсе не обязательно должен быть наследник имущества, материальных ценностей).

Вообще, АП и СХ являются интеллектуальной собственностью, заслуживающей “наследования”. Пусть для этого нет юридических, но вполне возможны культурные, нравственные регламенты.

11. Нашу постановку вопроса о сбережении памяти можно было бы иллюстрировать множеством примеров, имея в виду прежде всего деятелей науки и культуры. Архивы некоторых из них (включая дневниковое, эпистолярное наследие), в силу разных исторических и личных обстоятельств, порой бывали безвозвратно утеряны. Но немало и счастливых примеров, когда личный архив (а не только опубликованные мемуары!) сохранился и сберегается в полном объеме и порядке.

Последнее чаще имеет место, когда сам человек, хоть как-то, позаботился (имел возможность позаботиться) об этом, а его родственники, друзья, ученики, реже — государство, в свою очередь, приложили к тому старания. Здесь стоит заметить, что иногда усилия частных лиц по сохранению конкретных личных архивов оказывается поистине героическими.

Подчеркнем однако, еще раз, что сбережения заслуживает память о **любом** человеке, а не только об “исторических личностях”! И простейшим и универсальным способом сохранения памяти оказывается написанное самим человеком **жизнеописание** (или — зафиксированный техническими средствами биографический рассказ, или хотя бы конспективная запись, вручную, с его слов). Хорошо, если кроме “живой памяти” при этом использовались также и иные источники.

12. Для того, чтобы сами по себе АП и СХ стали **нормой** нашего культурного обихода, нужна работа по научению и пропаганде “биографической деятельности”. Ныне в популярной литературе наблюдается бум “учебников жизни”: как строить отношения в семье, на работе и т.д., как “достичь успеха” в жизни, и т.п. Но отсутствует практика наставлений, как сделать память о себе (и других людях) культурным достоянием (не обязательно — всеобщим, пусть ограниченным рамками семьи в нескольких поколениях; чтобы осталось от человека не только посаженное дерево или надпись на могильной плите).

13. Обратимся к вопросу об **эффектах** автобиографического повествования (семейной хроники).

Одна группа эффектов уже была обозначена выше, назовем их **культурными**: сбережение памяти о конкретном человеке (людях, роде) , прежде всего — в семье, как той клеточке общественного организма, где эта память в принципе имеет наибольший шанс сохраниться (а биографический или хроникальный документ стать семейной реликвией, наряду с обычно сберегаемыми, но редко датируемыми фотографиями).

Другая группа эффектов — **воспитательные**. “Истории жизни” и “биографии семей” — не дидактический материал. Но “доподлинное”, воплощенное в них знание о жизненных путях старших (включая тех, кого младшие “не застали”) несет в себе мощный воспитательный заряд. И это “педагогическое” воздействие может оказаться куда более эффективным, чем

навязчивые попытки со стороны старших научить молодых — “как жить” (от которых те зачастую — и порой справедливо! — отмахиваются).

И третья группа. Это — такие эффекты АП (СХ), которые не всегда замечаются, но почти всегда присутствуют: эффекты **ауторефлексивные**. Всякий человек рано или поздно (и не однажды на протяжении жизненного пути!) задумывается о собственной жизни. Один — с горечью или тревогой, другой — с “сознанием исполненного долга”, третий — для того, чтобы “себя понять” или решить “как жить дальше”, четвертый — сравнивая свой жизненный путь с судьбами других членов рода.

14. О последней (третьей) группе эффектов — чуть подробнее. Жизненная ауторефлексия может быть не спонтанной, не ситуационной, не подспудной, а — систематической, универсальной и осознанной. И “история собственной жизни” есть повод, или основание, или стимул — для “размышления о жизни”.

При этом у автобиографического нарратива часто возникает особый, **психотерапевтический** эффект. Ибо в итоге “воспоминаний о жизни”, человек, как правило, имеет возможность убедиться, что все же “не зря жил” (или “не зря живет”); а если не все в жизни “удалось” (“удается”), то, оказывается, он сделал (делает), “что мог” (“что может”)... Сожаление же об утраченных возможностях, будучи “выговорено”, меньше бередит душу.

(Конечно, возможна и обратная ситуация: “...и с отвращением читая жизнь мою...”. Поэтому, при отсутствии живого собеседника, может быть, лучше ограничиться “сухим” изложением фактов).

Так или иначе, особенно в пожилом возрасте, особенно при побуждении со стороны — не к импульсивному (и обычно истирающемуся из памяти слушателей) воспоминанию, — автобиографическое повествование (семейная хроника), тем более при уверенности в том, что оно будет востребовано, может стать смысложизненным занятием, поддерживающим жизненные силы и даже “целительным” лучше иных лекарств.

15. Как видно, наша постановка вопроса выводит субъекта биографического нарратива или семейной хроники из положения объекта или — “всего лишь”! — источника информации, для культурно-исторических, социологических и т.д. штудий. Последняя цель, конечно, существенна. Но не следует забывать о **самоценности** АП (СХ), как одного из способов самовыражения, самопознания и самоутверждения личности.

16. Итак, не для того лишь нужны “истории жизни” и “биографии семей”, чтобы их потом анализировать и обобщать (“реконструировать эпоху”, познавать ее “в человеческом измерении” и т.п.). Жизнеописание (иногда вырастающее в “размышление о жизни”) есть шанс для всякого человека продлить “себя” (или “себя и других” — для случая СХ) — если не в веках, то в десятилетиях — в памяти индивидуальной, семейной, коллективной.

Это — простейшая, самая доступная (доступная практически каждому, хотя иным людям — нужна помощь, причем не обязательно профессиональная) форма кристаллизации жизненного опыта и жизненного самоотчета (имея в виду АП).

17. Естествоиспытатель и краевед С. Н. Поршняков (1889-1982), именем которого назван краеведческий музей в г. Боровичи (Новгородская обл.), формулировал в своем “духовном завещании”, писанном в 1942 г., такую заповедь: “Умение **итожить опыт своей жизни —** по периодам и этапам (говоря языком исследователей — умение **“камеральничать”**)...” [4].

Если жизнь человека сравнить с исследованием (каковым она в ряде отношений и является), то автобиографическое повествование может рассматриваться как способ подведения “промежуточных” или “предварительных” жизненных итогов. А это необходимо и самому человеку, и тем, кто “придет на смену”. И ценность таких повествований не уменьшается, а прирастает с ходом времени.

18. В заключение, повторим однажды сказанное: “человек — это прежде всего его собственная жизнь...”. **А история жизни** (автобиографическое повествование, семейная хроника) есть не просто ее (жизни) конспективное отображение, но и особый способ отложенной во времени коммуникации поколений и духовного преодоления природных границ индивидуального человеческого бытия.

* * *

Автор этих строк убежден, что письменная “эстафета памяти” (“память до востребования”) нуждается в осмыслении: и как культурная задача общества, и как нравственный императив личности.

Литература

1. А. Н. Алексеев. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: СПбФ ИС РАН, 1997, с. 292-294.

2. А. Н. Алексеев. Фамильная ценность и семейная память (к постановке вопроса) / Дом человека (экология социально-антропологических процессов). СПб, 1998, с. 55-57.

3. Ч. Миллс. Социологическое воображение. М.: Стратегия, 1998, с. 16.

4. С. Н. Поршняков. Завещание (то, чего желаю в жизни вам — из достигнутого и недостигнутого мною за 55 лет моей жизни). 1942. (Рукопись; хранится в архиве Ю. А. Щеголева).

А. Алексеев, ноябрь 2000 — февраль 2001

***

ALDOKE3A

Папка 1.3. Май – июнь 2006

В том числе:

(todoct12.doc)

Письмо Б. Докторова А. Алексееву (12-а)

26.04.2006

Андрей, твои заметки *(имеется в виду “Эстафета памяти...” см. в конце aldoke2. — А. А.)* опубликованы в разделе Comments, в разделе Articles можно прочесть "Новосибирский манифест" Т.И. Заславской.

Всего наилучшего, Боря

***

Письмо Б. Докторова А. Алексееву (12-б)

25.04.2006

Андрей, в ответ на твой запрос высылаю кратенькое эссе, призывающее вспоминать сегодня.

Боря

Б.Докторов Вспоминайте сами, не ждите, пока вас будут вспоминать...

(Текст для Всероссийской научной конференции «Социологические методы в современнной исследовательской практике», посвященной памяти А.О.Крыштановского. ГУ-ВШЭ, Москва, 14-15 апреля 2006 г.)

За последние годы мы потеряли трех наших коллег и друзей, активно и плодотворно занимавшихся социологическими методами познания. Геннадий Батыгин, Валерий Голофаст, Александр Крыштановский... Каждый из них был профессионалом, каждый был личностью. Те, кто их знал, всегда будут ощущать потерю каждого. Я говорю это и о себе...

Пока мы помним тех, кого нет с нами, они для нас живы...и хорошо, что теперь в обществе и в нашем социологическом сообществе появились возможности для того, чтобы сделать хоть что-то в память наших друзей.

Летом 2005 года коллеги Геннадия Батыгина завершили начатый им труд и издали книгу «Социальные науки в постсоветской России». Перечень редакторов книги открывается его именем. В конце того года стараниями многих в Петербурге вышла книга Валерия Голофаста «Семья в крупном городе», в свое время не увидевшая свет. Публикация книги Александра Крыштановского «Анализ социологических данных» и эта конференция, посвященная ему, пример того же рода – сохранить в коллективной памяти российских социологов дело и личностные качества наших ушедших коллег.

Но, думается, мы можем и должны сделать больше...То, что хранится в нашем сознании и в наших душах....это не история...но это может стать историей, если будет написано, издано и станет частью материальной культуры.

Геннадий Батыгин раньше многих других осознал ценность и важность фиксации воспоминаний социологов о том, как начиналась наша наука, как люди приходили в нее, что им удалось сделать, что из задуманного реализовать не удалось. Сейчас трудно представить нашу науку без книги «Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах», рожденной его стараниями. Откройте ее, и вы услышите голоса многих, в том числе и тех, кого уже нет в живых. Хорошо, что «Социологический журнал» продолжает это начинание Батыгина. Недавно в питерском журнале «Телескоп» создана рубрика «Современная история российской социологии». В ней публикуются интервью с действующими социологами, документы о прошлом, другие материалы, относящиеся к нашей современности.

Возможно, и журнал «4М» мог бы внести существенный вклад в написание истории российской/советской социологии. Ведь многое из того, что делалось в области методологии и методов социологических исследований, тоже требует исторического осмысления. Надо рассказывать и о людях, разрабатывавших эти проблемы...

Марк Твен говорил, что человек, не читающий книги, подобен тому, кто не умеет читать. Аналогично, человек, не вспоминающий, подобен тому, кому нечего

вспоминать. Нам есть что вспоминать. Мы должны сами вспоминать. Не надо ждать, когда нас будут вспоминать...

5 марта 2006 г.

***

Письмо А. Алексеева Б. Докторову. Копия — Л. Кесельману (12)

3 мая 2006 г. (среда)

Дорогой Борис!

Вчера отправил тебе файл todoct11.doc. От тебя нашел в ящике две записки с приложением текста "Вспоминайте сами...". То есть без письма.

Однако на скупость нынешних твоих почтовых отправлений нисколько не пеняю, открыв ваш с Д. Шалиным сайт. Поработали вы, однако, в поте лица...

За прошедшую неделю сайт развивался не только как "идея", а именно как "онлайновое существо" (пользуясь твоим выражением). Прибавились там не только мои заметки о Вашем проекте или "Новосибирский манифест" Т. Заславской... Чисто количественно сайт за эту неделю вырос в несколько раз! Прямо экспонента...

(Пожалуй, если не к этому, то к следующему своему письму я приложу текст Вашего "флага" и "оглавления" (или как это называется профессионально?, по состоянию, скажем, на 2.05.2006. Вы ведь не фиксируете (по крайней мере для пользователей...) хронологическую эволюцию сайта. У меня же, по крайней мере в распечатках, сохранилось его "оглавления" за 13.04, 21.04, и вот — 2.05).

Итак, на сегодня уже **48** персоналий в разделе "Интервью", **7** — в "Мемуарах", 14 позиций в разделе "Статьи. История социологии" и 13 — в разделе "Статьи. Биографический метод". (Еще: "Приложения" — 2; "Свидетельства" — 6; "Комментарии — 4).

Вы сумели перенести на сайт все биографические интервью из "Российской социологии шестидесятых годов в воспоминаниях и документах", практически все релевантные тексты из "Социологического журнала", почти все "юбилейные" интервью из "Журнала социологии и социальной антропологии" (почему-то не хватает С. Голода, который там, помнится, в этом качестве в свое время фигурировал...). PDF-овская версия Материалов конференции 1994, посвященной ленинградской социологической школе, здесь также очень кстати.

С разбиением "статей" на "Историю социологии" и "Биографический метод" устранилась "эклектика", отмечавшаяся мною в одном из писем. (Вообще, я не успеваю отследить, где вы учитывали мои "замечания", а где изменения хронологически этим замечаниям предшествовали, только я о состоявшихся изменениях еще не знал...).

Правда, в названии "нового американо-российского" проекта "Международная Биографическая Инициатива" (как он сокращенно обозначен в русском тексте на сайте, по состоянию на 2.05.06) не хватает какого-то указания на "историю российской социологии" (как это заявлено в английском тексте). Нужно, вероятно, подумать, как отразить в одном названии обе составляющих проекта.

По-прежнему остается неопределенность с библиографической привязкой некоторых интервью к "Социологическому журналу" (год, номер). Эту небрежность надо бы исправить.

Я. конечно, рад и благодарю за включение в ваш сайт PDF-овской версии первых двух томов моей книги (путем link'а с сайтом Киевского международного института социологии). Как мне известно, скоро на украинском сайте будут вывешены также третий и четвертый тома. Когда это случится, я тебе сообщу.

Правда, меня удивил перевод на английский названия книги: "Драматическая социология и социологическая ауторефлексия" — это вовсе не "Dramaturgic Sociology and Self-reflection". Дело еще в том, что, по крайней мере, у англоязычного читателя

могут возникнуть ассоциации с “драматургической социологией” Гофмана, для чего мое сочинение оснований никак не дает. Правильнее, мне кажется, переводить “Dramatic (или dramatical) sociology...”

Вообще, мой собственный перевод звучал бы так: **“Dramatic Sociology and Sociological Self-Reflection”.** Хорошо бы поправить (если, конечно, нет в таком переводе не улавливаемых мною англоязычных нюансов...).

Надеюсь, вам удастся вывесить на сайте курс лекций по истории советской социологии Фирсова (кстати, активно использующего там материалы биографических интервью с шестидесятниками). Очень хотелось бы увидеть на этом же сайте уже вышедшие социолого-исторические тома Грушина. (Неужели нет у них pdf-овских версий, для которых никакие таблицы и прочие графические особенности не помеха?)

Еще одно соображение по дальнейшему развитию Вашего проекта. Вот биографическое интервью или “мемуар” — это когда человек рассказывает о себе **сам**. А когда рассказывают **о нем**? К сожалению, чаще всего это бывает после смерти. Но и некрологи — ценнейший материал для Вашего проекта. Вот, ты отдал долг памяти Якову Капелюшу... Но только среди бывших участников грушинского проекта уже нет также Тамары Дридзе, Вадима Сазонова (называю лишь тех, кого я лично знал, кстати, и Якова тоже; Тамара же была, как ты, возможно, помнишь, даже одним из адресатов “писем” социолога-рабочего).

Хорошо бы материалы об ушедших раскопать, хотя бы в виде некрологов. После смерти Тамары (2000 г.) ее сотрудники регулярно проводят Дридзевские чтения. А в прошлом году провели большую конференцию ее памяти, кстати, опубликовав к открытию ее “научную биографию”.

Ты, конечно, знаешь о замечательной книге под названием “Социологический калейдоскоп”, посвященной памяти Леонида Гордона, созданной Клоповым, Назимовой и Дилигенским (последнего не стало еще до выхода книги). Ты сам в этом томе участвовал со своими воспоминаниями о Л. А. Свое биографическое интервью Леонид, по счастью, успел оставить. Но вот случай, когда можно без особых усилий представить одного из самых ярких и выдающихся акторов российской социологии одновременно в его самовосприятии и в восприятии других.

С учетом сказанного тобой в твоем эссе об ушедших Батыгине, Голофасте и Крыштановском, я вряд ли сообщаю или предлагаю тебе нечто, о чем ты сам не думал.

И еще: я лично не держал в руках, но, насколько знаю, в 90-х гг. издавался “Биографический словарь” российских (советских...) социологов. Неплохо было бы и его электронную версию добыть...

Даже просто “Указатель имен” и “Справки об авторах” из тома “Российская социология шестидесятых...” были бы очень кстати на Вашем сайте.

И еще: не хватает пока на этом сайте материалов о социологах ближнего Зарубежья (украинских, эстонских, литовских и т. д.).

Я понимаю, что “задаю” Вам новую и новую работу... Но Вы с Димой уже показади себя “людьми увлекающимися”, виртуальные связи у тебя все, думаю, налажены, к тому же отказа в своих запросах Вы, как я могу предположить, не получали и не получите. Эффект “Тома Сойера, который красил забор” действует! К сожалению, я не в силах помочь тебе организационно, но хоть идейно...

(Впрочем, опять же не удивлюсь, открыв сайт через неделю, если увижу некоторые свои рекомендации уже выполненными, и даже до того, как они к тебе поступят. Этакое “телепатическое” созвучие...).

Пока все. Это письмо я отправлю в пятницу, 5 мая. До тех пор пополнить его фрагментом для собственного биографического интервью я явно не успею. Да и ты, по слухам, скоро улетишь в Тюмень...

Твой Андр. Ал.

P. S. Еще посылаю тебе большой файл aldoke2a.doc, включающий продолжение общего свода нашей переписки (начиная с todoct8 по todoct11

включительно, с минимальными, оговаривавшимися мною в свое время купюрами). Предыдущий файл aldoke1a.doc у тебя есть. А. А.

P. P. S. Вот возникает необходимость согласовать с тобой свои действия по “распространению” нашей переписки. До сих пор, с ней были знакомы (имели к ней доступ...): Леня Кесельман, Алла Родионова и Маша Мацкевич.

Сводя всю нашу переписку воедино в хронологической последовательности в файлы aldoke1a.doc и aldoke2a.doc, я счел необходимым сделать там некоторые купюры, по своему разумению (ты их, наверное, помнишь, поскольку в письмах я сразу оговаривал...).

Сейчас у меня предполагается установление прямой электронной связи с моим ближайшим другом (он также один из главных действующих лиц и соавторов “Драматической социологии”) — киевским социологом Романом Ленчовским. (Стоит еще заметить, что он специализируется на “устной истории” и на биографических методах. Так что я, разумеется, адресовал его и на Ваш сайт)

Так вот, я не спросясь у тебя, с учетом нашего прежнего обмена мнениями на эту тему, отправил ему aldoke1a.doc и aldoke2a.doc, правда, без права “дальнейшего распространения”. Полагаю, ты меня за это не осудишь. Возможно, я установлю такую же прямую электронную связь со своими близкими друзьями из Вильнюса (Анри Кетегатом и Сергеем Рапопортом). Пошлю и им те же файлы, на тех же условиях.

Примерно так я поступал четверть века назад с “Письмами Любимым женщинам”...

Вопрос к тебе: можно ли дать им (моим или твоим друзьям, многие из них, понятно, общие...) свободу показывать эту переписку уже собственным друзьям, т. е. как бы бесконтрольно для нас с тобой? В том, что касается моих писем у меня к этому противопоказаний нет. А у тебя — в отношении своих? Ответь на эту тему, пожалуйста.

На будущее. Я вполне допускаю в нашей переписке и конфиденциальные (entre noux...) моменты. Со своей стороны, я их оговориваю. Оговаривай и ты, коли таковые есть или будут. Все же остальное может иметь, как я считаю, бесконтрольное (для нас...) хождение. Другое дело — нужно ли оно кому-либо, кроме близких друзей? Но мы, во всяком случае, сделав необходимые купюры, можем в это дело дальше не вникать. Согласен ли ты с такой постановкой вопроса?

Вдруг что-то “неуместное” проникло в мои файлы aldoke1a.doc и aldoke2a.doc,.. Не думаю, что тебе следует их под этим углом зрения специально просматривать. Но если хоть тень сомнения есть, перелистай их. И сообщи, чтобы я впредь оттуда исключил.

Я уже говорил как-то, что ценю процесс нашей переписки больше, чем возможный конечный продукт (биографическое интервью и т. п.). Сам же наш диалог может рассматриваться также и как некий “сырой продукт” (интересный, как минимум, друзьям).

Обнимаю!
Тв. Андр. Ал.
4.05.2006

***

(todoct13.doc)

Письмо Б. Докторова А. Алексееву (13)

09.05.2006

Андрей, снова после многих лет завершения театрального проекта мы работаем вместе. И я, и Дима очень ценим твое решение поддержать наш проект и участвовать в нем. Спасибо.

Уезжая в Тюмень до 24 мая, я хочу написать, что сайт развивается. Ты найдешь на нем новые материалы Гилинского и Шереги, текст Петренко и Мансурова, новое (старое) интервью Батыгина, данное В. Бакштановскому. Есть рекомендованный тобою (мы не знали) материал Батыгина и Градосельской. Ух, марока... Размещен твой текст «Эстафета памяти» и нарощены записки по истории в лицах.

Есть у Димы план поспрашивать социологов по ряду проблем… посему в нижней части сайта появились вопросы…

Мне кажется, что у тебя есть в запасе два моих вопроса. Серия вопросительных суждений о генезисе драматической социологии и вопрос о твоем архиве свободной прессы и самиздата.

Не мог бы ты специально для сайта сделать подборку–две документов по твоей теме, из «Драматической социологии...»? Тематика тебе виднее. Каждой подборке можно предпослать текст.

Время летит быстро. Но если что-то возникнет оперативное по сайту, пиши Диме shalin@unlv.nevada.edu Ему трудно писать по-русски, нет соответствующей клавиатуры, но читать – нет проблем.

Всего наилучшего, Боря

* * *

Информационное письмо Б. Докторова и Д. Шалина о проекте IBI

2 Мая 2006 г.

Уважаемые коллеги!

Сообщаем Вам об открытии американо-российского онлайнового Проекта "Международная биографическая инициатива" (МБИ), посвященного истории российской социологии постхрущевского периода и методологии биографического метода. На нашем сайте вы найдете несколько десятков интервью и текстов автобиографического характера, отражающих творческий путь ведущих российских социологов, а также множество статей и дискуссионных материалов по тематике Проекта. Все названные материалы размещены на сайте Центра демократической культуры - ***http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html***. *Мы будем благодарны Вам за замечания и предложения, а также материалы, которые могли бы быть размещены на нашем сайте.*

Смотри приложение.

С уважением,

руководители Проекта МБИ

профессор Борис Докторов (bdoktorov@inbox.ru)

профессор Дмитрий Шалин (shalin@unlv.nevada.edu)

May 2, 2006

Dear Colleagues:

We would like to bring to your attention the Russian-American internet project - International Biography Initiative (IBI). The project is designed to facilitate the development of biographical methods and the study of intellectual movements in the post-Khrushchev era. The site features several dozens of interviews and biographical materials from leading

Russian social scientists, as well as articles, documents, and comments related to the project. You can find these materials on the web site of the UNLV Center for Democratic Culture (CDC):

http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html

We will be grateful for your comments on the IBI project and your contributions that can be placed on the CDC web site.

See the attachement

Respectfully,

Professor Boris Doktorov (bdoktorov@inbox.ru)

Professor Dmitri Shalin (shalin@unlv.nevada.edu)

IBI Project Co-directors

***

А. Алексеев — Б. Докторову. Копия — Л. Кесельману; Р. Ленчовскому (13)

19.05.2006, пятница

Здравствуй, Борис!

Зная, что до 24 мая ты в отъезде, я не спешил с ответом тебе. У нас на работе возникли, надеюсь, временные проблемы с электронной связью. Поэтому очень прошу дублировать нашу переписку также и на электронный адрес Аллы Родионовой.

Что я имею тебе сообщить?

Я, разумеется, слежу за Вашим сайтом и даже пытаюсь “фотографировать” его последовательные состояния, чего Вы сами — не знаю, делаете или нет. (по крайней мере, даты установки на сайте новых рубрик или вывешивания очередных материалов я там пока не нахожу). Между тем, исторически важен не только накопленный итог Вашей деятельности на всякий данный момент, т. е. не только результат, но и процесс этой деятельности, который сам по себе заслуживает описания. Так что уж не усложняйте задачу будущим историкам Вашего проекта.

Чтобы не заниматься голым назиданием, прилагаю два моментных “среза” Вашего сайта, с интервалом — месяц: от 13 апреля и от 15 мая 2006 г. *(См. ниже, приложения 1 и 2. — А. А.)*. (А всему этому российско-американскому проекту, как я понимаю, еще и двух месяцев не исполнилось; к сожалению, самую раннюю версию — начало апреля? — я в свое время не переписал...).

(...Но зато можно уже обратиться к твоему собственному письму от 5 апреля, **как к документу**! Вот цитата из него:

> “...Дима Шалин, профессор Университета Невады в Лас-Вегасе, - заметная фигура в американской социологии и кроме того занимается Россией..его интересует методология биографий сама по себе и применительно к России – в частности...
>
> У него есть сайт (http://www.unlv.edu/centers/cdclv/mission/index2.html) - на главной странице его фото с Бродским.
>
> В конце марта у Димы возникла идея разместить мои интервью и относящиеся к истории российской социологии публикации из Телескопа, на этом сайте. Сказано, начали делать.
>
> Вызвал http://www.unlv.edu/centers/cdclv/mission/index2.html ? Посмотри левый столбец открывшейся страницы, найди строчку International, нажми это слово. Откроется другая страница: International Programs offered by CDC. Чуть ниже расположен раздел History of Russian Sociology Project.

Дима разместил на сайте сообщение о моей работе и были положены первые тексты: Vladimir Yadov, Boris Firsov, Yakov Gilinsky, Boris Doktorov, Elena Smirnova, Leonid Keselman, Roman Mogilevsky, Aleksandr Oslon, Georgy Satarov.

Там же есть материалы: Doktorov on the project's history, Shalin's comments on the interviews, Bozhkov and Protasenko on the Golofast Affair, Doktorov on the Firsov Affair.

Это все – начало...Во что это выльется? Никто не знает. Мы оба с Димой «заводные» и потому трудно сказать, что придумаем. Может и ничего... а может и чего...

Хочу попросить тебя прочесть текст Шалина Shalin's comments on the interviews и прокомментировать сказанное. Мы собираемся уже в ближайшее время вывесить начало дискуссии по биографическому интервью...писать, естественно, можно по-русски...”

Как видно, в начале апреля было на сайте — в рубрике “история российской социологии” — порядка дюжины материалов (см. выше). Потом твоя “история” объединилась с “биографической инициативой” самого Д. Ш. И, при эскалации Вашей обоюдной активности, менее чем за 2 масяца сайт разросся до размеров свыше 100 позиций. (Уж в мегабайтах масштабы Вашего роста считайте сами...).

Далее. Благодарю за наделение меня официальным статусом консультанта американо-российского проекта **IBI**. Оно, глядишь, и пригодится для какой-нибудь очередной аттестации... Пожалуй, я этот Ваш аванс пока отрабатываю.

Я поинтересовался у другого консультанта — Бориса Фирсова, располагает ли он электронной версией своих лекций по истории советской социологии. Похоже, что pdf-вской версии (вроде моей “Драматической социологии...” 2003 г. или костюшевского сборника 1994 г. о “ленинградской социологической школе”) у него нет (что огорчительно...). Но какая-то версия у Б. Ф. есть и — я не понял, то ли он ждет твоего специального запроса для ее отправки, то ли испытывает с отправкой какие-то затруднения. Так или иначе, это проблема решаемая.

А вот еще мемуары о Леониде Гордоне (из книги “Социологический калейдоскоп”, 2003; тут надо связываться с Аллой Назимовой), да два последних грушинских тома (кстати, очень мало доступные в Питере) хорошо бы вывесить... Кажется, уже писал об этом.

4 мая на polit.ru в рубрике “Передовая наука” колонки “Событий” (т. е. не просто “Новостей”, а важных, особо выделенных событий) появилась объемная подборка материалов “Три дня из жизни В. А. Ядова” (посвященная его 77-летию). Думаю, это могло бы представить интерес для Вашего сайта. (http://www/polit.ru/science/2006/05/04/jadovsob/html)

Еще напомню, что 7 лет назад по случаю ядовского тогда еще 70-летия вышел небольшой спец. выпуск “Социологического журнала” (1999) с биографией Ядова и “рассказами о Ядове” Фирсова, Поповой, Шляпентоха, Шубкина, Шанина, Батыгина и Кона. Это издание, возможно, прошло мимо тебя. Надеюсь, его электронная версия сохранилась в архиве журнала.

...17 мая исполнилось бы 60 лет Галине Старовойтовой. По этому случаю в Питере состоялось открытие памятного знака (по существу — монумента...) в ранее безымянном сквере на углу Суворовского пр. и ул Моисеенко, который теперь будет носить имя Галины. С участием всякого высокого начальства (Матвиенко и Ко), которое тоже “пахало”, хоть пахала-то в основном Ольга Старовойтова.

Эта “младшая сестра” вообще давно вызывает у меня восхищение. Мое ей “объяснение в любви”, а особенно — ее собственные заметки см. в томе 4 “Драматической социологии...” (приложения к главе 22). Уже 6-й конкурс молодых социологов проведен памяти Г. С. “Галатея” (с обязательным изданием ежегодных сборников). Функционирует Музей Г. Старовойтовой на Морской. Ежегодные встречи в ноябре на кладбище в Александро-Невской лавре уже давно стали знаковым, и не

только питерским событием. Усилиями Фонда им. Г. Старовойтовой, возглавляемого Ольгой, изданы разнообразные труды и сборники памяти Г. С. Книжка “Галина Старовойтова — продолжение жизни”, изданная Л. Кесельманом и О. Старовойтовой, тебе, конечно, известна. Уж не говорю о продолжающемся суде над убийцами Галины, где Ольга представляет сторону потерпевших.

Думаю, было бы очень уместно отразить пусть не политическую, а историко-научную и биографическую Старовойтовскую тему на Вашем сайте. Материалов — более чем достаточно. Наверняка есть электронные версии у Ольги. Как связаться с нею, ты, я думаю, знаешь.

То же я бы посоветовал предпринять и в отношении памяти Николая Гиренко. Здесь полезнее всего обратиться к А. Винникову или В. Узуновой.

А для начала — просто порыскать по соответствующим именным или тематическим сайтам (как Г. Старовойтовой, так и Н. Гиренко...).

Ну вот, видишь сколько “рекомендаций”! К сожалению, я не смогу сам претворять их в жизнь, при моей слабой компьютерной базе и бедном опыте виртуального общения. Т. е. полезен я могу быть только “идейно”, но не организационно или технологически.

Теперь, откликаюсь на твое предложение о подборках из “Драматической социологии и социологической ауторефлексии”. Я их сделал две:

— Из материалов андерграундного экспертно-прогностического исследования рубежа 1970-80-х гг. (“Ожидаете ли Вы перемен?”), и

— Извлечения из “дела социолога-рабочего” (1984-1987).

См. в файлах todoc13a и todoc13b. *(См. ниже. — А. А.).*

Каждая подборка — по 1 печ. листу, примерно. Мне кажется, обе отвечают задачам и жанру Вашего сайта. И вот что я еще надумал:

= Нельзя ли обе эти подборки (желательно, в тандеме) предложить не только для сайта, а и в твою историко-социологическую рубрику “Телескопа”?

...Конечно, это существенно отодвинет публикацию моего интервью. Но ведь мы все равно решили с ним не спешить... Да и, признаться, эти явно не лишенные исторического значения документы мне представляются сегодня более заслуживающими общественного внимания, чем очередная рефлексия “о себе во времени” и о “времени в себе”.

Интервью, как таковое, я доведу до конца. И пусть отлежится, если мы в нем сами не разочаруемся... А вот эти подборки просятся к оперативной “историко-науковедческой” публикации.

Надо сказать, что мое “четырехкнижие” все же мало кому попало (попадет...) в руки. Вместе с тем, оба эти сюжета (и “Ожидаете ли Вы перемен?”, и “дело социолога-рабочего”) успели обрасти легендами и заслуживают прояснения. В частности, во втором сюжете я придаю особенное значение заключающей его теме “гражданской защиты” (письмо Роману Ленчовскому; посмотри — сколько там имен!). Хорошо бы этому не остаться “похороненным” в многостраничном томе...

Может быть, ты, как обычно в своей “телескопической” рубрике, написал бы краткую вводную: ну, что вот, мол, вышли тома 3 и 4 “Драматической социологии и социологической ауторефлексии”, и т. п. После двух заведомо приветственных рецензий на первые два тома в журналах “Нева” и “Новое литературное обозрение” и одной отчасти скандальной — в “Социологическом журнале” (все три, кстати, включены в состав заключительных томов: т. 3, с. 83-86; т. 4, с. 122-133 и с. 210-212), я иной “рекламы” и не хотел бы.

Ну, что ты скажешь насчет моего предложения?

(Разумеется, в журнале надо будет исключить присутствующие в тексте подборок ссылки на сайт).

...Насчет наших институтских новостей, о которых — не знаю, поступает ли к тебе информация из каких-либо других источников.

— Предстоящее, вроде бы существенное, увеличение зарплаты научных сотрудников будет сочетаться с существенным же сокращением штатов.

— Избежав, вроде бы благополучно, ликвидации в связи с реорганизацией РАН, наш институт, вроде бы случайно, выпал из какого-то правительственного списка на финансирование учреждений РАН.

— После избрания на Отделении общественных наук РАН и утверждения на Президиуме Академии чл.-корра РАН И. И. Елисеевой директором Социологического института, 18 мая состоялось общее собрание научного коллектива института, где был избран новый ученый совет СИ РАН из 17 чел., в составе:

Елисеева (пред.), Быстрова (уч. секр.), Алексеев, Браславский, Бурмыкина, Гилинский, Гольберт, Иванова, Каныгин, Клецин, Козловский, Корнев, Костюковский, Муздыбаев, Русинова, Скворцов, Травин.

Выдвигавшиеся Дука, Цепилова, Голод и некоторые др., по итогам тайного голосования, в совет не прошли.

За последние пару недель с докладами на соответствующих семинарах выступали Леня Кесельман (про украино-, белорусо- и израиле-российские отношения в отражении социального сознания), приезжавшая в Питер Инна Рывкина (про “социальные болезни современной России”, а точнее — про “системную дисфункцию” российского общества), а также еще один московский гость — бывший советник российского президента Андрей Илларионов (которого я исключительно высоко ценю...).

Пожалуй, на этом я остановлюсь. См. также прикрепленные файлы todoc13a и todoc13b.

Обнимаю. Мой поклон твоим домочадцам, особенно — Люсе. Привет и поклон — Диме Шалину.

Тв. Андр. Алексеев

21.05.2006

***

Приложение 1:

Содержание IBI, по состоянию на 11.05.2006 (13)

http://www.unlv.edu/centers/cdclv/mission/index2.html (открыть рубрику International)

или:

http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html.

The **INTERNATIONAL BIOGRAPHY INITIATIVE** features interviews and autobiographical materials collected from scholars who participated in the intellectual movements spurred by the Nikita Khrushchev's liberalization campaign. We plan to place on the CDC web site written, and where possible, audio versions of the interviews. The materials are posted as they become available, in the language of the original, with the translations planned for the future. Dr. **Boris Doktorov** (bdoktorov@inbox.ru) and **Dmitri Shalin** (shalin@unlv.nevada.edu) are project co-directors. Dr. **Boris Firsov**, firsov@eu.spb.ru, serves as a consultant for the History of Russian Sociology portion of this project, and Dr. **Andrei Alekseev**, alexeev34@yandex.ru , is a consulstant for the Biographical Method materials. The

UNLV Center for Democratic Culture is grateful to the editors of the magazines Teleskop, Sotsiologicheskii Zhurnal, and Zhurnal Sociologii i Socialnoi Antropologii where many of these materials first appeared for their permission to reproduce the interviews. We owe a special debt of gratitude to Dr. **Larissa Kozlova**, batygin@isras.ru, and Dr. **Natalia Mazlumyanova**, mazlumyanova@list.ru, who serve as editorial consultants and provide scholarly assistance with this project. We wish to thank all our colleagues who have found time to share their memories, shown good faith, and demonstrated their willingness to expand the room for the honest difference of opinion. The materials below are divided into several sections: Interviews, Memoirs, Documents, Supplements, Testimonies, Comments, and Articles.

* **МЕЖДУНАРОДНАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА (IBI)** это новый американо-российский проект, посвященный истории российской социологии постхрущевского периода и методологии биографического метода. Две эти темы в последние годы привлекают значительное внимание социологов, и мы надеемся, что IBI будет способствовать изучению истории российской социологии и разработке методологии биографического метода во всех его аспектах. Сайт – англо-русский, но большая часть представленных текстов написана по-русски. В будущем мы надеемся переводить материалы, написанные по-русски, на английский язык и англоязычные тексты – на русский. Думаем, что вскоре и социологи из других стран смогут принять участие в проекте и предложат для нашего сайта свои воспоминания и результаты исследований о постхрущевском периоде российской социологии. Предполагается также размещать на сайте звукозаписи интервью и фотографии. Собранные к настоящему времени материалы представлены следующими рубриками: Интервью, Воспоминания, Документы, Дополнения, Комментарии и Статьи. В них вы найдете несколько десятков интервью, мемуаров и автобиографических заметок известных российских социологов, а также множество статей и материалов документального характера. Предлагаем вам ознакомиться с содержанием сайта и высказать свое мнение о проекте IBI. Будем признательны всем за замечания и предложения, а также за материалы биографического и методологического характера, присылаемые для размещения на сайте. С вопросами о проекте и возможностях сотрудничества, пожалуйста, обращайтесь к руководителям проекта профессору **Борису Докторову** (bdoktorov@inbox.ru) и профессору **Дмитрию Шалину** (shalin@unlv.nevada.edu). Профессор **Борис Фирсов**, firsov@eu.spb.ru, консультирует часть данного проекта, связанную с историей социологии в России, и кандидат философских наук **Андрей Алексеев**, alexeev34@yandex.ru, консультирует материалы по биографическому методу.

Многие из наших онлайновых публикаций стали возможными благодаря помощи московского «Социологического журнала» и петербургских изданий: «Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев» и «Журнал социологии и социальной антропологии». Мы признательны редакторам названных журналов за разрешение разместить их материалы на нашем сайте и выражаем особую благодарность кандидатам наук **Ларисе Козловой**, batygin@isras.ru, и **Наталии Мазлумяновой**, mazlumyanova@comtv.ru, за их работу в качестве редакторов-консультантов по этому проекту.

Interviews

Dilbar Alieva, 2000 (Rus)
Edward Arab-Ogly, 1999 (Rus)
Gennady Batygin, 1999, 2002 (Rus)
Igor Bestuzhev-Lada, 2002 (Rus)
Aleksandr Boronoev, 1998 (Rus)
Oleg Bozhkov, 2002 (Rus)
Sergei Chesnokov, 2000 (Rus)
Yuri Davydov, 1997 (Rus)
Anatoly Dmitriev, 1998 (Rus)
Boris Doktorov, 2005, 2006 (Rus)
Leokadia Drobizheva, 2001 (Rus)
Boris Dubin, 2001 (Rus)
Vasily Elmeev, 1998 (Rus)
Boris Firsov, 1999, 2005 (Rus)
Aleksandr Galkin, 1999 (Rus)
Yakov Gilinsky, 2005 (Rus)
Igor Golosenko, 1998 (Rus)
Leonid Gordon, 1999 (Rus)
Boris Grushin, 1999 (Rus)
Lev Gudkov, 2001 (Rus)
Len Karpinsky, 1995 (Rus)
Leonid Keselman, 2005 (Rus)
Lev Kogan, 1999 (Rus)
Varlen Kolbanovsky, 1999 (Rus)
Igor Kon, 1999, 2000 (Rus)
Samuil Kugel, 2001 (Rus)
Nikolai Lapin, 2001 (Rus)
Yuri Levada, 1996 (Rus)
Aleksei Levinson, 2001 (Rus)
Roman Mogilevsky, 2006 (Rus)
Nina Naumova, 1999 (Rus)
Vadim Olshansky, 1999 (Rus)
Leon Onikov, 1999 (Rus)
Gennady Osipov, 1999 (Rus)
Aleksandr Oslon, 2000 (Rus)
Irina Popova, 2006 (Rus)
Vadim Radaev, 2001 (Rus)
Inna Ryvkina, 1999 (Rus)
Mikhail Rutkevich, 1999 (Rus)
Georgy Satarov, 2000 (Rus)
Vadim Semenov, 1999 (Rus)
Ovsei Shkaratan, 2001 (Rus)
Vladimir Shubkin, 1999 (Rus)
Elena Smirnova, 2006 (Rus)
Vladimir Yadov, 2005 (Rus)
Oleg Yanitski, 2001 (Rus)
Valentina Yarskaya-Smirnova, 2005 (Rus)
Andrei Zdravomyslov, 1999 (Rus)
Tatiana Zaslavskaya, 1997 (Rus)

Memoirs

Boris Firsov, 1995 (Rus)
Igor Kon, 2006 (Rus)
Yuri Neymer, 2006 (Rus)
Aleksandr Rumiantsev, 1989 (Rus)
Vladimir Shlapentokh, 2003 (Rus Eng) Anatoly Silin, 2006 (Rus)
Tatiana Zaslavskaya, 1999 (Rus)
Andrei Zdravomyslov, 1998 (Rus)

Documents

Creation of the Soviet Sociological Association, 1956-1969 (Rus)
Establishment of the Institute of Concrete Social Reserach, 1967-1968 (Rus)
Reorganization of the Institute of Concrete Social Reserach, 1967-1968 (Rus)
Establishment of the Center for Public Opion Reserach, 1969-1974 (Rus)
Meeting Protocols and Resolutions Related to the Yuri Levada Affair, 1969-1971 (Rus)
Reprimand of R. Ia. Levita by the Caluga Regional Party Office, 1969 (Rus)
The CPSU Central Committee on Mistakes of the Society for Scientific Forecasting, 1970-1971 (Rus)
Reprimand of A. M. Rumiantsev by the CPSU Central Committee, 1970-1974 (Rus)

Supplements:

Bozhkov and Protasenko on the Golofast Affair, 2005 (Rus)
Doktorov on the Firsov Affair, 2005 (Rus)

Testimonies:

Frumkina: Gennady Batygin, 2003 (Rus)
Chesnokov, Doktorov, Firsov: Gennady Batygin, 2003 (Rus)
Doktorov and Yadov: Valery Golofast, 2004 (Rus)
Firsov, Grant, Shlapentokh: Boris Grushin, 2004 (Rus)
Grushin, Prigozhin, Doktorov, Fedotova: Yakov Kapelush, 2005 (Rus)

Comments:

Doktorov on the project's history, 2004 (Rus)
Shalin on the interview project, 2006 (Eng)
Mazlumyanova-Doktorov on the interview process, 2006 (Rus)
Alekseev on the history of Russian sociology through its dramatis personae, 2006 (Rus)

Articles:

History of Sociology:

G. Batygin, Introduction: Russian Sociology in the 1960's through Memoirs and Documents (Rus)

V. Kostushev, ed., Proceedings of the 1994 Conference on the Leningrad School of Sociology (Rus)

A. Zdravomyslov, The Field of Contemporary Russian Sociology (Rus)

N. Aitov, The Story with the History of Sociology (Rus)

L. Gudkov, On the Curent Situation in Russian Social Science (Rus)

T. Zaslavskaya, The Novosibirsk Manifesto (Rus)

T. Zaslavskaya, From the History of the Novosibirsk Economic-Sociological School (Rus)

I. Ryvkina, Paradoxes of Russian Sociology (Rus)

M. Pugacheva, The Russian Sociological Tradition in the 1960's (Rus)

M. Pugacheva, Institute of Concrete Social Research of the USSR Academy of Science (Rus)

G. Batygin, Social Scientists in Times of Crisis (Rus Eng)

S. Rapoport, Sociology in the Times of Totalitarianism: Notes for Contemporaries (Rus)

V. Mansurov and I. Petrenko, Studying Public Opinion (Rus)

F. Sheregy, The Political Background of Studying Public Opinion in Russia (Rus)

Y. Gilinsky, The Emergence of Sociology of Deviance in Russia (Rus)

K. Kozlova, The Income Dynamics and the Structure of Investment in the Social Sciences (Eng)

I. Klimov, Occupational Characteristics and Attitudes of Russian Social Sciences (Eng)

B. Doktorov, B. A. Grushin: Four Decades of Studying Public Opinion in Russia (Rus)

Biographical Method:

G. Batygin, Semantics of Autobiographic Narratives (Rus)

G. Batygin and G. Gradoselskaya, Professional Networks and Biographical Studies (Rus)

V. Golofast, Concepts of the Individual and Biographical Space (Rus)

V. Golofast, The Multiplicity of Biographical Narratives (Rus)

V. Golofast, The Three Layers of Biographical Narratives (Rus)

V. Golofast, Paradoxes of Subjectivity (Rus)

N. Tsvetaeva, The Biographical Discourse of the Soviet Era (Rus)

N. Tsvetaeva, The Biographical Narratives of the Soviet Era (Rus)

N. Mazlumyanova, The Conceptual Framework for Analyzing Biographical Materials (Rus)

N. Mazlumyanova, The Professional Careers of Russian Social Scientists (Eng)

R. Frumkina, Why Are We Writing Biographies (Rus)

A. Alekseev, Resources, Norms, and Effects of Autobiograhpical Narrative (Rus)

A. Alekseev, Dramatic Sociology and Sociological Self-Reflection (Rus)

G. Batygin, Introduction to Paul Lazarsfeld Scholarly Biography (Rus)

D. Shalin, Signing in the Flesh: Notes on Pragmatist Hermeneutics (Eng)

D. Shalin, The Hermeneutics of Prejudice: Heidegger and Gadamer in Their Historical Setting (Eng)

Invitation

We would like to invite social scientists and public intellectuals who lived during the Khrushchev's Thaw to share their memories about this trailblazing era and its continued relevance for our time. The following is the list of questions we would like you to consider when you put together your autobiographical notes.

Мы приглашаем социологов и обществоведов, живших и работавших во времена хрущевской «оттепели», поделиться воспоминаниями об этом важном периоде российской жизни и соображениями о его значимости для наших дней. Предлагаем Вам при написании автобиографических заметок подумать над следующими вопросами.

1. What impact did Khrushchev's liberalization campaign have on the social sciences and humanities?
2. How did your professional and personal situation change after the stagnation era set in?
3. Where do you place yourself in the history of your discipline during the Soviet years?
4. What is your take on perestroika and its impact on society and scholarship?
5. How did changes in the post-Soviet era affect your job situation and you personally?
6. Could you name a few most important schools and authors in your area of scholarship?
7. Which schools and authors outside your country do you find most interesting and promising?
8. Do you see substantial differences between your discipline's standing at home and abroad?
9. What is your view of the situation in your country today and its impact on your discipline?
10. Do you think scholars must take a public stance on the political issues confronting society?
11. How would you assess the short- and long-term prospects for your discipline in your country?
12. Any advice for future public intellectuals, any thoughts on being in the world for generations to come?

1. Какое влияние хрущевская «оттепель» оказала на развитие социальных и гуманитарных наук?
2. Как изменилась Ваша личная и профессиональная ситуация в эпоху брежневского «застоя»?
3. Как бы Вы определили свое место в истории Вашей дисциплины советской эпохи?
4. Каково Ваше мнение о перестройке и ее влиянии на общество и науку?
5. Как изменения постсоветской поры сказались на Вашей работе и личной жизни?

6. Не могли бы Вы назвать наиболее значимые школы и имена в Вашей науке?

7. Какие ученые и научные школы за пределами России Вам кажутся наиболее интересными?

8. Есть ли существенные различия в состоянии Вашей дисциплины в России и за рубежом?

9. Как Вы оцениваете ситуацию в Вашей стране и ее воздействие на научную сферу?

10. Должны ли ученые высказывать свою позицию по политическим вопросам?

11. Что Вы думаете о ближних и дальних перспективах развития Вашей науки?

12. Что бы Вы посоветовали будущим обществоведам, какими мыслями о бытии в мире поделились бы с поколением, которое придет нам на смену?

Web Links

Sotsiologicheskii Zhurnal
Zhurnal Sociologii i Socialnoi Antropologii

***

Приложение 2:

С чего начинался IBI (тот же сайт, по состоянию на 13.04. 2006)

Interviews

Vladimir Yadov (Rus)
Boris Firsov (Rus)
Yakov Gilinsky (Rus)
Boris Doktorov (Rus)
Elena Smirnova (Rus)
Leonid Keselman (Rus)
Roman Mogilevsky (Rus)
Aleksandr Oslon (Rus)
Georgy Satarov (Rus)
Ovsei Shkaratan (Rus)
Aleksei Levinson (Rus)
Boris Dubin (Rus)
Lev Gudkov (Rus)
Gennady Batygin (Rus)
Sergei Chesnokov (Rus)
Oleg Bozhkov (Rus)
Vadim Radaev (Rus)
Leokadia Drobizheva (Rus)
Dilbar Alieva (Rus)

Memoirs

Tatiana Zaslavskaya (Rus)
Igor Kon (Rus)
Vladimir Shlapentokh (Rus Eng)

Supplements:

Bozhkov and Protasenko on the Golofast Affair (Rus)
Doktorov on the Firsov Affair (Rus)
Firsov, Grant, Shlapentokh: Boris Grushin (Rus)

Comments:

Doktorov on the project's history (Rus)
Shalin on the interview project (Eng)
Mazlumyanova-Doktorov on the interview process (Rus)

Articles:

G. Batygin, Semantics of Autobiographic Narratives (Rus)
G. Batygin, Social Scientists in Times of Crisis (Rus Eng)
S. Rapoport, Sociology in the Times of Totalitarianism: Notes for Contemporaries (Rus)
N. Mazlumyanova, The Conceptual Framework for Analyzing Biographical Materials (Rus)
N. Mazlumyanova, The Professional Careers of Russian Social Scientists (Eng)
B. Doktorov, B. A. Grushin: Four Decades of Studying Public Opinion in Russia (Rus)
D. Shalin, Signing in the Flesh: Notes on Pragmatist Hermeneutics (Eng)
D. Shalin, The Hermeneutics of Prejudice: Heidegger and Gadamer in Their Historical Setting (Eng)

***

todoc13a.doc

(Ниже – отправленный Б. Докторову материал А. Алексеева, подготовленный им для сайта «Международная биографическая инициатива» в мае 2006 г. – А. А.)

Из материалов андерграундного экспертно-прогностического исследования рубежа 1970-80-х гг.

(“Ожидаете ли Вы перемен?”) [15]

“...Мы живем в опасном и неопределенном
мире, внушаюшем не чувство слепой уверенности,
а лишь... чувство умеренной надежды...”
(И. Пригожин, И. Стенгерс. “Порядок из хаоса.
Новый диалог человека с природой”)

От публикатора

Ниже приведены два рабочих документа (вопросник и методологический комментарий к нему) андерграундного экспертно-прогностического исследования “Ожидаете ли Вы перемен?”, проведенного на рубеже 1970-80-х гг.

Программа и методика этого исследования были разработаны в 1978 г. авторским коллективом (“незримым колледжем”...) в составе: социолог А. Н. **Алексеев**, историк и философ Михаил Яковлевич **Гефтер** (ныне покойный), писатель Анатолий Семенович **Соснин** (ныне покойный), экономист Виктор Леонидович **Шейнис**, экономист-социолог Нина Яковлевна **Шустрова**.

В порядке пробы, по вопроснику под названием “Ожидаете ли Вы перемен?”, в 1979-1981 гг. было опрошено 45 чел. — представителей научной и творческой интеллигенции (в большинстве своем — ленинградцев). Затем эта работа была приостановлена (прекращена).

В 1983-1984 гг. материалы указанного опроса стали предметом интенсивной розыскной деятельности органов госбезопасности. Однако розыск “крамольных” материалов оказался безуспешным (равно как и фискальные усилия выяснить имена участников исследования — авторов методики, интервьюеров и респондентов-экспертов). Единственный не уничтоженный мною тогда комплект экспертных листов удалось сохранить, благодаря помощи Эльвиры Александровны **Межерауп** и Александра Николаевича **Ющенко**.

Лишь в начале 1990-х гг. эти материалы были извлечены из “тайника” и — частично обнародованы. См.: Ожидали ли перемен? (Из материалов экспертного опроса рубежа 70-80-х годов). Кн. 1-2 / Ред.-сост. А. Н. Алексеев. М.: Институт социологии АН СССР, Ленинградский филиал, 1991.

История проведения этого андерграундного исследования подробно описана в книге: Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005, первые два тома которой представлены на настоящем сайте. Там же приведены (полностью или в извлечениях...) ответы всех 45 респондентов-экспертов, участвовавших в опросе.

Андрей Алексеев, май 2006

* * *

[15] См. на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_underground.html.

ОЖИДАЕТЕ ЛИ ВЫ ПЕРЕМЕН?
(НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ О ПЕРСПЕКТИВАХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ)

Уважаемый друг, товарищ, коллега!

Перед Вами план беседы с вопросами, которые нам хотелось бы, с Вашего разрешения, задать Вам и которые, возможно, Вы не раз задавали себе и сами. Мы постарались сформулировать их с той степенью определенности, которая оказалась нам доступна. Однако хорошо понимаем, что эти вопросы способны скорее подтолкнуть к дальнейшему раздумью, чем вызвать законченные, готовые ответы. К такому раздумью вслух Вас и приглашаем.

Недостаток возможностей откровенного и делового, коллективного обсуждения этих (и иных, не поддающихся удовлетворительному формулированию) вопросов побуждает обратиться к, казалось бы, противоестественному приему заочной “мозговой атаки”. Рассчитываем на понимание наших затруднений.

Рекомендуем Вам сначала внимательно ознакомиться с планом беседы, чтобы определить свое отношение к настоящей работе.

Если согласитесь, Ваши ответы — импровизированные или заранее обдуманные — будут записаны интервьюером. Можно изложить свои соображения и письменно (по возможности, придерживаясь логики, заданной планом беседы). В таком случае интервьюер перепишет Ваш текст, с тем чтобы оригинал остался у Вас.

Если захотите, мы тем же путем сообщим Вам о совокупных результатах этой “мозговой атаки”. К сожалению, не сможем только назвать имен остальных ее участников, так же, как и Ваше имя останется известным лишь интервьюеру.

Итак, объяснив мотивы, цели и процедуру, приглашаем Вас к беседе и раздумью над нижеследующими откровенными вопросами.

I. Общая тенденция развития и мера устойчивости

1. Исходя из Вашего опыта, с учетом Ваших жизненных наблюдений и размышлений, как бы Вы охарактеризовали общую тенденцию развития известного Вам общества за последние 10-15 лет:

— считаете ли Вы, что свойственные данному обществу (как и всякому другому) противоречия в конечном счете преодолеваются, встающие перед ним проблемы разрешаются или, напротив, происходит усугубление противоречий, накопление нерешенных проблем?

2. Пожалуйста, поделитесь своими наблюдениями, позволяющими Вам сделать соответствующий вывод.

3. Каким бы ни был Ваш ответ на первый вопрос, как Вы оцениваете нынешнее состояние данного общества с точки зрения его стабильности (устойчивости):

— считаете ли Вы это состояние устойчивым (равновесным, инерционным) или, напротив, неустойчивым (несущим в себе потенциальную возможность серьезных общественных изменений)?

4. Если Вы считаете нынешнее состояние устойчивым при разрешающихся проблемах либо, напротив, неустойчивым при накоплении нерешенных проблем, это не вызывает дополнительных вопросов. Но если Вы нашли, что данное положение сохраняет стабильность, вопреки усугубляющимся противоречиям, то чем в таком случае Вы это объясняете?

5. Усматриваете ли Вы какие-либо кризисные явления в современном общественном состоянии? Если да, то насколько широко они распространены? В случае широкого распространения, можно ли говорить о наступающем (наступившем) кризисе данного общества в целом?

II. Перспектива: взгляд “изнутри”

6. Можно ли, по Вашему мнению, ожидать существенных (может быть, коренных?) перемен, сдвигов в жизни известного Вам общества в обозримый период (скажем, не позднее конца XX века)? Если да, то насколько вероятными представляются Вам эти изменения?

7. В случае положительного ответа на предыдущий вопрос, полагаете ли Вы, что эти перемены будут скорее однонаправленными (тогда — к лучшему или к худшему?) или, напротив, разнонаправленными (например, сначала к одному, потом к другому)?

Если последнее, то считаете ли Вы возможным определить общее (результирующее) направление ожидаемых Вами общественных изменений — в конечном итоге к лучшему или к худшему?

Желательно при этом пояснить свое понимание “лучшего” и/или “худшего” в данном контексте.

8. Если Вы не исключаете возможности существенных перемен в жизни данного общества (“к лучшему” или “к худшему”, в Вашем понимании), то ожидаете ли Вы скорее резких, крутых общественных изменений или, напротив, медленных, постепенных?

9. Укажите, пожалуйста, те тенденции (обстоятельства, процессы) современной внутренней жизни, которые утверждают Вас в Вашем взгляде на перспективы развития данного общества в обозримый период (каков бы ни был этот взгляд).

10. По возможности, систематизируйте сферы, области общественной жизни (выделив их по своему усмотрению в широчайшем диапазоне явлений публичной и частной жизни), в которых протекают указанные Вами процессы.

Как бы Вы расставили эти сферы по их значимости, с точки зрения усматриваемых Вами перспектив развития данного общества?

11. Если есть такие обстоятельства и характерные особенности истории (предыстории) данного общества, которые укрепляют Вас во взгляде на его ближайшее будущее, то укажите их.

III. Мировой контекст

12. Какие внешние факторы (обстоятельства, тенденции, процессы) мировой жизни окажут, на Ваш взгляд, существенное влияние на развитие данного общества в обозримый период?

13. Как бы Вы определили направление и силу (возможно, также формы) влияния указанных Вами внешних факторов на дальнейшее развитие известного Вам общества?

14. Существуют различные точки зрения относительно перспектив движения данного общества в мировом “историческом пространстве”. Например:

— в главном и коренном это общество идет (будет идти) по самостоятельному пути, отличному от всех известных;

— данное общество тяготеет (рано или поздно станет тяготеть) к какому-либо известному историческому образцу, варианту, типу развития (западному, восточному, иному);

— в исторической перспективе весь мир (или бОльшая его часть) приобретет те же типологические черты, что и данное общество.

Возможны и другие взгляды. Какова Ваша собственная точка зрения на этот счет?

IV. “Человеческий фактор” перемен: за и против

15. Каков бы ни был Ваш взгляд на ближайшее будущее данного общества, пожалуйста, укажите те общественные силы, которые Вы полагаете заинтересованными: а) в переменах “к лучшему” (в Вашем понимании); б) в сохранении (воспроизведении) нынешнего общественного состояния; в) в переменах “к худшему” (в Вашем понимании)?

Просим также дать свое толкование “лучшего” и “худшего”, если Вы не сделали этого ранее.

16. Если Вы считаете вероятными существенные перемены в жизни данного общества в обозримый период, то какие общественные слои (группы) и типы людей, по Вашему мнению, подтолкнут общество к этим переменам, какие — фактически их осуществят, какие — поддержат и закрепят? Каковы возможные конкретные формы их поведения?

(Этот и последующие вопросы уместны при любом указанном Вами общем направлении перемен, будь то к лучшему или к худшему).

17. Какие общественные слои (группы) и типы людей, по Вашему мнению, станут активно противодействовать осуществлению ожидаемых Вами общественных изменений, какие — более или менее пассивно препятствовать этому? Вероятные конкретные формы их поведения?

18. Замечаете ли Вы в данном обществе какие-либо нарастающие признаки общественной кристаллизации (направления, течения, оттенки мысли, культурные феномены и т. п.)?

Если да, то какие из них наиболее симптоматичны и значимы в свете Вашего представления о возможных переменах?

19. Какую роль Вы отводите внешним факторам (зарубежным воздействиям, примерам) в формировании и укреплении тех общественных сил, которые, по Вашему мнению, могут стимулировать (или осуществить) соответствующие общественные изменения?

V. Время и ход перемен

20. Не могли бы Вы хотя бы приблизительно датировать начало предполагаемых Вами общественных изменений (пользуясь обозначениями типа: ближайшие год-два, середина 80-х годов, 90-е годы, и т. п.)? Возможно, эти перемены уже начались?

21. Понимая, что этот вопрос может вызвать затруднение, все же спросим:

— какая очередность (временная последовательность) конкретных перемен представляется Вам наиболее вероятной?

22. Может быть, Вы попробуете набросать примерный “сценарий”, с большим или меньшим приближением к которому будут, по Вашим ожиданиям, развиваться события, подготавливающие и несущие в себе те или иные существенные перемены в жизни известного Вам общества?

23. Какие еще вопросы, относящиеся к теме этой беседы, заслуживают, на Ваш взгляд, специального обсуждения?

* * *

Благодарим за внимание и добрую волю, даже если Вы сочтете эти вопросы слишком трудными или неприемлемыми.

1978

* * *

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ВОПРОСНИКУ “ОЖИДАЕТЕ ЛИ ВЫ ПЕРЕМЕН?” (1978)

Основной целью настоящей работы являются сбор и систематизация экспертных оценок и мнений для аккумуляции и углубления имеющихся представлений о возможных вариантах развития данного, конкретного общества. Таким образом, предлагаемая методика принадлежит к разряду экспертных, а исследование — к разряду прогностических.

Специфика предмета, а особенно — исследовательского подхода, предусматривающего бескомпромиссный взгляд на ход событий и положение вещей, обусловливает выдвижение ряда **методологических принципов** (соответственно — ограничений), которые, насколько возможно, последовательно проведены в методике.

Эти принципы сводятся к следующему:

1. Составители настоящей методики не преследуют цели получить репрезентативную картину мнений и взглядов различных общественных слоев (групп) и типов людей на современное состояние и перспективы развития данного общества. Сама по себе специфика экспертного опроса предполагает отбор вполне определенного круга лиц, которым предлагается высказаться по интересующему исследователя вопросу.

Итак, в альтернативе “опрос общественного мнения” или “сбор экспертных мнений” авторы методики четко определяют себя на последней позиции.

2. Круг экспертов поневоле ограничен: а) человеческой порядочностью лиц, экспертное мнение которых представляет интерес; б) социальной зрелостью лиц, приглашаемых к беседе; в) организационными возможностями исследователя.

Говоря о “человеческой порядочности”, имеем в виду не только неспособность к низким, своекорыстным действиям, но и развитое чувство нравственной ответственности, оберегающее от поступков, способных причинить непреднамеренный вред конкретной личности. Говоря о

“социальной зрелости”, имеем в виду не только меру осведомленности (традиционное требование компетентности), а прежде всего — способность к аналитическому взгляду, трезвой оценке, независимости суждений, к тому, что можно назвать также “мужеством додумывать до конца”.

Таким образом, принципом настоящей работы является: лучше небольшое количество содержательных бесед, чем необоснованное расширение круга экспертов.

3. Составители методики исходят из презумпции плюрализма действительно аналитических точек зрения по данному вопросу. Это нашло отражение в плане беседы, допускающем как широкий диапазон мнений (от признания нынешнего общественного состояния в целом благополучным до констатации кризисной ситуации), так и возможность выдвижения крайних (оптимистических и пессимистических) гипотез дальнейшего развития данного общества.

Представители самых разнообразных точек зрения должны чувствовать себя комфортно, свободно в рамках беседы (если, разумеется, их устраивает и ее предмет, и общий аналитический подход). В частности поэтому авторы стремились избежать таких вопросов, которые явно выдавали бы их самих в качестве приверженцев какой-либо одной определенной гипотезы. К неизбежным издержкам такой методологической установки относится известная абстрактность формулировок в вопросах, допускающих широкий спектр интерпретаций.

4. Вовсе не следует думать, однако, что принципиальное признание различных экспертных взглядов и оценок равноправными является следствием лишь терпимости и уважения авторов к разнообразным точкам зрения. Составители методики сами не имеют готовых решений и ответов на все поставленные вопросы. И даже склонны думать, что прогностическое исследование вообще исключает окончательные ответы (в конце концов их даст сама практика исторического развития).

В задачу авторов входит не просто сверить свою собственную точку зрения с мнением других, а получить новое знание. Поэтому интенция методики — принципиально эвристическая. Здесь главный интерес представляют именно неординарные, не спланированные заранее повороты мысли, аргументы, формулировки. Не случайно методика названа (в преамбуле) “мозговой атакой”.

5. Во всякой аналитической позиции так или иначе присутствует ценностный подход. Система ценностей неизбежно инкорпорирована в экспертном взгляде. Отдавая себе в этом отчет, авторы методики постарались все же ограничить свой интерес и сосредоточить внимание экспертов на объективной логике общественного развития. Вопросы, которые можно было бы интерпретировать в смысле “Кто виноват?” или “Что делать?”, не представлены в плане данной беседы. Общий смысл беседы с экспертом сводится к вопросу: “Что будет дальше?” (или: “К чему идет дело?”). Строго говоря, именно этот вопрос отвечает задаче прогностического исследования, как такового.

Единственным случаем, когда методика прямо апеллирует к ценностной позиции эксперта, является вопрос о понимании “лучшего” и “худшего” в перспективах общественного развития. Отказ от этого вопроса был бы, пожалуй, чрезмерным догматизмом в проведении выдвинутого принципа. Кроме того, такая постановка вопроса имеет то безусловное преимущество, что

она исключает навязывание каких бы то ни было авторских дефиниций или стереотипных представлений (о “лучшем” и “худшем” вариантах развития).

6. Из сказанного выше естественно вытекает установка на вполне определенный способ обобщения результатов экспертного опроса. Составители методики предполагают сделать главный упор не на количественной обработке, а на качественном анализе полученных ответов (количественные наблюдения здесь уместны лишь для оценки устойчивости вариантов логических структур и конкретных, выдвигаемых экспертами прогностических гипотез). Перспектива качественного анализа и обобщения результатов исследования, понятно, повышает роль и значение всякого индивидуального мнения, оценки, взгляда на обсуждаемый предмет.

* * *

Исходные **теоретические предпосылки** составителей методики ориентированы на то, чтобы удовлетворить даже самого оригинального, своеобразно мыслящего эксперта.

Эти предпосылки сводятся к следующему.

1. Жизнь данного, конкретного общества (его развитие) есть целостный процесс, который в конечном итоге можно представить как некоторую смену общественных состояний, совершающуюся в определенном контексте мировой жизни.

2. Прогноз развития данного общества на определенный срок принципиально возможен на базе адекватного знания его современного и предшествующего состояний, а также общих тенденций мирового развития.

3. Следует различать актуально действующие внутренние и внешние факторы развития всякого данного общества.

4. Особого рода, опосредованно действующим фактором современного общественного развития (актуализирующимся в традициях, историческом опыте поколений, в общественном сознании и т. п.) выступает предшествующая история данного общества.

5. Самыми общими альтернативами развития общества на любом этапе являются: воспроизведение имеющегося общественного состояния либо переход от одного состояния к другому.

6. Переход от одного общественного состояния к другому осуществляется через более или менее резкие или постепенные изменения в жизни общества, предстающие в общественном сознании в качестве “перемен”.

7. В зависимости от системы ценностей человека всякая конкретная перемена может квалифицироваться как “приближающая” общественное состояние к желаемому либо как “отдаляющая” от него (в этом смысле можно говорить о направленности перемен).

8. Совокупность одномоментно или последовательно совершающихся перемен, даже если они разнонаправлены, все же возможно оценить в смысле их общей (результирующей) тенденции (в конечном счете “к лучшему” или “к худшему”, с позиций определенной системы ценностей).

9. Общественные изменения являются объективным следствием естественно-исторического процесса и, вместе с тем, результатом сознательной деятельности людей. Активность определенных общественных слоев (групп) и типов людей выступает в качестве “человеческого” (субъективного) фактора соответствующих изменений.

10. К важнейшим формам активности людей, направленной на переход к новому общественному состоянию, относится так называемая общественная кристаллизация (возникновение и развитие разнообразных течений, направлений, движений и т. п.).

Авторы методики отказались в плане беседы от какой-либо компоновки факторов, аспектов и сторон общественной жизни, исходя из того, что эксперт может произвести собственную концептуальную группировку их.

* * *

В основу плана беседы положен следующий **концептуальный замысел**.

Первый раздел **“Общая тенденция развития и мера устойчивости”** — направлен на выяснение экспертной оценки современного состояния данного общества, с учетом общей тенденции его развития за последние 10-15 лет. Причем это состояние “улавливается” на пересечении двух оппозиций:

а) противоречия преодолеваются (проблемы разрешаются) — противоречия усугубляются (накапливаются нерешенные проблемы) — вопр. 1;

б) общественное состояние является устойчивым (стабильным) — общественное состояние является неустойчивым (несет в себе потенциальную возможность серьезных общественных изменений) — вопр. 3.

Эти две оппозиции, согласно гипотезе, достаточно тесно взаимосвязаны (разрешение проблем обеспечивает устойчивость; накопление нерешенных проблем — неустойчивость). Однако не исключается возможность и иных сочетаний (например, противоречия усугубляются, но загоняются вовнутрь, при сохранении стабильности за счет каких-то иных факторов).

На уточнение и раскрытие смысла экспертной оценки в этом последнем случае направлен вопр. 4.

Аргументация в пользу вывода о преодолении либо усугублении противоречий запрашивается вопр. 2. Соответствующая аргументация в пользу вывода об устойчивости — неустойчивости здесь не запрашивается, поскольку тот же смысл имеют последующие вопр. 9-12.

Вопр. 5 (о “кризисных явлениях”) дает возможность эксплицитного соединения двух названных оппозиций. В случае, если эксперт усматривает усугубление противоречий и неустойчивость общественного состояния, то уместно определить ситуацию в качестве кризисной.

Однако недостаточная определенность (неоднозначность) понятия кризиса в общественно-научном контексте побуждает отказаться от прямой привязки этого вопроса к предыдущим. Не исключается возможность, что эксперт не захочет воспользоваться этим понятием, даже при соответствующих ответах на вопр. 1 и 3.

Наконец, он может усмотреть “кризисные явления” даже в случае констатации устойчивости общественного состояния, поскольку бытует представление о кризисах “частных” (не затрагивающих основ общественной системы и систему в целом), а также “общих” и “затяжных” (в которых система может сохранять относительную стабильность).

Итак, при внешней взаимонезависимости узловых вопросов первого блока (1, 3, 5) все вместе они образуют целостную, внутренне связанную структуру. Вместе с тем каждый предыдущий выполняет функцию не слишком жесткого фильтра по отношению к последующему; вся же последовательность вопросов открывает возможность эксперту перейти от менее сильного (и

очевидного для него) утверждения к более сильному — если, конечно, он к этому расположен.

Второй раздел — **“Перспективы: взгляд “изнутри”** — берет старт от логического вывода, полученного в итоге первой части.

Если вопр. 3 (раздел I) допускает констатацию неустойчивости общественного состояния как потенциальной возможности серьезных общественных изменений; если вопр. 5 (тот же раздел) косвенно выясняет мнение эксперта о наличии “предвестий” возможных перемен — то вопр. 6 (раздел II) непосредственно направлен на оценку вероятности существенных общественных изменений **в обозримый период** (условным ограничением которого взят 2000 год).

Можно предположить, что эксперт, усмотревший “усугубление противоречий”, “неустойчивость общественного состояния” и даже “кризисные явления”, даст положительный ответ на вопр. 6. Но и это необязательно. Во всяком случае утверждение о переменах в этих границах является более сильным, чем констатация “кризиса”.

Вопросы 7 и 8 адресуются только тем экспертам, которые считают вероятными существенные перемены в жизни данного общества не позднее конца XX века. Первый из них (вопр. 7) направлен на выяснение предполагаемой экспертом общей (результирующей) направленности общественных изменений (не исключая возможности параллельного или последовательного осуществления противоречивых по своему содержанию, разнонаправленных перемен). Второй (вопр. 8) выясняет экспертное мнение о “мере резкости” ожидаемых общественных изменений (оппозиция: резко, круто — медленно, постепенно).

Понятие направленности интерпретируется через экспертное представление о желательном — нежелательном общественном состоянии или варианте развития, что уточняется в рамках вопр. 7 (оппозиция: “к лучшему” — “к худшему”).

В рамках экспертного опроса, не претендующего на репрезентацию общественного сознания, исключены гипотезы о количественном соотношении оптимизма и пессимизма. Но, во всяком случае, можно ожидать, что все эксперты разобьются на три основные группы: 1) не ожидающие существенных перемен до конца XX века; 2) ожидающие перемен к лучшему (в конечном итоге); 3) ожидающие перемен к худшему. Поскольку доля первых может быть значительна, вопросы, специализированные для экспертов второй и третьей группы, ограничиваются в данном и последующих разделах вопросами 7 и 8. Все остальные, вплоть до вопр. 15, сформулированы так, что на них может отвечать эксперт, придерживающийся любой точки зрения на перспективы общественного развития (в том числе — исключающей возможность перемен).

Вопросы 9 и 12 (последний относится уже к третьему блоку) направлены на экспертное выявление и оценку внутренних и внешних факторов общественного развития (отчасти на выявление внутренних факторов направлен также вопр. 10).

Вопр. 11 выясняет меру обусловленности экспертного взгляда на перспективы развития данного общества обстоятельствами и характерными особенностями его истории (предыстории).

Таким образом, вопросы 9, 11 и 12 составляют логически взаимосвязанную триаду (“внутренние” процессы, “внешние” влияния и генезис — как факторы будущего развития системы).

Вопр. 10 по существу предлагает эксперту концептуализировать свой взгляд на структуру, способ организации общественной системы. Здесь можно ожидать выдвижения оригинальных представлений, эвристически ценных для понимания действующих механизмов общественной жизни. Этот вопрос позволяет также более или менее достоверно идентифицировать мировоззренческую позицию эксперта (для ее последующего соотнесения с экспертной оценкой перспектив развития данного общества).

Заметим, что эту же функцию в известной степени выполняют вопросы 15 и 18 из четвертого раздела беседы.

Третий раздел — **“Мировой контекст”** — посвящен анализу внешних факторов развития данного общества. Уже комментировавшийся вопр. 12 направлен на выявление основных внешних факторов (существенно влияющих на развитие данного общества тенденций, процессов мировой жизни), вопр. 13 — на экспертную оценку направленности и силы влияния этих факторов.

Вопр. 14 (о перспективах движения данного общества в мировом “историческом пространстве”) направлен на выявление экспертного отношения к некоторым существующим историко-мировоззренческим гипотезам и на стимулирование экспертной мысли в этом направлении.

Четвертый раздел — **“Человеческий фактор” перемен: за и против”** — сосредотачивает внимание на субъективно-деятельностной стороне общественного развития, на реальном взаимодействии различных общественных сил — общественных слоев (групп) и типов людей — в этом процессе.

Вопр. 15 (адресованный всем экспертам, каким бы ни был их взгляд на перспективы развития данного общества в обозримый период) направлен на выяснение экспертного мнения о расстановке общественных сил с точки зрения их заинтересованности в том или ином варианте общественного развития.

На все остальные вопросы этого и последующего блока (16-22) отвечают только те эксперты, которые считают вероятными существенные перемены в жизни данного общества не позже конца XX века. Заинтересованность составителей методики в максимальном “съеме информации” при экономии вопросов побудило сформулировать вопросы о человеческом факторе амбивалентно: в зависимости от того, ожидает ли эксперт перемен “к лучшему” или “к худшему”, эти вопросы приобретают практически противоположный смысл. (Этот момент требует особого внимания интервьюера!).

Вопросы 16 и 17 направлены на выявление вероятной расстановки сил в процессе перехода от одного общественного состояния к другому. При этом учитывается, что общественные изменения не всегда осуществляются теми, кто их подготавливает или стимулирует (см. вопр. 16). Формулировки вопросов ориентируют эксперта на учет сложной диалектики общественного развития.

Вопр. 18 акцентирует внимание на формах самоорганизации и консолидации общественных сил, способствующих переменам (“к лучшему” или “к худшему”, в зависимости от ожиданий эксперта).

Вопр. 19 возвращает к проблеме “мирового контекста”, однако в специальной связи с “человеческим фактором”, имея в виду роль зарубежных воздействий и примеров в формировании и укреплении этого фактора (напомним, что здесь речь может идти о диаметрально противоположных по направленности и смыслу влияниях, в зависимости от того, идет ли речь о “человеческом факторе” перемен “к лучшему” или “к худшему”).

Последний, пятый раздел — **“Время и ход перемен”** — также содержит вопросы, на которые отвечают только эксперты, полагающие перемены в жизни данного общества вероятными. Вопр. 20 предлагает эксперту ориентировочно датировать начало ожидаемых им общественных изменений, вопр. 21 — высказать прогностические соображения об очередности конкретных перемен.

Вопр. 22 является своего рода приглашением к качественному “прогностическому моделированию” ситуации, к прожективной реконструкции вариантов конкретно-исторического развития, предусматривающих смену одного общественного состояния другим. (По-видимому, не каждый эксперт примет это приглашение).

Просьба указать на вопросы, упущенные составителями методики, однако уместные в рамках избранной прогностической темы, сформулирована в вопр. 23 (стоящем вне разделов), который завершает беседу.

В свете всего сказанного, логику беседы можно представить в виде следующей цепочки:

Экспертная оценка “современного общественного состояния” в свете “общей тенденции развития” --- общая оценка “перспектив общественного развития” --- анализ “внутренних” процессов и факторов этого развития --- анализ “внешних” факторов общественного развития --- анализ “человеческого фактора”, движущих сил перехода от одного общественного состояния к другому --- конкретизация вероятных сроков и “хода перемен” --- прожективный сценарий общественного развития.

Авторы заботились о том, чтобы вопросы, по возможности, не пересекались в своем содержании. Однако ряд “пересечений” предприняты намеренно. Иногда они выполняют функцию “контроля” (насколько устойчива экспертная точка зрения при ответах на близкие по содержанию вопросы), иногда — эвристическую функцию (экспертная мысль, только наметившаяся при ответе на один вопрос, может углубиться при ответе на последующий); иногда совершается сознательный, логически необходимый возврат к уже затронутому сюжету в новом аспекте (например, зарубежные влияния на “человеческий фактор”).

Сама по себе структура методики (последовательность разделов) отражает определенный концептуальный взгляд на логику анализа проблемы путей и перспектив исторического развития конкретного общества.

Коротко говоря, концептуальный замысел методики состоит в выделении действительно альтернативных аналитических точек зрения на перспективы дальнейшего развития данного общества и в последующем соотнесения этих точек зрения в обобщающем анализе, с целью их взаимопроверки, взаимообогащения, а может быть, даже и синтеза.

* * *

Наконец, о **процедурных правилах** экспертного опроса. Предоставляя широкое поле для инициативы интервьюера и эксперта, ограничимся выдвижением нескольких положений, сводящихся в основном к “процедурным запретам”:

1. При всей непринужденности и взаимной доверительности беседы, интервьюер и эксперт должны все же квалифицировать ее как **работу,** требующую соблюдения определенных норм.

2. Исключается полемика между интервьюером и экспертом в ходе беседы (что, разумеется, не требует от интервьюера скрывать свою собственную точку зрения на обсуждаемый предмет).

3. Как правило, исключены групповые беседы (более чем с одним экспертом одновременно).

4. Интервьюер записывает ответы эксперта, в соответствии с планом беседы, возможно ближе к живой речи (что не исключает исправлений и редактирования записи самим экспертом).

5. Беседа может состояться сразу по ознакомлении эксперта с ее планом или по прошествии некоторого времени (необходимого эксперту, чтобы подготовиться к ней).

6. Исключена безвозвратная передача интервьюеру текста, написанного (отпечатанного) самим экспертом (в случае, если тот пожелает ответить на вопросы письменно). Лучше всего, если интервьюер сразу перепишет этот текст и вернет оригинал автору.

7. Эксперт не знает имени составителя методики, составитель методики не знает имени эксперта. Того и другого знает только интервьюер, берущий на себя ответственность за сохранение их анонимности.

8. Интервьюер пользуется исключительно собственным (переписанным или отпечатанным самостоятельно) экземпляром плана беседы.

9. Преамбула плана беседы может, по усмотрению интервьюера, предъявляться или же излагаться устно. В любом случае необходимо отчетливое согласие эксперта на беседу.

10. Безусловное соблюдение изложенного минимума процедурных правил диктуется требованиями как исследовательской строгости, так и нравственной ответственности участников настоящей работы.

* * *

Настоящий методологический комментарий подготовлен составителями методики для уяснения самим себе соответствующих методологических, концептуальных и процедурных моментов и адресован также интервьюерам. Однако в нем нет информации, которую нельзя было бы сообщить эксперту, если у последнего эта сторона дела вызовет интерес.

Ноябрь 1978

* * *

От публикатора

Вышеприведенные рабочие документы андерграундного исследования четвертьвековой давности публиковались ранее в:

— Ожидали ли перемен? (Из материалов экспертного опроса рубежа 70-80-х годов). Кн. 1-2 / Ред.-сост. А. Н. Алексеев. М.: Институт социологии АН СССР, Ленинградский филиал, 1991;

— А. Н. Алексеев. Драматическая социология (эксперимент социолога рабочего). М.: СПбФ ИС РАН, 1997.

— Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005.

В последнем из перечисленных изданий, с согласия тех участников экспертного опроса, которых через 25 лет удалось разыскать, были впервые обнародованы их имена (первоначально постулировалась анонимность опроса).

Там же приведены — полностью — тексты ответов тогдашних респондентов-экспертов: социолога **А. А. Кетегата** (45; здесь и далее — в скобках — порядковый номер экспертного листа), экономиста и правозащитника **В. В. Сокирко** (30), социолога и культуролога **Э. В. Соколова** (37; этот текст был опубликован также в: Журнал социологии и социальной антропологии, 2003, № 3), писателя **А. С. Соснина** (28), а также — в извлечениях — тексты ответов **А. В. Баранова** (36), **Г. В. Бурковского (**41), **А. А. Вейхера** (23), **П. Вихалемма** и **М. Лауристин** (5), **В. Д. Глухова (**7), **В. Н. Дмитриевского** (24), **Л. К. Дудченко** (34), **Г. И. Забелкина** (44 — предположительно), **В. П. Захарова** (12), **Г. А. Климентова** (38), **С. Г. Никитина** (35), **Ю. А. Огибина** (33), **В. Н. Павленко** (10), **В. Ш. Рубашкина** (13), **Р. В. Рывкиной** (26), **А. В. Седова** (1), **А. В. Тихонова** (14), **С. М. Фирсовой** (2 — предположительно), **В. Ф. Чесноковой** (25), **В. Л. Шейниса** (без номера), **Ю. А. Щеголева** (15), **А. Н. Ющенко** (6) (большинство из перечисленных — социологи) и др., чье авторство установить не удалось.

Там же — опыт ретроспективного обобщения полученных в этом изыскании результатов и современная авторская интерпретация методологии и методики исследования.

См.: Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005. В частности: том 1: глава 1; приложения к главе 1; приложения к части 1; том 2: глава 9; том 4: глава 25; приложения к главе 25.

Андрей Алексеев

* * *

Из книги “Драматическая социология и социологическая ауторефлексия” (том 4)

От автора — сегодня

В этой книге приведены — в сокращении или полностью — 45 записей бесед с участниками андерграундного опроса “Ожидаете ли Вы перемен?” (1979-1981).

На сегодня удалось установить авторство 25 экспертных листов из 45. Может быть, эта публикация поможет разыскать хотя бы некоторых из наших тогдашних собеседников, остающихся пока “не опознанными”?

...А теперь вопрос: насколько же прозорливы или, напротив, недальновидны были участники нашего опроса? Пусть об этом судит современный читатель, умудренный историческим опытом последовавших двух с половиной десятилетий.

Все же замечу, что некоторые из наших экспертов-прогнозистов попали “в яблочко”. Немалая их часть обнаружила (как мы можем судить сегодня...) **вполне реалистичное представление о логике и механизме вероятных общественных изменений.** В частности, рядом экспертов, по существу, была точно предсказана та самая **“революция сверху”** (“горбачевская перестройка”)**,**

которая фактически состоялась во второй половине 1980-х гг. (См., например, экспертные листы №№ 5, 11, 16, 32, 45).

Далее, несмотря на изобилие пессимистических и скептических оценок перспектив развития данного общества, свыше четверти участников опроса рубежа 1970—80-х гг., независимо друг от друга, **приурочили** (сочли весьма вероятным...) **начало системных общественных сдвигов именно к рубежу 80—90-х гг.** (См., в частности, экспертные листы №№ 5, 6, 10, 11, 16, 18, 30, 32, 33, 37, 40, 43, 45, без номера)**.**

Для "исследований будущего" (= социально-исторической прогностики) — результат внушительный (впечатляющий...).

...И еще одно уже сугубо личное замечание. Будучи одним из составителей вопросника, сам я тогда (в отличие от своих соавторов А. Соснина и В. Шейниса) так и не отважился ответить на вопросы, которые задавал другим.

Но перечитав сегодня настоящую подборку экспертных высказываний четвертьвековой давности, нахожу, что не переставал черпать из этого источника — **с той поры и по сей день**... (Сентябрь 1999 — июнь 2005).

* * *

Из ответов на вопросы анкеты "Ожидаете ли Вы перемен?" (1979-1981)

(Напомню, что всего тогда было опрошено 45 респондентов-экспертов. Здесь представлены — в извлечениях — ответы двенацати из них. — А. А.)

<...> Россия и общество, о котором идет речь, вступили в иную цивилизацию — цивилизацию принципиально неравновесную, которая может рассматриваться как **квазиравновесная**.

<...> Принципиально неравновесной является характеристика современной цивилизации, в частности, европейской.

Отказавшись от исторического взгляда, отметим противоречие между государственным порядком, распространяемым на все сферы жизни, и стихийной жизнью, осуществляемой в этих сферах.

<...> Всю 60-летнюю историю можно представить как историю борьбы порядка со стихией. Самой большой стихией в России испокон веков было крестьянское хозяйство. Эта стихия была побеждена к началу Великой Отечественной войны. Но ее требования вновь оказались такими, что управление вынуждено было с ними считаться к концу 50-х гг. И, наконец, вступив в мир принципиально неравновесной цивилизации, мы, может быть, встретились с такими стихийными силами, перед которыми сам государственный порядок окажется бессилен.

<...> И, наверное, наступает время, когда победа порядка будет самим своим осуществлением готовить для себя "месть" со стороны стихии (копать себе яму).

<...> Противоречие между стихией и порядком в социалистическом урбанизированном обществе может оказаться сильнее, чем противоречие между стихией и порядком в послереволюционном крестьянском обществе.

<...> Состояние устойчивое и вместе с тем принципиально неравновесное. <...>

Юрий **Щеголев** (апрель-май 1979; эксп. лист № 15)

* * *

<...> Процесс начался, он носит эволюционный характер. По мере ухудшения экономического положения, недовольство может усиливаться. Нейтрализующим фактором является страх перед войной.

<...> Даты перемен будут связаны: 1) с этапами разоружения (или гонки вооружений); 2) с уходом геронтократии; 3) с динамикой уровня жизни. Перемены скорее всего потребуют всю оставшуюся часть XX века. Но они могут покатиться как снежный ком, хотя этого никто не может предсказать.

<...> Сначала — решение некоторых международных проблем, разоружение, внедрение западной технологии, некоторое повышение уровня жизни. Затем — решение кадровых проблем и назревших проблем экономики. <...> Итак, цепочка перемен во времени может выглядеть следующим образом: международные — внутриэкономические — социальные — идеологические, правовые и т. д.

<...> Нынешняя ситуация представляет собой тупик, в некоторых отношениях более явный, чем во времена Сталина. <...> Первыми эпизодами в сценарии перемен могут стать подписание ОСВ и (или) уход геронтократии. <...>

Софья **Фирсова** — предположительно (январь 1979; эксп. лист № 2)

* * *

<...> Могут быть очень разные варианты, в зависимости от обстоятельств. Ибо, как показывает история, роль личности в нашем общественном развитии очень велика. Личностные обстоятельства часто вносят очень большой момент неопределенности.

<...> Вероятно, начальным пунктом окажется “смерть царя”. Это может произойти в любой момент. Ибо он себя снять уже не может. Он уже при исходе и незачем рисковать.

<...> Мы склоняемся к наибольшей вероятности зигзагообразного развития с позитивным исходом.

В таком случае: “Царь” умирает, завещая власть угодным ему преемникам. По-видимому, основной преемник будет еще более безликим “центристом”, который сослужит роль промежуточного буфера. Затем — неизвестно, какая из сил, “левых” или “правых”, имеет более реальные шансы, путем “тихой революции” в этот период безвременья занять ключевые посты. Произойдет какая-то кристаллизация сил. Но если официальный преемник будет безликим бюрократом (что вероятно), то он скорее даст ход более “правым” (ибо они привычнее, более “идеологически проверены”). Тогда наступает период перелома “к худшему” и обострения противоречий. После чего будет либо катастрофальный исход с Китаем (сильная клика может пойти на риск превентивной войны с Китаем), либо — и это более вероятно при слабой клике — усугубление противоречий приведет к необходимости новой и более радикальной смены власти, обеспечивающей коренные экономические изменения <...>. После этого возможно либо технократическое развитие, с новыми социальными противоречиями, либо демократическое развитие <...>.Таков наиболее вероятный вариант, со всеми его “ответвлениями”. <...>

Другие варианты... <...>

Пеэтер **Вихалемм** и Марью **Лауристин** (февраль 1979; эксп. лист № 5)

* * *

<...> Я считаю, что эволюция общества такова, что нет сил, способных затормозить ее заметно. <...> Противостоять такой эволюции могла бы какая-нибудь военная организация типа КГБ, но она уже сама заражена этими микробами.

<...> Итак, ближайшие 15-20 лет эволюция с развитием плюрализма с разложением доктрин, с восстановлением понятия свободы, с упадком экономики, с появлением новой политической силы — новой партии. Что будет дальше — сказать очень трудно. Я бы во всяком случае желал эволюции и дальше. <...>

Респондент неизвестен (август 1980; эксп. лист № 42)

* * *

<...> Все изменения в ситуации данного, стабильного общества возможны только **сверху**. А эти изменения связаны с приходом к власти нового поколения, не верящего в идеалы прошлого, имеющего перед глазами современный опыт развития Запада.

<...> Способ поведения нового поколения руководителей — метод постепенного вживания в существующую систему, завоевание господствующих позиций и осуществление соответствующих реформ только после завоевания этих позиций.

<...> Можно ожидать заметных перемен на эволюционном пути развития уже к середине 80-х гг. (т. е. когда придет к власти и укрепится новое поколение руководителей).

<...> Сначала — преобразования в экономической сфере (бОльшая самостоятельность крупных хозяйственных руководителей — министров, руководителей главков и т. д.), затем — остальное. <...>

Респондент неизвестен (Май 1979; эксп. лист № 16)

* * *

<...> Уже сейчас на предприятиях руководство идет на поводу у рабочих. Если ранее хаос и беспорядок вносили верхи, то потом он же (хаос) полностью поглотит их жалкие попытки упорядочивания и начнет диктовать свою волю, свой **порядок**. Как это ни парадоксально, но у хаоса есть упорядоченность — но **своя**, внутренняя, а не относительно чего-то внешне заданного. И эта новая упорядоченность породит новое качество, новые формы жизнедеятельности.

Кто знает, быть может, мы стоим на пороге новой революции — не технической, а новых форм жизнедеятельности? Возможно, это бред, но почему эволюции нашего общества не привести к этому? Почему мы непременно в своих прогнозах опираемся на существующие, существовавшие закономерности? <...>

Людмила **Дудченко** (март 1980, эксп. лист № 34)

* * *

<...> Следует принять как одну из возможных гипотез, что данное общество на протяжении еще очень длительного времени будет медленно разлагаться, что эта болезнь носит хронический характер и в длительной исторической перспективе будет еще не раз проходить через периоды ремиссий

и рецидивов. Найдутся ли внутренние силы преодолеть этот процесс и при каких обстоятельствах они придут в действие, прогнозировать не берусь. Скорее всего, социальные изменения здесь возможны в результате <...> внезапных событий. Так уже не раз бывало в истории данного общества. Видимо, оно вообще может существовать как таковое (т. е. как гигантское многонациональное, территориально весьма разбросанное сообщество людей, объединенных под одной государственной крышей) — только при антидемократической политической структуре. Это — тот направляющий стержень, на котором держится данное общество, без которого оно утратило бы свою историческую сущность и превратилось бы во что-то уже совсем иное. <...>

Респондент неизвестен (апрель-май 1980; эксп. лист № 40)

* * *

<...> Перемены в сравнительно длительной исторической перспективе могут быть только “к лучшему”, т. е. в сторону демократии (точнее — реальной социалистической демократии). В иных политических рамках современная развитая экономическая структура вообще не может существовать. Или национальное самоубийство, или движение к подлинной социалистической демократии — иной перспективы у данного общества (как и у других наций) нет.

<...> Такова общая линия поступательного развития, его цель. Но маршрут движения к этой цели может быть отнюдь не прямым. Возможны мрачные откаты назад, возможна (хоть вероятность невелика) даже национальная катастрофа. Тем не менее, развиваться, существовать в семье других наций и государств данное общество сможет только в том случае, если дозреет до демократических форм, соответствующих уровню XX и XXI веков. <...>

Анатолий **Соснин** (ноябрь 1979; эксп. лист № 28)

* * *

<...> Последние 15 лет, время, когда все проблемы были загнаны в тупик, предвещает перемены — где-то в середине 80-х гг., но не позже 1990 г. <...>

[Вероятный сценарий. — А. А.]:

1980-81 гг. — подавление демократии в Польше, под нажимом Советского Союза. Результат — еще бОльшая изоляция нашей страны на международной арене.

1981-82 гг. — попытка решения продовольственной проблемы. Усиление гонки вооружений в нашей стране.

1981-85 гг. — постепенное вымирание “престарелого” руководства. Приход новых людей к власти. Решение продовольственной проблемы.

1983-85 гг. — начало серии ультиматумов со стороны Японии, ФРГ, Китая. Уступки Советского Союза: возвращение Курильских островов, согласие на мирную конференцию в Европе (официального мира после второй мировой войны нет до сих пор), согласие на переговоры об объединении Германии, уступки в Индокитае в пользу КНР.

1983-85 гг. — распад Варшавского договора.

1983-1987 гг. — внутренний кризис, под влиянием внешнеполитических неудач и неразрешенности внутренних проблем. Забастовки. Выход на сцену

оппозиционных политических партий — переход их из подполья к легальной деятельности. <...>

Респондент неизвестен (Декабрь 1980; эксп. лист № 43)

* * *

<...> То, что началось, — подготовка почвы. Сами же перемены начнутся где-то на исходе нынешнего десятилетия *(80-е гг. — А. А.)*. Не думаю, чтобы экономических ресурсов хватило на более длительный срок.

Некоторую роль, возможно, сыграет и тот факт, что у власти уже будет новое (персонально) руководство. В условиях вскрывшегося ящика Пандоры ему придется, хотя бы для самоутверждения, на что-то решаться. Это "что-то" — то ли своей "хорошестью", то ли своей "худшестью" — также может стать импульсом к переменам.

Если не случится самое худшее...

Анри **Кетегат** (апрель 1981; эксп. лист № 45)

* * *

— Какая очередность (временная последовательность) конкретных перемен представляется Вам наиболее вероятной?

Наиболее оправданной очередностью было бы:

— изменение порядка выборов;

— расширение свободы высказываний в прессе, литературе;

— активные усилия для реализации экономической реформы по частям и постепенно;

— постепенное изменение внешней политики (меньше стремиться к контролю событий и нахождению союзников у слаборазвитых стран, и больше — к международному сотрудничеству в рамках ООН и сотрудничеству с США);

— перераспределение внутренних ресурсов с преимущественным вниманием к науке, технике, культуре, образованию;

— изменение порядка подбора кадров на руководящие должности...

Вероятная же последовательность скорее всего будет иной, но какой — сказать трудно.

<...> Может быть, вероятнее: 1) расширение частного сектора в обслуживании и сельском хозяйстве; 2) расширение идеологической свободы; 3) ...?

Эльмар **Соколов** (март 1980; экси. лист № 37)

* * *

<...> **Какие-то** перемены, конечно, происходят постоянно. Однако о начале перемен в том смысле, как это имеется в виду в данном вопроснике, говорить пока не приходится. Критерием действительно начавшихся перемен могли бы быть: к "лучшему" — необратимость процесса, утрата контроля государства над обществом; к "худшему" — утрата обществом того, что отличает период после 1953 г. от предшествующего времени. Решающие перемены могут и должны происходить в сфере политики, а эта сфера — несмотря на периодически повторяющиеся в ней "войны мышей и лягушек"

остается наиболее стабильной. Перемены в политике приведут к цепной реакции изменений во всех иных областях общественной жизни.

Наиболее вероятное, как сейчас представляется, время начала цикла перемен — вторая половина 80-х гг., когда может скреститься действие объективных (ухудшение экономической и демографической ситуации, развитие обозначившихся международных процессов и т. д.) и субъективных факторов (уход поколения, сформировавшегося в годы войны; биологическая динамика в высшем эшелоне власти и др.).

<...> Представляется маловероятным, что до конца века не наступят **коренные, глубокие** перемены. **Существенные** перемены могут начаться быстрее, видимо, не позднее второй половины 80-х гг. Эта оценка носит вероятностный, а не категорический характер. <...>

Виктор **Шейнис** (1979, эксп. лист без номера)

* * *

От автора — сегодня

Теоретико-методологический подход конца 70-х — как он видится сегодня

Попробуем теперь по-новому взглянуть на сам наш вопросник 1978 года "Ожидаете ли Вы перемен?" — в свете современных научных, и в частности, синергетических представлений.

Напомню исходные теоретические предпосылки составителей экспертно-прогностической методики, как они формулировались в тогдашнем "Методологическом комментарии" к вопроснику:

<...> (Здесь эти исходные теоретические положения повторно не воспроизводятся. См. выше: "Методологический комментарий...", теоретические предпосылки, пп. 1-10. — А. А.).

Следует признать, что в основном эти исходные положения не выходят за рамки классического представления об обществе, как некоей сложной системе, которая может (не может?) в обозримом будущем перейти из одного качественного состояния в другое, т. е. претерпеть перемены, резкие (крутые), или медленные (постепенные), в том или ином направлении, под влиянием как внутренних, так и внешних факторов (мировой контекст), в силу объективных закономерностей исторического процесса, обеспечиваемого действием "человеческого" (субъективного) фактора.

Идеальная модель перехода к новому общественному состоянию сводилась к следующему: усугубление противоречий и накопление не решенных проблем — частичный (или общий) кризис системы — далее, преодоление противоречий, разрешение проблем (за счет каких-либо управленческих воздействий или коррекций системы) либо, напротив, не контролируемые властными структурами общественные сдвиги (перемены).

Концептуальное построение, как будто, вполне традиционное...

Но сама методика (вопросник, сценарий беседы), как мне представляется, богаче этого в общем линеарного представления. В частности, в ней:

а) выдвигается альтернатива: стабильность (равновесность) либо неустойчивость (неравновесность?) общественной системы (что, стоит заметить, дало повод для ряда наиболее ценных, эвристичных размышлений экспертов);

б) поставлен вопрос о соотношении — столкновении или сотрудничестве — разно действующих социальных сил (слоев и групп, а также типов людей), одни из которых способны подтолкнуть общество к переменам, другие — фактически их осуществить, третьи — поддержать и закрепить, четвертые — станут активно противодействовать, пятые — будут пассивно препятствовать социальным изменениям;

в) саморазвитие общественной системы рассматривается в глобализационном контексте, с учетом потенциального и реального влияния обстоятельств, тенденций, процессов мировой жизни. (Долгосрочное существование системы, полностью изолированной от внешней среды, в принципе невозможно);

г) предусматривается возможность разнонаправленных перемен (например, сначала в одном направлении, потом — в другом, т. е. своего рода поступательно-возвратное движение или “пульсирующее” развитие).

Само по себе предположение о возможности существенных перемен (будь то в направлении к западному цивилизационному типу или в каких-либо иных направлениях) исходило из (не эксплицированного в методике) теоретического допущения нелинейности исторического развития (в отличие, скажем, от марксистской формационной модели всемирно-исторического процесса).

Вместе с тем, авторами экспертно-прогностической методики лишь смутно осознавалась перспектива множественной цепи исторических “развилок” (точек бифуркации, в терминах современного синергетического подхода).

Строго говоря, в методике отсутствует постановка ряда принципиальных, проблемных вопросов, инициативно выдвинутых отдельными участниками нашего исследования. К таким вопросам относится, например, усмотренная одним из экспертов логика развертывания универсального противоречия между “порядком” и “стихией” в российской истории (см. выше: эксп. лист № 18), и отмеченный другим экспертом актуальный процесс “самоупорядочивания” социального хаоса (см. выше: эксп. лист № 34).

Пожалуй, не давала наша методика поводов и для акцентирования роли спонтанности и случайности (флуктуаций — в синергетических терминах) в общественной самоорганизации...

(Да простят мне мои соавторы, с которыми вместе сочинял тот вопросник! Скажу уверенно лишь про себя: я был тогда далек от постановки этих теоретико-методологических проблем, тем более — от перевода их в план методический. Напомню, однако, что труды основоположников современной теории самоорганизации и зачинателей синергетической парадигмы, как таковой — Г. Хакена, И. Пригожина, Г. Николиса и др. — появились только в 70-х гг. минувшего столетия).

...Как уже говорилось, некоторые из запрошенных (стимулированных) нашим экспертным опросом социально-исторических прогнозов оказались довольно точными. Но, пожалуй, ни один из них не вышел, да и не мог выйти — за пределы ближайшей перспективы (можно сказать так: горизонт сбывшихся предсказаний дальше XX века не простерся).

Вообще же, с учетом всего сказанного, исторический прогноз может быть только “ветвящимся” и поливариантным. (Отмечу, что именно **ветвящийся** (или “ступенчатый”) прогноз представлен в ряде ответов участников опроса “Ожидаете ли Вы перемен?”. (Наиболее явно это, пожалуй, в экспертном листе № 5). Ибо всякий последующий этап самоорганизации системы предполагает как изобилие новых флуктуаций (внутренних и внешних), так и “поле вариаций для выбора пути” (В. Василькова).

Так или иначе дальнейший “маршрут” движения всякого данного общества (да и мира в целом) вовсе не предопределен. (Январь 2004 — март 2005).

(Конец подборки “Из материалов андерграундного экспертно-прогностического исследования “Ожидаете ли Вы перемен?””. — А. А.)

***

(todoc13b.doc)

*<…> (Здесь опущен отправленный Б. Докторову материал **«Извлечения из “дела социолога-рабочего” (1984-1987)»,**, подготовленный А. Алексеевым для сайта «Международная биографическая инициатива». См. http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Supplements/alekseev_affair.html .*

Впоследсии этот текст полность. Вошел в состав стать «Познание ерез действие (Так что же такое «драматическая социология?)». См. ниже, в части 2 настоящей работы. – А. А. Январь 2011).

***

(todoct14.doc)

Письмо Б. Докторова А. Алексееву (14)

воскресенье, 28 мая 2006 г.

Андрей, поездка была сложной, но интересной и успешной. Пока прихожу в себя, it takes time. Но работать начал.

1.

Во всех твоих посланиях с литерой «13» (не типично для Америки) разобрался. И даже кое-что начал делать по части реализации твоих добрых предложений.

* Борис Фирсов вернется в Питер, и мы с ним пообсуждаем вопрос о сетевом варианте его книги.

* Если ты мне нарисуешь электронный адрес и/или телефон Аллы Назимовой, свяжусь с нею вмиг. Это по части мемуаров Гордона.

* Три дня из жизни Ядова я нашел, но эти зарисовки <…> не очень интересны. Хотя линк сделаем.

* Спецвыпуск по поводу 70-ти летия Ядова у меня есть, Ядов дарил. Днями постараюсь найти в моей библиотекt, полистаю, посмотрим.

* Оле Старовойтовой я написал. Она 11 июня вернется в город, поработаем вместе и сделаем материлы о Галине. Да, книга, выпущенная Кесельманом и Ольгой, у меня есть.

* Гиренко я совсем не знал, не встречался с ним. Если у тебя есть координаты Вали Узуновой и/или Винникова, напиши. С Валей мне просто будет приятно пообщаться, но и Винникова знаю.

2.

Твои материалы из “Драматической социологии и социологической ауторефлексии” уже вывешены.

* Извлечения из “дела социолога-рабочего” (1984-1987). В разделе Supplements.

* Что-то в организации (техническая сторона) текста не позволило Диме расположить в Supplements «Из материалов андерграундного экспертно-прогностического исследования рубежа 1970-80-х гг. (“Ожидаете ли Вы перемен?”). Этот текст – в History of Sociology.

3.

Я понял твое стремление опубликовать эти два текста в «Телескопе». Хотя, как любой издатель, Миша стремится публиковать то, что не было опубликовано, для твоего случая можно отойти от этого правила. Я напишу ему, можешь и ты переговорить с ним. Краткую вводную я напишу, это обязательно. Но все же, давай подумаем о том, чтобы ты на пару страниц написал то, что я прошу тебя: историю возникновения жанра «Драматической социологии» и термина. Этот материал должен иметь вид специально написаннного для РУБРИКИ. Это и будет новое.

И второе. Интервью мы должны добить. И попозже публиковать обязательно.

4.

Дошла ли до тебя моя книга? Так получилось, что Шереги все выслал на имя Саганенко. Она начала распространять книги. Там был лист рассылки, естественно, в нем есть ты и Машуня. Лене я отправлю книгу в Германию.

5.

...сам я постепенно погружаюсь (параллельно с занятиями историей российской социологии) в историю американской рекламы. В России бытует представление о том, чо реклама - это просто, это то, чем могут заниматься почти все... мои раскопки показывают, что первые рекламисты были прежде всего стихийными социальными философами, социологами, а потом – литераторами, или авторами убеждающих текстов. Они задумывались об этике рекламы и о том, в чем ее назначение, функция. Они быстро перешли и к инструментальной теме: что повышает эффективность рекламного воздействия? Многие из них были глубоко религиозными людьми, есть такие, которые до того, как начали писать рекламные тексты, ничего кроме Библии не читали. Эта книга стала для них и этической основой их бизнеса, и моделью убеждающей речи.

Кое-что на эту тему я начал говорить в очерке о Бартоне в последнем Телескопе.

Все классики американской рекламы были мощными личностями и в высшей степени креативными бизнесменами. Безусловно, большие деньги, которые они получали за свой труд, стимулировали их творчество, но не деньги были импульсом деятельности. По большому счету они продавали (рекламировали) лишь то, во что верили, и главное – они верили в то, что новый продукт будет нужен людям, он решит их проблему. Лучшие – а я говорю только о них – шли не от интересов бизнеса, производителя, но от понимания интересов покупателей. Они не увлекались формой, словом, шрифтом, картинкой ... все это было лишь средством показать населению потребительские свойства товаров, услуг. Многие их них, не имея образования, прекрасно понимали социальный мир и логику науки... не ученые пришли к

рекламистам с предложением помощи, но передовые бизнесмены и рекламисты пришли в университеты. Прежде всего – к психологам, ведь социологов, владевших эмпирическими методами, в начале 20 века просто не было.

Хьюго Мюнстерберг и Эдвард Торндайк могли стать отцами изучения рекламы, но академический статус не позволил им заняться «торговлей»... и т.д.

Рекламисты, одни из авторов метода наблюдения, ведь знчительнгая часть из них до прихода в мир рекламы работали продавцами, причем – ходили по домам, изучали напрямую психологию потребителя, понимали, что с женщиной надо говорить иначе, чем с мужчиной, разделяли городскую публику и сельскую, черных и белых, протестантов, католиков и евреев, знали потребности людей и умели в каждом случае найти свой подход..... все это потом они и реализовали в рекламе, в философии и этике рекламы...

Их деньги, честно – по понятиям своего времени – делали их независимыми, многие отказывались от рекламы алкоголя, белья, сомнительных медицинских препаратов... будет кураж, напишу книгу.

Обнимаю, Боря

***

Письмо А. Алексеева Б. Докторову (14)

Копии — Ближнему кругу (Л. Кесельману, Р. Ленчовскому, М. Мацкевич, А. Родионовой)

1 июня 2006 г.

Дорогой Борис!

Поздравляю с успешным трансокеаническим путешествием, туда и обратно!

В своем нынешнем послании ты, как всегда, информативен, лаконичен и ничего существенного для твоего корреспондента не оставляешь без ответа. Спасибо!

Сначала оперативные реакции.

1. Запрошенные тобою электронные адреса:

Алла Назимова: nazimova@mtu.net.ru дом. тел.: <…>

(подчеркну, что речь в данном случае идет не о “мемуарах Гордона”, как ты, вероятно, оговорился, а о пакете воспоминаний О НЕМ)

Валентина Узунова: uzunova@mail.admiral.ru

Александр Винников: vinal@av11416.spb.edu

(они оба — соратники, издатели трудов и в известном смысле биографы Николая Гиренко)

Кроме того, адреса, которые могут пригодиться (если у тебя их нет):

Владимир Паниотто: paniotto@kmis.kiev.ua

Валерий Хмелько: khmelko@kiis-1.kiev.ua

(Украинских материалов пока не хватает на сайте IBI. Еще, стоило бы бы связаться с Евгением Головахой, который, кстати, является главным редактором журнала “Социология: теория, методы, маркетинг” Института социологии НАН Украины).

2. Большое спасибо — тебе и Диме — за сверхоперативность в размещении на Вашем сайте фрагментов “Дела социолога-рабочего” и “Ожидаете ли Вы перемен?”. Они, как говорится, хорошо там смотрятся (по крайней мере, моими глазами...).

3. Благодарю за понимание моего стремления оперативно разместить эти два текста также в “Телескопе”. Две странички о жанре “Драматической социологии...” и об истории ссответствующего термина я, конечно, напишу; может быть, даже в эту отправку поспею.

С Мишей Илле ты лучше свяжись сам, как “ведущий рубрики”. Никакой специальной адаптации этих материалов для “Телескопа”, кроме как убрать ссылки на “настоящий сайт”, там не надо. Разумеется, если что потребуется (вычитка оригинал-макета и т. п.) я сделаю на месте.

3-а. От биографического интервью, как такового, я не отказываюсь. Хоть и продолжаю сомневаться в его уместности после собственной 4-х томной ауторефлексии, а также на фоне многих (рассмотренных мной в том числе и на вашем сайте...) именитых (и не очень именитых...) лиц советской социологии, расплывающихся в улыбке, которая — пусть и не без оснований! — самодовольна.

Вот, А. Здравомыслов остроумно заметил в своих “Вехах Научной Биографии” по случаю своего 70-летия. 1998 (прописные буквы Андрею Григорьевичу здесь не в укор, а — особенность сетевой подачи):

> “Специалисты по биографическому методу утверждают, что всякое изложение биографии есть просто-напросто средство саморекламы, пропаганды некоторого образа, создаваемого автором нарратива, который он хочет передать аудитории. Имея в виду эту достаточно солидно научно обоснованную установку, я бы хотел, чтобы вы воспринимали то, что я буду говорить, именно с этой точки зрения: в моем рассказе нет претензии на объективную истину. В нем волей-неволей содержится элемент не то чтобы саморекламы, но он отражает мою собственную точку зрения на те процессы в которых я участвовал *(выделено мною. — А. А.)*”.

Интересно, в частности, то, что интенция саморекламы здесь открыто отождествляется с собственной точкой зрения на себя (в науке). А вот у меня, как ни крути, либо “контрпропаганда”, либо уж какая-то “слишком хитроумная” автореклама получается (читай фрагменты нашей с тобой беседы).

4. Книга твоя об истории изучения общественного мнения до меня пока не дошла. Спасибо, что учел меня в рассылке. Когда увижу Саганенко, обязательно поинтересуюсь у нее.

5. Твой фрагмент об отцах-основателях американской рекламы (в письме), равно как и текст о “Моисее” этой современной мифологии в “Телескопе” — серьезны и убедительны. Кроме приоткрытия мало знакомого мне до сих пор “социального континента”, очень привлекательны стиль, манера твоей литературной подачи и социолого-культурологическая концептуализация тобой подобных исторических сюжетов. На них — невидимый, но ощутимый “знак качества”.

* * *

А теперь — мой тебе (и остальным нашим корреспондентам-читателям...) подарок.

***

Нечто вроде интермедии - 2

Из переписки А. Алексеева и Р. Ленчовского (май 2006)

(Борис! Думаю, с Романом вы знакомы, если не лично, то заочно. А если захочешь его полнее и ярче представить, читай его тексты в главе 6 ДСиСА (том 1), в

главах 8 и 9 (том 2), да — по всем четырем томам, он — один из главных соавторов "Драматической социологии...", в диалогах с которым она, собственно, и вырисовалась. — А. А)

Письмо А. Алексеева Р. Ленчовскому (1)

(начало мая 2006 г.)

Дорогой Роман!

Вот, считай, мы опробуем прямую электронную связь. На всякий случай, я посылаю это письмо на оба адреса. На всякий случай также, я попрошу Аллу послать вам с Аней его также и со своего ящика. Соответственно, и ты отвечай, параллельно, по моему адресу: alexeev34@yandex.ru и по ее: allar_st@mail.ru

Это, пока, для страховки. Кроме того, благодаря этому обстоятельству, я смогу иногда узнавать о твоем письме раньше, чем окажусь на работе (что бывает обычно по вторникам и четвергам).

Настоящее письмо, в известном смысле, тематическое. Я хочу обратить твое внимание на сайт Дмитрия Шалина из Университета Невады, на котором разворачивается американо-российский проект по истории российской социологии при посредстве, в частности, биографического метода. "История российской социологии в лицах" — как я это называю. Организаторы этого дела — двое "российских американцев": Дима Шалин (бывший сотрудник лаборатории Ядова, эмигрировавший в 80-х гг.) и Борис Докторов (эмигрировавший в середине 90-х). Последнего ты, возможно, знаешь.

Помню, ты еще в позапрошлый свой приезд в Питер очень заинтересовался толстой черной книжкой "Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах", 1999 г. изд. Я до сих пор храню в ней твои закладки. Так вот, все эти 25 биографических интервью российских социологов-шестидесятников вывешены теперь на этом сайте, и многое-многое еще. Сам увидишь...

Как зайти на этот сайт? Воспроизвожу здесь фрагмент письма Б. Докторoаа мне от 5 апреля 2006 г.:

> Андрей, вот то, что я кратко сказал тебе по телефону.
>
> Дима Шалин, профессор Университета Невады в Лас-Вегасе, - заметная фигура в американской социологии и кроме того заниматся Россией..его интересует методология биографий сама по себе и применительно к России – в частности...
>
> У него есть сайт (http://www.unlv.edu/centers/cdclv/mission/index2.html) - на главной странице его фото с Бродским.
>
> В конце марта у Димы возникла идея разместить мои интервью и относящиеся к истории российской социологии публикации из Телескопа, на этом сайте. Сказано, начали делать.
>
> Вызвал http://www.unlv.edu/centers/cdclv/mission/index2.html ? Посмотри левый столбец открывшейся страницы, найди строчку International, нажми это слово. Откроется другая страница: International Programs offered by CDC. Чуть ниже расположен раздел History of Russian Sociology Project.
>
> Дима разместил на сайте сообщение о моей работе и были положены первые тексты: Vladimir Yadov, Boris Firsov, Yakov Gilinsky, Boris Doktorov, Elena Smirnova, Leonid Keselman, Roman Mogilevsky, Aleksandr Oslon, Georgy Satarov.
>
> Там же есть материалы: Doktorov on the project's history, Shalin's comments on the interviews, Bozhkov and Protasenko on the Golofast Affair, Doktorov on the Firsov Affair.
>
> Это все – начало...Во что это выльется? Никто не знает. Мы оба с Димой «заводные» и потому трудно сказать, что придумаем. Может и ничего... а может и чего...
>
> Хочу попросить тебя прочесть текст Шалина Shalin's comments on the interviews и прокомментировать сказанное. Мы собираемся уже в ближайшее время вывесить начало дискуссии по биографическому интервью...писать, естественно, можно по-русски...

Во что “это вылилось”, увидишь, зайдя на упомянутый сайт сегодня, т. е. всего месяц спустя.

Кстати, они уже и первые два тома “Драматической социологии и социологической ауторефлексии” вывесили (посредством link’а с сайтом КМИС)...

Кроме того, для тебя будет интересна моя переписка с Борисом Докторовым, возникшая в связи с его предложением взять биографическое интервью у меня, а затем расширившаяся до “методолого-методических” сюжетов и проч. Куски ее, являющиеся непосредственным комментарием к проекту Б. Д. и Д. Ш., помещены на том же сайте, увидишь.

Эту переписку (февраля-апреля 2006 г.) я, по своей “коллекционерской” привычке, свел воедино под заглавием “В поисках Адресата”, в двух объемных файлах aldoke1a.doc и aldoke2a.doc, которые тоже тебе сейчас посылаю. Там, по обстоятельствам переписки, много повторов, так что читать все подряд не понадобится.

Среди прочего, там, на конкретных примерах, обсуждается проблема лично-общественного характера переписки. Из соображений конфиденциальности из этого свода сделано несколько купюр (как правило оговоренных). И тем не менее — текст этот пока предназначается только для тебя (ну, и от Инны и Анечки, понятно, не секрет...), “без права распространения”. Для снятия этого ограничения, я должен сначала запросить Бориса, поскольку там есть и его тексты. Мои же тексты “цензурированы” мною изначально — вреда никому принести не могут.

Кроме того, в эту же отправку помещаю свое последнее письмо Борису Докторову — todoct12, продолжающее эту переписку и, кстати, комментирующее данный сайт..

Я понимаю, что настоящим “почтовым отправлением” я задаю тебе кучу работы — читать, сопереживать, осмыслять. А материалы сайта Шалина — так и вообще, читать не перечитать. Так что можешь пока ограничиться ответной информацией о получении и о технологической доступности для тебя всех присланных материалов, а также упомянутого сайта, как такового.

А более обстоятельный обмен мнениями — можно во времени немного и отодвинуть. Тем более, что я имею доступ к своему почтовому ящику — не каждый день.

Обнимаю!

Твой Андр. Ал.

**

<…>

**

Письмо А. Алексеева Р. Ленчовскому (2)

roman-lenchovsky@yandex.ru
yasya_len@ukr.net anna575@lycos.com

21.05.2006

Дорогой Роман!

Электронная связь между нами только начала налаживаться, как в нашей институтской комнате вдруг отключились все компьютеры (где-то, видимо, выскочила пробка...). Так что я прошу тебя по-прежнему все свои почтовые отправления адресовать пока также и на почтовый ящик Аллы Родионовой (allar_st@mail.ru).

И еще одно предварительное замечание. Вот ты просил меня подтвердить получение твоего письма от 16 мая (с приложением ранее затерявшегося — от 11 мая). Я подтвердил, как только получил. Но строго говоря, мне с ледовало указать — ЧТО ИМЕННО я получил (вот теперь это делаю). Так и ты, пожалуйста, каждое очередное

письмо начинай с “инвентаризационной” справки: чтО получено. Чтобы твоему корреспонденту не “вычислять” по твоему содержательному отклику, что ты получил, а что, может, не дошло: или занесло на другой адрес, или адресат не сумел открыть файл, или получил, но не успел прочитать (ведь приложения бывают иногда крупногабаритными).

В частности, из твоего последнего письма от 11-16 мая можно уверенно предположить, что ты ознакомился с моим письмом от начала мая (tolenc1.doc). Но вот достиг ли тебя (через Анечку или непосредственно) отправленный тогда же свод моей переписки с Б. Докторовым за февраль-апрель 2006 г. (aldoke1a.doc и aldoke2a.doc), а также копия моего письма ему от 3 мая (todoct12), остается гадать... (по некоторым косвенным свидетельствам — дошло).

Этот “свод переписки”, даже обретший у меня название **“В поисках Адресата”** и возникший первоначально из предложения Бориса ко мне об автобиографическом (ауторефлексивном...) интервью для “Телескопа”, но сразу “вышедший из берегов”, уже занимает около 200 страниц (впрочем, во многом за счет приложений и “технологических” повторов...). Его можно читать сразу или отложить ознакомление с ним на близкое либо отдаленное будущее, можно реагировать на него содержательно, а можно — нет. Важно — однозначно подтвердить получение, чтобы отсутствие такового (подтверждения...) было для отправителя сигналом о том, что послание не получено.

К сожалению, привычки к подобной обязательности в виртуальных контактах у нашего брата нет... Например, я до сих пор не знаю, получал ли Л. К, регулярно посылаемые ему копии моей переписки с Докторовым или нет, хоть мы и чуть не ежедневно общаемся по телефону или лицом-к-лицу (Леня в данный момент не в Аахене, а в Питере). А спроси его — так он, при своей переуплотненности электронного общения, теперь уж и не вспомнит наверняка...

(Мораль отсюда: непосредственное общение, которое, в частности, ты исповедуешь, в общем предпочтительнее опосредованного, тем более — электронного, хоть и у последнего есть свои достоинства).

Со всеми этими этико-психо-организационными проблемами я впервые столкнулся еще в пору “Писем Любимым женщинам”, которые (Любимые...) иногда отвечали на мои “веерные” послания, иногда нет, а когда я вздумал провести опрос — “Анкету для моих любезных корреспонденток”, то получил ответы, обработку и обсуждение которых (в очередном письме, специально на эту тему) впоследствии не счел возможным включить в свою тетралогию — не из экономии места, а в силу чрезмерной интимности этого сюжета.

Жанр “Драматической социологии”, принципиально не завершаемой, как ты справедливо пишешь, предполагает соседство или даже симбиоз “письма”, “дневника” и “статьи”. Ну, на письмо надо отвечать, прочитав чужой дневник можно и промолчать, а статьи — так и читать не обязательно.

Так или иначе, получив соответствующее разрешение Б. Докторова (см. мой запрос ему в файле todoct12, а ответил он по телефону, устно), я отныне делаю тебя постоянным “параллельным” адресатом нашей с ним переписки (так сказать, “обязательный экземпляр”...), представляющей интерес как “путевой дневник” (твое выражение...), по крайней мере за последние четыре месяца. Так что одновременно с этим письмом ты получишь файлы todoct13, todoc13a и todoc13b. Реагировать на них, понятное дело, не обязательно. Только подтверждать получение.

Такой способ общения не исключает сугубо-личной переписки, которая может вестись и независимо, и внутри “лично-общественной”; только при обнародовании последней необходимы соответствующие, заранее оговоренные купюры. (В каком-то из писем Докторову я это специально обсуждал).

И последнее, уже “технологическое”, замечание. В отличие от большинства современных корреспондентов, я не люблю доверять машине прилагать original message к посланию replay. Поэтому всякое мое письмо будет сопровождаться собственноручно устроенным “приложением”, в виде текста письма, на которое я

“отвечаю”. Возможно, и тебе такая манера покажется удобной. Надеюсь, ты уже научился вырезать, копировать и переносить куски текста из файла в файл?

Теперь несколько фактологических сообщений и реакций.

На почтовые расходы по пересылке “Драматической социологии...” на Украину было получено мною от тебя (спасибо Валерию и Володе!..) переводом 3825 руб. Истрачено (округляю): 600 + 600 + 1200 = 2400 руб. Еще предстоит отправка двух комплектов книги, что потребует порядка 300-400 руб. Итого будет ок. 2800 руб. Таким образом, остается порядка 1000 руб, кои я “прикарманиваю”, либо до встречи, либо навсегда себе “за труды” по пересылке (что при нынешнем состоянии российской почты оказалось чрезвычайно трудоемким).

Ежели вдруг кому пригодятся, почтовые квитанции я сохраняю пока...

Насчет “Физики логоса”. Тебе повезло: сейчас не буду рассказывать, как ко мне случайно попал в руки второй экземпляр этой почти самиздатской книжки, кроме дарственного мне. Я вышлю его тебе — в бессрочную аренду, с очередной бандеролью.

Ты пишешь, что особенно был заинтригован интервью С. Ч.. Да, Сережа Чесноков — действительно уникум, личность совершенно необыкновенная. В “Драматической социологии...” он фигурирует дважды: в томе 1 (сноска к Предисловии, с. 42) и в томе 4 (раздел 23.12, где, в частности, крупное цитирование из “Физики Логоса”, как аргумент в “Эпистемологических дебатах”).

Насчет “всероссийской”, т. е. “всесоветской” истории социологии в лицах. Сайт Шалина и Докторова достиг за эти два месяца таких размеров, что уже уже возникают трудности выбора материалов для чтения.

Вот я переписываю сюда для тебя его оглавление по состоянию. на 11.05.2006 (см. в приложениях...). И там выделено **п/жирным** то, что заслуживает, на мой взгляд, первоочередного чтения. а подчеркнут год для текстов, опубликованных в журнале в питерском журнале “Телескоп”.

Что касается биографических интервью российских социологов, то ты, я думаю, будешь знакомиться с ними в порядке предпочтительного интереса к персоналиям. Единственное, о чем предупрежу,что публикации из “Социологического журнала” (1995-2005) и из сборника “Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах” (1999) существенно содержательнее юбилейных интервью из “Журнала социологии и социальной антропологии”. Последние на сайте имеют точную библиографическую отсылку, а первые — пока нет. Поэтому переписываю сюда из одного из своих предыдущих писем Б. Докторову информацию о персоналиях, фигурирующих в вышеупомянутом сборнике:

— Колбановский, Ядов, Шубкин, Левада, Осипов, Кон, Заславская, Здравомыслов, Ольшанский, Карпинский, Грушин, Оников, Руткевич, Лапин, Рывкина, Коган, Наумова, Галкин, Пилипенко, Фирсов, Араб-Оглы, Гордон, Давыдов, Бестужев-Лада, Семенов,

а также информацию о персоналиях, фигурировавших в “СЖ” (в скобках — год и номер журнала):

— Ольшанский (95-1), Фирсов (95-2), Карпинский (95-3), Левада (96-3/4), Заславская (97-1/2) (эти пять текстов потом вошли в упомянутое выше собрание воспоминаний), Радаев (2000-3/4), Чесноков (2001-2), Дробижева (2001-4), Яницкий (2002-1), Левинсон (2002-2), Гудков (2002-2), Дубин (2002-2), Шкаратан (2002-3), Алиева (2002-4), Батыгин (2003-2), Божков (2004-1/2)...

(Для Б. Д.: можно использовать эту информацию для точной библиографической атрибуции соответствующих текстов на вашем сайте... — А. А.)

Думаю, теперь ты сможешь эффективно обустроить свою работу с этим сайтом.

Кстати, достаточно ли быстро работает твоя машина с интернетом? Мне недавно довелось убедиться, что скорость вызова соответствующих материалов в зависимости от ряда технологических обстоятельств может различаться на пару порядков.

В заключение, процитирую тебя — своего рода эпиграф к настоящей переписке:

> “...Именно технология "мгновенной почты" делает ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫМ и для Тебя то, что для меня психологически в высшей степени ПРОЦЕССУАЛЬНО, когда смысл (завершенность) целого - в каждом шаге "бега жизни", как говорят немцы ("завершенность" того, что просится быть "ПУТЕВЫМ дневником" , понятное дело, не в "конце пути", - не таков ли во многих моментах жанр "Драматической социологии..." и ЕЁ принципиальная незавершаемость?!)...”

Обнимаю! Поклоны Анечке, Инне. При случае — Валерию, Володе. Вам всем — от Зины.

Это письмо я отправлю во вторник, 23 мая. Либо сам, либо через Аллу (или — оба варианта). Следующий после этого выход на связь будет либо в четверг, либо уже в следующий вторник 31 мая.

Твой Андр. Ал.

**

Содержание IBI, по состоянию на 11.05.2006

<...> (Здесь опущено. См. выше. – А. А. Январь 2011)

http://www.unlv.edu/centers/cdclv/mission/index2.html

**

<…>

**

Письмо А. Алексеева Р. Ленчовскому (3)

<roman-lenchovsky@yandex.ru>

1 июня 2006 г.

Дорогой Роман!

Вчера отправил по почте две “заключительные” бандероли. В одной — один комплект томов 3 и 4 ДСиСА, в другой — такой же комплект плюс еще лекции Фирсова по истории советской социологии и “Физика Логоса” Чеснокова (первое тебе насовсем, второе — в бессрочную аренду).

Денег из полученных из Киева на почтовые расходы осталось 1000 руб. Я их пока присваиваю. А там видно будет...

* * *

Отвечаю на твое письмо от 25 июня.

Ты очень уместно инвентаризировал все те файлы, которые я тебе посылал. Это дисциплинирует переписку, облегчает ее сохранение, позволяет минимизировать повторения.

Как ты мог заметить, я формирую “своды” (aldoke...) своей переписки с Докторовым и Кесельманом (Л. К. в ней последнее время пассивен, что отчасти можно отнести за счет его месячного пребывания в Питере; позавчера Леня снова уехал в Аахен, где теперь постоянно проживают его жена и сын). Получается своеобразное эпистолярное произведение, оно же — “путевой дневник” (в смысле “жизненного пути”...), оно же — “собрание сочинений”...

Разумеется, это не исчерпывает всего богатства жизни корреспондентов, но по крайней мере охватывает ОБЩНОСТЬ их жизни. Этакая “интерференция аур”... Микромодель “ноосферы”... Не повторяя здесь всех соображений о лично-общественном характере переписки, о необходимости сбережения тайны интимного общения и т. д., могу предположить, что и наше alle (которое я, разумеется, буду формировать “по ходу дела”, и тебе пришлю...) может представить не сугубо частный интерес.

А может быть, со временем осуществить и “пересечение кругов”, скажем — adkl...? Ведь не только переписка, скажем, Докторова и Алексеева может быть интересна Ленчовскому, но и первому может оказаться небезинтересен диалог двоих других. Ну, и далее — расширение круга творчества-восприятия-общения до анонимного читателя, как в той же “Драм. социологии”...

(Диалог, кстати, это совсем не обязательно “двое”; бывает и “многосторонний” диалог. ДИА- не “два”, а “сквозь, через”... См. рассуждение об этом Рэма Баранцева в ДСиСА, том 4, с. 528).

* * *

Ремарка

Еще в начале мая Роман сообщал мне по телефону, о готовящейся на социологическом факультете Национального университета “Киево-Могилянская академия” своего рода презентации 4-х томника “Драматическая социология и социологическая ауторефлексия”.

Неожиданно выросла эта затея из нашей с Романом договоренности подарить том 3 ДСиСА, в котором (с. 86-97) приводятся тексты студентов КМА — участников спецсеминара Р Ленчовского по коммуникативной социокультурной биографике, посвященные изучавшимся на семинаре первым 2-м томам указанной книги, — самим этим студентам. Я надписал книжки, выслал...

“Не в коридоре же вручать!.” — рассудил Роман. Так попал я в бенефицианты. См. ниже. — А. А.

**

Мое смирение... паче гордости!

Дорогой Роман!

Не без содрогания слежу за твоими усилиями относительно моего “бенефиса” в Киево-Могилянской академии. Хорошо хоть, что меня там не будет. Дай Бог, чтобы его (бенефиса...) организаторам не изменило чувство меры. Ибо избыточный пафос может “схлопнуться” в карикатуру (в восприятии “прихожан”). “Призвание”, “зов” — оно настраивает на апологетический лад, в духе “перестроечной журналистики”...

А не хочешь ли — “СОЦИОЛОГИЯ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ”?

В самом деле, в какой-то момент (похоже, в конце 70-х — начале 80-х), в частности, у будущего автора (изобретателя?.. открывателя?..) “драматической

социологии” произошла этакая оригинальная сверхидентификация с профессией, когда собственная жизнь стала восприниматься как объект и инструмент (обрати внимание — и то, и другое!) некой социологической штудии. Социология стала жизнью, а жизнь — социологией.

Интересно, что вместе с тем это было и своего рода “выходом за рамки...”, “выпрыгиванием...” из профессии, ибо решение неких жизненных, сугубо практических задач (запуск ущербного станка или оборона от гебешного наката или еще что...) лишь с большой долей условности можно трактовать как тематизированное “социологическое исследование”.

Единственное, что вроде бесспорно, это что то были акции если не исключительно, то также и социально-познавательные. (А не есть ли вся наша жизнь — в известном смысле — познание мира и себя, или себя и мира?). А тут уже поле не только для “драматической социологии и социологической ауторефлексии”, но и для **драмы социального миро-** и **самопознания.**

Я это сейчас к тому, чтобы избежать абсолютизации или фетишизации социологического знания, как такового. Т. е. не обязательно быть социологом для постановки ауто-экспериментов и т. п. Равно как и “драматическая социология”, разумеется, есть лишь предельный (маргинальный?..) случай социологического подхода, переходящий в нечто совсем иное (не только не социологию, но даже, может, и не науку... А во что?!).

Возвращаясь к отправному пункту этого рассуждения, я бы пожелал твоим студентам, они же — мои любезные интерпретаторы (см. том 3 ДСиСА, раздел 0.12), коим пользуюсь случаем сейчас передать мою благодарность и привет, так вот — пожелал бы не столько искать в себе (социологическое...) ПРИЗВАНИЕ (за чем может скрываться банальный поиск “признания”...), сколько просто попробовать ЖИТЬ, если можно так выразиться, социологически!? (я знаю, что по правилам правописания вопросительный знак должен предшествовать восклицательному, но тут — наоборот).

Под последним же я понимаю как минимум “включенное наблюдение”, а лучше — “наблюдающее участие” в собственной жизни, во всех ее общественных (в личных, интимных — лучше не надо!) проявлениях. Ну, без “полевого дневника” (будь то в протокольной, эпистоляпной или иной форме...) тут не обойтись...В результате чего не исключено, что и профессиональное социологическое призвание объявится (а может и нет... а может и не надо... а вместо него какое-то совсем другое!)

Итак, начав с тревоги за “передозировку” в вашем презентационном мероприятии, я закончил (не более. не менее как!..) “обращением к молодежи”, и попыткой выявить универсальный, вне- или суперпрофессиональный смысл своего 4-х томного (увы, циклопического! уж всяко можно было бы быть полаконичнее...) произведения.

В своей нынешней попытке усомниться в “призвании по А.” (составляющем, как ты пишешь, “фокус твоей темы”), впрочем, вовсе не ставя при этом под вопрос социологическое призвание “по Веберу”, и даже таковое призвание “по-советски” не претендуя оспаривать, я... чуть ли не к новому “способу жизни” зову! Такое получается смирение... паче гордости.

Всегда и вновь благодарный тебе, Андрей Ал.

1.06.2006

Дописав где-то до середины этот, ныне озаглавленный и выделенный красным цветом пассаж, я уразумел, что сочиняю что-то вроде собственного выступления на факультете социальных наук и социальных технологий КМА, вослед твоему докладу. И тогда эту речь бенефициантa несколько “причесал”... Может, данный текст тебе и пригодится. Разрешаю хоть цитировать его (полностью или выборочно...), хоть перелагать “своими словами”; хоть — ради согласия с ним, хоть ради полемики...

* * *

...Сейчас обратил внимание, что **Ты**, кажется, у меня позаимствовав оригинальную манеру писать это местоимение с прописной буквы, именно так сейчас его и употребляешь (по крайней мере “зеркально”, в письмах ко мне). А я вдруг перестал... Тут вот такая заковыка.

Один из моих друзей, человек религиозный, еще даже не успев перелистать наш с тобой труд, обратил внимание на цитату, вынесенную на обложку 1-го тома. “...Состязание Тореадора и Быка — прекрасная метафора жизни. Успеха Тебе в Твоих корридах!” (Это — из “Писем Любимым женщинам”; так же — и по всей книге, в эпистолярных текстах). Знаешь ли ты, сказал он мне, что с прописной буквы во 2-м лице единственного числа пишется (только!?..) обращение к Богу.

Признаться, отношение к Другу как к Богу мне не кажется кощунственным. Но стоит ли искушать Судьбу (опять же — с прописной, т. е. заглавной буквы...) за чужой счет, а также демонстрировать свое если не безбожие, то пренебрежение к традиции, не столько церковной, сколько общекультурной.

Убедиться в том, что именно так и оно есть (а ведь и раньше знал, да как-то на периферии сознания...), оказалось не трудно, раскрыв книжку, недавно подаренную другим моим другом, кстати, социологом, который, уйдя на пенсию, занялся составлением уникального 3-х томного собрания русской духовной позии от XI века до наших дней. (Рифма, обращенная к Богу: Антология русской молитвенной поэзии / сост., вступ. ст. В. Ш. Гороховского. Тт. 1-3 — СПб.: Алетейя, 2005).

Для иллюстрации, ну, хотя бы из Блока (у меня под руками — только третий том):

Не призывай и не сули
Душе былого вдохновенья,
Я — одинокий сын земли,
Ты — лучезарное виденье.

Я знаю Твой победный лик,
Призывный голос слышу ясно,
Душе понятен Твой язык,
Но Ты зовешь меня напрасно.

Земля пустынна, ночь бледна,
Недвижно звездное сиянье,
В моей душе отражена
Обитель страха и молчанья.

(Из аннотации к книге Вадима Гороховского:

“...Еще Н. В. Гоголь отмечал, что “в лирике наших поэтов есть что-то такое, чего нет у поэтов других нацтий, именно что-то боизкое к библейскому... Верховный источник лиризма — Бог”...”).

...Раз уж меня “в эту степь” занесло, замечу, что в советские времена цензоры-редакторы даже и классиков успешно поправляли. И, например, в советских публикациях знаменитого державинского стихотворения “Бог” — не только “Ты”, но даже и сам “Бог” фигурируют с маленькой буквы (см., например: Державин Г. Р. Сочинения. М.: Правда, 1985, с. 52; в изданиях Державина XIX века , не говоря уж о прижизненных, понятно, иначе).

Тут, вообще говоря, интереснейшая и филологическая, и культурологическая, и социологическая проблема вырисовывается. И мой давний “нонконформизм”, и мое невинное “невежество”, и мое нынешнее “смирение” (отнюдь не религиозное...) могут быть культурно-исторически и социально-психологически объяснены.

Но дальше отвлекаться от mainstream’а этого письма не буду. Мое к Тебе почтение не уменьшилось, разве что перестало быть акцентуированным. Разрешаю, и

даже призываю — и меня “чтить” без использования слишком сильных знаков (орфографического...) выделения.

* * *

Я рад, что ты осваиваешь INTERNATIONAL BIOGRAPHY INITIATIVE Шалина-Докторова. Чуть притормозившийся за последнюю пару недель поездки Бориса из Калифорнии (через Тихий океан) в Тюмень экспоненциальный рост этого сайта, имеет шансы продолжиться. Кстати, Б. Д. уже успел запихнуть туда известные тебе todoct13a и todoct13b, Похоже, я начинаю злоупотреблять своим положением “консультанта” этого сайта тем, что “презентую” на нем себя в самых разных ипостасях:

Alekseev on the history of Russian sociology through its dramatis personae, 2006 (Rus)
A. Alekseev. The Alekseev Affair, 2005 (Rus)
A. Alekseev. From an Underground Expert Survey, Late 1970’s-Early 1980’ (Rus)
A. Alekseev, Resources, Norms, and Effects of Autobiograhpical Narrative (Rus)
A. Alekseev, Dramatic Sociology and Sociological Self-Reflection (Rus)

(Вот за последнее — еще и еще раз низкий поклон КМИСу и нашим общим друзьям! Как только удастся инсталлировать на киевском сайте также тома 3 и 4 ДСиАС, естественно, будет пополнен ими — через link — и американский сайт).

Кстати, на сайте Шалина-Докторова пока нет (или почти нет...) материалов с Украины. Я не призываю тебя к организационной деятельности, тем более — зная твою слабую технологическую подкованность. Думаю, что Борис может и напрямую связаться с В. Хмелько, В. Паниотто, Е. Головахой... Но хорошо знакомый с местными изданиями, как периодическими, так и не периодическими, а теперь — и понимающий жанровую специфику IBI, ты мог бы быть хорошим советчиком (= наводчиком), хоть напрямую, хоть при моем посредстве.

А в отношении твоих собственных текстов по биографике и/или по истории социологии (насчет первых уверен, что есть — как уже опубликованные, так и почти готовые...) я был бы счастлив выступить рекомендателем и даже техническим посредником (редактором).

* * *

Перечитав сейчас нашу, пока едва начавшуюся, регулярную электронную переписку, я обнаружил в ее материалах много совпадений и пересечений с нашей с Борисом Докторовым коммуникацией на историко-социолого-биографические темы. Например, получается, что на некоторые вопросы, заданные им, я “отвечаю” тебе, не говоря уж о концептуальных резонансах и фактологических взаимодополнениях.

Это побуждает меня инициативно употребить, по крайней мере, имеющиеся на сегодня материалы НАШЕГО С ТОБОЙ “сетевого” общения для формирования очередного “Нечто вроде интермедии” в диалоге с Б. Д. Причем беру на себя смелость “...не брать разрешения на "склонение" Твоего имени — за давностью "общей каши"...”. Как-никак у нас с Тобой (в порядке исключения, по давней инерции, с заглавной буквы...) есть богатый опыт использования даже глубоко интимной переписки в общественных целях. Думаю, что и тут я не совершу какой-либо неловкости...

Надеюсь, что и Борис, и все те, кому я обычно посылаю копии нашей с ним текущей переписки, этот мой (формально не согласованный с тобой...) шаг оценят.

* * *

В заключение, поделюсь с тобой самоощущением (не скажу — саморефлексией; но, может быть, автопредположением или самовнушением...):

— Пожалуй, едва ли не основным моим творческим занятием, после четвертьвекового перерыва, вдруг — начиная с нашего с Б. Докторовым "В поисках Адресата" (aldoke...) и вот теперь нашего с тобой "Диалога длиною в Жизнь (продолжение в "сети")" (вот так я окрестил бы наше alle...) — вновь становятся... ПИСЬМА (а иное — что-то не пишется...). Так, например, этим письмом сегодня, вкупе с монтажом предыдущих (без какой-либо коррекции, разумеется!..) я занимался — со вкусом, толком, расстановкой, то бишь с удовольствием — чуть не целый день. Почти как встарь...

(В "Письмах Любимым женщинам" были свои ритуалы и нормативы. Например: в каждом письме — по 53 рукописных тетрадных страницы. См. в главе 2 ДСиАС... А тут — сколько машинных, компьютерных?.. Или — иные каноны?).

Такое возрождение жанра — отрадно. Хоть и чуть ли не потруднее будет уложить нынешний "виртуальный" эксперимент и его коммуникативные формы в индивидуальный план вед. науч. сотрудника Социологического института РАН, чем 25 лет назад "эксперимент социолога-рабочего" и отображающее его "эпистолярное хулиганство" — в план НИР (и т. п.) присной памяти Института социально-экономических проблем АН СССР.

Забавно, однако, повторяются как история, так и биография!.. Циклами или по спирали? А если "по спирали" — то куда: "вверх", "вниз" или "вбок"?

Впрочем, я сейчас больше склонен исповедовать синергетический подход и взгляд как на биографию, так и на историю.

Обнимаю!

Сразу подтверди получение. А отвечать можешь не спеша.

Твой Андр. Ал.

1.06.2006

(Конец "Интермедии". — А. А.)

***

(Окончание письма А. Алексеева Б. Докторову. — А. А.)

Борис!

Посмотри, пожалуйста, в томе 2 моей книжки текст Романа Ленчовского "На что мы надеялись или о нравственном смысле анализа превращенных форм..." (раздел 9.5, или стр. 224-233 в томе 2). Мне кажется, эта исповедальная рефлексия философа и социолога из поколения, непосредственно следовавшего за "шестидесятниками" (как он сам его определяет), была бы уместна на Вашем сайте (в разделе "Biographical Method", где — большое разнообразие сюжетов и жанров). Сейчас уже не успеваю приложить электронную версию...

Всего остального (обещанного...) — к моменту настоящей отправки тоже не успеваю. Но, я надеюсь, ты и так не соскучишься разбираться в этой "каше".

Обнимаю! Поклон Люсе.

Попутного ветра тебе в изыскательских плаваниях по морям российской социологии и океанам американской рекламы!

Твой Андрей Алексеев.

2.06.2006

***

(todoct15)

Письмо Б. Докторова А. Алексееву (15-а)

Дата: 02.06.06 18:49
От кого: Boris Doktorov <bdoktorov@inbox.ru>
Кому: <alexeev34@yandex.ru>, <allar_st@mail.ru>

Андрей, дошла ли до тебя моя книга? Текст 14 я получил. Спасибо, будучитать и отвечать. Боря

***

+++

Письмо Б. Докторова— Р. Ленчовскому. Копия — А. Алексееву (15b)

Дата: 03.06.06 05:35
От кого:Boris Doktorov <bdoktorov@inbox.ru>
Кому: <roman-lenchovsky@yandex.ru>
Копия: alexeev34@yandex.ru, allar_st@mail.ru
Тема: мы знакомы давно

Роман, мне кажется, что мы знакомы давно, во всяком случае мне так кажется... В письмах Андрея есть верная идея - получить и разместить на нашем сайте что-нибудь с(из) Украины. Я - за.

Андрей верно описывает вход на наш сайт, но это все уже давно устарело. Просто наберите http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html и окажетсь в нашем доме. Не разберетесь - пишите, помогу.

В отличии от Андрея и вас я не только "ты" пишу с маленькой буквы, но и "вы", ибо не считаю, что величина первой буквы отражает меру уважения. Да и пишу я только тем, кто мне интересен, кого уважаю. Потому не удивляйтесь, считайте, что мое "вы" это как английское “you", всегда с маленькой буквы.

Приветы Володе и Валерию, и Евгению Головахе. Первые двое немного в курсе того, что я более года занимаюсь биографиями советских/российских социологов. Подумайте все вместе, что можете нам предложить. Мы публикуем все на языке оригинала... Я не знаю, на каком языке выходит журнал Головахи... у нас все языки равны.

С лучшими пожеланиями, Борис Докторов

* * *

Письмо Б. Докторова А. Алексееву (15с)

Дата: 05.06.06 09:21
От кого: Boris Doktorov <bdoktorov@inbox.ru>
Кому: <alexeev34@yandex.ru>, <allar_st@mail.ru>

Андрей, я сегодня звонил Саганенко. Она все книги получила, днями притащит на работу. Боря

***

Письмо А. Алексеева Б. Докторову (15). Копии — Ближнему кругу (Л. Кесельману, Р. Ленчовскому, М. Мацкевич, А. Родионовой)

10 июня 2006 г., суббота

Здравствуй, Борис!

За последнее время я успел получить от тебя две коротких записки, а также копию письма Роману Ленчовскому. За что тебе благодарен.

В этом письме я постараюсь развернуть два сюжета. Во-первых — финал затянувшейся истории с судом по заявлению моей дочери об установлении факта, имеющего юридическое значение и т. д.. Во-вторых, попробую ответить на вопрос об истории возникновения жанра "Драматической социологии" и самого этого термина.

Финал суда

...Еще на апрельском (24.04) заседании суда возникло ощущение, что дело наше заходит в тупик. Суд в лучшем случае может счесть доказанным, что О. А. Новиковская проходила обучение в ТОО "Союз педагогов" в 1995/96 учебном году в объеме свыше 1000 учебных часов. Но для предстоящей осенью нынешнего года аттестации этот факт значения не имеет, поскольку, как выяснилось в ходе разбирательства, отменен нормативный документ Минобразования, собственно и давший повод пытаться этот факт установить.

(Приказ Минобразования 1995 г. отменен в 2000 г., чего вовсе не знала тогдашняя зав. детским садом, подтолкнувшая Олю обратиться в суд в 2005 г., и что лишь ко второму судебному заседанию выяснила представитель "заинтересованного лица" — чиновница из Комитета по образованию Правительства Санкт-Петербурга, да и я сам нашел информацию об отмене соответствующего приказа Минобразования в интернете).

Кроме того, возник — сначала у меня, а потом, похоже, и у судьи — никем, впрочем, не артикулированный вопрос о формальной правомерности уже установленной Оле при предыдущей аттестации квалификации учителя-логопеда 1-й категории. Оказывается, в лицензии того самого ТОО "Союз педагогов" 1995-1996 г. логопедия среди позиций реализуемой им образовательной программы вовсе не прописана, в дипломах же Оли и ее соучеников, однако, обозначены специальность "логопедия" и квалификация "логопед" (кстати, не "учитель-логопед", как положено только выпускникам Института им. Герцена).

Оля тем временем (как раз в мае, т. е. в промежутке между предпоследним и последним судебными заседаниями) уже рискнула подать в свой районный отдел образования документы на присвоение ей высшей категории учителя-логопеда (в чем ее все, от детсадовского начальства до крайне заинтересованных родителей, детсадовских питомцев очень поощряли).

Так не себе ли мы с Олей этим судом яму роем?!

В общем решили мы этот суд "прекращать", что вполне корректно делается следующим образом.

В Красносельский федеральный районный суд г. Санкт-Петербурга
от заявителя Новиковской О. А., проживающей по адресу:
198259. г. Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, дом 154, кв. 57

ХОДАТАЙСТВО
о прекращении производства по делу № 870

В производстве суда находится заявление об установлении факта, имеющего юридическое значение. Я просила установить факт, что я в 1995-1996 учебном году проходила обучение на курсах ТОО “Союз педагогов” по специальности “логопедия” с объемом учебных часов равным 1040 (тысяча сорок)

При рассмотрении дела было установлено отсутствие необходимости в подтверждении вышеупомянутого факта для моей аттестации в связи с отменой Рекомендаций по определению уровня квалификации педагогических и руководящих работников государственных, муниципальных учреждений образования Российской федерации для установления разрядов оплаты труда по ЕТС (Приложение № 1 к приказу Минобразования России и Госкомвуза России от 14.12.95 № 662.1546).

На основании изложенного

ПРОШУ

прекратить производство по делу № 870 по моему заявлению от 05.12.05.

Новиковская О. А.

25.05.06

(По вопросу о форме этого заявления консультировались с юристом из Дворца труда, к которому приходилось обращаться пару месяцев назад. Но вообще-то я и сам справился бы с этой задачей...)

Тем временем, уже перед самым днем суда (назначенного на 25 мая) Оля сообщает мне о неприятном обстоятельстве. Оказывается, в районном (Кировском) комитете по образованию откуда-то узнали и “очень недовольны” этой судебной историей и будто бы про О. Н. говорят уже не “та, что издала два десятка книг”, а “та, которая судится...”. Похоже, чиновница из Правительства СПб “настучала”... (Оказалось, не так, но об этом ниже).

Ну, тут и подавно надо дело поскорее сворачивать. А то получится: “то ли он украл, то ли у него украли...”.

Мы с Олей срочно разработали “защитные меры”, в виде составления небольшой выборки из имеющихся в судебном деле документов, из которой стало бы ясно, с чем заявительница обратилась в суд, зачем ей это понадобилось, как выяснилась бесполезность установления судом соответствующего юридического факта, и как заявитель сама остановила дело. Договорились подготовить несколько копий этого комплекта документов (куда, кстати, входит и восторженная профессиональная характеристика!), чтобы вручить заведующей детсадом, а, если понадобится, то и выше по начальству, как “индульгенцию”...

...Когда я ездил за неделю до этого в канцелярию суда в очередной раз просматривать материалы дела, то никаких новых запросов и вызовов на суд там не обнаружил. Однако судья, оказывается, направила повестку на сей раз не только в Комитет по образованию Правительства СПб, но и в районный отдел образования. Представитель первого повторно не явилась, а из последнего прибыла какая-то тетенька, но... без доверенности на представительство (по неопытности, не привыкли в судах выступать...).

Вот теперь и понятно, откуда слух пошел!..

Ну, судья эту юридически не подкованную чиновницу к участию в деле не допустила, а предложила лишь посидеть в зале, в качестве зрителя.

Суд закончился, едва начавшись, после подачи мною вышеприведенного ходатайства. Судья приняла его очень благосклонно. Что выразилось не только в ее интонациях, но и в публичном обещании написать такое развернутое определение суда, которое “сможет вам потом пригодиться”. Вообще, думаю, судья оценила нашу “мудрость”. Она бы, небось, это самое нам присоветовала, да положение обязывает “держать дистанцию”...

По истечении 10 дней после суда (когда определение “войдет в силу”), я поехал в Красное Село, чтобы получить судебное определение на руки. (Предварительно позвонил, мне сказали, что оно готово...). И вдруг, зав. канцелярией, достав дело, найдя документ, вместо того чтобы вручить его мне, отправляется куда-то со всей папкой.

Могу предположить, что там не хватало подписи судьи... Сам же текст судебного определения сводился к нескольким строчкам (как мне удалось заметить).

Вернувшись, канцеляристка мне говорит:

— Судья В. просит Вас придти за определением к ней завтра, в любое время.

Хорошенькое дело — назавтра опять в Красное Село ехать (дорога в один конец мне 2.5 часа).

...По счастью, у судьи "окно" в заседаниях. Разыскиваю ее в совещательной комнате, за компьютером. Вроде, наше определение сочиняет заново... (Могу предположить, что первый вариант составляла секретарь, по шаблону; судья же хочет нам лучше сделать...).

— Вы сказали, завтра придти. Завтра очень неудобно...

— А когда удобно?

— А сегодня нельзя?

— Я не успею...

— Я готов подождать!

— Хорошо, ждите.

Жду в коридоре минут 20-25. Выходит с распечатанным текстом (который см. ниже).

— Идите в канцелярию, Вам там выдадут.

Несет сама в канцелярию. Я, помедленнее, за ней. Встречаю ее уже на обратном пути из канцелярии (ниже этажом). Говорю:

— Спасибо. До свидания. (Оказалось, до скорого свидания... См. ниже).

В канцелярии мне выдают копию определения суда:

ДЕЛО № 2-870/06 25 мая 1006 год

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Красносельский районный суд г. Санкт-Петербурга
в составе председательствующего судьи Витушкиной Е. А.
при секретаре Власовой А. Б.,
рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело по заявлению Новиковской Ольги Андреевны об установлении юридического факта

установил:

Заявитель обратилась в суд с заявлением об установлении факта прохождения обучения в 1995-1996 учебном году на курсах ТОО "Союз педагогов" по специальности "логопедия" с объемом учебных часов равным 1040. В обоснование заявления ссылалась на то, что проходила указанное обучение, однако в выданном документе об образовании отсутствует указание на количество прослушанных учебных часов. Однако документ с указанием соответствующего количества прослушанных учебных часов необходим заявителю для подтверждения квалификации в соответствии с приказом Минобразования России от 14.12.1995 года № 622/1546 об утверждении "Рекомендаций по определению уровня квалификации педагогических и руководящих работников государственных, муниципальных учреждений образования РФ для установления разрядов оплаты труда по ЕТС".

Заявитель в суд явился, от требований отказался, поскольку при рассмотрении дела установлено отсутствие необходимости в подтверждении указанного факта для аттестации заявителя в связи с отменой Приказа Минобразования России от 14.12.1995 года № 622/1546.

Представитель заявителя поддержал заявленное ходатайство.

Заинтересованные лица в судебное заседание не явились, о слушании дела извещены надлежащим образом.

В процессе рассмотрения дела факт прохождения обучения заявителя на курсах ТОО "Союз педагогов" в период 1995-1996 года по специальности "логопедия" с

объемом учебных часов равным 1040 подтвержден показаниями свидетелей Ненилиной Л. А., Выдуцкой А. А., оснований не доверять которым у суда не имеется.

Учитывая, что заявитель от заявленных требований отказался, этот отказ закону не противоречит, прав и охраняемых законом интересов сторон и других лиц не нарушает, а потому подлежит принятию, а производство в этой части прекращению.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 39, 173, 220, 221 ГПК РФ, суд

определил:

Принять отказ Новиковской Ольги Андреевны от требований об установлении факта прохождения обучения в 1995-1996 учебном году на курсах ТОО "Союз педагогов" по специальности "Логопедия" с объемом часов равных 1040.

Производство по гражданскому делу № 2-870/06 по заявлению Новиковской Ольги Андреевны об установлении юридического факта — прекратить.

Разъяснить заявителю, что повторное обращение в суд по спору между теми же сторонами, предмету и основанию не допускается.

Определение может быть обжаловано в Санкт-Петербургский городской суд в течение 10 дней.

Председательствующий (подпись)

Копия верна
Определение
Судья (подпись) ...
(неразб. штамп) Секретарь (подпись)
06.06.2006

Судья (подпись)

Секретарь (подпись)

Прежде чем обсудить этот текст по существу, еще несколько штрихов канцелярской жизни. Запрашиваю дело целиком — "для ознакомления", чтобы скопировать недостающие у меня документы (сейчас приемные часы в канцелярии по гражданским делам, а завтра, в не приемные часы, и не выдали бы). Копии снимают тут же — девочка или мальчик (мелкая судебная сошка). Проверять за ними надо!

Месяц назад девочка скопировала, по моим закладкам, 30 листов, из них 20 положила себе на стол, пока кому-то из начальства срочно ксерокс понадобился, а доделав (еще 10 листов...), приносит мне только эти 10, про остальные 20 забыв. И ведь деньги берет только за эти 10! ("То-то мне показалось, я больше копировала..." — это когда я обратил внимание на ошибку). Ну, и разумеется, окончание протокола судебного заседания на обороте листа она пропустила.

Мальчик же (нынче...) один лист дважды скопировал, а один — пропустил.

Пока он копирует, разглядываю определение суда. Вспоминаю старушку, которая давеча стояла в очереди в канцелярию — то ли за подписью судьи, то ли за печатью на судебном документе, выданном ей несколько дней назад (она куда-то его предъявила, а оказалось — недооформлено...). Не будь этого эпизода, не догадался бы лишний раз подойти к канцеляристке, спросить:

— А подпись судьи на копии должна быть?

— Обязательно! Идите к судье.

Но ведь выдала эту бумагу, ничего не сказав...

(Вспоминается анекдот или...сам придумал? Приходит гражданин к чиновнику. Тот говорит: "Принесите такую-то справку..." Приносит. "А теперь еще такую-то справку..." — "Что же Вы сразу не сказали? — А Вы не спрашивали!").

Судья уже в зале, на заседании. Жду, пока кончится. В перерыв захожу, подаю ей подписать.

— Я же им нарочно оставила лишний экземпляр, с подписью!

— Вероятно, не заметили. Выдали без подписи.

Подписывает:

— Пусть круглую печать поставят.

Вот спасибо судье В., что надоумила! Ведь канцеляристка опять же не сказала (а я “не спрашивал”!..), что надо снова в канцелярию вернуться. А откуда простому гражданину знать, что нужна еще круглая печать, когда судебный штамп уже есть?.. Заниматься воспитанием “крапивного племени” — бесполезно. Побережем эмоции. Да ведь они и не со зла...

Боюсь, что сама Оля столь успешно, как ее представитель, эти бюрократические заморочки в один день не преодолела бы.

Что сказать в заключение этого экзистенциально-юридического сюжета? Что от него осталось кроме папки, в которой прошиты протоколы 4-х судебных заседаний и всякие прочие документы на 100 (ровно 100!) листах?

Из выделенного мною синим в тексте судебного определения абзаца явствует, что существование интересовавшего нас факта доказано, вот только факт этот не имеет юридического значения. А стало быть — и дело заслуживает прекращения. И мы с Олей проявили здравомыслие, сами это прекращение.во-время инициировав.

Далее — замечательная своим бюрократическим изяществом формула судебного определения:

“Учитывая, что заявитель от заявленных требований отказался, этот отказ закону не противоречит, прав и охраняемых законом интересов сторон и других лиц не нарушает, а потому подлежит принятию, а производство в этой части прекращению”.

(У бюрократического, в частности, судебного языка — своя грамматика и свои “диалектные” особенности!).

Но есть из этого дела и еще один урок. Не стоило его вообще возбуждать! И если бы я пораньше стал в него вникать, может быть, так Оле и присоветовал бы... (А может, и нет... Но впредь — точно, да!).

В общем, ничего кроме “шороха” в городских и районных структурах (комитет, отдел образования; служба занятости) и в бывшем ТОО (ныне НОУ) “Союз педагогов” это судебное дело не произвело. Очень мало вероятно, что это поможет Оле при аттестации, и дай Бог, чтобы не навредило. Во всяком случае, “отказ от заявленных в суде требований” поможет точно.

Бюрократические дебри чиновных инструкций таковы, что строго следовать этим инструкциям (к тому же то и дело отменяемым и обновляемым...) практически невозможно. Законам и инструкциям следуют у нас избирательно. Хоть в ваших интересах, хоть в противоположность им. Хоть на самом верху, хоть в самом низу... Социальная психология (и ее законы...) оказывается выше (сильнее...) права (и его законов...).

Вообще, апеллировать к третьей (судебной) власти следует только тогда, когда... ну, никакого иного выхода нет. Такая инициатива всегда должна быть вынужденной. (Напомню одно из “открытий” драматической социологии: вынужденная инициатива есть инициатива, направленная на предотвращение неблагоприятных последствий ее отсутствия...).

Итак, получить при аттестации заслуженную ею высшую категорию учителя-логопеда Оля сможет не в силу формальных инструкций и не вопреки им, а в силу своих реальных достижений на профессиональном поприще, точнее — в силу благожелательного или неблагожелательного (что тоже бывает...) восприятия этих достижений окружащими, в силу “игры” множества факторов, а не какого-то одного, тем более правового. Что, само по себе, может быть и не плохо...

Неожиданно получился оптимистический вывод.

И последнее. Эта, рассмотренная здесь ситуация оказалась гораздо интереснее и ценнее (и как бы эффективнее...) в исследовательском (социологическом...) плане, чем в прагматическом (житейском...). Хоть и представительствовал я в данном судебном процессе вовсе не “в интересах науки”, а исключительно в интересах своей дочери.

***

Для Б. Докторова

“Драматическая социология”:
исследовательский подход и способ изложения

...Ты спрашиваешь, как возник жанр “драматической социологии” и сам этот термин? Будем различать жанры — *исследовательский* и *литературный*.

Начну с первого. Драматическая социология — это определенный способ (жанр...) исследования, в рамках того, что принято называть *деятельностно-активистским* подходом в социологии (ныне обретающем все больше прверженцев). Другая родовая характеристика “драматической социологии” — это принадлежность к тому, что называют *микросоциологией*. И, наконец, речь идет об одной из вариаций “субъект-субъектной” (в отличие от “субъект-объектной”), гуманистической, *качественной* (в смысле — “качественные методы”...) социологии. В “драматической социологии”, как правило, имеет место *исследование случаев* (что вовсе не исключает амбиции социальных обобщений...)

Указав на родовые признаки, обратимся к специфике.

Основным методом “драматической социологии”, является НАБЛЮДАЮЩЕЕ УЧАСТИЕ. В отличие от участвующего (или включенного) наблюдения, предполагающего максимальную “мимикрию” исследователя в изучаемой социальной среде (быть и поступать “как все”, наблюдая и фиксируя естественное развитие ситуаций и процессов), наблюдающее участие предполагает изучение социальных явлений и процессов через целенаправленную активность субъекта (исследователя...), делающего собственное поведение своеобразным инструментом и фактором исследования. Причем, в отличие от известных образцов социального эксперимента, в случае наблюдающего участия новые факторы вводятся не “извне”, а “изнутри” ситуации. Само введение этих факторов оказывается иногда импровизационным и не претендует на строгую процедуру.

Особое место здесь занимает исследовательская практика так называемых МОДЕЛИРУЮЩИХ СИТУАЦИЙ. Под таковыми понимаются ситуации, отчасти организованные самим исследователем из естественных ситуационных предпосылок, в целях обнажения, заострения, в этом смысле — моделирования социального явления или процесса.

Лет 20 назад мне довелось — признаюсь, вовсе не в “научном трактате”, — провозгласить что-то вроде исследовательского кредо или девиза “драматической социологии”: ***“познание через действие”***. (Можно сказать и еще лаконичнее: “познание действием”). Причем именно за счет “социологического действия”, понимаемого предельно расширительно, достраивалось до триады известное различение социологической теории и социологической эмпирии.

Еще один термин, уместный в этом контексте: СОЦИОЛОГ-ИСПЫТАТЕЛЬ. В “драматической социологии” обычно имеет место своего рода профессионально-жизненный, социально-личностный эксперимент (иногда говорят: “эксперимент на себе”, но это звучит слишком красиво).

Может быть, ты заметил, что первый из 4-х томов “Драматической социологии и социологической ауторефлексии” так и называется: “В поисках жанра”. Речь идет именно об исследовательском жанре

Мне еще хотелось бы обратить твое внимание на отличие драматической социологии (в изложенном смысле) от “социологии действия” и “социологической интервенции” (по Турену). Дело в том, что туреновская социология действия — это не просто (не только) исследовательская практика. Здесь присутствует также момент

“социальной педагогики”, своего рода “внесения сознательности в стихийность движения” (что подтверждается и опытом применения метода социологической интервенции в “студенческой революции” во Франции в конце 60-х гг.).

Между тем, социолог-испытатель не претендует на организацию “коллективной борьбы”. В случае наблюдающего участия исключено (запрещено!) всякое действие, которое не было бы продиктовано аналитической и/или деловой и/или смысложизненной задачей (соответственно, комбинацией этих задач и мотивов).

Другое необходимое размежевание — между “драматической социологией” (в моем смысле...) и “драматургической социологией” И. Гофмана. Должен, не без смущения, признаться , что о последней я до середины 90-х гг. и не слыхивал. Прочитав, наконец, изданное недавно на русском “Представление себя другим в повседневной жизни”, я понял, что у Гофмана все социальные и межличностные интеракции интерпретируется “в театральном ключе” (“Wir alle spielen Theater”...), в то время как в “драматической социологии” речь идет лишь об “игровых” моментах в поведении исследователя.

Термин ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ относится мною к тому “жанру” социологического изыскания, где происходит соединение (интеграция?..) *практической деятельности*, *рефлексии* и *“игры”* с социальным объектом, которое в таком случае пытается осуществить социолог (он же — своего рода драматург и постановщик “социологической драмы”; не путать с “социодрамой”...).

Теперь, насчет истории терминов. “Наблюдающее участие”, “моделирующие ситуации”, “социолог-испытатель” — вышли из писем-дневников социолога-рабочего начала 1980-х гг. Ставя тогда “социологическую драму” исследования производственной жизни изнутри, “глазами рабочего”, я испытывал своего рода эйфорию овладения новой жизненной (и профессиональной...) ситуацией и, можно сказать, фонтанировал новыми понятиями и оригинальными терминами. Среди них — и “вынужденная инициатива”, и “адаптационное нормотворчество”, и “экспериментальная социология”... “Драматическая социология”, кажется была употреблена пару раз, но еще не как термин, а скорее метафорически.

Но вот в середине 90-х, при доработке рукописи книги об “эксперименте социолога-рабочего” (она вышла в издании Института социологии РАН в 1997 г.), я отказался от первоначально задуманного, слишком академичного названия — “Познание через действие”, и озаглавил свое сочинение (“без затей”...): **“Драматическая социология”.** Вскоре сообразил, что это может быть и терминологическим обозначением исследовательского подхода. Тогда ввел в предисловие обоснование (оправдание...) термина.

Не скажу, что термин идеально подходящий. Но лучшего сам, наверное, уже не предложу.

Кажется, жанр исследования я охарактеризовал. Теперь о “жанре литературном”, или о жанре книги “Драматическая социология и социологическая ауторефлексия” (в дальнейшем для краткости — “Драматическая социология...”), вышедшей в 2003-2005 гг.

Все четыре тома этой заведомо не академичной книги по существу являются собраниями (композицией...) документов. Документы личные и публичные; житейские, деловые, научные... Хоть личное письмо, хоть дневник (“протокол наблюдающего участия”), хоть справка или обращение в официальные органы, хоть газетная заметка или научная статья, любой письменный “след” биографии и истории, будучи поставлен в определенный контекст, может обрести смысл *социологического свидетельства.* Сама же по себе композиция (отбор свидетельств и расположение их в определенных сочетаниях и последовательности, своего рода монтаж...) выступает способом первичной концептуализации, а возможно — и анализа и осмысления.

К особенностям такого “документально-социологического” жанра относятся множественность и “столкновение” различных приемов описания и индивидуальных интерпретаций, будь субъектом описания или интерпретации сам автор — в разное время! — или же другие люди, которым предоставляется слово на страницах книги.:

Иосиф Бродский не однажды отмечал главенствующее значение *композиции*, этого “драматургического принципа” во всяком творчестве. Не удержусь, чтобы не процитировать его письмо другу (Я. Гордину) из ссылки (1965):

> “...Сознаюсь, что чувствую себя больше Островским, чем Байроном. (Иногда чувствуя себя Шекспиром). Жизнь отвечает не на вопрос: что? — а: что после чего? И перед чем? Это главный принцип. Тогда и становится понятным “что”. Иначе не ответишь. Это драматургия. Черт знает почему, но этого никто не понимает. Ни холодные люди, ни страстные...” (Гордин Я. Перекличка во мраке. Иосиф Бродский и его собеседники. СПб.: Изд-во “Пушкинского фонда”, 2000, с. 137-138).

Мне кажется, что адекватным способом представления результатов исследования в жанре “драматической социологии” является именно композиция (иерархия композиций, или “композиция композиций”...) материалов этого исследования. Причем жанр “Драматической социологии...” (книги!), предполагает попытку сюжетного выстраивания произведения, где результаты исследования предстают не готовыми, а развивающимися в процессе их получения. (В данном случае сквозным сюжетом оказался “эксперимент социолога-рабочего”, продолжавшийся с 1980 по 1988 г., с включением множества побочных, “привходящих” жизненных и исторических сюжетов и обстоятельств).

Некими прообразами, или первыми подступами к этому жанру для меня оказались... тематические папки личного архива, где документы обычно располагаются в хронологическом порядке. Тематико-хронологическим является и принцип построения “Драматической социологии...”.

И еще об одной важной, как я считаю, жанровой особенности. Это практика сопровождения документов прошлого (включая собственные тексты автора...) или даже отдельных пассажей из этих документов авторским комментарием “из сегодня”. Я называю эти комментарии “ремарками” (тоже, кстати сказать, из драматургического лексикона...). Однако именно документы прошлого, “жизненные свидетельства” и т. п. составляют основной корпус книги такого жанра (а ремарки — по мере необходимости!).В этом, кстати, принципиальное отличие от *мемуаров*, где документы присутствуют в лучшем случае в качестве эпизодических цитат.

Всю эта многосложную структуру, переплетение сюжетов, времен, жанров, автор полагает уместным прозрачно представить в подробном оглавлении, которое выступает в качестве также и своего рода путеводителя. Ибо рассчитывать на то, что кто-либо согласится читать, к примеру, свыше 2000 стр. “от корки до корки” не приходится. Но каждый читатель, взяв такую книгу в руки, может поискать в ней для себя полезное или интересное.

При изобилии со-авторов (они же — чаще всего — со-акторы, со-участники описываемых в книге событий, наряду с самим “социологом-испытателем”) книга разрастается в объеме, вопреки авторскому желанию. И лично я испытываю некоторую неловкость перед читателем за излишне толстые тома. Но так уж получилось...

В известном смысле, есть у этой книги образец, которому, автор, может, и следовал бы, кабы сам не “додумался”, а точнее — нашел, нащупал (хоть и не столь совершенное, а свое...). Это “исповести” нашего старшего современника философа и культуролога Георгия Гачева.

Его “Семейная хроника” (1994), как, впрочем, и почти все его произведения, построена как “перепечатка” записей одного периода жизни, комментируемых по ходу дела им же самим, “сегодняшним”. И получается: диалог с самим собой. Вот как Г. Гачев объясняет — “идею предпринимаемого труда, а с нею — и метода”:

> “...Конечно, совершавшиеся на ходу записи тех лет (1969-1971. — А. А.) имеют ценность неисправимой достоверности, я их ретушировать не буду, править слог и благообразить: в них именно и характер (“персонаж — это стиль!” — так бы хотел, афоризм даже предложить, но вспомнил, что почти повторяю Бюффона: “Стиль — это человек” — что же! — и слава Богу, подтверждение... Хотя я имею в виду еще и то, что

персонажами литературного произведения и текста могут быть его стилистические пласты), и дух места того времени, и аромат жизни. Разумеется, придется выбирать, не все давать (место не позволяет и то, что я еще живой); но то, что дается, идет как было написано, честно. Если же я буду вступать в диалог с самим собой или комментировать, то новые мои слова будут обозначены своими датами. Двухголосие выйдет. Втора...” (Г.Гачев. Семейная хроника. Лета в Щитове (исповести). М.: Школа-пресс, 1994, с. 10).

Так именно поступал и я. Как видно, в жанре “Драматической социологии...” автор далек от первооткрывательства. Все мы — так или иначе — “изобретатели велосипедов”... Хоть в рамках нашей социологии (если, конечно, считать мою “Драматическую социологию...” произведением научно-социологическим, с чем далеко не каждый согласится...) и можно, пожалуй, говорить об определенном “ноу-хау”.

Пожалуй, мне следует остановиться, чтобы не злоупотребить твоим приглашением поговорить о жанрах “драматической социологии” и/или “Драматической социологии...”. Что здесь не успел сказать — можно найти в предисловии и в заключении моей книги, а также в соответствуюшем разделе тома 2: “Что сказать мне удалось — не удалось”.

...Когда-то, в 1970-80-х гг., мы с тобой увлеченно занимались социологией театра. На любого из нас, социологов — участников группы “Социология и театр” при Ленинградском отделении Всероссийского театрального общества — прикосновение к этой сфере, думаю, наложило свой отпечаток. По крайней мере для изобретателя (автора, адепта...) “драматической социологии” в этом сомневаться не приходится.

А. Алексеев. 12 июня 2006 г.

Борис!

Боюсь, что я высказался шире, чем ты имел в виду в своем вопросе о “жанре”. Но и это еще не все. Пожалуй, можно было бы добавить к исследовательскому и литературному еще третий “жанр” — жизненный. Драматическая социология как способ (жанр...) жизни. То, о чем я писал пару недель назад Роману Ленчовскому (“Мое смирение — паче гордости!”...).

[Кстати, французский Larousse среди употреблений слова “genre” дает и такое: genre de vie — ensemle de modes d’activites d’un individu. Перевод: род (или способ) жизни — совокупность видов (или способов) деятельности (наверно можно сказать также: жизнепроявлений) индивида].

Насколько уместна в биографическом интервью такое “лирическое отступление” (выход из профессиональной в мироотношенческую проблематику, да еще не без “учительского” пафоса...) оставляю на твое усмотрение.

Соответствующий фрагмент из письма к Р. Л. от 1.06.2006 см. ниже, в приложениях. Возможно, стоит взять оттуда пару абзацев.

Твой Андр. Ал.

12.06.2006

* * *

Приложение:

Из письма А. Алексеева Р. Ленчовскому от 1.06.2006

Мое смирение... паче гордости!

(См. выше, в «Нечто вроде интермедии – 2». — А. А. Январь 2011)

***

(todoct16)

Письмо Б. Докторова А. Алексееву (16a)

(получено 13.06.2006.-- А. А.)

Дата: 07.06.06 18:33
От кого:Boris Doktorov <bdoktorov@inbox.ru>
Кому: allar_st@mail.ru>, <alexeev34@yandex.ru>
Тема: Интервью и другое

Андрей, Миша Илле дает нам два листа. Давай уложимся в них. Это - 80000 знаков. Структура: мое краткое представление (традиционное), твой текст об истории возникновения "Драматической социологии...." в том числе и этого термина, затем - два твоих фрагмента. У Миши есть сложности финансового характера с журналом, потому давай уложимся в этот объем. Думаю, что сможем. Текст должен былть завершен к середине июля, он пойдет в Телескоп-4. Повторяю,Галя Саганенко получила книги. Она не может найти список рассылки, я звонил ей, а потом написал, в нем есть ты м Машуня. Всего наилучшего... что-то твой друг Роман написал мне одно письмо, но вот уже несколько дней жду от него его адрес для пересылки ему, Володе, Валерию и Головахе книги, но ответа нет... может в отпуске? Боря

***

(Переписка On-line 13 июня 2006 г. — А. А.)

А. Алексеев — Б. Докторову (16b)

From: "alexeev34" <alexeev34@yandex.ru>
To: bdoktorov@inbox.ru
Date: Tue, 13 Jun 2006 19:11:08
Subject: todoct15

Борис! См. прикрепленный файл todoct15 *(с текстом ответа о жанре “драматической социологии”. — А. А.)*. Твое письмо от 7 июня получил. Андр. Ал. 13.06.2006

Б. Докторов — А. Алексееву (16c)

(13.06.2006 Сообщение Re, что todoct15 получено. — А. А.)

Б. Докторов — А. Алексееву (16d)

Дата:13.06.06 19:29
От кого: Boris Doktorov bdoktorov@inbox.ru>
Кому:alexeev34@yandex.ru>
Копия: mmatskevich@yandex.ru, allar_st@mail.ru
Тема: Re: todoct15

Не помню, Андрей, я тебе написал, что Илле одобрил наш план? Так вот, он одобрил. Будет время, звякни Юре Щеголеву. Я его не очень напряг? Б.

А. Алексеев — Б. Докторову (16e)

From: "alexeev34" <alexeev34@yandex.ru>
To: bdoktorov@inbox.ru
Date: Tue, 13 Jun 2006 19:58:47
Subject: re re

Борис!

Галине Саганенко я позвоню. Юра Щеголев прочитал "Телескопы". Высоко оценил твою работу. Думаю, уже приступил к делу. Про согласие Илле на 2 листа в номере 4 "Телескопа" ты писал 7 июня.

Благодарю! Для подготовки окончательной композиции в пределах 80.000 символов существенно твое мнение относительно ответа о "жанре" "драматической социологии" и т. п.

Я буду у компьютера еще около часа. Андр. Ал. 13.06.2006. 20 час. по моск. времени

Б. Докторов — А. Алексееву (16f)

Дата:13.06.06 20:18
От кого:Boris Doktorov <bdoktorov@inbox.ru>
Кому: <alexeev34@yandex.ru>, <allar_st@mail.ru>
Тема:
Re: re

Андрей, я все прочел.... все в целом объяснено. Может ты мог бы теперь из этого текста (12000) и двух твоих текстов, предназначенных для публикции в Телескопе, составить проект текста для журнала? Мне кажется, что предпочтение следует отдать этому тексту о драматической социологии. Т.е его не стоит, говоря словами Путина, "обрезать" значительно, тогда как те фрагменты уже вошли в буки, и их можно подсократить, сделав соотвтствуюшие ссылки. Боря

А. Алексеев — Б. Докторову (16g)

From: "alexeev34" <alexeev34@yandex.ru>
To: bdoktorov@inbox.ru
Date: Tue, 13 Jun 2006 20:48:12 +0400 (MSD)
Subject: re re re

Борис! Твое письмо насчет подготовки проекта публикации в "Телескопе" получил. Согласен! Наверняка выйду на связь в следующий вторник. Возможно, раньше. Андр. Ал. 13.06.2006. 20-45 по моск. времени.

**

Б. Докторов — А. Алексееву (16h)

Дата: 13.06.06 21:06
От кого: Boris Doktorov <bdoktorov@inbox.ru>

Кому: <alexeev34@yandex.ru>
Тема: Re: re re re

Жду всегда. Боря

***

todoct16

А. Алексеев — Б. Докторову (16 -0)
Копии — Ближнему кругу (Р. Баранцеву, Л. Кесельману, Р. Ленчовскому, М. Мацкевич, А. Родионовой)

16 июня 2006 г., пятница

Дорогой Борис!

...Как видишь, мой круг "посвященных" в нашу лично-общественную переписку расширяется, в частности, за счет Рэма Баранцева, который проявил к ней интерес. (Днями пошлю ему также всю "В поисках Адресата": aldoke1a, aldoke2a и aldoke3a; последнее включает также и настоящее письмо, равно как и todoct16a. Вряд ли ты будешь против...).

Кстати, недавно вышло Рэмово "Становление тринитарного мышления" (М.-Ижевск: НИЦ "Регулярная и хаотическая динамика", 2005, 124 с.). А вот-вот выйдет его же "История семиодинамики: документы, беседы, комментарии" (ее я, в меру моих сил, анонсировал в своей "Драматической социологии..." (см. том 3, с. 58-60; а а также — том 4, с. 478-495). Думаю, то и другое было бы тебе интересно. Пока не знаю, вывешивал ли их Рэм в Интернете.

Между прочим, "История семиодинамики..." — ярчайшее подтверждение моего тезиса о "драматической социологии" (можно и как-нибудь иначе называть...) как стиле (жанре...) жизни. К. Свасьян писал Р. Баранцеву в 1984 г:

> "...Ваш документ, клянусь своим сознанием, не исторический, а палеонтологический; будущий палеонтолог восстановит по нему, как нынешний по зубу мамонта, всю чудовищную технологию и даже экологию нашего развитого времени (не Левиафан ли ему имя?)...".

Что касается "Становления тринитарного мышления", то не откажу себе в удовольствии привести здесь его многоступенчатую тернарную структуру (оглавление...):

Предисловие
Введение: кризис бинаризма
1. Тернарные структуры
    1.1. Типы триад
    1.2. Тринитарное наследие
    1.3. Свойства системной триады
        = 1. Принцип неопределенности-дополнительности-совместности
        = 2. Мягкость триадической стрктуры
        = 3. Фундаментальность понятия целостности
2. Тринитарность в естествознании
    2.1. Асимпототическая математика
        = 1. Асимптотология
        = 2. Окрестности катастроф
        = 3. На пути к мягкой математике

2.2. Системные триады в физике
= 1. Информационные системы
= 2. Физическая газодинамика
= 3. Выход к метафизике
2.3. Актуальность синергетики
= 1. Истоки теории самоорганизации
= 2. Нелинейность-когерентность-открытость
= 3. Порядок-хаос-творчество
3. Тринитарность в обществознании
3.1. Синтез в культуре
= 1. Понятия-образы-символы
= 2. Обучение-образование-просвещение
= 3. Наследие Рерихов
3.2. Восхождение к ноосфере
= 1. От биоса — к ноосу
= 2. Время перемен
= 3. Антропный принцип в биосфере
3.3. Стезя России
= 1. В тисках дуализма
= 2. Поиски синтеза
= 3. Тринитарный взгляд
Заключение: к новой парадигме
Литература

(Между прочим, в оглавлении, как таковом, представленном в книге, внутренние параграфы, обозначенные здесь курсивом, не показаны).

Вообще, что бы ни делал Рэм — инновационно по содержанию, классично по форме... (боюсь, что упустил, что-то третье!). И ведь до чего всегда (в отличие от меня...) лаконичен!

* * *

Выполняю свое обязательство о составлении проекта публикации в “Телескопе”. (См. отдельно: файл todoct16a).

Тут возникла одна новация, которую сейчас объясню. Как ты помнишь, наша переписка началась в феврале с твоего предложения мне поучаствовать в твоем историко-социологическим проекте, в частности, посредством биографического интервью. Я очень заинтересовался этим проектом, хотя и усомнился в целесообразности именно моего биографического интервью после недавнего выхода в свет 3-го и 4-го томов “Драматической социологии и социологической ауторефлексии”.

Так или иначе, практически к настоящему времени мы выполнили основную программу моих автобиографически-ауторефлексивных заметок — ответов на твои вопросы. Эти мои ответы меня самого пока не вполне удовлетворяют, и пусть отлежатся.

Тут я предложил — взамен, пока что! — другую форму персонального участия в данном проекте, а именно — публикацией в “Телескопе” двух “историко-социологических” подборок: “Из материалов андерграундного экспертно-прогностического исследования рубежа 1970-80-х гг. (“Ожидаете ли Вы перемен?”)” и “Извлечения из “дела социолога-рабочего”” (todoct13a и todoct13b), Та и другая для меня существенны главным образом дополнительной популяризацией имен участников гражданской защиты А. (в середине 80-х гг.) и участников андерграундного исследования “Ожидаете ли Вы перемен?” (рубежа 70-80-х).

Ты все это немедленно разместил на Вашем с Д. Шалиным сайте, и договорился с М. Илле о публикации в “Телескопе”. Спасибо!

При этом ты задумал совместить это с публикацией моего ответа на твой вопрос об истории “жанра” и термина “драматической социологии”. Мой текст

““Драматическая социология”: исследовательский подход и способ изложения” тебя устроил (и меня тоже устраивает!).

Но тут я понял, что объективно получается не просто историко-социологическая публикация, а что-то вроде презентации вышедшего в 2003-2005 гг. 4-х томника (против чего я, разумеется, никак не возражаю!). А в таком случае все заявленные в моей современной декларации относительно “драматической социологии” и т. д. положения (о методе, о жанре, о специфике...) должны как-то подкрепляться извлечениями из книги. Чему удовлетворяют, пожалуй, документы “дела”, но не рабочие документы экспертного опроса (задающие драматической социологии лишь культурно-политический фон, но не демонстрирующие ее самое).

Вот тогда я совершил **замену**: вместо “Ожидаете ли Вы перемен?” — один из характерных эпизодов позднего этапа “эксперимента социолога-рабочего” (= драматической социологии) — 1986 года, довольно наглядно иллюстрирующий и метод, и жанр, и стиль и т. д.; фрагмент, на мой взгляд, достаточно увлекательный и вместе с тем дающий повод для амбициозных обобщений, включая эпистемологические (“триада социологического познания”...).

Тогда структура всей публикации приобретает вид:

А. Н. Алексеев

ПОЗНАНИЕ ЧЕРЕЗ ДЕЙСТВИЕ
(Так что же такое “драматическая социология”?)

Вводка Б. Д.
...

Вопрос к А. А.
...

“Драматическая социология”:
исследовательский подход... способ изложения... стиль жизни?
...

Извлечения из “дела социолога-рабочего” (1984-1987)
...

Производственные страсти,
или как мы боролись с двухсменкой. 1986
...

Вместо заключения
...

(Полный текст этой статьи, опубликованной в журнале «Телескоп», 2006, № 5, см. ниже, в части 2 настоящей работы. – А. А. Январь 2011).

Думаю, логически стройно и психологически оправданно.

Объем всей этой композиции — как раз около 80000 символов (твой компьютер их насчитывает почему-то процентов на 10 больше, чем мой...), и на твое традиционное представление вроде бы около 2-х стр. (в моем расчете численности символов) предусмотрено.

“Извлечения из “дела...”” — я подсократил. “Производственные страсти...” изначально меньше, чем “Из материалов андерграундного исследования...”, коими в данном случае пришлось пожертвовать (по изложенным выше причинам).

Конечно, “Ожидаете ли Вы перемен?” в этой композиции, в качестве третьего структурного элемента принципиально возможно. Но это был бы слишком большой выход за пределы оговоренного объема, да и впрямь — тяжеловесно для журнала..

* * *

Как мне еще в среду сообщил Роман Ленчовский, на сайте Киевского международного института социологии уже вывешены тома 3 и 4 “Драматической социологии и социологической ауторефлексии”! (Сам я еще не видел...). Если бы вы с Димой смогли оперативно присовокупить их link’ом к первым двум на вашем собственном сайте — было бы очень хорошо.

* * *

И еще... Мне захотелось собрать вместе все “рекламно-рецензионные” или “презентационные” цитаты с обложек 1-го — 4-го томов “Драматической социологии...”. Возможно, они тебе пригодятся или облегчат сочинение собственного “представления”.

Цитаты, вынесенные на обложки томов 1-4 книги: А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. СПб.: Норма, 2003-2005

К тому 1

Думаю, что социология наша приобрела неповторимый опыт исследования реалий производственной жизни изнутри. А. Н. Алексеев стал основателем нового направления в отечественной социологии — социологии действующего участия
В. А. Ядов

Человек залезает на конкретную скалу вовсе не за тем, чтобы все за ним лезли. Каждый пусть лезет на свою скалу. А кто-то, глядишь заберется и на Эверест.
Из “Писем Любимым женщинам”

В противовес гордому пренебрежению к “грязной действительности”, автор погружен внутрь нее. И не для того только, чтобы наблюдать ее изнутри, а чтобы “провоцировать” социальные институты на соответствующие реакции, тем самым выясняя, на что

они способны, чего еще от них можно ожидать.
Р. В. Рывкина

В том и состоит психическое здоровье (чего желаю всем возлюбленным), чтобы на Систему не обижаться. Ее можно изучать, ее можно переделывать (иногда — уничтожать, с ней можно играть! Состязание Тореадора и Быка — прекрасная метафора жизни. Успеха Тебе в твоих корридах!
Из "Писем Любимым женщинам"

К тому 2

Вначале был помысел, затем — дело, потом — слово, за которым не замедлило последовать "дело".
Из "Года Оруэлла"

Лучший способ понять некоторый механизм — это разобрать его собрать обратно. познавательный эффект действия не сравним с простым феноменологическим описанием. не говоря уж о том, что сама по себе проблема, что обстоятельства делают с человеком, куда менее интересная, чем проблема, что человек может сделать с обстоятельствами.
Из "Писем Любимым женщинам"

В социологии различаются методы включенного наблюдения и наблюдающего участия. Переход от первого ко второму реализовал в своей работе А. Н. Алексеев, книгу которого "Драматическая социология" стоит прочитать любому обитателю современного социума.
*Р. Г. Баранцев *)*

Когда-то любимым изречением автора было: "Все, что случается с человеком, похоже на него самого". Потом: "Мир погибнет, если я остановлюсь!" Теперь воспользуюсь собственным: "Суди себя сам!"
Из "Дурного шестидесятника"

К тому 3 (фотография — та же, что у тома 1)

Особую ценность монографии А. Алексеева придает то, что она представляет нам объемный массив жизненных коллизий и социальных конфликтов, документально зафиксированный по горячим следам, уникальную по своей стереоскопичности и достоверности картину переломного времени.
В. Кавторин

Наблюдая изучать — интересно, но еще интереснее изучать изменяя, вмешиваясь...
(Из студенческой работы.
Курс Р. И. Ленчовского)

Ваш документ, клянусь своим сознанием, не исторический, а палеонтологический; будущий палеонтолог восстановит по нему, как нынешний по зубу мамонта, всю чудовищную технологию и даже экологию нашего развитого времени (не Левиафан ли ему имя?).
К. Свасьян — Р. Баранцеву (1984)

В обыденном сознании Заяц и Волк из известного мультика едва ли не равноправны по симпатиям зрителей. Можно сказать, что Волк "травит" Зайца. А с другой стороны — как же "не везет" Волку с этим Зайцем! Волк тоже заслуживает сочувствия...
Из личного письма (1985)

К тому 4 (фотография — та же, что у тома 2)

В моем представлении, ты много-много лет тыркаешь Социум в бок (а иногда и в лоб)... и с искренним интересом смотришь, что будет. И фиксируешь. И анализируешь... В наиболее комплиментарном для Социума варианте — это такой Солярис. Он может откликнуться нашими собственными фантомами.
О. В. Старовойтова

В данной работе мне хотелось бы содействовать становлению субъект-субъектного познания... Это — познание, вовлекающее, а не

отчуждающее “Я” исследователя. Более того, обе стороны диалога... могут быть обогащены исследованием как развивающим фрагментом жизненной практики.
С. М. Розет

Перемены в сравнительно длительной исторической перспективе могут быть только “к лучшему”, т. е. в сторону демократии... Но маршрут движения к этой цели может быть отнюдь не прямым. Возможны мрачные откаты назад...
А. С. Соснин (экспертный лист, 1979)

В известном смысле это коллективная монография, в которой много как *со*-акторов, так и *со*-авторов.
Из авторецензии

(Интересно, что вкупе они действительно репрезентативны и составляют известную целостность...)

*) В последней редакции Р. Б. (из книги “Становление тринитарного мышления”,с. 78) это звучит так:

> “...В социологии различаются методы включенного наблюдения и наблюдающего участия. Переход от первого ко второму реализовал в своей деятельности А. Н. Алексеев, *протоколы жизни* которого стоит прочитать любому обитателю современного социума...”. Р. Г. Баранцев.

* * *

Еще, я собрал в отдельном файле — todoct16b — все фрагменты нашей переписки, посвященные моей дочери и ее судебному процессу. Как видишь, эта “социологическая драма” получила свою развязку. И “научно-практический” вывод...

* * *

На этом пока кончаю. До Юры и до Галины дозвониться пока не удалось.
Обнимаю!
Тв. Андр. Алексеев
16.06.2006

P. S. Дозвонился до Юры Щеголева. Он пока еще продолжает изучать “Телескопы”...

Вообще, ему интересны твои вопросы и симпатичен Собеседник, в твоем лице. (“Заслуженный собеседник”, в смысле Ухтомского). И он на эти вопросы ответит не спеша, со временем. И ему будет интересна твоя, именно твоя реакция. Но при этом он заранее предупреждает, что не хотел бы становиться объектом общественного

внимания, ни посредством публикации в “Телескопе”, ни путем вывешивания на сайте. Так что этот, прагматический аспект вашего общения им исключается. Ну, я думаю, и твой интерес как к самому Юре, так и к его социально-культурному типу среди социологов (увы, немногочисленному... ярким представителем этого типа был также Сережа Розет) тоже ведь не только профессиональный.

Пока же... придется довольствоваться тем, что Юра (и то — удивительно!..) согласился опубликовать в моей книжке (см. там, разделы, посвященные ему и Сереже — том 1, с. 552-580).

(Я, эдак, тебя “заставлю” все свое “многотомье” прочитать своими отсылами!).

А вот тот привет, который я уполномочен тебе от Юры передать. Он позвонил мне 12 июня (день рождения Сергея Розета, тому исполнилось бы уже 66) и обратил мое внимание на перекличку двух текстов — твоего и Сережиного...

Твой (из “Телескопа”, № 3), который пока не вышел, но Юра читал в моей распечатке с сайта:

> “...В 2004 г. я читал лекции в Российском университете дружбы народов на курсах для преподавателей, многие были с докторскими и кандидатскими степенями. В одной из лекций я говорил о моем отношении к моим героям и сказал, что, когда предо мною на столе ледат рядом книги давно умерших людей, которые в жизни были друзьями, я чувствую поток тепла от этих книг. Знаешь, тишина возникла в аудитории, ну, видимо, думали, “крыша поехала”... Но после секции ко мне подошла Ульяна Алексеевна Винокурова, профессор социологии в Якутии, выпускница ленинградского психфака. Она сказала мне, что мои наблюдения соответствуют традиционной этике и философии якутов. по ее мнению, души людей, о которых я пишу, предохраняют меня от совсем уж больших ошибок. Действительно, иногда я вынужден что-то писать в гипотетическом плане, но потом нахожу документы, подтверждающие мои гипотезы. Такое было уже несколько раз...”

(Чего это я тебе же тебя самого цитирую? А это я — “Ближнему кругу” ретранслирую...).

А вот текст Сережи (из поэмы “Лес”; см. “Драматическую социологию...”, том 1, с. 568, кстати, поэму эту сберег и частично опубликовал именно Юра):

> “...Они не подозревают, что этот мир, руками человека сотворенный, скрывает за квадратиками материи бреды и хотения, воли и злобы, отчаянья, сны и любови, наконец, всех творцов и строителей, и вещи наши в жизни выдыхают все это, и в уже нематериальном сладостном и ядовитом тумане мы рождаемся и создаемся...”

Сережин текст — обобщает, в том числе и твое наблюдение. Вот такой резонанс: Б. Докторов, якутская этика и философия, С. Розет, Ю. Щеголев; созвучно и мне, хоть не отказываю этим феноменам и в материалистическом объяснении.

А. А. 17.06.06.

***

todoct16a

<...> (Здесь опущен отправленный А. Алексеевым Б. Докторову текст статьи «Познание через действие (Так что же такое «драматическая социология?», который

был впоследствии опубликован в журнале «Телескоп», 2006, № 5.[16] *См. также на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_knowledge.html.*

Эта статья полдностью приводится ниже, в части 2 насттоящей работы. - А. А. Январь 2011)

***

todoct16b

А. Алексеев

“Пусть докажет, зачем ей это нужно!..” (история одного судебного процесса)

<…> (Здесь опущен текст составленный из фрагментов писем А. Алексеева от февраля-мая 2006 г., посвященных известному судебному процессу. См. этот текст ниже, в части 2 настоящей работы. – А. А. Январь 2011)

****

tobara1.doc

Письмо А. Алексеева — Р. Баранцеву (1).
Копия — “Ближнему кругу”...

18 июня 2006 г.

Дорогой Рэм!

Ловлю тебя на слове. Ты недавно повторил, что “...*протоколы жизни* Алексеева стоит прочитать любому обитателю современного социума...” (“Становление тринитарного мышления”, с. 78). Ну, может, не любому (хоть и очень ценю твою гиперболу!..), да от начала до конца прочитать и невозможно (графоманские приступы посещают меня с какой-то не фиксированной периодичностью).

Но “кое-что” из моих “протокольных” сочинений и композиций “кое-кому” (в частности, тебе...) может быть интересно.

Вот, теперь у меня новая разновидность “протоколов жизни” вырисовалась: групповая переписка (или многосторонний диалог...) в “сети”. Наивным и технологически примитивным прообразом сего для автора этих строк 25 лет назад были так наз. “Письма Любимым женщинам”. Электронная почта, с ее прозрачностью, многоадресностью и оперативностью, понятно, способствует развитию такого жанра. Многие не отдают себе отчета в его долгосрочной ценности. Электронные письма, если и сохраняются, то до очередной атаки вируса, до приобретения нового компьютера, а в худшем случае — до очередной очистки почтового ящика.

Чем объяснять специфику этого жанра, я просто пересылаю тебе три достаточно объемных (лаконизму у тебя учусь, но, увы, безуспешно...) файла: aldoke1a, aldoke2a и aldoke3a, включающих текущую электронную переписку, мою — в

[16] Электронная версия – http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1210866939113785file.pdf.

основном с Борисом Докторовым, но также и с другими людьми, участвующими в ней иногда активно, путем инициативного включения в разговор, иногда — позволив мне сделать достоянием общего круга нашу приватную переписку на те же или смежные темы, иногда же — пассивно (получая лишь копии, “для сведения”...) (Кстати, диалог — это вовсе не обязательно, когда все говорят; некоторые могут долго слушать “за кадром”, пока сами не захотят высказаться...).

Поводом для этой переписки послужило обращение ко мне Б. Д. в феврале с. г. с деловым предложением о биографическом интервью. Оказалось, что процесс куда интереснее итога (конечного! а вот промежуточные и побочные, как раз, интересны). Где-то с третьего или четвертого письма я усмотрел в этом жанр “протокола жизни”, озаглавил — **“В поисках Адресата”**, и вот теперь адресую также и тебе, для внутреннего пользования**.**

В отличие от неконтролируемой публичности интернета, с его глобальными “форумами” и т. п., электронная почта, с ее паролями, обеспечивает возможность как избирательной связи, так и взаимопроникновения дружеских, корреспондентских кругов. Что, кстати, вовсе не исключает и сохранения интимных, приватных контактов, в меру необходимости. Я на эту тему немало рассуждал в переписке с Борисом, и не буду повторяться.

Не пугайся объема — более 300 стр. “групповой переписки” — менее чем за полгода. Там много технологических повторений (например, разные варианты монтажа одних и тех же кусков биографического интервью, обширные цитаты из известной тебе “Драматической социологии...”, переписывание текстов, адресованных одному, в письмо к другому, скачивание из Интернета...). Компьютерные технологии способствуют таким повторам (поскольку иногда удобнее повторить, путем технического переноса, чем объяснять, где чего искать). Читать “по диагонали” — дело для нас обычное. Наметанный глаз легко выловит новое, созвучное, полезное. (Если таковое есть).

И еще одно замечание. Получение такого “послания с приложениями” адресата (я имею в виду не только тебя, но и любого — уже имеющегося и потенциального...) вовсе не обязывает... отзываться, реагировать, даже читать. Разве что подтвердить получение...

Где-то в “Новой газете” я читал недавно остроумный фельетон об эпидемии дарения сочинителями собственных произведений (и не только близким, но и незнакомым людям...). Это вроде СПАМа, навязываемой рекламы и т. п. Ну, и между друзьями тоже случается “демьянова уха”... Послать-то — ничего не стоит. А вот даже “скачивать” или перелистывать полученное иногда оказывается обременительным...

Ладно. После этого файла — tobara1 — стоит открыть todoct16. После чего уже aldoke — в последовательности номеров, или же todoc16a и todoc16b, на твое усмотрение.

Думаю, что в настоящей композиции — “В поисках Адресата” — элементы синтеза коммуникации себе, другому и другим (“дневник-письмо-статья”, что, к моей гордости, признано тобою в качестве системной триады — см. “Становлении тринитарного мышления”, с. 104) — есть!

Рэм! Письмо это, так сказать, лично-общественное. Т. е. я уже включил его в aldoke3a. Если вздумаешь откликнуться более чем подтверждением получения, буду рад включить твой отклик в “групповую переписку” (с твоего согласия, разумеется; а, впрочем, мы с тобой слишком хорошо друг друга знаем, чтобы такое согласие специально испрашивать...).

Твой Андр. Алексеев

19.06.2006

***

ALDOKE4A

+++

Папка 1.4. Июль 2011

В том числе:

todoct17

Письмо А. Алексеева Б. Докторову (17a)

From: "alexeev34" <alexeev34@yandex.ru>
To: bdoktorov@inbox.ru
Date: Tue, 20 Jun 2006 17:31:14 +0400 (MSD)
Subject: todoct16, todoc16a, todoc16b, aldoke3a

Борис! Посылаю очередное письмо (todoct16) + проект публикации в "Телескопе" (todoc16a), а также сводные тексты todoc16b и aldoke3a.

Твоя книга "Отцы-основатели: история изучения общественного мнения" меня (равно как и Машу), наконец, достигла. Спасибо!

Я видел вывешенными на сайте Киевского международного института социологии тома 3 и 4 "Драматической социологии и социологической ауторефлексии". Желательно сделать link с вашим сайтом. Андр. Ал.

20.06.2006

***

Письмо Б. Докторова А. Алексееву (17b)

Re: todoct16, todoc16a, ...
Дата: 20.06.06 18:07
От кого: Boris Doktorov <bdoktorov@inbox.ru>
Кому:<alexeev34@yandex.ru>
Тема: Re: todoct16, todoc16a, todoc16b, aldoke3a

Андрей, все получил,спасибо, разбираюсь в текстах, ты долго на работе? Про книгу знаю, Машуня даже уже нарисовала текст для "Дела". Б.

***

Письмо Б. Докторова А. Алексееву (17c)

Четверг *(? — А. А.)*, 25 июня 2006 г.

Андрей, все твои материалы я прочел, особо внимательно – текст для «Телескопа». После первого прочтения замечаний нет, но поводы раздумий есть. Перечитаю, поразмышляю и напишу. Могу ли я переслать твой текст о драматической

социологии Диме Шалину? Его взгляд и оценка могут оказаться полезными... он на темы, обозначенные тобою, давно думает. Да и Гофман ему давно известен.

Теперь, когда ты получил моих «Отцов-основателей» и, может быть, пролистал книгу, тебе будет понятней, почему я в последнее время думаю о методологии биографических поисков и в каком направлении движутся эти поиски. Опуская множество важнейших деталей, скажу так: мне интересна связь между событиями в жизни социолога (социального исследователя, творческой личности), средой, в которой он социализировался, и тем, что им было сделано.

При анализе биографий поэтов, писателей связь жизненных обстоятельств и творчества – обыденность. Даже примеры приводить неудобно.

Очень интересно устроен мир выдающихся математиков, они – почему? никто не знает – как бы живут в том мире, который изучают, они его видят целостно. Например, был индийский математик Сринивас Рамануджан, не имевший никакого математического образования и до 25 лет вообще не видевший ученых. Однако этот самоучка видел в почти завершенном виде закономерности мира чисел, которые открыть можно было лишь с помощью мощнейших аналитических приемов. ...долгая история, но Рамануджан оказался в Англии, где ему очень помог выдающийся английский математик-профессионал Годфри Харди. Как-то Харди сказал Рамануджану, что он приехал к нему на такси со «скучным» номером 1729. Тот немедленно сказал, что это далеко не так: это число является наименьшим, которое может быть представлено как сумма кубов в двух вариантах (10 3 + 9 3 и 12 3 + 1 3). Харди – «отпал».

Но вот книг, в которых рассматривалось бы становление тех ценностей человека и его профессиональных навыков, которые потом отразились бы в его деятельности социального познавателя, – мало. Тем более если речь идет о тех, кто работал в области методологии, методики социологического измерения.

Исходно меня заинтересовало то, как «из ничего» возникла выборочная технология опросов общественного мнения. Тогда я и в мыслях не держал изучение биографий, все казалось простым, линейным, коротким во времени. Постепенно понял мое заблуждение. Прежде всего, пришлось откатиться от середины 30-х в начало освоения Америки англичанами. Затем пришлось осознать, что надо изучать становление рекламы (бизнес впереди политики). Обнаружилось, что анализ биографии – исходно был только Гэллап – человека должен начинаться с событий, имевших место задолго до его рождения. В теоретическом отношении, естественно, это всем известно, но меня к такому подходу толкал сам материал, сама практика. Другими словами, в какой-то момент я уже не мог изучать становление технологии опросов, не зная, кто же это делал....

Постепенно я начал задумываться о сути, природе изучения биографий. В «Отцах-основателях» – шесть главных биографий (Гэллап, Роупер, Кроссли, Кэнтрил и Грушин) и множество коротких «очерков», хотя о многих героях я мог бы нарисовать самостоятельные брошюры. Мне хотелось после завершения книги написать методологическую главу или параграф, но: а) не решился, б) было оправдание – нет места; я и так «перебрал» с текстом. Хотя, думаю, много методологических рассуждений (прежде всего я их делал для себя) рассыпано по тексту.

Вот и сейчас читал твои заметки для «Телескопа» и одновременно «прилагал» сказанное тобою к теме, которой я занимаюсь. Скорее, не прилагал, но рефлектировал по поводу...

Сейчас я пишу о классике американской рекламы Дэвиде Огилви (1911-1999). Крупными мазками его жизнь: родился в Англии, принадлежал к старому и большому шотландскому клану. Семья была очень небогатой. Кончил привилегированные школы, начал учиться в Оксфорде, через два года ушел. Но «патина» Оксфорда осталась. Стал работать на кухне большой гостиницы в Париже с приготовления еды собакам постояльцев. Быстро стал «шефом». Ряд лет проработал коммивояжером в Шотландии, в 25 лет написал руководство для коммивояжеров, признанное сегодня одним из лучших в области маркетинга. Три года проработал в рекламном агентстве в Лондоне и

уехал в Америку. Вошел в литературный и артистический круг Нью-Йорка. Попал к Гэллапу. Стал опытнейшим исследователем киноаудитории, провел свыше 400 опросов. Война: служил аналитиком в английской разведке в Вашингтоне и был вторым секретарем английского посольства. Сразу после войны на три года «провалился» в далекое прошлое: фермерствовал в немецкой общине (амиши) в Пенсильвании, сохранившей до наших дней язык и характер жизни начала 18 века. Не могу понять, почему это произошло... В 38 лет открыл собственное рекламное агентство в Нью-Йорке и через пару лет был безоговорочно признан ведущим в Америке копирайтером. Через два десятилетия отошел от активной работы, купил во Франции замок 12 века, поселился, писал книги о своей жизни и о рекламе, пил красное вино. (Писать книги о нашей жизни мы тоже можем, даже «красненьким» можем побаловаться, но вот замок 12 века – пока не мечтаем...)

Огилви был философом и социологом рекламы и одновременно чувствовал язык, оставаясь при этом иностранцем. Разница между английским языком и американским – для создателя рекламы – лишь немного меньше, чем между Англией и Америкой. Пять книг одного автора о себе и о своем деле – это ли не материал для биографического изучения? Идеальный случай. В книгах Огилви обнаруживаются многие связи, линии между миром, в котором он жил, и миром, который он создавал (в своих рекламах). Хотя, не думаю, что он в таком направлении думал. Он просто вспоминал и писал.

Конечно, как создатель рекламы, он немного продавал и себя. Однако, рекламисты такого уровня (читай мои статьи о Ласкере и Бартоне в последних «Телскопах») рекламируют только такой товар, в качественности которого уверены.

Так что если формально, то я пишу об Огилви, в действительности - опять пытаюсь понять, как писать научную биографию.

Твоя «драматическая социология» – это одновременно и автобиография, и «просто» биографическая книга, которую пишешь как бы не ты, но о себе. Я читаю твои тома с большим интересом, они стимулируют мои поиски. Но на один вопрос я не могу сам ответить... может ты ответишь? Когда я изучаю биографии и творчество моих героев, то стараюсь увидеть сделанное ими как функцию их жизни в определенной среде. Можно ли сказать, что постижение себя, или не себя, но человека, очень похожего на тебя, стало в какой-то момент главной научной целью твоих изысканий? Т.е., еще на зная того, что тебе предстоит написать (создать) «драматическую социологию», ты начал постигать реальность, действуя в ней, и испытывать себя, участвуя или не участвуя в происходящем. Другими словами, «драматическая социология» – это и процесс твоей деятельности (т.е. внутреннее, или «автобиография»), и главный результат твоей работы (т.е. «биография).

Постараюсь пояснить последнее...

Тот же Огилви. Результат деятельности – рекламы, менявшие представление о том, какой должна быть эффективная реклама, и о культуре рекламы в целом. Сама же его жизнь – база его творчества, стимулы... Гэллап: результат – технология изучения общественного мнения и культивация в обществе потребности в информации о себе, «апостол демократии»... Но сама жизнь Гэллапа – база его творчества, резервуар стимулов...

Мог бы ты прочесть (написать) для студентов курс лекций по драматической социологии? Вот текст, который ты подготовил для «Телескопа», – это, скажем, Лекция 1 – введение, история. Какие темы лекций ты мог бы еще назвать?

Можешь считать, что это еще один, несколько затянувшийся по форме, вопрос нашего интервью.

Спасибо за сообщение о работе Юры Щеголева. Я согласен со всеми его условиями... пусть работает спокойно, я его не тороплю...

Одно место из твоего письма хочу прокомментировать, ибо оно носит общий характер. Ты приводишь длинную цитату из моего интервью (по моим представлениям

оно уже опубликовано в последнем «Телескопе») и строчки из поэмы Сережи Розета: «...Они не подозревают, что этот мир, руками человека сотворенный, скрывает за квадратиками материи бреды и хотения, воли и злобы, отчаянья, сны и любови, наконец, всех творцов и строителей, и вещи наши в жизни выдыхают все это, и в уже нематериальном сладостном и ядовитом тумане мы рождаемся и создаемся...».

Редактор «Отцов-основателей» и предыдущей книжки Наташа Мазлумянова (ты ее знаешь по нашему сайту), опубликовала в последнем «Социологическом журнале» заметку о том, как мы работали над книгами. Она приводит выдержку из моего письма:

> «…Есть проза, есть стихи, есть математические формулы. Есть проза, приближающаяся к поэзии. Есть поэзия, приближающаяся к математике. (Здесь еще надо найти место музыке, но это — в другой раз.) Я бы так все упорядочил. Поэзия — между. Она компактнее и гуще, чем проза, описывает картину мира и мир чувств. Потому мы так любим настоящую поэзию. Она зовет нас мыслить, думать, чувствовать... мы задумываемся над фразой, словом, слогом, звуком, знаком препинания... Формула еще компактнее и еще гуще описывает картину мира. К простым формулам, типа теоремы Пифагора или бинома Ньютона (сегодня их нормальный школьник выведет запросто), могли подойти только гении, им это послал Бог, как поэтам или композиторам. Из формул вытекает еще больше следствий, чем из поэзии. В них все так свернуто, что их постижение вызывает мощную энергию творчества, часто приближает к психическим срывам... Но в любом случае работа с ними, как со строчками стихов — это великое наслаждение…».

Так что «поэтическая форма» и на мой взгляд обобщает прозу... с другой стороны, кому больше дано (чувствовать стих и писать), с того и больший спрос...

Сегодня обещают наших 100 градусов, или, по Цельсию, – 38. Но чего не выдержит человек? Читай «драматическую социологию».

Всего наилучшего, Боря

***

Приложение

Б. Докторов, Д. Шалин — посетителям сайта проекта IBI (17d)

25 июня 2006 г.

В последнее время на сайте проекта «Международная Биографическая Инициатива» (http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html) появилось много новых материалов, в том числе - интервью профессора Бориса Парыгина,
(http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/parygin.html),
опубликованное в петербургском журнале «Очень» в январе 2005 года.

Нам представляется, что эта публикация может показаться вам особенно интересной. Заметим, что некоторые строны деятельности Б. Парыгина уже отражены в материалах нашего сайта. Смотри: интервью В. Ядова
(http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/yadov.html),
статьи О. Божкова и Т. Протасенко
(http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Supplements/golofast.html)
и Б. Докторова
(http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Supplements/doktorov_firsov.html).

Если вы сочтете возможным прокомментировать интервью Б. Парыгина, мы будем рады опубликовать ваш текст на сайте проекта «Международная Биографическая Инициатива».

Всего наилучшего,

Борис Докторов и Дмитрий Шалин

***

Письмо Б. Докторова А. Алексееву (17е)

Re: Письмо
Дата: 27.06.06 18:08
От кого: alexeev34 <alexeev34@yandex.ru>
Кому: <bdoktorov@inbox.ru>
Тема: Re: Письмо

Борис! Письмо от 26.06.2006, а также информацию о новых материалах сайта получил. Спасибо! Отвечу позже. Андр. Ал. 27.06.2006

***

+++

Письмо А. Алексеева Б. Докторову (17). Копия: "Ближнему кругу..."

("Ближний круг": Л. Кесельман, Р. Ленчовский, М. Мацкевич, А. Родионова. — А. А.)

28 июня 2006 г., среда

Здравствуй, Борис!

Буду двигаться по тексту твоего письма от 25.06.2006. В некоторых своих письмах и Ты следуешь этому правилу, даже нумеруешь сюжеты, что я приветствую.

Вообще, отсутствие реакции на ту или иную высказанную корреспондентом мысль или факт в диалоге свидетельствует либо об их (мысли, факта...) малозначимости для собеседника, либо об умолчании (не заметил... или же намеренно промолчал...). .

...По поводу текста для "Телескопа" буду ждать плодов твоих раздумий.

...Да, конечно, Ты можешь переслать мой текст о "драматической социологии" и т. п. Диме Шалину. Хотя более подробное и не "вторичное" объяснение, что же это такое, можно найти на вашем же с Д. Ш. сайте — в предисловии к "Драматической социологии и социологической ауторефлексии" (том 1, Предисловие, с. 11-45).

...Твоих "Отцов-основателей..." я не перелистываю, а почти подряд читаю. Нахожусь уже в 1940-х гг. Чтение увлекательное, и не только для профессионалов. Вообще, историко-биографический материал пока вроде довлеет над теоретико-методическим. Понятно, что авторских методологических эксурсов здесь немало, и вполне удачных. Но вот очень было бы интересно увидеть "живьем" структуру выборки Гэллапа или Роупера, хоть 30-х, хоть позднейших лет. Или они до сих пор "засекречены"?

...Производят сильное впечатление основательность, эрудиция и глубина (и в прямом, и в переносном смысле; вот так и Льву Толстому пришлось начать роман о современности, с начала века... да так и ограничился “прологом”, в отличие от Тебя).

...Еще одно поразившее меня обстоятельство. При всей прагматичности, “отцы-основатели...”, оказывается, были-таки “апостолами демократии” и “ревнителями нравственности”, что с нашими современными представлениями о полстерах и политтехнологах (равно как и о рекламистах) совсем не вяжется... Что же сегодня — вырождение?! Или все же тут — не без идеализации истоков, содержавших-таки зародыши будущих “двойных стандартов”, политического цинизма и т. п.

...Твои рассуждения о связи особенностей жизненного процесса (биографии...) и специфике творческого результата (включая научные результаты...), точнее — о зависимости второго от первого, в социокультурном контексте, мне вполне созвучны.

Вообще, как Ты мог заметить, я являюсь адептом “личностного знания” М. Полани. А Вернадскому, между прочим, принадлежит замечание о том, что “познать научную истину... можно лишь жизнью” (см. ДСиСА, т. 1, с. 39).

...Среди прочего, ты спрашиваешь:

> “...Когда я изучаю биографии и творчество моих героев, то стараюсь увидеть сделанное ими как функцию их жизни в определенной среде. Можно ли сказать, что постижение себя, или не себя, но человека, очень похожего на тебя, стало в какой-то момент главной научной целью твоих изысканий? Т.е., еще на зная того, что тебе предстоит написать (создать) «драматическую социологию», ты начал постигать реальность, действуя в ней, и испытывать себя, участвуя или не участвуя в происходящем. Другими словами, «драматическая социология» – это и процесс твоей деятельности (т.е. внутреннее, или «автобиография»), и главный результат твоей работы (т.е. «биография»)”.

У великих Огилви и Гэллапа, на которых Ты далее указываешь, жизнь и творчество все же не совпадают, хоть первая и есть “база творчества”, “резервуар стимулов” и т. д. У других великих (воздержусь от примеров...) “взаимоналожение” того и другого гораздо сильнее, в пределе — процесс (жизни...) и результат (творчества...) нерасторжимы.

О себе скажу так: осознание собственной жизни как своего рода объекта или предмета “включенного наблюдения”, а — в силу определенных особенностей жизненной позиции — и “наблюдающего участия”, у меня возникло где-то накануне “ухода” на завод (конец 70-х). В самом этом уходе (январь 1980) экзистенциальный мотив, полагаю, все же преобладал над профессионально-социологическим (впрочем, вскоре они сравнялись по значимости...). Но в качестве социолога, каковым я продолжал себя считать, мотив само-познания уступал мотиву миро-познания. Так мне сегодня это ретроспективно видится.

Иначе сказать: хотелось бы все-таки думать, что “драматическая социология” преследовала цель не только и не столько “постижения себя” (для этого не надо быть социологом...), сколько постижения мира, социальных явлений и процессов и т. п. И содержательным результатом явилась не только и не столько “биография”, сколько картина социального мира, полученная специфическими “автобиографическими” средствами. Насколько картина эта “научна”, “объективна”, “достоверна” — другой вопрос... Демонстрация возможности и потенциальной эффективности такого способа социального (социологического?..) познания (разумеется, в сочетании со всякими другими!..), возможно, есть главный методологический результат “драматической социологии”.

Признаться, этому методологическому результату я придаю значение не меньшее, а даже большее, чем содержательному. Не думаю, что с помощью “автобиографических” средств мне удалось открыть неведомые ранее социальные

закономерности, но вот новый подход к их постижению, пожалуй, предложен и апробирован.

(Выделенный здесь фрагмент письма впоследствии вошел в состав публикации: Познание через действие (Так что же такое «Драматическая социология»?) // Телескоп, 2006, № 5. См. ниже, в части 2 настоящей работы. – А. А. Январь 2011)

Ты спрашиваешь, далее, не мог ли бы я прочесть (написать) для студентов “курс лекций по драматической социологии”?

> “...Вот текст, который ты подготовил для «Телескопа», – это, скажем, Лекция 1 – введение, история. Какие темы лекций ты мог бы еще назвать?..”

Вообще, я к сочинению лекционных курсов, равно как и к педагогической деятельности в традиционном смысле ныне склонен мало. Но дело и не только в этом. “Драматическая социология”, как бы, не дисциплинарна! По крайней мере, для ее “изобретателя”... “Истина должна быть пережита, а не преподана”, — замечал Магистр музыки у Гессе.

...Впрочем, вовсе не отвергаю попыток и учебных версий “познания через действие”, социально-личностного эксперимента и т. д., вроде той, что представлена Романом Ленчовским в его спецкурсе “Введение в коммуникативную социокультурную биографику”, в Национальном университете “Киево-Могилянская академия”. (См. об этом ДСиСА: том 4, с. 201-203; том 3, с. 86-97). (На днях, кстати, в КМА состоялась заочная — для меня — презентация “Драматической социологии...”, в рамках тамошней “Летней школы социального дискурса”...). Но мне как-то уютнее когда “лекции” и “семинары” на эти темы проводят мои коллеги и друзья, я же остаюсь при своем “не каноническом” произведении.

...Вообще, “дисциплинарность” (курс лекций...) в некотором смысле синоним завершенности. “Драматическая социология”, хочу думать, принципиально от завершенности далека.

Не знаю, удовлетворил ли я Тебя своими ответами на “дополнительные” вопросы интервью, но во всяком случае отвечал со всей возможной для меня откровенностью.

...Юре Щеголеву я передам твой отклик на мою информацию о его намерениях и условиях сотрудничества.

...Судя по всей совокупности волнующих тебя профессиональных и не профессиональных вопросов, звучащих в нашей переписке, мне кажется, Тебе стоило бы поинтересоваться (еще и...) специальной литературой по психологии творчества (в частности, научного...), которая существовала и у нас (в СССР... в России...), а на Западе — так ее, наверное, целое море. Правда, вряд ли так уж богато представлен в ней твой — социокультурный, биографический поворот:..

...Из просьб: по возможности, включите с Димой на свой сайт, в дополнение к представленным там томам 1 и 2 “Драматической социологии и социологической ауторефлексии”, также 3-й и 4-й тома — путем link’а с сайтом Киевского международного института социологии:

http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/book.html

...Я продолжаю следить за развитием Вашего сайта.

С удовольствием, обнаружил там заметки В. Шляпентоха о Л. Гордоне, В. Шубкине, В. Ядове, Ю. Леваде (жаль, что не указано, где впервые было опубликовано... Кстати, до сих пор нет точных библиографических ссылок и на републикации из “Социологического журнала”).

Очень ценна, по-моему, довольно полная и хорошо скомпанованная специальная библиография по истории российской и советской социологии, выпоненная Л. Козловой. (Вот вам, кстати, и еще одно “пособие” для пополнения Вашего сайта...).

А вот с попури “по клавишам души” и по страницам жизнедеятельности Б. Д. Парыгина, боюсь, вы с Димой дали маху!

Текст из гламурно-рекламного (похоже, ведомственного — Гуманитарного университета профсоюзов) журнала, где непросто различить высказывания самого Б. Д. и о нем (думаю, “классик мировой науки” и желтый журналист здесь полноценные соавторы...), по-своему, замечателен. Конечно, он выпадает из общей стилистики Вашего сайта, как бы снизошедшего здесь до бульварщины. (Если быть последовательными, Вам теперь придется и печатные издания типа “Очень” включить в круг своих информационных источников). Но это бы еще полбеды...

Я бы предпочел прочитать Ваши отсылы к другим материалам сайта, отражающим “некоторые *(иные?.. — А. А.)* стороны деятельности проф. Парыгина”, — не в электронном письме Б. Докторова и Д. Шалина *(см. в приложениях. — А. А.)*, имеющем, очевидно, ограниченную аудиторию, а непосредственно на сайте — с его потенциально бесконечной аудиторией. И за каких же кретинов однако Вы держите адресатов Вашего письма, если полагаете, что не мемуары Кона и Заславской, не труды Батыгина, не заметки Шляпентоха, не трактаты Шалина, не беседы Докторова с Мазлумяновой, не публикации из “Социологического журнала” и “Телескопа”, не фрагменты “Драматической социологии”, на худой конец, а именно эта, по-своему скандальная, публикация “может показаться... *(им, адресатам вашего письма. — А. А.)* особенно интересной “ *(выделено мною. — А. А.)*.

Хотите сделать из своего сайта “форум” — пожалуйста! Но тогда включите в свою преамбулу (где-то месяц назад удачно расширившуюся за счет призыва писать автобиографические заметки с предложением некоторых “наводящих” или “репЕрных” вопросов...) — также и призыв откликаться, уточнять, опровергать любые материалы сайта, писать живую, интерактивную, не только коллективную, но и “диалогическую”, плюралистическую историю — в лицах и в “рылах”.

Для содержательного отклика (и даже опровержения!..) гламурно-пиарный текст проф. Парыгина является слишком ничтожным поводом. Со своей стороны, я ограничусь очередным отсылом к главе 13 (в томе 3) “Драматической социологии...”, повествующей, в частности, от том как “лидер мирового ревизионизма” пробился в вожди ленинградского социологического сообщества и о его на этом поприще подвигах. Ну, и еще к публикации фрагментов “дела Алексеева” на вашем же сайте можно отослать. “Классик” и тут отметился...

Еще раз подчеркну: не в том я вижу “беду”, что “Булгарин” попал в одну энциклопедию с “Пушкиным”, а в способе подачи — в своего рода выделении посвященной ему статьи полужирным шрифтом, и в этаком акценте организаторов сайта: вот, мол, какие мы “объективные”...

Ну, был у Вас искус опубликовать скандальное (кстати, уверен, таково оно и в глазах “нормальных” людей, и не слыхивавших про нашего героя...) интервью Парыгина на сайте... Исполать, пусть будет сайт не без юмора, не без перчинки... Но это можно было сделать сохраняя собственное достоинство, не опускаясь до уровня журнала “Очень”.

После критики — от консультанта должны последовать рекомендации. Вот они:

1) дополнить преамбулу к сайту проекта IBI приглашением к обсуждению, уточнению, опровержению любых материалов, помещенных на сайте (см. об этом выше);

2) включить в страницу сайта с интервью Парыгина мини-ремарку со ссылками на иные страницы сайта, затрагивающие деятельность этого персонажа, с отличной от представленной в данном интервью трактовкой (также см. выше)..

...Отмечу здесь лишь одно качество вашего нового героя, которое мне кажется характеристическим: глумливость. Социопсихолингвистический анализ (в духе Т. Дридзе) мог бы обнаружить присутствие этого качества и в приведенном вами тексте, изобилующем “проговорками” по Фрейду.

Вот, например, словечко (едва ли не термин...) “идеологическая выправка” (см. в тексте интервью...), которую наш “Штирлиц советской социологии” будто бы разрушал, а не насаждал. Это словечко фигурирует и в тексте, приводимом мною в томе 2 ДСиСА, в разделе 9.7, посвященном “ИСЭПу-1984”. Правда, в несколько ином контексте:

(Из отчета о пертийном собрании ИСЭП АН СССР 1 ноября 1984 г. — А. А.)

> “...Зав. сектором, проф. **Б.Парыгин**: Наши пробелы в идеологической подготовке связаны с отсутствием у нас должной **идеологической выправки** *[так! — А.А.]*. Недостаточно идеологической выправки у наших партийных руководителей — членов партбюро отдела Колесникова и Докторова. Они неправильно вели себя при обсуждении советско-венгерского сборника. Особо слабой идеологической выправкой владеет Голофаст, написавший идеологически не выдержанную статью в этот сборник...” (с. 243)

Вышеприведенный отрывок сопровождался моей современной ремаркой:

> *“Ремарка*: ***слушайте, слушайте! (“новояз”)***
>
> *Записи велись многими присутствовавшими на собрании и, как правило, совпадали.*
>
> *К особенностям нашего “новояза” (термин Оруэлла) относится переворачивание значений слов (например, здесь: “беспринципность” — “принципиальность”).*
>
> *“Новояз”, как будто, состоит из клише. Однако это отнюдь не мертвый язык. Он способен к развитию, в нем постоянно рождаются неологизмы (например: “идеологическая выправка”). (Август 2000)” . (Там же).*

Соответствующий параграф в книге (9.7.2) так и называется: “”Недостаток идеологической выправки у социологов...” (неологизм проф, Парыгина)”. Без комментариев...

...Еще парочку анекдотов о “феномене Парыгина”, если не поленюсь, расскажу в другой раз. А то для одного письма слишком жирно будет...

...Среди “приложений” — текст интервью проф. Парыгина. Это — благодаря Лене, скачавшему его. (Мне бы не догадаться...). И хорошо. По крайней мере некоторые “параллельные” читатели моего письма смогут, хоть в первом приближении. оценить справедливость моих наблюдений. (Например, Р. Баранцев, склонный в любом тексте видеть стилистическую автохарактеристику).

Ну, пока все. Обнимаю!
Андр. Алексеев
30.06.2006

***

Приложение:

Борис Парыгин

(Это интервью было проведено Алексеем Гориченским и опубликовано в журнале «ОЧЕНЬ», 2005, № 4, январь). [17]

Борис Дмитриевич Парыгин – классик. Классики, как известно, существуют в форме книжных томов с тиснеными переплетами. Они сурово молчат в сумрачной тишине библиотек и укоризненно поблескивают золотом букв. Похоже, они не очень-то нам симпатизируют. Нам – осуетившимся и отпавшим от живительных родников их великих идей.

Не таков Борис Дмитриевич. Он если и поблескивает чем, так это иронией и интеллектом. Да не просто поблескивает – блистает, несмотря на то, что скоро отметит семидесятипятилетие. Он принадлежит к совершенно особому разряду классиков – живым классикам. Эти – особенно редки. Встретить такого в своей жизни – большая удача.

Такая удача регулярно выпадает на долю студентов Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, где Парыгин работает профессором кафедры социальной психологии.

Он носит длинные волосы, бородку и усы, являя собой вечный чеховский тип российского интеллигента. Его манера держаться сочетает в себе степенность Менделеева, подвижность Павлова и настороженность Штирлица. И если второе и первое находятся строго в русле российской академической традиции, то с третьим нам еще предстоит разобраться. Чуть забегая вперед, скажу лишь, что Штирлиц, по большому счету, наиболее точно отображает тип русского ученого в XX веке.

Особенно ученого в той области знания, которой посвятил себя Борис Парыгин. Называется эта область социальной психологией, и наш герой фактически являлся одним из ее основателей в СССР. А значит – и в современной России. Слово герою.

Лидер международного ревизионизма

Мой звездный час – это шестидесятые. Я себя ощущаю классическим шестидесятником. Это было время общего подъема, время больших ожиданий перемен.

В один год вдруг стало возможным говорить о вещах, когда-то недопустимых. В 1959 году в ЛГУ им. Жданова, в журнале «Вестник Ленинградского университета», одна за другой вышли несколько статей, авторы которых высказывали очень смелые по тем временам идеи. Все в один год. В числе этих авторов был и я.

Я высказался в том смысле, что если зарубежная социальная психология (см. раздел «необходимые пояснения». – А.Г.) оказалась лженаукой, нет оснований не развивать отечественную на другой основе. Этой статьей хотелось преодолеть барьер на пути развития науки, этот жупел: социальная психология несовместима с марксизмом и потому не имеет права на

[17] Цит. По сайту «Международная биографическая инициатива»:http://www.unlv.edu/centers/cdclv/mission/index2.html.

существование. Получилось, что я первый «подставился», бросил вызов, за который потом годами пришлось расплачиваться.

В шестидесятые вышли мои первые монографии. И опять не повезло – переиздание моей книги «Социальная психология как наука» в Болгарии, Чехословакии и Уругвае совпало с пражской весной, как тогда говорили – атакой контрреволюции. Партийным идеологам было ясно, что дело нечисто: если марксизм собратьев по социалистическому блоку не устраивает, значит, им нужна другая идеология. И вот, пожалуйста, – социальная психология.

Скоро в Венгрии вышла публикация, где меня вычислили: Парыгин – это ревизионизм. Это подрыв устоев. В чем он заключается? В противовес марксизму, который исходит из экономического детерминизма, Парыгин развивает концепцию главенства человека. Он подменяет философию марксизма философией человека.

В 1971 году вышла моя книга «Основы социально-психологической теории». Основной ее идеей был не классовый, а общечеловеческий подход. Это был, наверное, самый главный труд моей жизни. Я чувствовал, что мне удалось нащупать какие-то крайне важные процессы и закономерности развития общества, самые главные назревшие на тот момент вопросы. И по этой книге был нанесен главный удар.

Осенью 1972 года состоялось совещание ЦК с идеологическим активом. Это очень крупное мероприятие, которое стенографировалось, тексты затем рассылались по стране и служили руководством к действиям на местах.

Во второй день работы этого совещания я оказался в Москве. И вот, в редакции одного из журналов я обсуждал публикацию своей статьи. Редактор высказался в том смысле, что все это бред. Я стал аргументировано возражать – не бред, нет, а он – о чем Вы говорите вообще, на совещании ЦК Вас назвали лидером международного ревизионизма! После этого спорить было не о чем.

Я пошел в гостиницу «Россия» – «кавказскую пленницу», как ее называли в то время, поскольку в ней частенько останавливались выходцы с Кавказа. Иду по коридору грустный и озабоченный, думаю, выпить что ли, раз такая штука – выкинули меня из жизни и все. И вдруг вижу – идут по коридору мои земляки: декан философского факультета Марахов и инструктор аппарата ленинградского обкома по науке Мосолов. Ты что такой грустный и озабоченный? – спрашивают. Я говорю – вот так-то. А они – наплевать и забыть! Это все было вчера, а сегодня за тебя выступили лидеры всех направлений в науке. Говорили, что нельзя возвращаться к отстрелу тех, кто прокладывает в науке новые пути. Тот работник ЦК, который против тебя выступил, поминутно убегал в туалет.

Вот так эта история, казалось бы, закончилась. Однако ее последствия я ощущал на себе потом многие годы.

Я в это время работал в педагогическом институте им. Герцена. Вернулся, и началась со мной разборка, потому что установки-то из Москвы все равно идут. И на совещании у ректора повторили все тезисы о ревизии Парыгиным марксизма. Меня пытались поддержать профессора, но этого оказалось мало, потому что мне инкриминировалось еще много чего другого. То, например, что социально-психологический факультет, который я создал в рамках пединститута, превратился чуть ли не в Мекку для иностранцев. И всамом деле, из консульств, посольств приезжали, шли ко мне в кабинет мимо ректора, ехали из Прибалтики, жали руку, признавались, что мой портрет у них висит в университетах: я для них был человеком, который выступил против

системы. И этого было более чем достаточно, чтобы взять меня на контроль совсем по другим каналам.

Мне инкриминировалось также создание самого социально-психологического факультета с сомнительными последствиями. К тому же я еще выступил в ЛГУ с докладом в поддержку Льва Гумилева как ученого, имеющего право на искания. Правда, когда он попросил меня дать рецензию, я отказался – смалодушничал. Да и, строго говоря, не разбирался я в достаточной степени в его проблематике. Но я считал нужным поддержать. Мы общались, я определил его даже в Герценовский, чтобы он там читал лекции. А тут еще я приветствовал Белоусову и Протопопова, приглашая их на психологический факультет – еще один прокол.

Это не могло не кончиться естественным результатом – моим уходом из Герценовского института в 1976 году. Несмотря на то, что ректор А.Д. Боборыкин был человек хороший и относился ко мне с симпатией, он не мог не реагировать на поступающие сигналы об угрозе разрушения идеологической выправки. Еще раньше мне пришлось уйти из ЛГУ им. Жданова. За идеи приходилось расплачиваться карьерой и здоровьем.

Необходимые пояснения

Социальная психология – «буржуазная лженаука». Сейчас она реабилитирована и положена в основу как разнообразных методик по работе с человеческими ресурсами корпораций, так и политтехнологий. Вот что рассказывал об ее истории в России сам Борис Парыгин: «После Октябрьской революции в России встала задача создания нового человека. О, это было удивительное время! “Мы кузнецы, и дух наш молод!” Все нужно было делать сразу, сейчас, и конечно, русская философская и психологическая традиция творцам нового мира не подходила. Ведь Достоевский и Бердяев утверждали, что на то, чтобы изменить природу человека, нужны сотни, тысячи лет. И вот тогда на вооружение был взят западный опыт, была предпринята уникальная попытка синтеза марксизма и фрейдизма. Секс поставили на службу революции.

Такого рода идеи были распространены в то время очень широко. Они находили свои отголоски и в знаменитой теории “стакана воды”, пропагандирующей свободу удовлетворения сексуальных потребностей. “ Долой стыд!” – один из лозунгов той поры. Эти же идеи легли в основу новых систем воспитания, создания нескольких специальных интернатов. Все это было санкционировано на самом высоком уровне: сам Сталин отдал своего сына на воспитание в один из таких фрейдистских интернатов.

Однако эта попытка создания социально- психологической теории в то время не увенчалась успехом. Сложный вопрос: почему именно, что тут сыграло решающую роль – научная несостоятельность нового учения или внешние политические причины. Дело в том, что одним из главных адептов синтеза марксизма и фрейдизма выступал главный противник Сталина – Троцкий. Его политическое поражение могло стать причиной разгрома и для этого научного направления.

Так или иначе, но социальная психология в России, а потом в СССР не прижилась. На долгие десятилетия она была объявлена лженаукой. Именно это обстоятельство во многом стало причиной того, что мы имеем ту историю, которую имеем».

Чаще всего социальную психологию обвиняли в ревизионизме. Ревизионизм – синоним чего-то очень плохого. Тут нужно заметить, что вся история XX века – это история столкновения великих идей. Идеи были главным оружием и достоянием государств, и поддержание их в постоянной боевой готовности было важнейшей задачей, на которую работали специально подготовленные касты специалистов. И ревизионизм в данном контексте – это попытка лишить главное оружие его ударной мощи, подменить в нем смыслы, как боеголовки. Впрочем, бдительные стражи часто обвиняли в ревизионизме людей, искренне ратующих за модернизацию оружия.

Если кого-то из поднявших на главное оружие руку хотели уничтожить физически или морально, то его объявляли лидером международного ревизионизма (ЛМР). После получения этого статуса для человека оказывались закрытыми любые пути социальной самореализации. Закрытие это осуществлялось путем взятия на контроль. И тут совсем необязательным было участие иных каналов (т. е. силовых структур), достаточно было ярлыка ЛМР, чтобы человек, образно говоря, переходил в разряд неприкасаемых.

Белоусова и Протопопов – спортсмены, чемпионы Олимпийских игр по фигурному катанию. Не являлись ЛМР, но иммигрировали в Европу, что «накладывало тень» (понятие из симпатической магии) на все и всех, с кем они имели дело по эту сторону границы.

Лев Гумилев тоже не был ЛМР, но он был автором немарксистской теории исторического процесса – этногенеза. Теории с сомнительными последствиями. Наличие таких последствий для любого общественного явления означало, что его принадлежность к ревизионизму не доказана, но чувствуется. Распознавались последствия благодаря установкам и сигналам. При этом если под «установками» понимались прямые указания власти (ЦК), то с «сигналами» все было сложнее. О них, как правило, говорили в безличной форме: «относительно вас поступили сигналы», «имеются определенные сигналы» и т. п. По всей видимости, это были неявные намеки власти на желательность тех или иных действий, намеки, которые порой оказывались важнее прямых указаний и оставляли исполнителям широкий простор для интерпретаций. Кроме того, «сигналы» в виде доносов поступали от граждан к властям – как сказали бы специалисты по информатике, работала петля положительной обратной связи. И власти не могли на них не реагировать. В случае Бориса Парыгина мы видим пример одновременного распространения в обществе установок и сигналов, прямо противоречащих друг другу. С одной стороны – отовсюду изгнанный ЛМР, с другой – приглашения выступить с лекциями и печататься в издательстве ЦК, которые он получил в 70-х годах. Впрочем, вернемся к рассказу самого Бориса Парыгина.

По клавишам его души

Самая нелепая интерпретация жизни и опыта Бориса Парыгина – это попытка описать их как борьбу против политической системы страны. Или борьбу за ее сохранение.

Нет, ничего подобного за ним не числилось; ни к диссидентам, ни к апологетам коммунизма его не причислишь.

Кем же он был в советское время? Тем же, кем является и сейчас – российским ученым с мировым именем. Вот как сам он об этом говорит:

«Да, в СССР шел процесс углубления противоречий. Процесс не простой, и в верхних эшелонах власти боролись крупные силы. При этом одни силы хотели меня размазать по стенке, другие, которые искали новые перспективы, меня поддерживали. Но какие это силы конкретно – я не знаю.

Да меня это и не интересовало по большому счету. Меня всегда интересовала реальность, как она есть: ее сложность, противоречивость, как на нее смотреть, и что можно изменить во взглядах на эту реальность».

«Все дело в том, что к предмету моего интереса в науке мне пришлось пройти нетрадиционным путем. Если бы я шел традиционным путем, то это было бы для меня как для ученого малоинтересно. А поскольку я был настроен на выход за рамки, то мне и досталось. Тем, кто шел за мной с опозданием в 10–15 лет, было значительно легче. А мне досталась судьба изгоя и изгнанника».

Страстью и увлечением всей жизни Бориса Дмитриевича была музыка. В детстве он сам выучился играть на аккордеоне, позже – на рояле. Когда отец привел его к преподавателю в Дом культуры промкооперации, то мальчик первым делом спросил у учителя, может ли он исполнить популярную в то время мелодию «Под звездами балканскими». Тот попробовал и сбился. Тогда Борис эту мелодию с блеском исполнил и ушел – учиться там было нечему. А в студенческие годы он поставил такой рискованный эксперимент над своей психикой. Чтобы испытать себя, он пришел с аккордеоном в пивную на Петроградской стороне. А там суровая публика – ругань, дым. Он заиграл, и все притихли. Потом стали кидать деньги в шапку. А много позже он встретил одного из своих слушателей на тротуаре Большого проспекта – безногий инвалид просил милостыню. Музыканта он не узнал. И Борис Дмитриевич подал ему – может быть, столько же, сколько сам получил когда-то от инвалида в пивной.

Тут вот хочется провести параллель между музыкой и наукой. Что движет музыкантом? Желание играть, конечно. А ученым движет желание искать истину. Разлететься перебором ума по клавишам понятий и явлений. И если, на беду ученого, истина спряталась где-то между жерновами истории, за идеологическими печатями и социальными барьерами – он все равно за ней полезет, не боясь покалечиться. Если он настоящий ученый, конечно, а не баянист из ДК промкооперации. Тут хорошо бы еще, наверное, последний пример с музыкантом и инвалидом интерпретировать в плоскости взаимоотношений российской интеллигенции и народа, но это уже слишком сложная задача. Она за рамками возможностей журналистики. Тут надо с классиком беседовать. С живым классиком социальной психологии.

***

todoct18

Письмо Б. Докторова А. Алексееву (18а)

03.07.2006

Видать, Андрей, ты перешел на летний режим работы, не ожидал от тебя текст в субботу. Но это я так, чтобы лучше знать твой распорядок недели. Или ты в отпуске?

1.

Спасибо за добрые слова о книге. Ты остановился на 40-х, как раз в этом разделе, анализируется содержание книги Гэллапа, и я рассказываю о его выборке... Замечу, что у американских полстеров первого поколения вообще особых методических секретов не было, в принципе не могло быть. Политики, жуналисты, бизнес (не государство же заказывало опросы), контролировали каждый шаг, все хотели знать, как собирается информация, можно ли ей доверять. Было множество форм контроля. Но прежде всего – собственное понимание природы общественного мнения, они исходили из необходимости повышения, скажем, политической, гражданской ответственности населения, и потому считали важным все делать для максимального раскрытия механизмовсбора информации и результатов. Хотя, естественно они делали и закрытые исследования.

Что касается нравственности первых рекламистов, то не следует забывать, что все (почти все) они были глубоко религиозными людьми, многие до повзрасления ничего крроме Библии не читали, некоторые готовили себя к церковной карьере.. кроме того, была высока этика передовой (пулитцеровской прессы), многие газеты и журналы не публиковли даже рекламу пива, не публиковали рекламу сомнительных медицинских средств, нижнего белья, не было обнаженного тела... это все пришло потом.

2.

Андрей, я заметил твое предложение по поводу изучения литературы по психологии творчества.

Если бы я мог... это одно из моих любимых направлений психологии. Ты ведь знаешь, я – кандидат психологических наук, и мне многое пришлось прочесть. В частности, я прочел все, что публиковал историк психологии и психолог науки М.Г. Ярошевский (у меня даже был его отзыв на автореферат), Б.М. Теплов – с него начинается новый период использования факторного анализа в советской психологии. Что касается собственно биографического поворота, то я по многу раз перечитывал книги Б.Г. Кузнецова об Эйнштейне и Галилее, Данина о Резерфорде и Боре, Ю. Филипченко о Гальтоне и Менделе, В. Зубова о Леонардно, работы Ахундова, В.С. Библера, У.Й.Франкфурта и многих других. Не говоря уже о Бахтине, Цвейге, Моруа, пушкинистах... Все это и подтолкнуло меня к Гэллапу.

Моя бы воля, посидел бы недельку в «Публичке»... Здесь я запросто покупаю через Интернет (www.amazon.com и другие онлайовые книжные магазины) старые книги. Это ну очень недорого. Старая книга одного и того же названия в зависимости от ее сохранности и наглости продавца, его стремления продать, может стоить от менее доллара, до 10 долларов. Иногда надо «походить» по магазинам: в одном может стоить 40 долларов, в другом – 10. Но в России еще таких магазиной (системы) нет. Потому и мечтаю о библиотеке.

3.

Ты прав в отношении текста Парыгина, я собираюсь написать нечто подобное тому, что ты предлагаешь... но просто не хватает времени на все. Мы рассылали сообщение о появлении текста Парыгина только ленинградцам, которые могли бы его прокомментировать, что-то добавить. Но, видать, никто этого не сделает... лето, занятость, другие дела... ладно, переживем.

Дима Шалин поставил линк на «Драматическую социологию», все четыре тома http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/book.html

Он просил сообщить тебе о его письме Дане Дондурею (http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/ncs/shalin_dondurei.pdf), текст старый, но он лишь недавно поставлен на Интернет.. посмотри, это все по нашей теме...

Также тебе могут быть интересны материалы, размещенны на сайте http://www.unlv.edu/centers/cdclv/mission/index2.html, найди слева рубрику “Culture” и нажми на это слово.

А вообще – вот текст Димы полностью:

Boria ,

I expanded the reference to Andrey's book, listing all four volumes and providing an updated link that connects to the entire collection. Please give Andrey a word about this update.

I would like to have an extensive publication on our site that offers his own gloss on the history and meaning of his magnum opus. I think the best way to do so would be for Andrey to merge his notes to you and other correspondents devoted to the subject and arrange them in a way that introduces the reader to his life's project. After that you, me, and other readers can offer comments/texts that join issues with Andrey. We can have a special entry that combines responses to dramatic sociology from several authors.

So far as Andrey's caustic remarks about the attention we are drumming up to a "particularly interesting" interview on our site, I continue to believe that Parygin's interview deserves attention. Once we add an intro to this page referring the reader to other relevant materials on our site, those interested in the subject will have a big enough picture to judge the matter for themselves. In addition to that, we should use this as a welcome opportunity to discuss what we can call "Parygin phenomenon" where those who took part in the described and omitted events reflect on this man's breathtaking yet hardly unique propensity to edit the past. I hope Andrey joins the public forum on the Parygin phenomenon.

One more thing that might interest Andrey. I managed to convert my letter to Dondurei, the one that could not be accessed as an attachment, into the PDF format. My musings on the discourse and body language of Russian reform summed up in this letter can be found in the "culture" section of the CDC web site alongside my exchanges with Mikhail Epstein, Mark Lipovetsky, Aleksader Genis, and Vladimir Paperny. Here is the direct link: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/ncs/shalin_dondurei.pdf. I would appreciate your passing on this link to Andrey.

Glad to hear your writing is going well. As for the excess material generated, that is an occupational hazard.

Regards, Dima

4.

Понятно, что с чисто технической стороны дела материал для «Телескопа» готов, вопрос в том, на чем ты сам хотел бы сделать акцент. Сейчас весь текст «Познание через действие» - 88500 знаков . Первый раздел "Драматическая социология: исследовательский подход... способ изложения... стиль жизни? – 14150 знаков, все остальное сама «драматическая социология». Если примерно такой расклад текста тебя устраивает, то будем двигаться к завершению... мне же кажется, что теоретико-методологичесий раздел следует несколько увеличить, пусть до 20000, а страницы «драматической социологии» - сократить до 60000.

Что ты думаешь по этому поводу?

5.

Переслал Ларисе Козловой твое мнение о ее работе, вот ее ответ: «... спасибо за теплую цитату из А. Алексеева».

Всегда, Боря

***

Письмо А. Алексева Б. Докторову (18b)

Re: Письмо
Дата: 04.07.06 16:45
От кого: alexeev34 <alexeev34@yandex.ru>
Кому: <bdoktorov@inbox.ru>
Тема: Re: Письмо

Борис!

Твое письмо от 3-4.07.2006 получил. Спасибо! Отвечу, по всей вероятности, в четверг.

Андр. Ал. 4.07.2006

***

Письмо Б. Докторова А. Алексееву (18с)

(4 июля 2006 г.)

Прекрасно. Боря

***

Письмо А. Алексеева Б. Докторову (18). Копия — “Ближнему кругу”...

5 июля 2006 г., среда

Дорогой Борис!

Мой режим работы не так уж фиксирован. По вторникам я бываю в Институте обязательно. Четверг же сплошь и рядом заменяю другим днем. К сожалению, мой содержательный ответ всегда отсрочен, т. к. на работе я только забираю и отправляю почту, а писать предпочитаю дома.

Твои соображения (1) и (2) услышаны.

Насчет способов построения выборок “отцами-основателями”, м. б. Ты когда-нибудь напишешь брошюру: “КАК это делал Гэллап...”, с демонстрацией и структур выборки, и мат. аппарата (тогдашнего...). Лучше Тебя такое не сделал бы никто.

Насчет питерской “публички” сомневаюсь, что можно было бы много успеть за неделю. Слишком велики теперь стали “накладные расходы” времени и сил при работе там. Как всюду... С модернизацией и т. п. возникают новые неудобства и т. п.

(2) ...Когда-то давно (в конце 60-х) придумал я было повысить свою историческую эрудицию чтением “подряд” книг из серии “Жизнь замечательных людей”. Кои, по моей тогдашней мысли, могли бы, пусть с лакунами, представить историю “в лицах”, и вообще, наполнить для меня “живой плотью” абстрактные исторические конструкции.

А систему себе задал такую: используя имеющиеся каталоги, составил синхронистическую таблицу персоналий из разных мировых регионов (ну, там — Европа, Азия, Америка, особо — Россия....), получивших отражение в ЖЗЛ (1930-60-е гг). По колонкам — регионы, а по строкам — исторические личности, в хронологии веков и дат рождения.

Затея была наивная. Особенно, если учесть высокую идеологичность и разнокачественность этих биографических книг. В последовательном чтении я добрался от античности до не слишком позднего средневековья. Тем тогда дело и кончилось.

(3а) Насчет Парыгина и т. п. Я рад, что мои давешние соображения о мягкой коррекции способа подачи его интервью на сайте (отсыл также и к другим страницам сайта...) восприняты обоими организаторами проекта без возражений. Специально и подробно рецензировать парыгинскую пиар-акцию и даже его жизнедеятельность, как таковую, — жаль времени. Здесь интересен “феномен”, а не фигура. Тут не столько “комментарий” нужен, сколько исследование явления.

(Вдруг поймал себя на забавной мысли: а кто из ваших героев не “феномен”? Удивительное богатство и разнообразие социокультурных и психологических типажей обнаруживается в нашей сфере деятельности!)

(3b) Огромное спасибо Диме Шалину за link на все 4 тома “Драматической социологии и социологической ауторефлексии”. Это для меня настоящий подарок!

(3c) Еще, в связи с Диминими заметками в мой адрес.

...Интересный и емкий термин: life’s project! Для меня резонирует с русскоязычным: жизненный эксперимент.

Лестным яляется предложение об “an extensive publication on our site that offers his own gloss on the history and meaning of his magnum opus”. “...After that you, me, and other readers can offer comments/texts that join issues with Andrey. We can have a special entry *(выделено мною. — А. П.)* that combines responses to dramatic sociology from several authors”.

Тут поделюсь одним своим соображением.

Вообще-то мой “opus magnum” и так не обижен вниманием на вашем сайте. Разумеется, стоит еще вывесить там спроектированную нами с Тобой публикацию в “Телескопе” (если она состоится). Ну, может быть, к этому также приложить своего рода “авторецензию” — “Что сказать мне удалось — не удалось” (посмотри ее, кстати, в томе 2: с. 446-449, всего 3 странички. И Диме ее же рекомендую: по версии pdf искать в томе 2, в самом конце приложений к части 2).

(Эта “авторецензия”, по существу, воспроизводится и в моем ответе на “рецензию-фельетон”, которой “Социологический журнал” в свое время (2003, № 2) “отметил” выход первых двух томов “Драматической социологии...”. Опубликовать свой ответ (“Оборона, которую считаю необходимой и достаточной”), который Л. Козлова озаглавила было “Авторский комментарий к книге”, в том же журнале не удалось. Тогда я включил как саму рецензию, так и текст ответа в том 4 (2005): глава 23 “Эпистемологические дебаты”: с. 122-133; 203-209).

Итак, изобретатель “драматической социологии” на сайте МБИ и так “солирует”. Не вышел бы перебор!

(...Интересно, что коллекционировать разные отклики на “драматическую социологию” — как на life’s project , так и на opus magnum начал я сам, еще давно, да, в силу специфики “постмодернистского” жанра, и в саму книгу их впихнул. Том 4, кстати, так и озаглавлен — “Версии”... Мне показалось сейчас забавным и не обременительным составить “опись” этих responses. См. приложение 2 в этом файле.

Разумеется, я не стану возражать против обсуждения своей книги на сайте, только не хотел бы излишней акцентуации...

(3d) Вообще, может быть, пора переводить сайт в интерактивный режим.

Разумеется, любой ваш читатель может присоединиться к “Тому Сойеру, который красит забор”, воспользовавшись обнародованными электронными адресами организаторов, а также консультантов и соработников (я бы к их числу еще добавил, как минимум, М. Илле). Но обращение по электронному адресу, что ни говорите, обязывает... А почему бы теперь и не Форум?

Я не знаю, как это технологически делается. Но ведь имеют право на существование и “интеллектуальные форумы” (в отличие, скажем, от “интернет-конференции Путина”, которая, между прочим, для исследования массового сознания поинформативнее иных опросов общественного мнения...).

Итак, Сайт МБИ + Форум МБИ...

Пусть даже эта затея провалится, но по крайней мере вы узнаете заходит, ли на ваш сайт кто-то кроме узкого круга персонально осведомленных вами друзей и коллег. Между тем, МБИ — относится к наиболее “человечным” из научных (академических, университетских...) сайтов. Кстати, есть у вас какая-либо “статистика посещений”? Хоть в статике, хоть в динамике... Очень любопытствую...

(3e) Ну, изложенное выше — это максималистский вариант интерактивности. А вот более мягкий.

В дополнение к содержащемуся в преамбуле сайта приглашению “социологов и обществоведов, живших и работавших во времена хрущевской “оттепели”, поделиться воспоминаниями об этом важным периоде российской жизни...” и т. д., можно было бы предпринять Invitation-2 — приглашение к обсуждению, комментированию, приветствию или опровержению, вплоть до конкурса уже опубликованных on line или иначе мемуаров и интервью (кстати, только этого жанра на сайте — уже за полсотни personalia!).

Далее, вот здесь уместна и конкретизация, выбор дискуссионных или просто особо интересующих организаторов сайта сюжетов, будь то хоть “феномен” Парыгина, или — почему бы и нет? — “драматическая социология” парыгинского протагониста, или, скажем, батыгинская методология исследования социальных наук, или же разные концепции становления и развития советской и постсоветской социологии (от Шляпентоховской до Фирсовской; кстати, нельзя ли было бы вывесить на сайте шляпентохову “The Politics of the Sociology in the Soviet Union” (1987)?), и т. д.

Короче: превращение сайта из хорошо организованной библиотеки в дискуссионный клуб (а уж следующий шаг — форум...).

Вот такие “искры” высекла из меня присланная Тобой заметка-письмо Д. Шалина. Авось чего и подожгут...

(3f) Продолжая следить за пополнением сайта МБИ, я с удовольствием нашел там новые материалы Батыгина, Арлаускайте, Эткинда, Дубина, Гудковой, Паперного... Вообще, обращение к “НЛО”, одному из лучших современных российских культурологических журналов, очень расширяет и обогащает сайт.

Вы обрастаете связями, контактами, link’ами... Это — замечательно!

(3g) Информация о The Culture and Intelligentsia Project и соответствующей рубрике сайта UNLV — еще один мне подарок. Я вообще мог бы и сам догадаться туда заглянуть, выходя на соседнюю страницу: The International Biography Initiative...

Из Шалинских текстов, по счастью, некоторые переведены на русский (не только письмо Д. Дондурею, но и Exchange с Липовецким, Эпштейном; на столь изысканном английском, как у Д. Ш., читать мне трудновато...). Освою — поделюсь впечатлениями.

Но и кроме того там, как видно, множество интереснейших материалов и высоко авторитетных для меня авторов.

(3h) Пожалуйста, просвети меня, как правильно обозначать иерархию сайтов.

Сайт Университета Невады, Лас Вегас (судя по картинке — Шалинский, или не только?), а внутри — что (centers; CDLV)? Это рубрики сайта UNLV? А ваша IBI, или, скажем, Culture — это “подсайты”, или сайты? Например IBI — “сайт Шалина-Докторова”? Короче: как правильно субординировать и называть?

(4) Теперь, по пункту 4, требующему некоторой дополнительной работы над материалом для “Телескопа” — как моей, так и твоей работы.

Боюсь, что к пятнице, когда я собираюсь выйти на связь, я еще не успею с этим справиться. Тогда — во вторник я пришлю версию, отвечающую моим представлениям о желательном, с учетом твоих “технических” соображений.

Вот, пока все.
Тв. Андр. Ал.
7.07.2006, пятница

***

Ремарка

Регулярными получателями копий очередных писем todoct... и, соответственно, сводных файлов этой переписки (aldoke...) являются: Л. Кесельман, Р. Ленчовский, М. Мацкевич, А. Родионова. Кроме того, копии сводных файлов предшествующей переписки пересланы (переданы): Р. Баранцеву, А. Кетегату. — А. А. 7.07.2006

* * *

Приложение:

Перечень всевозможных отзывов на “драматическую социологию” (как исследовательскую или жизненную практику, так и ее отображение в текстах),

которые представлены непосредственно в книге: А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005

(В скобках указаны номера разделов книги. — А. А. июль 2006)

“...Здесь представлен широкий и, можно сказать, противоречивый спектр взглядов, позиций, интерпретаций как самого эксперимента социолога-рабочего, так и его отображения в авторских публикациях, предшествовавших настоящей книге. <...>

Каждую из этих “версий” следует воспринимать с учетом ее датировки, т. е. в историческом контексте. Недостаток объективности, одностороннесть нетрудно усмотреть как в “обличениях”, так и в “панегириках” (в адрес социолога-испытателя), порожденных разными обстоятельствами места и времени. <...>

Адекватная характеристика реальному феномену может быть извлечена из диалога и сопоставления разных точек зрения, включая диаметрально противоположные. <...> (Март 2001 — июнь 2005)”.

Из заключительной ремарки главы 22 (т. 4, с. 58)

Том 1

= С. Минакова — пародия на “Письма Любимым женщинам”, 1981 (2.5)

= А. Кетегат — отклик на текст “Как Серега был шрейкбрехером”, 1983 (5.5)

= 4 официальных отзыва на деятельностть А. (справка УКГБ ЛО, акт комиссии партийного расследования, справка партийной комиссии, отзыв Горлита), 1984 (4.2)

= В. Белашев — корреспонденция “Лиха беда начало” (многотиражная газета ПО “Ленполиграфмаш” “Трибуна машиностроителя”, 1982) (5.7)

= Р. Ленчовский — личные письма, 1982 (6.3.2)

= В. Хмелько — личное письмо, 1982 (6.3.3)

Том 2

= 2 “объяснения” для органов госбезопасности по поводу А., 1983 (7.5)

= “В отношении Алексеева А. Н.” (справка УКГБ ЛО), 1984 (8.2)

= Р. Рывкина — личное письмо,1984 (8.3)

= Р. Ленчовский — личные письма, 1984 г. (8.9.1)

= В. Комаров — экспертное заключение для секретариата ЛО СЖ и партийной комиссии ГК КПСС, 1984 (8.14.2)

= Постановление секретариата ЛО СЖ СССР, 1984 (8.14.4)

= Эволюция формулировок исключения А. из КПСС, 1984-1985 (10,7)

= Б. Парыгин, Ю. Гревцов, А. Воронцов, А. Федосеев, Н. Мирошниченко, В. Едьмеев, В. Лисовский, Б. Максимов, А. Пашков, И. Сигов — протокол заседания бюро ЛО ССА, посвященное персональному делу А. 1986 (10.13.2)

= Опись актов “гражданской защиты”, предпринятых социологами, рабочими, журналистами в отношении А., 1984-1987 (39 эпизодов с участием более чем 70 человек, по подсчету В. Кавторина) (П.7-10.1)

Том 3

= В. Кавторин — извлечение из статьи “О нашем менталитете. Всерьез и не очень” (Нева, 2003, № 12) (0.11)

= 7 текстов студентов Киево-Могиляннской академии (спецкурс Р. Ленчовского), 2004 (0.12)

= А. Назимова — текст выступления на пленуме правления ССА, 1986(13.13)

= В. Хмелько — письмо в ЦРК ССА, 1987 (13.13)

= В. Паниотто — письмо в ЦРК ССА, 1987 (13.13)

= Письмо 43 ленинградских социологов в обком КПСС, 1988 (13.16.2)

= А. Ежелев — извлечение из документальной повести “Лучший из грехов” , 1988 (15.10)

= Р. Рывкина —письмо секретарю Ленинградского ОК КПСС, 1986 (15.11)

= Г. Зяблова — записка в президиум отчетно-выборного собрания ЛО СЖ СССР, 1987 (15.11)

= Т. Дурасова — письмо в журнал “Огонек”, 1987 (15.11)

= Р. Блюм, П. Вихалемм, Е. Голиков, М. Лауристин — письмо секретарю ЦК КПСС А. Яковлеву, 1987 (15.11)

= А. Ющенко, Л. Кесельман, Б. Докторов, И. Травин, Г. Галкина, В. Вишаренко, Тю Протасенко, В. Голофаст, В. Костюшев, П. Шелищ, А. Сарно,

С. Файбушевич, А. Седов, А. Вейхер — письмо в Ленинградский обком КПСС, 1987 (15.11)

= Сыцевич, Рыжов, Гущин, Русинов, Николаев, Шапкин, Бельмак, Михайлов, Рыбаков, Носов, Ильин, Сергеев, Мартиросян, Брикач, Самойлов, Стрельцов — письмо в Ленинградский обком КПСС, 1987 (15.11)

= В. Хмелько, Р. Ленчовский — письмо в Ленинградский обком КПСС, 1987 (15.11)

= Э. Клопов, Л. Гордон, А. Назимова, Ю. Мархашов — письмо секретарю ЦК КПСС А. Яковлеву, 1987 (15.11)

= Л. Графова — очерк "Преодоление пределов (Об эксперименте, который социолог-рабочий Андрей Алексеев поставил на собственной жизни)" (Литературная газета, 23 сент. 1987 г.) (16.1)

= Л. Графова — корреспонденция "Не личная драма" (Литературная газета, 20 января 1988 г.) (16.6)

= А. Головков — извлечение из очерка "...мир погибнет, если я остановлюсь" (Огонек, 1988, № 19) (16.9)

= Н. Поречная — корреспонденция "Выговор отменен судом" (многотиражная газета ПО "Ленполиграфмаш" "Трибуна машиностроителя", 1988) (17.1)

= 3 рецензии в центральной прессе на документальный фильм С. Логинова и Л. Графовой "Не могу иначе", 1988 (17.3)

= А. Гельман — извлечение из статьи "Возвращение к нравственным истокам" (Коммунист, 1988, № 5)

= Л. Графова — корреспонденция "Судьба, востребованная историей" (Литературная газета, 4 октября 1989 г.)

Том 4

= В. Ядов — отзыв на эксперимент социолога-рабочего для журнала "Огонек", 1987 (22.1)

= В. Ядов — заметки по поводу книги "Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)" (Социологические исследования, 1999, № 1) (22.1)

= 3 характеристики А., от парткома ПО "Ленполиграфмаш", 1983, 1984, 1987 (22.2)

= А. Сарно — извлечение из статьи "Случай на заводе" ("Знание-сила", 1985, № 9); отзыв на рукопись брошюры "Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (познание через действие)", 1996 (22.3)

= Ю. Гревцов, А. Воронцов, Н. Мирошниченко — справка СЗО ССА, 1985 (22.4)

= Р. Баранцев — письмо в редакцию "Литературной газеты", 1987-1988; извлечение из книги "Синергетика в современном естествознании", 2003 (22.5)

= В. Ельмеев и др. (20 полдписей) — решение секции прикладной социологии Совета по общественным наукам Минвуза РСФСР и Ленинградского научного центра АН СССР, 1987 (22.6.1)

= И. Сигов — письмо в редакцию "Литературной газеты" , 1988 (22.6.2)

= В. Ненашев — статья ""Случай" Алексеева" (Etudes sovietiques, 1988, № 9) (22.7)

= Б. Докторов — отзыв на рукопись книги "Познание через действие", 1990 (22.8)

= Р. Могилевский — отзыв на рукопись книги “Познание через действие”, 1990 (22.8)

= Б. Фирсов — отзыв на рукопись сборника “Ожидали ли перемен?”, 1990 (22.9)

= П. Шелищ — отзыв на рукопись сборника “Ожидали ли перемен?”, 1990 (22.9)

= Б. Максимов — отклик на рукопись книги “Драматическая социология”, 1997 (22.10)

= Р. Рывкина — отклик на рукопись книги “Драматическая социология”, 1997 (22.10)

= Р. Ленчовский — письмо в редакцию “Литературной газеты”, 1988; отклик на рукопись книги “Драматическая социология”, 1996 (22.11)

= М. Седунова — текст доклада “Независимые исследования социолога-рабочего” на конференции “Общество и тоталитаризм: первая половина 80-х годов”, 1988

= О. Старовойтова — письмо-дневник, 2003 (П.22.1)

= В. Сокирко — личное письмо, 2000 (П.22.2)

= Л. Григорьев — рецензия на книгу “Драматическая социология и социологическая ауторефлексия”, тт. 1-2 (Социологический журнал, 2003, № 2) (23.1)

= С. Чесноков — личное письмо, 2002 (23.12.1)

= Р. Ленчовский — программа спецкурса “Биографический метод в социологических исследованиях (введение в коммуникативную социокультурную биографику)”, 2004 (23.13)

= Д. Равинский — рецензия на книгу “Драматическая социология и социологическая ауторефлексия”, тт. 1-2 (Новое литературное обозрение, 2004, № 70/6/)

***

todoct19

А. Алексеев — Б. Докторову (19). Копия — “Ближнему кругу”...

9 июля 2006 г.

Борис!

Как обещал, посылаю Тебе новую версию текста для “Телескопа”.

Теоретико-методологический раздел (“Драматическая социология”: исследовательский подход... способ изложения... стиль жизни?) несколько расширен, как Ты предлагал. В том числе, за счет одного “вопроса и ответа” из нашей последней переписки. Впрочем, без этого дополнения, думаю, можно и обойтись, если окажется перебор объема. Внутренними дополнениями и коррективами (для меня значимыми!) в основной части этого раздела я обязан Роману Ленчовскому, который успел просмотреть и отрецензировать текст.

Страницы “драматической социологии” (“Дело” социолога-рабочего и “производственные страсти” вокруг двухсменки), изрядно подсокращены, но не за счет современных комментариев (которые даже несколько расширились).

В итоге, на моем домашнем ПК (Windows-95) получается около 75000 символов (пока без твоей традиционной вводки...), а на твоем (и на нашем, том, что в ин ституте,

где Windows Ex-Pi...) будет, вероятно, на 10000 больше. Какому подсчету верить — уж не знаю...

Мой потенциал сокращения “страниц драматической социологии” вроде иссяк. Так что если понадобится еще ужимать, буду признателен Тебе за предложения.

Итак, читай “Познание через действие (Так что же такое “драматическая социология?)”. Возможно, Ты захочешь как-то подредактировать и свои вопросы ко мне, с учетом содержания ответов (“взаимопритирка”...).

Обнимаю!

Твой Андр. Ал.

(отправлено — 11.07.2006)

***

todoc19a

<...> (Здесь опущены последние дополнения и исправления в тексте статьи «Познание через действие (Так что же такое «драматическая социология»?)», впоследствии опубликованной в журнале «Телескоп», 2006, № 5. См. эту статью ниже, в части 2 настоящей работы. – АА. также выше. – А. А. Январь 2011)

Вместо заключения *(к статье «Познание через действие…» - А. А. Январь 2011).*

Мне хотелось бы привести здесь фрагмент из предисловия к ранней версии “Драматической социологии...”, а именно из книги 1997 г.:

“...**Жизненный эксперимент**, вообще говоря, является довольно распространенной (пусть не массовой формой социальной активности. Поведение субъекта в таком случае заведомо нестандартно и отклоняется от социальных стереотипов. Мотивы тут могут быть различными. Скажем, гражданственная мотивация (богатую палитру примеров преджставляет правозащитное движение), Или же мотивы психологические (поиск новизны, “испытание себя”), мотивы экзистенциальные (типа “жить в ладу с собой”). Реже встречается собственно исследовательская мотивация эксперимента “на самом себе”.

Здесь заметим, что сам по себе уход автора в рабочие, на рубеже 1970—1980-х годов , вовсе не был явлением исключительным и среди социологов.

Только из ближнего круга коллег — трое профессиональных социологов (Ю. А. Щеголев, А. А. Кетегат и С. М. Розет, ныне покойный) в ту же пору, вовсе не вынуждаемые кем или чем-либо, а из внутренних побуждений, круто повернули свою жизнь, став рабочими (Юрий Щеголев сделал это двумя годами раньше автора). Сложилось так, что именно у автора данной книги в этой жизненной перемене получил наиболее последовательное развитие профессонально-исследовательский мотив...” [18]

Июнь-июль 2006

***

todoct20

[18] Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1. М.: СПбФ ИС РАН, 1997, с. 23.

А. Алексеев — Б. Докторову (20)

13 июля 2006 г., Четверг

Здравствуй, Борис!

Пишу, как обычно, дома, еще не зная, какая почта меня ожидает в Институте. В Институте я обычно к своему письму уже не притрагиваюсь (по технологическим соображениям...), разумеется, сообщаю ЧТО именно получил, а содержательный ответ откладывается для следующего сеанса связи.

Вот и еще одна "интермедия" возникает у меня в нашей переписке.

В следующий вторник (18-го) предполагается у нас в Институте предзащита докторской диссертации нынешнего нашего завсектором теории и методологии Геннадия Каныгина. (Сейчас вообще идет "форсаж" защит в СИ РАН. а то — совет докторский, а за истекший год дай Бог, если пара кандидатских была защищена, и специализированный уч. совет рискует остаться "без лицензии"). Гена приглашел меня придти и адресовал к своему автореферату, размещенному на персональном сайте <www.genaka.spb.ru>

Возможно, Ты знаком с работами Г. К., публиковавшимися в "Социологическом журнале", начиная с 1997 г. Его диссертация называется "КОНТЕКСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ПОСТРОЕНИЮ ТЕОРИЙ". Что имеется в виду?

Из автореферата диссертации:

> "...Предметная область. Диссертация излагает основы концепции, названной ее автором контекстно-ориентированным подходом к построению теорий.
>
> В мировой социальной методологии предметная область, в которой развивается подход, известна под названием «анализ качественных данных и построения теорий» - qualitative data analysis and theory building. Эта бурно развивающаяся отрасль методологических изысканий предлагает социальному ученому конструктивные средства, ассистирующие при создании социологических, культорологических и других гуманитарных концепций. Отличительной чертой теорий такого рода служит их систематическое обращение к свидетельствам, существующим в текстовом, графическом или другом нечисловом виде.
>
> В целом выбранная предметная область развивается в двух взаимосвязанных направлениях. Во-первых, концептуальные разработки, относящиеся к теории с конструируемыми данными (1) (grounded theory) и смежным доктринам, представленным в работах как современных зарубежных авторов, например, N. Bradburn, K. Charmaz, J. Corbin, N. Denzin, B. Glaser, U. Kelle,Y. Lincoln, T. Muhr, L. Richards, T. Richards, A. Strauss, S. Sudmen, и др., так и наших соотечественников - Г.С. Батыгина, В.Б.Голофаста, Б.З. Докторова, М.С. Косолапова, Г.В. Лезина, В.Т. Перекреста, М.В. Рассохиной, Д.М. Рогозина, Г.И. Саганенко, В.В. Семеновой, Г.Г. Татаровой, Ю.Н. Толстовой, В.А. Тузова, С.В. Чеснокова, В.А. Ядова и др.
>
> Во-вторых, компьютерные средства анализа качественных данных и построения теорий, в том числе: AnSWR, AQUAD, Atlas.ti, Decision Explorer, Ethnograph, HyperResearch, Kwalitan, MAXqda, NVivo, QDA Miner, Qualrus, TextQuest и др.
>
> Разработка конкурентноспособных компьютерных программ для целей решения задач в области анализа качественных данных и построения теорий рассматривается в современной социальной методологии в качестве показателя уровня её собственного развития.
>
> Решаемая проблема. Фундаментальной научной проблемой, на вклад в решение которой нацелено проведенное исследование, служит неопределенность и контекстная обусловленность теоретических терминов. С этой проблемой сталкиваются различные социальные акторы - социолог при создании документов опроса, законодатель при разработке нормативных документов, чиновник при составлении инструкций и предписаний и т.п.

Цель. Создание эффективных методов решения проблемы неоднозначности терминов в социологическом исследовании. Конечная цель подхода состоит в построении оригинальной программной системы, ассистирующей исследователю при теоретической работе в области социальных дисциплин.

Главной задачей исследования явилось создание структурных моделей, способных более эффективно ассистировать ученому при создании концепций, чем текст, качественные данные и функции кодирования и сборки информации, традиционно используемые в анализе качественных данных..."

Примечание (1): Несмотря на свою относительную многословность словосочетание «теория с конструируемыми данными» представляется мне предпочтительным в сравнении с кратким вариантом «базовая (обоснованная) теория». В предлагаемой версии просматривается созидающий пафос этого направления социальной методологии, дополняющий традиционно процедурную ориентацию позитивистских воззрений.

К сожалению, у меня в свое время не дошли руки до "The Discovery of Grounded Theory..." B. Glaser'a и A. Strauss'a, переведенной, кстати, на русский. И вообще к формализационным надстройкам над качественными изысканиями я не склонен, хоть и не отрицаю их. Но дело тут, пожалуй, не в недостатке моей личной эрудиции, а, как минимум, в "парадоксах перевода".

Забавно, как в поисках решения проблемы неопределенности и контекстной обусловленности теоретических терминов, Г. К., наверное, справедиво избегая перевода Grounded Theory как «базовой (обоснованной) теории» (он это называет: "теорией с конструируемыми данными"), не замечает, что сама по себе Theory в "контекстной обусловленности" англоамериканской социальной науки имеет совсем другой, позитивистский смысл, чем "теория" в русской (да и в европейской) научной традиции. И когда изыскания типа, может, и небесполезного, хотя и очень громоздкого уточнения понятия "ДОХОД" обозначаются как реализация контекстно-ориентированного подхода к построению теорий (!), у меня возникает если не недоумение, то улыбка.

Вот как бы Ты перевел: "qualitative data analysis and theory building"? Неужели "...построение теорий"? Тут происходит еще своего рода эскалация редукционизма и технократических иллюзий. Вот загоним все эти "качественные данные" в машину и построим теорию! Как же живуча "мистифицированная наука"!

Я, наверное, не стал бы терзать Тебя Гениными, в общем скучноватыми для меня сюжетами, если бы не его ссылка на Тебя и на некоторых еще уважаемых мною действительно социальных исследователей, к каковым самого Г. К. я отнести, увы, не могу. Вероятно, в области компьютерного ассистирования социальных исследований он соображает, специалисты по информатики, да даже и "логики и методологи науки" могли бы, возможно, числить его по своему ведомству... Но к социологии, как таковой, по-моему, отношение самое косвенное.

Если можно, поделись краткими соображениями на этот счет. Текст автореферата Тебе, для сведения, перекачиваю (todoc20a.doc) с этой же отправкой.

(Когда Г. К. говорит что-нибудь "научное", понять его в общем невозможно. Некоторым, кажется: просто "набор слов"! Вчитавшись в автореферат, нахожу, что все... логично построено и даже изящно высказано, вот только какой-то "бумбараш" изнутри подмигивает...)

Пока все.
Андр. Ал. 13.07.2006

+++
***

todoct21

Письмо Б. Докторова А. Алексееву (21a)

Дата: 11.07.06 20:43
От кого: Boris Doktorov <bdoktorov@inbox.ru>
Кому: <alexeev34@yandex.ru>, <allar_st@mail.ru>
Тема: Re: todoct19, todoc19a

Андрей, тексты 19 и 19a получил. Все понял, читаю, напишу... Боря

-----Original Message-----
From: "alexeev34" <alexeev34@yandex.ru>
To: bdoktorov@inbox.ru
Date: Tue, 11 Jul 2006 15:38:19 +0400 (MSD)
Subject: todoct19, todoc19a

Борис! Леня! Маша! Алла! См. приложения. А. А. 11.07.2006
ATTACHMENT: application/msword (TODOC19A.DOC)
ATTACHMENT: application/msword (TODOCT19.DOC)

***

Письмо Б. Докторова А. Алексееву (21b). Копия -- А. Родионовой

Дата:13.07.06 08:38
От кого: Boris Doktorov <bdoktorov@inbox.ru>
Кому: <alexeev34@yandex.ru>, <allar_st@mail.ru>
Тема: Re: todoct19, todoc19a

Текст приложен. Боря

Alekseev(06-0712To).DOC

* * *

Письмо Б. Докторова А. Алексееву (21c)

13 июля 2006 г.

Андрей,

Это – ответ на твое письмо от 9 июля, и главная тема ответа – твой материал для Телескопа».

1.

Мне кажется, что в целом твоя работа над статьей завершена. Спасибо. У нас еще есть интервью и переписка, но это – процесс.

Что мне теперь надо, так это решение Миши Илли о публикации твоего материала. В общих чертах мы договаривались, но я не говорил с ним ни о сроках, ни об объеме. 80000 – это стандартный объем материалов моей рубрики. Думаю, что и в этом случае мы этот объем будем иметь. Пока у тебя: первая часть – 23000 знаков, вторая – 63700. Количество знаков в примечаниях мне трудно считать, но думаю, что порядка 3000 есть. Таким образом, твой материал – около 90000 знаков. Если Миша не возражает, то почти все готово.

В ближайшем выпуске Телескопа (№4) будет мое интервью с Давидом Львовичем Константиновским, ты его знаешь, возможно, еще и по Новосибирску. Это интервью было сделано Геной Батыгиным, но он не успел его опубликовать. Потом Давид стал главным в «Социологическом журнале» и воздерживается от публикации своего собственного интервью. Я предложил это сделать в «Телескопе», добавил от себя ряд вопросов, оставив без изменения то, что было еще сделано Батыгиным.

В следующем «Телескопе» (№5) будет интервью со Здравомысловым (листа на полтора). Если ты не против такого соседства (думаю, что Здравомыслов не будет возражать), то я могу спросить Мишу о варианте публикации материалов, касающихся «двух Андреев». В совокупности это может потянуть на 3,5 листа. Что хорошо, что твой текст идет не как интервью, а как статья.

«Телескоп»-6 условно зарезервирован за 2-х листовым интервью со Шляпентохом. Я планировал написать статью по итогам первых интервью, но, видать, не буду. Мне важнее публиковать интервью. Теперь ты понимаешь, почему я сдерживаю себя в расширении числа респондентов; сложности с публикацией. Конечно, беседу со Шляпентохом у меня возьмет и «Социологический журнал», но мне хочется, чтобы и «Телескоп» не был обижен.

2.

Вторая причина, почему я не тороплюсь писать обзор по сделанным интервью, мое стремление сосредоточиться на книге по истории американской рекламы. Я писал, по моему, тебе, что это очень интересная социокультурная тема, и в ней я «общаюсь» с очень интересными людьми. Вчера закончил статью для «Телескопа -4» об Огилви. Думал о полутора листах, но с трудом уложился в два.

Огилви – это итог многих десятилетий развития рекламы в Америке и корни современности. Моя статья – это собственно о нем. Судьба - интересная, но ее понимание будет много полнее, когда смогу рассказать о том, чтобы было до него. Что стало после него – этого уже мне не осилить. Он – последний классик. Он и TB commercials не любил писать, да и в 50-х - 60-х все потребление было иным, чем к концу века.

Мне неудобно перед Мишей и читателями журнала так часто светиться... но что поделаешь? Опять же «Социологический журнал» готов рассмотреть вариант с публикацией чего-либо по истории рекламы, но мне хочется все публиковать в одном месте..до кучи. В этом есть смысл и логика.

3.

Спасибо за предложение о подготовке брошюры по выборке Гэллапа. Знаешь, публиковать брошюру – могут быть очень велики «накладные расходы». В том смысле, что работы много, а большого смысла нет.

Моя мечта написать книгу о Гэллапе, отдельную, самостоятельную, целостную. Он того заслуживает. У меня есть все: «болванка» листов на 25, куча еще не описанных мною материалов из разных архивов, много чего есть...

Вопрос – во времени и в возможности опубликовать. Но это пока ждет... во всяком случае, не горит.

Обнимаю. Боря

***

Письмо А. Алексеева Б. Докторову (21)

16 июля 2006 г., воскресенье

Здравствуй, Борис!
Это ответ на твое письмо от 13 июля.

(1) Насчет статьи для “Телескопа”.

Я рад, что этот проект нас обоих удовлетворяет. Его незаконченность — в отсутствии окончательных вариантов пары-тройки твоих вопросов насчет “драматической социологии”. Собственно, получается мини-интервью в качестве преамбулы... Обойтись без твоих вопросов, наверное, нельзя, ибо мой текст, хоть и не сугубо реактивен, однако выдержан с личностной интонацией общения с Тобой.

Нет пока и твоей “вводки”. Хорошо, кабы все это доделать и согласовать не откладывая, чтобы уже не держать в голове, а просто ждал бы готовый продукт своей очереди на публикацию.

Об объеме. Я исхитрился посчитать отдельно объем примечаний — порядка 4000 символов. Весь же текст (включая примечания...) — 76000. Повторяю, это в моем ПК, со старомодным Windows. Windows-XP занимает процентов на 8 больше.

Роман, обозрев все мои исправления (которые приветствовал...) находит, что третий кусок внутри преамбулы (который я считал не обязательным...) очень нужен. Так что хорошо бы дальше не сокращать...

(1а) Спасибо за информацию о планах публикации твоей рубрики до Нового года.

Давида Константиновского я помню по Новосибирску. С тех пор встречались пару раз и имели короткую переписку по поводу публикации в “СЖ” пару лет назад. Кажется, он теперь — зам. директора Института социологии РАН?

Очень хорошо, что в 6-м номере “Телескопа” будут два печатных листа со Шляпентохом. Поздравляю с этим — и Тебя, и журнал!

...Разумеется, у меня нет никаких “противопоказаний” к соседству с А. З, на страницах журнала. Сам этот твой вопрос воспринимаю как шутку... Разумеется, я надеюсь (но это и к любому относится...), что твои вводки к двум материалам будут автономны, тем более, что и жанры разные.

Я читал оба биографических текста А. Г. — и в “Российской социологии шестидесятых...”, и в “Журнале социологии и социальной антропологии”. Оба уже довольно давние, и ему наверняка есть чего к ним добавить. Также и его историко-научные рефлексии самого последнего времени, вывешенные на сайте, были мне интересны.

Признаться, я рад, что своего рода журнальная презентация “Драматической социологии” на данный момент отодвинула мое собственное биографическое интервью. Ибо мне пока не удается попасть “в тон” к большинству уже опубликованных. При том, что степень разнообразия стилей опубликованных в “Телескопе” интервью очень высока:

— Фирсов, Гилинский, Ядов, Кесельман, Смирнова, Могилевский, Докторов... (Вот на очереди: Константиновский, Здравомыслов, Шляпентох...).

Вообще 2-х летний “урожай” (подчеркиваю — уже в одном только этом жанре, а есть и другие в пределах твоей рубрики...) получается впечатляющим.

Начиная с Грушина и Капелюша, Ты удачно вышел за пределы “ленинградского” круга на страницах питерского журнала. Теперь и интервью будут не только от питерцев (нынешних или “бывших”...). Это тоже хорошо. Но в своей будущей обзорной статье (пусть она будет позже...) Тебе понадобится как-то обосновать свою “выборку”.

И знаешь, какой главный критерий я бы выдвинул? Не какой-то один или даже совокупность “объективных”, а **субъективный!** Ты знаешь (знал...) именно этих людей, Тебе с ними легко общаться, Ты с ними хочешь разговаривать или о них вспоминать...

Твои (“Телескопа”...) “герои”— это часть более широкого историко-научного проекта , равно как и Ты сам — часть невидимого колледжа, среди участников которого и Батыгин, и Ты, и Шалин, и Мазлумянова, и Пугачева, и Козловский (кто там еще выступал в качестве интервьюеров?). У каждого деятеля проекта — свои

собеседники, отбираемые им по своему “вкусу”. А поскольку акторы (берущие интервью...) все разные и их не так мало, , то “субъективности” выбора каждого отчасти взаимопогашаются.

Я думаю, что уже сегодня ансамбль 50 интервью и мемуаров на сайте МБИ тяготеет если не к формальной, то к “типологической” представительности “шестидесятников” и “шестидесятилетних” (в твоей терминологии).

(2-3) Во всем, что касается истории американской рекламы и изучения общественного мнения, Ты имеешь во мне благодарного читателя, и не потому, что мне так уж интересуют именно эти сюжеты, а именно в силу твоей способности работать “в точке пересечения биографии и истории”, к чему когда-то призывал Ч. Р. Миллс.

* * *

...Роман Ленчовский вычислил по твоему интервью в “СЖ”, что Тебе в июне исполнилось столько же лет, сколько прошло с момента начала Великой отечественной, т. е. дата почти круглая. Я, признаться, не люблю юбилеев, но вот тем, что пропустил твой, — огорчен. Мне кажется, Ты заслужил и восхищение, и благодарность как младших, так и старших относительно Тебя поколений друзей и коллег, не говоря уж о ровесниках... Поздравляю — не столько с достижением Тобою этого возрастного рубежа, сколько с удивительным приращением твоих жизненных ресурсов к моменту и после его достижения — также всех твоих Милых женщин!

Обнимаю Тебя!

Твой Андр. Ал.

16.07.2006

P. S. Как Ты знаешь, вся наша “лично-общественная” переписка уходит в копиях также моему “Ближнему кругу...” (Л. К., М. М., А. Р., Р. Л.; возможно и еще небольшое расширение). Изъятия “интима” (некоторые нелицеприятные отзывы об общих знакомых, например) я пару раз из этих копий делал, но, как правило, в этом нет необходимости. Если сочтешь нужным что-либо исключить из оборота — сразу предупреждай, хоть я и сам за этим слежу).

Параллельно разворачивается в “сети” мой диалог с Романом. Он порой касается предметов, для которых даже “Ближний круг” слишком широк. Но самое начало его и еще некоторые фрагменты я включал в общий свод нашей с тобой переписки (aldoke...), в качестве “интермедии”. Включаю и сейчас неожиданно возникшую у меня “интермедию”, под многомудрым названием: “Многообразие экспликаций и синонимический ряд “наблюдающего участия” (опыт текстологического анализа, с тяготением к историко-научному”. См. файл todoc21a, который я отправляю одновременно с настоящим.

Названное эссе — “для внутреннего пользования”... Но “Ближнему кругу”, может, будет интересно — и не только в качестве частного историко-научного сюжета, сопряженного с темой подготовленной нами статьи для “Телескопа”, а и в качестве иллюстрации некоторых общих закономерностей внутринаучной коммуникации (во времени и в пространстве).

Да простят мне коллеги, что и тут — *(мысленный...) эксперимент на себе*.

А. А.

* * *

todoct21a

Из письма А. Алексеева Р. Ленчовскому от 14-16 июля 2006.

Копия — “Ближнему кругу”: Б. Докторову, Л. Кесельману, М. Мацкевич, А. Родионовой

(...В связи с обсуждением проекта статьи “Познание через действие (Так что же такое драматическая социология”?)”, подготовленной для “Телескопа”. — А. А.)

<...> Тема *коммуникативности* и тема *экзистенциальности* (с которыми, применительно к “драматической социологии”, я еще не столь сроднился, как Ты, но в эту сторону “двигаюсь”...), наверное, не менее значимы, чем тема *познания действием*.

Но отсюда для меня не следует, что надо эту триаду (действие, общение, самость...) декларировать как специфику ДС. Кроме “атрибута” здесь существуют разнообразные “модусы”.

Сказать: “познание через действие и общение (а еще и — экзистенцию!..)” — было бы безмерно широко, а применительно к “драматической социологии” также и претенциозно.

Кстати, предложенные здесь “страницы драматической социологии” иллюстрируют именно “познание через действие” больше, чем что-либо другое. <...>

...КОММУНИКАТИВНАЯ социология в некотором смысле синоним СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНОЙ, АНТРОПО- или ИНДИВИДОЦЕНТРИЧНОЙ, ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ, “КАЧЕСТВЕННОЙ”, ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ и т. д. социологии. В таком случае, “драматическая социология” есть ее (“коммуникативной социологии”...) частный случай. <...>

* * *

...Между прочим, по крайней мере четыре российских капитальных работы (монографии...) по теории и методологии “качественных” исследований вышли за последние 10-15 лет.

Первой была:

= С. А. Белановский. Методика и техника фокусированного интервью (учебно-методическое пособие). М.: Наука, 1993. — 352 с.

(Кстати, моя на нее рецензия подробно цитируется в ДСиСА, т. 4. За этим последовала: Белановский С. А. Метод “фокус-групп”. М.: Магистр, 1996).

Наиболее известна (и есть у Тебя):

= В. В. Семенова. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. — 292 с. Тир. 3000 экз.

Еще с двумя, возможно, Ты не знаком:

= Е. М. Ковалев, И. Е. Штейнберг. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999. — 384 с. Тир. — 800 экз.

= А. Готлиб. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004. — 448 с. Тир. — 300 экз. (Как видишь, бывают теперь тиражи и поменьше “Драматической социологии...”)..

В этот же ряд, и, может быть, во главе его я бы поставил работы ныне покойной Н. Н. Козловой “Горизонты повседневности...” и собственно методологические (см. ДСиСА, т. 4).

Собственно, я этот библиографический экскурс предпринял для того чтобы сообщить Тебе о разработке экзистенциальных сюжетов качественного исследования Анной Готлиб (из Самары; лично с нею я не знаком; с книжкой познакомился недавно. Работа очень добротная!).

Вот структура главы 7 ее книги (с. 253-302):

Глава 7. Экзистенциальное измерения качественного исследования
1. Экзистенция, экзистенциалы и качественное социологическое исследование
- Еще раз об отношениях между познающим и исследуемым субъектами
- Понятия экзистенции и экзистенциала
- Качественное социологическое исследование как поле экзистирования
2. Экзистенциальный опыт социолога в поле качественного исследования
- Социолог в фокусе исследовательского интереса
- Эмпирическое изучение экзистенциального опыта социолога.

В ее (А. Г.) "референтной группе" (упоминаю некоторых из цитируемых ею в этой главе авторов): М. Бахтин, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Г. Гадамер, П. Рикер, Р. Мэй, В. Дильтей, М. Бубер, С. Кьеркегор, Н. Козлова, В. Конев...

***

(Нижеследующий текст ранее не публиковался. – А. А. Январь 2011)

Интермедия: А. Алексеев Многообразие экспликаций и синонимический ряд "наблюдающего участия"

(Опыт текстологического анализа, с тяготением к историко-научному)

Посвящается В. А. Ядову

> ...Итак, в противоположность "не нашему" методу включенного наблюдения, наладчик координатно-револьверного пресса цеха N 3 "Полифонмаша" *(так! — А. А.)* предлагает в качестве методической новинки наблюдающее **включение** (окружающих) в собственную и коллективную деятельность
>
> Это — сознательное, контролируемое субъектом, включение новых факторов в наблюдаемую реальность, с готовностью испытать непосредственно на себе их обратное влияние. Такое введение в действие новых факторов, поскольку осуществляется человеком, который знает, чего хочет (в данном случае — запустить станок), не является беспорядочным, случайным. Средства подчинены цели, а не наоборот. Причем импульс исходит не сверху, а **изнутри и снизу...**
>
> *(Из "Писем Любимым женщинам". 1980)*

> ...Наблюдая изучать — интересно, но еще интереснее изучать изменяя, вмешиваясь...
>
> *(Из студенческой работы. Курс Р. Ленчовского. 2004)*

> ...Когда б вы знали, из какого сора растут стихи! *(Цитирую А. Ахматову по памяти. — А. А.)*
>
> .

(Все цветовые выделения в цитатах принадлежат мне. — А. А.)

Несколько вступительных слов

Начав этот текст, как скромную эпистолярную заметку, я уразумел ее сюжет как еще одну *моделирующую ситуацию*, на сей раз позволяющую рассмотреть процесс "кристаллизации" и "внедрения" некой методологической идеи в рамках научного сообщества, а также демонстрирующую одну из форм взаимодействия учителя и ученика, причем последний выступает в определенном смысле *инноватором,* а первый (тоже в известном отношении...) *консерватором,* так что оба друг другу и развитию общего предмета необходимы.

Таким образом, это и текстологический, и терминологический, и — до известной степени — социально-психологический сюжет.

* * *

...При обсуждении разных классификаций метода **наблюдения** (включенное — невключенное; полевое — лабораторное; структурированное — бесструктурное; контролируемое — неконтролируемое...) Анна Готлиб, автор книги "Качественное социологическое исследование...", вышедшей два года назад, делает подстрочное примечание:

> "...В. А. Ядов выделяет еще один вид наблюдения — так называемое *стимулирующее наблюдение*. В рамках такого метода исследователь сознательно *вносит возмущение в наблюдаемую ситуацию*, чтобы потом наблюдать следствия такой "провокации". Стимулирующее наблюдение "вписывается" в принципиально другую методологию социологического исследования — активно-преобразовательную (action research) и потому мною подробно не описывается..." (А. Готлиб. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004, с. 231)

Я заглянул в разные версии учебника Ядова. Оказывается, и впрямь, В. А. мое **"наблюдающее участие"** поначалу (в конце 80-х — начале 90-х) чуть было... не переименовал.

Из книги В. А. Ядова "Социологическое исследование: методология, программа, методы" (М.: Наука, 1987):

> **"Следует ли наблюдателю вмешиваться в изучаемый процесс?**
>
> Ответ на этот вопрос зависит от цели исследования. Если основная цель — диагностика ситуации (как в случае изучения собрания в качестве одного из каналов выражения общественного мнения), вмешательство социолога в ход событий исказит реальную картину, а в итоге будут получены ненадежные данные. Если же цель исследования практически прикладная и состоит главным образом в принятии управленческих и организационных решений, активное вмешательство не только возможно, но и полезно. Именно этим целям служит стимулирующее включенное наблюдение.
>
> Здесь наблюдатель — участник изучаемых событий — как бы провоцирует нестандартные ситуации и исследует реакции объекта наблюдения на свои действия или стимулируемые им действия других [19]. Например, он может, исследуя отношение рабочих к нововведениям, предлагать разные способы решения производственных задач: инициативные, "запрашивающие" действия других лиц, методы "сигнализации" руководству, обращение за помощью к соседним предприятиям или коллективам и т. п. Таким образом, во-первых, регистрируется отношение наблюдаемого коллектива к нововведениям вообще и к разным способам их реализации в особенности.

В наблюдении, проводимом с научными или диагностическими целями, вмешательство исследователя в изучаемый процесс недопустимо...” (с. 113-114).

В списке литературы: [19] *Алексеев А. Н.* Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности: Из опыта “экспериментальной социологии”. Томск, 1982 . *(Ядов приводит название работы, но опускает название сборника, в котором она была напечатана: Проблемы социального познания и управления. Томск: Изд-во ТГУ, 1982, с. 161-173).*

Из книги В. А. Ядова “Социологическое исследование: методология, программа, методы” (Самара: Изд-во “Самарский университет”, 1995). (“...дополненное и исправленное издание предыдущей публикации” — 1987 г.):

(Не читай! Этот фрагмент один к одному совпадает с предыдущим изданием...)

“**Следует ли наблюдателю вмешиваться в изучаемый процесс?**

Ответ на этот вопрос зависит от цели исследования. Если основная цель — диагностика ситуации (как в случае изучения собрания в качестве одного из каналов выражения общественного мнения), вмешательство социолога в ход событий исказит реальную картину, а в итоге будут получены ненадежные данные. Если же цель исследования практически прикладная и состоит главным образом в принятии управленческих и организационных решений, активное вмешательство не только возможно, но и полезно. Именно этим целям служит стимулирующее включенное наблюдение.

Здесь наблюдатель — участник изучаемых событий — как бы провоцирует нестандартные ситуации и исследует реакции объекта наблюдения на свои действия или стмулируемые им действия других [2]. Например, он может, исследуя отношение рабочих к нововведениям, предлагать разные способы решения производственных задач: инициативные, “запрашивающие” действия других лиц, методы “сигнализации” руководству, обращение за помощью к соседним предприятиям или коллективам и т. п. Таким образом, во-первых, регистрируется отношение наблюдаемого коллектива к нововведениям вообще и к разным способам их реализации в особенности.

В наблюдении, проводимом с научными или диагностическими целями, вмешательство исследователя в изучаемый процесс недопустимо...” (с. 125).

В списке литературы: [2] *Алексеев А. Н.* Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности: Из опыта “экспериментальной социологии”. Томск, 1982 .

Итак, данный текст перешел без изменений из издания 1987 г. в издание 1995 г., дословно. Но в разделе “Прямое наблюдение” (откуда он взят...) появилось и дальнейшее развитие и иллюстрации “активной стратегии” исследований. В частности, в 1987 г. Ядов ограничивается тремя примерами *включенного наблюдения*: У. Уайт; В. Ольшанский; Ф. Энгельс. В 1995 г. в ряд с ними становятся два примера “активного воздействия на наблюдаемые процессы”: А. Турен; А. Алексеев. Что ж, неплохая компания!..

Пожалуй, не поленюсь переписать эту страничку:

“...При соучаствующем наблюдении единственный способ снять помехи от вмешательства исследователя — полное вхождение в изучаемую среду, завоевание ее доверия и симпатии. Классический пример использования включенного наблюдения для сбора основной информации — работа Уильяма Уайта (1936-1939 гг.), который и ввел этот метод наблюдения в научную практику [351].

Будучи сотрудником Гарвардского университета, Уайт поселился в трущобах одного из американских городов, чтобы изучить образ жизни итальянских эмигрантов, населяющих этот район (он дал ему название Корневиль). Уайта интересовали обычаи эмигрантов, оказавшихся в условиях чужой культуры,

их ориентации, взаимоотношения. Район Корневиля был известен как опасное для чужака итальянское гетто, полное подозрительных банд.

Уайт вошел в местную общину, сказавшись студентом-историком, который намерен описать возникновение Корневиля. Исследователь изучил тот особый жаргон итальянского языка, которым пользовались в общине. Три года он провел бок о бок с этими людьми, подружился с руководителями двух соперничающих групп рэкетиров, научился местным обычаям, играм в карты и катанию шаров. 18 месяцев он прожил в одной эмигрантской семье, так что был окончательно принят как свой человек. Вначале он вел регистрацию впечатлений тайком, но по мере завоевания доверия не стеснялся делать записи в самой, казалось бы, не подходящей для этого обстановке; все привыкли его видеть с блокнотом в руках.

В нашей стране одним из первых, кто использовал метод включенного наблюдения, был В. Б. Ольшанский, в то время сотрудник Института философии АН СССР. Изучая ценностные ориентации и идеалы рабочих, он поступил на завод им. Владимира Ильича и проработал там несколько месяцев. За это время он достаточно сблизился с рабочими, чтобы составить программу последующего формализованного обследования путем интервью [185, см. также 223], опросов и групповых дискуссий.

В современной социологии используется также метод активного воздействия на наблюдаемые процессы (“активное исследование”), которое ввел в практику французский социолог А. Турен [350] в период так называемых студенческих революций 70-х гг., а позже стали использовать социологи латиноамериканских стран и другие. Активное исследование (Action research) предполагает изучение объекта, активное вмешательство путем организованных действий, провоцируемых исследователем, дальнейшее изучение и далее повторные воздействия. Такой тип исследований принимается также в системах реконструкции организаций управления.

Интереснейший опыт активного “провоцирующего” наблюдения, а скорее даже “наблюдающего участия” предпринял в начале 80-х гг. ленинградский социолог А. Н. Алексеев (этот эксперимент рассматривается ниже, в гл. 5, параграф 6, посвященной качественным методам исследования).

В этой связи полезно вспомнить, как характеризовал свою позицию наблюдателя жизни рабочих Фридрих Энгельс (его книга “Положение рабочего класса в Англии” имеет подзаголовок: “По собственным наблюдениям и достоверным источникам”). В обращении к английскому пролетариату он написал: “Рабочие! ... Я достаточно долго жил среди вас, чтобы ознакомиться с вашим положением. Я исследовал его с самым серьезным вниманием, изучил различные официальные и неофициальные документы..., но все это меня не удовлетворило. Я искал большего, чем одно *абстрактное* знание предмета, я хотел видеть вас в ваших жилищах, наблюдать вашу повседневную жизнь, беседовать с вами о вашем положении и ваших нуждах, быть свидетелем вашей борьбы против социальной и политической власти ваших угнетателей. Так я и сделал” [298, С. 235].

Однако принцип активного воздействия прямо противоположен традиции наблюдения без вмешательства в ситуацию.

Преимущества включенных наблюдений очевидны: они дают наиболее яркие, непосредственные впечатления о среде, помогают лучше понять поступки людей и действия социальных общностей. Но с этим же связаны и основные недостатки такого способа. Исследователь может потерять способность активно оценивать ситуацию, как бы внутренне переходя на позиции тех, кого он изучает, слишком “вживается” в свою роль соучастника событий. на эти недостатки обращали внимание и Уайт, и польский социолог К. Доктур, и другое авторы *(включая меня. — А. А.)*. Как правило, итогом включенного наблюдения является социологическое эссе, а не строго научный трактат...” (с. 126-127).

<u>В списке литературы:</u>

[351] *White W. E.* Street corner society/ Chicago, 1943.

[185] *Ольшанский В. Б.* Личность и социальные ценности .. Социология в СССР. М., 1966. Т. 1.

[223] *Ряжских И. А.* Опыт использования включенного наблюдения для изучения жизни производственного коллектива .. Социол. исслед. 1985, ¹ 3.

[350] *Touraine A.* Toward a sociology of action // Positivism and sociology / Ed. A. L. Giddens N. Y., 1974.

Из той же книги в. А. Ядова (1995; раздел “Стратегия качественного анализа данных”):

“...(3) *Уточнение проблемы*. В исследованиях классического типа мы уточняем проблему путем развертывания гипотез, эмпирически проверяемых на большой статистике. В случае использования качественных методов проблема уточняется путем переосмысливания наблюдаемых фактов с разных точек зрения. Непонятное явление надо попробовать объяснить “так и этак”, в разных теоретических подходах и, в первую очередь, с точки зрения здравого смысла. Проверять это предположение можно, что называется, по ходу исследования. Социолог не гонится за статистикой данных, но главным образом преследует цель найти подкрепление своим догадкам в различных вариантах, стремится разнообразить ситуации наблюдения, постановку вопросов в беседах, способы анализа имеющегося материала (например, из прессы), организует “провоцирующий” натурный эксперимент.

Пример из исследования А. Н. Алексеева о производственном поведении и “производственной морали” в начале 80-х гг. [2]. А. Н. Алексеев вел включенное наблюдение, которое назвал “провоцирующим” *(я не называл... это Ядов сам придумал, и многие повторяют... — А. А).* Он работал на заводе расточником *(кем только я не поработал на заводе, если верить перелагателям: и токарем, и расточником... все же правильно — слесарь; наладчик; штамповщик. — А. А.)* и сам активно включался во взаимоотношения на производстве между разными группами работников. Там он столкнулся с непонятным *(гм! — А. А.)* фактом. Все нарушают хорошо известные инструкции: и рабочие, и мастера, и инженеры, и администраторы. Но мастер “накапливает” материал на рабочих, скажем, прогульщиков. И предъявляет этот материал лишь тогда, когда по каким-то, не обязательно деловым соображениям захочет освободиться от нарушителя дисциплины, “разгильдяя” Петрова. Высказанные в официальной обстановке аргументы не вызывают возражений. Мастер добивается увольнения. *(Интересно, что конкретный пример полностью выдуман Ядовым; вернее — сублимирован из его собственного заводского опыта 50-х гг. — А. А.).*

Алексеев начинает искать теоретические объяснения этого феномена в социопсихологических и социологических подходах. Он приходит к выводу, что следует различать “демонстрируемые” социальные установки и ценности, официально поддерживаемые в данной системе отношений, а с другой стороны — ценности и установки, реально “управляющие” поведением. Идя дальше, он ставит вопросы, выдвигает гипотезы, которые проверяет наблюдением, в беседах, провоцирующими действиями. Вопрос, например, такой: насколько среди рабочих приняты ценности инициативы и добросовестности?

В массовых обследованиях 70-х гг. инициативность и творчество часто лидировали в ряду ценностных ориентаций, а в действительности, по наблюдениям Алексеева, они не выполняли регулирующую функцию. Как социолог проверил свою догадку? Если инициативный рабочий (сам Алексеев) приходил к начальнику цеха и предлагал рационализировать операцию, ему отвечали: “Тебе что, больше всех надо?” А если тот же инициатор маскировал свое предложение под вынужденное действие *(“вынужденная инициатива”! — А. А.),* оно принималось. Надо было сказать: “Если мы этого не сделаем, нам попадет”. Таким путем Алексеев проверил гипотезу о регулятивных и демонстрируемых нормах производственных взаимоотношений.

Между прочим, его проверка статуса ценности “добросовестной работы” показала тогда, что эта ценность сохраняет положение “реально регулирующей поведение”, но... при условии достаточной свободы самоорганизации работника и справедливости оплаты его труда.

(При всей вольности пересказа изложение ряда результатов "эксперимента социолога-рабочего" начала 80х гг. вполне адекватное. — А. А.)

На стадии уточнения проблемы важно специфизировать ее максимально конкретно и в смысле теоретической ориентации (в случае Алексеева — теория социальных установок и поведения), и в смысле конкретной ситуации наблюдения, участия в событиях, определения метода дальнейших действий..." (с. 247-248).

(Интересно, что в библиографии, кроме не вполне точно атрибутированной работы 1982 г. представлена еще: *Алексеев А. Н.* Познание через действие. Фрагменты экспериментальной социологии. М., РАН. 1993. Такого издания просто не было, хоть и была рукопись, которую читал Ядов и для которой даже писал предисловие в 1990 г. По счастью, этот "сырой продукт" заменила собой уже "Драматическая социология...", вышедшая в 1997 г. Но Ядов в этих моих версиях тогда запутался...

И других запутал. Например А. Тихонов, кстати, один из соавторов "Драматической социологии..." 2003 г., подарил мне "с любовью" свою диссертационную монографию "Социология управления (теоретические основы)" (СПб.: Изд-во СПб. университета, 2000), где в библиографии, наряду с одной из наших с ним соавторских работ, фигурирует... все то же "мифическое" — "Познание через действие. Фрагменты экспериментальной социологии", 1993.

Ну, Ядов-то мне как бы комплимент сделал, и аванс — в 1995 году. А вот Тихонов в 2000-м продемонстрировал, что свою библиографию он разве что с ядовским учебником сверял, а не с теми книгами — включая мою 1997 г. — что стоят у него дома на полке...)

Ну, и наконец, последнее (пятое!..) издание ядовского учебника: *В. А. Ядов.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 1998. Оно — "существенно дополненное" и самое полное (596 с.).

Здесь несколько перестроился круг примеров в разделе "Прямое наблюдение". Остались Уайт, Ольшанский и Турен. Исчезли Энгельс и Алексеев. Появился абзац о применении включенного наблюдения в известном исследовательском проекте Т. Шанина:

"...В 90-е гг. сотрудники исследовательского проекта Т. Шанина предприняли включенное наблюдение крестьянских хозяйств. Они подолгу (до года) жили среди крестьян, записывали их рассказы о своих судьбах [50], анализировали семейные бюджеты и т. д. Один из исследователей (В. Виноградский), доктор наук, привез в кубанскую станицу жену (также научного сотрудника) и детей, убедившись, что иным путем не сможет преодолеть недоверие жителей станицы. Будучи теперь открытым для всех, участвуя в хозяйственных делах и помогая соседям чем мог (например, впервые в своей жизни Валерий Виноградский обмывал покойника — одинокого старика), он, наконец, был принят сельчанами в их круг. Его стали приглашать в гости и без опаски позволяли записывать на пленку жизненные повествования..." (с. 203).

В списке литературы:

[50] Голоса крестьян: Сельская Россия XX века . под ред. Т. Шанина. М. : Аспект пресс, 1996

Но и Алексеев Ядовым не забыт. Он фигурирует в этом издании учебника по крайней мере четырежды.

Понятие *"стимулирующее (оно же — наблюдающее...) участие"* вводится им в самое начало раздела о "Прямом наблюдении". Но об этом чуть позже.

...Далее (повтор предыдущей версии, правда, с некоторыми новациями):

“Следует ли наблюдателю вмешиваться в изучаемый процесс?

Ответ на этот вопрос зависит от цели исследования. Если основная цель — диагностика ситуации (как в случае изучения собрания в качестве одного из каналов выражения общественного мнения), вмешательство социолога в ход событий исказит реальную картину, а в итоге будут получены ненадежные данные. Если же цель исследования познавательно-аналитическая *(характерно: этого не было в предыдущем издании 1995 г., где вмешательство исследователя в изучаемый процесс связывалось только прикладными задачами. — А. А.)* или практически прикладная и состоит главным образом в принятии управленческих и организационных решений, активное вмешательство не только возможно, но и полезно. Именно этим целям служит стимулирующее включенное наблюдение.

Здесь наблюдатель — участник изучаемых событий — провоцирует *(раньше было: “как бы провоцирует...” — А. А.)* нестандартные ситуации и исследует реакции объекта наблюдения на свои действия или стимулируемые им действия других [2, 3]. Например, он может, исследуя отношение рабочих к нововведениям, предлагать разные способы решения производственных задач: инициативные, “запрашивающие” действия других лиц, методы “сигнализации” руководству, обращение за помощью к соседним предприятиям или коллективам и т. п. Таким образом, во-первых, регистрируется отношение наблюдаемого коллектива к нововведениям вообще и к разным способам их реализации в особенности.

(Далее — новый текст, отсутствовавший в предыдущих изданиях учебника. — А. А.)

Наблюдающее участие, по Алексееву, целенаправленно создает моделирующие действия ситуации и провоцирует наблюдаемых не столько приспосабливаться к данным обстоятельствам, сколько приспосабливать среду деятельности, преобразовывать ее в своих интересах [2, 3].

Принципиально иная стратегия наблюдения используется в исследовании обыденной, повседневной жизни людей, их “рутинных практик”. Объекты социального наблюдения — люди, реагирующие на поведение наблюдателя. Чтобы свести к минимуму ошибки от “возмущения” объекта со стороны наблюдателя, используют два способа. Первый — добиться, чтобы наблюдаемые либо не ведали, что за ними наблюдают, либо забыли об этом. Второй — создать у людей ложное представление о цели наблюдения” (с. 199-201).

<u>В списке литературы:</u>

[2] *Алексеев А. Н.* Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие). СПб.: Институт социологии РАН, СПб филиал, 1997.

[3] Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). В 2-х кн. СПб.: Институт социологии РАН, СПб филиал, 1997.

Далее. Более подробный рассказ о конкретном опыте “социолога-рабочего” *(только что вышла книга “Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)”, 1997)* переносится Ядовым в раздел “Социальный эксперимент”, помещающийся в главе... “”Жесткий” анализ данных” (!).

Обсудив методологию экспериментов, мысленных и натурных, контролируемых и неконтролируемых, логику экспериментов типа “до — после” с одним контрольным объектом, то же — без контрольного объекта, “только после” без контрольного объекта и “якобы до — после” с контрольной группой, Ядов находит моему “наблюдающему участию” новое определение: *натурный квазиэксперимент* (ах, вот откуда наукообразно-”обидное” выражение: “квазиэкспериментальное исследование”, — у моего рецензента Григорьева в “СЖ”!).

Цитирую (в основе — текст учебника 1995 г., но существенно отредактированный, так что стоит перечитать...)

“...***Натурный квазиэксперимент*** — особый случай *(эксперимента. — А. А.)*. Здесь исследователь руководствуется логикой эксперимента “до — после”, но, во-первых, не жестко контролирует фоновые воздействия и, во-вторых, создает

экспериментальную ситуацию своими действиями в качестве участника “жизненной ситуации”. Будучи исследователем, он вместе с тем выполняет функцию “экспериментальной переменной”. Подобное экспериментирование имеет место в “провоцирующих” полевых исследованиях.

Рассмотрим пример. Петербургский социолог А. Н. Алексеев (в то время — ленинградец) предпринял провоцирующий эксперимент *(еще одно определение! — А. А.)* на заводе Полиграфмаш. Будучи научным сотрудником, он поступил на завод слесарем-расточником *(а мы удивляемся, что М. Маколи путает... Уж Ядов-то, сам когда-то токарь, мог бы и помнить, что “слесарей-расточников” не бывает!.- - А. А.),* причем о его академическом статусе первоначально никто, кроме руководства, осведомлен не был (позже он этого уже не скрывал). Исследователь имел цель изучить реальные нормы, регулирующие производственные отношения в рабочем коллективе. Будучи рядовым рабочим, активно общаясь в этой среде он столкнулся с непонятным фактом. *(Ну, дальше — повтор из учебника 1995 г. Но на компьютере продублировать недолго... А. А.).* Все нарушают хорошо известные инструкции: и рабочие, и мастера, и инженеры, и администраторы. Но мастер “накапливает” материал на рабочих, скажем, прогульщиков. И предъявляет этот материал лишь тогда, когда по каким-то, не обязательно деловым соображениям захочет освободиться от нарушителя дисциплины, “разгильдяя” Петрова. Высказанные в официальной обстановке аргументы не вызывают возражений. Мастер добивается увольнения.

Алексеев начинает искать теоретические объяснения этого феномена в социопсихологических и социологических подходах. Он приходит к выводу, что следует различать “демонстрируемые” социальные установки и ценности, официально поддерживаемые в данной системе отношений, а с другой стороны — ценности и установки, реально “управляющие” поведением. Идя дальше, он ставит вопросы, выдвигает гипотезы, которые проверяет наблюдением, в беседах, провоцирующими действиями. Вопрос, например, такой: насколько среди рабочих приняты ценности инициативы и добросовестности? *(Конец повтора из учебника 1995 г. — А. А.).*

Алексеев проверяет научную гипотезу собственными “экспериментальными поступками”: новый расточной станок *(да пресс же, пресс координатный с револьверной головкой!! Можно сказать и короче: “координатно-револьверный пресс”... Интересно, что новый начальник цеха Данилушкин., из комсомольских работников, при первом знакомстве с социологом-рабочим тоже умудрился спросить: “Как поживает Ваш координатно-расточной пресс?” — А. А.)* не работает, так как не соблюдены нормативы эксплуатации и приходится изобретать “рационализаторские приемы”. Когда он обращался со своими рационализаторскими предложениями к руководству, то слышал ответ: “Тебе что, больше всех надо?” А если он маскировал свое предложение под вынужденное действие оно принималось. Надо было сказать: “Если мы этого не сделаем, нам попадет”. Таким путем Алексеев проверил гипотезу о регулятивных и демонстрируемых нормах производственных взаимоотношений.

В массовых обследованиях 70-х гг. инициативность и творчество часто лидировали в ряду ценностных ориентаций, а в действительности, по наблюдениям Алексеева, они не выполняли регулирующую функцию.

Между прочим, его проверка статуса ценности “добросовестной работы” показала тогда, что эта ценность сохраняет положение “реально регулирующей поведение”, но... при условии достаточной свободы самоорганизации работника и справедливости оплаты его труда. *)

Натурный квазиэксперимент А. Н. Алексеева нельзя отнести к строгому контролируемому эксперименту. Это демонстрация экспериментальной логики социологического анализа. данные для изучения ситуации извлекаются не количественными (статистическими) процедурами, но путем использования качественных методов...” (с. 366-367).

<u>Подстрочное примечание:</u>

*) А. Алексеев избрал стратегию “провоцирующего” изучения социальной реальности, подвергая себя многообразным опасностям, вплоть до преследования со стороны советских властей и КГБ (см. его работу, названную “Драматическая социология” [3] (с. 367)

Ну, как-то в главе о “жестких” методах стало “гуманисту” Алексееву неуютно... Но, спасибо, вспомнила о нем и ядовский соавтор В. Семенова, которой в этом же учебнике 1998 принадлежит особая глава: “Качественные методы в социологии”. Процитирую:

“...***Позиция исследователя.*** Следует иметь в виду две основные особенности позиции исследователя при качественном подходе.

Первая состоит в том, что, в отличие от роли аналитичного, беспристрастного регистратора фактов, социолог занимает здесь двойственную позицию — *“сочувствующего” участника* и *“стороннего” наблюдателя*.

Роль “сочувствующего”, погруженного в события, необходима для понимания высказываний и действий “объектов” в их собственном толковании. Позиция “соучастия” может различаться по степени погружения: от простого сочувствия, сопереживания (в процессе повествования или фокусированного интервью, анализа биографического текста, жизненной истории) — до более активного соучастия (в случае включенного наблюдения, при этнографическом исследовании) и вплоть до активного вмешательства, внесения в ситуацию дополнительных факторов, провоцирующих изменения *) (в случаях включенного наблюдения, эксперимента или социальной терапии). Такова, например, стратегия конструирования производственных ситуаций при помощи введения дополнительных факторов со стороны исследователя, как ее использовал А. Н. Алексеев в названном выше “провоцирующем” эксперименте (см. с. 366, а также [2],[3]).

Позиция стороннего наблюдателя необходима для сохранения определенной дистанции...” (с. 414)

Подстрочное примечание:

*) Активная позиция является объектом дискуссий сторонников и противников такого вмешательства. одни считают, что функция социолога не выполнена до конца, если после его ухода ничего не изменилось в жизненной практике людей. Другие уверены, что предварительно надо подумать, не может ли такое вмешательство привести к ухудшению реальной ситуации или травмировать респондента... (с. 414)

Итак, *“стимулирующее включенное наблюдение”, “наблюдающее участие”, “провоцирующее наблюдение”, “провоцирующий эксперимент”, “натурный квазиэксперимент”,* будет еще — *“стимулирующее участие”... Таков* вроде еще и не весь набор используемых Ядовым (и его коллегой...) терминов.

Уместен оказался “социолог-испытатель” аж в 3-х разделах последнего издания учебника: о “прямом наблюдении”, о “социальном эксперименте” и о “качественных методах”. Что, пожалуй, справедливо, и даже позволяет автору не без удовлетворения отметить, что ни в одну из рубрикаций он однозначно не укладывается.

Сам Ядов в предисловии к несостоявшемуся изданию 1993 г., а затем в рецензии на “Драматическую социологию...” 1997 г. писал:

“...Сам А. Н. назвал свой метод “наблюдающим участием”, книгу первоначально в рукописи озаглавил “Познание через действие”, а в опубликованном тексте — “Драматическая социология”. Все три наименования отражают суть его метода достаточно точно...” (Цит. по: *А. Н. Алексеев*. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 4. СПб.: Норма, 2005, с. 13).

Но вернемся к книге Анны Готлиб “Качественное социологическое исследование...” (2004). Собственно, приведенное выше, подстрочное примечание на стр. 231 этой книжки и дало старт моему “путешествию” по разным изданиям учебника Ядова. Ибо “споткнулся” я на этом термине — *стимулирующее включенное наблюдение* (раньше как-то его не замечал, хоть к *“провоцирующему...”* и успел привыкнуть).

А что?! Можно и так называть... Разве “провокативное” воздействие не **“стимулирует”** людей к реактивным действиям, а ситуацию — к самораскрытию?

На том бы, наверное, и закончилась инвентаризация известных мне синонимов *наблюдающего участия,* если бы... не одно примечание, которое делает Ядов в пятом издании своего учебника (1998), при объяснении того, чем же “наблюдающее участие” отличается от “включенного наблюдения”.

Сначала цитата (из раздела “Прямое наблюдение”):

> “...В зависимости от положения наблюдателя различают *соучаствующее* (или включенное) и *простое* наблюдения. В первом исследователь имитирует вхождение в социальную среду, адаптируется в ней и анализирует события как бы “изнутри”. В простом наблюдении он регистрирует события “со стороны”. В обоих случаях наблюдение может производиться открытым способом и инкогнито, когда наблюдающий маскирует свои действия... Одна из модификаций включенного наблюдения — так называемое *(им же В. А. Ядовым и называемое... — А. А.) стимулирующее* или *“наблюдающее участие”,* в процессе которого исследователь создает некоторую экспериментальную обстановку, для того, чтобы выявить состояния объекта, в обычной ситуации “непросматриваемые”. *)
>
> В варианте *“наблюдающего участия”*, разработанном А. Н. Алексеевым, наблюдение напоминает натурный эксперимент, в котором исследователь вводит экспериментальные факторы изнутри самой ситуации и нередко импровизирует в зависимости от развития событий [2, кн. 1, С. 16]...” (с. 195-196).

Но тут самое интересное — <u>подстрочное примечание</u> Ядова:

> “...*) Этот вид наблюдения *(т. е. “стимулирующее” или “наблюдающее участие”. — А. А.)* особо подчеркивает болгарский социолог С. Михайлов, справедливо считая, что важная конструктивная роль должна принадлежать стимулирующему наблюдению, характеризующему активную социальную позицию социолога [173. С. 245-247]. В то же время социальные психологи применяют метод наблюдения экспериментальных ситуаций, в которых наблюдатель провоцирует определенные действия, например, фиксирует, как ведут себя пассажиры в ситуации, где предполагается уступить место инвалиду, пожилому человеку и т. п....” (с. 196).
>
> <u>В списке литературы:</u>
>
> [173] *Михайлов С.* Эмпирическое социологическое исследование. Пер. с болг. М.: Прогресс, 1975

Ах, вот откуда — СТИМУЛИРУЮЩЕЕ НАБЛЮДЕНИЕ! Выходит, Не Ядов, а Стоян Михайлов придумал, причем давно...

Имя <u>Ст. Михайлова</u>, наверное, самого известного, после покойного классика — Живко Ошавкова, болгарского социолога, мне хорошо знакомо. Надо сказать, что еще в 60-х гг. я “открыл” (для себя...) плеяду болгарских философов и социологов: Величко Добриянова, Любена Николова, Стояна Михайлова, нек. других, которые, будучи вполне правоверными марксистами, не были дремучими, как некоторые советские академики, и импонировали мне своим системным мышлением и не конъюнктурными писаниями

Например, В. Добриянов (ныне покойный) — автор “Теории и истории”, или Ст. Михайлов (ровесник Ядова; никогда не интересовался, но уверен, что они и знакомы...) — автор “Общества как системы” и “Эмпирического социологического исследования”. Последний, между прочим, в конце 70-х стал секретарем ЦК БКП (по идеологии...). Ну, не сочтем это за компрометирующее обстоятельство.

Мое прикосновение к болгарской, в частности, теоретической социологии было стимулировано знанием болгарского языка, приобретенным на филфаке Университета. Так что я читал С. Михайлова и др. по-болгарски раньше, чем они были переведены (впрочем, и переводили болгар на русский активно...).

В 2000 г. этот давний эпизод моей профессиональной биографии был “воскрешен” случайной встречей с современной болгарской социологиней Светлой Колевой, которой я, кажется, подарил свою “Драматическую социологию...” (1997), а она мне прислала большой болгарский “Энциклопедический словарь по социологии” (1997) под ред. Ст. Михайлова.

И в томе 4 “Драматической социологии...” (2005), если помнишь, помещены в “Эпистемологических дебатах” мои переводы трех статей из этого словаря, принадлежащих как раз Ст. Михайлову: *“Наблюдение”; “Эксперимент, социологический”; “Анкета, косвенная”*... Эти темы для автора не случайны, поскольку С. М. — автор первого болгарского учебника по “методологии и процедурам” социологического исследования (изданного в Болгарии в 1973 г., а переведенного на русский в 1975-м; напомню, что ядовский учебник вышел в издательстве “Наука” в 1972 г.).

Итак, по поводу “стимулирующего” наблюдения (участия...) Ядов ссылается на книгу Ст. Михайлова (1975 г. изд.). Открою-ка эту книгу, на указанной В. А. странице. Хоть и далеко лежит, да знаю где...

Из книги Ст. Михайлова “Эмпирическое социологическое исследование” (М.: Прогресс, 1975):

> “...***Симуляционный метод*** *(! — А. А.).* Это разновидность наблюдения. И тут непосредственно наблюдается поведение исследуемого лица, но в особой обстановке, созданной автором исследования экспериментально. В связи с этим симуляционный метод можно рассматривать и как вид эксперимента. Отличие его от эксперимента в собственном смысле слова заключается в том, что при симуляционном методе социолог создает ситуацию, которая известна или в которой люди уже участвовали, и при эксперименте вводится новая социальная форма, которая раньше не существовала.
>
> Симуляционный метод нужен тогда, когда программа исследования включает такие качества исследуемых лиц, которые не проявляются в обычных условиях, или же когда нужно проверить наличие и силу каких-то качеств. Например, в обычных условиях качество “смелость” проявляется редко, но имеются случи, когда некоторые люди проявляют себя очень смелыми. Если это качество фигурирует в программе исследования, можно создать искусственно ситуацию, в которой исследуемое лицо проявит свою смелость, если обладает таковой, и покажет, в какой степени оно является смелым.
>
> Вообще, этот метод используют главным образом для раскрывания психофизиологических качеств, а также особенностей ценностных систем людей — морали, политических взглядов, эстетического вкуса и т. д.
>
> В системе обучения симуляционный метод применяется часто. Учебная боевая тревога в казарме, ограничение скорости движения на данном участке без объективной необходимости в этом с целью проверки дисциплинированности водителей и т. д. являются аналогичными средствами.
>
> При использовании симуляционного метода следует очень хорошо подготовить и решить три вопроса.
>
> *Первый.* Как подготовить такую искусственную ситуацию, которая ничем не будет отличаться от естественной и непременно вызовет реакцию исследуемого лица по вопросам, интересующим анкетера. Если искусственная ситуация создана,

но не вызывает реакцию исследуемого лица, то вся работа пропала. Очевидно, между ситуацией и интересами исследуемого лица должна быть какая-то тесная, существенная связь, чтобы оно не осталось безразличным к тому, что вокруг него происходит.

Второй. Необходимо обеспечить полную тайну этого эксперимента. В частности, это требует найти достаточно естественный повод для того, чтобы втянуть исследуемое лицо в данную ситуацию.

Третий. Надо определить порядок наблюдения и записи результатов. При наблюдении нельзя ничего опускать из поведения исследуемого лица в искусственно созданной обстановке. присутствие анкетера *(стоит заметить, что термин* ***анкетер*** *в болгарской научной традиции означает "человека, занимающегося непосредственным сбором информации. — А. А.)* должно быть "узаконено"; оно также должно быть естественным и ни в коем случае не влиять на поведение исследуемого лица. Если нужно, для этой цели наблюдение может быть организовано скрытно.

Вряд ли нужно подчеркивать, что симуляционный метод и по предмету, и по своему охвату является ограниченным. Его нельзя использовать при широком круге явлений, для изучения большого числа лиц, так что решение проблемы представительности информации при этом методе наталкивается на ряд затруднений. Вот почему симуляционный метод обычно используется как вспомогательный, дополнительный метод" (с. 245-247).

Так, все же — СТИМУЛИРУЮЩЕЕ НАБЛЮДЕНИЕ или СИМУЛЯЦИОННЫЙ МЕТОД?! Ну, тут можно выдвинуть несколько *версий* или, как принято говорить в "научном дискурсе", *гипотез.*

Первая — "конфузная" (уповаю на ядовское чувство юмора, если он прочитает эти строки...): В. А. в 1987 г. (когда впервые ввел свой термин...) перепутал "симуляцию" со "стимуляцией"! Смешно, но с кем не бывает... И на Солнце случаются пятна! А дальше так и пошло, во всех изданиях...Только все же неправдоподобно!

Другая версия: Ядову хотелось как-то "протащить" в учебник, открывающийся (пока еще...) вступительной статьей "Актуальные методологические проблемы марксистско-ленинской социологии" (книга подписана к печати в ноябре 1987 г., а рукопись-то представлялась в изд-во "Наука" задолго раньше...) своего опального (тогда...) сотрудника.

Слова "экспериментальная социология" и "наблюдающее участие" у В. А. "на слуху". Сколько на эту тему нами проговорено, да и отчетов понаписано... А есть ли понятийно-терминологические прецеденты? Тут Ядову вспомнилась классификация Ст. Михайлова (и впрямь, ссылка уместна: что такое "эксперимент социолога-рабочего", как не создание "такой искусственной ситуации, которая ничем не будет отличаться от естественной..." (см. выше).

Ну, ссылаться на болгарского социолога В. А. здесь не стал, тем более, что и своего-то спокойнее упомянуть только в библиографии (он же из партии все еще исключен...), а просто переиначил термин! **"Симуляция"** — как-то "неблагозвучно"... А вот **"стимуляция"** — в самый раз! Стимулирующее включенное наблюдение... Вполне подходит, хоть и в совсем другом отношении!

Далее, переписывая этот сюжет из третьего издания учебника в четвертое и из четвертого в пятое, В. А. все больше приближался к авторской терминологии: *стимулирующее наблюдение* (по Ядову) = *наблюдающее участие* (по Алексееву). (Кстати, "драматическая социология" все более укореняется в разных разделах ядовского учебника. Правда, без этого термина... И правильно! В учебнике предпочтительны терминологическая осторожность и здоровый консерватизм).

В пятом издании В. А. вспоминает о "первоисточнике" (поводе для?..) своего термина — *стимулирующее наблюдение, или участие* (по Ядову-Алексееву) = *симулирующий метод* (по Ст. Михайлову). Отождествление здесь как бы латентное (просто указанием на страницы источника...). Самое замечательное, что и то, и другое, и третье (*наблюдающее участие*) — в общем правомерны, лишь по разному

акцентируя, выделяя разные аспекты единой, достаточно богатой “тотальности” метода.

Эта вторая версия — тоже довольно комична. Но, по крайней мере, не “обидна” для акторов.

Завершая свои текстологические, терминологические и “историко-научные” изыскания, хочу заметить все же, что и у Ядова случаются “накладки” (хоть, по преимуществу, и изящные...) и “переборы”... Вот, например, в своем предисловии к “Драматической социологии...” (1997), а затем — в рецензии на нее же, опубликованной в “Социологических исследованиях” (1999, № 1), В. А. пишет, что А. “...стал основателем нового направления в отечественной социологии — **социологии действующего участия**”.

Во-первых, “действующее участие” — это что-то новенькое... Может оговорка? Во-вторых, насчет “основателя” — явный перебор. Хоть и спасибо за комплимент, конечно...

P. S. Перелистывая ядовскую “Стратегию социологического исследования” (пятое издание учебника, 1998), нашел “себя” еще и в приложениях: “Аннотированный список литературы 1984-1997 гг. по методологии, методам и технике социологического исследования”. Там есть раздел: “Методы и техника, применяемые в стратегии качественного анализа”

Из этого раздела (с. 514):

> ***Алексеев А. Н.*** Драматическая социология. Эксперимент социолога-рабочего. Кн. 1, 2. — М.: Институт социологии РАН, СПб. филиал, 1997.
>
> Представлены результаты исследования автора за десятилетие (1978-1988). Название “драматическая социология” объясняется тем, что метод избранный автором предполагает провоцирование социальных действий по авторскому сценарию, а также и тем, что сам исследователь подвергался за свою работу преследованиям со стороны советских властей. Центральное место в книге занимает история необычного эксперимента: работы А. Н. Алексеева на промышленном предприятии в качестве слесаря-разметчика *(о Боже! еще и “разметчик”! — А. А.)* с исследовательскими целями. Автор называет свой методологический подход “наблюдающим участием”, “познанием через действие”, “исследованием случая”. Методический опыт осмысливается в контексте дискуссий о соотношении позитивистского (“жесткого”, количественного) и понимающего (“мягкого”, качественного) направлений в социологии.
>
> ***Алексеев А. Н.*** Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие). СПб.: Институт социологии РАН, 1997.
>
> Рассматриваются ключевые понятия оригинального методологического подхода, предложенного автором в исследовании “Человек в системе производственных отношений”. Это — наблюдающее участие, моделирующие ситуации, социально-нормативное и творчески-преобразовательное воздействие и др. Приведены фрагменты документов наблюдений, писем, дневников, написанных автором в период проведения исследования.

Как я понимаю, эти аннотации писала О. Маслова. Спасибо, Оля!

Вместо заключения

Пожалуй, заслуживает быть приведенным здесь фрагмент на методологические темы из первой публикации автора об “эксперименте социолога-рабочего” (1982).

Кстати, той самой, на которую ссылается В. Ядов в третьем и четвертом изданиях своего учебника (1987; 1995). Итак:

> "...В ходе проводимого эксперимента нами предпринята попытка обоснования и индивидуального испытания научно-практического принципа "адаптационного формотворчества" или социально-нормативных прецедентов. Этот принцип учитывает высокую социально-экономическую и социально-психологическую инерционность функционирования общественного, в частности, производственного организма и рассчитан на "подготовку почвы" для необходимых и, в известном смысле, неизбежных социальных преобразований. Названный принцип состоит в направленном, но не форсированном расшатывании "рутинного" блока социально-производственных норм-стереотипов в конкретной социальной ситуации и в создании накапливающихся предпосылок его обновления и замещения. Это может осуществляться за счет ненавязчивого задания таких образцов индивидуального и коллективного поведения, которые отвечают массовым ценностным ориентациям, пусть пока вопреки господствующим нормам-стереотипам.
>
> В научно-методическом плане предпринято обоснование и производится опробование методики наблюдающего участия, предполагающей, в отличие от сложившегося методического стереотипа, активную позицию так называемого "включенного наблюдателя" в процессе научно-практического освоения, овладения социальной средой. В реализации этого метода исследование социальной реальности осуществляется не только в ее "естественном виде", но и через анализ реакций Среды и последствий целенаправленных, избирательно активных действий исследователя.
>
> В концептуально-мировоззренческом плане предпринятый опыт дает материал для обоснования выдвигаемого нами принципа единства Деятельности, Рефлексии и Игры, как эффективного способа реализации активной жизненной позиции личности в современных условиях. Полагаем также, что для исследования возможностей и путей такой реализации в конкретных социальных условиях уместно личностное социальное экспериментирование.
>
> (А. Н. Алексеев. Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности (из опыта "экспериментальной социологии") / Проблемы социального познания и управления. Томск: Изд-во Томского университета, 1982, с. 169-170)

Все эти соображения были неоднократно повторены и позже, однако впервые их удалось опубликовать в 1982 г., в сборнике, вышедшем под редакцией тогдашнего руководителя. социологической лабораторией Томского университета Л. Гурьевой. Спасибо, Люда!

А. Алексеев
15-16 июля 2006 г.

***

<...> Дорогой Роман!

Сегодня — уже воскресенье, 16 июля. Как видишь, в субботу, в день начала Саммита "большой восьмерки" (будь он неладен!..), я "вышел из берегов" и "соорудил" печатный лист (порядка 40000 символов, на моем ПК) на тему, чуть ли не историко-научную, и вроде не только нам с Тобой интересную (или, скажем так, способную позабавить...).

И я отваживаюсь, ввиду <...> получившегося еще одного неформального приложения к планируемой публикации "Познание через действие", как таковой, выделить этот фрагмент из нашей переписки и параллельно разослать его всему "Ближнему кругу" корреспондентов (т. е. Б. Докторову, Л. Кесельману, М. Мацкевич, А. Родионовой). <...>

(...А ведь все началось с того, что я раскрыл случайно “не на той” странице книжку Анны Готлиб, в которой заявлены “познавательные и экзистенциальные горизонты” “качественного социологического исследования”!).

Твой Андр. Ал.

16.07.2006

***

Б. Докторов – А. Алексееву

17.07.2006

Андрей, через пару дней после твоей отправки автореферата Каныгина я получил текст и от него. Я согласен с тобою, я тоже в прошлом – это был давно, до отъезда – слабо понимал построения Геннадия. Его публикации в СЖ я просматривал; все же человек из нашего колледжа. Постепенно я стал понимать, что он хочет. Мне представляется, что его работа, это действительно еще одна попытка компьютерного ассистирования социальных исследований. Да, конечно, это – раздел “логики и методологи науки”, но он это делает не применительно к науке вообще (как философ), а применительно к соцологии. Относится ли это к социологии? Геннадий Батыгин говорил, что социология – это история социологии и ее методология. Все остальное – это использование социологических категорий при изучении разных аспектов социума. В свете этих слов работа Каныгина – социология.

Я так давно привык к вопросам типа: «социология ли это?» применительно к разным построениям соискателей (и не только их), что сам не задаюсь этим вопросом. На мой взгляд, все что помогает или обещает помочь в познании социальных отношений, - все социология. Я знаю, с каким трудом проходили при защите темы ряда социологов, которые уже многие годы успешно работают именно в социологии.

Есть еще один момент - мое отношение к диссертантам, соискателям степеней. В принципе оно доброжелательное.

До отъезда я оппонировал постоянно при защитах докторских и кандидатских. В моем понимании кандидатская – это не более, чем свидетельство умения соискателя самостоятельно работать. Если я это видел, писал положительный отзыв. Критерии докторской – самостоятельность темы и эрудированность, некая здоровая агрессия в работе, т.е. перспективность дальнейшей разработки выносимой на защиту темы. На мой взгляд, докторская – это прежде всего большая платформа для дальнейшей работы диссертанта и, если получится, его последователей.

Давал ли я отрицательные отзывы? На кандидатские – нет, если видел, что совсем чепуха, то отказывался оппонировать. На докторскую одного москвича однажды было: я сказал, что оппонировать готов, но отзыв будет отрицательным. Это было на совете Ельмеева. Мне сказали, пожалуйста, пусть будет отрицательным. Совет все равно проголосовал «за».

С лучшими чувствами, Боря

***

Б. Докторов – А. Алексееву

18 июля 2006 г.

Андрей,

В твоем последнем письме от 16 июля есть несколько тем. Не буду следовать твоему порядку изложения, но рассмотрю все.

Честно, тронут твоим вниманием и трогательным поздравлением. Мне хотелось в «юбилейные» дни побывать в Ленинграде, выступить в Институте, рассказать о том, что сделано за истекшие два года (я был в 2004), и главное посидеть в самой для меня наилучшей компании, т.е. с вами со всеми. Но не получилось, мне трудно выскочть из дома, могу оставить моих на неделю-десять дней. Я не чувствую ностальгии, ежедневно получаю несколько писем из России, не говоря о ТВ, Интернете. Но все же нужно живое общение. В этом году я уже был дважды в России, но до вас не добрался. Верю в то, что и это произойет, и все сказанное выше сбудется...

Ты пишешь про моих старших коллег, но иногда мне кажется, что я уже догнал по возрасту тех, кто родился в 1929, не говоря о более молодых. Год жизни в Америке, не говоря о том, что выпало для моей семьи, - надо считать за два российских... я уже писал Фирсову, что мы с ним стали почти ровесниками... отшельничество делает человека всегда старше...

Я уверен, что все с твоей статьей пойдет по нашему плану, но все же давай подождем выхода из отпуска Миши Илле, это произойдет 7 августа. Я обычно с ним обсуждаю программу моего участия сразу в серии выпусков «Телескопа». Ближайший «Телескоп-4» мы обсудили. Думаю, что не возникнет проблем и по следующим двум номерам.

Я ждал именно такой твоей реакции по поводу моего предложения о публикации в одном выпуске твоего материала и интервью со Здравомысловым. Но я стараюсь обсуждать с авторами текстов многие детали, а соседство – не самая малая деталь.

Да, ты верно понимаешь, беседа со Шляп может быть очень содержательной, он пишет легко и касается таких тем, от обсужения которых даже сейчас живущие в России социологи стараются уклониться. Сегодня беседовал с ним около часу по телефону, многое уточнили по плану и по содержанию его текста. Я начал задумываться, все ли из жизни нашего профессионального сообщества надо публиковать? Речь не идет о взаимоотношениях людей, личностей, но о каких-то пластах нашей жизни... ладно, жизнь и даст ответ на эти вопросы.

Ты перечислил верно всех моих респондентов, беседы с которыми уже опубликованы или вот-вот будут опубликованы в Телескопе. Но у меня есть завершенный текст интервью с Леной Петренко, есть лист от Александра Гофмана. У меня не хватает телескопного пространства для публикации всего, что есть... Получаете ли вы журнал «Социальная реальность», выпускаемый ФОМом? Машуня Мацкевич в нем недавно опубликовалась, так что, скорее всего, ты знаешь формат журнала.... что-нибудь из интервью хочу опубликовать у них...

Спасибо, ты уже не первый раз поднимаешь вопрос об обосновании выборки в моих интервью. И даже предлагаешь выбрать «субъективный» критерий. Ты знаешь, он близок мне, я в книге и в последнем интервью пишу, что для биографов «пристрастность» идет до «объективности». Мой план – пока не торопиться, думать. Этот год и первое полугодие 2007 года, думаю, уйдут на новые интервью и продумывание концепции анализа. Как только я пойму, что книга получается, так я сразу резко активизирую сбор новой информации. Сейчас я скован тем, что мне негде публиковать, но если будет книга, так я все тексты туда и вгоню, без предварительной журнальной публикации. Но в любом случае число «респондентов» не выскочит за 20 (с крохотным хвостиком). Текст каждой беседы – 2 листа, 20 интервью – это уже 40

листов. Реально – процентов на 10 больше. Если задумать еще статью хотя бы листа на три, то с вспомогательным аппаратом – 50 листов. Это какой кураж (говоря словами Ядова) нужен?

Мне приятно от тебя услышать, что я работаю в “в точке пересечения биографии и истории”. Именно к этому и стремлюсь.

Я не знаток Миллса, но постоянно думаю именно о соотношении истории и биографии. Ты в курсе, Божков задумал в конце года чтения (конференцию?) памяти Валерия Голофаста. Дай Бог, чтобы у Олега все сложилось. Я не уверен, что смогу участвовать в чтениях, но пару месяцев назад отправил ему тему моего «выступления»: «История в биографиях и биографии в истории». Это о том, как социальные обстоятельства (история) формируют биографии и как личное (биография) трансформируется в деятельности и тем самым делает историю. Кое-что я уже написал, но это лишь начало... Именно речь и идет о пересечении истории и биографии (это где Миллс писал?). Работа над статьей об Огилви, которая подходит к концу, еще ближе пододвинула меня к рассуждениям на эту тему, и в методологическом плане она будет ведущей при анализе истории американской рекламы, но останется латентной.

Всего, Боря

***

todoct22

А. Алексеев — Б. Докторову. Копия: “Ближнему кругу”...

25 июля 2006 г.

Здравствуй, Борис!

У меня перед глазами твои письма от 17 и 18 июля. Сейчас нет времени на развернутое письмо, да, собственно, и нет сюжета, требующего срочного детального развертывания.

...Предзащита Каныгина происходила как-то странно. Сотрудники двух секторов, призванных обсудить диссертацию, практически все отсутствовали. Из докторов наук присутствовали Елисеева и Гилинский. Диссертацию никто не читал. По мотивам автореферата выступали Клецин, Винер, Дука, Корниенко, Гилинский, я... Большинство отмечали дефицит понимания. О том, что к “построению теорий” (социологических...) это отношения не имеет, говорили многие. Что касается компьютерного ассистирования, то это скорее лишь абстрактное теоретизирование по поводу такового. Гена к концу обсуждения как-то сник.

Тут, однако, еще то деликатное обстоятельство, что если не запустить сегодня процесс защиты, то в декабре наш специализированный Ученый совет не получит пролонгации в ВАКе. Т. е. к соображениям научным примешиваются административно-престижные. В итоге, кто что хотел по поводу “контекстно-ориентированного подхода” -- сказал, а остальное будет решаться... “в рабочем порядке”.

Я вполне согласен с твоей “квалификационной” интепретацией кандидатских защит. Что же касается докторских, то, по-моему, это все же должен быть некий научный итог, а не только заявка на будущее...

...Миллс о “точке пересечения биографии и истории общества” писал в “Социологическом воображении”. Точную ссылку см., в частности, в “Драматической социологии...”, т. 4, с. 397.

“Скупость” настоящего письма отчасти восполняю отправкр\ой очередного “свода” нашей переписки (aldoke4a).

Обнимаю! Твой Андр. Ал.

**

(После отправки этого письма, еще до получения его мною, Б. Д. звонил мне по телефону и изложил ситуацию с “Телескопом”. Я сказал, что не вижу путей сокращения материала, подготовленного мною для “Телескопа”. С другой стороны — вовсе не претендую на публикацию своего биографического интервью в 2007 г., как это предполагал Борис. И даже считаю, что после публикации частично биографического текста в историко-социологической рубрике в 2006-м — специально биографическое интервью в том же журнале и в той же рубрике, на следующий. год было бы избыточным.

Кроме того, я сообщил о подготовленном мною для “мемориальского” сборника тексте “Биография. Наука. История (к созданию коллективного автопортрета российских социологов”, который предполагаю выслать Борису. для обсуждения. Б. Д., в свою очередь, сообщил о тексте интервью, взятого у него Н. Мазлумяновой (для polit.ru, как я понял), посвященного американо-российскому проекту “Международная биографическая инициатива” (известному сайту Шалина-Докторова).

Договорились оперативно обменяться этими материалами. — А. А.),

***

Папка 1.5. Август – октябрь 2006

В том числе:

ALDOKE5

Б. Докторов — А. Алексееву (23а)

10 августа 2006 г.

Добрый день, Андрей, давно не общались. Вот кратко о том, что происходило, что происходит...

Будешь включать мое письмо в твою рассылку, пожалуйста, убери раздел 5, он только для тебя.

1.

..уже двенадцатое лето в Америке , но отдохнуть все не удается. Я уже разиваю теорию о том, что не заработал право на отдых. Из России уехал до наступления пенсионного возраста, здесь – он еще не совсем наступил. 65 лет уже исполнилось, но нужны еще семь месяцев. Это – надо дожить – в феврале. Однако, думаю, и тогда не будет возможностей для отдыха. Да, мне кажется, я уже забыл, как надо отдыхать, я,

знашь, как крестьянин, которому делать зимой нечего, но он все равно встает рано, чтобы ничего не делать....

Да и планы есть минимум на три года.

2.

В свете одного из разделов этого плана я все же в эти дни закончил статью о Дэвиде Огилви – два листа. Конечно, опять не удалось сказать все, что хотелось, но это всегда... Это уже четвертая большая по объему статья, которые (есть и еще кое-что) хотелось бы объединить в книгу по истории американской рекламы.

Иногда мне кажется, что многое уже перепахано, что основные герои книги (процесса становления рекламы) мне известны. И вдруг встречаешь имя гениального рекламиста, жизнь которого – тема для романа.

Что ты скажешь о человеке, о котором написано в разных биографических эссе?

> Elbert Hubbard believed that life was expression, and that stagnation was death. His life shows that he lived by that creed. In some ways, his life seems almost manic in productivity, activity, and change. He wrote, by most estimates, seven million words; ran a business with more than 500 employees; lectured across the United States; wrote nearly all of the copy for three monthly magazines; and had an extramarital affair and children with two women. This chronology, which will continue to be developed, shows some of the key events in the life of this remarkable man
>
> Elbert Hubbard (1856-1915) was an American philosopher and writer.
>
> Elbert Hubbard, was a philosopher, soap salesman, entrepreneur, vaudville performer, bohemian, bigamist, horseman, humorist, printer, novelist, moralist, farmer, egotist, liar, plagiarist, avid supporter of big business, avid defender of individual rights, anti-intellectual, supporter of the arts, male chauvinist, pro-feminist, and college drop-out.

Здесь, хоть занимайся просто биографиями или историей рекламы, мимо судьбы такого человека не пройдешь. И он с женой оказался на подвной лодке, которая потонула после атаки немецкой подлодки в Первую мировую войну. Я еще мало знаю о Хаббарде, но начал поиски...

3.

В свете второго из разделов плана – закончил для ближайшего «Телескопа-4» интервью с Давидом Константиновским, я тебе писал про эту работу. Эта беседа еще была начата Геннадием Батыгиным, но все не было доведено до публикации. Я нарисовал новые вопросы, и Давид на них ответил. Рад тому, что мы не забыли с ним поговорить о Шубкине, Владимир Николаевич (ему днями исполнилось 83 года) давно и тяжело болен, и мне с ним не поговорить (по электронной почте).

Здорово расписался Шляпентох. Текст закончили, буду постепенно редактировать. У него – две жизни: советская и американская. Потому текст большой, а по части эмоциональности – так ты его знаешь не хуже меня; и по Академгородку, и по Кьяэрику, и по коммуникационным штудиям.

Есть еще, как говорят, в ящике письменного стола...

Так что на месте не стою..... неужели при этом не заработал право на отдых?

4.

Теперь ближайшее – два дела. Подготовка «Телескопа-5», в котором по моему разделу запланированы два материала: твой текст и интервью со Здравомысловым.

Мои переговоры с Мишей Иллей вносят некоторые коррективы в наш план. Он не может дать на мою рубрику 4 листа, договорились лишь о трех. Здравомыслову я уже написал, сказал, что будем сокращать, хотя в нынешнем виде его текст почти три листа.

Давай и мы найдем решение для сокращения твоего текста. Может за счет того куска, который ты написал, отвечая на мои вопросы о драматической социологии?

Запланируем их ввести в наше интервью, которое пока законсервировано. Уверен, что ничего не пропадет.

5.
<…>

Как ты смотришь на мое предложение?
... вот такие мои дела,
Обнимаю, Боря

***

А. Алексеев — Б. Докторову (23). Копия — “Ближнему кругу”...

17 августа 2006 г.

Дорогой Борис!

Твой почтовый адрес <bdoktorov@inbox.ru> действительно что-то “глючит”. Твое последнее RE (вечернее 15.08) имело вид абракадабры. Только по названию (“тема”): “все нормально”, — можно было догадаться о содержании послания. Чтобы облегчить Тебе разгадку сбоя, возвращаю Тебе полученное мною, отдельным файлом (todoc23a).

Моя позиция насчет соотношения и взаимоувязки двух материалов: уже практически готового — о “драматической социологии”, и пока “сырого” и не законченного — биографического интервью, — вполне адекватно воспринята Тобой. Не отказываясь от последнего совсем (хоть меня оно пока и не удовлетворяет...), я куда бОльшее значение придаю своему “манифесту с иллюстрациями” на тему о “драматической социологии”. Его сокращать уже было бы во вред. Тем более — откладывать куда-то на год (с высокой степенью неопределенности...) принципиальную начальную часть его... За год — Бог весть что может случиться — с Ишаком, или Эмиром, или Ходжой Насреддином... Да и без этого куска нынешняя публикация оказалась бы простой перепечаткой фрагментов из четырехтомника.

В общем, хорошо, что мы друг друга поняли, и Миша И., вероятно, тоже. И в итоге — сокращения не понадобились.

Я-таки послал Тебе вдогонку за основным письмом, еще во вторник, “то, на чем мы остановились” с заготовкой для номера 5 “Телескопа” (файл todoc19a, который у Тебя, наверное, и так сохранился, несмотря на глюки почтового ящика). Там, как я уже отмечал, не хватает твоей вводки и окончательных формулировок твоих вопросов в начальной части (с учетом общей композиции и моих ответов...). Как только Ты мне пришлешь свои дополнения (исправления...), я быстро верну Тебе окончательный, так сказать, завизированный мною текст. И дальше уже можно передавать Мише в работу.

Мне было очень интересно ознакомиться с присланным Тобой твоим последним интервью Н. Мазлумяновой. (Правда, на сайте МВI я его пока не нашел, также, как и интервью Л. Козловой с Здравомысловым, Константиновским и Ядовым; или пропустил?). Оно (твое интервью — весьма удачно: минимум общих заявлений, зато фактографически насыщено и “по-журналистски” информативно.

Примечательно, что между твоим и моим текстами на эту тему, писавшимися, понятно, независимо, при естественном различии задач и стилей, нет противоречий. Все же я рассчитываю на твои замечания, для которых мой предварительный вариант

поводы, думаю, дает. Мне надо передать этот текст в НИЦ “Мемориал” не позднее 1 сентября.

Твой, такой естественный, “крик души” насчет “права на отдых” — мне вполне понятен, хоть и усматриваю в нем некоторое противоречие. Для “трудоголика” грань между трудом и отдыхом исчезает. Сам же пишешь о “кайфе” своих творческих усилий... Так что, как говорится, “грех жаловаться” — если полно творческих планов, а предыдущие успешно реализованы. Другое дело — насколько рационален способ жизни, с явным перекосом в “трудовую доминанту”. Где-то я то ли слышал, то ли сам придумал формулу о “мудрости отказа”.

Ну, ты вроде и не жалуешься, а констатируешь, да еще с юмором. Так что твой случай — не тяжелый и не требует психотерапевтического вмешательства...

Твое замечание о Шубкине дает мне повод сказать здесь, что из всех российских социологов именно его и Ядова я считаю своими главными учителями, хоть Владимир Николаевич об этом, может, и не подозревает. (Во вступлении к “Драматической социологии и социологической ауторефлексии” это так и заявлено— дословно). При том, что мы давно знакомы, и именно В. Н. 35 лет назад востребовал меня в Новосибирск, — непосредственно сотрудничать, к сожалению, практически не довелось. Его на меня влияние (и научное, и человеческое...) было как бы заочным. Ну, а дальше — см. мой ему “панегирик” в томе 4 “ДСиСА” (раздел 23.3). Дай Бог ему здоровья, которого, конечно же, в 83 года может и не хватать.

Знакома ли Тебе его книжка “Насилие и свобода. Социологические очерки” (М.: На Воробьевых, ИС РосАН: 1996)? С учетом того, что во многом автобиографична (“о времени и о себе”...), она очень была бы уместна на сайте MBI. Понятно, что не Владимира Николаевича по этому поводу напрямую беспокоить... А вдруг твои московские коллеги (Лариса, Наташа, да и сам Давид, который был первым и, может быть, главным его учеником и со-трудником) сумеют раскопать где-нибудь электронную версию (если вообще сохранилась). Если же нет — готов взять на себя обязательство: как только появится в моем распоряжении достаточно мощный компьютер и сканер (Зина мечтает приобрести, и вроде к исполнению этой мечты приближается...) — сканировать эти 266 страниц (верстка там примитивная, так что моего умения хватит...) и подарить Вашему проекту.

Вот, пока все. Обнимаю!
Андр. Ал.
16.08.2006

***

Б. Докторов — А. Алексееву (24d)

19.08.06 06:03

Андрей, вот текст твоей статьи "Биография. Наука. История...." я помню, что у тебя совсем мало времени на редактирование... желтые пометки ты найдешь. Что касается статьи для Телескопа, то тоже скоро пришлю, Боря

**

18 августа 2006 г.

Андрей, то, что ты много полезного здесь написал, это – точно. С чем и готов тебя поздравить, и за что готов тебя поблагодарить. Действительно, к примеру, твои начальные рассуждения и типах информации, о значении историографии и истории

движения науки – какжутся мне естественными, но здесь они написаны. И это важно. Нет науки вне ее истории. История науки начинается с обзоров, которые мы делаем, входя в новое направление. Нет возможности написать обзор, нечего обозревать, значит нет начала… в твоем тексте я бы многое зажелтил как важное, но вспоминаю историю, рассказанную (написанную) мне Ядовым.

Одна аспирантка принесла ему свой текст, давно это было, в котором все было подчеркнуто карандашами разного цвета. Он показал этот текст проф. Мясищеву, известному психологу и врачу. Тот сказал – вы имеете дело с больной...

У меня есть лишь два предложения общего типа. Первое, ты отделяешь параграфы звездочками. А не хочешь дать им заголовки? Ты знаешь, меня после школы никто и никогда не учил делать тектсы. Но в колледже я «брал» несколько классов по подготовке текстов. Нас учили давать внутренние заголовки. Как меня научили, так и работаю. .. Второе: ты много цитируешь письма, иногда трудно разобраться, где кончается цитата и где вновь начинается твой (авторский) текст.

Приятно было читать... жаль, что мало. Боря

***

А. Алексеев — Б. Докторову (24)

30 августа 2006 г.

Дорогой Борис!

Я не только обрадован, но и уже не впервой поражен оперативностью, с которой мой текст о “коллективном автопортрете российских социологов” оказался на сайте International Biography Initiative. В общем мы с Тобой “на ходу рвем (друг у друга...) подметки”. Мне было очень кстати твое интервью Н. Мазлумяновой “...между Россией и Америкой”, а Тебе, как видно, оказалось тоже “в масть” мое обзорно-аналитическое сочинение. В чем оба и расписались взаимными комплиментами, не говоря уж о практических шагах...

Улыбнулся я, между прочим, и виртуальному путешествию своего четырехтомника. Сначала , благодаря Роману, Валерию и Володе, его полный текст возник на сайте Киевского международного института социологии (“Ближнее зарубежье”...). Твоими и Димы молитвами появился на него американский link (“Дальнее зарубежье”...). И вот теперь твоим радением, в виде гиперссылки в твоем интервью на Полит.Ру, мой opus magnum вернулся “на родину”.

Понятно, что Интернет принципиально глобален. Но теперь уже пользователи не только украинского и американского но и популярного российского сайта могут без лишних хлопот и при минимуме предварительной осведомленности напрямую войти в пространство “Драматической социологии и социологической ауторефлексии” (если возникнет желание или интерес...).

Но есть в вашей с Д. Ш. инициативе по вывешиванию моего обзора и принципиально инновационный, пионерский (для IBI...) момент, создающий, думаю, важный прецедент. Это море гиперссылок, которые Вами раньше (внутри отдельных текстов...) практически не применялись (почти не применялись...). Тем самым, в частности, эта моя работа обрела дополнительную функцию также и своего путеводителя по сайту.

Нельзя ли распространить эту практику и хотя бы на некоторые другие тексты? (На все имеющиеся, понимаю, было бы трудоемко...). Мое пожелание, к сожалению, не опирается на соответствующие технические познания и умения. Но то, как лихо Ты оснастил гиперссылками мой последний текст, вселяет надежду.

Это не только мое наблюдение и пожелание... Вот, например, Роман Ленчовский мне пишет (в привычной ему терминологии и логике книжного научного аппарата...):

> "...Не только текст «Парыгин» надо бы снабдить «пересекающимися» отсылками (как Ты предлагал).
>
> В «МБИ» целесообразен был бы био-библиографический указатель ... (как минимум, именной указатель, с выделением отсылок на авторские тексты и отсылок на упоминания). – Это предложение читательское Тебе как консультанту. Проблема, конечно, в том, кто будет делать. М.б. у Д.Шалина или Бориса есть студенты-практиканты... Но американцы не знают языка, а наши – что такое волонтёрство..."

Ну, понятно, я и без гиперссылок замечаю в сайте все изменения и пополнения. Очень порадовался появлению в нем новых персоналий, особенно — Эльмара Соколова и Леонида Гордона. Я еще не успел внимательно изучить эти страницы сайта, но само по себе их появление представляется очень важным.

Последние пополнения в разных разделах сайта как бы иллюстрируют разные возможные направления развития.

Во-первых, новые биографические и т. п. материалы о российских (надеюсь, с расширением по крайней мере на Ближнее зарубежье...) социологов. Здесь происходит уже не "взрывной", но уверенный эволюционный прирост.

(Кстати, а почему бы не привлечь для сравнения, а может — и для просвещения... также и биографические материалы о социологах других стран, вроде твоих "отцов-основателей" изучения общественного мнения и т. д.? Достаточно "расширительное" название — Международная биографическая инициатива — пускай и подразумевается преимущественно история российской социологии, этого, во всяком случае, "не запрещает"...).

Во-вторых, выход за пределы "сугубо социологического" круга (имея в виду персоналии...). Вот С. Л. Рубинштейн, драматичные эпизоды из профессиональной биографии которого так удачно "легли" на Ваш сайт. Ведь не социолог же он! Ну и что? И хорошо! Не будем так уж изолировать социологию от философии, психологии, этнологии, культурологии, да вообще — любых общественно-гуманитарных дисциплин.

В-третьих, развитие междисциплинарности — в плане источников и подходов... Ю. Беспалова очень справедливо замечает, что "...биографический метод — одновременно исторический, генетический, психологический, антропологический, герменевтический, социологический и культурологический". Привлечением материалов из "Журнального зала" и других не специфически социологических источников, Вы все более (и правильно!..) выходите за узко-профессиональные (социологические) рамки.

Коль скоро я вспомнил "Рубинштейна", выскажу резкое критическое (пусть "технического" плана...) замечание. Нельзя помещать на сайте что бы то ни было, без библиографической ссылки — откуда взято (если, конечно, это не специально для сайта подготовлено...). С текстом о Рубинштейне, а также с текстами Логиновой (кажется...), и еще — одним из текстов А. Эткинда, — и совсем нелепо: там обозначены страницы используемого Вами источника, а самой библиографической ссылки нет!

Кстати и ссылки на годы и номера "Социологического журнала", откуда взяты многие биографические интервью, так до сих пор и отсутствуют! Я уж эти ссылки и в свой обзор нарочно ввел, чтобы как-то компенсировать допущенную руководителями проекта неловкость.

Далее. Понимаю, что уж невосполнимы сейчас даты помещения на сайт ранее помещенных туда материалов... Но, может быть, на будущее все же датировать "новые поступления" на сайт IBI? Кажется, я это уже предлагал, в каком-то из ранних писем.

“Поворчав”, вернусь к приветствиям.. В частности, мне показался основательным и добротным текст Ю. Бессоновой, которая — в теоретико-методологическом плане — в общем продолжает научную линию покойной Наталии Никитичны Козловой, которую я очень чту.

(Кстати, я не знал о существовании мемориальной работы о Н. Козловой, на которую ссылается Ю. Б.: Захаров А. Н.Н. Козлова: тема жизни (социальная антропология и творческий путь исследователя)/ Интеллигенция в обществе риска. М.: РГГУ, 2003. С.508-519. Судя по названию, этот текст был бы очень уместен на сайте МБИ. Вообще же, хорошо, кабы удалось представить на сайте и основные собственные работы Н. Козловой, также указанные в библиографии Ю. Б. Некоторые извлечения из ее трудов см. в “Драматической социологии...”, том 4, раздел 23.10).

Что касается биографики, как научного направления или даже особой научной отрасли, то концептуально-терминологические прецеденты есть не только у смоленского исследователя Г. Сильницкого (о котором узнаю впервые...). Здесь стоило бы указать также на киевского философа А. Валевского, автора интересной книги “Основания биографики” (1993).

(Опять воспользуюсь своей “Драматической социологией...” в качестве хрестоматии: см. там извлечения из книги Валевского в томе 3, раздел 0.4)

Ну, не буду сейчас, за недостатком времени, “заводиться” на содержательные темы...

Теперь — еще одно организационное предложение по пополнению сайта. Мне уже приходилось писать про ежегодные Чтения памяти Вениамина. Иофе, организуемые Научно-информационным центром “Мемориал” (СПб), при участии Центра независимых социальных исследований и Европейского университета в СПб.

Вот темы этих Чтений:

> Апрель 2003. Право на имя. Биографии XX века: Биографический метод в социальных и исторических науках.
>
> Апрель 2004. Право на имя: Биография как парадигма исторического процесса.
>
> Апрель 2005. Право на имя: Биография вне шаблона.
>
> Апрель 2005. Право на имя. Биографика 20-го века: Методология составления и изучения биографии.

Каждый год к открытию очередных Чтений издается сборник материалов предыдущих, тиражом 500 экз.

Чтения теперь стали не только общероссийскими, но и международными. Пожалуй, другого, столь же стабильного общественного центра притяжения и “форума” биографических исследований в России нет. (См. в конце “приложений” к этому письму оглавления трех вышедших сборников. Кстати, публикация моего текста о “коллективном автопортрете российских социологов” предполагается в четвертом).

Я бы посоветовал поместить материалы уже имеющихся трех сборников на Вашем сайте. Можно связаться с НИЦ “Мемориал” (СПб) непосредственно. Проще всего по адресу: <…> Татьяна Косинова — одна из организаторов этих чтений.

Или — можешь “поручить” все переговоры на этот счет мне. Я теперь с ними в очень тесном контакте, в частности, ввиду происходящего как раз в настоящее время перемещения в “Мемориал” (на ул. Рубинштейна, 23), известного Тебе “алексеевского архива”. Надеюсь, у них сохранились электронные версии этих ”историко-биографических” сборников.

Есть и еще несколько “идей”... Но уж отложу до другого раза.

Твой Андр. Ал.
31.08.2006

***

Б. Докторов – А. Алексееву (25d)

Среда, 30 августа 2006 г.

Андрей, спешу написать это письмо к твоему четвергу...

1.

Я написал третьего дня Илле по поводу содержания моей рубрики в ближайшем «Телескопе»-5: твоя статья (2 листа) и интервью со Здравомысловым (1.5 листа). Тем самым я обозначил для него и для себя начало работы ... Мое интервью со Здравомысловым (2 листа) появится в ближайшем выпуске «Социологического журнала»; когда это будет, трудно сказать, видать – осенью. Я с Андреем договорился о том, что текст в «Телескопе» будет лишь частично повторять текст в «СЖ», так что с ним мы фактически начинаем новый тур интервью. Вопросы я готовлю неслабые, так что поработь ему придется...но он работяга.

2.

У нас тобою осталась самая малость, я напишу «врезу» и оформлю вопросы к первому разделу по «драматической социологии»... думаю, в начале следующей недели я все сделаю... Ты продолжаешь появляться на работе по четвергам? Или какой-то новый режим?

3.

У нас сегодня получился ударный день, после поисков и подготовки текстов Дима сегодня разместил кучу материалов:

* Юлия Беспалова Биографические исследования в социологии культуры http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/bespalova_bio_studies.html

* Мелвин Кон Проведение социального исследования в условиях радикальных социальных изменений: биография осуществляемого исследовательского проекта (английский текст был вывешен давно)

http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/kohn_doing.pdf

а перевод, сделанный Валерием Хмелько, с сегодня http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/kohn_doing_transl.html

* Елена Мирская Российские академические ученые в зеркале социологии науки http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/mirskaya_rus_scholars.html

* Павел Романов В границах памяти: провинциальная идентичность в устных историях http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/romanov_id.html

Про Ю. Беспалову (Тюмень) я тебе кратко писал, это тот случай, когда мне искренне жаль талантливого человека, на которого навешено в прошлом году руководство социологической кафедрой. Она обещала прислать еще ряд материалов...

С П. Романовым (Саратов) я познакомился недавно в сети, он много и успешно работает в разных областях социологии. Днями вывесим этот же текст на английском языке.

4.

Не знаю, видел ли ты подборку «На перекрестке истории и автобиографии» http://magazines.russ.ru/znamia/2000/2/konf.html... посмотри. Это журнал «Знамя»

5.

Знаешь ли ты И.Ф.Петровскую? У нее есть книга «Биографика», недавно Дима где-то в сети раскопал ссылку на эту книгу. Я начал смотреть, кто такая Петровская, оказалось – сотрудница того театрального института (исследовательского), в котором работал Виталий Дмитриевский. Директорствует там сейчас наша старая знакомая Татьяна Клявина, я написал ей вчера на Институт, но электронный адрес старый.. если тебе не трудно, позвони Юре Барбою, может он знает что про Петровскую..

6.

Не мог бы ты побеседовать с оргкомитетом конференции памяти В. В. Иофе "Право на имя. Биографика XX века: Методология составления и изучения биографий"? Может у них еще что есть для нас? Кто такой В.В.Иофе? Что это за конференция?

Ну вот, если коротко, то все.. сам я начал писать новую статью из серии по истории американской рекламы. Раньше было писать легче, теперь после прочтения горы статей биографической направленности, тяжко...

За многие годы учебы (школа+университет+аспирантура, все подряд) и преподавания (по-моему, 18 лет) я привык смотреть на 1-ое сентября как на день нового года (живу по до-петровскому календарю).... Мы долгие годы отмечали этот день... С наступающим новым годом, тебя,

Пока, Боря

***

Б. Докторов — А. Алексееву (25h)

4 сентября 2006 г.

Андрей, пока отвечу на твое письмо от 30 августа, попозже перейду к твоей статье. Более длинный маршрут предстоит пройти по подготовке интервью Здравомыслова, потому с ним начал движение чуть раньше.

1.

На этой неделе на сайте ввели два раздела: «In Memoriam» и «Tributes», так будет точнее, логичнее.. Добавили памятные материалы о Наташе Паниной и Галине Старовойтовой. Как-то мы забыли раньше разместить материалы о Галине... У меня есть и текст Вали Узуновой о Гиренко.. отредактирую и вывесим... Кроме текстов о Паниной, написанных Головахой и Паниотто, есть и полный список работ Наташи... Я отправил письма тем, кто мог бы помочь с листами публикаций Батыгина, Голофаста и Старовойтовой... про Гиренко я тоже не забуду..

2.

* ..ну конечно, мне хотелось бы всюду ставить много гиперссылок, но физически нет времени..

* разместили еще один материал Беспаловой «Судьба человека в контексте социологии культуры». Будет время – глянь.

* По цепочке Кесельман-Барбой я нашел Ф.И. Петровскую, говорил с нею сегодня по телефону, она обещала прислать мне «Биографику»...

* Наташа Мазлумянова нашла в Интернете гору материалов... будем изучать, что ставить, что нет...

Потому и не справляюсь с гиперссылками.

3.

Только что мне написал Миша Илле о выходе «Телескопа»-4, там интервью с Константиновским (оно было начато Батыгиным и кончено – мною; видимо, это интервью уже можно внести в твою статью для сборника конференции памяти Иофе) и моя статья об Огилви. Статья – два листа, но опять не смог нарисовать всего, что хотелось. Пока я не читал методологию биографического метода и писал, как хотел, было легко... теперь я кое-что знаю о биографическом методе, и это все – как гири на ногах... вот уж точно, меньше знаешь, легче пишешь (чукча не читатель, чукча - писатель).

4.

Сейчас начинаю новую статью из серии по истории рекламы, так вот хочу сказать в ней, пусть мимоходом о том, что работа над биографией кого-либо это форма общения биографирующего и биографируемого (оба, по известному фильму, пьют до дна...).

Раньше я это смутно понимал, но теперь – более четко... и вижу, что с одними у меня легкое общение, с другими тяжелое... что-то приходится преодолевать.. Интересно, а если бы мне пришлось общаться с этими людьми в реальной жизни, общение с ними складывалось таким же образом?

Боря

***

А. Алексеев — Б. Докторову (25)

6 сентября 2006 г.

Дорогой Борис!

Отвечаю сразу на 2 твоих письма — от 30 августа и от 4 сентября.

= 4-й номер “Телескопа” уже видел. Интервью с Д. Константиновским, мне кажется, вполне удалось. Твоего “Огилви” еще не успел прочитать. Твой график доработки материалов к номеру 5 принимаю к сведению. Пришли наш текст сначала мне, а уж после моей вычитки — Мише. Хорошо? Обещаю собственную сверхоперативность.

= Мой режим на работе: вторник и четверг — обязательно. Хотя по обстоятельствам, связанным с нынешним перебазированием Архива, бываю там гораздо чаще, случается — и по выходным.

= Я открываю Ваш сайт каждый раз, как оказываюсь у компьютера. Все новации сразу замечаю (спасибо, впрочем, что и Ты о них периодически сообщаешь). Вот только не все успеваю сразу “заглотить”. На очереди у меня сейчас мемуары Эльмара и подборка из “Знамени”. А также — новый материал Ю. Беспаловой. Очень хорошо, что появились материалы памяти Натальи Паниной.

Надо будет вникнуть и оценить возможности сайта “Биография.ру” (кажется...) к которому Вы удачно подключились. Похоже, эти возможности довольно велики...

А “20 автобиографий американских социологов” — как раз подкрепляют мое Тебе предложение разместить на сайте и твои собственные биографические материалы об американских исследователях общественного мнения и рекламистах.

= Ты добрался до Юры Барбоя быстрее меня... Вообще, давно собираюсь связаться с ним. Несколько лет не виделись. И даже книжку свою еще не удосужился ему подарить. УжО!..

= Возникновение новых рубрик, особенно “In Memoriam”, всячески приветствую. Вообще, структура сайта IBI достаточно прозрачна, хоть возможны и дальнейшие усовершенствования. Сейчас нет времени на соответствующие соображения и предложения.

= А цейтнот мой — в связи с упоминавшимся трудоемким перемещением Архива в специально купленное для этой цели (по гранту Фонда Форда...) дополнительное помещение НИЦ “Мемориал”. Отсюда — телеграфный стиль настоящего письма. Впрочем, от заведенной мною практики “приложений” отступать себе не позволяю.

= У нас с Тобой уже не первый раз возникает “телепатическая” перекличка... Я Тебе “рекламирую” в своем письме сборники Чтений памяти В. Иофе. А ты, еще не получив это письмо, просишь меня связаться на эту тему с оргкомитетом Чтений и т. п...

О Вениамине Иофе (1938-2002), человеке замечательном — бывшем политзаключенном, правозащитнике, историке, создателе НИЦ “Мемориал” (ныне возглавляемого его вдовой Ириной Флиге), можно рассказывать много. Сейчас просто не успеваю.

...Похоже, что не все мемориальские историко-биографические сборники сохранились в электронных версиях. Для окончательного прояснения ситуации жду возвращения Ирины Флиге из командировки.

= “Меньше знаешь — легче пишешь”. Вот уж справедливо замечено. Не Тобою первым, но формулировка — свежа!

= Ты отметил мой призыв к гиперссылкам и т. п. Понятно, что невозможно все успеть... Может быть, поэтому Ты как бы проигнорировал мой “бестактный” упрек, который здесь воспроизведу из предыдущего письма:

> “...Коль скоро я вспомнил “Рубинштейна”, выскажу резкое критическое (пусть “технического” плана...) замечание. Нельзя помещать на сайте что бы то ни было, без библиографической ссылки — откуда взято (если, конечно, это не специально для сайта подготовлено...). С текстом о Рубинштейне, а также с текстами Логиновой (кажется...), и еще — одним из текстов А. Эткинда, — и совсем нелепо: там обозначены страницы используемого Вами источника, а самой библиографической ссылки нет!
>
> Кстати и ссылки на годы и номера “Социологического журнала”, откуда взяты многие биографические интервью, так до сих пор и отсутствуют! Я уж эти ссылки и в свой обзор нарочно ввел, чтобы как-то компенсировать допущенную руководителями проекта неловкость.
>
> Далее. Понимаю, что уж невосполнимы сейчас даты помещения на сайт ранее помещенных туда материалов... Но, может быть, на будущее все же датировать “новые поступления” на сайт IBI? Кажется, я это уже предлагал, в каком-то из ранних писем...”

Я не претендую, на немедленный учет этого замечания. Но мне интересно твое отношение к нему.

= Может, я что-то путаю, но, мне кажется, на страничке, посвященной Лене Гордону, было несколько воспоминаний о нем, разных лиц. А сейчас — только текст Шляпентоха, да еще без вводки, без даты... Почему?

= Не попадался ли Тебе на глаза в рубрике “Передовая наука” Полит.Ру (от 3 сентября) текст Ревекки Фрумкиной “Патография и биография”? Хоть сюжет вроде и

периферийный для IBI, однако весьма интересен, и Р. Ф. у вас уже не раз была представлена...

= Спасибо за “новогоднее” поздравление! “Петровский календарь”, пожалуй, стоит возродить — не официально, а в дружеских отношениях. Удачи — в новой статье по истории рекламы!

На этом пока кончаю.
Твой Андр. Ал.
6.09.2006

***

Б. Докторов — А. Алексееву (26a)

12.09.06 20:47

Андрей, я написал короткий текст от ведущего рубрики и оформил мои вопросы в первой части текста. Посмотри... Миша уже ждет.. после получения твоей реакции вышлю Мише...да, подумай вместе с Мишей о фото, ты знаешь, в моей рубрике всегда есть место фотографии.. Боря

***

Б. Докторов — А. Алексееву (26e)

14.09.06 21:07

Андрей, все принимаю, прочел "Вместо заключения". Текст высылаю Мише Илле, пожалуйста, подумай с ним о фото... на твое усмотрение.. можешь - известную - в кепочке, можно иное...Очень рад, что что-то сделали... гуляем дальше.. Левинсон давно на сайте (одновременно с Дубиным и Гудковым)... материал Шереги действительно новый (есть еше, нет времени подготовить к сайту), и Щедровицкий… появилась и третья статья Беспаловой о значении имени...

Андрей, мы будем публиковать листы публикаций наших авторов.. пожалуйста, приготовь и вышли мне твой материал... Форма - свободная, но без нумерации... с нумерацией Диме сложно размещать на сайте... посмотри, как у нас оформлено то, что уже вывешено... про мою текущую работу - приложено. Боря

***

Б. Докторов — А. Алексееву (26f)

14 сентября 2006 г.

Андрей, я недавно писал тебе, что биографические исследования часто выходят из под контроля автора, и заставляют его делать телодвижения, которые он не задумывал... это знаешь, как забежишь к приятелю на пару минут, а просидишь с ним полночи... вот иллюстрация...

4 сентября умер один из современных классиков в области изучения общественного мнения Уоррен Митофски (ему был 71 год), он изобрел exit poll. Естественно, я знал о его работе, но свое открытие он сделал в конце 60-х, оно находилось за рамками моих книг, потому не писал о нем.. Но я так давно занимаюсь

всей этой материей, что почувствовал, что в этой ситуации я должен написать о Митковски.

Но Митковски – не только автор exit poll, он создал современную технологию проведения телефонных опросов, при которой выборка генерируется по специальной случайной процедуре... а математическое обоснование этой выборки было сделано в конце 70-х Джозефом Ваксбергом, который – мне было известно – умер в январе этого года, ему был 91 год. Писать о Митковски и ничего не сказать о Ваксберге нельзя... нарушается естественность в изложении, но это полбеды, нет внутренней гармонии... метод-то носит имя «Митовски-Ваксберга»...так появилось желание написать о них обоих...

Анализируя материалы, которые у меня были, и новые – прежде всего некрологи и воспоминания о Митковски и Ваксберге, мне захотелось написать более широко – о пионерах опросов, умерших в последние несколько лет.. о всех не получится, да сразу и не надо...

Только не думай, что это задумывается один большой памятник на братской могиле или пять небольших монументов... ради этого я и не писал бы.. Это нормальная историко-биографическая работа. Оптимистическая.

К названным выше мне показалось интересным добавить еще троих: Джо Бэлдена (90 лет), о нем я все же написал во второй книге, Барнса Роупера – сына Элмо Роупера (77 лет), и Пола Перри (95 лет), долгие годы работавшего с Гэллапом и отвечавшего за электоральные прогнозы... о нем я не писал ничего...

Решение это я сразу преобразовал в план действий и начал писать статью... прошло восемь дней с момента, когда возникло предчувствие того, что мимо нельзя пройти, а на сегодня написано более 33000 знаков о Перри, Бэлдене, Ваксберге и Роупере-сыне. Собран большой материал о Митковски... всякие текущие дела не дают сосредоточиться на этой теме, а то мог уже написать и много более листа..

...тема трудная, внешне – судьбы разные, в главном – они сходятся, переплетаются, дополняют друг друга.... каждым сделано немало, но ими вместе (и еще рядом подобного уровня специалистов) фактически определено лицо практики изучения опросов конца 20 века.

..я понимаю, что опережаю события, через десять лет писать о них будет легче, появится больше мемуаров, что-то будет обнаружено в архивах... но ждать не могу.. я чувствую, что задуманое должно быть сделано..

С дружескими чувствами, Боря

***

Б. Докторов — А. Алексееву (26h)

Дата: 14.09.06 21:31
От кого: Boris Doktorov <bdoktorov@inbox.ru>
Кому: <alexeev34@yandex.ru>
Тема: Re: Проверка связи

Этот текст я отправил Илле. Б.

Telescope04Final.DOC
(Этот текст практически совпадает с приведенным выше — telesc03. — А. А.)

***

А. Алексеев — Б. Докторову (26i)

Дата: 14.09.06 21:33

От кого: alexeev34 <alexeev34@yandex.ru>
Кому: <bdoktorov@inbox.ru>
Тема: проверка связи2

Борис! Все в порядке. Без проблем. А.А. 14.09.2006. 21-30 (М)

***

Б. Докторов — А. Алексееву (26j)

Дата:14.09.06 21:34
От кого: Boris Doktorov <bdoktorov@inbox.ru>
Кому: <alexeev34@yandex.ru>
Тема: Re: проверка связи2

Отправил тебе финальный текст. Боря

***

А. Алексеев — Б. Докторову (26)

18 сентября 2006 г.

Дорогой Борис!

Хочу еще раз поблагодарить Тебя за инициативу и четкость в работе над текстом для "Телескопа" № 5. "Для памяти" я включил наш окончательный текст в свои "приложения" к настоящему письму. Вариант для сайта IBI я приуготовил, насколько понимаю интернетовский формат. Его отправляю одновременно с этим письмом.

Мишу Илле пока не видел. Я не уверен, что в данной публикации необходимо фото. Хоть рубрика и твоя, но это все же не биографическое интервью... Впрочем, как скажете...

За это время успел освоить мемуары Эльмара Соколова, форум из "Знамени", последние интервью с Ядовым и Здравомысловым, взятые Л. Козловой для Полит.ру, тексты Ю. Беспаловой. Много интересного по нашей теме в "Журнальном зале"...

С большим интересом прочитал в твоем последнем письме о твоих новых историко-биографических открытиях и замыслах. Имена американских (мировых...) классиков все для меня ранее не знакомые... Но ты — в своем замечательном амплуа МЕДИАТОРА. И твоя энергетика (духоподъемность...) поражает!

Я по-прежнему в цейтноте в связи с перемещением "алексеевского архива". Между прочим, среди прочего в НИЦ "Мемориал" поедет и когда-то подаренная Тобой в научный архив СПбФ ИС РАН коллекция социологических анкет. Судьба этого последнего архива печальна. (Уж лучше расскажу при встрече...). Но две твоих толстенных зеленых папки, по счастью, уцелели. Почти чудом...

Пока все!
Твой Андр. Ал.
19.09.2006

***

Б. Докторов – А. Алексееву

26 сентября 2006 г.

Андрей, мне кажется, что в среду ты будешь на работе. Защита Маши *(М. Мацкевич. – А. А.)* – достойный повод.

1.

Надеюсь, с фото для статьи в Телескоп ты разобрался... это не проблема.

На сайте из новинок: статья Димы Травина (удавшаяся) http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Tributes/travin_alekseev.html , материал Вали Узуновой памяти Гиренко http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Tributes/travin_alekseev.html

Еще что-то... на месте не стоим... днями расположим еще кое-что интересное, новое...

2.

Теперь о нашем диалоге. Ты будешь удивляться, но сначала удивился я: в воскресенье я собрал в одну «книгу» материлы моих интервью, приложил статью о Грушине и материалы о Капелюше и получилося 1,100,000 знаков. Это уже нетонкая книжка. Если добавить туда то, что уже завершено (почти), но не опубликовано (интервью), то это еще немало, думаю около 10 листов. Все это указывает на то, что «полевая» фаза моего проекта движется к завершению. Есть еще два-три человека, с которыми я веду переговоры об интервью, а больше расширять список не буду. Причин много.

Но я полагаю, что для книги, которую я буду делать, опять руку помощи протягивает Франц Шереги, мы должны закончить наше интервью. В какой форме, жанре... давай решать, но пока 2,5 листа (100,000 знаков) я для тебя резервирую.

Если все будет развиваться нормально, то в феврале-марте я закончу работу над рукописью, с редактором буду работать параллельно с доделкой рукописи... ведь все тексты уже многократно читались и перечитывались...

Но еще надо писать вводную аналитику, листа на два.. не более.. итак книга получается гигантских размеров..

3.

Кое-что из нашей работы над интервью забылось мною во время подготовки текста для «Телескопа», но, порывшись в архиве, я кое-что восстановил.. Пожалуйста посмотри... Я уже набрал на 91000 знаков, кое-что там, очевидно, можно отрезать, но все же значительная часть текста уже есть.

Я высылаю тебе далеко не все, что ты мне написал в момент работы над интервью, но, во-первых, у тебя все это есть, во-вторых, определенные куски я позже могу дослать, в-третьих, у меня в запасе есть вопросы, которые я тебе еще не задавал...

4.

Думаю, что опыт нашей совместной работы поможет нам и сейчас... в книге должно быть интервью с тобою.

..надо, Федя, надо...

Боря

***

<…>

Б. Докторов – А. Алексееву 26 сентября 2006 г.

Материалы к интервью с А. Алексеевым
вторник, 26 сентября 2006 г.

1. НАБРОСОК ИНТЕРВЬЮ
2. ПОЗНАНИЕ ЧЕРЕЗ ДЕЙСТВИЕ

<…> (Здесь опущен присланный Б. Докторовыс упорядоченный свод материалов к интервью с А. Алексеевым.

Пункт 1 см. ниже, в части 2 настоящей рабьоты: А. Н. Алексеев: «Рыба ищет где глубже, а человек – где не так мелко…» (фрагмент биографического интервью).

. Пункт 2 см. выше, а также ниже, в части 2 настоящей работы: вступительная часть статьи «Познание через действие (Так что же такое «драматическая социология»?)».

Автобиографическое интервью тогда так и осталось в набросках. Его фрагмент опубликован в книге А. Алексеева и Р. Ленчовского «Профессия – социолог…» (2010). – А. А. Январь 2011)

***

А. Алексеев — Б. Докторову (27)

1 октября 2006

Дорогой Борис!

Защита Маши Мацкевич произошла блестяще. Сама Маша держалась великолепно. Очень хорош был оппонент Фирсов. Был один черный шар. Думаю, он принадлежал Голоду. Ну, все это Ты и без меня знаешь.

...Прости, что обременяю Тебя многочисленными приложениями к своему письму, включая материалы, присланные Тобою же. Просто, мне так легче сохранять их, проще потом разбираться...

...Фото Мише я отдал. То самое, которое на обложке 4-х томника, а также в газете “Дело” (вариант — улыбающийся...). Это фото — 1992 г., но субъект узнаваем. Да и облик более или менее синхронизирован с описываемыми событиями. А современных собственных фото — не люблю. (Конечно, неча пенять не зеркало...)

...Мои (и про меня...) “блины” попадают на сайт IBI, не успев остынуть. Я имею в виду и “Познание через действие...” и травинского “Шестидесятника...”. Не заслужить бы мне упрека в “злоупотреблении общественным положением” консультанта по биографическим методам...

Что касается “Зоны свободы...” в “Деле” от 25.09.2006, то воспроизведу здесь собственный отклик на нее из последнего письма Роману Ленчовскому:

> “...Возможно, Ты уже заметил в почте от Л. К. или на сайте Докторова-Шалина совершенно неожиданно для меня появившийся в газете “Дело” (наверное, лучшая питерская газета; аналитический еженедельник...) очерк Дмитрия Травина о моей персоне. Д. Т., к которому я отношусь с большим уважением и симпатией, в свое время получил от меня в подарок первые 2, потом вторые 2 тома “ДС и СА”. И вот, оказывается, прочитал (просмотрел достаточно

внимательно...), так что сложил свою (неоднозначную...) версию, кою и опубликовал в своей газете.

Других источников, кроме 4-х томника у Димы, полагаю, не было. На эти темы мы никогда.не беседовали. И фото (то самое, которое на обороте обложки...) откуда-то добыли...

...Не только текста я не видел заранее, но и о готовящейся публикации не был предупрежден. Оно, наверное, и хорошо...

В рубрике "Шестидесятники" фигурировали очень разные люди (насколько помню, от героев до проходимцев...). Так что и такую разновидность, как я, можно было отобразить. Написано, надо сказать, аккуратно: не ода, и не фельетон... Так что неловкости при чтении мне испытать не пришлось. За что — Диме спасибо! Ну и ладно.

Еще замечу только, что чем больше "версий", тем загадочнее предстает (мне самому...) собственная фигура. Личность (всякая!...) ,как электрон (скрытую цитату уловил?), неисчерпаема..."

...Спасибо за высланную Тобой сводку заготовок нашего не законченного интервью. У меня тоже сохранились эти материалы, но я беру за основу твой свод. 2,5 авт. листа (100000 знаков...) — это, конечно же, вполне достаточно. Ты щедр! Я почту за честь войти в твой проект "эксклюзивным" текстом, нигде до этого не печатавшимся. Ибо в "Телескопе" я свой "лимит" уже выбрал... А в другие журналы в данном случае не стремлюсь. Намеченные Тобой сокращения вполне уместны, но я специально всем этим займусь в ближайшие недели, с учетом заданных тобой жанровых и пространственных рамок. Вот только временнЫе Ты мне еще обозначь...

Но в любом случае — 80-90 процентов работы (хотя бы по объему...) уже сделано. Там есть удачные пассажи, хотя чистить и редактировать еще надо изрядно... И со структурой я, пожалуй, выкобениваться не стану. В конце концов, структуру беседы задает Интервьюер.

Хорошо, что ты включил сюда и страницы про "драматическую социологию". Впрочем, они изначально для этого контекста предназначались...

Вопросы, которые Ты еще намерен задать, — досылай!. На все имевшиеся — я, в первом приближении, кажется, уже отвечал.

Пока на этом кончаю.
Андр. Ал.
1.10.2006 (воскресенье)

***

Б. Докторов – А Алексееву

3.10.2006

Андрей, спасибо за понимание, т.е. согласие довести до конца наше интервью. Я с тобою согласен, основная часть работы сделана, и грех - ее не доделать. По времени: я планирую собрать весть текст книги к концу года. Торопить не буду, но к концу ноября хотелось бы завершить нашу работу. Сделаем раньше - прекрасно. Дополнительные вопросы я в ближайшее время дошлю.

Кроме работы над интервью я хотел бы прость тебя посмотреть набросок, лучше сказать план вводной (или заключительной) главы в той книге, в которой будут собранные мною интервью. Я начал над ним работать и первым делом отправил Ядову. Это было два дня назад, он прислал ответ, но что-то почта подвела, и я не смог его

прочесть. Просил повторить. С учетом его мнения и замечаний я текст доработаю и при твоем согласии мог бы переслать тебе.

Не мог бы ты позвонить Юре Щеголеву и узнать, как движется его работа? А то он думает, что мне уже не надо.. очень даже надо.

Дорогу осилит идущий, Боря

(Продолжение следует. Но уже за пределами данной эпистолярной хроники. Андр. Ал. 9.01.2011).

***

Б. Докторов – А. Алексееву

22 ноября 2006 г.

Андрей, этот месяц пролетел вмиг, я даже не заметил... масса дел, в том числе – оформление пенсии (черта для родившихся в 1941 году - 65 лет и 8 месяцев), всякие домашние заморочки, подготовка к Москве-Тюмени, наконец, смерть Ю.А. Левады и работа над материалом для Телескопа. Количество написанных за это время писем зашкалило: только обращения к тем, от кого я мог получить слова памяти, отняли много сил... но я рад, что получил материалы от Лапина, Здравомыслова, Ядова, Шляпентоха, Паниотто.. я не обращался в эти дни к Левинсону-Дубину-Гудкову, так как понимал – не до меня... Будет возможность, встречусь с кем-либо в Москве.

Безусловно, Левада – человек, о котором надо писать серьезно, о судьбе которого надо думать... будут силы и кураж, может к осени что-либо и напишу о нем, правда у меня пока нет многих его статейных публикаций.. Вообще с близкого расстояния писать трудно, многих заденешь.. Знаешь, у меня уже сейчас есть наблюдения, возникшие при электронных и телефонных беседах с моими респондентами, которые невозможно положить на бумагу,... мир отношений в нашем цехе (в любом цехе) – очень непрост.. Я благодарен всем, кто делится со мною наболевшим, но мне уже делиться нельзя. Я, Андрей, крайний, как рэбэ или батюшка... и буду стараться не расплескаться...

Очень прошу тебя не откладывать завершение интервью... после Тюмени и Рождества я собираюсь форсировать работу над книгой... уже есть договоренность с редактором, все, как говорит Леня, «с горки». Но и этот пусть сложен...

В Тюмени я запланировал одну лекцию по материалам интервью, делаю это специально, чтобы немного привести мысли в порядок...

... мне все время хочется смотреть с одной точки обзора на *все* биографии, которые я написал или которые получил в ходе интервью... неделю назад я отправил Мише Илле статью о двух пионерах американской рекламы второй половины 19 века (именно 19).. писал о них, но думал о нас..

...вскоре на нашем сайте будет опубликовано интервью Димыс Голофастом и Саганенко (он последние недели все расшифровывал магнитофоную запись): удивительно, «мурашки по телу»... слышны интонации Галины и Валерия, чувствуешь характеры... я только что прочел – не могу отделаться от ощущения присутствия...

Ладно, желаю тебе всего хорошего, Боря

Приложение

Ю. А. Левада. 9-й день

23.11.2006

А. Левинсону, Б. Дубину, Л. Гудкову,
а также всем сотрудникам «Левада-Центра»

Дорогие Алексей, Борис, Лев!

Вот, скоро 9 дней, как ушел от нас Юрий Александрович Левада. Его Образ, Дело, Коллектив (увы, все ? на расстоянии...) последнее десятилетие ассоциировались для меня с Вами. И лишний раз убедился в справедливости такого восприятия, прочитав распечатку передачи «Эха Москвы» 21 ноября.

Спасибо за силу, глубину и точность слов каждого из Вас и на ?Эхе¦, и в других посвященных памяти Ю. А. Левады текстах.

Я не имел, как Вы, счастья многолетнего и повседневного общения с Юрием Александровичем; школа Левады была для меня заочной (или, скажем так, я остал-ся ее «абитуриентом»). Но оттого не стала эта школа для меня менее значимой. Ду-маю, так могут сказать сотни моих и Ваших коллег, пусть поднятая Юрием Левадой профессиональная, общественная и моральная планка и остается для нас недости-жимой. Но важно, что планка эта существует. Причем, ее синтетичность уникальна.

Отрадно, что масштаб личности, научный и гражданственный подвиг Левады имеют шанс теперь не остаться не осмысленными идущими вслед поколениями, хоть, к сожалению, пока еще и не так широко востребовано все, что им сделано (особенно ? в теоретической социологии).

...А пишу я эти строки не только ради заявления, что разделяю с Вами горечь Утраты. А чтобы хотя бы словесно выразить солидарность с теми, кто трудится сегодня в «Левада-центре». Кто пришел туда, вслед за Левадой, в 2003-м году (80 чел. из 81, как только что узнал, заявили тогда свою человеческую и гражданскую позицию не словом, а Поступком, личной судьбой (вот где фантастика наших дней!) или пришел позже...

Тогда довелось пережить трудное время -- ВМЕСТЕ с Юрием Александрови-чем; теперь предстоит, пожалуй, еще более трудное ? БЕЗ него. Я верю, что Вы ? выдюжите.

Альберт Швейцер (едва ли не первая публикация о котором у нас в 60-х гг. принадлежит, кстати, именно Ю. Леваде) заметил: «Когда меня спрашивают, кто же я, пессимист или оптимист, я отвечаю, что мое знание пессимистично, но мои воля и надежда оптимистичны». Я думаю, Юрий Александрович так мог бы сказать о себе. Надеюсь, и Вы согласитесь с этой максимой.

Ваш Андрей Алексеев

Санкт-Петербург, 23 ноября 2006 г.

**

24.11.2006

Дорогой Андрей,

спасибо за память. А слова Швейцера Ю.А. повторял не раз.
...Сегодня мы отмечаем девятый день.

Всего Вам наилучшего.
Ваш Алексей, Лев, Борис

***

Часть 2. Труды

Папка 2.1. Письма - статьи

(Ниже – собранные вместе и упорядоченные автобиографические и ауторефлексивные фрагменты переписки А. Алексеева и Б. Докторова от февраля-мая 2006 г. Впервые опубликовано в 2010 г. – А. А. Январь 2011)

(1) А. Н. Алексеев: «Рыба ищет где глубже, а человек – где не так мелко…» (фрагмент биографического интервью) [19]

В 2006 г. Борис Докторов, тогда еще только начинавший свой интригующий и теперь уже знаменитый проект истории советской / российской социологии «в лицах», обратился ко мне с предложением о биографическом интервью. Как и все другие его интервью (теперь их уже более 50), оно проводилось on line, путем электронной переписки. Мы с увлечением вникали в перипетии житейской и интеллектуальной биографии интервьюируемого (то есть меня) и добрались где-то до середины профессионального пути.

Потом отвлекли какие-то неотложные заботы, дело не довели до конца, ограничились публикацией лишь одной (не биографической) части интервью - «Познание через действие (Так что же такое «драматическая социология»?» (Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006, № 5).

Недавно Б. Д., ныне пишущий книгу по истории российской социологии, обратился ко мне за справкой по частному вопросу моей профессиональной

[19] Цит. по: Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. Тт. 2. СПб.: Норма, 2010, с. 391-414. См. также на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/alekseev_06.html.

биографии. И я чуть ли не случайно обнаружил в своем компьютере текст, сверстанный в свое время из нашей переписки на эти темы и, так же как и мною, им забытый. Ничего не меняя в этом тексте, а лишь добавив общий заголовок и несколько подзаголовков, я выслал его Борису, и день спустя он уже висел на сайте «Международная биографическая инициатива» (на который мы постоянно ссылаемся в этой главе).

Ниже – этот же текст, чуть подсокращенный и дополненный отдельными уточнениями, за которые я благодарен соавтору настоящей книги – Р. Ленчовскому.

А. Алексеев. Июль 2010.

Истоки

- *Все мы родом из детства, могу я попросить тебя вспомнить о семье, о тех ранних годах?*

...Будучи в основном “домашним ребенком”, никогда не посещавшим детский сад, да и в школу пошедшим (в военные годы) чуть ли не с четвертого класса, я не могу указать на сколько-нибудь серьезные ранние социализационные влияния, кроме родительских. А родительская семья представляла собой своего рода “единство противоположностей”, причем не вполне устойчивое.

Мать (Варвара Петровна Пузанова), петербурженка, была родом “из дворян”, правнучка знаменитого металлурга, изобретателя русского булата П. П. Аносова. Отец (Николай Николаевич Алексеев) — “из крестьян” или “из мещан” (скорее последнее, т. к. его родители жили в г. Рыльске, Курской губернии).

Мать окончила относительно привилегированную Екатерининскую гимназию и имела разнообразные гуманитарные наклонности, впрочем, профессионально никак не реализовавшиеся, поскольку уже после революции училась в Технологическом институте. Она сделала определенный вклад в теорию машиностроения, автор нескольких книг (ее первая — “Допуски в тракторостроении” — была издана еще до моего рождения, а вторая — курс лекций — когда мне было 5 лет); но только в 50-х гг. защитила кандидатскую диссертацию на тему “Анализ размерных связей механизма как основа для простановки размеров в рабочих чертежах”.

Отец же про себя говаривал, что у него имеется “высшее образование без среднего”. Способный инженер-практик, он практически всю жизнь проработал на заводе им. Ворошилова (сейчас — “Звезда”). Последние 10-15 лет, до выхода на пенсию в 60-х гг. работал там главным технологом. Было у матери с отцом и творческое содружество, одним из плодов которого оказалась совместная книга “Размеры и допуски в машиностроении”. Писала, конечно, мать, а отец позже шутил: “Надо мне хотя бы прочитать свою книгу...”.

Мать была достаточно аполитична (хоть мы с нею почти никогда не обсуждали эти темы, могу предположить, что то была форма “внутреннего диссидентства”, распространенного среди уцелевших от репрессий интеллигентов из ее поколения). Отец же рассказывал, что в 20-х гг. он какое-то время был чуть ли не секретарем партийного комитета, пока не спохватились, что он не член партии. Много позже ему, по служебному положению, и надо бы

вступить, да он все отшучивался: — Я еще не созрел, не все понимаю!.. — Чего же Вы не понимаете, Н. Н.? — А вот не понимаю, как это получается: один член партии — г-но, другой — г-но, а в целом партия — руководящая сила!" (По другому варианту: "ум, честь и совесть"... Может, и прихвастнул, когда рассказывал, но так или иначе — от него отстали). Впрочем, и полное собрание сочинений Ленина (3-е издание в красной обложке), и многолетний комплект журнала "Большевик" (затем — "Коммунист") в домашней библиотеке были.

Мать была типичным интравертом, отец — экстравертом. Мать считала себя как бы человеком "из прошлого века" (она родилась в декабре 1899 г.; характерно, что для души она читала почти исключительно старых французских авторов, причем в оригинале); отец же — на 4 года моложе матери — типичный "сын XX века". Мать была жестка в моральных требованиях к себе и другим, всегда сдержана в выражениях; отец же, как мне кажется, бывал порой недостаточно самокритичен и "за словом в карман не лез".

С общественной активностью у отца сочеталась конфликтность на работе. Мама часто помогала ему в разрешении этих конфликтов тем, что сочиняла за него безупречно корректные служебные записки. Выручал его также безупречный авторитет профессионала. Оба инженеры-технологи, мать была по преимуществу теоретиком, отец — практиком. (Интересно, однако, что автомобиль "Победа", приобретенный в начале 50-х, водила именно мать, а отец научился управлять уже только после ее смерти в 60-х гг.).

...Мы с матерью вернулись в Ленинград из эвакуации вскоре после снятия блокады в 1944 г. Отец — несколько позже, вместе с оборонным заводом, на котором работал во время войны.

- И тогда уже, говоря твоими словами, начались иные социализационные влияния?

Мать уделяла единственному сыну очень много внимания до тинейджерского возраста. И фактически заложила культурный багаж, который действовал и во время школьного обучения, и в вузе, и дальше, но со временем оказался мною не то, чтобы растрачен, но явно недостаточно приумножен. Так или иначе, но и школьная золотая медаль, и очень нестандартный в ту пору аттестат зрелости, куда были вписаны три иностранных языка: английский, французский, немецкий, да и "академическая компонента" Сталинской стипендии в Университете (другая компонента — общественная, комсомольская активность) — все это в основном последствия (инерция?..) раннего домашнего образования и материнского влияния.

Примерно после 7-го класса мать полностью прекратила всякую надо мной "опеку": приготовление уроков, занятия спортом, круг общения, круг чтения — никак ею не контролировались. И тем не менее, в конце школьного периода у меня стал назревать какой-то протест против "маминого" воспитания. Под влиянием школы, пионерского лагеря, других внешних воздействий, оно стало казаться мне слишком "камерным".

Так случилось, что окончил школу я, когда мне еще не исполнилось 16, и поступал в университет, не успев получить паспорт... Возможно, мать прочила мне "академическую" карьеру. Хоть я и окончил славянское отделение филологического факультета, но полиглотом не стал, а лингвистика вскоре показалась слишком скучной и сухой наукой... То ли дело комсомольская жизнь, общественная работа, студенческие стройки! Стоит напомнить, что

гуманитарное образование тогда (первая половина 50-х) было крайне идеологизированным. Стремясь “приблизиться к реальной жизни”, я воспользовался возможностью закончить также и отделение журналистики. И распределение получил по этой второй, тоже записанной в мой диплом специальности.

Думаю, что став журналистом, я последовал скорее не по материнским, а по отцовским стопам, только что не в инженерно-технической, а в общественно-гуманитарной сфере. Лишь много позже (когда матери уже не стало), я понял, сколь глубинным и долгосрочным было ее влияние на всю мою последующую жизнь.

...Вообще, воспитательная установка матери была, я бы сказал, “культурно-нравственной”. Все идеологические ценности черпались мною извне семьи (школа, университет, комсомольская работа). Общечеловеческие же ценности имели своими первыми и главными истоками семейное общение и “необязательное” чтение. Вот этот противоречивый симбиоз общечеловеческих и идеологических ценностей, думаю, способствовал возникновению такого жизненного “аттрактора”, как социологическое знание и действие.

Пожалуй, я здесь слишком “умствую” и концептуализирую свою жизненную историю. А может, и упрощаю, элиминируя большое количество факторов. Но это всего лишь модель, понятно, не исчерпывающая всего богатства жизни, однако обладающая определенной объяснительной силой. [20]

Из журналистов в социологию

- Что тебя, как я понимаю, вполне успешного журналиста, толкнуло в социологию?

Было это в 1965 г. Позади лет восемь работы после окончания университета, в основном в молодежных газетах, правда, с трехлетним перерывом (1961-1964) на первое “хождение в рабочие”. Считать меня “успешным” журналистом, в карьерном смысле, пожалуй, можно было. Во всякой редакции (тут и “Волжский комсомолец”, и “Смена”, и “Ленинградская правда”...) я довольно быстро вырастал до “бригадирской” должности (сам пишущий, а не только “руководящий” зав. отделом в газете — что-то вроде бригадира в цехе). Но качество журналистского творчества, скажем, заведующего отделом комсомольской жизни было на уровне самой этой жизни.

Помнится, немногие более-менее приличные публикации в газете “Смена” состоялись уже в период работы на Ленинградском заводе по обработке цветных металлов, затем — на Волховском алюминиевом заводе. Причем материал для этих публикаций собирался не на своем предприятии, а в других местах, — днем, после ночной смены. Предметом моих журналистских филиппик в конце 50-х — начале 60-х гг. были “формализм в комсомольской работе”, “бюрократизм и волокита”, “бездушное отношение к людям”, “самодурство начальника”, “преследования за критику”... В “Ленинградской правде” (уже 1964-1965 гг.) довелось написать и опубликовать несколько действительно проблемных материалов, посвященных начавшейся

[20] См. об этом также: Алексеев А. Н. Коротка моя память… (О моих родителях для моей дочери). 1997-2001 в: Корни и ветви. XVII-XXI вв. / Сайт «Международная биографическая инициатива (http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Memoirs/alekseev.html).

реабилитации генетики, административным препонам внедрению научно-технических разработок, конфликтам в производственных коллективах.

Вообще, “партийно-советская пресса” влачила тогда довольно жалкое существование — “на коротком поводке” у партийных властей, со строго отмеренными объектами похвалы и критики. Эта “связанность рук” (притом что иначе, в общем-то и не умел...) тяготила. Профессиональная идентификация расшаталась. Разочарование усугублялось тем, что эффективность проблемных выступлений (когда таковые все же случались) была минимальной, а зачастую и обратной.

Помнится, еще работая в “Ленинградской правде”, я догадался подсчитать, во сколько раз количество газетных сообщений “по следам наших выступлений” (за определенный период) меньше, чем соответствующее количество самих критических выступлений. Оказалось, почти в пять раз! Пару лет спустя, уже будучи аспирантом, получил “научно оснащенное” подтверждение этого первоначального, грубого наблюдения, включив в обследование несколько ленинградских газет.

Интересна тогдашняя авторская интерпретация этих результатов исследования “гласной действенности”: мол, со всей очевидностью нарушается принцип, впервые провозглашенный в одной из резолюций Восьмого съезда РКП(б) (1919): “Лица или учреждения, о действиях которых говорится в печати, обязаны в кратчайший срок дать на страницах той же газеты деловое фактическое опровержение или же указать об исправленных недостатках и ошибках”. И в последующих партийных документах это требование извещать о результатах критики неоднократно подтверждалось (вот, например, в постановлении ЦК КПСС “О повышении действенности выступлений советской печати”, 1962 г.)... Стало быть, налицо разрыв между партийной нормой и ее осуществлением!

Разрыв между декларациями и жизнью - в этой ли, в других ли областях - стал предметом моего преимущественного интереса журналиста, нацелившегося в социологию.

- *Ты упомянул твое первое трехлетнее «хождение в рабочие», не мог бы ты рассказать о нем чуть подробнее?*

Оно состоялось после пяти лет работы в молодежных газетах и было своеобразной попыткой преодолеть издержки то ли “камерности семейного воспитания”, то ли “абстрактности идеологических догм”. Вот “не хлебнул лиха” в детстве — дай-ка хлебну... Вот “воспевал” бригады коммунистического труда — а каково там в самих этих бригадах?..

Кто едет “за туманом и за запахом тайги...”, а кто ищет “ту заводскую проходную, что в люди выведет меня...”. Я предпочел второе.

Интересно, что в это же самое время Вадим Ольшанский предпринял первый в советской социологии опыт включенного наблюдения в качестве рабочего на одном из московских заводов. Из его воспоминаний видно, что молодой социолог В. О. был движим в общем-то теми же романтическими побуждениями, что и молодой журналист А. А. “В те месяцы я заново должен был разобраться в жизни, в себе самом. Это главный итог “включенного наблюдения”, социологической аспирантуры”, — пишет мой старший коллега (Ольшанский В. Б. Были мы ранними... / Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999, с. 184).

Работа вальцовщиком на одном заводе, потом электролизником на другом продолжалась около 3-х лет, пока не вернулся (правда, ненадолго) к штатной журналистской работе. Эти мои “рабочие университеты” к 30 годам как бы закончили период “первоначальной” социализации,

- Вернемся к твоему движению в социологию. Только внутренние причины к тому были или существовали и внешние обстоятельства, конфликты?

Да, по времени это примерно совпало с моим первым крупным конфликтом в редакции “Ленинградской правды”, точнее с отделом агитации и пропаганды Обкома КПСС. Меня, подающего надежды литсотрудника, Обком партии утвердил на номенклатурную должность заведующего отделом промышленности главной ленинградской газеты, а я, несколько месяцев спустя, “пригрозил” уходом по собственному желанию, если не будут защищены от расправы за критику авторы так и не опубликованного письма в редакцию, где обсуждался “порочный стиль руководства” тогдашнего директора того самого завода, на котором я прежде трудился в качестве рабочего.

Из заведующих — за такую “политику отставок” — меня быстренько разжаловали, но и в спецкоррах я после этого продержался недолго. А мой бывший сокурсник по Университету, к тому времени — доцент факультета журналистики ЛГУ Валентин Соколов “сосватал” меня в аспирантуру для занятий “социологией журналистики”.

Из социологов я был тогда лично знаком только с Овсеем Шкаратаном, который, помнится, еще в конце 50-х, в качестве историка, предложил газете “Смена” опубликовать письма ленинградцев, уехавших на целину, а я приложил все усилия, чтобы публикация состоялась без какого-либо журналистского “причесывания”. Обратился к нему за советом, после чего был приглашен домой к Андрею Здравомыслову (был там и Овсей), где получил от обоих своего рода благословение на исследование взаимосвязи прессы и общественного мнения и т. п. Как это обычно бывает, жизненная (в данном случае — профессиональная) перемена имела как внутренние импульсы, так и внешние стимулы. От прежнего многое отталкивало, к новому — привлекало. Личностная мотивация и стечение обстоятельств вместе дали эффект “перехода”.

- Не мог бы ты вспомнить твои аспирантские годы?

Миграция из журналистики в социологию оказалась не прямой, а опосредованной трехлетним пребыванием в аспирантуре факультета журналистики. Тогда это было явно не лучшее место для занятий социологией. Чуть ли не азбучным полагалось там утверждение, что журналистика сама по себе есть “наука”, а не род деятельности, являющийся предметом научного изучения, с чем я упорно не соглашался. “Массовая коммуникация” считалась в этих стенах идеологически подозрительным термином. Особенно я “прокололся”, когда в докладе на какой-то научно-практической конференции неосторожно поделился результатами своих библиотечных разысканий в области советской социологии печати 20-х гг., ведущие фигуры которой М. Гус и В. Кузьмичев (первый — автор книги “Газетоведение”, второй — автор книги “Организация общественного мнения”) были, оказывается, на факультете

журналистики под идеологическим запретом, ну вроде Бухарина с его “Азбукой коммунизма”. Интересно, что позднее мне довелось встретиться с тем и с другим. Первый - жил в Москве, другой — в Томске; идеологическим мракобесием обоих старичков, успевших “перестроиться” за протекшие 40 лет, я был глубоко разочарован.

В общем, между будущим “социологом печати” и деканом факультета (историк и теоретик партийно-советской печати проф. А. Бережной) возникло что-то вроде конфликта (научно-идеологического!). К концу аспирантуры стало окончательно ясным, что ни о какой защите диссертации на факультете журналистики ЛГУ для меня и речи быть не может, равно как и о работе там по завершении “целевой” аспирантуры. И слава Богу!

При своем базовом филологическом образовании я старался как-то восполнить дефицит систематических знаний, обычно приобретаемых на философском факультете. Слушал не только лекции Ядова или Кона (на последнего сбегался чуть не весь университет), но и историю философии, диалектическую логику, статистику, даже линейную алгебру (похоже, что и на матмех забирался). Этакий “ликбез” себе устроил, только что без сдачи экзаменов...

По счастью, Ядов согласился разделить руководство (впрочем, весьма условное) моей диссертационной работой на тему о социологическом изучении массовой коммуникации (на примере прессы) с доцентом факультета журналистики, “чистым” филологом С. Смирновым. Впрочем, “болтаясь” между факультетами журналистики и философским, я был тогда, наверное, равно “не своим” и там, и тут. Причем очень хотел числить себя по “классу социологии”.

Еще одна удача: возникшие связи с социологической лабораторией (не помню, как точно она называлась; во главе с Евгением Прохоровым) на факультете журналистики Московского университета. Моя первая относительно значимая публикация (“К вопросу о предмете социологии печати”) появилась в “Вестнике Московского университета” (серия “Журналистика”) в 1967 г. Тем самым я мог себя чувствовать как бы не совсем “чужеродным телом” и в науке о журналистике.

Исключительно значимыми для вхождения в социологический круг были контакты, возникшие на межрегиональных, хотя тогда так и не назывались, встречах исследователей массовой коммуникации в Кяэрику, организуемых Юло Вооглайдом и его коллегами из лаборатории социологии Тартуского университета (1966, 1967, 1968). Кяэрику воспринимался и как “заграница”, и как социологическая “родина”, и как “островок Свободы”. Оттуда пошла моя дружба с эстонскими, московскими, уральскими, сибирскими социологами.

Думаю, мое приобщение к социологии было бы куда более скорым и эффективным, попади я сразу в коллектив, занимающийся крупным исследованием (вроде ядовского или грушинского). Но это состоялось позднее — в новосибирском академгородке, в межведомственной исследовательской группе социологии печати, созданной В. Шляпентохом.

- Спасибо, пути и мотивы твоего перехода из журналистики в социологию прояснились...

... Говорят, рыба ищет “где глубже”, в шутку скажу: человек ищет, где “не так мелко”... Перемещение в социологию состоялось тогда, когда в

журналистике стало вроде бы “невмоготу”. Занятия социологией показались тогда более осмысленными — и в плане познания реальности, и в плане возможностей “влиять на ход вещей”. Впрочем, тоже — до поры до времени (см. ниже – рассказ об уходе из института на завод — “в поисках свободы”).

Замечу, что грань между социальной журналистикой и социологией вообще достаточно подвижна. “Родственной нам наукой” когда-то назвал социологию замечательный публицист В. Канторович. В одном из моих “Писем Любимым женщинам” (1981) выдвигается что-то вроде гипотезы “о динамическом взаимодействии и взаимокомпенсации журналистики и социологии в процессе общественного развития”:

> “...50-е гг. — “прорыв” журналистики (после XX съезда), отсутствие социологии. 60-е гг. — “прорыв” социологии, “стабилизация” журналистики (особенно — во второй половине десятилетия). 70-е гг. “стабилизация” социологии, а к концу 70-х, может быть, намечающийся “прорыв" журналистики. “Прорыв” — существенное углубление в познании, гражданственная активность, ломка старых норм, зарождение новых форм, “Стабилизация” — экстенсивное развитие». (Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1. СПб.: Норма, 2003, с. 222). [21]

Если же говорить о мотивации собственных жизненных движений, то получается, что эта мотивация скорее негативная, чем позитивная. Я понимаю, бывают жизненные цели, и даже жизненные планы, вроде окончания вуза, защиты диссертации или приобретения квартиры. Но *сверхзадача* лишь ретроспективно может быть осознана как таковая. А эмпирически, если “без затей”, то просто видим — “человека убегающего”. Откуда убегающего — более ясно, чем куда. “Убегающего” — в поисках свободы ли, максимального самовыражения ли, общественной ли пользы...

(Как тут не процитировать одного из твоих героев: “...Должен сознаться, что в моих поступках присутствовало стремление к общественной пользе, как я ее понимал...”; в свою очередь, признаюсь, что подобного осознанного стремления в себе мне усмотреть так и не удалось).

Ленинград – Новосибирск - Ленинград.
Вроде уже вполне социолог…

- В 1968 г. ты закончил аспирантуру. Что дальше?

Дальше — несколько везений подряд. Харчев, слушавший мой доклад в Кяэрику про “массовую коммуникацию, журналистику, прессу” (попытка навести какие-то мосты между социологией и “наукой о журналистике”), соглашается взять к себе на Ленинградскую кафедру философии (впоследствии преобразовалась в Ленинградские сектора Института философии). Уже принятый туда, пишу какой-то трактат о подходах к социологическому изучению искусства. Вроде Харчеву нравится. И тут вдруг мне звонит из Новосибирска Шубкин и энергичным голосом приглашает в Академгородок, заниматься... социологией печати!

Позднее где-то Шубкин вспоминал, что сначала безрезультатно приглашал на это место Леонида Гордона. Что для меня, думаю, честь, а не предмет обиды.

[21] Электронная версия - http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_210-275.pdf.

До этого мы с Владимиром Николаевичем знакомы не были. Скорее всего глаз на меня положил Шляпентох, приезжавший из Новосибирска в Кяэрику в том же году. Как известно, он был организатором первых исследований всесоюзных аудиторий газет “Труд”, “Известия”, “Литературная” и “Правда”. До чего ж заманчиво для бывшего аспиранта факультета журналистики!

Неловко перед Харчевым, но “отпрашиваюсь” у него. Тот говорит: “Если надумаете вернуться, учтите, что два года я Вас жду”. (Так и вышло).

В Новосибирский академгородок приехал с чемоданом, набитым экземплярами 1000-страничной (так!) кандидатской диссертации. Шубкин смеется: “Если хотите, чтобы ее кто-то стал читать, сократите хотя бы до 300 страниц” (теперь, говорят, и 150 много).

Состою в штате Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук. Работаю же фактически в дислоцирующейся в этом институте группе социологии печати, при Новосибирском университете, у Шляпентоха. Там у меня появляется своя подгруппа контент-анализа (мое тогдашнее определение этого метода: анализ содержания массовых совокупностей текстов с использованием формализованного наблюдения и статистических процедур в социологических целях). В этой подгруппе еще трое энтузиастов поиска “очевидных свидетельств неочевидного”, в частности, путем качественно-количественного изучения содержания советской прессы. Первый всесоюзный семинар по контент-анализу состоялся именно в Новосибирске... (Второй — четыре года спустя в Ленинграде).

Живу в комнате аспирантского общежития Академгродка. Переписываю свою диссертацию, уже без оглядки на журналистику, ведь защищать-то придется в ученом совете по философии.

Только я приехал в Новосибирский академгородок, Шубкин покидает его — возвращается в Москву. А через некоторое время уезжает в Москву и Шляпентох. Кажется, уже без него сдавали отчет по хоздоговору с “Правдой”. Для меня эта работа с социологической эмпирией была хорошей школой.

И еще повезло... Пригрела меня компания новосибирских философов. Михаил Розов, Наль Хохлов, Владимир Конев... Сказали: “Если прочитаешь вместо Володи курс научного коммунизма в университете, засчитаем тебе кандидатский минимум по философии”.

1969 год. Академгородошная вольница уже на излете. Но я успел-таки прочитать довольно не тривиальный курс: что-то вроде “социологии развитого социализма”. В социально-философском аспекте очень помогли конспекты В. Конева. Ни с какими официальными программами ни он, ни я тогда не считались, даже не заглядывали в них... Лекции у студентов пользовались успехом. Как уж это у меня тогда так лихо получалось, сам удивляюсь.

В 1970 г. благополучно защитил в Новосибирском университете свою переписанную диссертацию. Вскоре за тем вернулся в Ленинград к Харчеву. Вроде теперь уже вполне социолог.

(Последующий период 1970-1980 гг. – работа в Ленинградских секторах Института философии АН СССР, затем – в Ленинградских секторах Института социологических исследований АН СССР (лаборатория О. И. Шкаратана), потом в Институте социально-экономических проблем АН СССР (сектор, возглавлявшийся В. А. Ядовым), равно как и совместительство в

Высшей профсоюзной школе культуры и сотрудничество в хоздоговорной группе «Социология и театр» при ЛО ВТО, - не получили систематического отражения в этом наброске биографического интервью.

Хотя в дальнейшем мы с Б. Докторовым по разным поводам сплошь и рядом обращаемся к событиям и обстоятельствам этого периода. - Примечание А. Алексеева)

Социолог становится слесарем-наладчиком

- В 1980-м, при всем внешнем благополучии твоей жизненной ситуации и профессиональной карьеры ты подался в рабочие. Этот шаг был на 100% необходимым, обязательным в твоей ситуации (почему?) или все же еще был запас сил, чтобы не уходить…Как ты оцениваешь сегодня твое телодвижение?

Был ли для меня тогдашний уход "обязательным"? Думаю, он был *своевременным,* не с точки зрения давления внешних обстоятельств, а из внутреннего расположения души и состояния духа. Можно еще сказать, что это было актом поиска свободы (или — скромнее — обретения относительной независимости).

Мой тогдашний уход из социологов в рабочие (как и уход из журналистов в рабочие двадцатью годами ранее) если и был экспериментом, то скорее (больше...) жизненным, чем профессиональным. Но и тут уместно сказать: "Суди себя сам!". Все же одно автоцитирование из "предисловия" к "Драматической социологии..." здесь себе позволю:

> "...Там, где "социологу-наладчику" в его профессионально-жизненном эксперименте мнились по преимуществу жизнетворчество, активная адаптация, подчинение себе обстоятельств, — теперь, как бы между строк, словно симпатические чернила, проступают также и... характерные черты приспособления, ситуационной зависимости, подчинения себя обстоятельствам! Сам же эксперимент социолога-рабочего (самодеятельная акция!) обретает новый смысл. А именно: он оказывается способом (или формой) самосохранения (внутриличностного и не только...), своего рода выживания, "вынужденной инициативы": предстающей уже не только тактикой социального поведения: но и жизненной стратегией.
>
> ...По большому счету, обсуждаемый опыт социолога-испытателя следует трактовать не в качестве акта профессионального или жизненного "подвижничества" <...>, а всего лишь как ограниченную условиями исторического места и времени попытку жизненного самоосуществления человека. Причем ключевые смысложизненные вопросы, к решению которых была устремлена эта попытка: в пределах данного эксперимента, как такового, оказались для автора не разрешимыми" (Алексеев А. Н. Драматическая социология…Том 1, с. 34-35). [22]

- В этом случае можно ли сказать, что, идя на завод, у тебя не было осознанной ориентации на проведение того или иного социального исследования?

Сейчас стоит, наверное, об этом заявить со всей резкостью, пусть с риском несколько подмочить легенду об "эксперименте социолога-рабочего" и т. д.

[22] Электронная версия - http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_1-209.pdf.

Ядов предложил мне в 1980 г., коль скоро так уж круто я нацелился в рабочие, совместительствовать в ИСЭПе. Согласившись (не без материального интереса...), я “обрек” себя на продолжение социологической карьеры в новом качестве. К тому же совмещение столь разных “ипостасей” в одном лице щекотало самолюбие. Тут была моя личностная и профессиональная особенность, по сравнению с моими друзьями (рабочими из социологов).

Спрашивается, а как же исследование “глазами рабочего”, “наблюдающее участие” и прочие методические (методологические?) изобретения, вроде даже в учебниках теперь упоминаемые? А никак! Точнее, примерно так: наложились смысложизненные авторские поиски на некоторые актуальные тенденции современной социологии (феноменология, акционистские методы и т. д.). Вот и получился какой-никакой “научный вклад”. Все зависит от ситуации, контекста, а также от того, “как посмотреть”. Впрочем, в этом пункте, пожалуй, слишком сильное утверждение...

- Вместе с тобою в рабочие пошли к тому времени многие годы проработавшие в социологии Юрий Щеголев и покойный Сережа Розет... Для тебя это было драмой (отчасти отсюда возникла твоя драматическая социология), для них – трагедией (я так думаю). Ты был уже не теленком и мог бодаться… Они были послабее...

...Не одновременно, а раньше меня “пошли в рабочие” Юра Щеголев (годом раньше) и Сережа Розет (несколькими месяцами раньше меня). Еще из нашего круга — Анри Кетегат (живший тогда уже не в Питере, а в Вильнюсе), которого на несколько месяцев опередил я.

...То был довольно немногочисленный “исход” из социологов в рабочие на рубеже 70-80-х гг., именно экзистенциальный исход, подобный миграции в сторожа и операторы котельных части литературно-художественной интеллигенции, явление — очень характерное, в частности, для Питера. Ни о каких профессионально-социологических мотивах у моих друзей (“социологов-рабочих”) говорить, думаю, не приходится. Что же касается меня, то, при большей, чем у них, “встроенности” в научно-институциональную среду, так называемый исследовательский мотив был для меня скорее идеологическим “прикрытием”. А “под ним”, в личностном ядре — тот же кризис профессиональной и — шире — “беловоротничковой” идентификации, ну и поиск новизны, может быть, авантюризм, достаточно позднее (в 1980-м мне было как-никак 46) “самоиспытание”, пожалуй.

Дальше. Не только у Юры, Сережи и Анри, но даже и у меня не было установки на “вызов Системе”. Просто люди, достойные уважения и сами себя уважающие, живут как хотят, а систему это “раздражает”, и она начинает их “доставать” (слегка или всерьез). Тогда человек иногда (это я про себя...) начинает “огрызаться”... Ну, это в общем не требует дополнительных разъяснений.

Мне хотелось бы энергично возразить тебе насчет того, что Юра и Сережа были якобы “послабее”... и в этом их трагедия. Трагична, конечно, судьба Сережи, но в силу именно ранней кончины (1940—1994), а не в силу сделанного им на рубеже 70-80-х гг. жизненного выбора. Просто мы привыкли относить публичный конфликт с системой или профессиональные (в частности, в сфере науки) успехи, вообще — те или иные формы “внешней” самореализации, к настоящим, единственно значимым жизненным

достижениям. Но для моих друзей главным было нечто другое. И хотелось бы думать, что и для меня тоже.

«Гетто», выживание, «бессмысленная адаптация»…

- На сегодняшний день можно сказать, что большая часть твоей и моей социологической карьеры состоялась в советские времена. Нет ли у тебя ощущения, что в то время ты работал в «социологическом гетто»?

"Гетто" ли, "резервация" ли, это предполагает, что вокруг — иной (не огороженный? открытый? свободный?) мир. В таковом ограниченном пространстве могли себя чувствовать советские социологи относительно мировой профессиональной среды. Но при минимуме знаний о ней, у большинства рядовых, пожалуй, не было и ощущения изолированности. А "внутри", думаю, социологам было не лучше и не хуже, чем всем другим гуманитариям, разве что сильнее зависимость от партийных органов. А в силу относительно позднего становления этой отрасли, уже не успели социологов коснуться ни "борьба с меньшевиствующим идеализмом", ни "борьба с космополитизмом!", ни "борьба с мухолюбами-человеконенавистниками", а в худшем случае - только обвинения в подверженности влияниям "буржуазной общественной науки"...

"Гражданские казни" или "вынужденные отставки", которые коснулись некоторых ведущих социологов, все же не были запретом на профессию или отправкой в ГУЛАГ. А ко времени "перестройки" все так или иначе "отодвинутые в тень" лидеры нашей социологии (Левада, Грушин, Кон, Ядов, Здравомыслов, Гордон, Заславская и др.) оказались еще полны творческих сил. Я бы сказал, что если не советской социологии, как таковой, то ее первопроходцам и их непосредственным ученикам относительно повезло.

- Андрей, здесь после согласования с Димой (Д. Н. Шалиным. – А. А.) я намерен привести выдержку из его письма и задать тебе вопрос о выживании...

Было ли все это "выживанием"? В общем, да. Наблюдение Дмитрия Шалина "Выжить было их сверхзадачей..." справедливо, наверное, не только для его поколения. Но вряд ли эта сверхзадача осознавалась или признавалась тогда в качестве таковой. У многих была сильна креативная, творческая мотивация. Была высокая профессиональная идентификация. Некий подспудный страх лишиться возможности "удовлетворять свою любознательность за счет государства" побуждал умеривать эту любознательность. Были некие табуированные зоны и набор писаных и неписаных правил, которые если кто и преступал, то лишь "по неосторожности".

Среди социологов было не так уж мало инакомыслящих, но практически не было людей, сознательно и открыто ставивших себя в оппозицию системе, которую они исследовали. А если бы были, то на том бы их (таких социологов) исследования, по крайней мере, профессиональными средствами, и закончились бы. Так что можно лишь порадоваться тому, что кое-что они успели, и зеркало советского общества - пусть отчасти замутненное - тогда все-таки возникло (и уцелело до наших дней...)

И в “гетто” жить можно... А кому становилось уж совсем невмоготу — эмигрировали, кто за рубеж, а кто в кочегарку.

- Означает ли это, что мы действительно могли работать в полную силу своих способностей...?

Ты имеешь в виду то, насколько, по гамбургскому счету, существенными были как собственно научные достижения, так и общественные эффекты социологии в СССР? Было бы неправильно их принижать, но не следует и переоценивать. Признать собственную второстепенность, маргинальность в мировом научном процессе или же сервильную (будь-то в идеологическом, будь то в прикладном плане) общественную роль — не просто. На критическое отношение к пройденному пути отваживаются далеко не все авторы сегодняшних мемуаров.

Скажу о себе. Помнится, на рубеже 80-90-х гг. мне довелось просмотреть архив собственного журналистского творчества 50-х — 60-х гг. Я испытал чувство настоящего стыда! (Некоторые характерные образцы “воспевания” бригад коммунистического труда и т. п. приводятся “Драматической социологии...” (Том. 4, Приложения к главе 22). [23] Лишь на самом излете своей журналистской карьеры (середина 60-х) удалось продвинуться к журналистике, которую с грехом пополам можно назвать проблемной.

Из моего собственного социологического “наследия” конца 60-х — 70-х гг., по правде говоря, тоже похвалиться особенно нечем. Ну, попытки построения марксистской (и впрямь таковой!) теории массовой коммуникации, за которые чуть было не вылетел из аспирантуры факультета журналистики ЛГУ (вторая половина 60-х), кои (попытки) , строго говоря, были метафизической спекуляцией, с некоторыми элементами “фиги в кармане”. Потом — кое-что из социологии потребления, из социологии культуры, из социологии труда, из социологии жизненного пути... Несколько социологических экспедиций (последняя была на БАМ, уже из ИСЭПа). Увлечение методолого-методическими сюжетами...

Если бы я начал составлять личное “социологическое избранное” из работ того времени, то кроме пары статей по проблемам контент-анализа, некоторых отчетов исследовательской группы “Социология и театр”, ну, может, еще пары популярных публикаций в соавторстве со Светланой Минаковой по социологии личности, да конспекта доклада “Образ жизни и жизненный процесс” 1981 г. (тогда уже на заводе работал; Алексеев А. Н. Драматическая социология… Том. 1, раздел 6.1) — и не нашел бы чего туда включить стоящего. Остальное — сегодня кажется безнадежно устаревшим.

Так что же это за глухое и душное время, давшее, “если приглядеться честно и строго...”, не столь уж дружные и очень разнокачественные всходы, в частности, на социологической ниве? (Оговорю, что бросать тень на выдающиеся пионерные социологические проекты и труды, например, Грушина, Шубкина, Ядова, Гордона, Заславской — я вовсе не собираюсь). Внешняя несвобода — да! Давление из ЦК, из Смольного, из райкома партии — да! (Мнение рядового инструктора райкома — для научного сообщества закон...). В частности, отсюда неимоверные траты времени и сил на бессмысленную адаптацию процесса и результатов собственно-научной работы

[23] Электронная версия - http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t4_10-120.pdf.

к институциональным требованиям (особенно — идеологическим, но и не только...). Наконец, собственная внутренняя скованность, постоянная автоцензура. Да и ограниченность кругозора у многих...

Пожалуй, добавить что-либо существенное к тому, что уже сказано об этом, например, в историко-социологических лекциях Бориса Фирсова и в мемуарах наших научных учителей я здесь не смогу.

- Не мог бы ты привести пример того, что ты называешь «бессмысленной адаптацией...»?

...Сектор Ядова в Институте социально-экономических проблем поначалу назывался “сектором социальных проблем личности и социалистического образа жизни”. Не Ядовым, понятно, придумано, а так было записано в Приложении к постановлению Президиума АН СССР от 29 мая 1975 (о создании ИСЭПа), предписывавшем определенную структуру секторов и отделов. Ну, еще при первом директоре Гелии Николаевиче Черкасове формулировка названия имела не такое уж большое значение. Большинство научных коллективов сохраняло тематическую и кадровую преемственность с “доисэповской” ситуацией. Когда же наступило директорство Ивглафа Ивановича Сигова, пошла чехарда перетряски кадров, переструктурирований и переименований научных подразделений. Сектору Ядова предстояло переименоваться в “сектор образа жизни в крупном городе”, что грозило полным вытеснением из научного плана “исконно-ядовской” проблематики личности.

Недавно мне попалась на глаза копия собственной “служебно-личностной” записки, адресованной Ядову (с подзаголовком: “срочно и конфиденциально”), от января 1979 г., где на семи страницах доказывались алогичность и волюнтаризм предлагаемых дирекцией названий Социологического отдела и входящих в него секторов. Среди прочего выдвигались аргументы для нижеследующего переименования, в частности, нашего подразделения: “сектор социальных проблем развития личности”

Интересна “совсем конфиденциальная” приписка к этому документу:

> “В. А.! ...Конечно, Вам никто не посмеет запретить заниматься социальными проблемами развития личности, под любым названием сектора. Но Вы всегда вынуждены будет делать это вопреки официальным требованиям, а не в соответствии с ними. Вам всегда придется доказывать, что Ваша социально-психологическая “контрабанда”, является не слишком большим нарушением социально-экономического “закона”. *(Намек на название отдела: “отдел социально-экономических проблем труда и образа жизни. — А. А.).* Капитулировав сегодня, в положении далеко не безвыходном, сектор будет десять лет платить репарации. Если Вы считаете, что проиграли дирекции в первом раунде по конъюнктурным “очкам”, то это вовсе не мешает выигрышу во втором раунде путем логического “нокаута”. В худшем случае будет зафиксирован “протест” команды против неправильного судейства...”. (Из архива А. А.).

По счастью, Ядов внял этому предостережению и предпринял тогда перед начальством акцию “необходимой обороны”, в результате чего сектор получил вполне приличное (лучше первоначального!) и уместное название: “сектор социальных проблем личности и образа жизни”. Но каких временных и нервных затрат стоила вся эта суета! И когда только успевали читать научную литературу, проводить исследования, писать статьи и монографии...

Ныне такого идеологического диктата и контроля, как в то время, нет. Но сил на “институциональные игры” и “ритуальные танцы” сегодня уходит не меньше.

Слишком правоверный комсомолец,
или дурной шестидесятник

- Андрей, многие годы мы с тобою были членами одной партийной организации. А как все у тебя начиналось?

Членом КПСС, как нетрудно подсчитать, я был почти 30 лет: с 1961 по 1990 г. Из них около 4-х лет пребывал в положении исключенного из партии, однако “восстановлен в рядах” был в 1988-м, “без перерыва в стаже”. Вступал — добровольно, выходил — тоже добровольно, без кавычек.

Сейчас “шестидесятилетние” и старше, не состоявшие в партии (в нашей профессии таких немного, но есть), порой сообщают об этом с гордостью. А состоявшие — порой забывают об этом упомянуть. Упоминание же может сопровождаться “извинениями”... С этим иногда сочетается заявление о собственной ранней внутренней оппозиционности (выходит - цинизм, карьеризм...). Или же заявление о собственной прошлой коммунистической правоверности (выходит - наивность, слепота...).

То и другое (цинизм ли, наивность ли...) не украшают. Третий вариант — “двоемыслие” - как бы примиряет эти противоположности. Но и тут, понятно, нет предмета для самоутверждения... В этом пространстве самоопределений я бы отнес себя к “двоемыслящим наивнякам”. Существуют и комплиментарные определения, типа “коммунист-романтик”...

Я вступал в партию не слишком рано, но и не слишком поздно — в 27 лет. Работал тогда в газете “Смена”. XX съезд состоялся пять лет назад. До вторжения в Чехословакию оставалось еще семь лет. Сверстникам, с которыми учился в школе или в вузе, говорил: чем больше в партии будет порядочных людей, тем скорее преодолеем “наследие культа личности”...

Как раз в 1961 г. я попал в какую-то молодежную “элитную” (других тогда не было) зарубежную турпоездку в Англию. Вел там дневник — для себя. Вернувшись, прочитал его участникам поездки. Был дружно одобрен. А месяц спустя опубликовал фрагменты из дневника в комсомольской газете — без какой-либо редактуры - под названием (мною же придуманным...): “Вкус собственной правоты”… Были в дневнике и такие строки (в газету, впрочем, не предлагавшиеся):

> “Честное слово, советский человек, хоть наша собственная пропаганда порой и оглупляет его (воодушевленные решениями “очередного пленума”) — действительно на голову выше человека буржуазного общества. Вот что надо сравнивать в первую очередь, а не метро или нищих на тротуаре. В конце концов нищего можно найти и там, и там”.

Несколько месяцев спустя после получения партийного билета состоялось первое “хождение в рабочие”. (Этот “побег” был замышлен, понятно, раньше...). Мое интервью о собственной молодости, записанное в середине 90-х, удачно называлось: “Слишком правоверный комсомолец, или

дурной шестидесятник” (см. “Драматическую социологию...” том 4, приложения к главе 22 [24]). А вот запись из дневника от марта 1964 г. (еще работал на заводе, в газету пока не вернулся):

> “...Если хочешь, чтобы люди хоть что-то восприняли *из твоей*, утерянной ими *коммунистической убежденности*, не страшись клеймить коммунистического идола, опошленного и истерзанного”.

Уже позднее, во времена аспирантуры и начала социологической карьеры состоялось первое знакомство с диссидентской литературой, начался процесс идеологического прозрения. Но и в конце 70-х, помню, произнесенное вслух перед друзьями заключение, что “монополия коммунистической партии является главным источником бед нашего общества”, было для меня выстраданным, личным открытием. (А для друзей – уже давно очевидное!) Вот такое “замедленное развитие”... Не зря — “дурной шестидесятник”!

(Так ведь и в конце 80-х, в начале перестройки, сколько еще сохранялось — и не только у меня! — иллюзий о “демократической платформе в КПСС” и о “социализме с человеческим лицом”!).

По идее, на рубеже 60-х — 70-х можно было бы, по совокупности “еретических” мыслей (пусть еще смутных...), из партии и выйти. Но тут уже срабатывал инстинкт самосохранения. “Ломать себе жизнь” вовсе не хотелось... Да и зачем, когда состоя в партии, можно самореализоваться полнее, “принести больше пользы” и т. п.? Вот уже и не наивность, а механизм “двоемыслия”...

- Припомни какие-либо сюжеты из твоей деятельности нашего партийного лидера...

Был у меня тогда относительно недолгий период едва ли не экстремального испытания. При образовании в 1975 г. Института социально-экономических проблем из ленинградских филиалов нескольких московских институтов (экономисты, математики, социологи, философы) понадобился для него (точнее — в нем) партийный секретарь, для которого, по совокупности анкетных данных, я, как видно, вполне подошел.

(Надо заметить, что в моем партийно-спецотдельском “досье”, похоже, остались не отраженными или не замеченными — ни скоропостижное смещение с номенклатурной должности в партийной газете 10 лет назад, ни научно-идеологические споры с деканом факультета журналистики А. Ф. Бережным — еще в 60-х гг., ни “поверхностный” и вроде оставшийся без последствий интерес ко мне сотрудников первого отдела — в те же годы).

В ленинградском подразделении Института социологических исследований я числился партгрупоргом — должность сугубо формальная: не заглянув в архив, я бы сейчас об этом даже и не вспомнил. Другое дело — секретарь партийного бюро Института, номенклатура то ли обкома, то ли горкома.

Так или иначе, возникла жизненная ситуация, которую пришлось для себя определить: “Посадили в сани — не говори, что не свои...”. Для меня главным оправданием пребывания на этом посту стала, пожалуй, не

---

[24] Электронная версия - http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t4_10-120.pdf
Первоисточник: журнал «Пчела», 1997, № 11 . (Электронная версия - http://www.pchela.ru/podshiv/11/rightcom.htm).

безуспешная борьба, как теперь сказали бы, за “прозрачность” организационного становления нового института. Из своих “партийных подвигов” вспомню один, кстати, имеющий отношение к сюжету, который упоминает Д. Шалин в своем «Комментарии» к серии твоих биографических интервью, помещенных ныне также на сайте «Международная биографическая инициатива»

Еще до образования ИСЭПа из научного коллектива, возглавлявшегося Ядовым, двое сотрудников заявили о своем намерении эмигрировать из страны. По этому поводу были всякие политико-идеологические разборки, подутихшие со временем. А Ядов в новом институте, естественно, возглавил социологический отдел. Тогда одна из сотрудниц сектора Ядова (фамилию ее “шестидесятилетние” помнят, а кто помоложе — знать не обязательно...), известная как изрядная скандалистка, обратилась с письмом в “Правду”, а затем еще и к секретарю горкома партии — с политическими обвинениями против своего шефа. Под давлением горкома Ядову пришлось подать заявление об освобождении его об обязанностей зав. отделом, мотивируя “необходимостью сосредоточиться на руководстве сектором” и т. п..

Партийное бюро в составе А. Алексеева, Г. Смирновой, О. Иванова, Г. Черкасова, Н. Толоконцева, Б. Фирсова и А. Когута на своем заседании 28 октября 1975 г. “рекомендовало” дирекции удовлетворить это заявление.

Мне тогда казалось особенно важным обнажить ситуацию “нажима” сверху, в связи с поступившей “телегой” снизу, исключить неопределенность, “кривотолки” — за что именно “Ядова сняли” (хотя бы и “по собственному желанию”). Сделано это было оригинальным, и даже, можно сказать, “самоотверженным” образом — путем “провокационного” предложения освободить В. А. от заведования отделом безотносительно к его заявлению. Члены партбюро — все! — возразили против этого предложения, выступили “в поддержку” заявления Ядова, к чему и секретарь партбюро благополучно присоединился (мол, в нашем партийном бюро все решения только единогласные!). Но по ходу этого обсуждения, достаточно откровенного и острого, стали “прозрачны” действительные пружины этого административно-политического решения.

Помню, я добрых полдня потом сочинял “изобличающий” Смольный на пару с доносчицей протокол на 4-х страницах, из которого явствовало, что решение это вызвано “рядом политических обвинений в адрес Ядова, фактической базой для которых были антипатриотические поступки *(так тогда это называлось. — А. А.)* двоих бывших сотрудников Ядова, работавших в его старом секторе, ныне покинувших нашу страну” (цитата из выступления Черкасова). Дело, мол, прошлое, но наказание пришло теперь, по настоянию (указанию...) секретаря горкома партии. Мол, несправедливо, но куда денешься... Никаких претензий по руководству отделом к Ядову нет... Поручить Алексееву информировать Ядова о ходе и результатах настоящего обсуждения.

Под этим реальным, а не формальным протоколом подписались *все* члены партийного бюро (важно еще было сообразить — кому после кого предложить подписать). Ознакомлены с ним были не только райком партии, но и все социологи — члены партии, кто пожелал ознакомиться. [25]

[25] Подробнее этот эпизод описан в**:** Андрей Алексеев, Олег Божков, Галина Саганенко, Леонид Кесельман: «По мере созревания нравственная конфронтация становится политической» / Сайт «Международная биографическая инициатива» (http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/alekseev.html).

Однако продолжалось мое партийное секретарство меньше года. Дело в том, что еще летом 1975 г. состоялось исключение из партии старшего преподавателя кафедры психологии, научного руководителя лаборатории социологии Тартуского университета (Эстония) Юло Вооглайда. Одна из первых формулировок исключения — "за антипартийную деятельность и неискренность перед партией" (впоследствии смягчено до: "за непартийное поведение и отсутствие политической бдительности").

Из письма в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС товарищу А. Я. Пельше от 27 июня 1975 г.:

> "...Мое обращение к Вам, Арвид Янович, как Председателю КПК, — это личное обращение коммуниста. Я являюсь секретарем партийного бюро Института социально-экономических проблем АН СССР, но в данном случае выступаю от своего и только своего имени. К этому письму меня обязывает мой партийный долг. Я вступал в партию на 3 года позже Ю. Вооглайда, но *я готов сегодня разделить ответственность с теми, кто рекомендовал его в ряды КПСС.*
>
> Копию этого письма я направляю в ЦК КП Эстонии..." (Из архива А. А.).

Когда Гелий Николаевич Черкасов узнал об этом письме (а два месяца спустя было еще и второе: "...подтверждаю свою готовность поручиться за Ю. Вооглайда своим собственным партийным билетом"), то схватился за голову: "Что Вы наделали, А. Н.!".

Странно, что дело обошлось без партийного взыскания. Меня устно отчитали в райкоме КПСС — за попытку использовать свое общественное (должностное?) положение "для оказания давления на ЦК нашей партии" (так!!). Но уж больше в состав партийного бюро не выдвигали...

А от все же исключенного тогда из партии (хотя и со «смягченной формулировкой») Вооглайда на Новый, 1976 год пришла открытка: "Дорогой Андрей! Усатый — это ты, пожалуй. Желаю тебе и в этом удачи. Твой Юло". На обороте открытки был изображен эстонский крестьянин, подковывающий... черта!

...Ну, вот и суди сам, когда же мне и таким, как я, стало ясно, что КПСС "далеко не ум и не совесть эпохи"... Понимал это — не только когда восстанавливался в партии, на гребне перестроечной волны, но и раньше — когда в "год Оруэлла" исключали "...за написание и распространение клеветнических материалов на *(так! — А. А.)* советскую действительность...", и еще раньше — в пору партийного секретарства, и еще раньше — примерно с 1968 г. А вот до этого, увы, не понимал. Но если бы уже тогда понял, то и жизнь бы, наверное, сложилась совсем по-другому. Впрочем, в биографии, как и в истории — нет сослагательного наклонения.

- В те годы, когда ты восстанавливался в КПСС, ты понимал, что эта организация «далеко не ум и не совесть эпохи»... Что тебя тогда заставляло тратить силы, чтобы восстанавливаться? И после восстановления ты сразу вышел. Так?

Что касается, того, что заставляло "тратить себя" на восстановление в КПСС, то об этом столько понаписано в "Драматической социологии и социологической ауторефлексии" (том 2), что здесь не хочется повторяться.

Главная формула моего ответа на этот вопрос была найдена сравнительно недавно (уже когда писал ту книгу): *необходимая оборона* (в том смысле, в каком рассматривает это понятие А.Ф. Кони: “вынужденное защищение от несправедливого нападения...”).

Можно сказать, что защищал умаленную честь, достоинство, ущемленные права, которые в той ситуации идентифицировались как... членство в КПСС. А ради таких ценностей тратить себя не жалко...

Сразу вышел из партии, как восстановили... Ну, не совсем сразу: полтора года прошло. Это было в июле 1990 г. Когда открылся XXVIII съезд. Когда стало ясно, что этот социальный институт исторически *полностью* себя исчерпал. И не один я выходил, а “за компанию” с большинством коллег. По-моему, с тобой вместе... Вспоминаю собрание на втором этаже, в здании на Серпуховской улице.

...Это похоже на то, когда неправильно уволенный добивается восстановления на работе, и ему это (вдруг!..) удается, то часто *сразу же* увольняется. Ему не работа эта была нужна, а сам факт восстановления....

- *Про партию мы поговорили, а про КГБ?*

...Вообще, коммунистическая партия и “компетентные органы” — своего рода “близнецы-братья” (пользуясь метафорой Маяковского, примененной, впрочем, к В. И. Ульянову-Ленину). Партия — вроде бы старший брат, “органы” — младший. Причем исторически второй — более живучий и удачливый.

До середины 70-х моя персона для младшего из братьев интереса вроде бы не представляла, по крайней мере — внешних проявлений внимания с его стороны я почти не замечал. Но “наслышан” о его тогдашних подвигах был (да кто из гуманитарной интеллигенции не был!). Интересно, что до 40 лет никаких предложений “о сотрудничестве” мне не поступало. Единственное (впрочем, косвенное...) в 1976 г. оказалось и последним.

Я только что избавился от груза партийного секретарства, обнаружив свою “политическую незрелость” в связи с исключением из партии Ю. В. (см. выше). И вот приглашают меня — нет, не в Большой дом! — а всего лишь в комнату рядом с отделом кадров в здании нашего института на ул. Воинова (теперь — Шпалерная). Манера вглядываться в предъявляемые служебные корочки и даже записывать фамилию — у меня была (не знаю — откуда).

После общего “зондажа” (мол, желаем познакомиться… и как Вам работается...) просьба — “помочь” профессионально, в качестве знатока и специалиста по “контент-анализу” (я таковым слыл), в разработке методик идентификации автора по характеристикам текста. (Может, это была “легенда” их интереса, а может и впрямь нуждались, хоть и вряд ли; словно из “В круге первом” сюжет...). Ну, для меня это был “подарок” — повод закатить мини-лекцию, из которой явствовало что “не по адресу” обратились. Контент-анализ имеет дело с массовыми, а не индивидуальными характеристиками; исследование тенденций, а не определение авторства... Вам нужно не к социологам, а скорее — к психологам или лингвистам, если не к криминалистам...

Ладно, “отбоярился”. Уже прощаясь, мой собеседник неосторожно предлагает “не разглашать” наш разговор. “Это как же не разглашать? Я обязан сообщить в партийные органы. У меня от партии секретов нет!”. — “Ну, Вы ж

понимаете...” — “Не понимаю. Вы пришли ко мне за профессиональной консультацией... Почему я должен это утаивать?”. Тот ушел, недовольный.

Первым, кому я сообщил о поступившем предложении насчет “научного сотрудничества” был мой коллега, с которым у меня вполне доверительные отношения, причем он — партгрупорг отдела. Тот сказал: “Андрюша! Я понял. Молчу!”. Я ему: “Я не для того тебе рассказываю...Ты ж мой партийный руководитель! “ — “И что же мне делать?” — “Наверное, сообщить секретарю партбюро... Впрочем, как знаешь”.

Через пару часов встречаю в коридоре своего бывшего зама по идеологии, ныне сменившего меня на посту партийного секретаря. Как-то он многозначительно на меня поглядывает... Я: “Ты что-то хочешь спросить?” — “Чего же ты мне сам-то не рассказал?” — “А, ну ты для меня высокое начальство! Я по инстанциям...”. Из обмена мнениями стало ясно, что и райком партии следует информировать. Наверное, так он и сделал.

Уж не знаю как, но о беседе с бывшим секретарем партбюро нашего куратора с Литейного стало известно достаточно широко. Больше мы с ним никогда не встречались.

(А теперь: “проверка памяти”... Партгрупоргом отдела в ту пору, помнится, был... Борис Докторов! Вспоминаешь? Если да, улыбнемся вместе. Если нет, будем считать, что я рассказал анекдот).

- *Да, припоминаю... Забавно, однако.*

Несколько лет спустя со мной все было гораздо серьезнее. Когда охотились за материалами андерграундного экспертного опроса “Ожидаете ли Вы перемен?”, был пущен в ход весь арсенал средств “компетентных органов”, кроме разве что подбрасывания наркотиков... И при обыске в 1983 г. безуспешно искали именно эти материалы, а вовсе не “Письма Любимым женщинам”. Мой экземпляр “писем...” забрали “на всякий случай”, а у Бориса Беликова (обыск — в тот же день) аналогичный экземпляр не тронули...

...Хорошо помню, как в Большом доме на Литейном, перед объявлением официального предостережения, мне почти без вопросительной интонации сказали: “Ну, своих опрошенных Вы, конечно, не назовете...”. Я счел уместным объяснить: “Конечно, нет. Это профессиональная тайна!” (А ведь не всех и знал!).

Сейчас уже вроде не актуально (хотя — как знать!..), но вбивание клина между “старшим” и “младшим” братьями (как никак — братья-соперники!), с одной стороны, и “высокомерная” постановка известных норм профессиональной этики выше подразумеваемых “государственных интересов” (“Вы ж понимаете!..”), с другой, в последние советские десятилетия оказывались довольно эффективными в “выстраивании” отношений с тогдашней политической полицией.

От мировоззренческого тоталитаризма к мировоззренческой «толерантности»

- *К какой философской школе, к какому философскому направлению ты себя относишь? Ты давно исповедуешь этот «символ веры» или нашел его относительно недавно? В любом случае, как ты относишься к марксизму? По-моему, ты один из немногих, кто читал фотокопии работ Маркса?*

Твой вопрос вызывает у меня некоторое смущение: в самом деле, к какому “философскому направлению”, кроме марксизма, может отнести себя социолог, вышедший “из шестидесятых”, и кандидат философских наук 1970 года выделки? Мне бы не хотелось здесь отвечать слишком учеными рассуждениями о своей принадлежности к “философской школе”.

Если одной фразой, то это было, думаю, движение от некритического представления о марксизме, как единственно правильном мироучении (которое, впрочем, должно развиваться, в соответствии со своей собственной “революционной сущностью”, полагал я со студенческих лет) к “трезвому” взгляду на марксизм, как на одну из множества философских систем, претендующих на объяснение мира, и, как всякая такая система, ограниченную в своих мирообъяснительных возможностях (думаю так сегодня). Если двумя словами, то это движение от мировоззренческого “тоталитаризма” к мировоззренческой “толерантности” и плюрализму.

То же, на более низком уровне общности, можно сказать и о теоретико-социологическом “кредо”, также эволюционировавшим от своего рода “фундаментализма” к “полипарадигмальности”. Думаю, что в этом отношении я вовсе не оригинален.

В центре моих первоначальных занятий “социологией прессы” (в аспирантуре и позже) стояли попытки создания марксистской версии “теории массовой коммуникации” и, думаю, в этих своих усилиях я был куда более истовым марксистом, чем тогдашние изготовители идеологической каши, предъявлявшейся, скажем, студентам факультета журналистики в качестве “марксистско-ленинского учения о печати”. С другой стороны, ортодоксальная “марксичность” моих теоретических опытов времен Кяэрику выглядела, пожалуй, несколько экзотично среди “нормальных” исследователей массовой коммуникации, предпочитавших (имевших возможность...) опираться на более “утилитарные”, частно-научные идеи западной социологии середины века.

Из работы начинающего социолога (1967):

> “С развитием современных конкретных исследований в области эффективности прессы, радио, телевидения все острее ощущается необходимость в разработке понятийного аппарата теории массовой коммуникации в контексте марксистской социологии...
>
> Представляется неправильным распространенное толкование массовой коммуникации просто как одновременного обращения “одного ко многим”, обычно опосредованного совокупностью технических устройств (к этой дефиниции сводится большинство бихевиористских определений). Массовая коммуникация не есть технически оснащенное общение индивидов или “говорящего” индивида со “слушающей” массой. Субъектами общения здесь выступают социальные группы, выделяемые на уровне не ниже социального слоя или класса.
>
> В каждом данном обществе с “массой” (классом, совокупностью классов, обществом в целом) “разговаривает” класс, принадлежащий к этой массе или антагонистичный ей (в капиталистическом обществе). Такова наша главная антитеза буржуазным концепциям массовой коммуникации.
>
> Таким образом, всякий общественно-исторический тип массовой коммуникации оказывается процессом социально организованного обмена общественной информацией... одну из сторон которого составляет целенаправленное идеологическое воздействие на массы господствующей в данном обществе общественной силы (в социалистическом обществе в качестве такой силы выдвигается сам народ), а другая, эмпирически менее заметная сторона представлена обратным воздействием “адресата” на эту силу…».

Да простят меня читатели этого интервью за столь пространное автоцитирование. Но это куда информативнее, да и честнее, чем пересказывать или рассуждать о том, “откуда мы вышли” и т. п.

Впоследствии это теоретико-идеологическое построение получило развитие в “социологической модели массовой коммуникации”, элементами которой были: “социальный субъект 1”, “социальный субъект 2”, “средство массовой информации”, сама “массовая информация” и “массовая аудитория”. Первый субъект осуществляет информационно-пропагандистское (= массово-коммуникативное) воздействие на второго субъекта через свои институты (средства, органы) массовой информации, а второй субъект воспринимает воздействие первого через посредство своих собственных “институций” — массовых аудиторий.

Модель оказывалась универсальной, действующей как для буржуазного, так и для социалистического общества. Только для первого она “...особенно “прозрачна”, поскольку взаимодействующие социальные субъекты здесь суть не только разные, но и антагонистически противоположные классовые силы (буржуазия и трудящиеся массы, народ)” (это я цитирую уже последнюю из своих работ на эти темы — из сборника “Массовая коммуникация в социалистическом обществе”, Л.: Наука, 1979).

А своеобразие социалистической массовой коммуникации состоит в том, что

> “...здесь обнаруживается специфическое “тождество” социальных субъектов 1 и 2, оказывающихся одним и тем же субъектом, только взятым в разных аспектах: как субъект информационно-пропагандистской деятельности и как субъект восприятия и потребления массовой информации. В качестве первого выступает передовой класс или общество в целом, в лице своего авангарда — Коммунистической партии *(! — А. А.).* В качестве второго — общество в целом, широчайшие народные массы”.

Ну, и заключительный аккорд, из работы “зрелого” социолога (1979):

> “...Прогрессирующее “слияние” обоих социальных субъектов массовой коммуникации по мере продвижения к развитому коммунистическому обществу не исключает, а предполагает сознательное регулирование, программирование деятельности по производству и распространению массовой информации, осуществляемое управляющими центрами субъекта-общества в его интересах. Соответствие последним обеспечивает в конечном счете реализацию идеальной модели, выдвинутой еще молодым Марксом, применительно к исторически первому средству массовой информации и пропаганды: свободная пресса — это “язык народа обращенный им к самому себе” (Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 1, с. 44).
>
> Итак, массовая коммуникация есть язык общества, обращенный им к самому себе. Общество становится действительным хозяином своего “языка”, поскольку сбрасывает с себя путы социального порабощения и неравенства и обретает способность контролировать условия собственной жизнедеятельности...”

В начале 1970-х предполагалось, однако не состоялось издание моей книги под названием “Язык общества, обращенный им к самому себе”. Академикам — членам редакционно-издательского совета АН СССР показалась (и, пожалуй, не без оснований...) слишком вычурной апелляция к молодому Марксу в заглавии.
В 1973 году та же рукопись, но уже под скромным названием “Средства массовой информации”, успела пройти все стадии редподготовки в Ленинградском отделении издательства “Наука”. Как вдруг — скандал вокруг

книги Эльмара Соколова “Культура и личность”, вышедшей годом раньше в том же издательстве, и резкое повышение научно-идеологической бдительности.

Издательское заключение на рукопись моей книги, подготовленное после экстренного дополнительного рецензирования, завершалось словами:

> “...Увлекшись конструированием "специальной социологической теории массовой коммуникации", он *(автор. — А. А.)* уже на исходных позициях выпустил из вида значение общей социологической теории — исторического материализма...
>
> Вместо марксистского учения о базисе и надстройке... автор пытается вывести "модель" коммуникации на институциональном уровне, исходя из некой абстрактной общей структуры деятельности... Он строит свою теорию "субъект-1" и "субъект-2", где сама целесообразная деятельность как особый момент исчезает, а под субъект-1 и субъект-2 можно подставить или отдельные индивиды *(так! — А.А.),* или классы — схема работает в любом случае.
>
> Как хорошо показал в своей рецензии на рукопись проф. В. Я. Ельмеев, это соответствует попыткам западных социологов растворить общественные отношения в деятельности, и все последующие совершенно верные рассуждения автора о классовой сущности массовой коммуникации, коренных различиях между социалистической и буржуазной прессой и т. д. изменить ничего не могут: все здание теории А. Н. Алексеева оказывается без марксистского фундамента, оно стоит на песке позитивистских концепций...
>
> По вышеизложенным причинам мы считаем, что: работа А. Н. Алексеева издана быть не может, а поскольку речь идет не о частных недостатках рукописи, а о ее ошибочной методологической основе, это не позволяет говорить и о какой-либо доработке”. (Сентябрь 1973). (Из архива А. А.)

В то время в советской общественной науке были представлены, я бы сказал, три “разновидности” марксизма: “творческая”, “ортодоксальная” и “дремучая”. Не углубляясь сейчас в обоснование этого различения, замечу, что для марксизма «дремучего» (типа того же Ельмеева или, скажем, академиков Федосеева и Константинова), марксизм «ортодоксальный» (к которому можно отнести меня тогдашнего) был не менее неприемлем, чем «творческий» (ну, например, Лукач и Грамши, Ильенков и Батищев).

Ибо вышеприведенная последовательно марксистская концептуальная схема если не доказывала, то “намекала” на отсутствие “тождества” (чтобы не сказать противоположность...) интересов “социально-классовых субъектов 1 и 2”, отношения которых полагались лежащими в основе эмпирически наблюдаемого взаимодействия между СМИ и их аудиториями в социалистическом обществе.

Вообще, марксизм — такое большое и глубокое озеро, из которого множество рек вытекает (да еще переплетаются друг с другом по ходу течения). И вульгарный экономический детерминизм, и взаимоналожение социокультурных и политических факторов, и деятельностная природа социально-исторического процесса, и подчинение личности “общественным интересам”, и “абстрактный гуманизм” (молодого Маркса).

...Никаких фотокопий работ Маркса я, разумеется, в руках не держал. Но вот немецкоязычными оригиналами, особенно ранних произведений, интересовался, а также пытался прояснить для себя некоторые термины из русскоязычного марксистского тезауруса, путем сопоставления их с соответствующими немецкими терминами, а также их переводами на английский и французский. (Это было в 70-х гг., в пору активного самоутверждения в нашем обществознании понятия *образ жизни*).

Оказывается, очень многое в советской социологии зависело от того, как были в свое время переведены на русский такие использовавшиеся классиками немецкие слова, как *Tatigkeit, Verhalten, Verhaltnis, Verkehr, Wert...*

Из понятий, более или менее обиходных в марксистском дискурсе (но и не только в нем, разумеется...), ключевыми для меня, от начала занятий социологией и до настоящего времени, были и остаются: *деятельность* и *субъект*_(последний — не в сугубо-гносеологическом смысле: субъект — объект, а близко к тому, в каком сегодня употребляют термины "актор" или "агент"). Для освоения первого понятия существенным в 60-е гг. для меня было влияние Г. Щедровицкого, с одной стороны, и Г. Батищева, с другой; для включения же в активный оборот второго — влияние Б. Грушина (во всех случаях влияние — заочное). В частности, из книги Грушина "Мир мнений и мнения о мире" (1967) было почерпнуто мною, автором "социологической модели массовой коммуникации", представление о "коллективном", или групповом социальном субъекте.

В своей недавно вышедшей работе "Современная теоретическая социология как концептуальная база российских трансформаций" (2006) В. Ядов пишет:

> "Суть деятельностно-активистского подхода: отказ от идеи диктата "естественно-исторических" закономерностей социального прогресса в пользу утверждения принципа "социально-исторического" процесса, не имеющего жестко заданного вектора, ибо решающую роль в современных обществах играют деятельные социальные субъекты (agency), включая научно-технические открытия, социальные движения, легитимных лидеров, массы обычных граждан" (с. 7 указанной книги).

Похоже, что всю свою "социологическую жизнь" я так или иначе тяготел именно к этому подходу, и из классического марксистского наследия с давних пор извлекал именно его. (Кстати, и в методологии андерграундного экспертно-прогностического исследования "Ожидаете ли Вы перемен?" рубежа 80-90-х гг. он представлен достаточно ярко; см. «Драматическую социологию…», главу 1 — в томе 1, и главу 25 — в томе 4). [26] Из современных российских авторов отчетливее всего указанный подход реализуется, мне кажется, Т. Заславской (в ее "деятельностно-структурной концепции» социетальной трансформации российского общества).

Весьма значимыми и перспективными для меня сегодня представляются опыты синергетической интерпретации общественных процессов. Ну, в отличие от деятельностного подхода, усмотреть "истоки" синергетического — в марксистской социально-философской традиции, пожалуй, невозможно..

Здесь замечу, что "разочарование" в марксизме, или его развенчание, как "всесильного, потому что верного" мироучения, было последним в цепи моих мировоззренческих разочарований от 50-х к 80-м годам: сначала — Сталин, потом — советский социализм, потом — социализм вообще и, пожалуй, одновременно, Ленин, и, наконец, — Маркс. Моей, пожалуй, индивидуальной особенностью, по сравнению с многими ровесниками, было относительно *замедленное* движение по ступенькам и относительно позднее восхождение на вершину этой "лестницы прозрения".

---

[26] Электронная версия - http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_1-209.pdf; http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t4_400-517.pdf.

...Что же касается все более безусловного обнаружения несоответствия социальной реальности ортодоксальным марксистским схемам (о чем уже шла речь и ранее), то кто как, а я долго не уставал искать тому те или иные “конкретно-исторические” объяснения (и оправдания...).

В качестве общего алгоритма таких оправданий (еще в конце 60-х гг.) для меня выступала, например, опора на французского марксиста Луи Альтюссера. Тот развивал идею о “сюрдетерминации” исторических факторов. Альтюссеру принадлежит броская формула: *“В истории исключение из правил есть правило правил”*. (Что-то вроде “идеальных типов” М. Вебера, которые никогда не реализуются “в чистом виде”...). Тем самым как бы снималась острота противоречия между марксистской теорией и исторической практикой...

- Я сейчас, говоря о двух первых поколениях советских / российских социологов, выделяю «шестидесятников» и «шестидесятилетних». Ясно, оба названия, особенно второе, условны. Какое поколение тебе ближе? По мироощущению?Мне представляется, что родившиеся в 1929 году (и вблизи) верили в возможность улучшения социализма, те, кто родился в районе 1941 года – уже в это не верили, родившиеся вблизи 1953 года – считали социализм ошибочным типом устройства общества. Есть ли в таком поколенческом подходе правда?

О мировоззренческих различиях поколений существует большая литература. Я скажу только о социологах.

Я не думаю, что поколение моих старших коллег было в целом более наивным, чем мое или даже чем поколение младших (сам я отношусь как бы к промежуточному между родившимися в конце 20-х и в начале 40-х поколению). Во всех этих профессиональных “когортах” наличествовал и определенный идеологический наив (постепенно улетучивавшийся...), и та или иная степень “двоемыслия”. Кроме того, существенной является историческая динамика, а также особенности семейной истории и индивидуальной биографии. Я пытался рассказать о собственной идейной эволюции. У иных моих ровесников (да и старших...) эта эволюция могла заметно опережать мою.

Что же касается родившихся в 50-х, в частности, ровесников XX съезда, то они (обычно именуемые “семидесятниками”) никаких иллюзий уже пережить или нести в себе не могли. Они более прагматичны, так сказать, “сознательно адаптивны”, сугубо профессионально ориентированы и весьма, пожалуй, далеки от “прекраснодушия”.

(На этом месте набросок биографического интервью, перешедшего уже на темы собственно интеллектуальной биографии, обрывается. А. Алексеев).

**

*(На самом деле есть **еще один эпистолярный фрагмент,** написанный в мае 2006 г. для биографического интервью А. Алексеева Б. Докторову, который оказался не разысканным при подготовке публикации вышеприведеннго наброска интеровью в книге А. Алексеева и Р. Ленчовского «Профессия – социолог…» (2010). Воспроизведем его здесь. – А. А. Январь 2010).*

(Добавить в автобиографическое интервью. 1970-е гг.)

...Вот, просмотрел мозаику своих, уже отправленных тебе автобиографических фрагментов и нахожу, что 1970-е, т. е. период активной профессионализации, представлен чем-то вроде описи: под чьей “рукой” (руководством), с кем сотрудничал (соавторствовал...), в каких областях специализировался... Да еще недолгое партийное секретарство выперло на первый план... Пусть даже все “инвентаризации” в соответствующем отрывке хронологически выстроены, однако логика “научной эволюции” не просматривается: откуда куда и — почему так?

Если коротко, то я бы определил сегодня эту логику следующим образом: от идеологических спекуляций — к апологии научной строгости, а от этой последней — к “мягким” методам и акционистским подходам.

Начальный этап (конец 60-х гг) с его попытками построения марксистской теории массовой коммуникации был охарактеризован выше. Последовавшие затем (70-е гг.) контент-аналитические разработки, опросы читательских и зрительских аудиторий, изучение структуры и динамики репертуара драматических театров страны или конкретного культурного центра (Ленинград), при посредстве экспертов-театроведов, опросы, направленные на изучение образа жизни, потребительской и культурной активности, будь то населения мегаполиса, будь то строителей Байкало-Амурской магистрали, наконец, участие в панельном исследовании “Человек и его работа. 1976”, — все это были “социологические опыты” в рамках “дискурсивной” (пользуясь термином В. Шубкина из его замечательной новомировской статьи “Пределы”, 1978 г.), количественной парадигмы.

К 1975 г. относится моя (совместно с Борисом Беликовым) работа “О понятии “строгое исследование” в гуманитарных науках”, где, кажется, впервые серьезно задумался над тем, что “строгость” (предполагающая использование так называемых “жестких” методов) — отнюдь не синоним “объективности” или “истинности”. Были выдвинуты два реалистичных критерия строгости, а именно — критерий соответствия цели и критерий воспроизводимости результатов (чему в эмпирической социологии соответствуют требования обоснованности операциональных определений и надежности инструментов измерения). Это был первый шаг к преодолению сайентистских иллюзий...

Переход к “качественной” социологии произошел на рубеже 70-80-х гг. (я говорю, разумеется, не о мировой социологии, и не об отечественной, а о себе лично). Наиболее отчетливо это проявилось в попытке экспертно-прогностического исследования (“Ожидаете ли Вы перемен?”), и в так называемом “эксперименте социолога-рабочего”, или исследовании производственной жизни “изнутри”, глазами рабочего. (То и другое подробно рассмотрены в книге “Драматическая социология и социологическая ауторефлексия”, 2003-2005).

Впрочем, сразу оговорю, что в продолжающемся и по сей день “парадигмальном” споре между приверженцами количественных и качественных методов социологии я вовсе не беру сторону последних, “в ущерб” первым, а полагаю равноправными и взаимодополняющими три элемента системной (по Р. Баранцеву) триады: субъект-объектная социология, субъект-субъектная социология и социальная философия (соотносимые с фундаментальным семантическим архетипом: *рацио — эмоцио — интуицио*).

Другая линия персональной “научной эволюции” (в целом протекавшей, пожалуй, “скачкообразно”, включая “смены вех”) — это возрастающий интерес к динамике, будь то общественного, будь то личностного развития. Так, мне казалось приниципиально важным (во второй половине 70-х) выдвижение понятия жизненный процесс в качестве категориальной пары к понятию образ жизни (взятому на уровне индивида; на уровне общества такой категориальной парой к “образу жизни” я полагал “социальное развитие”...).

Постулировался (мною) принцип приоритета исторического, генетического подхода (в исследованиях образа жизни) перед структурно-функциональным. Сам же образ жизни, поначалу полагавшийся “системой” эмпирически наблюдаемых форм повседневного поведения, получил у автора этих строк существенно новую трактовку — как способ взаимосвязи условий, сознания и деятельности субъекта.

К тому же времени (вторая половина 70-х) относится повышенный интерес (я о себе говорю...) к занятиям проблематикой жизненных путей, Жизненный путь трактовался как смена способов жизни (поначалу речь шла о “жизненных ситуациях”), каждый из которых характеризуется своими жизненными обстоятельствами, стереотипами поведения и направленностью личности. Придумывались (в соавторстве с С. Минаковой), сценарии фокусированных и даже отчасти формализованных биографических интервью (“Ваша жизнь — вчера, сегодня, завтра”), а также тесты на определение поведенческой и ценностной направленностей личности (вопросники “Как Вам живется...” и “Ради чего мы живем?”).

Понятие “жизненного пути” оказалось одним из ключевых и в исследовании проблем социальной адаптации строителей БАМа (проводившегося совместно с В. Дьченко в 1977-78 гг.).

Помню, в 1981 г. (тогда уже работал на заводе...) я попытался обобщить все мало-мальски значимые результаты собственных исследований за 10 лет в докладе под названием “Образ жизни и жизненный процесс”. Приведу здесь три из пары десятков выводов этого доклада:

> “<...> 3. **Вывод о доминирующей роли “отложенных” эффектов пройденного исторического или жизненного пути в ряде ключевых моментов образа жизни поколений и структуры жизнедеятельности индивидов.**
>
> Нами получены разнообразные подтверждения выдвинутой ранее гипотезы об относительно высокой (а в некоторых отношениях и преобладающей!) роли прошлых обстоятельств жизненного пути (таких, как социальное происхождение, условия социализации, “стартовое” образование и др.) для формирования различных аспектов актуальной жизнедеятельности человека.
>
> Особенно заметна связь между социально-биографическими переменными и характеристиками социокультурной активности людей.
>
> Может показаться даже удивительным, что зависимость “культурного ценза” семьи опрошенного (измерявшегося, впрочем, довольно грубо — размерами домашней библиотеки) от “образовательного ценза” родителей (учитывался наивысший уровень образования среди родителей) больше, чем от собственного образовательного статуса (уровня образования) опрошенного (данные ленинградского обследования “100 вопросов о Вашей жизни”, начало 70-х гг.).
>
> Еще более существенно обусловленными социальным происхождением и условиями социализации предстают образовательный и социально-профессиональный статусы обследованных. Широкий круг данных подобного рода получен также в исследованиях зрительской аудитории ленинградских театров (70-е гг.).
>
> Разнообразные “отложенные” эффекты исторического пути, пройденного целыми поколениями (участие в войне, общественная ситуация середины 50-х гг. и проч.), на наш взгляд, могут оказаться ключом к объяснению многих современных

явлений в сферах труда, быта, досуга, а также особенностей жизненной позиции представителей этих поколений.

<...> 4. **Вывод-гипотеза о складывающейся диспропорции между семейно-бытовой, индивидуально-потребительской, и социально-творческой, общественно-гражданственной компонентами в структуре жизнедеятельности личности.**

Этот вывод базируется на разнообразных социологических данных, в том числе полученных нашим научным коллективом *[сектор социальных проблем личности и образа жизни ИСЭП АН СССР. — А.А.]* — насчет распространения и укрепления "инструментального" отношения к труду (труд как средство для жизни), в отличие от отношения к труду как к "самоценной" деятельности.

Многократно отмечавшийся рост индивидуально-потребительских тенденций, усугубляющаяся вовлеченность людей в семейно-бытовую сферу, "рецидивы мещанской психологии" (упоминаемые в партийных документах) — все это позволяет говорить о том, что на передний план сегодня выдвигается потребительская компонента образа жизни, в отличие от компоненты социально-творческой, а также — общественно-гражданственной.

Дополнительное подтверждение этому получено недавно нами в совместном с С. Минаковой исследовании структуры и динамики жизнеощущения личности после завершения вуза без отрыва от производства.

Мы задавали, в частности, вопросы о том, насколько человек удовлетворен своими нынешними жизненными обстоятельствами, "счастлив ли он", а также о том, насколько ему удается удовлетворять свои потребности (материальные и культурные) и насколько удается развивать и реализовать свои способности. Анализ связей между ответами на эти вопросы показывает, что развитие и реализация способностей (вкупе с удовлетворением культурных потребностей) относительно автономны от удовлетворения материальных потребностей.

Примечательно, что "дух" не выдерживает конкуренции с "бытом" — в формировании "ощущения счастья". Счастливым (в картине данных упомянутого исследования), предстает скорее тот, кто удовлетворяет свои материальные потребности, чем тот, кто реализует свои способности или развивает их. Кстати, "наиболее счастливыми" оказываются люди с доминирующей вовлеченностью в общественно-трудовую сферу (в нашей выборке это, как правило, хозяйственные руководители среднего и высшего звена). Но, как показывает анализ, жизненный мотив удовлетворения материальных потребностей у людей даже и с такой направленностью личности — превалирует над мотивом реализации способностей.

<...> 7. **Вывод о прогрессирующем развитии феномена "ситуационно-ролевой" морали в сферах трудовой, общественной, бытовой и т.д. активности.**

На термине не настаиваем. Но речь идет о развитии особого социально-нормативного комплекса, в котором рассогласование норм-требований и норм-стереотипов поведения является минимальным.

Массово одобряемым и общественно-санкционируемым все более становится поведение, которое иногда называют конформным, но точнее его характеризовать как "ситуационно-ролевое". Это поведение, направленное на сохранение системы взаимосвязей субъекта с окружающей средой или на такое изменение этой системы, которое способствует увеличению ее стабильности. Отсюда — феномен "ситуационно-ролевой" морали, в пределе приближающейся к абсолютной адаптивности. Один и тот же человек ведет себя прямо противоположным образом в зависимости от ситуации, в которой он оказался, или той из своих социальных ролей, которая в этой ситуации актуализируется. Внутренние максимы поведения как бы "стираются", отступают перед внешними императивами и теряют всякую регулятивную роль.

При этом человек не осознает этой своей ситуативно-ролевой зависимости. Он равно убежден в своей "правоте": и в роли дружинника, задерживающего того, кто выпивает в садике, и в роли пьющего водку у пивного ларька; и в ситуации хронометража рабочего времени, когда надо скрыть свои производственные резервы, чтобы не пересмотрели нормы, и в ситуации инициативного (со стороны рабочих) пересмотра норм, упреждающего их (эти нормы) неизбежный административный пересмотр.

Это мораль не “двойная”, а именно ситуационная, в ней нет сознательного “лицемерия”. При этом достигается относительная свобода поведения (не осознаваемого в качестве вынужденного).

Само по себе инициативное (не “ситуационное”!) поведение оказывается эффективным тогда, когда оно предстает — в общем мнении — как **“инициатива вынужденная”.** Принцип вынужденной инициативы может выступать также и своеобразным адаптационным средством, если человек ставит перед собой цели “овладения ситуацией”, творчески-преобразовательной или нормотворческой деятельности.

(Конечно, это уже не “чистая” социология! Но социология, по нашему убеждению, должна не только способствовать формированию личности согласно общественным требованиям, но и “учить” личность эффективно действовать в социальной среде). <...>“

(Цит. по: Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1. СПб.: Норма, 2003, с. 450-453).

**

(И еще одно дополнение, из переписки уже 2010 г. – А. А. Январь 2011).

Дорогой Борис!

Как обещал, посылаю для твоей книжки свое эссе на тему «Социолог-рабочий и КГБ». От твоего наброска оно отличается строгим отбором фактов (только имеющее непосредственное отношение к теме) и акцентуированной документальностью. Буду рад, если пригодится.

Твой – Андр. Ал. 4.11.2010. 21:15.

Для книги Б. Докторова по истории советской социологии. Андр. Ал. 4.11.2010.

Социолог-рабочий и КГБ

...В воспоминаниях Воронкова, фрагмент которых приведен выше, есть слова: «Якобы в связи с моим делом провели обыск у Андрея Алексеева, с которым я до того был едва знаком». Действительно, так оно и было, но «дело» А. Н. Алексеева в середине 80-х гг. оказалось настолько резонансным, что заслуживает отдельного рассмотрения. Сам Алексеев подробно описал его в своей книге «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». [27] *Сейчас, по нашей просьбе он написал короткий «абстракт» на эту тему.*

«Итак, Ты задал тему: «*Социолог-рабочий и КГБ*». Почему именно так названо? Потому что во времена упомянутого дела (первая половина 80-х) я работал слесарем механосборочных работ на Ленинградском заводе полиграфических машин. При этом в 1980-1982 гг.еще и совместительствовал в Институте социально-экономических проблем АН СССР, в ядовском секторе, откуда и пошел на завод в 1980-м.

[27] Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005).

Жизненная и профессиональная ситуация не тривиальная, но отнюдь не скандальная. «Эксперимент социолога-рабочего» увлек так, что я уже четвертый год его продолжал. Правда, с 1983 г. совместительство в институте прекратилось, причем не по моей инициативе. Что вовсе не было воспринято мною как некий сигнал.

16 сентября 1983 г. по дороге домой после дневной смены я был остановлен на улице (точнее в книжном магазине у станции метро «Петроградская») и вежливо приглашен (не «Пройдемте», а «Проедем»…) к себе домой для присутствия при производстве обыска на своей квартире. Согласно протоколу, было изъято 39 позиций: несколько книг (в том числе под грифом «для служебного пользования»), машинописные конспекты и перепечатки, а главное – многостраничный архив личной и деловой переписки и рукописи неопубликованных работ.

Повод для обыска – предположение следователя, что на квартире у гр-на Алексеева «могут находиться предметы и документы, имеющие значение» для уголовного дела о «валютных операциях». Причина, понятно, другая, и, как вскоре удалось «вычислить», она состояла в поиске материалов андерграундного экспертного опроса на тему «Ожидаете ли Вы перемен?», одним из организаторов которого я в действительности был.

Ну, текстов экспертных интервью дома, по счастью, не оказалось, равно как и запрещенной литературы (все же какое-то предчувствие у автора этих строк было), пришлось команде обыскивающих удовольствоваться письмами-дневниками-отчетами социолога-рабочего, адресовавшимися коллегам и друзьям, под шутливым названием «Письма Любимым женщинам» и проч.

Здесь важно отметить два обстоятельства, одно, так сказать, социологическое, другое – личное. Социологическое: большая часть акций политической полиции (КГБ) тогда проводилась «под прикрытием» органов МВД. Личное обстоятельство: диссидентом, противником режима социолог-рабочий вовсе себя не считал, да и не был им, пожалуй.

Оставаясь как бы «за кадром», сотрудники «Большого дома» в данном деле все же обнаружили себя тем, что стали опрашивать коллег и знакомых Алексеева на тему: 1) Случалось ли получать от А. какую-либо запрещенную литературу?; 2) Знакомились ли с «Письмами Любимым женщинам?»; 3) «Приходилось ли отвечать на вопросы анкеты «Ожидаете ли Вы перемен?». 12 чел. конфиденциально сообщили мне об этих беседах, а двое даже сумели сохранить копии своих «объяснений», которые им пришлось писать по поводу общения с «заподозренным» субъектом.

Уже позднее я узнал, что пресловутые «Письма…» были отправлены на экспертизу в Управление по охране государственных тайн в печати при Ленгороблисполкомах и получили там соответствующую квалификацию

Моя собственная встреча с сотрудниками КГБ состоялась несколько месяцев спустя - для объявления мне так называемого *официального предостережения* в качестве «меры профилактического воздействия», в соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 15.12.1972 (разумеется, никогда не публиковавшимся). Формула такого предостережения:

> «…Гр-ну (имярек) объявлено официальное предостережение о недопустимости указанных выше действий, противоречащих интересам государственной безопасности СССР, и разъяснено, что подобные поступки с его стороны в дальнейшем, если он не сделает надлежащих выводов, могут привести к преступлению и повлечь за собой уголовную ответственность. Ему сообщено, что о

содержании предостережения будет уведомлен прокурор г. Ленинграда. Гр-ну (имярек) разъяснено также, что в случае совершения им преступления, наносящего ущерб интересам государственной безопасности, настоящий протокол будет приобщен к уголовному делу…».

(Примечательно, что совсем недавно процедура такого рода официальных предостережений законодательно восстановлена в России для борьбы с «экстремизмом», а по существу - с политической оппозицией).

Ну, дальше – прямые следствия и более или менее отложенные эффекты вышеуказанного события, механизм которых был запущен справкой Управления КГБ по Ленинградской области «В отношении Алексеева А. Н.», направленной по месту работы (завод «Ленполиграфмаш»), где социолог-рабочий изобличался, в частности, в том, что «распространял в своем окружении изготовленные им машинописные документы, содержащие политически вредные и идеологически невыдержанные оценки отдельных сторон советской действительности».

Формулировки относительно «мягкие», на уголовную статью не тянущие, но вполне достаточные для исключения из партии, из Союза журналистов СССР, из Советской социологической ассоциации, с подобными или даже усиленными обвинениями. Например, постановление бюро Ленинградского обкома КПСС от 23.05.1984: исключить из рядов КПСС за: «… проведение социологических исследований политически вредного характера, написание и распространение клеветнических материалов на советскую действительность и грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования».

Несколько лет тянулась «тяжба» между исключенным из партии социологом-рабочим и партийными органами (последовательные многочисленные апелляции, вплоть до обращения к XXVII съезду – март 1986 г.). Из «Большого дома» за этой неравной борьбой (кстати, поддержанной и некоторыми коллегами автора этих строк - как социологами, так и рабочими) наблюдали, так сказать, дистанционно, не мешая своему «подопечному» отстаивать свои права «коммуниста и гражданина» и опровергать «несправедливые обвинения».

Когда поднялась «перестроечная волна» (1987-1988 гг.), ситуация «опального социолога», продолжавшего работать на заводе стала постепенно меняться. В сентябре 1987 г. в «Литературной газете» появился очерк Л. Графовой «Преодоление пределов», посвященный «эксперименту социолога-рабочего», и т. д. Интересно, что еще до этого предусмотрительные чекисты сочли за благо отменить вышеупомянутое официальное предостережение.

Я был информирован об этом двумя сотрудниками УКГБ ЛО, приехавшими на завод с текстом будто бы того же самого официального предостережения 1984 г (похоже, он был чуть подредактирован, т. е. документ фальсифицирован - проверить невозможно, поскольку подписаться под ним предостереженный тогда отказался).

А ниже на этом документе была и очевидно свежая запись — о том, что... «Алексеев А. Н. в период с 5.01.84 по 14.05.87 действий, противоречащих интересам государственной безопасности, не допустил», и в связи с этим сотрудник Ленинградского УКГБ Ю. М. Вилочкин «полагал бы *(так! — А. А.)* действие официального предостережения органов КГБ СССР в отношении Алексеева А. Н. прекратить, о чем направить уведомление прокурору г. Ленинграда».

Интересно, как это было воспроизведено в позднейшем документе под названием «Дополнение к справке Ленинградского ОК КПСС по партийному делу т. Алексеева А. Н.», от февраля 1988 г.:

> «…Допущенные А. Н. Алексеевым нарушения не привели ни к каким отягчающим обстоятельствам, уголовной ответственности он не подлежал, но заслуживал строгой партийной оценки.
>
> На сделанное в 1984 году предостережение тов. Алексеев реагировал правильно, никаких действий, противоречащих государственной безопасности, за прошедшее время не допустил, продолжал вести активную научную деятельность. За последние годы... *(следует перечисление всевозможных достижений в производственной сфере: победа в соцсоревновании, критика недостатков на производстве, рационализаторство и т. д. — А. А.).*
>
> Принимая все это во внимание, а также установившуюся в партии обстановку откровенности *(! — А. А.)*, бюро обкома партии принято решение: — просить КПК при ЦК КПСС о восстановлении тов. Алексеева А. Н. в партии, без перерыва в стаже».

Для характеристики системы не менее показательны чем ее «наезды», также то, как именно она дает «задний ход».

После всех этих событий мне довелось посетить «Большой дом» лишь однажды, по собственной инициативе. В октябре 1988 г. я обратился в Ленинградское управление КГБ с настоянием вернуть мне изъятые при обыске в 1983 г. материалы. Процитирую «Драматическую социологию…» (т. 3, с. 550):

> «Я выдал расписку в получении в Управлении КГБ следующих материалов, которые в свое время были у меня изъяты (здесь воспользуюсь терминами протокола об обыске 1983 г.):
>
> (1) Выдержки из произведений *[цитатник — А. А.]* Мао Цзэ-дуна (Пекин, 1967).
>
> (2) Книга Дж. Оруэлла «1984» (на английском языке), 1964.
>
> (3) Перепечатка писем *[и стихов… — А. А.]* М. Цветаевой (23 машино-пис. листа).
>
> (4) Машинописный текст «Сандро (новые главы)», Ф. Искандер (9 листов).
>
> (5) «Тетради по БАМу» (подготовительные материалы к научному докладу, 1978 г.). 8 тетрадей.
>
> (6-7) 2 тома «Писем Любимым женщинам» (часть 1-я — папка № 2; часть 2-я — папка № 4, всего 742 стр.).
>
> 8) «Исторический режим воспроизводства высшего политического руководства страны как предмет социологического измерения» (исп. — А. Алексеев; 23 машинопис. Листа)
>
> Все эти материалы хранились в Ленинградском управлении КГБ в течение пяти лет и оказались в полной сохранности».

Стоит заметить, что побеспокоился я о своей собственности вовремя. Как автор этих строк потом узнал, его дело в 1991 г. было в УКГБ ЛО (как, видимо, и все остальные подобные «дела», кроме судебных) «аннулировано», т. е. уничтожено. Ясно, что вместе с собственными документами и «разработками» Управление уничтожило бы и прилагавшиеся к ним «вещдоки».

***

(Нижеследующий текст, объединяющий в единую тематическую линию соответствующие фрагменты вышеприведенных писем А. Алексеева к Б. Докторову, ***ранее не публиковался.*** *– А. А. Январь 2011)*

(2) А. Алексеев "Пусть докажет, зачем ей это нужно!.." (история одного судебного процесса)

Предуведомление

Ниже собраны вместе несколько фрагментов из моей электронной переписки от марта-июня 2006 г. с моим давним коллегой и другом, социологом Борисом Докторовым. Борис, ныне живущий в США, обратился ко мне с предложением о биографическом интервью, в рамках осуществляемого им ныне историко-социологического проекта. Отвечая на его вопросы, я несколько вышел за их рамки и взялся пояснить, что же такое драматическая социология, предъявив одну конкретную моделирующую ситуацию, которая образовалась как раз во время нашей переписки и освещалась мною "по горячим следам", по мере ее (ситуации...) развития. Недавно это импровизированное "исследование случая" получило свое логическое завершение.

А. А.

12 июня 2006 г.

(Из письма А. Алексеева Б. Докторову 3-5 марта 2006 г.)

...А обещанный мною "кусок текста" — он про то, что вот вчера ездили мы с моей дочерью Олей (1960 г. рожд.; эта она выросла на втором этаже дома 13 в Поварском переулке; а ты, оказывается, жил тогда на четвертом, а на третьеи, по легенде, когда-то живал Тургенев...) в Красное Село (Оля теперь живет на пр. Ветеранов 154, т. е. в Красносельском районе), на суд, где слушалось дело "об установлении факта, имеющего юридическое значение" (есть такая, не очень распространенная категория гражданских дел так называемого "особого производства"...).

Дело в том, что, закончив в свое время биолого-почвенный факультет ЛГУ и получив, таким образом, как в любом университете, высшее "педагогическое образование", Оля в середине 90-х — будучи вовлечена и увлечена проблемой воспитания собственных детей (поначалу именно их...) — получила еще дополнительное "специальное образование" в так называемом ТОО "Союз педагогов", выдавшем ей диплом "логопеда, преподавателя логоритмики". И вот теперь в качестве учителя-логопеда работает моя дочь в одном из детских садов в районе Автово, скоро уже 10 лет. Специальность эта ей нравится и достигла она в ней за не столь уж продолжительное время успехов, думаю, побольше, чем ее родитель в своей — за куда более длительный срок. Достаточно сказать, что на базе личного педагогического опыта и творческой фантазии сочинила и выпустила Ольга Новиковская в пяти разных питерских издательствах ни много ни мало 16 книг для детсадовских работников и родителей, типа "Логопедической грамматики" (серия из трех выпусков, для детей 2-4, 4-6 и 6-8 лет), "Логоритмики", "Развивающих игр..." и

“Конспектов комплексных занятий с детьми 4-5 лет”... Некоторые из этих книг продаются аж в киосках метро.

В общем в своей профессиональной сфере Оля едва ли не знаменитый, ну — во всяком случае востребованный человек.

При всем том, она в этой сфере как бы “беззаконная комета”, поскольку “авторитетного” логопедического образования (которое можно ныне получить в Питере только в Педагогическом институте им. Герцена, причем за несколько лет и за большие деньги) не имеет. И лишь “в порядке исключения”, по совокупности своих заслуг, получила она в 2002 г. 1-ю профессиональную категорию (чему соответствует 13-й тарифный разряд), хоть вполне могла бы претендовать на категорию высшую.

Ситуация этакой статусной дискриминации усугубилась с переводом (с начала этого года) специализированных детских садов (в одном из которых трудится Оля) из системы здравоохранения в систему народного образования, где особенно высоки требования к наличию “профилирующего образования”. И вот Оля, обеспокоенная своими перспективами, затеяла прояснять “меру легитимности” своего специального образования.

Тут надо сказать, что обучаться в ТОО “Союз педагогов” Оля пошла в 1995 г. не сама по себе, а по направлению службы занятости (биржи труда), где она тогда состояла на учете. Служба занятости даже выплачивала ей в “период переобучения” какую-то грошовую стипендию... Т. е. государство как бы брало на себя ответственность за то, что человек получит специальную подготовку, открывающую ему дорогу для работы по данной профессии. Но, как и большинство наших государственных гарантий, эта — оказалась весьма ненадежной! (Характерно, что почти никому из тогдашних Олиных соучениц работать логопедом не довелось — их в лучшем случае принимали в детские сады, на наинизшую ставку, рядовыми воспитателями, для чего вовсе на надо было никаких специальных дипломов).

Однако формально для “благополучного существования” (не говоря уж о карьерном росте...) логопеда и некоторых других категорий работников дошкольных учреждений, согласно действующим в системе наробраза рекомендациям и инструкциям, необходим объем “специальной подготовки” не менее1000 учебных часов. Оля же в свое время проходила специальное обучение в течение порядка 40 недель, при пятидневной учебной неделе, с шестичасовой загрузкой каждый день. Нетрудно подсчитать, что около 1200 часов ее “учили”. Вот для констатации этого элементарного факта Оля и запросила обычную архивную справку. Не тут-то было!

Дальше — ситуация, которая в терминах моей “драматической социологии” называется **моделирующей.** (См. об этом хотя бы предисловие к известной тебе книге, в томе 1; что касается иллюстраций, то все “Письма Любимым женщинам”, да и последующие дневники социолога-испытателя 80-х гг., включенные в эту книгу, ими переполнены). С той лишь разницей, что “нормальному человеку” (не социологу и т. п.) не надо моделирующую ситуацию “выстраивать”, точнее говоря — “достраивать” до таковой. Моделирующие ситуации у нас повседневно <u>сами выстраиваются</u>, социологу достаточно ее усмотреть и высветить.

...Оказывается, где-то в конце 90-х гг. товарищество с ограниченной ответственностью “Союз педагогов” прекратило свое существование, однако тут же было учреждено негосударственное образовательное учреждение “Союз педагогов”, причем с теми же директором, административным персоналом и т.

д. Но... без правоприемства! В силу последнего обстоятельства, архив ТОО в НОУ отсутствует. В соответствующие гос. архивы архив ликвидированного ТОО, как выяснилось, не поступал. (Непорядок, но спросить вроде не с кого...). Соответствующие архивные документы службы занятости (включающие договора о переобучении), оказывается, ликвидированы, на законном основании, по истечении 5 лет хранения.

(Любой из сообщенных мною сейчас фактов пришлось подтверждать документально, чтобы суд принял дело к рассмотрению).

...Вообще говоря, тут действует "схема", по которой в выигрыше все (чиновные и не чиновные лица...), кроме тех фактически обманутых клиентов биржи труда, коих направляют на переобучение, потом якобы обучают, потом оспаривают их дипломы, тем самыми понуждая их реабилитироваться заочным обучением в педвузе (если у них на это хватит сил и денег). И не так даже возмутительна эта схема, как обыденна (характерный признак "моделирующей ситуации").

(Еще интересно, что если 9 лет назад упомянутое ТОО еще, похоже, и впрямь обучало своих студентов в объеме свыше 1000 часов, то вот теперь лицензированное НОУ обучает их в течение заведомо меньшего количество часов, что также подтверждается документально; тем не менее служба занятости продолжает туда людей направлять; в итоге — и органы власти, и учебные заведения "при деле" и с того "кормятся").

Ну, это общая оценка ситуации. А в данном случае бывший директор ТОО, а ныне — НОУ "Союз педагогов", некто Р., поначалу неосторожно подписавший выданную Оле справку о том, что она закончила лицензированные курсы по специальности "Логопедия" в возглавлявшемся им заведении в 1996 году, при количестве учебных часов 1040, — потом спохватился и заверить ее печатью своего НОУ отказался (ведь отношения правопреемства между ТОО и НОУ нет!).

Вот и пришлось Оле подавать в суд — да не иск (к кому? не к кому, кроме разве что всей системы...), а именно заявление об установлении факта, имеющего юридическое значение, который в каком-то смысле определяет ее дальнейшую профессиональную судьбу.

В итоге сбора и предъявления документов в суд, а также различных юридических и не юридических консультаций выяснилось, что судебные органы так же не заинтересованы устанавливать данный жизненно важный для гражданки Новиковской факт, как другие причастные организации не заинтересованы его подтверждать или оспаривать. В общем сложилась ситуация как будто безнадежная для заявителя, хоть и удалось добиться (со второй попытки), чтобы дело было принято к производству.

Гражданин, не искушенный ни в законах, ни в обычных нормах (практике) их применения (нарушения...) хотя бы теми же самыми судебными органами, как правило, претерпевает в этих коридорах кафкианские страдания. Нанимать адвоката нормальным людям, как правило, не по средствам (разве что выигрыш дела сулит большие деньги, от которых юристу потом отстегнется). Простое, разовое присутствие адвоката на суде является несоразмерно с результатом дорогим для клиента удовольствием (здесь опускаю суммы и таксы, в частности, "почасовой" оплаты).

Интересно, что юридически корректный язык, которым простой гражданин, понятно, не владеет, органично включает в себя бессмыслицы и неграмотности, которые "всех устраивают". Еще замечу: разнообразные

ведомственные и “вневедомственные” юристы (к которым Оля обращалась) сплошь и рядом давали противоречивые и заведомо неграмотные рекомендации (чтобы убедиться в последнем, достаточно было заглянуть в гражданский или гражданско-процессуальный кодекс). Юристы, особенно при разовых консультациях, сплошь и рядом — порой нечаянно, а порой и намеренно — “подставляют” своих клиентов.

В итоге был “нанят” Олей в качестве “адвоката” я сам. Получив в нотариальной конторе соответствующим образом оформленную доверенность (это стоит порядка 400 руб.) любой гражданин может представлять в суде интересы другого — со всеми теми же обязанностями и правами, что и профессиональный адвокат. Вопрос — как он сумеет этими правами воспользоваться и насколько будет эффективен.

Если в период моих “приключений социолога-испытателя” для меня подобные авантюры были едва ли не профессиональным “хлебом”, то сейчас никакого азарта и удовольствия от них я не испытываю. Это, как говорится, от нашей бедности, в порядке выживания и только “по жизненным показаниям”.

Среди осознаваемых мною собственных жизненных правил есть такое: решая определенную жизненную задачу (игра на выигрыш...), делай так, чтобы нельзя было себя (тебя...) упрекнуть, что эта задача не решена (ты проиграл...) в силу собственного разгильдяйства. Всегда жаль собственных усилий, затраченных на решение задачи, если дело сорвалось из-за твоей же небрежности и непредусмротрительности.

Сейчас не придумывается “максима” (типа тех, что в приложениях к части 2 в томе 2 “Драматической социологии...”), как это сформулировать емко и красиво. Но сама эта мысль далеко не тривиальна и не общепризнана. По счастью, в этой жизненной позиции мы с дочерью вполне созвучны.

(Ах, вспомнил свой собственный лозунг “интернала”: “Если у тебя украли кошелек, значит — ты его плохо положил”. В отличие от логики “экстернала”, у которого всегда “вор виноват” или кто-нибудь еще. Это не совсем то, о чем сказано выше, но близко к тому).

Что мы к этому суду недостаточно готовились — никак нельзя сказать. Мною были разработаны распределение наших с Олей ролей (участие представителя не исключает возможной активности доверителя) и подробнейший сценарий. Но самое трудное было — предусмотреть возможные отклонения от сценария, которые могут произойти (и, разумеется: произошли!) в силу того или иного поведения судьи или изменений обстоятельств вроде неявки свидетеля и т. п. Т. е. сценарий получался “ветвящимся”, как исторический прогноз.

(Разумеется, невозможно предусмотреть все, но в поворотах событий для тебя не должно быть абсолютных неожиданностей).

Все пять заранее заготовленных ходатайств с нашей стороны оказались приняты судьей В., отчасти — в силу психологически хорошо рассчитанного и логически выстроенного порядка их подачи, а также точного обоснования каждого. Удалось “заставить” судью вникать в суть дела, вместо напрашивавшегося и уже даже прозвучавшего там: “А зачем вам это понадобилось, ведь вас же никто не увольняет и аттестация, где могут повысить или не повысить категорию, состоится только через год!”.

Дело рассматривалось 45 мин. (больше нормы!), после чего было отложено. Не отложенным быть не могло, поскольку до этого судом было удовлетворено ходатайство о повторном вызове не явившегося свидетеля (того

самого отказавшегося заверять свою подпись “бессменного” директора ликвидированного и возродившегося “Союза педагогов” Р.; теперь ему предстоит подтвердить в суде то самое, под чем он уже успел подписаться). На следующее заседание суда (оно состоится в конце марта) будут приглашены и еще трое свидетелей.

К делу была приобщена восторженная (так! ; составленная и подписанная заведующей специализированным детским садом № 362 от души) характеристика логопеда Новиковской О. А. с приложением полной библиографии ее опубликованных трудов (впечатляет!).

Приложена к делу (в соответствии с нашим ходатайством) и копия личного письма О. Новиковской бывшему и нынешнему директору “Союза педагогов”, отправленного ею с подачи главного юриста городской службы занятости (по-видимому, озабоченной перевести стрелку ответственности за сложившуюся ситуацию на учебное заведение), в котором (письме) автор блефует: мол, мне придется обратиться к вам с иском о принудительном ежемесячном взыскании с вас разницы между моей нынешней зарплатой и той, которая может возникнуть при отсутствии официального подтверждения указанного вами в не заверенной, но подписанной архивной справке количества учебных часов.

(Вообще, это была “подстава” ведомственного юриста, в чем мы не сразу разобрались. Но судья, по счастью, не возразила. Я же читал это письмо намеренно невыразительно, демонстрируя лишь, что моя доверительница “пойдет до конца”; а зачем судье еще новое обращение в суд, пусть и безнадежное? Не проще ли решить дело уже сейчас, если доказательств достаточно...).

Какие-то еще дополнительные запросы для укрепления доказательной базы суд определил направить: кажется, в гос. архив и аж в налоговую инспекцию. Выдано соответствующее поручение “заинтересованному лицу”, каковым выступал Комитет по образованию Правительства СПб, в лице какой-то своей сотрудницы. Та вроде заинтересовалась необычным учителем-логопедом из Кировского района, предложила Оле ей позвонить для организации консультаций или экспертизы по ее “статусным” и аттестационным делам.

Вот так мы с моей дочерью боролись за ее “место под солнцем”! По крайней мере, на данный момент не безуспешно... Я чего “ностальгический” портвейн (Зина говорит — ядохимикат!) вздумал потом употребить! Это же радость: мы пока не проиграли...

Оля на “вопросы суда” отвечала толково. И даже на какое-то замечания судьи по поводу вставленной в ее речь “подставы” юриста службы занятости, нашлась сказать, что не искушена в юридических правилах и рассчитывает, что суд сам примет то решение, какое надо.

Чтобы тебе была ясна мера моей “адвокатской изощренности” (отчего же не похвастаться перед доброжелательным читателем!) приведу три эпизода судебного разбирательства.

== Я: — С учетом присутствия здесь представителя Комитета образования, прошу суд приобщить к делу служебную характеристику моей доверительницы...

Судья: — Зачем это, какое имеет отношение к делу?

— Это чтобы показать, что О. А. не зря училась в ТОО “Союз педагогов”, что ее хорошо там выучили.

(Ходатайство принято).

== Представитель городского комитета по образованию заявляет (поначалу), что не нужно судебного разбирательства: аттестация еще впереди, достаточно проконсультироваться в комитете...

На что я возражаю: — Допустим, вы или кто-то из ваших экспертов заверит мою доверительницу, что все в порядке, к уровню ее образования никаких формальных претензий нет. Но где гарантия, что ваш консультант через год не окажется в другом месте и не придет другой, который посчитает иначе?

== И еще одно почти правозащитное заявление:

— Пусть даже ничто моей доверительнице не грозит. Но ведь человек имеет право знать, сколько же на самом деле часов его обучали...

(Не подумай, что я так остроумен и находчив. Это все в общем-то "домашние заготовки". Важно было предусмотреть повороты дела, при которых та или другая может понадобиться, а может и нет).

Пожалуй, вчерашний день включает самый большой мой "судебный" успех (разумеется, промежуточный...) после выигрыша дела о защите чести и достоинства у секретариата Советской социологической ассоциации в 1986 г., с которого, собственно, началась идеологическая (хоть предмет судебной защиты и был по видимости идеологически нейтрален) реабилитация опального социолога-испытателя. (См. главу 13 в томе 3 "Драматической социологии..."; ну, этот мой сюжет ты, наверное, помнишь; сейчас он в книге неплохо, с интригой, выстроен).

...Конечно, "цыплят по осени считают"... Окончательный итог придется подводить в конце марта. Но даже если он будет отрицательным, мы с дочерью не сможем себя упрекнуть, что не сделали всего от нас зависящего.

(Из письма А. Алексеева Б. Докторову 24 марта 2006 г.)

А теперь (подержу двоих моих уважаемых читататателей "в напряжении": что же он, т. е. я, еще сообщит о себе или о социологической науке "сверхоткровенного") предъявлю одну простейшую "моделирующую ситуацию", по поводу которой хочу лишь понять, насколько она специфически НАША, или есть в ней все-таки элементы "глобальности". (Ведь оба моих корреспондента ныне погружены — кто в европейскую, кто в американскую жизнь; стало быть, могут выступать экспертами).

Возможно, вы еще не забыли — во втором из моих писем — экзистенциально-юридический сюжет о моей дочери, вынужденной обратиться в суд за установлением "факта, имеющего юридическое значение", а именно, что ее специальное образование дипломированного логопеда измеряется количеством свыше 1000 прослушанных учебных часов. Я в этом суде защищаю интересы своей дочери в качестве официального представителя.

Приближается день очередного слушания этого дела (среда 29 марта). А вчера поехал я в Красное село — знакомиться с протоколом предыдущего заседания. В судебной канцелярии для ознакомления граждан или их адвокатов с делами отведены специальные часы (3 часа по понедельникам и 2 — по четвергам). Приехав за полчаса до начала приема, я в очереди был седьмым. (Это еще хорошо).

Открыв папку, обнаруживаю, среди прочих несообразностей, что слушание дела по одним записям назначено на 29-е, а по другим — на 28-е (и все эти записи заверены подписью судьи). Ничего себе! Свидетели, которым вручали повестку мы сами, должны явиться 29-го, а на какое число вызван главный свидетель (директор НОУ "Союз педагогов" Рафалович) путем отправки повестки по почте самим судом — неведомо. (Да и вообще каких-либо следов его вызова в суд, кстати, уже повторного, в деле нет). И когда же все-таки будет суд?

В канцелярии, не сразу найдя дело, по причине путаницы с датами, предлагают... "подойти" к судье, чтобы та разрешила недоумение.

Я: — Но судья сейчас не принимает... И вообще, она может быть на заседании...

Мне: — Придется подождать. ЭТО В ВАШИХ ИНТЕРЕСАХ.

Я: — А Вы не могли бы сами прояснить этот вопрос?

Зав. канцелярией: — Нет.

Т. е. в моих, а не канцеляристов, интересах исправлять их же собственную ошибку.

Вообще-то я уже знаю, какая дата правильная (расхождение было обнаружено еще неделю назад, когда я выяснял по телефону часы приема; и тогда удалось установить, что правильно — 29-е, и обещано было исправить; но... исправить забыли; и теперь все по-новой).

Объяснив канцеляристке ситуацию в энергичных, но сдержанных выражениях, я соображаю, что если они сейчас исправят, <u>под моим давлением</u>, а потом снова что-нибудь напутают, то ответственность за их путаницу ляжет на меня. И покорно отправляюсь сидеть под дверью зала № 15, где ведет заседание "наша" судья. Сижу — ЧАС.

За это время та самая канцеляристка несколько раз проходит мимо по коридору (это не там, где канцелярия, а на другом этаже) и даже пару раз зачем-то заходит в этот зал по своим делам (им-то можно, если нужно...). Заметила меня (знать, запомнила...): "Все ждете?" — "Да. Вы ж велели. А сами не можете?.." — "Нет. Нам не положено".

Проходит в третий раз. Не выдержала (устыдилась? пожалела?): "Как фамилия вашего истца?" — "Не истца — заявителя. Новиковская". Заходит в зал. Вряд ли отрывала судью — небось, пошепталась с секретарем. Выходит, сообщает: "Дело слушается 29-го". — "Спасибо".

<u>"Люди лучше учреждений".</u> Это высказывание принадлежит Кропоткину. Его повторил в одном из своих писем Любищев. Так называется глава 13 "Драматической социологии...".

Но эту историю я рассказал так, к слову, как картинку с натуры. Главное — впереди.

Из протокола заседания от 3.03.06, который мне по счастью не понадобиллсь переписывать, поскольку канцелярия Красносельского суда, в отличие от некоторых других, оснащена ксероксом, убеждаюсь, что ход слушания дела отражен в нем в общем адекватно, хоть и с мелкими фактическими, смысловыми или грамматическими ошибками, на исправлении которых лучше не настаивать (хоть Закон и дает такое право), чтобы не конфронтировать с судом, да если и начнут исправлять — новые внесут. Характерно, что ошибочки все — в какую-то тенденцию укладываются, подтасовки — не подтасовки, а только все "не в вашу пользу". Ну, нам не привыкать...

Все ведомственные юристы, да и сама судья добивались от заявителя не столько доказательств факта ее обучения свыше 1000 час., сколько объяснений, ЗАЧЕМ ей понадобилось этот факт устанавливать (чтобы не потерять место... пройти аттестацию... повысить зарплату...). В итоге в деле оказалось множество лишних бумаг, в свое время "истребованных" у Оли. И ее заявление наполовину этому посвящено. Ну, и в судебном протоколе эта тема превалирует.

(А ведь и закон гласит (ст. 267 Гражданского процессуального кодекса РФ): "В заявлении об установлении факта, имеющего юридическое значение, должно быть указано, для какой цели заявителю необходимо установить данный факт, а также должны быть приведены доказательства, подтверждающие невозможность получения заявителем надлежащих документов или невозможность восстановления утраченных документов".

Уж не говорю о том, что нормальная формула всякого заявления у нас просительная. Не "заявляю", а "прошу", затем чтобы или потому как... В обшем — ПРОШЕНИЕ, челобитная).

Здесь особенно характерна позиция представителя "заинтересованного лица" (этим заинтересованным, или третьим лицом выступает, с подачи судьи, аж Комитет по образованию Правительства Санкт-Петербурга). Относительно молодая чиновница, что-то вроде штатного представителя Комитета в судах, поскольку доверенность на представительство у нее с прошлого года до конца этого. Так вот из протокола (и так примерно она и говорила):

"Заявление не признаем, считаем, нет факта, ведь диплом не оспаривается. <...> На мой взгляд, не нужно устанавливать данный факт <...>".

Мол, когда будет аттестация, группа экспертов оценит реальные возможности аттестуемого... Правильно. Она и без этого факта, и с этим фактом — оценит! Только с этим фактом у аттестационной комиссии как бы меньше "свободы действий". Поэтому лучше, чтобы этого факта не было. Отсюда — "не нужно данный факт устанавливать". А раз так — "считаем, что нет факта". Такова ведомственная логика. Аристотель отдыхает...

Ну, а чтобы не апеллировать здесь к общезначимой логике, воспользуемся логикой юридической. Наша чиновница привыкла представительствовать в делах по искам к своему Комитету (или, может быть, по искам Комитета к кому-либо). Это иск можно признать или не признать. А заявление об установлении факта, имеющего юридического значение, с которым она, возможно, сталкивается впервые (поскольку такого рода заявления обычно касаются фактов регистрации рождения, смерти, несчастносго случая, владения имуществом и т. п.) можно только поддержать или не поддержать.

Все это тонкости, но важно, что государственное учреждение заявление гражданина то ли "не признает", то ли "не поддерживает", что облегчает суду задачу просьбу гражданина не удовлетворять.

Вся эта моделирующая ситуация резюмируется в одной реплике (см. ниже). Я надумал позвонить той самой чиновнице из Комитета народного образования (она же оставила Оле телефон), якобы предупредить о точной дате суда (у нее, кстати, тоже была противоречивая информация на этот счет), а на самом деле попытаться донести до ее сознания сказанное выше. Н. В. Ярошенко спросила: "Вы хотите, чтобы мы признали заявление Новиковской?". "Нет-нет, — сказал я. — Она же не с иском против вас... Речь идет лишь об установлении факта. Он или был, или не был. Суд решит так или иначе, с учетом

представленных доказательств. Естественной была бы в этой ситуации нейтральная позиция Комитета".

Вот тут и прозвучала замечательная формула: "ЗАЯВИТЕЛЬ НЕ ДОКАЗАЛА (так!), ЗАЧЕМ ЕЙ ЭТО НАДО!". Будучи поставлена в тупик последующей логической аргументацией (ох, не самонадеян ли я в этом последнем утверждении!), моя телефонная собеседница сказала лишь: "Вы думаете так, а я иначе...". Мы попрощались до встречи в суде 29 марта.

Теперь вопрос: Из Вашего личного жизненного опыта можете ли Вы себе представить американского или немецкого чиновника соответствующего уровня, произносящего фразу вроде: "Докажите, зачем вам это надо!". Такое вот именно сочетание слов? (Кстати, Боря, как бы это звучало по-английски? Или по-английски, даже и грамматически, ТАК сказать нельзя?).

Или и меня уже начинает захлестывать "просоветская" ностальгия, но так и хочется сказать, что "в наше время" чиновники в среднем были вроде грамотнее. Нет, удержусь...

Финал, увы, похоже, предрешен... Путь же к нему социологически информативен. Моей дочери от этого, понятно, не легче.

(На фоне всевозможных скандалов и беспределов сверху донизу, которыми переполнена современная пресса, мои "моделирующие ситуации", разумеется, проигрывают. Существенна однако как раз их "нормальность" и обыденность, так сказать "несенсационность"... "Ничтожность" в сочетании с показательностью).

(Из письма А. Алексеева Б. Докторову от 29 марта 2006 г.)

1. Сегодня, 29 марта 2006 г., я заставил себя проснуться в 6 утра и встать в 6-30. Признаться, это для меня совсем не характерно. Однако в 7-30 надо было выйти из дому, чтобы гарантированно около 9 час. оказаться в Автово. (От дома на Малой Охте, где мы с Зиной уже 8 лет как живем, до Автово добраться на трамвае и метро не больше часа, но я же теперь через каждые 200-250 метров останавливаюсь, стало быть за полтора часа надо выйти там, где раньше требовался час).

В 9.00 на остановке автобуса № 145 в Автово были я, моя дочь Оля и двое ее сокурсниц по ТОО "Союз педагогов" десятилетней давности, получивших тогда диплом "логопеда", впрочем, в отличие от Оли, не использованный ими (ныне одна работает бухгалтером, другая — музыкальным работником), а теперь им предстоит выступить свидетелями в Красносельском районном суде, по делу Ольги Новиковской против кого? — а не против кого, но — ведь "особое производство" (глава 27 ГПК РФ)! — ради установления факта, имеющего юридическое значение...

...Вот после этого, уже не первого, как Вы знаете, судебного заседания, возвращаюсь я нынче домой и думаю: надо бы купить бутылку, но уже не 13-го портвейна (это — было!), а "777". Зачем? Да, не так уж и надо, а чтобы ПОТОМ РАССКАЗАТЬ ВАМ об этой своей ностальгической фантазии. (А вы знаете, как возникали "письма социолога-наладчика" 80-х гг.? Вот так же: спектакль по пьесе или сценарию, сочиненному ради того, чтобы затем его сыграть, не без импровизационных корректив... а потом рассказать, как было сыграно и что отсюда следует; это и есть драматическая социология!).

Не повезло... Ларек на трамвайной остановке, в котором месяц назад я приобретал “Порто-13” (и стоял там рядом — хорошо помню! — другой реликт 70-80-х, а именно — “три семерки”), только что раскурочен, согласно известной программе губернатора Матвиенки по изничтожению мелкого бизнеса. И пришлось — за исполнением задуманного — отправиться в “респектабельный” магазин, где (не с первой-таки попытки!) нашлось искомое... (Но вот уже “Агдам” и “Солнцедар” — канули в Лету, ни в каком, даже антикварном магазине не найдешь...).

“Под впечатлением” воспринятого и пишу сейчас эти строки (рискуя “упасть” в Ваших глазах, однако самоутверждаясь в своей неуязвимости не только алкоголю, но и прочим вредным воздействиям окружающей Среды). Итак...

2. ...Явились мы с Олей на суд с “домашними заготовками”. И хватит мне “перелагать”, якобы для краткости... Обращусь, как привык, к реальным документам. (Станет лень — не читайте! Но таков мой жанр...).

Судья, открыв заседание, ОБЯЗАН(а) спросить: “Есть ли ходатайства (подчеркнуто мною — А. А.) у сторон, до начала слушания дела”. А у нас — ЕСТЬ!

(1) В Красносельский федеральный районный суд г. Санкт-Петербурга
от Новиковской О. А., проживающей по адресу: 198259, г. Санкт-Петербург,
пр. Ветеранов, дом 154, кв. 57, являющейся заявителем по делу об установлении факта, имеющего юридическое значение

Дело№ 2-870/06

ХОДАТАЙСТВО

В дополнение к имеющимся свидетельствам и доказательствам по делу № 2-870/06 прошу приобщить к материалам дела заявление Копытской Алевтины Владимировны, которое она просила меня передать в суд.

Копытская А. В., как и я, проходила обучение в ТОО “Союз педагогов” в 1995/96 г. (копия ее диплома прилагается) и сообщает, что обучалась там в течение 9 месяцев с 5-дневной учебной неделей при 6-часовой нагрузке.

Я не могла пригласить А. Копытскую в суд в качестве свидетеля, ввиду состояния ее здоровья (она пенсионер, инвалид).

О. Новиковская
29.03.2006

(Текста давней Олиной соученицы у меня сейчас нет под руками, но в ходатайстве адекватно изложен его смысл. К нему прилагалась копия ее диплома, выданного ТОО “Союз педагогов” в 1996 г., такого же, как у Оли. Стоит отметить, что А. К. проработала 7 лет “учителем-логопедом” по 9-му тарифному разряду (!); дальше ей ходу не дали, в отличие от Оли, которая

сумела-таки пробиться, ВОПРЕКИ своему диплому, до 13-го разряда и 1-й категории логопеда, но чего это стоило...).

(2) (“Шапка” — та же)

ХОДАТАЙСТВО

По ходатайству заявителя, Суд уже дважды вызывал в качестве свидетеля по делу № 2-870/06 Рафаловича Александра Зельмовича, который будучи директором ныне ликвидированного ТОО “Союз педагогов” в 1995/96 учебном году мог бы подтвердить факт объема подготовки в 1040 часов по специальности “логопедия” в указанном учебном заведении в тот период.

Однако Рафалович А. З. в суд так и не явился. При этом в обоих случаях его вызов осуществлялся отправкой повестки из суда по почте, что фактически исключало возможность документального подтверждения, что он был извещен.

Прошу суд принять меры к явке свидетеля Рафаловича А. З. в суд. Со своей стороны я готова лично или через своего представителя доставить повестку по месту нынешней работы свидетеля: Санкт-Петербург, ул. Аэродромная, д. 7, корп. 2, НОУ “Союз педагогов”.

(подпись, дата — те же)

(3) (“Шапка” — та же)

ХОДАТАЙСТВО

Из хода судебного рассмотрения я поняла, что представитель заинтересованного лица (Комитета по народному образованию г. Санкт-Петербурга) не считает целесообразным устанавливать в качестве факта, имеющего юридическое значение, объем моей учебной подготовки по специальности “логопедия” в ТОО “Союз педагогов” в 1995/96 г., мотивируя это тем, что сам по себе мой диплом никак не оспаривается и успешное прохождение аттестации по данной специальности зависит лишь от реальных возможностей, опыта и знаний аттестуемого. Прошу суд истребовать от заинтересованного лица письменное изложение его позиции по данному вопросу с передачей этого документа мне, как заявителю по делу 2-870/06.

(подпись, дата — те же)

(Идея такого обращения принадлежит вневедомственному юристу из Дворца труда, к которому мы с Олей ходили накануне суда. Правда, он предлагал обратиться с подобным ходатайством устно, по ходу заседания. Но я рассудил, что “устно” — к делу не пришьешь, да и подходящий момент трудно угадать).

Первое ходатайство судья приняла благосклонно. Не зря я поставил его первым, хоть оно и не тривиально... (“Пионерский” опыт использования мною письменных свидетельств не вызванных в суд свидетелей 20-летней давности см. в главе 13 “Драматическиой социологии...”).

Второе ходатайство не на шутку раздражило судью. Ведь это значит — опять переносить слушание дела! Она спросила, а какие меры, по моему мнению, может принять суд? Я сказал: не знаю, наверное, в Гражданском процессуальном кодексе это предусмотрено.

(На самом деле знаю: (Ст. 168 ГПК РФ) “...В случае, если вызванный свидетель, эксперт, специалист, переводчик не явился в судебное заседание по причинам, признанным судом неуважительными, он может быть подвергнут штрафу в размере до десяти установленных федеральным законом минимальных размеров оплаты труда. Свидетель при неявке в судебное заседание без уважительных причин по вторичному вызову может быть подвергнут принудительному (! — А. А.) приводу”).

Судья: — Но какие все-таки меры?

Я: — Как минимум я готов лично вручить судебную повестку свидетелю Рафаловичу или кому-либо из его сотрудников по месту работы для передачи ему.

Судья: — Вы юрист?

Я (как бы смущенно): — Я не имею юридического диплома.

Т. е. меня нельзя уесть ни за незнание закона, ни за непонимание того, что упомянутая мною здесь (но не там, в суде!) норма в наших судах (при слушании гражданских дел) никогда не соблюдается.

Судья откладывает решение по данному ходатайству до следующего. А следующее ходатайство вроде и совсем “невинное” (см. 3). Строго говоря, получив такое документальное заверение от Комитета по образованию Правительства СПб , можно, пожалуй, и вообще заявление об установлении юридически значимого факта снимать с рассмотрения. Но ведь присутствующая представитель “заинтересованного лица” не может письменно изложить его (своего “лица”) позицию немедленно. Значит, опять же — откладывать слушание дела...

И судья, не получив возражений от растерявшегося представителя “заинтересованного лица” (напоминаю, лицо здесь юридическое, а вовсе не “лицо” в общечеловеческом смысле) как бы вынуждена (или захотела?!..) принять “запланированное” нами решение: все ходатайства удовлетворить и продолжить слушание дела месяц спустя, а пока... только допросить наших свидетелей, которые сидят под дверью.

А что имеет сообщить или с какими ходатайствами хочет обратиться представитель заинтересованого лица? Надо здесь заметить, что было на прошлом заседании судебное определение: запросить Комитет по образованию “копии документов, послуживших основанием для выдачи действующей в 1995-1996 году лицензии ТОО “Союз педагогов”, касающихся учебных пограмм по специальности “логопедия””.

Тут молодая чиновница из Комитета робко собщает информацию, которую в наших СМИ принято называть скандальной. Оказывается, ушлый Рафалович (тот самый, уклоняющийся от явки в суд, а ведь и не зря!) ликвидировал свой ТОО “Союз педагогов” и создал (без правопреемства!) НОУ “Союз педагогов” как раз в период обучения Оли и ее сокурсниц, т.е в 1996 г., так что те начинали свою учебу в ТОО, а заканчивали, получается, в НОУ.

Последнее было учреждено собранием учредителей в составе г-на Р. и еще какой-то дамы (они же двумя годами раньше и ТОО учреждали...) 11 марта 1996 г. и зарегистрировано Регистрационной палатой СПб 1 апреля 1996 г. (однако темпы!). А диплом О. Новиковской (и всех остальных; свидетели потом предъявляли...) выдан 10 июня 1996 г. (Стало быть, уже тогда было НОУ; чего ж, казалось бы, не заверить Рафаловичу свою теперешнюю справку о количестве прослушанных учебных часов печатью этого самого НОУ?).

Да, но в дипломе стоит круглая печать именно ТОО. Это как же так? Да еще, почему-то рядом "шлепнута" треугольная печать Российского гос. педагогического института им. Герцена. (И так на всех дипломах 1996 г.!).

Все сказанное выше подтверждается документально: лицензия ТОО "Союз педагогов" от 7.04.94; Устав НОУ, зарегистрированный 1.04.96 (спасибо предъявившему их "заинтересованному лицу"); оригиналы дипломов 1996 г., предъявленные Олей и ее сокурсницами-свидетелями). Запахло... "жареным"!

(Я, конечно, могу только строить предположения о мотивах всех этих не столь уж и злостных, небось, махинаций; но общая тенденция создания негосударственных "дочек" (если не родных, то приемных) при государственных вузах, по-видимому, обеспечивает преподавателям последних дополнительный заработок, а организаторам первых свободу для самообогащения).

Столь сенсационные открытия (это на момент суда; потом кое-что прояснилось...) как бы подтвердили наше изначальное утверждение, что без г-на Р. в качестве свидетеля тут никак не обойтись. И судья пояснила мне, что тот будет вызван аж 4-мя повестками: две будут посланы самим судом по нынешнему служебному и домашнему адресу (последний счастливо извлечен из учредительных документов ТОО и НОУ...) и две (с указанием тех же адресов) выданы мне — для попытки их личного вручения).

(А секретарь суда, выписывая повестки Рафаловичу, посоветовала мне вручать по домашнему адресу не в одиночку: мол, бывают случаи...).

Однако отдохну...

2. Продолжаю уже на следующий день (30 марта).

Разглядев внимательно переданную мне представителем "заинтересованного лица" копию лицензии ТОО № 0110,, обнаруживаю не замеченное первоначально ни чиновницей, ни судьей, ни мною: оказывается, срок действия указанной лицензии, истекавший 7 апреля 1996 г., был продлен (правда, с некоторым опозданием — протокол экспертной комиссии Комитета по образованию от 25.04.96), до... 15 июня 1996 г.

Выходит, не так уж небрежен г-н Рафалович... Заверять диплом 10 июня печатью ТОО он имел право. И то — ведь учились Оля и ее сокурсницы таки в ТОО...

Правда, получается, что был короткий период (апрель-июнь 1996 г.) сосуществования ТОО и НОУ с одним и тем же названием, одними и теми же учредителями и т. п. Не удивительно, что не было между ними правопреемства... Насколько все это правильно и законно — не наше дело. Пускай Комитет по образованию разбирается в своих лицензиях.

Остальные наблюдения над бумагами — как бы не в нашу пользу. Откуда взялась треугольная печать Педагогического университета им. Герцена на дипломах выпускников ТОО? (Этакий блеф... Намек на то,что преподавали-то там доценты названного Университета?.. Так ведь Оля говорит, что лекции

читали не столько доценты, сколько молодые выпускники, по собственным же студенческим конспектам)). И еще: в лицензии отсутствует упоминание специальности “логопедия”, указанной в дипломах... Уж и неясно, стОит ли нам так уж изобличать г-на Рафаловича? А то и впрямь диплом сочтут недействительным... Ну, забивать голы в собственные ворота мы, понятно, не станем. Тут помолчим.

(А вот одна описка в лицензии 1994 г. — очень смешная... Вместо “дополнительного профессионального образования” в графе “Реализуемая образовательная программа”, написано: “дополнительное дошкольное (выделено мною. — А. А.) образование”. “Дошкольников”, стало быть, обучают...)...

3. Заканчиваю этот сюжет уже в воскресенье 2 апреля. После того, как написал все остальное, относящее к полученным в четверг посланиям Лени и Бориса (см. ниже — **продолжение** и **окончание** этого письма)..

...Обратимся к нашим свидетелям. Лидия и Анжелика явились на суд из дружеской расположенности к моей дочери (не виделись 10 лет!) и “групповой солидарности”. Я предупредил обеих, что “допрашивать” их буду скорее всего я. И что я буду интересоваться продолжительностью их обучения в ТОО (9 мес.), количеством учебных дней в неделе (5) и количеством учебных часов в день (6). Это никак не противоречило их собственным воспоминаниям, хоть и 10 лет прошло.

Судья, однако, сочла нужным задавать каждой вопросы сама. И сделала это настолько исчерпывающе и точно, что мне не понадобилось задавать ни одного вопроса (хоть я и имел на это право). Правда, у судьи была своего рода шпаргалка: письменное заявление на ту же тему от третьей (не приглашавшейся) свидетельницы (см. выше: ходатайство 1). Вот как там написано, так и наши свидетели отвечали (независимо друг от друга). Да еще с какими-то подробностями и отвечая на “контрольные” вопросы судьи.

Очень достойно вели себя обе свидетельницы, не поддавались на “провокации”. А одна провокация была без кавычек. Сидящая напротив меня, тоже у подножия судебного трона, чиновница из Комитета образования, видя как накапливается “доказательная база” с нашей стороны, вдруг спрашивает Лидию: “А откуда Вы знаете, что Вам преподавали больше 1000 часов?” Но Лидия вовсе этого не говорила, а только назвала количество месяцев, дней в неделе и часов в дне... Судья поправляет представителя “заинтересованного лица” прежде, чем это успел сделать я (я мог бы “отвести” вопрос, а судья принять или отклонить отвод).

Другая провокация (вот ведь дрянь!): “Как же это Вы помните, сколько месяцев занимались, и не помните где?” (А Лидия говорила до этого, что занятия проходили на Петроградской стороне, кажется, в помещении ДК имени Блохина, она не знает, что там теперь). И опять судья вступилась за свидетеля, уж больно тенденциозен был вопрос.

В общем одной свидетельнице пришлось относительно нелегко, а другая — Анжелика — вообще держалась в суде как дома. И вспомнила, что и второе высшее образование им обещали, и что про тысячу часов им “еще тогда” говорили, и что лицензия ТОО на стенке висела... Та и другая предъявили свои дипломы (такие же, как у Оли). И вообще стало ясно, что все тут “чисто” со

стороны этих женщин, прошедших переобучение на “логопедов” в ТОО “Союз педагогов” 10 лет тому назад, а вот теперь вынужденных что-то доказывать.

Тут Оля, у своего адвоката “не спросясь”, проявила уместную — в данной ситуации — инициативу. Дело в том, что у нее сохранилась тетрадка с конспектами по “возрастной психологии” (это им там преподавали). И на внутренней стороне обложки этой тетрадки — даты и что-то вроде расписания их занятий ее собственной рукой записаны. У Оли даже ксерокопирована была эта страничка. “На всякий случай”. Я в свое время отговорил Олю от предъявления этого “вещдока” суду, полагая его не слишком убедительным.

Но тут, “развивая успех” допрошенных свидетелей, это оказалось кстати. Обозрев тетрадку, судья спросила: а копии у вас нет? И копия, о которой я, признаться, забыл, была немедленно представлена Олей и легла в дело, безо всяких наших просьб. Так мы с Олей стихийно разделили наши роли и дополнили друг друга.

А судья... полистав тетрадку, обнаружила там на первых страницах конспект про “теории психического развития”: теории созревания, научения и психоаналитическая. Это они излагались в такой именно, исторической последовательнсти — от XIX к XX веку. (Потом шел, кажется, уже Ж. Пиаже). И вот судье стало интересно, какая же из этих теорий является сегодня главной, признанной... (Строго говоря, ни одна: наука о развитии ребенка вперед ушла...). Судья вдруг СПРОСИЛА об этом Олю, изрядно ее этим смутив, ибо за 10 лет можно и подзабыть такую высокую теорию. (Впрочем, Оля нашлась, что ответить, что-то вроде: к экзамену нынче не готовилась...).

Но это уже все было в духе установившихся в судебном зале доброжелательства к заявителю. Можно было истолковать вопрос как проверку, а чей это конспект? Но судья дала понять, что “шутит”, ей просто “интересно”... И действительно, когда человек “слишком хорошо” все помнит, это даже подозрительно...

Еще один интересный (однако тревожащий) сюжет. Стараясь замотивировать свое обращение в суд Оля где-то раскопала и приложила к своему заявлению некое Приложение к приказу Минобразвания Росси и Госкомвуза России от 14.12.95. — “Рекомендации по определеню уровня квалификации педагогических... работников...” (лень переписывать длинное название”. Именно там упоминались пресловутое требование “не менее 1000 часов” специального дефектологического (в частности, логопедического...) образования. Еще на прошлом заседании судья поинтересовалась у чиновницы из Комитета образования, является ли этот нормативный документ действующим. Та сказала: “Да”.

И вот нынче представитель “заинтересованного лица” сообщает (опять же, не без смущения...), что упомянутый приказ Минобразования, оказывается, отменен в 2000 г. (представила и документальное подтверждение этому). Вроде бы это .тоже аргумент в пользу того, что как юридически значимый факт объем учебной подготовки свыше 1000 часов у выпускницы ТОО “Союз педагогов” устанавливать не надо.

Уж там — юридически значимый или “не значимый”, а сам по себе факт этот после всех свидетельских показаний оспаривать трудно. Не будем предугадывать решение суда, которое 27 апреля, похоже, все-таки состоится.

...Пока ждали приглашения в зал суда, чиновница из Комитета по образованию держалась крайне отчужденно (возможно, встревоженная моим ей телефонным звонком, подробно обсуждавшемся в письме 5). На суде она вела

себя как-то неуверенно и даже затеяла что-то приватно обсуждать со мной, в ответ на мою публичную реплику. (Судья сделала обоим замечание, но скорее ей, чем мне). А после суда она вдруг стала... заискивать перед Олей, как бы липнуть к ней, так что мне даже пришлось немножко ее “отшить”, опасаясь какого-нибудь подвоха.

Причин такого ее поведения было, пожалуй, две. Во-первых, очередная наша промежуточная победа “по очкам”. А другая... Она сама— мама трехлетнего ребенка, плохо выговаривающего какие-то звуки. И не могла бы Ольга Андреевна ее “проконсультировать”... Оля дала свой домашний телефон, предупредив, что “далеко живет”. Это — по инерции, поскольку подразумевается, как иногда бывало, что заинтересованная мама с ребенком приедет к ней домой, а не наоборот.

Обсудив потом сию пикантную ситуацию с Олей, мы пришли к заключению: а) ни в коем случае не ездить к этому “клиенту”, пусть сама приезжает, если ей надо; б) категорически уклониться от любых форм благодарности за консультацию, если таковая состоится.

Пока все. “Продолжение следует”...

(Из письма А. Алексеева Б. Докторову от 31 марта 2006 г.)

“...Вопреки Вашим (твоим и Лени) ожиданиям, я занялся не столько предложенной Вами “работой по подготовке” автобиографического (ауторефлексивного?..) интервью, сколько “делом развлечения” Вас и самого себя (и, может быть, будущих читателей этой переписки...), где то, что подлежит затем “структурированию” и, возможно, публикации... является лишь необязательным “побочным продуктом”...”.

С этой точки зрения, например, история “судебной тяжбы” моей дочери при моем “адвокатском” участии оказывается не менее органичной (необходимой...) частью данной (тематической!) переписки (и, кстати, сказать, иллюстрацией того, что же такое драматическая социология, которая есть не столько “научное направление”, сколько определенный “способ жизни”...). Хоть я и понимаю, что в заданный твоим проектом жанр этот сюжет вряд ли укладывается.

(Из письма А. Алексеева Б. Докторову от 27 апреля 2006 г.)

27.04.2006

Сегодня в очередной раз ездил в Красное Село на суд по вопросу об Олином дипломе и т. п. На сей раз явился вызванный в суд в качестве свидетеля достаточно грозным судебным предписанием бывший директор ТОО “Союз педагогов” Р. Чиновница из Комитета по народному образованию отсутствовала, прислав факс о неизменности позиции “заинтересованного лица”.

Месяц назад казалось, что тучи сгущаются над господином Рафаловичем и его учреждением. Однако он держался очень уверенно, и не сморгнув глазом заявил, что не может подтвердить факт обучения выпускницы ТОО 1986 в течение 1040 часов, хоть прежде и написал это — “из любезности” — в не заверенной справке за своей подписью. Судья как бы удовлетворилась его

ответами, хоть они и давали повод для новых вопросов. Я же не стал изобличать его, скажем, в том, что они записывали в диплом специальность “логопедия”, не имея ее в списке лицензированных. Бороться за справедливость надо. но не себе же во вред!..

Вопрос о правовом значении факта, установить который Оля просила суд (что она обучалась в ТОО “Союз педагогов” свыше 1000 часов), остался подвешенным, поскольку приказ Министра народного образования 1995 г. и приложение к нему, где фигурировала эта цифра, действительно был отменен в 2000 г. Тут судья дала понять (не сказав прямо...): не проще ли нам самим снять свое заявление и тем исчерпать дело.

Посоветовавшись с Олей, я суду облегчать задачу не стал, впрочем, уже понимая, чем дело кончится.

В итоге дело опять перенесено на месяц, уже не по нашей инициативе, а по инициативе судьи, которая, получив к настоящему времени ответы на свои запросы из разных инстанций (чего на прошлом заседании не было), все-таки еще один запрос решила послать (как бы “в наших интересах”, но по сути — чтобы исключить какую-либо возможность оспаривать потом ее решение...).

Вообще, чем дальше, тем больше становится ясным, что дальнейшее статусное продвижение моей дочери (присвоение высшей категории и т. п.) будет зависеть (как и прежде зависело...) от растущего признания ее собственных заслуг, а не от каких-либо юридически установленных фактов. Последние могут тому разве что способствовать или препятствовать, а в остальном — self made man (woman)...

Сегодня она вручила мне еще пять (итого получается 23...) детских книжек с О. А. Новиковской на титуле, вышедших в петербургском издательстве “Паритет”, в серии “Учимся вместе — делаешь сам” (это обращение к детям, а к родителям и педагогам: “Игровые модели обучения и воспитания”). Названия этих книжек-игр (для детей среднего и старшего дошкольного возраста): “Найди и покажи”; “Сложи словечко”; “Вершки и корешки”; “Веселый счет”; “Вылечи словечко”. Из стандартной для всех пяти аннотации: “Работа с этой книгой способствует закреплению у ребенка ряда полезных навыков и умений: различение цветов, развитие мелкой моторики и логического мышления”. (Там еще для каждой книжки своя собственно педагогическая экспликация).

А вот пример “игровой модели” (из книжки “Найди и покажи”):

Стилизованная детская картинка. Под ней стишок:

Муравьишка в чаще
Дров охапку тащит.
Эй, товарищи-друзья,
Выручайте муравья!
Коли нет ему подмоги,
Муравей протянет ноги.

Задания:

1. Выручи муравьишку — вырежи и наклей его товарищей так, чтобы они со всех сторон спешили на помощь своему другу: первый муравей выходит из муравейника, второй сидит под листом лопуха, третий спускается с пенька, четвертый бежит по дорожке навстречу муравью, который тащит груз, пятый забрался на ромашку.

2. Еще раз покажи каждого муравья и скажи, где он находится. (При ответе необходимо употребить предлоги: *из, под, с, по, на*).

Понятно?

Замечу, что муравей и на картинке тащит не соломинку, а действительно охапку (вязанку?) дров... Очень очеловеченный муравей.

(Из письма А. Алексеева Б. Докторову от 10 июня 2006 г.)

<...> Финал суда

...Еще на апрельском (24.04) заседании суда возникло ощущение, что дело наше заходит в тупик. Суд в лучшем случае может счесть доказанным, что О. А. Новиковская проходила обучение в ТОО “Союз педагогов” в 1995/96 учебном году в объеме свыше 1000 учебных часов. Но для предстоящей осенью нынешнего года аттестации этот факт значения не имеет, поскольку, как выяснилось в ходе разбирательства, отменен нормативный документ Минобразования, собственно и давший повод пытаться этот факт установить.

(Приказ Минобразования 1995 г. отменен в 2000 г., чего вовсе не знала тогдашняя зав. детским садом, подтолкнувшая Олю обратиться в суд в 2005 г., и что лишь ко второму судебному заседанию выяснила представитель “заинтересованного лица” — чиновница из Комитета по образованию Правительства Санкт-Петербурга, да и я сам нашел информацию об отмене соответствующего приказа Минобразования в интернете).

Кроме того, возник — сначала у меня, а потом, похоже, и у судьи — никем, впрочем, не артикулированный вопрос о формальной правомерности уже установленной Оле при предыдущей аттестации квалификации учителя-логопеда 1-й категории. Оказывается, в лицензии того самого ТОО “Союз педагогов” 1995-1996 г. логопедия среди позиций реализуемой им образовательной программы вовсе не прописана, в дипломах же Оли и ее соучеников, однако, обозначены специальность “логопедия” и квалификация “логопед” (кстати, не “учитель-логопед”, как положено только выпускникам Института им. Герцена).

Оля тем временем (как раз в мае, т. е. в промежутке между предпоследним и последним судебными заседаниями) уже рискнула подать в свой районный отдел образования документы на присвоение ей высшей категории учителя-логопеда (в чем ее все, от детсадовского начальства до крайне заинтересованных родителей, детсадовских питомцев очень поощряли).

Так не себе ли мы с Олей этим судом яму роем?!

В общем решили мы этот суд “прекращать”, что вполне корректно делается следующим образом.

В Красносельский федеральный районный суд г. Санкт-Петербурга
от заявителя Новиковской О. А., проживающей по адресу:
198259. г. Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, дом 154, кв. 57

ХОДАТАЙСТВО
о прекращении производства по делу № 870

В производстве суда находится заявление об установлении факта, имеющего юридическое значение. Я просила установить факт, что я в 1995-1996 учебном году проходила обучение на курсах ТОО “Союз педагогов” по специальности “логопедия” с объемом учебных часов равным 1040 (тысяча сорок)

При рассмотрении дела было установлено отсутствие необходимости в подтверждении вышеупомянутого факта для моей аттестации в связи с отменой Рекомендаций по определению уровня квалификации педагогических и руководящих работников государственных, муниципальных учреждений образования Российской федерации для установления разрядов оплаты труда по ЕТС (Приложение № 1 к приказу Минобразования России и Госкомвуза России от 14.12.95 № 662.1546).

На основании изложенного

ПРОШУ

прекратить производство по делу № 870 по моему заявлению от 05.12.05.

Новиковская О. А.

25.05.06

(По вопросу о форме этого заявления консультировались с юристом из Дворца труда, к которому приходилось обращаться пару месяцев назад. Но вообще-то я и сам справился бы с этой задачей...)

Тем временем, уже перед самым днем суда (назначенного на 25 мая) Оля сообщает мне о неприятном обстоятельстве. Оказывается, в районном (Кировском) комитете по образованию откуда-то узнали и “очень недовольны” этой судебной историей и будто бы про О. Н. говорят уже не “та, что издала два десятка книг”, а “та, которая судится...”. Похоже, чиновница из Правительства СПб “настучала”... (Оказалось, не так, но об этом ниже).

Ну, тут и подавно надо дело поскорее сворачивать. А то получится: “то ли он украл, то ли у него украли...”.

Мы с Олей срочно разработали “защитные меры”, в виде составления небольшой выборки из имеющихся в судебном деле документов, из которой стало бы ясно, с чем заявительница обратилась в суд, зачем ей это понадобилось, как выяснилась бесполезность установления судом соответствующего юридического факта, и как заявитель сама остановила дело. Договорились подготовить несколько копий этого комплекта документов (куда, кстати, входит и восторженная профессиональная характеристика!), чтобы вручить заведующей детсадом, а, если понадобится, то и выше по начальству, как “индульгенцию”...

...Когда я ездил за неделю до этого в канцелярию суда в очередной раз просматривать материалы дела, то никаких новых запросов и вызовов на суд там не обнаружил. Однако судья, оказывается, направила повестку на сей раз не только в Комитет по образованию Правительства СПб, но и в районный отдел образования. Представитель первого повторно не явилась, а из последнего прибыла какая-то тетенька, но... без доверенности на представительство (по неопытности, не привыкли в судах выступать...).

Вот теперь и понятно, откуда слух пошел!..

Ну, судья эту юридически не подкованную чиновницу к участию в деле не допустила, а предложила лишь посидеть в зале, в качестве зрителя.

Суд закончился, едва начавшись, после подачи мною вышеприведенного ходатайства. Судья приняла его очень благосклонно. Что выразилось не только в ее интонациях, но и в публичном обещании написать такое развернутое определение суда, которое “сможет вам потом пригодиться”. Вообще, думаю, судья оценила нашу “мудрость”. Она бы, небось, это самое нам присоветовала, да положение обязывает “держать дистанцию”...

По истечении 10 дней после суда (когда определение “войдет в силу”), я поехал в Красное Село, чтобы получить судебное определение на руки. (Предварительно позвонил, мне сказали, что оно готово...). И вдруг, зав. канцелярией, достав дело, найдя документ, вместо того чтобы вручить его мне, отправляется куда-то со всей папкой. Могу предположить, что там не хватало подписи судьи... Сам же текст судебного определения сводился к нескольким строчкам (как мне удалось заметить).

Вернувшись, канцеляристка мне говорит:

— Судья В. просит Вас придти за определением к ней завтра, в любое время.

Хорошенькое дело — назавтра опять в Красное Село ехать (дорога в один конец мне 2.5 часа).

...По счастью, у судьи “окно” в заседаниях. Разыскиваю ее в совещательной комнате, за компьютером. Вроде, наше определение сочиняет заново... (Могу предположить, что первый вариант составляла секретарь, по шаблону; судья же хочет нам лучше сделать...).

— Вы сказали, завтра придти. Завтра очень неудобно...

— А когда удобно?

— А сегодня нельзя?

— Я не успею...

— Я готов подождать!

— Хорошо, ждите.

Жду в коридоре минут 20-25. Выходит с распечатанным текстом (который см. ниже).

— Идите в канцелярию, Вам там выдадут.

Несет сама в канцелярию. Я, помедленнее, за ней. Встречаю ее уже на обратном пути из канцелярии (ниже этажом). Говорю:

— Спасибо. До свидания. (Оказалось, до скорого свидания... См. ниже).

В канцелярии мне выдают копию определения суда:

ДЕЛО № 2-870/06 25 мая 2006 год

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Красносельский районный суд г. Санкт-Петербурга
в составе председательствующего судьи Витушкиной Е. А.
при секретаре Власовой А. Б.,
рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело по заявлению Новиковской Ольги Андреевны об установлении юридического факта

установил:

Заявитель обратилась в суд с заявлением об установлении факта прохождения обучения в 1995-1996 учебном году на курсах ТОО “Союз педагогов” по специальности “логопедия” с объемом учебных часов равным 1040. В обоснование заявления ссылалась на то, что проходила указанное обучение, однако в выданном документе об образовании отсутствует указание на количество прослушанных учебных часов. Однако документ с указанием соответствующего количества прослушанных учебных часов необходим заявителю для подтверждения квалификации в соответствии с приказом Минобразования России от 14.12.1995 года № 622/1546 об утверждении “Рекомендаций по определению уровня квалификации педагогических и руководящих работников государственных, муниципальных учреждений образования РФ для установления разрядов оплаты труда по ЕТС”.

Заявитель в суд явился, от требований отказался, поскольку при рассмотрении дела установлено отсутствие необходимости в подтверждении указанного факта для аттестации заявителя в связи с отменой Приказа Минобразования России от 14.12.1995 года № 622/1546.

Представитель заявителя поддержал заявленное ходатайство.

Заинтересованные лица в судебное заседание не явились, о слушании дела извещены надлежащим образом.

В процессе рассмотрения дела факт прохождения обучения заявителя на курсах ТОО "Союз педагогов" в период 1995-1996 года по специальности "логопедия" с объемом учебных часов равным 1040 подтвержден показаниями свидетелей Ненилиной Л. А., Выдуцкой А. А., оснований не доверять которым у суда не имеется.

Учитывая, что заявитель от заявленных требований отказался, этот отказ закону не противоречит, прав и охраняемых законом интересов сторон и других лиц не нарушает, а потому подлежит принятию, а производство в этой части прекращению.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 39, 173, 220, 221 ГПК РФ, суд

определил:

Принять отказ Новиковской Ольги Андреевны от требований об установлении факта прохождения обучения в 1995-1996 учебном году на курсах ТОО "Союз педагогов" по специальности "Логопедия" с объемом часов равных 1040.

Производство по гражданскому делу № 2-870/06 по заявлению Новиковской Ольги Андреевны об установлении юридического факта — прекратить.

Разъяснить заявителю, что повторное обращение в суд по спору между теми же сторонами, предмету и основанию не допускается.

Определение может быть обжаловано в Санкт-Петербургский городской суд в течение 10 дней.

Председательствующий (подпись)

Копия верна
Судья (подпись)
... (неразб. штамп)
Секретарь (подпись) 06.06.2006
Судья (подпись)
Секретарь (подпись)

Прежде чем обсудить этот текст по существу, еще несколько штрихов канцелярской жизни. Запрашиваю дело целиком — "для ознакомления", чтобы скопировать недостающие у меня документы (сейчас приемные часы в канцелярии по гражданским делам, а завтра, в не приемные часы, и не выдали бы). Копии снимают тут же — девочка или мальчик (мелкая судебная сошка). Проверять за ними надо!

Месяц назад девочка скопировала, по моим закладкам, 30 листов, из них 20 положила себе на стол, пока кому-то из начальства срочно ксерокс понадобился, а доделав (еще 10 листов...), приносит мне только эти 10, про остальные 20 забыв. И ведь деньги берет только за эти 10! ("То-то мне показалось, я больше копировала..." — это когда я обратил внимание на ошибку). Ну, и разумеется, окончание протокола судебного заседания на обороте листа она пропустила.

Мальчик же (нынче...) один лист дважды скопировал, а один — пропустил.

Пока он копирует, разглядываю определение суда. Вспоминаю старушку, которая давеча стояла в очереди в канцелярию — то ли за подписью судьи, то ли за печатью на судебном документе, выданном ей несколько дней назад (она

куда-то его предъявила, а оказалось — недооформлено...). Не будь этого эпизода, не догадался бы лишний раз подойти к канцеляристке, спросить:

— А подпись судьи на копии должна быть?

— Обязательно! Идите к судье.

Но ведь выдала эту бумагу, ничего не сказав...

(Вспоминается анекдот или...сам придумал? Приходит гражданин к чиновнику. Тот говорит: “Принесите такую-то справку...” Приносит. “А теперь еще такую-то справку...” — “Что же Вы сразу не сказали? — А Вы не спрашивали!”).

Судья уже в зале, на заседании. Жду, пока кончится. В перерыв захожу, подаю ей подписать.

— Я же им нарочно оставила лишний экземпляр, с подписью!

— Вероятно, не заметили. Выдали без подписи.

Подписывает:

— Пусть круглую печать поставят.

Вот спасибо судье В., что надоумила! Ведь канцеляристка опять же не сказала (а я “не спрашивал”!..), что надо снова в канцелярию вернуться. А откуда простому гражданину знать, что нужна еще круглая печать, когда судебный штамп уже есть?.. Заниматься воспитанием “крапивного племени” — бесполезно. Побережем эмоции. Да ведь они и не со зла...

Боюсь, что сама Оля столь успешно, как ее представитель, эти бюрократические заморочки в один день не преодолела бы.

Что сказать в заключение этого экзистенциально-юридического сюжета? Что от него осталось кроме папки, в которой прошиты протоколы 4-х судебных заседаний и всякие прочие документы на 100 (ровно 100!) листах?

Из выделенного мною синим в тексте судебного определения абзаца явствует, что существование интересовавшего нас факта доказано, вот только факт этот не имеет юридического значения. А стало быть — и дело заслуживает прекращения. И мы с Олей проявили здравомыслие, сами это прекращение.во-время инициировав.

Далее — замечательная своим бюрократическим изяществом формула судебного определения:

> “Учитывая, что заявитель от заявленных требований отказался, этот отказ закону не противоречит, прав и охраняемых законом интересов сторон и других лиц не нарушает, а потому подлежит принятию, а производство в этой части прекращению”.

(У бюрократического, в частности, судебного языка — своя грамматика и свои “диалектные” особенности!).

Но есть из этого дела и еще один урок. Не стоило его вообще возбуждать! И если бы я пораньше стал в него вникать, может быть, так Оле и присоветовал бы... (А может, и нет... Но впредь — точно, да!).

В общем, ничего кроме “шороха” в городских и районных структурах (комитет, отдел образования; служба занятости) и в бывшем ТОО (ныне НОУ) “Союз педагогов” это судебное дело не произвело. Очень мало вероятно, что это поможет Оле при аттестации, и дай Бог, чтобы не навредило. Во всяком случае, “отказ от заявленных в суде требований” поможет точно.

Бюрократические дебри чиновных инструкций таковы, что строго следовать этим инструкциям (к тому же то и дело отменяемым и обновляемым...) практически невозможно. Законам и инструкциям следуют у нас избирательно. Хоть в ваших интересах, хоть в противоположность им. Хоть на самом верху, хоть в самом низу... Социальная психология (и ее законы...) оказывается выше (сильнее...) права (и его законов...).

Вообще, апеллировать к третьей (судебной) власти следует только тогда, когда... ну, никакого иного выхода нет. Такая инициатива всегда должна быть вынужденной. (Напомню одно из "открытий" драматической социологии: вынужденная инициатива есть инициатива, направленная на предотвращение неблагоприятных последствий ее отсутствия...).

Итак, получить при аттестации заслуженную ею высшую категорию учителя-логопеда Оля сможет не в силу формальных инструкций и не вопреки им, а в силу своих реальных достижений на профессиональном поприще, точнее — в силу благожелательного или неблагожелательного (что тоже бывает...) восприятия этих достижений окружащими, в силу "игры" множества факторов, а не какого-то одного, тем более правового. Что, само по себе, может быть и не плохо...

Неожиданно получился оптимистический вывод.

И последнее. Эта, рассмотренная здесь ситуация оказалась гораздо интереснее и ценнее (и как бы эффективнее...) в исследовательском (социологическом...) плане, чем в прагматическом (житейском...). Хоть и представительствовал я в данном судебном процессе вовсе не "в интересах науки", а исключительно в интересах своей дочери.

***

(Ниже – композицитя фрагментов на историко-методологические темы из писем А. Алексеева от февраля-апреля 2006 г. Впервые опубликована на сайте «Международная биографическая инициатива». - А. А. Январь 2011).

(3) А. Алексеев К вопросу об "истории российской социологии в лицах"[28]

Борис! В некотором смысле, это "продолжающаяся" рецензия на вашу

с Дмитрием Шалиным деятельность...

А. А. 22.04.2006

Из письма А. Алексеева Б. Докторову от 25 февраля 2006 г.

<...> За обоими твоими историко-социологическими проектами — как мировой историей изучения общественного мнения (теперь еще + история рекламы), так и историей российской социологии (в лицах) — слежу с восхищением. Главным информационным источником для меня в данном случае выступает "Телескоп", проблем с приобретением которого у меня,

[28] См. http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/alekseev.html

разумеется, нет (в отличие от твоих монографий...). Приветствую тебя и в этой связи, и вообще с замечательной постановкой всего твоего профессионально-жизненного эксперимента (кстати, безупречно-точно проанализированного в твоем собственном научно-биографическом интервью, также меня достигшем благодаря Лене Кесельману).

В первом проекте ты уникален среди российских социологов (насколько я понимаю, можно ожидать, что эти твои труды будут востребованы и западными издательствами...). Во втором — первопроходцами выступили Г. Батыгин и его коллеги (имея в виду "Российскую социологию шестидесятых годов в воспоминаниях и документах" — 1999 г., а также публикацию серии научно-биографических интервью в "Социологическом журнале" (начиная с 2000 г.: кажется; особенно запомнились мне: Чесноков, Гудков, Дубин...). Эту линию ты очень достойно и творчески продолжаешь (пока в "Телескопе"...), причем при высоком разнообразии жанров (ср. сюжеты: о Грушине; о Капелюше; интервью с Фирсовым, Гилинским, Ядовым, Кесельманом, Е. Смирновой; документальную композицию о Голофасте).

Хочется особо отметить ту личностную, собеседническую интонацию, которую тебе удалось внести в биографические интервью. Не только героям есть что порассказать и высказать, но и интервьюер выступает режиссером и действующим лицом одновременно. Получаются своего рода драматургические произведения.

Согласен также с тобой, что интервью по электронной почте во многих отношениях предпочтительнее, чем интервью "под диктофон"...

Вообще, замечу, что советская (российская) социология оказалась весьма щедра на "социологическую ауторефлексию". Последняя выступает в основном в мемуарном жанре (иногда переплетающемся с итоговыми монографическими публикациями, вроде шубкинской — "Насилие и свобода"). Теперь вот и социологические труды, лежавшие в столе или рассыпанные в наборе (все же, полагаю, не так уж их много — именно в эмпирической социологии, в отличие от социальной философии, скажем...) стали появляться (порой по трагически-мемуарным поводам, как в случае Голофаста). Отчасти этому взгляду социологов на себя как бы изнутри или "со стороны" или из сегодня на себя вчерашних — способствует то, что все же большинство (хоть и с горестными лакунами!) зачинателей-шестидесятников все еще "в строю"; а Б. Грушин (своим историческим "четырехкнижием") и Ю. Левада (своим современным "Левада-центром") — так и вообще совершают сегодня новые научно-гражданственные (легендарные на десятилетия вперед...) подвиги.

Возможно, в последующей монографической публикации свода всех этих научно-биографических интервью тебе стоит скооперироваться с "Социологическим журналом"... Т.е. хорошо бы объединить в одном томе печатавшееся там и в "Телескопе"; концептуально и стилистически в ваших проектах много общего...

Из письма А. Алексеева Б. Докторову от 7 апреля 2006 г.

<...> Строго говоря, и для обсуждения твоего проекта, и для ответа на вопрос: Какое место могут занимать интервью с российскими социологами в процессе создания, понимания истории нашей социологии? — надо бы еще раз перечитать соответствующие публикации в "Телескопе", да и в "Социологическом журнале"... не говоря уж о "Российской социологии

шестидесятых годов в воспоминаниях и документах”. Но это потом. А пока, так сказать, “навскидку”...

1. Вообще, как мы все понимаем, наука не существует “вне” историко-культурного контекста (ты говоришь — “оболочки”), “вне” собственной истории становления и развития, и “вне” личностей, ее творящих и двигающих. Даже школьный учебник физики, небось, не может при изложении законов Ньютона обойтись без сообщения, когда жил Ньютон и т. п. Тем более — общественно-гуманитарная наука немыслима без исторической ретроспективы и “человеческого фактора”.

Какие же ресурсы в принципе имеются для решения историко-науковедческих задач?

Из “первичных” ресурсов — (а) тексты собственно научные, (б) деловые документы и (в) тексты человеческие (личностные). Под первыми я понимаю весь поток научных публикаций (научная периодика, монографии, материалы научных конференций и конгрессов, сборники статей и т. д.). Под вторыми — документы, как правило, официальные но, пожалуй, и не официальные тоже, имеющие текущий научный процесс предметом своего освещения или обсуждения (кое-что уцелевает в научных и ведомственных архивах). Наконец, человеческие документы, к каковым относятся и архивы ученых, и воспоминания, и много чего еще, включая биографические интервью.

Есть еще “вторичные” ресурсы — собственно историко-науковедческие разыскания: каждый исследователь так или иначе опирается на своих предшественников, иногда — просто пересказывает их, иногда дополняет, иногда опровергает.

Наконец, ресурсы как бы “нулевого цикла”. Это — сырые материалы, протоколы наблюдений, материалы опросов и т. п. (Вот, скажем, массивы анкет “Человека и его работы” 1962 и 1976 гг., если они еще целы).

Я это сейчас к тому, что интервью с российскими социологами занимают “в процессе создания, понимания истории нашей социологии” определенное — не главенствующее, но и не периферийное, а СВОЕ место. Без них историю “не создать” и “не понять”. Но и переоценивать их значение не следует. Только в сочетании с другими источниками информации (своего рода триангуляция...) они обретают настоящую ценность.

2. Второе, на что хочу обратить твое внимание. Кажется, уже говорил, что нашей социологии повезло сберечь кадры, которым есть что вспомнить, о чем порассказать, в том числе в жанре биографических интервью. В “Интермедии” *(так называлось одно из предшествующих писем, адресованных Б. Докторову. — А. А.)* перечислены авторы воспоминаний, представленные в упоминавшемся мною выше историко-научном томе под редакцией Г. Батыгина, вышедшем в 1999 г. Пожалуй, еще раз приведу этот список:

— Колбановский, Ядов, Шубкин, Левада, Осипов, Кон, Заславская, Здравомыслов, Ольшанский, Карпинский, Грушин, Оников, Руткевич, Лапин, Рывкина, Коган, Наумова, Галкин, Пилипенко, Фирсов, Араб-Оглы, Гордон, Давыдов, Бестужев-Лада, Семенов.

А теперь другой список (лишь в нескольких персоналиях пересекающийся с этим), а именно авторы, выступавшие под рубрикой “Ретроспектива”, затем — “Профессиональые биографии” в б атыгинском же “Социологическом журнале”:

— Ольшанский (95-1), Фирсов (95-2), Карпинский (95-3), Левада (96-3/4), Заславская (97-1/2) (эти пять текстов потом вошли в упомянутое выше собрание воспоминаний), Радаев (2000-3/4), Чесноков (2001-2), Дробижева (2001-4), Яницкий (2002-1), Левинсон (2002-2), Гудков (2002-2), Дубин (2002-2), Шкаратан (2002-3), Алиева (2002-4), Батыгин (2003-2), Божков (2004-1/2)...

Особняком стоит в рубрике "Ретроспектива" совершенно замечательная работа Сергея Рапопорта "Социология времен тоталитаризма. Компендиум для нынешних" (СЖ, 1998-1/2), являющаяся не воспоминанием, а попыткой осмысления, по преимуществу.

А твое собственное историко-биографическое режиссерское творчество, которое теперь — не только на страницах "Телескопа", но и на сайте Д. Шалина!.. Напоминаю сам себе: Гилинский, Фирсов, Ядов, Кесельман, Смирнова, Могилевский, не перечисляю тех, которые "на подходе"... Наконец, ты сам.

В другом жанре — опубликованные также в "Телескопе" материалы, посвященные Грушину, Капелюшу и Голофасту. Но в принципе они той же цели служат — презентации, обозрению, обсуждению "ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА" или "ЛЮДСКОГО ПОТЕНЦИАЛА" советской (соответственно, современной российской) социологии.

Но есть еще и другие автобиографические и ауторефлексивные источники. Напомню книгу В. Шляпентоха "Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом" (СПб.: изд-во журнала "Звезда", 2003). Автобиографические сюжеты наличествуют в книге В. Шубкина "Насилие и свобода" (М.: На Воробьевых, 1996). Наверное, ты еще не видел "Записки социолога" С. Кугеля (СПб.: И зд-во "Нестор-история", 2005). А . И. Бестужев-Лада издал том на 1150 стр. под названием "Свожу счеты с жизнью. Записки футуролога о прошедщем и приходящем" (М.: Алгоритм, 2004).

Ну, и аз, грешный, устроил что-то вроде театра из собственной профессиональной жизни, что чуть ли не с графоманской добросовестностью отобразил в своей "Драматической социологии и социологической ауторефлексии" (2003 – 2005).

Я насчитал уже свыше 40 (перечисленных здесь) потенциальных клиентов или возможных героев (уже по факту имеющихся готовых, опубликованных на бумажных носителях материалов) р аздела History of Russian Sociology Projects на сайте Д. Шалина. Если, конечно, не считаться приоритетами и получить соответствующие разрешения от редакции "Социологического журнала" и от Института социологии РАН, что вряд ли вызвало бы у тебя затруднения.

Я пока не беру в расчет (а надо бы!) юбилейные интервью, периодически публикующиеся в других журналах, кроме "СЖ". Ну, некоторые из этих интервью носят характер откровенно саморекламный (чего не избежали и некоторые из перечисленных здесь мемуаристов; вообще автобиографическое интервью для печати — жанр обоюдоострый). Но информативность и таких интервью вовсе не ничтожна, и не только фактографическая, но и субъективно-ценностная ("автопортреты"...).

3. К сожалению, этот стихийно складывающийся проект (начатый Батыгиным, подхватил знамя — ты...), в котором собственно твои историко-биографические штудии оказываются лишь актуально реализуемой ныне частью общего дела, оказался недостаточно четко "спроектированным". Просто,

в последнее десятилетие шло накопление биографических интервью и мемуарных текстов социологов, более или менее регулярно публиковавшихся, среди которых были и блестящие работы (помню, на меня особенное впечатление произвел в свое время текст С. Чеснокова), были и “так себе” (не перечитав всего подряд, не хочу приводить примеры).

Когда после очень содержательной, выполненной тобою научной биографии Грушина, ты опубликовал в “Телескопе” (2004-5) свой манифест (“К открытию рубрики “Современная история советской социологии”), тема биографических интервью с “шестидесятниками” и “шестидесятилетними”, там практически отсутствовала, разве что в самой общей постановке вопроса. Дальше пошла твоя “серия” интервью 2005 г., понятно, сразу востребованная в питерском социологическом сообществе. Ты назвал это проектом, хоть специальной методолого-методической проработки его у тебя, как видно, не было (как, боюсь, не было и у Батыгина)...

Упрекать тебя за это нелепо. Хорошо, что эта работа состоялось, ибо без тебя, похоже, не состоялась бы вообще. Но возникли трудности, из которых разве что “глухой лягушонок” может выйти без психологических, да и, пожалуй, без профессиональных потерь. Вообще, к этим интервью, к их собранию (а не только к отдельным авторам), можно, наверное, предъявить претензии <...> Что, отчасти, и делает Д. Шалин в своем комментарии. Мои непритязательные и заинтересованные наблюдения “изнутри” в общем парадоксально совпадают с его, пожалуй, отрешенным и академичным взглядом “человека со стороны” (хоть и тоже пристрастным, когда доходит дело до его собственных воспоминаний).

Практически каждый автор у него предстает (и действительно является!) неким творцом “легенды” собственной жизни и профессиональной карьеры, в которой что-то выпячено, что-то затушевано, а что-то и вычеркнуто из памяти. Иногда сознательно, а иногда и бессознательно это происходит... И Д. Ш. как бы ловит наших коллег на таких “смещениях акцентов”.

Интересно, что он находит нечто общее в текстах очень разных людей, а именно — усмотрение некоего своего “выламывания из общего ряда”, собственного нонконформизма. Скорее всего так оно и было, пишет он, но характерно (это уже я говорю...), что никто не забыл это подчеркнуть или хотя бы упомянуть.

Из комментария Д. Шалина:

> <...> I don’t mean to suggest that such self-revelations are somehow inauthentic. They ring true to me. More than that, I am inclined to think that the agentic versatility and emotional ambivalence these scholars have shown correlate with intellectual curiosity and creativity. At the same time, these tropes follow the rules of the genre. In particular, they are meant to counterbalance ample evidence that these intellectuals knew how to work the system, that they traveled widely in official circles and did what it takes to augment their political capital. These were Komsomol activists, in many cases young communist leaders, who marched under the communist banners, recited requisite pledges, voted for inane resolutions, took part in the ritual degradation ceremonies, and for the most part kept to themselves the doubts they had about the system. <...>

И Д. Ш. справедливо отмечает, что положение дружественного интервьюера-собеседника может войти в противоречие с позицией дотошного историка-аналитика (а ведь ты тут в обеих ролях!).

<...> Coming back to the methodological issues inherent in in-depth interviews, I wish to point out that unlike memoirs where the writer is free to accentuate/ignore particular facets of one's existence, the interview process confronts the respondents with the questions of someone else's choosing. This process gives the interviewer a chance to move the conversation in a certain direction, clarify vague responses, even challenge the interviewee when the situation warrants. You have used your right as an interviewer sparingly, letting the respondent put his or her best foot forward (" Я хочу , чтобы мои герои подали себя с лучшей стороны " p. 40). To be sure, this is your choice; the procedure you have followed reflects your sensibilities as a mild, nonconfrontational human being, and as long as you are upfront about your preferences, you have every right to go about the business according to your agenda. The difficulty, as I see it, begins when you cease to be a participant observer sympathetically querying your friends and colleagues and become a historian whose judgment of the past may differ from particular accounts you have collected. <...>

Интересно, что Д. Ш., как и я, проявляет интерес к процессу интервьюирования едва ли не больше, чем к его конечному продукту:

<...> It would be interesting to see the actual email exchanges and compare the language of the original with the verbiage that showed up in print. A routine editing may reveal a noteworthy pattern, especially if we consider the larger universe of email correspondence between you and your respondents from which you extracted the relevant materials. <...>

Вообще, надо признать, что интервью по электронной почте способствует все же скорее "мемуарным" повествованиям, чем интерактивному режиму беседы. С другой стороны, далеко не все люди говорят так, чтобы это могло сразу лечь на бумагу или на экран компьютера, так чтобы удовлетворить не только интервьюера, но и самого говорящего. Тогда возникает потребность даже не столько в стороннем, сколько в авторедактировании. Электронный контакт достаточно оперативен, однако снимает проблему "устного косноязычия"... (лично мне, например, свойственного).

Мне кажется, все эти проблемы заслуживали бы предварительного решения, выработки и экспликации неких принципов и даже процедур — как выбора собеседников, так и проведения этаких "заочных" бесед. <...>

Возможно, и сейчас был бы полезен твой собственный программный документ, обобщающий и осмысляющий накопленный к настоящему времени опыт реализации проекта "российской социологии в лицах"... Вроде ты собирался что-то в этом роде написать. <...>

5. Вообще, всякий человек достаточно противоречив и весьма разнообразен в своих чувствованиях, мыслях и поведенческих проявлениях. К тому же эти противоречивость и разнообразие изменяются в процессе жизни. Скорее в самовосприятии, а также в предъявлении себя другим человек стремится к некой целостности и... к оправданию себя, своей жизни, наделению ее смыслом. И эти представления о себе самом прежнем (в разные периоды) и нынешнем — как-то коррелируют и тоже меняются...

Социологи в этом отношении — вполне нормальные люди. Твои собеседники не дурнее всех прочих.

6. Я согласен с Д. Шалиным, что

...the history of Soviet society gives us ample room for studying the schizophrenic dimension of human agency.

Однако думаю, что указанное “шизофреническое измерение” вполне свойственно и всему человечеству.

7. ...Еще в первом, самом раннем варианте своей “Драматической социологии” я додумался до мысли, которую готов еще и еще повторять. Она состоит

> “...в утверждении культурной самоценности... сиюминутных социальных свидетельств, равно как и рефлексий. То есть — не мемуаров, не ретроспективных анализов, а того, что можно назвать “протоколами”..., а попросту — дневник, “протоколы жизни”... Обратим внимание на преимущество дневника перед автобиографией, в качестве объекта социологического анализа. Дневник несет в себе “только одно” субъективное искажение, которое можно назвать моментным. В “истории жизни” к этому добавляется, кроме естественных искажений памяти, сознательная и/или бессознательная коррекция картины прошлого последующим жизненным опытом. Разделить эти слои субъективности в автобиографическом повествовании очень трудно” (Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Книжка 1. М.: СПбФ ИС РАН, 1997. С. 17)

“Никакие записи и рассуждения по памяти не могут заменить того, что написано 25 лет назад”, — замечал А. Сахаров в своих “Воспоминаниях”.

Характерно, что мемуаристы сплошь и рядом избегают цитировать собственные тексты прошлого времени...

<...>

Из письма А. Алексеева Б. Докторову от 20 апреля 2006 г.

<...> 1. Сначала о процессе “эскалации” темы “истории российской социологии в лицах” (я все же предпочитаю так называть твою научно-историографическую инициативу) на двух континентах. Сначала — об американском...

2. ...Вот, не успел я откликнуться на твою информацию о Шалинском сайте (откликался письмом от 7.04, которое было отправлено мною, вероятно, 11.04, а потом еще и Алла продублировала...), как ты — письмом от 16.04 — мне сообщаешь, что на этом сайте “уже несколько дней как висят” еще свыше дюжины биографических интервью и мемуаров российских социологов, взятые из “Социологического журнала” или из других источников.

То есть “выполнено мое пожелание” (боюсь, что “исполнение с перевыполнением” состоялись раньше пожелания; просто мы все “синхронно мыслили”... а вы с Шалиным еще и действовали). И с обращением к Козловскому в “Журнал социологии и социальной антропологии” — тоже сверхоперативность... Я не сомневаюсь, что не будет проблем и с “Социологическим журналом”... Начинается “эффект Тома Сойера, который красил забор...”!

Этот “эффект” сам по себе заслуживает наблюдения и “измерения”. Мне кажется, стоило бы фиксировать непосредственно на сайте дату размещения там соответствующего материала в рубрике. Кстати, и время и место “первопубликации” там не везде указаны (например, в каком номере “СЖ” или в каком другом издании данный текст был представлен; это — важно!).

Я еще не успел просмотреть все материалы подрубрик “Интервью” и “Мемуаров”, но замечаю, что, по крайней мере, по состоянию на 13.04, еще не

все релевантные тексты из “СЖ” там представлены (в частности, тексты Ольшанского, Фирсова, Карпинского, Левады, Заславской — из номеров “СЖ” за 1995–1997 гг.; вероятно, просто не близко лежат их электронные версии, в отличие от текстов издания 1998 г. и позже).

Материалы “Российской социологии шестидесятых годов в воспоминаниях и документах” (СПб., 1999) иногда предварялись аналогичными публикациями в “СЖ”, иногда — нет. Те, которые не были первоначально представлены в журнале (стало быть, тоже электронная версия может не близко лежать...), конечно же, заслуживают помещения на этот сайт.

Среди “приложений” не хватает пока твоих материалов о Якове Капелюше (вот, уже есть! 21.04.2006). Среди статей отчасти уже отраженного на этом сайте сборника “Социальные науки в постсоветской России” (М.: Академический проект, 2005) была бы здесь очень “к месту”, например, интереснейшая статья Г. Градосельской “Сетевые коммуникации в профессиональном сообществе” (возможно, здесь были технологические трудности с отображением графов и социоматриц...).

Совсем не удивлюсь, если — пока я пишу эти строки (еще, кстати, не успев увидеть на сайте пакет интервью. из “Журнала социологии и социальной антропологии”, о котором ты сообщаешь в письме от 19.04) — все мои “замечания” окажутся уже “учтенными” и реализованными.

Кстати, я бы действовал “экономно”: если обращаться за новыми интервью, то прежде всего к тем, кому их давать еще не доводилось. Например, интервью с Руткевичем уже было в “Российской социологии шестидесятых...”. Наверняка и Парыгин в каком-нибудь “Вестнике гуманитарного университета профсоюзов” уже в этом качестве фигурировал.

Конечно, выдержать единый “формат”, при таком разнообразии источников, интервьюеров, информационных поводов, — не удастся. Но что мешает, известив фигурантов “историко-социологического” сайта, о том, что они там уже так или иначе представлены, предложить каждому (буде пожелает...) написать к нему свой современный “постскриптум”.

Заведомые отступления от “единого формата” есть и у тебя, например, в интервью с Ослоном и с Сатаровым. Понятно, что это никак не биографические интервью (я бы их постольку поместил скорее в “приложениях”...).

В принципе, еще много чего я мог бы заметить и предложить здесь. Но чтобы не опоздать со своими “рекомендациями” подожду дальнейших событий на сайте (или собственного ознакомления с событиями уже состоявшимися). В целом всячески очень и очень приветствую Вашу с Д. Ш. волонтерскую и “пчелиную” деятельность. Опять же, я вот только недавно прочитал запись беседы “Б. Докторов — Н. Мазлумянова”...

Разумеется, никак не тороплю тебя с “ответом Шалину” и другими концептуальными шагами — собирание нектара с цветов и накопление меда в сотах сейчас важнее.

2-а. Вот сегодня, в пятницу 21 апреля, будучи в институте, зашел на Шалинский сайт, чтобы увидеть новации. Итак: 26 “интервью”, 5 “мемуаров”, 4 “приложения”, 3 “комментария”, 16 “статей”... Проект наполняется материалами — в самом деле — не по дням, а по часам.

Вот теперь, когда столько уже сделано, можно и покритиковать инициаторов... В частности, за издержки торопливости.

На мой взгляд, необходимо — всегда — указывать точный адрес первопубликации (журнал, год, номер...). Это не выдерживается в материалах,

взятых из “СЖ”, в отличие от материалов из “ЖССА”… Если из книги, сборника — то тоже корректную библиографическую ссылку. Геннадий Батыгин подобных библиографических небрежностей не потерпел бы...

Плохо, что свалены в одну “алфавитную кучу” биографические интервью, порой существенно различающиеся своим форматом. Я бы уже в их “оглавлении” пометил, чтО из “СЖ”, чтО из “Телескопа”, а чтО из “ЖССА”. У каждого издания — свой стиль...

Уже говорил, что выпадают из общего ряда НЕ биографические интервью Ослона и Сатарова. Как-то это надо бы оговорить.

Производит пока впечатления “свалки” оглавление “статей”. Все статьи распадаются по крайней мере на две разнородные группы: а) собственно науковедческая и т. п. тематика (так сказать, “социология социологии”) и б) работы по проблемам биографического метода вообще. К последним относятся, в частности, работы Валерия Голофаста и Нины Цветаевой.

Надо как-то отделить одно от другого. При том, что тексты (б) могут выполнять методологическую функцию для анализа биографических интервью социологов. То есть именно в этом состоит “оправдание” их помещения на данный сайт. Все-таки это рубрика, посвященная истории российской социологии, а не биографическому методу, как таковому

...Боюсь, что вы с Д. Ш. уже “подгребли” все то, что наиболее виртуально доступно, т. е. уже где-то фигурировало на сайтах. А вот с интервью, публиковавшимися в ранних номерах “СЖ”, или в батыгинском томе 1999 г., небось придется повозиться — вплоть до применения сканнера, если нет электронной версии. Но без помещения на сайт интервью, опубликованных в “Российской социологии шестидесятых...” вам никак не обойтись.

3. Вообще, такой сайт мог бы превратиться в “Форум”, но, думаю, лучше не превращать его в исключительно “сетевое” предприятие. В роли собирателей и редакторов этакой тематической (профилированной...) “виртуальной библиотеки”, с элементами дискуссии, Вы с Шалиным мне милее. <...>

7. Теперь об “эскалации” вашего проекта на российской территории.

Возможно ты знаешь, что после безвременной кончины Вениамина Иофе в 2002 г. его коллеги по питерскому “Мемориалу” (Научно-исследовательский центр “Мемориал” — СПб) совместно с Европейским университетом в СПб и при участии Центра независимых социологических исследований вот уже четвертый год подряд проводят Чтения его памяти, под серийным названием “Право на имя”. К каждым очередным чтениям выходит сборник трудов предыдущих.

Темы (программы) чтений (соответственно, названия сборников): 1. ... Биографический метод в социальных и исторических науках (2003); 2. ... Биография как парадигма исторического процесса (2004); 3. ...Биография вне шаблона (2005). Четвертые чтения состоялись не далее, как 17-18 апреля. Тема: “...Методология составления и изучения биографий”.

Тематика и география этих чтений от года к году расширяются, они уже стали по существу международными (не говоря уж о постоянных участниках из Москвы и некоторых других российских городов).

Обычно я в этих чтениях участвую, как и — из нашего института — Валерий Голофаст (в первых двух), Олег Божков и Нина Цветаева.

На сей раз я, не мудрствуя лукаво, заявил в конце марта такую тему:

Биография. Наука. История (коллективный автопортрет российских социологов).

Доклад посвящен проблематике порождения и использования автобиографических текстов, и в частности, биографических интервью ученых, для реконструкции процесса развития науки. При этом рассматриваются имеющиеся опыты такой работы в применении к истории российской социологии (от 1960-х гг. до наших дней). Обсуждаются особенности и мера информативности биографических нарративов в сопоставлении с другими историко-научными источниками. Особое внимание уделяется методологическим и этическим вопросам построения “истории науки в лицах”.

Доклад был по существу обзорный, посвященный “истории и практике” применения биографического метода для изучения истории российской социологии.

Начиная с пионерного проекта Г. Батыгина и его коллег (М. Пугачевой, Н. Мазлумяновой и др.), публикаций в “Социологическом журнале” второй половины 90-х — первой половины 2000-х гг. Первый итоговый труд “Российская социология шестидесятых...” (1999). Далее — курс лекций по истории советской социологии Б. Фирсова, где весьма активно и эффективно используются материалы биографических интервью с социологами-шестидесятниками (из указанного тома воспоминаний). (Кстати, вот эту книгу Б. М. я бы обязательно вывесил на вашем сайте; думаю, уже где-то висит, но сделать линк; если же вдруг не висит, то вряд ли у Бориса не сохранилась издательская электронная версия). Далее — интереснейшая книга “Социальные науки в постсоветской России” (2005; под редакцией Батыгина, Козловой, Свидерски). Наконец, твой историко-социологический проект (реализуемый, в частности, в “Телескопе”), и — самое последнее достижение — Шалинский сайт и ваша с ним там рубрика.

Должен сказать, что доклад этот был встречен, особенно мемориальцами, не то чтобы с интересом, а даже с изрядным энтузиазмом, как некое “целеуказание”, как вообще можно исследовать некую сферу деятельности (не обязательно социологию...) через биографии и автобиографии ее деятелей. Ну, а социологи на сей раз вовсе не оказались “сапожниками без сапог”... С чем, в частности, тебя и поздравляю. <...>

Из письма А. Алексеева Б. Докторову от 24 апреля 2006 г.

. ...Еще раз к вопросу об “одиозных” персонажах в твоей исследовательской практике. В одном из моих предыдущих писем (5.04) есть такой пассаж:

“...Твой интерес (в своей историко-науковедческой миссии) к фигурам, так сказать, одиозным (нарочно их сейчас не называю повторно) вызывает у меня, признаться, противоречивое чувство. Я уверен, что “юбилейных” интервью у такого рода персон было более чем достаточно. <...>

В общем, если тебе так уж нужна “репрезентативная” выборка (так сказать, “каждой твари по паре”...), то не лучше ли воспользоваться для этих целей уже имеющимися материалами, а себя как бы “поберечь”... от этих мазохистских упражнений?

Уж не говорю о том, что “объективистское” соседство в твоей выборке, скажем, Ядова и Парыгина выглядело бы по меньшей мере странно. Хоть и тот и другой “успешны”... К критерию “успешности” (“много сделал”...), более или

менее объективному, я бы добавил еще вполне субъективный критерий “приличности” (с точки зрения автора проекта, разумеется). А то рядом с потенциальной “очередью” в твою галерею не выстроилась бы очередь на выход из этой галереи. <...>

Вообще, и без интервью с “парыгиными” у тебя останется большое разнообразие “судеб” и “лиц”. Разве нет?...”

Из другого моего, еще мартовского письма (адресованного непосредственно Лене Кесельману, но и тебе также):

> “...Конечно, есть в истории нашей бедной науки и монстры, и “нерукопожатные” персонажи. Хотя, например, Ядов даже для Ельмеева (имя чуть ли не нарицательное!) нашел какие-то теплые слова... (Интересно, что “злым гением” в его жизненной драматургии выступает скорее лицемерный Парыгин). Отрицать же причастность тех или иных мало симпатичных нам или не столь уж чтимых нами (скажем, деликатно, так...) людей к актуальной социологической практике или к истории российской социологии, неправомерно.
>
> Так что в круге “званых” Борисом я, конечно, вижу не только “избранных”, но пока не вижу “случайных” людей...”.

Д. Шалин справедливо замечает:

> “...A statement from Rutkevich would also be helpful. As they say, no respectable Zoo can do without a rhino”. *(Цитирую по твоему письму от 19.04).*

...Это — “носорог”... А вот как насчет “скунса” или “гадюки”?..
Теперь ты пишешь (21.04):

> “...Из совокупности вопросов, которые мы стали с тобою неспешно обсуждать, хочу сегодня выбрать один: об освещении роли «одиозных» (в твоей терминологии) фигур в современной истории российской социологии. Хотя сами критерии отнесения того или иного ученого к сомну одиозных не очень-то ясны, будем исходить из того, что о критериях мы можем договориться. Тогда остается часть вопросов, как освещать эту одиозность, в какой мере историк имеет право, должен, может, обязан...касаться этой темы, подходить к ней, искать возможность встречи с этими фигурами...”.

Вообще говоря, судить о человеке стоит не столько по тому, что он думает о себе сам, сколько по тому, что думают о нем другие. Если же конкретнее и операционально, то реальная роль каждого актора на “социологическом поле” может быть оценена, например, по частоте его упоминаний в интервью других, по занимаемому им месту в этих текстах и, далее, по “знаку” выказываемого к нему там авторского отношения. (В общем — азбука контент-анализа...).

Г. Градосельская своими коммуникационными сетями и матрицами в статье из сборника “Социальные науки в постсоветской России” (постарайтесь разместить эту статью на сайте!) сделала только первый, важный шаг в этом направлении анализа (например, в построенной ею на материалах еще давнего интервью Ядова его “эгоцентрической сети” — .Парыгин, Сигов, Черкасов и Заславская мирно и безоценочно фигурируют рядом друг с другом...).

Выработка однозначных критериев “одиозности” действительно затруднительна, если не невозможна...

...Кстати сказать, меры моего здравомыслия и толерантности хватает на то, чтобы не ставить ультиматумы кому-либо из своих друзей по поводу их тесных взаимоотношений с людьми, с которыми я дружбы водить во всяком случае не стал бы. Обычно я ограничиваюсь приватным высказыванием своего "особого мнения" и больше к этому предмету не возвращаюсь.

С другой стороны, мне категорически не хватает терпимости выслушивать от кого-либо из друзей неприемлемые для меня высказывания о других своих друзьях, которые, понятно, не являются для нас общими. Буде такое случится, я обычно резко "закрываю тему", т. е. предлагаю при мне плохо об этом человеке не говорить. По крайней мере, острота ситуации снимается.

Разумеется, если бы такие случаи с кем-либо из друзей участились, неизбежно произошло бы взаимное охлаждение, утрата доверия, даже разрыв... Но так далеко дело обычно не заходит. Хоть у меня и бывало пару раз...

(Получилось своего рода морально-психологическое отступление или нравоучение... Интересно, как ты к нему отнесешься? Впрочем, это, я так, a propos ... Упомянутые выше лица столь чувствительных струн в моей душе не задевают).

...Вообще, что касается "одиозности" (как, впрочем, и "сверхценности") общественно значимых (или хотя бы просто известных...) фигур, то иного, более объективного, критерия, кроме профессионального "общественного мнения", увы, нет. Не мне тебя учить, как исследовать общественное мнение... Однако это очень трудно, при живых-то "объектах=субъектах". И при том, что "общественное мнение" может меняться (в том числе, отчасти, и под влиянием твоих публикаций). Остается полагаться — пока — на меру, такт, искусство того, кто отважился на такое исследование. То есть на критерий уж и совсем субъективный...

Возможность непосредственных контактов исследователя с "одиозными" фигурами, конечно же, не оспаривается мною, хотя не думаю, что эта конкретная задача относится к первоочередным.

...Отзыв Ларисы Федотовой на твою книгу в "Телескопе" я, разумеется, читал. С твоей постановкой вопроса о собственной работе как "заготовках для тех, кто начнет систематически изучать, описывать историю советских/российских исследований..." вполне согласен. Равно как и с твоим размышлением о "независимости ученого, несвязанности его с принадлежностью к тем или иным отечественным школам... его полной свободе в интерпретации фактов и построении обобщений".

В известном смысле ты, по своему нынешнему положению (не только географическому, но и социально-профессиональному), а также по ряду личностных и биографических особенностей, — оптимальная фигура для такой "подготовительной работы". Что ты, судя по твоему письму, и сам хорошо понимаешь...

Еще — воспользуюсь случаем, чтобы высказаться касательно вашего диалога с Натальей Мазлумяновой, вывешенного на сайте.

Можно сказать, что Н. М. является сторонником более "жесткой", "дотошной" манеры ведения интервью. Тебе, судя по всему, ближе — более "мягкая" или "щадящая" манера. Разумеется, и ты, и она отвергаете крайности той или иной формы беседы. Далее, Н. М. позиционирует себя (не люблю это выражение, да ладно...) в качестве исследователя научных карьер, с их внешними обстоятельствами и внутренними мотивациями... Для нее интервьюируемый как бы больше объект, чем субъект...Ты — формулируешь

свою задачу как исследование судеб российских социологов. Чем постулируешь не абстрактную, а конкретную (для тебя...) субъектность своих героев.

В принципе возможно взаимодополнение (взаимооплодотворение...) этих позиций или подходов.

Примечательно, что Н. М. видит перспективу последующей более или менее строгой обработки собранных материалов (что наверняка не чуждо и тебе...). И она, как и я, усматривает в этой работе возможность написания "истории российской социологии в лицах". И ты (опять же, как и я...) не ожидаешь от данного метода "самодостаточных" результатов. И тем самым, среди прочего, подкрепляешь свое "интуитивное" желание дать побольше "воли" своим собеседникам (даже если они где-то себя приукрасят или что-то существенное опустят...).

Мне было интересно следить за поворотами вашей с Н. М. беседы, в которой я, пожалуй, не усматриваю полемики, а скорее партнерское развитие темы: "с одной стороны..." и "с другой стороны...". Могу предложить "с третьей стороны...": Какое бы интервью ни взять, хоть "допрос с пристрастием...", хоть "дружеское попустительство" интервьюера своему герою (этакое laissez faire ...), мы имеем **автопортрет** конкретного человека**.** И это — главное, мне кажется.

Из множества автопортретов, каждый из которых, в принципе, может быть подвергнут определенной "расшифровке", "декодированию", во всяком случае — интерпретации (причем в контексте остальных интервью и иных документальных свидетельств, включая, очевидно, и научные труды героя), складывается **коллективный автопортрет** российских социологов.

А чтобы избежать каких-то пробелов или неадекватностей автобиографического рассказа, невольно или намеренно не замеченных интервьюером, я бы ввел обязательную процедуру "свежей головы" для каждого биографического интервью, которая (свежая голова...) могла бы обратить внимание интервьюера и интервьюируемого на "темные места", с тем, чтобы автор (субъект) биографии мог, если захочет, их прояснить или... еще лучше затушевать.

Мне кажется, стихийно у тебя так и получалось, по крайней мере, в случае интервью у Гилинского и у Ядова, судя по преамбулам "ведущего рубрики". Стоило бы сделать это правилом...

Февраль-апрель 2006

***

(Ниже – текст статьи А. Алексеева «Познание через действие (Так что же такое «драматическая социология»?)», впервые опубликованной в журнале «Телескоп», 2006, № 5. [29] – А. А. Январь 2011)

[29] Электронная версия - http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1210866939113785file.pdf.

Здесь цитируется по сайту «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_knowledge.html.

(4) А. Н. Алексеев Познание через действие. Так что же такое “драматическая социология”?(2006 г.)

От ведущего рубрики журнала «Телескоп»

Я глубоко признателен Андрею Николаевичу Алексееву за предоставленную мне возможность поместить фрагменты его недавно вышедшего четырехтомника «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» [1] в настоящей рубрике «Телескопа». У этого фундаментального, многожанрового произведения есть множество предметных ипостасей, но одна из важнейших, на мой взгляд, это — история отечественной социологии. Приведу три обстоятельства, аргументирующих этот вывод. Во-первых, на страницах книг отражены многие важные события, происходившие в ленинградской социологии в последние десятилетия прошлого века. Это не только воспоминания автора, но документы и мнения участников тех событий. Во-вторых, в работе представлена определенная коммуникационная сеть нашего профессионального цеха и через описание реальных ситуаций обозначены многие формальные и неформальные механизмы общения большой группы социологов. В-третьих, и это важнейший аспект исторической окрашенности предмета исследования А. Н. Алексеева, на анализе многих драматических ситуаций, в которых автор был и действующим лицом, и наблюдателем, им показано, каким образом социальная среда в ее макро- и микропроявлениях детерминирует производство социологического знания и жизнь социологического сообщества.

Публикации названных материалов предпосланы ответы Андрея Алексеева на несколько моих вопросов относительно методологии «драматической социологии» и содержания книги.

Борис Докторов

Как сложилась идея драматической социологии? Я имею в виду и суть книги, и ее жанр, и термин...

Будем различать жанры — *исследовательский* и *литературный*.

Начну с первого. Драматическая социология, в моем понимании, это определенный способ (жанр...) исследования, в рамках того, что принято называть *деятельностно-активистским*подходом в социологии (ныне обретающем все больше приверженцев). Другая родовая характеристика “драматической социологии” — это принадлежность к тому, что называют *микросоциологией*. И, наконец, речь идет об одной из вариаций “субъект-субъектной” (в отличие от “субъект-объектной”), гуманистической, *качественной* (в смысле — “качественные методы”...) социологии. В “драматической социологии”, как правило, имеет место *исследование случаев* (что вовсе не исключает амбиции социальных обобщений...). [2]

Указав на родовые признаки, обратимся к специфике.

Основным методом “драматической социологии”, по-видимому, является НАБЛЮДАЮЩЕЕ УЧАСТИЕ. В отличие от участвующего (или включенного) наблюдения, предполагающего максимальную “мимикрию” исследователя в изучаемой социальной среде (быть и поступать “как все”, наблюдая и фиксируя

естественное развитие ситуаций и процессов), наблюдающее участие предполагает изучение социальных процессов и явлений через целенаправленную активность субъекта (исследователя...), делающего собственное поведение своеобразным инструментом и фактором исследования. Причем, в отличие от известных образцов социального эксперимента, в случае наблюдающего участия новые факторы вводятся не "извне", а "изнутри" ситуации. Само введение этих факторов оказывается иногда импровизационным и не претендует на строгую процедуру.

Особое место здесь занимает исследовательская практика так называемых МОДЕЛИРУЮЩИХ СИТУАЦИЙ. Под таковыми понимаются ситуации, отчасти организованные самим исследователем из естественных ситуационных предпосылок, в целях обнажения, заострения, в этом смысле — моделирования социального явления или процесса.

Лет 20 назад мне довелось — признаюсь, вовсе не в "научном трактате"! — провозгласить что-то вроде исследовательского кредо или девиза "драматической социологии": "**познание через действие"**. (Можно сказать и еще лаконичнее: "познание действием" — формулировка А. Ющенко). Причем именно за счет "социологического действия" (понимаемого предельно расширительно...), достраивалось до триады известное различение социологической теории и социологической эмпирии. [3]

Еще один термин, уместный в этом контексте: СОЦИОЛОГ-ИСПЫТАТЕЛЬ. В "драматической социологии" обычно имеет место своего рода профессионально-жизненный, социально-личностный эксперимент (иногда говорят: "эксперимент на себе", но это звучит слишком красиво).

Может быть, ты заметил, что первый из 4-х томов "Драматической социологии и социологической ауторефлексии" так и называется: "В поисках жанра"... Речь идет главным образом об исследовательском жанре.

...Но тут, пожалуй, стоит оговорить, что только к "действию" этот способ исследования не сводится, существенны еще и "*рефлексивная феноменологическая надстройка* над наблюдениями-описаниями-идентификациями плюс *контекстуальный анализ*", как "саморазвитие метода наблюдающего участия" (формулировки Р. Ленчовского). Уже сами по себе описания, "протоколы жизни", они же — рабочие документы исследования, своего рода "полевые дневники", являются неотъемлемым элементом исследования, как такового. [4]

Мне еще хотелось бы обратить твое внимание на отличие драматической социологии (в изложенном смысле) от "социологии действия" и "социологической интервенции" (по Турену). Дело в том, что туреновская *социология действия* — это не просто (не только) исследовательская практика. Здесь присутствует также момент социальной педагогики, своего рода "внесения сознательности в стихийность движения" (что подтверждается, например, опытом применения метода социологической интервенции в "студенческой революции" во Франции в конце 60-х гг. прошлого века).

Между тем, социолог-испытатель, как исследователь, не претендует на организацию "коллективной борьбы". В случае наблюдающего участия исключено (запрещено!) всякое действие, которое не было бы продиктовано аналитической и/или деловой и/или смысложизненной задачей (соответственно, комбинацией этих задач и мотивов). [5]

Другое необходимое размежевание — между "драматической социологией" (в изложенном смысле...) и *драматургической социологией*

Ирвинга Гофмана. Должен, не без смущения, признаться , что о последней я до середины 90-х гг. и не слыхивал. Теперь же замечу, что если у Гофмана все социальные и межличностные интеракции интерпретируется “в театральном ключе” (“Wir alle spielen Theater”...) [6], то в “драматической социологии” речь идет лишь об игровых моментах в поведении исследователя.

Термин ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ относится мною к тому “жанру” социологического изыскания, где происходит соединение (интеграция?..) *практической деятельности, рефлексии* и *игры (*с социальным объектом...), которое в таком случае пытается осуществить социолог (он же — своего рода драматург и постановщик “социологической драмы”; не путать с “социодрамой”...). И еще одно, пусть не столь специфичное (поскольку, относимо, полагаю, и не только к обсуждаемому исследовательскому подходу) определение: “драматическая социология” — принципиально *диалогична* и *интерактивна* (это может быть диалог, взаимодействие исследователя и с непосредственным социальным окружением, и с социальными институтами...). То есть это — *коммуникативная* социология.

Теперь, насчет истории терминов. *Наблюдающее участие, моделирующие ситуации, социолог-испытатель* — вышли из писем-дневников социолога-рабочего начала 1980-х гг. Ставя тогда “социологическую драму” исследования производственной жизни изнутри, “глазами рабочего”, я испытывал своего рода эйфорию овладения новой жизненной (и профессиональной...) ситуацией и, можно сказать, фонтанировал новыми понятиями и оригинальными терминами. Среди них, например: *вынужденная инициатива* (“инициатива, направленная на предотвращение неблагоприятных последствий ее отсутствия”), *адаптационное нормотворчество, социально-опережающее поведение...* В первых публикациях на эту тему говорил об опыте *экспериментальной* социологии... Выражение “драматическая социология”, кажется, было употреблено пару раз, но еще не как термин, а скорее метафорически.

Но вот в середине 90-х, при доработке рукописи книги об “эксперименте социолога-рабочего” (она вышла в издании Института социологии РАН в 1997 г.), я отказался от первоначально задуманного, слишком академичного названия —“Познание через действие”, и озаглавил свое сочинение (“без затей”...): **“Драматическая социология”.** Вскоре сообразил, что это может быть и терминологическим обозначением исследовательского подхода. Тогда ввел в предисловие обоснование (оправдание...) термина.

Не скажу, что термин идеально подходящий (так, “драматическую” недолго смешать с “драматичной”... а это, очевидно, разные вещи, хоть может и совпасть...). Но лучшего сам, наверное, уже не предложу.

Кажется, жанр исследования я охарактеризовал. [7] Теперь о “жанре литературном”, или о жанре книги “Драматическая социология и социологическая ауторефлексия” (в дальнейшем для краткости — “Драматическая социология ...”), вышедшей в 2003-2005 гг.

Все четыре тома этой не совсем академичной книги по существу являются собраниями (композицией...) документов. Документы личные и публичные; житейские, деловые, научные... Хоть личное письмо, хоть дневник (“протокол наблюдающего участия”), хоть справка или обращение в официальные органы, хоть газетная заметка или научная статья — любой письменный “след” биографии и истории, будучи поставлен в определенный контекст, может обрести смысл *социологического свидетельства.* Сама же по

себе композиция (отбор свидетельств и расположение их в определенных сочетаниях и последовательности, своего рода *монтаж*...) выступает способом первичной концептуализации, а в опреденной мере — также и анализа и осмысления.

К особенностям такого "документально-социологического" жанра относятся множественность и "столкновение" различных приемов описания и индивидуальных интерпретаций, будь субъектом описания или интерпретации сам автор — в разное время! — или же другие люди, которым предоставляется слово на страницах книги:

Иосиф Бродский не однажды отмечал главенствующее значение *композиции*, этого "драматургического принципа", во всяком творчестве. Не удержусь, чтобы не процитировать его письмо другу (Я. Гордину) из ссылки (1965):

> "...Сознаюсь, что чувствую себя больше Островским, чем Байроном. (Иногда чувствую себя Шекспиром). Жизнь отвечает не на вопрос: что? — а: что после чего? И перед чем? Это главный принцип. Тогда и становится понятным "что". Иначе не ответишь. Это драматургия. Черт знает почему, но этого никто не понимает. Ни холодные люди, ни страстные..." (Гордин Я. Перекличка во мраке. Иосиф Бродский и его собеседники. СПб.: Изд-во "Пушкинского фонда", 2000, с. 137-138).

Мне кажется, что адекватным способом представления результатов исследования в жанре "драматической социологии" является именно композиция (иерархия композиций, или "композиция композиций"...) материалов этого исследования. Причем жанр "Драматической социологии..." (книги!), предполагает попытку сюжетного выстраивания произведения, где результаты исследования предстают не готовыми, а развивающимися в процессе их получения. (В данном случае сквозным сюжетом оказался "эксперимент социолога-рабочего", продолжавшийся с 1980 по 1988 г., с включением множества побочных, "привходящих" жизненных и исторических сюжетов и обстоятельств).

Некими прообразами, или первыми подступами к этому жанру для меня оказались... тематические папки личного архива, где документы обычно располагаются в хронологическом порядке. Тематико-хронологическим является и принцип построения "Драматической социологии...".

Стоит отметить, что при всем разнообразии текстов, составляющих "строительный материал" книги, пожалуй, преобладающими и ведущими являются именно *письма,* адресованные, как правило, конкретному лицу, но сочетающие при этом элементы коммуникации другому лицу ("письмо"), самому себе ("дневник") и для других ("статья"). [8]

И еще об одной важной, как я считаю, жанровой особенности. Это практика сопровождения документов прошлого (включая собственные тексты автора...) или даже отдельных пассажей из этих документов авторским комментарием "из сегодня". Я называю эти комментарии *ремарками* (тоже, кстати сказать, из драматургического лексикона...). Однако именно документы прошлого, "жизненные свидетельства" и т. п. составляют основной корпус книги такого жанра (а ремарки, иногда и весьма развернутые, — по мере необходимости!). В этом, кстати, принципиальное отличие от *мемуаров*, где документы присутствуют в лучшем случае в качестве эпизодических цитат.

Всю эта многосложную структуру, переплетение *сюжетов, времен, жанров,* автор полагает уместным прозрачно представить в подробном

оглавлении, которое выступает в качестве также и своего рода путеводителя. Ибо рассчитывать на то, что кто-либо согласится читать, к примеру, свыше 2000 стр. “от корки до корки” не приходится. Но каждый читатель, взяв такую книгу в руки, может поискать в ней для себя полезное или интересное.

При изобилии *со-авторов* (они же — чаще всего — *со-акторы*, со-участники описываемых в книге событий, наряду с самим “социологом-испытателем”) книга разрастается в объеме, вопреки авторскому желанию. И лично я испытываю некоторую неловкость перед читателем за излишне толстые тома. Но так уж получилось...

В известном смысле, есть у этой книги образец, которому, автор, может, и следовал бы, кабы сам не “додумался”, а точнее — нашел, нащупал (хоть и не столь совершенное, а свое...). Это “исповести” нашего старшего современника философа и культуролога Георгия Гачева.

Его “Семейная хроника” (1994), как, впрочем, и почти все его произведения, построена как “перепечатка” записей одного периода жизни, комментируемых по ходу дела им же самим, “сегодняшним”. И получается: диалог с самим собой. Вот как Г. Гачев объясняет — “идею предпринимаемого труда, а с нею — и метода”:

> “...Конечно, совершавшиеся на ходу записи тех лет *(1969-1971. — А. А.)* имеют ценность неисправимой достоверности, я их ретушировать не буду, править слог и благообразить: в них именно и характер (“персонаж — это стиль!” — так бы хотел, афоризм даже предложить, но вспомнил, что почти повторяю Бюффона: “Стиль — это человек” — что же! — и слава Богу, подтверждение... Хотя я имею в виду еще и то, что персонажами литературного произведения и текста могут быть его стилистические пласты), и дух места того времени, и аромат жизни. Разумеется, придется выбирать, не все давать (место не позволяет и то, что я еще живой); но то, что дается, идет как было написано, честно. Если же я буду вступать в диалог с самим собой или комментировать, то новые мои слова будут обозначены своими датами. Двухголосие выйдет. Втора...” (Г. Гачев. Семейная хроника. Лета в Щитове (исповести). М.: Школа-пресс, 1994, с. 10).

Так именно поступал и я. Как видно, в жанре “Драматической социологии...” автор далек от первооткрывательства. Все мы — так или иначе — “изобретатели велосипедов”... Хоть в рамках нашей социологии и можно, пожалуй, говорить об определенном “ноу-хау”.

Пожалуй, мне следует остановиться, чтобы не злоупотребить твоим приглашением поговорить о жанрах “драматической социологии” и/или “Драматической социологии...”. Что здесь не успел сказать — можно найти в предисловии и в заключении моей книги, а также в соответствуюшем разделе тома 2: “Что сказать мне удалось — не удалось”.

...Когда-то, в 1970-80-х гг., мы с тобой увлеченно занимались социологией театра. На любого из нас, социологов — участников группы “Социология и театр” при Ленинградском отделении Всероссийского театрального общества — прикосновение к этой сфере, думаю, наложило свой отпечаток. По крайней мере для изобретателя (автора, адепта...) “драматической социологии” в этом сомневаться не приходится.

Хорошо. Но можно ли сказать, что драматическая социология это, кроме всего тобою перечисленного, и определенный жанр твоей жизни?

Да, рискну добавить к сказанному еще одно, пожалуй, даже “нескромное” определение: драматическая социология как... своего рода *стиль* (тоже жанр?..) *жизни*!

В какой-то момент (похоже, в конце 70-х — начале 80-х), в частности, у будущего автора (изобретателя?.. открывателя?..) “драматической социологии” произошла этакая оригинальная сверхидентификация с профессией, когда собственная жизнь стала восприниматься как *объект* и *инструмент* (обрати внимание — и то, и другое!) некой социологической штудии. Социология стала жизнью, а жизнь — социологией.

Интересно, что вместе с тем это было и своего рода “выходом за рамки...”, “выпрыгиванием...” из профессии, ибо решение неких жизненных, сугубо практических задач (запуск ущербного станка или оборона от гебешного наката или еще что...) лишь с изрядной долей условности можно трактовать как тематизированное “социологическое исследование”.

Единственное, что вроде бесспорно, это что то были акции если не исключительно, то *также и* социально-познавательные. (А не есть ли вся наша жизнь — в известном смысле — познание мира и себя, или себя и мира?). А тут уже поле не только для “драматической социологии и социологической ауторефлексии”, но и для **драмы социального миро-** и **самопознания.**

Я это сейчас к тому, чтобы избежать абсолютизации или фетишизации социологического знания, как такового. Т. е. не обязательно быть социологом для постановки ауто-экспериментов и т. п. Равно как и “драматическая социология”, разумеется, есть лишь предельный(маргинальный?..) случай социологического подхода, переходящий в нечто совсем иное (не только не социологию, но даже, может, и не науку... А во что?!)...

Твоя «драматическая социология» – это одновременно и автобиография, и «просто» биографическая книга, которую пишешь как бы не ты, но о себе. Я читаю твои тома с большим интересом, они стимулируют мои поиски. Но на один вопрос я не могу сам ответить... может ты ответишь?

При изучении биографий и творчества моих героев ястараюсь увидеть сделанное ими как функцию их жизни в определенной среде. Можно ли сказать, что постижение себя, или не себя, но человека, очень похожего на тебя, стало в какой-то момент главной научной целью твоих изысканий? Т.е., еще на зная того, что тебе предстоит написать (создать) «драматическую социологию», ты начал постигать реальность, действуя в ней, и испытывать себя, участвуя или не участвуя в происходящем. Другими словами, «драматическая социология» – это и процесс твоей деятельности (т.е. внутреннее, или «автобиография»), и главный результат твоей работы (т.е. «биография).

Твои рассуждения о связи особенностей жизненного процесса (биографии...) и специфике творческого результата (включая научные результаты...), точнее — о зависимости второго от первого, в социокультурном контексте, мне вполне созвучны.

Вообще, как ты мог заметить, я являюсь адептом “личностного знания” М. Полани. [9] А Вернадскому, между прочим, принадлежит замечание о том, что “познать научную истину... можно лишь жизнью”.

...У великих Дэвида Огилви и Джорджа Гэллапа, о которых ты много пишешь, жизнь и творчество все же не совпадают, хоть первая и есть “база творчества”, “резервуар стимулов” и т. д. У других великих (воздержусь от примеров...) “взаимоналожение” того и другого гораздо сильнее, в пределе — процесс (жизни...) и результат (творчества...) нерасторжимы.

О себе скажу так: осознание собственной жизни как своего рода объекта или предмета “включенного наблюдения” (а, в силу определенных особенностей жизненной позиции, и “наблюдающего участия”…), у меня возникло где-то в конце 70-х. В самом уходе из института на завод экзистенциальный мотив поначалу все же преобладал над профессионально-социологическим (впрочем, вскоре они сравнялись по значимости...). Но в качестве социолога, каковым я продолжал себя считать, мотив *само*-познания уступал мотиву *миро*-познания. Так мне сегодня это ретроспективно видится.

Иначе сказать: хотелось бы все-таки думать, что “драматическая социология” преследовала цель не только и не столько “постижения себя” (для этого не надо быть социологом...), сколько постижения мира, социальных явлений и процессов и т. п. И содержательным результатом явилась не только и не столько “биография”, сколько *картина социального мира,* полученная специфическими “автобиографическими” средствами. Насколько картина эта “научна”, “объективна”, “достоверна” — другой вопрос... Демонстрация возможности и потенциальной эффективности такого способа социального (социологического?..) познания (разумеется, в сочетании со всякими другими!..), возможно, есть главный методологический результат “драматической социологии”.

Признаться, этому методологическому результату я придаю значение не меньшее, а даже большее, чем содержательному. Не думаю, что с помощью “автобиографических” средств мне удалось открыть неведомые ранее социальные закономерности, но вот новый подход к их постижению, пожалуй, предложен и апробирован.

* * *

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ “ДЕЛА” СОЦИОЛОГА-РАБОЧЕГО (1984-1987)

Несколько вступительных слов

Ниже приведен ряд документов, относящихся к так называемому “делу социолога-рабочего” середины 1980-х гг. За исключением двух заключительных (личного письма от июня-сентября 1987 г. и авторской заметки позднейших лет), все документы являются официальными. Здесь они цитируются по тексту книги: А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005.

Отбор и расположение документов в настоящей подборке позволяет обойтись практически без каких-либо комментариев. (Июль 2006).

В отношении Алексеева А. Н. (март 1984) [10]

Справка. 12.03.84. N 5-3/493. Ленинград

В январе с. г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 г. “О применении органами государственной

безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия" Управление КГБ по Ленинградской области объявило официальное предостережение

Алексееву Андрею Николаевичу, 1934 г. рождения, русскому, члену КПСС с 1961 г., кандидату философских наук, работающему слесарем-наладчиком завода "Полиграфмаш", проживающему по адресу: Ленинград, Наличная ул., дом 40, корп. 1, кв. 132,

— в связи с тем, что он хранил и распространял среди своих знакомых произведения политически вредного содержания, не издававшиеся в СССР и не подлежащие распространению на территории Советского Союза, а также распространял в своем окружении изготовленные им машинописные документы, содержащие политически вредные и идеологически невыдержанные оценки отдельных сторон советской действительности.

Алексеев в 1956 г. окончил факультет журналистики ЛГУ им. А. А. Жданова *(правильно: филологический факультет... — А. А.)*, член Союза журналистов СССР с 1961 г. В 1964-1965 гг. работал в редакции "Ленинградской правды" в должности заведующего промышленным отделом, в 1975-1981 гг. — старшим научным сотрудником в Институте социально-экономических проблем АН СССР.

В январе 1980 г. Алексеев приступил к проведению социологического исследования в рабочей среде по типу "включенного наблюдения" и перешел на работу в качестве слесаря-наладчика на завод "Полиграфмаш", продолжая до декабря 1981 г. научную работу в ИСЭП АН СССР по совместительству.

Имеющиеся в Управлении КГБ СССР по Ленинградской области материалы свидетельствуют, что Алексеев хранил и в 1978-1982 гг. распространял среди своих знакомых копии изданных за границей клеветнических произведений "Зияющие высоты" и "Светлое будущее", автором которых является бывший советский гражданин Зиновьев А. А., сотрудничающий с эмигрантскими антисоветскими организациями.

В 1980-1982 гг. в период работы на заводе "Полиграфмаш" на основании полученных им материалов в процессе т. н. "включенного наблюдения" Алексеев написал несколько статей политически вредного содержания, под названием "Письма любимым женщинам", в которых он в иносказательной форме допускает измышления о генеральной линии партии, с клеветнических позиций оценивает советскую пропаганду, оскорбительно отзывается о рабочем классе.

Кроме того установлено, что в 1979-1981 гг. Алексеев организовал и провел несанкционированное партийными органами и администрацией ИСЭП АН СССР социологическое исследование "О состоянии и перспективах развития советского общества". Вопросы анкеты "Ожидаете ли Вы перемен?" и методологический комментарий к ней носили тенденциозный характер и были построены таким образом, чтобы получить негативные ответы о состоянии и перспективах развития советского общества.

По месту жительства у Алексеева изъяты политически вредные произведения Дж. Оруэлла "1984" на английском языке, цитатник Мао-Цзэ-дуна, машинописные отрывки из книги Ф. Искандера "Сандро. Новые главы", клеветнического содержания, и восемь документов с грифом "Для служебного пользования". [11] Один из документов — доклад академика Т. И. Заславской "Социальный механизм развития экономики" — был размножен им и распространен в своем окружении. Такое обращение с документами "Для

служебного пользования” является нарушением установленных правил работы с ними.

На беседе в Управлении КГБ СССР по Ленинградской области Алексеев А. Н. вел себя неискренне, от дачи правдивых объяснений по указанным выше фактам уклонился.

Начальник подразделения УКГБ ЛО В. И. Полозюк

Из акта комиссии партийного расследования цеха N 3 ПО “Ленполиграфмаш” (апрель 1984)

<...> Алексеев А. Н., работая на заводе с 1980 г., помимо основной работы наладчиком станков в рабочее время вел записи своих наблюдений о положении дел в коллективе. Свою точку зрения излагает в так наз. записях “Письмах любимым женщинам”, или как называет Алексеев А. Н. “Закодированный архив”, в которых в извращенном виде показывает негодность наших отечественных станков и оборудования, восхваление станков иностранного производства и неумение наших рабочих работать на них.

<...> В “Письмах” Алексеева А. Н. выражены мысли явно антисоветского содержания, особенно рельефно они выражены на страницах 43, 57, 80, 101, 181 и др. “Письма любимым женщинам” (часть 1-я на 316 печ. листах и часть 2-я на 417 листах) <...> созданы в эпистолярном жанре, “художественные” исследования, в которых автор оскорбительно высказывается о советском рабочем классе, о Советской Армии, пытается утверждать, что социалистическое производство является иррациональной системой, заявляет, что социалистическому массовому сознанию присущ шизофренизм. Данные материалы отмечены цинично-пренебрежительным отношением к советской науке, переполнены завуалированными, а иногда и откровенными антисоветскими высказываниями.

Злоупотребляя доверием коллектива, Алексеев А. Н. нередко использовал рабочее время для личных целей, составления пасквилей на нашу действительность. <...>

Подписи: председатель комиссии Максимов Б. Г., члены комиссии Калинин М. Ф., Лобов Е. В.

(04.84)

Эволюция формулировок исключения из рядов КПСС (1984-1985)

Исключить Алексеева А. Н. из рядов КПСС...

... за распространение антисоветской литературы и написание статей политически вредного содержания. (Решение партийного собрания цеха N 3 Ленинградского завода полиграфических машин, 16.04.84).

... за нарушение Устава КПСС, его уставных обязанностей *(так! — А. А.),* выразившееся в распространении антисоветской литературы и написании статей политически вредного содержания. (Постановление парткома ПО “Ленполиграфмаш”, 23.05.84).

... за хранение и распространение политически вредных произведений, написание и распространение материалов, содержащих идеологически невыдержанные оценки некоторых сторон советской действительности, грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования и

проведение тенденциозно экспертного *(так! — А. А.)* исследования советского общества. (Постановление бюро Ленинградского ГК КПСС, 16.01.85).

... за проведение социологических исследований политически вредного характера, написание и распространение клеветнических материалов на *(так! — А. А.)* советскую действительность и грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования. (Постановление бюро Ленинградского ОК КПСС, 4.06.85).

Из экспертного заключения
“По поводу персонального дела Алексеева А. Н.” (август 1984)

<...> По поводу написанного А. Н. Алексеевым не оставляет сомнений в том *(так! — А. А.)*: 1) что он идейно порвал с последовательным коммунистическим мировоззрением, 2) подвержен влиянию буржуазной идеологии, 3) ряд его практических действий и последующее поведение несовместимы ни с идеологией, ни с практикой члена КПСС и партийного журналиста.

Нужно прежде всего констатировать эклектизм его идейных установок и практического поведения, и в то же время сам этот эклектизм рассматривать не как движение незрелого сознания в направлении к коммунистическому мировоззрению, а наоборот — от научной идеологии и практики в оппортунизм и ревизионизм, к двойственному увертливому поведению. <...>

Декан факультета журналистики Ленинградского университета, кандидат философских наук В. Г. Комаров

3.08.84

Из постановления Секретариата правления ЛО СЖ СССР

<...> Члены оргкомиссии ЛО СЖ Занин А. Ф., Воронцов А. Ю., Ребиков Б. А., а также декан факультета журналистики ЛГУ, кандидат философских наук В. Г. Комаров внимательно ознакомились с имеющимися по делу документами и провели беседы с тов. Алексеевым.

<...> Из анализа написанных Алексеевым материалов комиссия пришла к выводам, что:

1) у тов. Алексеева А. Н. прослеживается опасная идейная эволюция;

2) ряд его практических действий и последующее поведение несовместимы ни с идеологией, ни с практикой советского журналиста.

Исходя из вышеизложенного, секретариат СЖ постановляет:

— исключить Алексеева А. Н. из членов Союза журналистов СССР за действия, несовместимые с этим высоким званием.

Председатель правления ЛО СЖ СССР А. К. Варсобин

30.08.84

Из протокола № 1 заседания бюро ЛО ССА
(10 января 1986 г.)

Присутствовали: <...>

(Список присутствующих здесь не приводится, поскольку, как выяснилось позднее, не все указанные в протоколе лица действительно присутствовали на этом заседании. — А. А.)

<...> 5. Персональное дело. [12]

Парыгин Б. Д. (*председатель бюро ЛО ССА. — А. А.).* Сегодня мы рассматриваем персональное дело члена ССА Алексеева А. Н. Доложит председатель комиссии Гревцов Ю. И.

Гревцов Ю. И. Зачитывает справку комиссии. [13]

Парыгин Б. Д. Хотелось бы послушать членов комиссии.

Воронцов А. В. Когда я знакомился с делом в ОК КПСС, то у всех членов комиссии было единодушное мнение — исключить Алексеева из членов ССА. Чего он добивается? Все его высказывания — с позиций антикоммунизма. К примеру, он приводит в дневниках высказывания Бжезинского и нет ни слова о социализме. Руководителей подразделений он называет генеральными марионетками. Он использовал данные социологического исследования, которое он проводил один, без экспертов, использовал данные с одной стороны — найти отрицательный ответ. Анкета — 45 экспертов — в формулировке “кризис” нашего общества, а также его выводы, основанные на этих 45 интервью — “общество утратило идеал и перспективы развития”, “коррупция на всех уровнях”, “рост бесхозяйственности”.

Меня удивляет поток писем Алексеева в свою защиту. Это в какой-то степени человек бессовестный, нам надо было пригласить корреспондента из “Ленинградской правды” и осветить его деятельность.

ФедосеевА. А. А материалы исследований были представлены Алексеевым куда-либо? На Запад его материалы не попали?

Гревцов Ю. И. Нет, его материалы распределялись в кругу его друзей и сочувствующих. На Запад материалы его исследований не попали. Распространялись только среди знакомых разных городов.

<...>

Парыгин Б. Д. Кто желает еще высказаться?

Ельмеев В. Я. Мы слышим, что бывают такие выступления и за рубежом. Чем объяснить этот факт? Видимо, низким научным уровнем. Деятельность Алексеева вредная тем, что он решил социологию использовать не для целей укрепления социалистического общества.

<...>

Максимов Б. И. Я не член бюро. Хочу призвать членов бюро к повышенной внимательности ввиду уникальности рассматриваемого дела, незаурядности личности Алексеева. Им допущены серьезные ошибки. Вместе с тем ему присущи большие достоинства. Это человек чрезвычайной работоспособности, им опубликовано более 100 научных работ. Результаты, полученные Алексеевым во время работы на заводе и отраженные в научных отчетах, в большой статье для журнала “Системные исследования”, имеют важное значение с точки зрения совершенствования хозяйственного механизма. При поступлении на завод Алексеевым руководило стремление глубже понять природу социально-экономических отношений в производственном коллективе, с целью разработки предложений по совершенствованию хозяйственного механизма. Алексеев сознательно шел на ухудшение своего положения, связанного с проведением включенного наблюдения, надо отдать должное его гражданскому и научному мужеству. Выражаю мнение, что ошибки Алексеева есть именно ошибки, но не злоумышленные действия. При сопоставлении их с заслугами Алексеева можно ставить вопрос об оставлении его в составе ССА, при вынесении соответствующего взыскания.

ПашковА. С. Лично не знаю, но как юрист считаю, что есть основания для квалифицирования уголовного преступления. Что это — заблуждение или сознательный источник? Почему распространял письма антисоветского содержания? С ним поступили очень гуманно. Будучи специалистом, он злоупотреблял правами члена ССА. В ходе исследования мы можем получать разную информацию, вопрос в том, как к ней относиться.

Сигов И. И. Пришлось некоторое время работать с Алексеевым. Считаю, что комиссия проделала очень тщательную работу и все это верно отражено в справке комиссии. Основное в материалах Алексеева — цинизм. Это человек, который действует не с позиции что-либо дать, а только критиковать. Комиссия объективно оценила его дело.

Парыгин Б. Д. Складывается ясная картина. Налицо факт политического цинизма и негативизма. Вывод ясен — сформулированный комиссией. Я убедился в его наклонности к сепаратизму еще 10 лет назад. Прошу председателя комиссии зачитать проект постановления.

ГревцовЮ. И. Зачитывает проект постановления:

“Заслушав и обсудив справку комиссии по рассмотрению персонального дела члена ССА, к. ф. н. Алексеева А. Н., бюро ЛО ССА постановляет:

— За серьезные нарушения принципов Устава Советской социологической ассоциации (ст. 4 и 15-в), этики советского ученого, выразившиеся в проведении политически не выдержанного, тенденциозного исследования, грубых нарушениях правил использования и хранения документов служебного характера, распространении среди знакомых материалов политически вредного характера, а также материалов, имеющих гриф “для служебного пользования” — исключить Алексеева А. Н. из членов Советской социологической ассоциации (в соответствии со ст. 16 и 17 Устава).

— Решение бюро направить на утверждение в Президиум правления ССА.

— Просить Президиум правления ССА опубликовать информацию о принятом решении в журнале “Социологические исследования”.

Парыгин Б. Д. Голосуем за формулировку предложенного комиссией проекта.

Постановили: Исключить Алексеева А. Н. из членов ССА с предложенной комиссией формулировкой.

Председатель бюро, д. ф. н., проф. Б. Д. Парыгин

Ученый секретарь Г. А. Румянцева

Из сценария телевизионной передачи “Интерпретация”
(август 1988)

<...> — А иные голоса были?

— О да! Только до 1986 г. они были разрознены и приглушены. Но постепенно началась целая кампания гражданской защиты, в которой приняли участие и ученые, и журналисты, и рабочие. Как коммунисты, так и беспартийные. Из разных городов страны. Без этой товарищеской, гражданственной поддержки, я бы, наверное, и до сих пор числился бы по разряду “отщепенцев”.

— Тут конечно, решающую роль сыграли общественные преобразования, ход исторического времени...

— И да, и нет. Не только время определяет человеческие поступки, но и человеческие поступки определяют время. Если бы я согласился с предъявленными обвинениями, вряд ли бы получил общественную поддержку. Сама эта поддержка явилась приметой времени, но также и фактором изменений, не только моей личной судьбы...

(“Интерпретация”. Автор и ведущий передачи — Сергей Дегтярев. 1988)

Гражданская защита. 1984-1987

А. Алексеев — Р. Ленчовскому (июнь-сентябрь 1987) [14]

Дорогой Роман!

Мне захотелось написать Тебе тематическое письмо. Оно будет содержать обзор фактов и событий *гражданской защиты конкретного субъекта*(твой корреспондент), предпринятой в разное время, разными людьми, в разных формах, в период с 1984 г. по настоящее время.

Большинство этих фактов Тебе известно. Но, думаю, все же *не все*, и не в полном объеме. А я хотел бы, чтобы здесь не было пробелов.

Задам себе два ограничения.

Я коснусь здесь фактов и событий защиты только *инициативной* и *публичной*.

С учетом первого критерия, в настоящий обзор не войдут заявления, сделанные “поневоле” (в порядке ответа на вопросы, исходящие от официальных органов). Согласно второму критерию, мой обзор не отразит шагов, которые сводятся к межличностным отношениям, т. е. таких, которые не претендовали на общественный резонанс или официальную реакцию.

Особенно последних за минувшие годы было очень много.

Так вот, факты *дружеской поддержки* здесь не обозреваю. А только — акты *гражданской защиты* (инициативной и публичной, как было сказано).

Разумеется, мое определение “гражданской защиты” не является безупречно строгим, однозначным. Но не будем педантами!

Ты, вероятно, помнишь о скептической позиции, занятой мною по отношению к намерениям защитных действий в мою пользу — сразу после официального предостережения КГБ, исключения из партии и т. д. Запрета не накладывал, но и не “разрешал”, когда меня спрашивали. Мало способствовала гражданственным проявлениям и общественная ситуация 1983-1984 годов.

Лишь в прошлом *(1986-м. — А. А.)* году я сообщил всем, кто ранее спрашивал моего согласия на те или иные формы защитных действий или гражданской поддержки, что “общественных или личных противопоказаний для таких шагов больше не вижу”.

Итак, читай мой хронологически упорядоченный обзор:

= В апреле 1984 г. решением партийного собрания цеха N 3 “Ленполиграфмаша” А. исключен из партии, по обвинениям, носящим политический характер. Голосование — не единогласное! Двое воздержавшихся: рабочие-бригадиры, члены КПСС **И. Виноградов** и **А. Сыцевич**.

= В мае 1984 г. фрезеровщик “Ленполиграфмаша”, член КПСС **Г. Богомолов**, будучи членом заводской партийной комиссии по персональному

делу А., высказывает свое “особое мнение”. После чего от участия в комиссии отстранен.

= В мае 1984 г. инженер отдела НОТ и управления “Ленполиграфмаша”, социолог, беспартийный **Б. Максимов**, обращается в партийный комитет завода с просьбой пригласить его на заседание парткома, где будет рассматриваться персональное дело А., для изложения своего мнения по обсуждаемому вопросу. (Ему в этом отказано).

= В мае 1985 г. на цеховом партийном собрании утверждается характеристика на А., составленная для представления в Ленинградский обком КПСС. Есть один воздержавшийся: рабочий-бригадир **А. Сыцевич**.

= В сентябре 1985 г. в журнале “Знание-сила” (1985, N 9) опубликована статья “Случай на заводе”, в которой дается высокая оценка “социологическому методу наблюдающего участия, разрабатываемому в Ленинграде”. Автор статьи — ленинградский социолог **А. Сарно**. Редактор социально-экономического отдела журнала — **И. Прусс**.

= В ноябре 1985 г. журнал “Юность” (1985, N 11) перепечатал беседу журналиста М. Левина с ленинградскими социологами В. Ядовым, Н. Щербаковым и А. Алексеевым, ранее опубликованную в журнале “ЭКО” (1983, N 8).

= В течение 1984-1986 гг. в ежегоднике Томского государственного университета “Социальные проблемы познания и управления” продолжали публиковаться работы А., при полной осведомленности ответственного редактора, социолога **Л. Гурьевой** в обстоятельствах “дела Алексеева”.

= В 1984-1986 гг. выходили статьи А. в различных научных сборниках. Среди редакторов, публиковавших работы “опального социолога”: **А. Альтшуллер, О. Маслова; Б. Тукумцев; В. Дмитриевский; Б. Докторов; В. Жидков.**

= В январе 1986 г. социолог **Б. Максимов** выступает на заседании бюро Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации с возражениями против предложения соответствующей комиссии об исключении А. из членов ССА.

= В мае 1986 г. новосибирский социолог, член КПСС **Р. Рывкина**обращается с письмом в Ленинградский ОК КПСС, где излагает свою позицию по вопросу о партийном деле А.

= В мае-июне 1986 г. сотрудником журнала “ЭКО” **Н. Максимовой** подготовлены к публикации производственные дневники социолога-рабочего (извлечение из так называемых “Писем Любимым женщинам”, с которыми ее познакомила **Р. Рывкина**).

В июле 1986 г. **Н. Максимова**, приехав в командировку в Ленинград, обращается в Ленинградский обком КПСС, где, в беседе с зав. организационным отделом ОК КПСС Розиным, высказывает свое мнение по вопросу о “деле Алексеева”.

= В сентябре 1986 г. ленинградский социолог, член КПСС **А. Ющенко** выезжает в г. Москву с целью попасть на прием к председателю Комитета партийного контроля при ЦК КПСС М. Соломенцеву. Был принят дежурным сотрудником в приемной ЦК КПСС, которому изложил свою позицию по вопросу о партийном деле А.

= В октябре 1986 г. социологи, участвовавшие в отчетно-выборном собрании Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации в мае 1985 г., **Н. Белова, О. Божков, М. Илле, Л. Кесельман, Г. Саганенко, И.**

Травин, А. Ющенко заявляют о своей готовности выступить в качестве свидетелей в Севастопольском районном народном суде г. Москвы, где рассматривался иск А. о защите чести и достоинства к секретариату ССА. Ими представлены соответствующие “свидетельские справки”, которые суд приобщил к делу. Суд принимает решение в пользу истца.

= Осенью 1986 г. киевский социолог **Р. Ленчовский** обращается в редакции газет “Правда” (Д. Новоплянский) и “Литературная газета” (Л. Графова), с целью обратить их внимание на “дело Алексеева”. Контакт с “ЛГ” потом получил продолжение.

= На пленуме Советской социологической ассоциации в ноябре 1986 г. московский социолог **А. Назимова** доводит до сведения присутствующих информацию о решении суда по иску А. к секретариату ССА и излагает свою позицию по вопросу о “деле Алексеева”.

= На отчетно-выборной конференции Ленинградской организации Союза журналистов СССР в январе 1987 г. ленинградский журналист **Г. Зяблова** отправляет записку в президиум с предложением вернуться к вопросу о членстве А. в СЖ, из которого он был исключен в августе 1984 г.

= В январе 1987 г. киевский социолог **В. Хмелько**обращается с письмом в Центральную ревизионную комиссию Советской социологической ассоциации с письмом, в котором излагает свою точку зрения на “дело Алексеева”. Аналогично — киевский социолог **В. Паниотто**. Аналогично — московский социолог **М. Борщевский**.

= В феврале 1987 г. ленинградский журналист **Т. Дурасова** отправляет в редакцию журнала “Огонек” письмо, имеющее целью привлечь внимание журнала к “делу Алексеева”.

= В начале 1987 г. член Центральной ревизионной комиссии КПСС, 2-й секретарь Ленинградского обкома КПСС **А. Фатеев** проявляет интерес к аналитической записке А. для ЦК КПСС “Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки”, от января-апреля 1986 г., ранее оставленной без внимания партийными органами. В мае 1987 г. он приезжает на завод, специально для того, чтобы вернуть записку, и подает А. совет еще раз обратиться в обком КПСС за пересмотром своего дела, несмотря на все предшествующие отклонения его апелляций (включая апелляцию съезду партии).

= На отчетно-выборном собрании Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации в марте 1987 г. социолог **А. Ющенко** выступает с изложением своей точки зрения по вопросу о “деле Алексеева”. О своей позиции в данном вопросе публично заявляют там также социологи **Б. Максимов** и **П. Шелищ**. **А. Ющенко** предлагает кандидатуру А. в состав бюро Ленинградского отделения ССА. На этом отчетно-выборном собрании А. избран членом бюро ЛО ССА и делегатом на VI Всесоюзную отчетно-выборную конференцию ССА.

= На состоявшемся вслед за тем собрании ЛО ССА (март 1987), посвященном принятию окончательного текста решения предыдущего собрания, социологи **О. Божков, А. Вейхер, Б. Максимов, Г. Саганенко, И. Травин** в своих выступлениях настаивают на включение в резолюцию пункта об отмене январского (1986 г.) решения ЛО ССА об исключении А. из рядов ССА. (Такой пункт в резолюцию был внесен).

= На VI Всесоюзной отчетно-выборной конференции Советской социологической ассоциации в марте 1987 г. **Р. Ленчовский** зачитывает текст

выступления А. (который сам приехать на конференцию не смог). Московские социологи **Н. Валентинова, Л. Гордон, Б. Ракитский, С. Чесноков**, а также **В. Хмелько**(Киев) в своих выступлениях публично заявляют о своей позиции по вопросу о “деле Алексеева”. **В. Хмелько** предлагает его кандидатуру в состав Центральной ревизионной комиссии. (А. избран членом этого органа ССА).

= В марте 1987 г. **Р. Ленчовский** встречается в Москве с корреспондентом “Литературной газеты” Л. Графовой и передает ей составленный им комплект из документов, освещающих “дело Алексеева”.

= В апреле-мае 1987 г. корреспондент “Литературной газеты” **Л. Графова** приезжает в Ленинград в командировку и проводит серию бесед с разными людьми на ПО “Ленполиграфмаш” и в ИСЭП АН СССР по этому вопросу. [15]

= В апреле 1987 г. рабочие ПО “Ленполиграфмаш” **В. Земсков, Е. Рыжов** и **А. Сыцевич** представляют в Ленинградский городской народный суд “свидетельские справки”, в которых излагают известное им по вопросу о трудовом споре А. с цеховой администрацией (“дело о 10-минутном опоздании с обеда”). Редактор многотиражной газеты завода **Н. Харькова** представляет в Ленгорсуд справку о рабкоровской деятельности А. и характере реакций администрации на его критику.

= В апреле-мае 1987 г., по письму **Т. Дурасовой**, в Ленинград приезжает корреспондент журнала “Огонек” **В. Белецкая**. Она проводит ряд бесед на ПО “Ленполиграфмаш” и в партийных органах, по вопросу о “деле Алексеева”.

= На цеховом партийном собрании в мае 1987 г. рабочий ПО “Ленполиграфмаш”, член КПСС **А. Сыцевич** голосует против проекта характеристики на Алексеева, предложенного партийным бюро.

= В мае 1987 г. тартуские социологи, члены КПСС **Р. Блюм, Е. Голиков, П. Вихалемм, М. Лауристин** обращаются с письмом к секретарю ЦК КПСС А. Яковлеву, в котором излагают свою позицию по вопросу о партийном деле А.

= В мае 1987 г. зам. главного редактора журнала “ЭКО” **В. Быков** обращается к А. с официальным предложением о подготовке серии статей для журнала.

= В июле 1987 г. редакция журнала “Знание-сила”, в лице сотрудника журнала **И. Прусс**, обращается к А. с просьбой дать журналу интервью.

= В июле 1987 г. ленинградские социологи, члены КПСС — **А. Баранов, А. Вейхер, В. Вишаренко, Г. Галкина, В. Голофаст, Б. Докторов, Л. Кесельман, В. Костюшев, Т. Протасенко, А. Сарно, А. Седов, И. Травин, С. Файбушевич, П. Шелищ, А. Ющенко** обращаются с письмом в Ленинградский обком КПСС, где заявляют о своей позиции по вопросу о партийном деле А.

= В июле 1987 г. собкор газеты “Известия” в Ленинграде **А. Ежелев** предлагает А. выступить в этой газете с ответами на вопросы анкеты “Октябрь. Перестройка. Мы”. Он же в августе 1987 г. инициативно выражает свою точку зрения по вопросу о “деле Алексеева” в беседах с различными официальными лицами.

= В августе 1987 г. редактор многотиражной газеты ПО “Ленполиграфмаш”, член КПСС **Н. Харькова** публично заявляет о своем несогласии с проектом характеристики на А., подготовленным комиссией парткома объединения.

= В августе 1987 г. рабочие цеха № 3 ПО “Ленполиграфмаш” **Бельмак, А. Брикач, М. Гущин, В. Ильин, Р. Мартиросян** (член КПСС), **И. Михайлов,**

В. Николаев, В. Носов, Рыбаков, Е. Рыжов, С. Русинов, С. Самойлов (член КПСС), **Стрельцов, А. Сыцевич** (член КПСС), **А. Сергеев, А. Шапкин** обращаются в Ленинградский обком КПСС с письмом, в котором заявляют о своем несогласии с характеристикой на А., утвержденной на парткоме объединения.

= В августе 1987 г. киевские социологи, члены КПСС **В. Хмелько**и **Р. Ленчовский** обращаются в Ленинградский обком КПСС с письмом, где излагают свою позицию по вопросу о партийном деле А. и настаивают на пересмотре его персонального дела. (Вспоминаю одну из "формул" этого письма: "Просим рассматривать выраженное выше как своего рода "свидетельские показания" Ленинградскому обкому партии, за правдивость которых мы несем партийную ответственность...").

= В сентябре 1987 г. московские социологи и историки, члены КПСС **Л. Гордон, Э. Клопов, А. Назимова, Ю. Мархашов** обращаются с письмом к члену Политбюро ЦК КПСС, Секретарю ЦК А. Яковлеву, где излагают свою позицию по вопросу о партийном деле А. и высказывают озабоченность его научной судьбой.

= В сентябре 1987 г. **В. Ядов** пишет для журнала "Огонек" отзыв на эксперимент социолога-рабочего, в котором дает работе А. высокую научную оценку.

= В августе московский историк **Ю. Мархашов** знакомит первого заместителя редактора журнала "Огонек" Л. Гущина с материалами, относящимися к делу А.

= В сентябре 1987 г. специальный корреспондент журнала "Огонек" **А. Головков**, приехав в командировку в Ленинград, проводит серию бесед с разными людьми на ПО "Ленполиграфмаш", в ИСЭП АН СССР и в ленинградских партийных органах по вопросу о "деле Алексеева". [16]

Вряд ли этот обзор является исчерпывающим. (Некоторые гражданственные шаги могли остаться мне неизвестными!).

Повторяю, здесь — факты и события *только* гражданской защиты (публичной, как было сказано), с апреля 1984 г. по настоящее время *(сентябрь 1987 г. — А. А.)* .

Эта открытая защита вместе с дружеской поддержкой составляет тот ближайший контекст, в котором разворачивалась моя собственная *самооборона* (Тебе хорошо известная). Понятно, что эта последняя была опережающей — относительно гражданской защиты "со стороны". Однако она была вполне синхронной с дружеской поддержкой.

В более широком (историческом) контексте, как мы знаем, чего только не было! Но это обозревать сейчас у меня нет возможности.

В отличие от своего обыкновения, пишу это письмо Тебе не от руки, а сразу печатаю на машинке. Чем отчасти демонстрирую его (письма) не сугубо личный, а общественный и, если угодно, *гражданский* характер.

Андрей Алексеев, июнь-сентябрь 1987

Со-умышленники, со-участники, со-авторы...

В ходе своей самообороны от политических обвинений социологу-испытателю довелось обращаться за помощью и советом ко многим людям.

Особое значение имели “внутренние рецензии” на всевозможные заявления и апелляции в официальные инстанции.

Многие из приведенных выше документов *(имеются в виду собственные тексты автора, в настоящей подборке не представленные. — А. А.)* настолько тщательно обсуждались в дружеском кругу, что, в сущности, являются продуктами коллективного творчества.

В архиве сохранилась шутливая “расписка”, которая заслуживает быть приведенной здесь:

> “А. Н. Алексеев выражает свою признательность за участие в его работе над текстом от 28.07.85 *(судя по дате, речь идет об апелляции в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. — А. А.)* следующим лицам, ниже обозначенным как “специалисты”:
>
> а) по Достоинству; б) по Стратегическому подходу; в) по Органике; г) по Методологии и Технике; д) по Нравственной корректности; е) по Наступательным операциям; ж) по Структурным и Тактическим вопросам; з) по Жизненной целесообразности; е) по Разумности.
>
> Поди собери — такой букет! А. А. Июль 1985 “.

В каждом из этих определений автор в свое время закодировал конкретное лицо (не желая тогда разглашать имена своих добровольных помощников). К сожалению, по прошествии 15 лет уверенная идентификация (раскрытие всех “псевдонимов”) оказалась невозможной.

По крайней мере троих “доверенных лиц” хочется упомянуть особо. Это — Леонид **Кесельман**, Геннадий **Климентов** и Александр **Ющенко**.

Без предварительной критики и “цензуры” каждого из них, в 1983-1986 гг. в официальные органы не ушел ни один документ (от письма начальнику УКГБ ЛО Носыреву до записки для ЦК КПСС об эксперименте социолога-рабочего и его общественно-политических уроках).

Замечания, советы друзей и коллег иногда совпадали, а иногда и противоречили друг другу... Окончательное решение, понятно оставалось за автором этих строк.

Как видно, Со-умышленников, Со-участников, Со-ратников, и, если угодно, Со-авторов — у социолога-испытателя было тогда побольше, чем могли себе представить или “вычислить” его явные и негласные оппоненты.

А. А., январь 1997

P. S. Затрудняясь сегодня соотнести каждый из “псевдонимов” с конкретным лицом, все же назову “списком” тех, кого, вероятно, имел в виду в своей шутливой расписке 1985 г.:

— Рэм Георгиевич **Баранцев**; Валерий Дмитриевич **Глухов**; Леонид Евсеевич **Кесельман**; Геннадий Александрович **Климентов**; Владимир Никифорович **Павленко**; Сергей Михайлович **Розет**; Юрий Анатольевич **Щеголев**; Александр Николаевич **Ющенко**; кто-то еще один.

(Из восьми перечисленных трое в ту пору были членами КПСС; все — ленинградцы-петербуржцы). <...>

А. А., апрель 2000

Ремарка: *“...грех не воспользоваться уникальной возможностью!”*

События 1983-1984 гг. (обыск, официальное предостережение органов госбезопасности, исключение из КПСС...) дали основание социологу-рабочему

написать в личном письме: “Признаться, я не планировал эти предметы исследования, но грех не воспользоваться уникальной возможностью...”. [17] Поле исследования, сфера наблюдающего участия “существенно расширились и переструктурировались”.

Сама же, “драматическая социология”, как видно, оказалась в середине 1980-х гг. своего рода “оселком”, таким (не намеренно...) провокативным воздействием на социальную среду, которое позволило в дальнейшем не только детально исследовать “анатомию” идеологического преследования, но и обнаружить потенциал коллективного сопротивления ему. (Июль 2006).

* * *

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СТРАСТИ,
ИЛИ КАК МЫ БОРОЛИСЬ С ДВУХСМЕНКОЙ. 1986

Несколько вступительных слов

Ниже — тематизированное извлечение из книги “Драматическая социология и социологическая ауторефлексия” (том 3). В центре рассмотрения — сюжет производственной жизни конца “эпохи застоя” и начала “перестройки”, достаточно ярко характеризующий ситуацию глубокого кризиса “административно-командной системы” и особенности поведения разных социальных субъектов в этой ситуации. Сам по себе этот сюжет (навязываемый сверху двухсменный режим работы) может показаться сегодняшнему читателю архаичным... Однако тема бессмысленной кампанейщины во всех областях нашей жизни не стареет.

Данный эпизод наглядно иллюстрирует практику применения метода “наблюдающего участия” и “моделирующих ситуаций”. Функцию “исследовательских протоколов” здесь выполняют письма: одно — в газету, другое — личное письмо другу. (Июль 2006).

Письмо группы слесарей цеха № 3 в редакцию
многотиражной газеты ПО “Ленполиграфмаш” (ноябрь 1986)

Для дела или для рапорта?

Известно, что главный смысл перехода на двух- и трехсменную работу — это повышение фондоотдачи, максимальная загрузка нового, прогрессивного оборудования. Двухсменка — не самоцель, а средство достижения более высокой эффективности производства.

Но вот что получилось из этого в нашем третьем цехе. Еще в октябре все бригады токарей, фрезеровщиков, слесарей разбили пополам. Одна половина работает утром, другая — вечером (по очереди). При этом используются не современные станки, а старые, с “возрастом” от двадцати лет и старше. Загрузка же высокопроизводительного оборудования осталась прежней (порой и на одну смену работы не хватает).

В условиях дефицита станочников станки днем стоят, а вечером крутятся. Особенно нелепо получается со слесарями, где велика доля ручного труда.

Для чего же такая двухсменка? Доводы, выдвинутые начальником цеха А. А. Косачевым, по меньшей мере странны: необходимость ритмичного

расходования электроэнергии и разгрузка общественного транспорта. Понятно, что к повышению фондоотдачи это никакого отношения не имеет.

Подобные аргументы приводятся, видимо, постольку, поскольку неловко признаться в другом: поспешный, не обеспеченный ни оборудованием, ни технологией, ни кадрами, “поголовный” переход на работу в две смены совершается не столько для пользы дела, сколько для рапорта.

Получается явный перегиб, профанация двухсменки. <...>

Административное усердие в формальном насаждении двухсменки имеет и еще одну причину. Это недоверие к опыту самих исполнителей, рабочих. Ведь бригада, получив задание, сама может организовать свой труд. И сколько раз бывало: возникнет “узкое место” — мы сами оперативно организуем двухсменную работу на нужном участке. Не для формы, не напоказ, а для конечного результата.

Этот порядок следует восстановить (исключая, разумеется, станки с ЧПУ, которые нуждаются в постоянной двухсменной эксплуатации).

А во внедрении двухсменки сегодня главное внимание следует уделить технологической подготовке производства и переводу все большего количества номенклатуры на современное высокопроизводительное оборудование.

А. Алексеев, В. Косульников, Е. Рыжов, В. Николаев, М. Гущин, А. Брикач, С. Русинов, В. Носов, В. Ильин, А. Сыцевич, слесари цеха № 3 [18]

“...повсеместно и бездумно — до полного идиотизма”

А. Алексеев — Р. Ленчовскому (ноябрь — декабрь 1986)

Дорогой Роман!

<...> “Внеплановым” вложением в этот конверт является пока еще не опубликованный текст письма в редакцию заводской газеты — от 10 слесарей нашего производственного участка, насчет бюрократических извращений с двухсменкой, которую вдруг начали насаждать повсеместно и бездумно, до полного идиотизма.

Мы затеяли написать это письмо втроем. Но круг “подписантов” расширился почти независимо от меня. Дело было во вторник, *18 ноября* (следи за датами!). Редакция решилась на публикацию, не без колебаний...

Коммунисты нашего участка, поддержав на словах, подписываться под письмом не стали (ведь на партбюро вызовут!). Беспартийные отнеслись к их уклончивости в общем с пониманием (“им, партийным, нельзя...”). Зато высоко оценили поступок моего бригадира, коммуниста А. Сыцевича (хоть его подпись и была последней).

Вся эта акция поначалу носила “крамольный” характер. Как вдруг мы получили мощное подкрепление: городская газета “Ленинградский рабочий” вышла в минувшую пятницу, *21 ноября*, с 2-х подвальной статьей наладчика станков с ЧПУ А. Ефимова с Кировского завода: “Проблемы двухсменной работы. Ради цифры в отчете”. Выступление “ЛР” и наше письмо в заводскую газету совпали и в аргументации, и в выводах, и даже в некоторых словесных оборотах.

(Можно подумать, что, сочиняя свое письмо, мы уже были знакомы с этой публикацией. Что это не так, видно хотя бы по датам).

Теперь, после выступления “газеты обкома КПСС” <...> нашей многотиражке уже просто нельзя не напечатать письмо 10 слесарей из 3-го цеха.

Могли бы даже и коммунисты подписаться... Да вроде опоздали.

* * *

Теперь — “историческая” справка.

У нас в цехе двухсменку ввели сперва полуофициально (т. е. без приказа), *с начала октября*. Я это “пожелание” администрации игнорировал, поскольку тогда бы мой станок днем стоял. Игнорировали и некоторые другие, по разным причинам (т. е. выходили на работу в утро, а не в вечер).

Ввиду такого “саботажа”, уже в середине ноября (а именно — в пятницу, *14 ноября*) было вывешено распоряжение, с пофамильным списком — разбиение по сменам. Оно было без даты и номера (“небрежность” администрации, объясненная тем, что книга распоряжений находится-де “на проверке” у юриста).

Ну, своим звонком заводскому юристу Никитиной я вынудил проставить номер и дату, что и было сделано — *17 ноября*(понедельник).

Так это распоряжение “вошло в силу”, и стало можно... его отменять. И вот на следующий день 18 ноября возникло письмо десятерых слесарей.

В пятницу, *21 ноября*, еще не будучи вполне уверен, что заводская газета напечатает наше письмо, я “неформально-публично” (т. е. в бригаде) объявил, что в понедельник, вопреки графику, все-таки выйду в утреннюю смену. Чем дам администрации повод отстранить меня от работы.

Моя “легенда” сводилась к следующему: работы на ПКР *(пресс кординатный с револьверной головкой. — А. А.)* сейчас много, вся — срочная; меня просили выйти сверхурочно, в эту субботу (!); я сказал, что, к сожалению, не могу; но вот теперь, “идя навстречу интересам производства”, выхожу в понедельник утром, вместо вечера (!).

<...> Одно замечание, в скобках: если принять общественную реактивность твоего корреспондента за постоянную величину, то ускорение, динамизм общественной жизни эмпирически подтверждаются фактами сокращения временнОго разрыва между его индивидуальными действиями и соответствующими общественными событиями.

Так, если с “ожиданием перемен” я поспешил на несколько лет, то с указанием на “приспосабливающееся противодействие” и “сопротивление перестройке” опередил Горбачева всего на несколько месяцев.

Что же касается двухсменки, то “Ленинградский рабочий” и вообще наступил рабочему-социологу на пятки. Едва успели написать в заводскую газету, как уже вышла городская... [19]

* * *

<...> Уж коли включил я Тебя в ситуацию с нашей двухсменкой, продолжу, поскольку и Тебе интересно, и мне потом не забыть.

В понедельник, *24 ноября*, выйдя, как обещал товарищам, в первую смену вместо второй, я вывесил на не слишком видном месте пятничный номер “Ленинградского рабочего”. И предложил всем своим соавторам (10 слесарей) — почитать. Выступление городской газеты было встречено, понятно, с интересом и удовлетворением.

Женя Рыжов заметил ревниво: “Хорошо написано, но и наша заметка не хуже!”. Я сказал, что *мы*-то написали неплохо, но *пока* еще не напечатано, и наше письмо запросто могут “подпортить”...

Работа у меня, напомню, срочная, аварийная. Мастер Гоша ко мне, было, с претензией, что я вышел утром, а не вечером. Я посоветовал ему... отстранить меня от работы. Тот сбегал к начальнику цеха Косачеву и больше не возникал. Я же перевесил газету на более видное место.

Отштамповав детали, которых ждали на сборке, в обед иду в редакцию “Трибуны машиностроителя”. Мне дают гранки <...>. Письмо 10 слесарей готовила к печати не Наташа Поречная (на которую можно было бы положиться), а другой сотрудник редакции.

Тот сильных выражений, вроде “профанации”, не выбрасывал, но редактировал неуклюже и, действительно, “подпортил”...

Сам корреспондент куда-то вышел, а я выразил неудовольствие редактору Н. Н. Харьковой. <...> Нина Николаевна очень занята и говорит: “Ну, поправьте сами”.

Тогда веду себя почти как Л. Толстой с версткой “Войны и мира” — переписываю всю заметку, в междустрочьях и на полях, иногда возвращая к первоначальному варианту, иногда формулируя заново.

Подошедший корреспондент покорно берет текст, чтобы перепечатать его. Рабкор стал редактором, сотрудник редакции — машинисткой... Все — “вверх дном”.

<...> Я поставил на гранке — “визу”: “По доверенности всех авторов. А. Алексеев. 24.11.86. 13 час.”

Вся эта операция была проведена за час до того, как отправлять листы в типографию. Вернувшись в цех, я доложил своим соавторам, что заметка приведена к виду, за который нам не будет стыдно...

Во вторник, *25 ноября*, я снова вышел в утреннюю смену, вместо вечерней, причем, оказалось, не один.

Нас *отстранили от работы*, когда пришло начальство (в 9 час.). Тогда Витя Носов пошел спать, Вася Николаев — в здравпункт, а я... поехал на Фонтанку, в редакцию “Ленинградского рабочего”.

Мы трое, попавшие в одну “команду”, представляли три разные позиции в этом конфликте с администрацией. Васе — “ничего не надо”, только ему вечером не получить необходимого ему диетпитания и на свою электричку после вечерней смены он не поспевает. Витю вечерняя смена как раз устраивает, и вышел он нынче в утро вовсе не из протеста, да уж так получилось... Я же — борец с административной дуростью.

<...> Вернувшись из редакции на завод, я дисциплинированно отработал вечернюю смену. В этот день — не до половины первого [20], а до половины одиннадцатого. На основании ехидного заявления:

“Прошу предоставить мне отгул сегодня 25.11 с 22 час. 32 мин. до 0 час. 32 мин. за время отработанное сегодня же, утром (с 7 час. 08 мин. до 9 час. 08 мин.)”.

Очень ежился мастер Гоша и хотел, чтобы я переписал заявление: “Прошу предоставить мне отгул... за ранее отработанное время”. Я насмешливо посоветовал ему — отказать мне по той именно причине, что в заявлении указано, когда именно было “ранее” отработано.

Какая уж там “скрытая камера” социолога!.. Администрация вынуждена функционировать словно перед телевизионной камерой, в свете юпитеров.

Все эти события детальнейшим образом обсуждались на участке.

Такого изобилия и плотности “мироотношенческих” диалогов и монологов, как вчера вечером, уж и не припомню. Жаль, некогда пересказывать.

* * *

После вечерней смены во вторник, я явился на завод в среду, *26 ноября*, к 8 утра (смена, напомню, начинается в 7-08). Мне нужно было в здравпункт (хотя это — скорее повод).

Захожу в цех и предлагаю мастеру завизировать... уже сегодняшнее заявление от 26 ноября, в котором предлагаю (“в интересах производства”!), свой выход на работу 26 ноября не с 16 до 0-30, а с 8 до 17, “для скорейшего завершения штамповки партии “Ф-...” и наладки следующей, тоже срочной...”.

Мастер Гоша в панике. “Ловушка”! (Небось вспомнил, как в прошлом году залетел в истории с моим, впоследствии отмененным, выговором). Согласиться нельзя (двухсменка же!) и отказать нельзя (ведь действительно — в интересах производства!). От визы отказывается.

Ладно. К начальнику цеха. Тот вызывает к себе мастера. Почему тот не написал своего мнения? Но ведь и у начальника положение не легче...

Единственный для них выход — создать видимость, что на моем станке днем работает кто-то другой.

Но бригадир, который вообще-то справился бы, категорически отказывается — “не обучен” (крыть нечем, у него формально нет разряда штамповщика). Остается 18-летний Сережа Барсуков (мой очередной ученик), который только и успел, что выучить на станке две кнопки и может на ПКР “стучать”, когда все налажено и ничего не расстроилось. Кстати, он работает в цехе предпоследнюю неделю (увольняется!).

Сережу, мирно слесарившего, тут же “волокут” к станку.

А начальник цеха на моем заявлении размашисто пишет: “Не разрешаю, т. к. в дневную смену будет работать Барсуков”.

Когда мастер Гоша ушел, начальник цеха вдруг говорит:

— Вот теперь, когда мы остались вдвоем, я хочу спросить Вас, А. Н., а на х-я ... ...?!

Так, думаю, надо отвечать, и адекватно.

— ... ...!! — говорю. — Не боишься *(на “ты”! — А. А.)*, что у меня микрофон в кармане?

Тот едва не поверил, т. к. я (пока не ясно, разрешат ли мне работать в утро) не переодевался в робу и был в широком плаще.

Как справедливо писал автор “Записок инженера” Ю. Шишенков (Новый мир, 1986, № 6), “настоящее участие в производстве жажду в страстях удовлетворяет с лихвой”...

Ухожу. До начала вечерней смены (16 час.) мне на заводе делать нечего.

Несколько часов спустя. По дороге в цех, беру в редакции “Трибуны...” несколько экземпляров только что вышедшего номера газеты с нашей заметкой “Для дела или для рапорта?” (заметка, как Ты мог заметить, сугубо проблемная и персональной критики не содержит). Вывесил на участке, на видном месте. <...>

Читали все, даже с другого участка приходили.

Сережа Барсуков, на удивление, отработал без приключений (все ему было налажено, да и бригадир рядом). Я исправил его брак в двух деталях, закончил партию.

Стал налаживать следующую. К 17 час. к моему станку подходит технолог Л. Кутырина. Она у нас по совместительству кассиром. Мне была вручена премия (75 руб.), за победу в социалистическом соревновании в III квартале. <...>

При наладке очередной партии деталей (там очень сложная и трудоемкая наладка!) обнаружилось, что в кладовой не хватает нужной оснастки (есть, но неисправная). В таких случаях обращаются к технологу: чем заменить?

Кутырина, дежурящая от администрации сегодня вечером, — самый осведомленный (из начальства) в ПКР-ской технологии человек, к тому же — нач. бюро технической подготовки. После получасовых поисков по заводскому стандарту ПКР (известному мне чуть не наизусть), она предлагает замену. Но при этом невнимательно посмотрела в чертеж, на что пришлось ей указать. Ее предложение отпало.

Еще полчаса поисков ею выхода из положения — безуспешно. Звонить конструкторам, за разрешением об отклонении от чертежа — некому (вечер!). Истерика Кутыриной: я *не могу* Вам предложить замены (инструмента) и *не могу* разрешить Вам пользоваться неисправной оснасткой!

(Намек — если бы Вы пренебрегли моим запрещением, было бы хорошо).

Тем временем закрывается кладовая (19 час.). Переналаживать на другую партию деталей уже поздно, да эта — и самая срочная.

Формально я подчиняюсь мастеру. Мастер в этот вечер — не Гоша, а с токарного участка, он вообще не в курсе слесарных дел.

Раз нельзя работать на станке — возьмите слесарную работу у Виноградова, говорит (он даже не знает, что я уже два года как в бригаде Сыцевича).

Мой бригадир успел отработать сегодня в день. Нас из бригады сейчас трое. Консервирую наладку, выключаю станок, спрашиваю у Вити Носова (слесарь из нашей бригады), нет ли чего для меня.

Бригадир ему ничего не наказывал. Разве только помогать глухонемому... Беру напильник и с 19 до 24 час. запиливаю грады, вместо того чтобы делать *сверхсрочную* работу на ПКР!

Утром бригадир Сыцевич (Толик) и мастер Соколов (Гоша) будут ломать голову, почему не отштампована “Ф-...”. В отличие от постороннего мастера, им этот простой — зарез.

Будут все валить друг на друга, возможно, и на меня, который, пожалуй, мог бы, в отличие от Кутыриной, придумать, чем заменить неисправную оснастку, да и на неисправной сумел бы выпустить годную деталь.

Но тогда не следовало обращаться к технологу. А коли обратился, да еще в вечернее время, то вот и результат.

Ну, остается добавить, что мое “высокопроизводительное оборудование” скорее всего простоит (а “аварийная деталь” пролежит) до 16 час. сегодняшнего дня 27 ноября (четверг). Ибо кроме меня вообще некому эту деталь наладить (в данном, не стандартном случае не сумеет и бригадир).

А я, как Ты понимаешь, выхожу сегодня опять в вечер (согласно графику).

Вот такие гримасы “Интенсификации-90” и дуболомного внедрения двухсменки...

<...> Придя на работу во вторую смену в четверг, *27 ноября*, я, разумеется, застал ситуацию почти в неприкосновенности, да еще с

“нюансами”, подвигшими меня на служебную записку начальнику цеха, датированную завтрашним числом. Не пересказываю, прилагаю ее текст. <...>

(Смысл записки будет ясен из дальнейшего рассказа. — А. А.).

...Когда *28 ноября* (пятница) я вышел на работу с этой запиской в кармане, оказалось, что наш начальник цеха Косачев... уже переведен в другой цех (и накануне об этом, разумеется, знал; ходили и у нас такие слухи, почему я и не проставил фамилии начальника в тексте).

Его место занял Н. Ярош (упоминаемый в записке в качестве зама). Ну, не соскучишься...

Я бы не поцеремонился и новому начальнику вручить, в первый день его заступления. Да не оказалось в пятницу Вани Смирнова, инструментальщика-контролера, с которым надо было посоветоваться.

Дело в том, что именно Ваня перемаркировывал мою оснастку с № 4204 на 4205 (чтобы я “имел право” ее использовать; в сущности “подделка” документов, только в металле). И я отложил до понедельника.

А в понедельник, *1 декабря*,узнал, что незаконную перемаркировку эту он делал... “по своей инициативе”, и Кутырина все свалила бы на него. А Ваня — свой брат, зачем его подводить...

Так и осталась моя “убийственная” записка на эту тему не поданной, хоть в пятницу вечером и повторилась аналогичная ситуация (нет инструмента, технолог навязывает рабочему нарушение, и т. д.).

Как видишь, далеко не каждый поднятый с земли булыжник я швыряю. (“Булыжник — оружие пролетариата”).

<..> Следующую неделю (т. е. нынешнюю) я работаю в утро. Напряженность вокруг моего ПКР нарастает. Сменщика у меня нет, а прошлую неделю, работая во вторую смену, я наполовину потерял.

Бригадир Сыцевич разрывается между двумя мотивациями: надо “делать деньги” (а денег без моего ПКРа не набегает), и надо проучить администрацию. <...> Он созревает до социального (не производственного!) задания мне. Ты только послушай, что мне говорит бригадир:

— Дело не только в двухсменке, а в социальных условиях рабочего класса. Я тебе, Андрей, такую тему даю!

Мда...

Я предупреждаю бригадира, что на днях “ложусь” на операцию (строго говоря, не ложусь, а иду, амбулаторно, но поскольку операция на правой руке, то неизбежно освобождение от работы).

<...> При встрече на пересменке *2 декабря* (вторник) бригадир говорит:

— Работы до х-я. Я тебе тут список приготовил, в какой очередности делать.

— Это ты его себе приготовил, — говорю ему сочувственно. — У меня операция назначена на завтра...

Бригадир застывает в задумчивости и вдруг многозначительно говорит: “Отлично!” (за невозможностью реализовать первую мотивацию, он дал волю второй).

Старший мастер Соколов “в трауре”. Понимает — достукался.

Они стоят с бригадиром у моего станка и невесело совещаются. Уходя, прощаюсь с бригадиром, мастера Гошу не замечаю, ему сочувствовать и даже лично предупреждать о своем предстоящем недельном отсутствии я не обязан, вернее — он “не заслужил”. <...>

(Операцию мне сделали сегодня, *3 декабря*. Ее, кстати, в самом деле нельзя было дальше откладывать). <...>

P. S . За время моего пребывания на бюллетене ситуация в цехе, как и следовало ожидать, радикально не изменилась. Я же, добытым себе к тому времени медицинским освобождением от вечерней смены (не буду отвлекаться на этот побочный сюжет!), пожалуй, усугубил “затруднения” администрации.

Последней, если бы вдруг она и сумела загрузить ПКР на две смены, пришлось бы теперь давать мне *двоих* учеников (ведь даже, имей я сменщика, он не может *всегда* работать в вечернюю смену).

Впрочем, подобными справками обзаводились и другие — кто как сумел.

Когда я вышел на работу в утро, после 2-недельного отсутствия, бригадира не застал: он нынче — в вечер.

А. С. появляется с обеда (надо же как-то бригадой руководить!). Спрашивает:

— Гоша (мастер) не ох-л, когда тебя увидел?

— От радости или от ужаса?

— От радости, конечно. Он ко мне так приставал про тебя... Так я, чтобы отвязаться, сказал, что ты сегодня выйдешь, мол, звонил. Надо ж так угадать!

Мастер волновался не напрасно. За две недели бригадир наладил, а Сережа (ныне уже уволившийся!) отштамповал всего две партии.

Мастер Гоша настаивал, чтобы бригадир сам становился за ПКР. А тот — делает это только в самых крайних случаях. Он, как бы это сказать, мой станок “не любит”. И, пожалуй, даже побаивается — не станка, как такового, разумеется, а всех связанных с ним технологических и организационных безобразий, которые я для бригады как-то амортизирую.

Так что радовались моему появлению на работе даже те, кому от меня худо. <...>

Обнимаю Тебя!

Твой Андр. Ал., ноябрь-декабрь 1986

“Гримасы” перестройки и триада социологического познания

Автостенограмма выступления на отчетно-выборном собрании

Северо-Западного (Ленинградского) отделения Советской социологической

ассоциации (март 1987)

Уважаемые коллеги!

Я думаю, на сегодняшнем собрании уместно говорить не только о наших сугубо профессиональных, социологических делах. Писатели на своем съезде, как известно, обсуждали не только писательские проблемы. Жгучим проблемам жизни отдавалось предпочтение перед узкоцеховыми сюжетами. Вот и нам, социологам, думается, стоит выйти за рамки научно-организационной темы.

I

Расскажу о новом общественном явлении, которое даже нынешняя, обновляющаяся публицистика пока обходит своим вниманием. Тем более не раскачалась социология. Процитирую небольшую заметку из заводской газеты ПО “Ленполиграфмаш”, от 26.11.86. Называется: “**Двухсменка: для дела или для рапорта?**”. Авторы — десятеро рабочих, слесарей механического цеха (среди них и я). <...>

(Здесь опущен зачитанный автором текст публикации в газете “Трибуна машиностроителя”; см. выше. — А. А).

Авторы цитированной заметки оказались не одиноки. Примерно так же внедрялась двухсменка и на других предприятиях Ленинграда. Недоумение, рабочая критика этой показухи выплеснулись на страницы ленинградской печати. <...>

(Здесь опущены зачитанные автором цитаты из публикаций городских газет. — А. А.) .

Вокруг этой скромной заметки у нас на “Полиграфмаше” разгорелись страсти. Чрезвычайное богатство социальных связей и противоречий перестройки, столкновение интересов — раскрыл этот эпизод!

Генеральный директор объединения публично заявил, что многотиражная газета допустила “антивыступление” (так и сказал!). “У нас (т. е. у него, директора) нет никаких сомнений, вопрос назрел четко, нечего тут дискутировать. Есть партийная установка на двухсменку, нельзя на этих слесарях строить политику... А редактора газеты следовало за эту заметку депремировать”, — заявил генеральный директор. Вот такая административная отповедь... И говорилось все это не когда-нибудь, а в дни январского Пленума.

“Издевательством над здравым смыслом, над большим государственным делом” назвал месяц спустя, выступая на XVIII съезде профсоюзов, подобную практику внедрения двухсменки М. С. Горбачев. К тому времени и наша заводская администрация созрела для официального ответа через газету “этим слесарям”. Их критика в многотиражке была признана правильной. Но при этом утверждалось, будто введение двухсменки “позволило цеху решить ряд острых проблем”... (Трибуна машиностроителя, 25.02.87). И все осталось без перемен.

Это было в феврале. А в марте на “Полиграфмаше” затрещал план. Думаю, во многом — из-за внесенной “поголовной” двухсменкой дезорганизации. И вот в середине марта на цеховой доске объявлений появилось многозначительное распоряжение: “В связи с производственной необходимостью (!) временно перевести в односменный режим работы следующих рабочих...”. И список: добрая половина цеха.

Поговаривают (в рабочей среде), что цеховое начальство именно двухсменкой пытается теперь объяснить срыв февральской программы.

II

Так что же это за явление, которое еще и имени не получило, не говоря уж о социологическом осмыслении? Я бы назвал это — одурачением, или гримасами перестройки. Профанация перестройки — это пострашнее “сопротивления” ей... Это такое приспосабливающееся противодействие, когда сам противодействующий полагает себя добросовестным перестройщиком. Он иначе просто не может, не умеет.

Новые задачи пытаются решить старыми способами. Моделей тут несколько. Например, выдвигается общественно значимая цель. Разрабатываются средства для ее достижения. Затем спускается разнарядка или отчетный показатель — по внедрению средств. В итоге, средства абсолютизируются (вроде “кукурузы” в свое время). И замещают цель в сознании бездумных исполнителей. Отчасти, так и произошло с двухсменкой.

Или другая модель: достижение цели “любой ценой”, за счет средств, совершенно ее дискредитирующих. Например, надо, чтобы росла производительность труда. Но новая техника остается не загруженной, простаивает по разным причинам. Тогда ужесточают нормы (или, говоря “по-

рабочему”, срезают расценки) на старых рабочих местах. Понятно, без всяких организационно-технических мероприятий, которые оправдывали бы этот пересмотр. Все для того, чтобы показать, что производительность труда все-таки “растет”, неважно как. И, вместо интенсификации производства, получается элементарная интенсификация живого труда.

Однако такая потогонная система не срабатывает. И возникает необходимость в сверхурочных, в том числе скрытых (т. е. как бы добровольных, чтобы рабочему удержаться хотя бы на прежнем уровне зарплаты). Могу вас заверить, что за последние семь лет в цехе, где я работаю, никогда не было такого количества сверхурочных, как в минувшем, “первом году двенадцатой пятилетки”. То же продолжается и в этом году.

Или, например, “гримасы перестройки” в наших средствах массовой информации... Ну как иначе назвать бюрократически-административную “атаку на рабочий класс” — диковатую кампанию под лозунгом “Чего боится сдельщик?”, начатую, еще прошлой весной, газетой, которая называется “Ленинградский рабочий”? Эта кампания была поддержана и некоторыми центральными газетами. Сдельщик, видите ли, “не патриот”: не желает сам просить у администрации, чтобы ему срезали нормы и понизили зарплату.

Не буду сейчас углубляться в эту тему, заслуживающую отдельного исследования в рамках “экономической социологии”. Скажу лишь, что налицо попытка за счет рабочих решить действительно встающую сейчас проблему “одного с сошкой, семерых с ложкой” на нашем производстве.

Кстати сказать, в ходе этой газетной кампании, был беспардонно ошельмован рабочий-новатор, бригадир передовой бригады фрезеровщиков на “Полиграфмаше”, мой товарищ Геннадий Богомолов.

Спрашивается, как относиться ко всем этим явлениям нам, социологам? Прежде всего — замечать их. Далее — не бояться исследовать! Но тут и в социологии нельзя обходиться только старыми, привычными методами.

Сейчас много говорят о региональной социологической службе, ее контролирующей, координирующей функциях. А я бы спросил: готова ли эта служба к выполнению экспертной функции, относительно того, как совершается перестройка? Не еще одним чиновным органом должны выступать районные социологические службы, как у нас в Ленинграде, а своего рода научно-методическими центрами, рабочими семинарами по вопросам общественной перестройки. Руководителями таких семинаров должны быть ведущие ученые, и даже не обязательно “прописанные” в данном районе по месту основной работы.

* * *

В заключение одно почти теоретическое соображение.

Принято различать социологическую *теорию* и социологическую *эмпирию*. Мне представляется уместным достроить эту пару до триады. Третьим равноправным членом, по-видимому, должно выступать социологическое *действие*. Я имею в виду вовсе не набор “практических рекомендаций” (в которых как теоретики, так и эмпирики накопили изрядный опыт угадывания желаний начальства). А — познающее действие, ***познание через действие***, через эксперимент, живое соприкосновение с социальной практикой, погружение в нее.

Мне кажется, со временем войдет в научный обиход понятие “социолог-экспериментатор”, или “социолог-испытатель”...

А. Алексеев, 17.03.87

***Ремарка**: Кому это было надо*

Стоит заметить, что рассмотренная выше "гримаса перестройки" оказалась довольно живучей. Несмотря даже на "критику сверху", навязывание двухсменки без учета конкретных обстоятельствв производства, в том числе и на слесарных участках, где это и совсем нелепо, так или иначе продолжалось, в частности, на "Ленполиграфмаше", по крайней мере до середины 1988 г..

Оказалось, что администрация заинтересована в этом и не только "для рапорта" по инстанциям, но также и для маскировки неритмичности производства, слабой загруженности высокопроизводительного оборудования, для повышения "управляемости" рабочих и т. п. (Июль 2006).

* * *

Вместо заключения

Мне хотелось бы привести здесь фрагмент из предисловия к ранней версии "Драматической социологии...", а именно из книги 1997 г.:

"...**Жизненный эксперимент**, вообще говоря, является довольно распространенной (пусть не массовой) формой социальной активности. Поведение субъекта в таком случае заведомо нестандартно и отклоняется от социальных стереотипов. Мотивы тут могут быть различными. Скажем, гражданственная мотивация (богатую палитру примеров представляет правозащитное движение), Или же мотивы психологические (поиск новизны, "испытание себя"), мотивы экзистенциальные (типа "жить в ладу с собой"). Реже встречается собственно исследовательская мотивация эксперимента "на самом себе".

Здесь заметим, что сам по себе уход автора в рабочие, на рубеже 1970—1980-х годов , вовсе не был явлением исключительным и среди социологов.

Только из ближнего круга коллег — трое профессиональных социологов (Ю. А. Щеголев, А. А. Кетегат и С. М. Розет, ныне покойный) в ту же пору, вовсе не вынуждаемые кем или чем-либо, а из внутренних побуждений, круто повернули свою жизнь, став рабочими (Юрий Щеголев сделал это двумя годами раньше автора). Сложилось так, что именно у автора данной книги в этой жизненной перемене получил наиболее последовательное развитие профессонально-исследовательский мотив..." [21]

А вот — из предисловия к последней версии "Драматической социологии…" (2003-2005):

"...Конечно же, это мог быть вовсе и не эксперимент социолога-рабочего... И не "коррида" социолога-тореадора с быком-системой... И не изобретение новых социологических методов и т. п. Вообще, это могла быть **любая "своя жизнь"** — с неизбежно сочетающимися в ней элементами жизнестроительства и выживания, активизма и созерцательности, "думания" и "делания" (Гете)". [22]

Июнь-сентябрь 2006

Примечания

(1) А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005.

(2) Как замечал Гете, “хорошо увиденное частное может всегда считаться общим”.

(3) Автостенограмма выступления на отчетно-выборном собрании СЗО Советской социологической ассоциации 1987 г. полностью приводится в конце настоящей публикации.

(4) Один коллега пытался меня убедить, что без “протокола” (т. е. оперативной фиксации наблюдений) можно обойтись... Вот тут, мне кажется, и пролегает грань между *наукой* и *не наукой,* или, точнее, между эмпирическим исследованием и иными формами познания.

(5) Хотя в определенных обстоятельствах может возникнуть *само*организация окружения социолога-испытателя вокруг предмета его исследования. (Наглядный пример — “дело” социолога-рабочего, рассматриваемое в настоящей публикации ниже).

(6) Дословно перевести с немецкого затруднительно. Ближе всего к этому известное : “Весь мир — театр...”

(7) Хочется также воспроизвести здесь одну из самых ранних характеристик исследовательского подхода, или *метода* “драматической социологии”, из писем-дневников 1980 г.:

“...В чем специфика моего исследования (да, пожалуй, и способа жизни сегодня)? Уже приходилось высказываться против **включенного наблюдения** в пользу **наблюдающего участия** (метода близкого к социальному экспериментированию). Так вот, меня интересуют прежде всего не высказывания, не мнения и даже не факты, индивидуализированные или массовые, а — ситуации, имеющие достоинство модели. *Моделирующие ситуации*.

“В каждой луже — запах океана, в каждом камне — шорохи (или “веянье”? — не помню!) пустынь” (Н.Гумилев).

Но чтобы в капле лучше отразилось море, полезно ее сгустить. Можно сгустить силой художественного воображения, как в искусстве... Силой так называемого домысла к факту, как в публицистике... А можно сгустить — в самой жизненной практике, собственными действиями, способствующими превращению заурядной ситуации в моделирующую.

Оригинальный жанр творчества, которому можно найти аналог разве что в Театре. Но там пока еще остается какой-то барьер между сценой и зрительным залом. Да и зритель — хоть и “со-творец”, но не со-автор и не со-актер... В театре — сначала пишут (драматург), потом ставят (режиссер), потом играют (актеры) и сопереживают (зрители).

А тут все перемешано! И даже отчасти наоборот: сначала играют (иногда — не успев как следует срежиссировать), а потом пишут, осмысляют. **Сначала действие, потом текст** (ну, хотя бы этот)....” (Цит. по: А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1. СПб: Норма, 2003, с. 178-179).

(8) См. А. Н. Алексеев. Дневник, письмо и статья как соотноситеьные формы коммуникации / XII Любищевские чтения. Ульяновск : Ульяновский гос. педагогический университет, 2000. Эта работа включена и в книгу: А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1..., с. 299-303.

(9) См. М. Полани. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.

(10) В настоящем документе, равно как и во всех остальных приводимых здесь, орфография и синтаксис сохранены.

(11) Обыск на квартире А. состоялся 16 сентября 1983 г.

(12) Дело рассматривалось в отсутствие “героя”, поскольку тот на все предыдущие приглашения на заседания бюро ЛО ССА (в 1985 г.) отвечал отказом.

(13) См. А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 4. СПб: Норма, 2005, с. 21-23.

(14) Роман Иванович Ленчовский — киевский философ и социолог. Один из со-авторов книги “Драматическая социология и социологическая ауторефлексия”.

(15) Очерк Лидии Ивановны Графовой, под названием “Преодоление пределов”, был опубликован в “Литературной газете” 23.09.87.

(16) Очерк Анатолия Эммануиловича Головкова на эту тему, под названием “...мир погибнет, если я остановлюсь”, был опубликован в журнале “Огонек” в мае 1988 г., № 19.

(17) А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 2. СПб.: Норма, 2003, с.18.

(18) Опубликовано в газете “Трибуна машиностроителя”, 26 ноября 1986 г.

(19) Вышеприведенная часть письма написана, по-видимому, 22-23 ноября 1986 г. Остальное — уже после 26 ноября, когда вышла в свет заводская газета с заметкой “Для дела или для рапорта?”.

(20) Тогда метрополитен в Ленинграде работал до 1 часа ночи.

(21) Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1. М.: СПбФ ИС РАН, 1997, с. 23.

(22) Из Гете: “Думать и делать, делать и думать — вот итог всей мудрости... И то, и другое в течение всей нашей жизни должно вершиться попеременно, как вдох и выдох, и как вопрос без ответа, одно не должно быть без другого...”. (Цит. по: А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1…, с. 43).

Папка 2.2. Статьи и доклады

(Здесь представлены работы Б. Докторова и А. Алексеева, корреспондирующие с сюжетами вышеприведенной переписки обоих авторов от февраля-октября 2006 г.

Как правило, эти работы представлены на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html. – А. А. Январь 2011)

(1) Б. Докторов История есть, только если она написана. К открытию рубрики «современная история российской социологии»

(Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев , 2004, № 5, с.30-32.)[30]

Автор благодарит своих давних коллег Валерия Голофаста, Леонида Кесельмана и Бориса Фирсова за внимательное ознакомление с текстом и ряд ценных поправок и предложений.

Настоящие краткие заметки – это попытка обозначить цели введения в журнале «Телескоп» новой рубрики «Современная история российской социологии» и очертить самые общие контуры ее содержания. Одновременно, это приглашение всех к обсуждению прошлого и настоящего российской социологии. Автор признает спорность, полемичность ряда утверждений, но в одних случаях ее действительно сложно приглушить, в других – она присутствует намеренно.

История вершится постоянно, непрерывно, и потому она должна изучаться и описываться тоже постоянно и непрерывно. Смысл сказанного прост. Пока история существует сама по себе, пока она не изучена и не описана, она пассивна и ничему нас не учит. Марк Твен говорил, что не читающий человек ничем не отличается от того, кто не умеет читать. Аналогично, не знание социологическим сообществом своей истории почти равносильно отсутствию этой истории.

[30] См. http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/doktorov_history.html

Скажем себе честно, даже двух-трех десятилетнее прошлое покрыто таким толстым слоем пыли и различных нагромождений, что оно уже плохо видно. На наших глазах настоящее стремительно превращается в прошлое. Очень скоро наблюдаемое нами сегодня станет объектом научно-исторических исследований, и следующие поколения будут ломать голову над тем, что нам сегодня кажется естественным. Нормально ли это?

1. С одной стороны, все почти тривиально: цель новой рубрики – изучение, рассмотрение, обсуждение современной истории российской социологии. Однако эта простота – обманчива, в действительности каждое слово в названии рубрики требует уточнения и предполагает проведение непростого анализа.

Пожалуй, легче всего определить первое слово названия рубрики. В нашем исходном понимании «современная история» – означает постреволюционная, но более точно, «современность», это интервал времени, начинающийся примерно полстолетия назад и, естественно, охватывающий наши дни.

Наиболее трудным является последнее слово в имени рубрики – «социология». Во-первых, эта трудность проистекает из множественности существующих определений нашей науки, и выбор только одного из них может оказаться настолько неудачным, что сделает невозможным реализацию замысла, связанного с введением рубрики. Во-вторых, в течение указанного полустолетия не очень быстро, но в целом заметно изменялась социология и несколько раз менялись представления российских ученых советского и постсоветского периодов относительно философии социологии, ее предметно-объектных свойств и методов. В-третьих, социология – развивалась на стыке многих наук, и в рамках исторического анализа было бы неверно опираться на определение, в какой-либо мере ограничивающее ее предметно-объектные особенности и лимитирующее ее методолого-методический арсенал. Думается, однако, что реальная практика историко-методологического анализа прошлого-настоящего современной российской социологии позволит снять, или по крайней мере четче определить границы обозначенной семантической неопределенности.

2. Термин «российская социология» имеет по крайней мере три ипостаси.

Во-первых, если говорить о периоде до 1991 года, то российская - тождественна советской. Вместе с тем, вполне возможно, что внутри социологии, обозначаемой термином «советская», существовали национальные школы, развивавшиеся несколько иначе, чем российская социология доперестроечного времени. Далее, российская – это социология, создаваемая учеными, живущими и работающими в современной России. Наконец, российская социология охватывает и то, что создавалось и создается исследователями, жившими и живущими вне России, но воспитанными на российской культуре. Что касается предметно-объектных аспектов исследований этих социологов, то они не обязательно соотносятся с российской реальностью.

Например, после революции значительная группа русских мыслителей, социологов жила и работала за границами СССР. Их творчество обязательно должно быть предметом исторического изучения, и это тем более важно, что современные российские ученые активно обращаются к трудам тех зарубежных русских социологов.

История 20 века знает две Германии, два Китая, две Кореи, и это обстоятельство дает ценный материал для проведения сравнительных политологических и культурологических исследований и для осмысления механизмов общественного развития. Можно предположить, что сопоставительный анализ того, что делалось и что было сделано в 20 веке советскими социальными учеными и русскими социологами, жившими в Европе и Америке, способен принципиально углубить наше понимание многочисленных и разноприродных связей между типом общества и характером науки об обществе.

3. Пожалуй, именно обращение действующих российских социологов к работам дореволюционных обществоведов и философов более других обстоятельств актуализирует задачу изучения творчества русских социальных мыслителей начала 20 века.

Парадоксально, но обращение к столь отдаленному прошлому может оказаться более полезным не для отыскания следов этого «былого» в работах недавнего прошлого, т.е в исследованиях советских социологов, но для определения путей движения современной российской социологии в будущее. Разве российское социологическое сообщество не должно задумываться о том, каким будет лицо российской социологии через 20-30 лет? Это будет вестернизированная советская социология? Это будет русскоязычная версия европейской и американской социологии? Это будет нечто синтетическое, включающее в себя различные научные традиции, и в том числе - традиции русской дореволюционной социологии? Представляет также интересным задуматься о том, какими будут (могут быть) российская православная и мусульманская социологии; в какие стороны света они будут смотреть?

Конечно, ответы на эти вопросы требуют очерчивания базовых презумпций социального устройства и развития России, но наука тоже имеет – должна иметь - свои презумпции.

Любая развитая наука сама определяет кардинальные направления своего развития. Каждое поколение ученых пытается решить проблемы, оставленные ему прошлым и обнаруженные им самим, но одновременно оно выдвигает новые задачи перед теми, кто придет ему на смену. Речь идет и об идеалах науки, и о методах, и об этике.

Современная российская социология – в рамках исторических исследований или общеметодологических поисков – также должна задуматься о принципах своего развития, о научных идеалах, о своей роли в политической и культурной жизни России, о своем месте в глобальном научном сообществе. Будущее покажет, в какой мере все это будет реализовано, но вне зависимости от развития макропроцессов в стране и в мире, думается, что указанные «навигационные» принципы необходимы.

4. В общем случае история это хронологически упорядоченная последовательность значимых для общества событий В нашем случае – это последовательность событий, определеющих, задающих, детерминирующих, детализирующих процесс развития российской социлогии.

При этом имеет смысл выделить по крайней мере два класса событий.

Во-первых, события, определяющие «метрику», генеральные свойства социального пространства, в котором существует и развивается социология как наука и как определенное социальное образование. Одновременно, это те события, которые детерминируют, корректируют социальный климат и нравственную атмосферу в стране. Во-вторых, события, процессы,

протекающие внутри самой социологии и внутри социологического профессионального сообщества.

Учитывая коренные особенности политического устройства СССР, к событиям первого типа безусловно следует отнести появление документов КПСС и правительства, касавшихся развития идеологических процессов в стране и всего комплекса обществоведческих наук. Но это лишь видимая часть айсберга событий первого типа. В действительности существовало множество скрытых, латентных, не манифестировавшихся механизмов - скажем мягко и обтекаемо - управления развитием социологии в стране. И результатом действия или бездействия этих механизмов было множество событий, которые тоже должны изучаться историками российской социологии.

К событиям второго класса следует отнести создание и закрытие научно-исследовательских центров, коллективов, групп ученых; появление и развитие структур по подготовке кадров; проведение крупных, значимых исследовательских проектов, выход в свет книг, сыгравших заметную роль в истории советской социологии, и т.д.

События первого класса, вообще говоря, являются оболочечными по отношению к науке, они образуют некий постоянно меняющийся каркас, заключающий в себе социологию и регламентирующий жизнь социологического сообщества. Но эта оболочка не пассивна, и потому историк социологии не может не анализировать ее воздействие на то, что находится внутри нее. Вместе с тем думается, что история социологии как раздел истории и социологии должна прежде всего фокусироваться на изучении того, что находится внутри этой раскаленной социальной оболочки, что характеризует собственно характер и результаты деятельности ряда поколений российских социологов. По большому счету, определение состава, динамики, температуры и так далее содержимого, или наполнения, этой оболочки и составляет предмет современной истории отечественной социологии.

5. Написание истории не сводится к созданию летописи событий, она – нужна, но ею нельзя ограничиваться. Необходимо изучение причин состоявшихся событий, а также их последствий: прямых и косвенных, кратковременных и отложенных, обнаруженных ранее и осознанных лишь в недавнее время.

По-сути, сказанное означает, что история социологии одновременно должна быть историей деятельности людей, причастных к формированию государственной политики развития социологии и к выработке собственно социологического знания.

Идеология советского времени акцентировала значение роли государства и коллектива и явно принижала роль личности. Отчасти поэтому в российской исторической науке – советского и постсоветского времени - оказалась недостаточно развитой методология и практика изучения биографий, в частности – биографий социальных исследователей. Опубликованные в последние годы работы о Николае Бердяеве, Питириме Сорокине, Павле Флоренском и о небольшом числе других социологов и социальных мыслителей, на наш взгляд, скорее являются не научными биографиями, а жизнеописаниями и анализом их работ.

В течение истекших полутора десятилетий сложился перечень имен русских социальных мыслителей первой половины 20 столетия, работы которых привлекают внимание и анализируются современными российскими социологами и социальными философами. Само по себе это явление

позитивное, однако оно грозит появлением серьезных негативных последствий: закладываются предпосылки для одномерного, стереотипизированного видение прошлого нашей науки. Чтобы притормозить развитие этой тенденции, необходимо искать новые – «очень» хорошо забытые старые – имена.

Но все же сделанное за истекшие годы не только уже позволило ввести в научный оборот имена и идеи, долгое время мало известные широкому кругу российских социологов, но и является заметным продвижением на пути выработки методологии создания научных биографий социологов начала 20 века и наших современников.

6. Лишь человеку, очень далеко стоящему от исторических поисков может показаться, что история социологии – спокойная исследовательская область, которой можно уделить некоторое время, отойдя от активного изучения теории общества или реальных социальных процессов, институтов, коллизий. В действительности это совсем не так.

История – это не мемуары. Лет 15 назад профессор Геннадий Батыгин говорил, что собственно социологические исследования включают в себя две области, два направления: методологию социологии и историю социологии; все другие социологические поиски приобретают статус научных только в том случае, если и когда они начинают оказывать влияние на характер методологии социологии и окажутся предметом исторического рассмотрения и сопоставления.

7. Поскольку содержанием самой истории являются события разной природы, постольку и анализ истории должен быть многоаспектен; обозначим некоторые из них.

Крайне важными видятся сегодня исследования аргументов, с помощью которых, начиная с ранних 60-х и до середины 80-х, доказывалась специфичность, особость (преимущества) теоретической базы российской социологии советского периода. У этой тематики есть и иной, футурологический аспект: анализ будущего марксизма как одной из философских основ современной российской социологии.

Обнаруживается и более широкая постановка обозначенной темы. Марксизм относится к основным направлениям современной мировой философский и социологической мысли, а в СССР – марксизм был единственной разрешенной философией и идеологией. Позволяет ли опыт советских времен стать России мировым центром разработки марксистской социологии?

За постперестроечные годы произошли кардинальные изменение в предметной направленности российских теоретико-эмпирических социологических исследований. Логика этого изменения очевидна: ушли (уходят) в прошлое многие существовавшие социальные институты и доминировавшие формы социальных отношений, они заменились (заменяются) новыми институтами и формами. В этих изменениях предметного спектра социологии отражена некая «правда жизни», но одновременно с переходом к новому не произошло осмысления всего ранее накопленного. Складывается ощущение, что старое не было даже элементарно инвентаризировано, описано и каким-то образом законсервировано. Оно просто брошено, осталось ничьем. Так и хочется спросить: «Вы чье, старичье?».

Одним из направлений истории социологии является изучение становления и функционирования коммуникационных сетей профессионального сообщества. В 60-е – 80-е годы в стране было мало

социологов, практически все знали друг друга, особенно внутри одного поколения. Московский Институт социологических исследований АН СССР (в разные годы у него были разные названия) был головным, и там все часто встречались. Была ассоциация, объединявшая людей. Книг издавалось немного, существовал всего один журнал «Социологические исследования». Все читали работы друг друга, и все (желающие того) знали, кто чем занимается.

Изучение коммуникационных сетей – один из наиболее эффективных приемов исследования становления научных школ в советской социологии и духовной атмосферы профессионального сообщества того времени. Сегодня, когда отцы-основатели советской социологии продолжают активно работать, еще есть возможность с их помощью восстановить и детально описать эти сети.

8. Серьезным препятствием к созданию летописи важнейших событий российской социологии и выработке методологии написания научных биографий ее творцов является слабость соответствующей информационной базы. Указанное обстоятельство является следствием множества объективных и субъективных причин.

Под объективными причинами, во-первых, имеется в виду в целом крайне низкая культура работы российских архивов и устарелость форм архивного обслуживания. Здесь же назовем недостаточную последовательность и замедленность процесса снятия секретности с материалов, направлявшихся в свое время в партийные органы и другие директивные структуры. В силу этой причины многие отчеты о социологических исследованиях, проведенных в 60-е – 90-е годы прошлого века, до сих недоступны историкам социологии. Третья причина объективного характера – отсутствие у большинства социологических организаций необходимого пространства для хранения собственных архивов, частые переезды из одних помещений в другие, расформирования социологических «команд». Еще одна причина: на протяжении ряда десятилетий многие исследовательские коллективы не имели своей электронно-вычислительной техники, обрабатывали эмпирическую информацию в различных вычислительных центрах и потому не имели возможности для создания своего современного информационного архива.

Назовем последнюю по порядку, но не по значимости объективную причину слабости информационной базы исследований прошлого отечественной социологии. Историк как правило имеет дело с опубликованными текстами, но почти каждая социологическая публикация была итогом длительного процесса редактирования текстов, их рецензирования и цензурирования. Мы можем судить о результатах социологии по тому, что было опубликовано, но сейчас невозможно сказать, какая в процентном отношении часть социологических рукописей была издана.

Приходится учитывать и тот факт, что многие социологические тексты создавались их авторами без малейшей надежды на публикацию или хотя бы на широкое публичное обсуждение. Можно ли отыскать эти работы? Безусловно, что-то могло бы быть опубликовано в нашей рубрике.

Теперь о комплексе субъективных причин. По нашему мнению, многое в бедности информационной базы изучения относительно близкого прошлого и настоящего проистекает из-за того, что российское социологическое сообщество в целом не до конца осознает своего общественного назначения, своего места в культуре общества. Не сложилось убежденности в том, что результаты изучения общества должны становиться известными самому обществу.

9. Есть полезная американская рекомендация по организации любого бизнеса: «Думай глобально, делай локально». Применительно к нашей рубрике это означает, что, думая об изучении современной истории российской социологии, целесообразно прежде всего сконцентрироваться на анализе процессов, происходивших и происходящих в ленинградско-петербургской социологии. Причем эту задачу следует рассматривать не только в качестве промежуточного полигона, с которого удобно атаковать историю российской социологии, но и как важнейшую самостоятельную историко-научную и культурологическую проблему.

Специальные изыскания, доказывают существование таких феноменов, как ленинградская литература, ленинградское искусство, ленинградский театр. Возможно ли по аналогии говорить о ленинградской, в настоящее время – петербургской, социологии? Поиск ответов на этот вопрос – вне зависимости от того, какими они будут - может рассматриваться в качестве одной из сверхзадач изучения истории социологии Петербурга-Ленинграда-Петербурга.

10. Вряд ли сейчас будет оправданным стремление к определению предмета указанных «локальных» историко-методологических изысканий, но некоторые направления поисковых работ могут быть названы.

Прежде всего хотелось бы понять специфику истоков рождения социологии в Ленинграде, ведь она возникла иначе, чем, скажем, в Москве, Свердловске и других городах Союза.

Второе, особого анализа требует очерчивание контуров предметных полей, в разработке которых ленинградцы были пионерами, начинателями направлений, позже получивших признание и широкое развитие в СССР.

К примеру, в ноябре 2003 год автор был в Тюмени на защите кандидатской диссертации, в которой анализировались вопросы «управления социальным климатом предприятия в современной российской социально-экономической ситуации»; объектом изучения было ОАО «Сибнефтепровод». Логика работы диссертанта свидетельствовала о жизненность ряда концепций и эффективности методов, созданных ленинградскими психологами и социологами (Е.С.Кузьмин, А.Л. Свенцицкий, А.В. Чугунова, В.А. Ядов) три-четыре десятилетия назад.

Можно утверждать, что исторические поиски обнаружат много нового в предметном спектре ленинградской социологии 60-х - 80-х годов. Скажем, на рубеже 60-х – 70-х годов под руководством Андрея Здравомыслова социологами Высшей партийной школы была проведена серия исследований бюджета рабочего и свободного времени сотрудников райкомов КПСС города. Современное прочтение результатов тех исследований могло бы дать многое для понимания деятельности аппарата КПСС и образа жизни этой элитной группы населения Ленинграда.

11. Сказанное ни в коей мере не означает, примата «географического» подхода к анализу истории российской социологии. Более того, легко понять, что изучение наиболее трудных, сложные, сущностных проблем развития нашей науки, а также принципиальных особенностей ее нынешнего состояния в принципе над-географично.

Корни советской и современной российской социологии прежде всего следует искать в особенностях российской истории 20 века, а также в важнейших чертах политического устройства СССР и нынешней России. Кроме того надо заново читать и переосмысливать базовые общенаучные и общефилософские положения, которые на протяжении всей советской истории

определяли развитие отечественной социологии. Нельзя будет пройти и мимо анализа моральных принципов, которым следовали или которые нарушались участниками процесса выработки социологического знания. На всех этапах не столь уже продолжительного процесса развития советской социологии «человеческий фактор» всегда имел очень важное значение. В частности, в истории ленинградской социологии 70-х - 80-х годов.

12. Создание истории петербургско-ленинградско-петербургской социологии – долг социологов, живущих в современном Петербурге. При наличии доброй воли многое может быть сделано.

***

(2) Б. Докторов, Н. Мазлумянова «Международная биографическая инициатива»: Между Россией и Америкой [31]

(Опубликовано на сайте Полит.Ру 16 августа 2006 года http ://polit .ru /science /2006/08/16/dohtur .html)

В конце апреля этого года на сайте Центра демократической культуры (Center for Democratic Culture) Университета Невады в Лас-Вегасе появился новый американо-российский проект «Международная биографическая инициатива» (International Biography Initiative**, IBI), посвященный** истории российской социологии постхрущевского периода и методологии биографического метода. Об этом проекте рассказал **Наталии Мазлумяновой** один из его создателей, известный российский социолог, автор около 250 статей и монографий по различным вопросам изучения общественного мнения, методологии и истории социологии, доктор философских наук, профессор Борис Зусманович Докторов.

Борис Зусманович, хотелось бы узнать поподробнее о Вашем новом сайте. Какие материалы на нем представлены?

Композиция сайта задана его основными структурными элементами: Интервью; Автобиографии, дневники, мемуары; Документы; Воспоминания; Статьи по истории социологии и биографическому методу; Приложения и Комментарии.

Раздел «Интервью» содержит около шестидесяти бесед биографического плана с полусотней ведущих российских социологов, проведенных с 1996-го по 2006 год. Несоответствие чисел объясняется тем, что некоторые из респондентов (Г.С. Батыгин, А.Г. Здравомыслов, И.С. Кон, Б.М. Фирсов, В.А. Ядов) представлены двумя и более интервью с разрывом в несколько лет. Уже сегодня это самое полное собрание биографий российских социологов.

В тематическом отношении к этому разделу примыкает пока относительно небогатый набор автобиографических материалов – всего восемь «единиц хранения». Я не думаю, что в ближайшее время этот раздел заметно разрастется. К сожалению, мемуаристика – не очень популярный жанр среди социологов. Биографическим можно назвать и раздел «Воспоминания»:

[31] См. http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/doktorov_ibi.html.
.

социологи рассказывают о своих коллегах и друзьях – тех, кто продолжает активно работать, и тех, кого уже нет с нами.

Второй по объему раздел – это коллекция статей по биографическому методу; их сейчас 27. В последние годы методология изучения биографий стала значительно больше, чем раньше, привлекать внимание российских исследователей. Я не могу сказать, что наше собрание обладает полнотой; скорее, в нем представлены тексты, показавшиеся нам интересными. Некоторые из них не очень широко известны, на них мало ссылаются в специальной литературе.

Фактически по «весу» (24 статьи) методическому разделу не уступает раздел, в котором собраны публикации по истории теоретико-эмпирической социологии постхрущевского периода.

Относительно невелики разделы «Документы» и близкий к нему – **«Приложения» (восемь и четыре наименования соответственно). Но и то, что имеется сейчас, в целом передает многие драматические коллизии российской социологии недавнего прошлого.**

Последний раздел – всего четыре текста – это комментарии по поводу уже размещенных на сайте материалов. Хочется, чтобы уже в ближайшем будущем раздел стал значительно шире, богаче, чтобы все большее количество специалистов принимало участие в этом обсуждении. Ведь подобной «площадки» нет ни в американской, ни в российской частях Интернета.

Где Вы берете тексты для сайта и каковы принципы их отбора?

Итак, к настоящему времени на сайте Международного биографического проекта опубликовано свыше полутора сотен материалов. Пока принцип отбора прост – размещается практически все, что удается отыскать в монографических и журнальных изданиях. Если говорить о разделе интервью, то основную массу материалов нам дали четыре источника. Первый – это книга «Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах», опубликованная профессором Геннадием Батыгиным в 1999 году. Второй – созданный им же «Социологический журнал», в котором практика публикации интервью с российскими социологами сохранилась и поныне. Третий источник – «Журнал социологии и социальной антропологии», выпускаемый Петербургским государственным университетом. И, наконец – социологический и маркетинговый журнал «Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев».

Перечисленные источники являются и основой других разделов. Однако есть на сайте и материалы, непосредственно представленные нам их авторами. Например, профессор Игорь Кон передал нам для первого опубликования свои воспоминания: это более 130 страниц автобиографического содержания, его размышления о советской истории и российской социологии в ее доперестроечный и современный периоды. Т ак что переписка со многими российскими социологами – часть большой работы по развитию, наполнению сайта.

В чем заключаются цель и задачи проекта?

Конечно, это сайт не общего назначения, не для тех, кто забредет на него случайно. В первую очередь он предназначен для тех, кто изучает историю

российской социологии: это могут быть научные работники, преподаватели социологии, студенты. Вторая группа специалистов, которых могут привлечь опубликованные на сайте материалы, это историки, культурологи, пытающиеся понять жизнь различных групп советской интеллигенции во второй половине завершившегося века, да и в наше время. Наверное, можно назвать и третью группу потенциальных читателей: это люди, которые не относятся к вышеперечисленным профессиональным категориям, но интересуются общественным и культурным прошлым нашей страны, тем, как развивалась российская наука, как живут и работают те, кто ее создает. Ведь представленные на сайте ученые заслуживают того, чтобы о них знали в нашем обществе и за его пределами.

Отмечу тот факт, что заголовки всех расположенных на сайте материалов написаны на английском языке, а сами материалы – на том языке, на котором они были созданы: русском или английском. Трудно сказать, что будет дальше, но хотелось бы, чтобы сайт стал международным, чтобы на него заходили ученые разных стран, анализирующие прошлое и настоящее российской социологии.

Расскажите, пожалуйста, о создателях сайта. Как представленные на сайте материалы связаны с их научными интересами? Почему этим занялся именно Университет Невады? Что представляет собой Центр демократической культуры?

Сайт Международного биографического проекта создан профессором социологии Университета Невады в Лас-Вегасе и директором Центра демократической культуры этого университета Дмитрием Шалиным . Шалин – выпускник Ленинградского государственного университета, защитивший кандидатскую диссертацию в Москве, а затем – сделавший докторскую (Ph .D .) в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Область его научных интересов включает анализ социологических теорий, исследование прагматизма, социологические проблемы эмоций и проблематику развития современной русской культуры.

Я живу в Америке с 1994 года, до этого свыше тридцати лет работал в Ленинграде в Социологическом институте РАН (АН СССР) и несколько лет в «старом» ВЦИОМе. Все эти годы занимался изучением общественного мнения и технологией опросов. В последние годы начал систематически изучать историю становления американских опросов общественного мнения и биографии отцов-основателей этого научного направления. Вторая область моих текущих научных интересов – история современной российской социологии.

Мы с Димой были знакомы еще по Ленинграду, а здесь некоторая общность наших научных интересов и близость в понимании ряда процессов, происходивших и происходящих в российской социологии, привели к тому, что мы объединились в работе над сайтом.

Но хочу сказать, что мы не единственные, кто задумывается о содержании этой онлайновой коллекции, направлении ее развития и поиске новых материалов. Сначала назову имена наших двух научных консультантов. Это петербуржцы: доктор философских наук Борис Фирсов, автор одной из первых книг по истории советской социологии, и кандидат философских наук Андрей Алексеев, недавно закончивший фундаментальную 4-томную работу

«Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», которая является одновременно и научной биографией автора, и серьезным исследованием по методологии анализа взаимодействия личности и социальной среды. Есть еще два человека, внесшие заметный вклад в сайт как консультанты и редакторы. Это сотрудники московского Института социологии РАН, кандидаты наук, имеющие опыт изучения истории российской социологии и знающие многие тонкости биографического метода, например, Лариса Козлова (три ее интервью с А.Г. Здравомысловым, Д.Л. Константиновским и В.А. Ядовым, недавно опубликованные на Полит.Ру, размещены на нашем сайте). Добавлю, что Л. Козлова непосредственно участвует в создании «Социологического журнала», в котором есть рубрика «Профессиональные биографии», в качестве члена его редколлегии и научных редакторов.

Так что научные интересы всех, кто причастен к созданию сайта, в той или иной степени соприкасаются с его тематикой, а некоторые из материалов, подготовленных участниками этой команды, уже представлены на нем.

Сейчас Вы проводите большую работу – биографические интервью с рядом видных российских социологов. Эти материалы сначала публикуются в «Телескопе» а затем – на Вашем сайте. Не могли бы Вы сказать о том, когда началась эта работа, что уже опубликовано и что есть в Вашем «портфеле»?

Интервью, о которых Вы спрашиваете, часть проводимой уже почти два года работы по истории современной российской социологии, результаты которой представлены уже в десяти выпусках петербургского «Телескопа». Все началось с моей статьи о творчестве основателя изучения общественного мнения в СССР/России Бориса Грушин а. Затем были завершены и опубликованы большие по объему – два и более печатных листа – беседы с социологами, работы которых, думаю, известны многим посетителям Полит.Ру. Это Яков Гилинский, Леонид Кесельман, Роман Могилевский, Елена Смирнова, Борис Фирсов и Владимир Ядов. Я понимаю, что это – лишь начало большой работы, но уже и сейчас анализ творческих и личных судеб этих людей помогает многое понять в том, как происходило становление и развитие советской социологии и что в эти процессы привнесло новое время.

Что касается планов, относящихся к работе, то я предпочитаю не раскрывать их. Что-то может измениться у меня, что-то – у моих респондентов... Одно могу сказать, в моем «портфеле» уже есть обстоятельные интервью с социологами, которые хорошо известны в нашем профессиональном сообществе, а сказанное ими заметно обогатит наше коллективное знание о советской социологии.

Расскажите немного о специфике Ваших интервью. Живя в Калифорнии, Вы лишены возможности разговаривать со своими респондентами лицом-к-лицу. Какова технология Ваших опросов?

Все мои интервью проводятся по электронной почте. В этом методе сбора биографической информации я вижу и «плюсы», и «минусы». Позитивный момент заключается в том, что мои интервью в определенном смысле приближаются к «мемуарам на заданную тему». Я высылаю вопросы, и мой собеседник отвечает на них настолько широко, обстоятельно, насколько он это считает необходимым, насколько у него есть время. Никогда не тороплю «респондентов», некоторые интервью длятся до полугода, и мне представляется

это нормальным. Иногда я прошу что-то уточнить, что-то развить, но главное, отталкиваясь от своего плана и присланного мне текста, я формулирую новые вопросы. Отрицательный аспект: в силу недостаточной развитости Интернета в России, не преодоленной многими боязни общения с компьютером для меня недоступны некоторые из социологов, беседа с которыми мне представляется интересной и содержательной.

В своих интервью Вы обращаетесь к большинству собеседников «на ты». Очевидно, Вы давно их знаете. Как это отражается на специфике беседы? С одной стороны, очевидно, что такие разговоры более доверительны и глубоки, Вы знаете, о чем спрашивать. Но при этом часто ли Вам могут сказать что-то новое, чем-то удивить?

Да, пока почти во всех проведенных интервью я беседовал с людьми, которых знаю более тридцати лет. Кто-то старше меня на десяток лет, кто-то несколько моложе. И все же, а как бы Вы обращались к людям, с которыми Вы знакомы большую часть Вашей жизни, с которыми пройдены «километры разговоров», которые Вам близки по духу, по отношению к жизни? Эта форма общения, обращения естественна для нас, она помогает обсуждать многие сложные вопросы. Подозреваю, что о многом из того, о чем я говорю со своими собеседниками, мало знакомые с ними интервьюеры побоялись или постеснялись бы даже спросить. Да и вообще, по-моему, только люди, доверяющие друг другу, способны несколько месяцев обсуждать жизнь одного из них. Ведь биографическое интервью – это сложная, интимная материя.

Что касается нового, удивительного – так для меня почти все ново и удивительно. Ведь в нашей «производственной» жизни, в наших профессиональных разговорах у нас нет времени для разговоров о себе. Попробуйте написать все, что Вы знаете о Ваших коллегах... это будет очень скупой и ограниченный материал.

Вернемся к нашей основной теме. Организация и ведение (поддержка) этого сайта – большая работа, даже в чисто техническом плане: выискивать, собирать материалы, вести переписку с множеством людей, вычитывать тексты и «выкладывать» их на сайте… И Вы, и Дмитрий Шалин – очень занятые люди. Научная работа, масса собственных публикаций, лекции… Для чего Вам понадобилась эта инициатива? Что это дает лично Вам?

Конечно работы много, и мы это прекрасно понимаем, но пока «тянем».

Не так давно я читал лекции в одном из сибирских университетов, не столь важно в каком, ибо, думаю, это могло случиться во многих городах России. Я попросил студентов-социологов третьего курса назвать имя хотя бы одного советского социолога. Затянувшееся молчание было, наконец, нарушено негромким ответом: «Питирим Сорокин». Не думаю, что подобную профессиональную безграмотность можно ликвидировать быстро, но все возможное для этого надо делать...

Дмитрий Шалин заинтересован в биографических исследованиях в связи с его многопрофильной работой по прагматической герменевтике, отраженной в статье «Signing in the flesh: Notes on pragmatist hermeneutics».

Кроме онлайновой страницы, о которой мы говорим, на сайте Центра демократической культуры Д. Шалин ведет еще два онлайновых проекта, тематически близких к обсуждаемому, но возникших значительно раньше. Во-первых, это проект «Культура и интеллигенция» (The Culture and Intelligentsia Project). На этом сайте собрано свыше сотни интервью и мемуаров представителей российской интеллигенции: писателей, литераторов, критиков, филологов. Кроме того, здесь расположено около ста статей и докладов по проблемам российской культуры и интеллигенции. Второй проект называется «Прагма кибербиблиотека» (Pragma Cyberlibrary). В этой Интернет-библиотеке читатель найдет интервью, мемуары, статьи и библиографические материалы, относящиеся к становлению и развитию американского прагматизма. Развивая и дополняя эту англоязычную коллекцию, мы надеемся усилить международную составляющую нашего собственно биографического проекта.

Завершая ответ на Ваш вопрос, отмечу еще одно крайне важное обстоятельство, стимулирующее нашу работу. В известном смысле – это знак нашего внимания и уважения к нашим учителям и коллегам, стремление познакомить как можно большее количество социологов России и других стран с их судьбами.

Наконец, Наташа, нам просто приятно над этим работать, мы испытываем от этого некоторый кайф.

Имеются ли уже отзывы пользователей? Присылают ли они Вам новые материалы?

Отзывы есть, и весьма благожелательные. Но пока они – от людей, которых мы давно знаем и к советам которых готовы прислушиваться. С другой стороны, сайт очень молод, не «раскручен». Это еще предстоит сделать, и мы начнем его популяризировать в первые осенние месяцы, так, чтобы преподаватели социологии и студенты могли использовать наши материалы в новом учебном году. Тогда, думаю и надеюсь, мы сможем получить рецензии, замечания, предложения, которые будут изучаться нами самым внимательным образом.

16 августа 2006, 09:00

***

(3) Б. Докторов Биографии для истории[32]

Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 1. С. 10-22.

Изучение биографий действующих социологов – дело, которое не осилить одному, необходима помощь. Прежде всего, я благодарен всем, кто согласился на долгое и непростое интервью и рассказал о своей жизни. Также я благодарю моих коллег, словом и делом постоянно поддерживающих меня в этой работе: ведущего научного сотрудника Социологического института РАН

[32] См. http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/doktorov_biography.html.

Андрея Алексеева, старшего научного сотрудника Института социологии РАН Наталию Мазлумянову, профессора Университета штата Невады в Лас-Вегасе Дмитрия Шалина и руководителя московского Центра социального прогнозирования Франца Шереги.

О содержании и методологии исследования

Наличие разработанной, обстоятельной истории того или иного раздела науки – свидетельство его развитости, признания им своих корней и одновременно – его устремленности в будущее. Ничто так не зовет вперед, как понимание достигнутого. Обращение российских социологов к изучению собственной истории – безусловно, одна из важнейших характеристик современного этапа развития российской-советской-российской социологии. История ставит вопросы, на которые не пытается ответить ни теория, ни методология социологии. В частности, это происходит потому, что лишь историко-науковедческие исследования фокусируются и на динамике идей, и на деятельности ученых.

В первой части статьи кратко излагается возникновение и развитие рассматриваемого ниже историко-науковедческого проекта, а также некоторые его методолого-методические аспекты. Во второй, первые итоги изучения прошлого советской социологии и биографий социологов первых поколений.

К истории настоящего исследования

В 2004 году исполнялось 75 лет Б.А. Грушину, инициатору первых опросов общественного мнения в СССР и автору давно признанных в нашей стране классическими книг по феноменологии массового сознания и методам его анализа. Потому я счел целесообразным, более того – необходимым прервать на пару месяцев те исследования истории американских опросов общественного мнения, которыми я тогда занимался, и подготовить статью о творчестве Грушина. Работа оказалась очень трудной: впервые предстояло написать об активно действующем социологе, с которым меня к тому моменту связывали два десятилетия добрых профессиональных и человеческих отношений. К тому же, хотя поводом для написания статьи была «круглая» дата, материал ни по жанру, ни по стилю не планировался как юбилейный; это было историко-науковедческое исследование биографической направленности.

В конце лета статья о Грушине [8] была опубликована в «Телескопе», и тогда издатель журнала М.Е. Илле предложил мне подумать о создании рубрики по современной истории российской социологии. Эта идея мне показалась заманчивой и в целом отвечала моим научным интересам. Я написал небольшой текст, в котором обосновывал появление новой рубрики и оконтуривал ее границы [9]. Заметка была опубликована осенью 2004-го, однако на тот момент исторический проект выглядел фантазией, никаких материалов для нового «департамента» журнала не было, и его наполнение казалось проблематичным по сути и далеким – по времени.

Грушин знал о готовившейся статье, но с ним я ничего не согласовывал и рабочие варианты текста не высылал. Получив по почте журналы со статьей, я переслал один из них Грушину, благо тогда он был в США, и с беспокойством ждал его реакцию. Он обнаружил в работе ряд неточностей, но в целом

воспринял сделанное положительно. Тогда я разослал электронный вариант статьи ряду социологов, которые дружат с Грушиным многие годы.

Вскоре ответил Б.М. Фирсов: «Так мы друг о друге не писали...». Несколько позже откликнулся Ядов: «.... я с огромным интересом прочел твою статью о Грушине, каковая далеко не только о нем, но многом другом, что важно для понимания процессов развития важнейшего направления в социологии...» [44]. Таким образом, предложение Илле, некоторые общие заявления, сформулированные мной при обосновании концепции новой рубрики журнала, позитивное отношение к первой работе по истории советской социологии людей, к суждениям которых я давно привык прислушиваться, заставили меня искать возможности для сбора исторического материала. Прежде всего я обратился с электронными письмами ко многим коллегам из Петербурга, Москвы и других городов с просьбой вспомнить и описать прошлое и присылать мне материалы для публикации. Это обращение не было воспринято с тем энтузиазмом, на который я рассчитывал, и тогда для поддержания уже объявленной в журнале рубрики пришлось искать что-то иное. Возник план проведения серии интервью по электронной почте с российскими социологами, с которыми я поддерживал более или менее постоянную переписку и воспоминания которых были бы, по мнению издателя и моему собственному, интересны читателям «Телескопа». Тогда я еще не думал целенаправленно ни о выборке, ни о тематике интервью.

Первым, к кому я обратился с предложением поговорить о жизни, был Б.М. Фирсов; это произошло 21 августа 2004 года. Оснований для этого было много: наша с ним многолетняя совместная работа и близкие дружеские отношения, его видное место в советской социологии и целенаправленный интерес к истории нашей науки, наконец, тот факт, что в 2004 году ему исполнилось 75 лет и были все резоны провести постъюбилейную беседу. Фирсов согласился («Тебе и Мише служить буду с радостью» [43]). Наша «электронная беседа» продолжалась свыше трех месяцев, и в первом выпуске «Телескопа» 2005 года она была опубликована [36].

Фирсов многие годы занимается изучением средств массовой коммуникации и является одним из пионеров зондирования общественного мнения в СССР; это обстоятельство в предметном отношении сближало интервью с ним и статью о Грушине. Это интервью дало новый материал для анализа становления опросов общественного мнения в Союзе. Однако в беседе были затронуты и другие важные темы, и я почувствовал необходимость провести интервью со специалистами, работающими в разных областях социологии. Сразу после новогодних праздников 2005 года я предложил Я.И. Гилинскому провести с ним биографическое интервью. По-моему, в тот момент в Петербурге была ночь, но уже через несколько минут после отправки моего письма я получил от него позитивный и обстоятельный ответ, начинавшийся словами: «Конечно, ты задел меня за живое. Я сам давно думаю об истории натворенного нами и лично мною» [40]. Работа продвигалась стремительными темпами, иногда в режиме прямого диалога. В конце февраля интервью было завершено и сразу опубликовано [6].

В том же номере журнала печаталась подборка материалов об умершем в 1990 году московском исследователе общественного мнения Я.И. Капелюше [23]; вспоминали Б.А. Грушин, А.И. Пригожин, Л.Н. Федотова и я. Эта публикация продолжала освещение исследований общественного мнения в

СССР, но одновременно она показывала, что содержание рубрики не сводится к интервью.

Появление в «Телескопе» подряд трех материалов по истории российской социологии свидетельствовало о том, что исторический проект набирает силу; необходимо было продумать алгоритм дальнейшей работы. При поддержке М.Е. Илле было решено попытаться давать информацию на эту тему в каждом выпуске журнала, но решить эту задачу казалось очень сложно. Помог В.А. Ядов: в начале 2005 года на мое предложение «поговорить о его жизни» я получил в ответ: «...благодарю за стимул осмыслить жизнь. Я был увлечен этим и, как мог, откладывал текущее. Спасибо. Жду твои замечания и советы. Many thanks » [45]. Работали мы споро, текст быстро рос. В результате интервью с Ядовым было опубликовано в двух последующих номерах журнала [46].

Дальше – проще: сложилась практика параллельного опроса двух-трех респондентов, и появилась возможность не торопить каждого, а форсировать лишь то интервью, которое было ближе к завершению, чем другие. Следующим оказалось интервью с Л.Е. Кесельманом; мы долго не могли его начать и долго не могли завершить. Я предложил Л.Е. Кесельману «поговорить» в сентябре 2004 года, но лишь в конце декабря написал: «Рад, что ты согласился на интервью... знаешь, только сейчас наше сообщество начинает понимать, что оно должно знать себя... а это означает, что оно должно знать, кто и что сделал, кто и что делал... это все глупости, что рукописи не горят, что в коллективном сознании все хранится, что при желании (а откуда возникнет это желание?) все можно узнать о прошлом... это от лени такое мифотворчество... от общего и исторического бескультурья...» [39]. В начале февраля 2005 года Кесельман ответил на мои первые вопросы, а закончилась наша работа лишь в конце второй декады сентября. В октябре интервью пришло к читателям «Телескопа» [24]. Завершался год статьей о том, как в середине 1980-х была остановлена публикация книги, подготовленной В.Б. Голофастом [5].

В 2006 году в «Телескопе» опубликованы полные тексты интервью с Е.Э. Смирновой [33], Р.С. Могилевским [30] и Д.Л. Константиновским [25], а также текст моего собственного интервью, проведенного Б.М. Фирсовым [13]. Материал А.Н. Алексеева [1] – это одновременно и фрагменты из его 4-х томника «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», и краткое интервью с ним. Интервью с А.Г. Здравомысловым [19] и В.Э. Шляпентохом [38], появившиеся в двух последних выпусках «Телескопа», – это фрагменты полных текстов, опубликованных в других изданиях. А вот интервью с Н.И. Лапиным, взятое в рамках рассматриваемого проекта, будет опубликовано в первом номере «Социологического журнала» за 2007 год [26].

В целом, с момента представления журналом рубрики по современной истории советской социологии там было опубликовано около двух десятков статей общим объемом почти в 30 печатных листов. И не было ни одного выпуска, в котором эта тематика не рассматривалась.

Все материалы рубрики публикуются на американо-российском сайте по истории российской социологии постхрущевского периода и методологии биографического метода [29]. Сайт создан и развивается бывшим ленинградцем, профессором социологии Университета штата Невада в Лас-Вегасе Дмитрием Шалиным и автором настоящей статьи Таким образом, проект, зародившийся на страницах «Телескопа», получил определенное международное развитие.

Замысел уточняется: от истории социологии к биографиям и судьбам социологов

Анализ первых проведенных интервью потребовал заметного уточнения программы исследований, контуры которой были обозначены при обосновании новой рубрики «Телескопа». Причины корректировки можно объединить в две группы: углублялось понимание методологии исследования и прояснялись логика и организация проекта.

К тому моменту у меня уже был опыт историко-науковедческих исследований двухвекового становления опросов общественного мнения в США и некоторые навыки биографических изысканий. Все это еще предстояло обобщить [12], но уже было понимание того, что история – дальнозорка. Необходимо время, чтобы главное, что привлекает внимание историка, устоялось, улеглось, чтобы обозначились тенденции, зародившиеся в прошлом. К тому же, если раньше мне приходилось работать с биографиями людей, которых я не знал лично и которых уже не было в живых, то здесь предстояло анализировать деятельность социологов, продолжающих активно работать и – в некоторых случаях – десятилетиями близких мне.

Логика, методика и организация исследования, начатого по инициативе «Телескопа», во многом детерминировались тем, что я живу в Америке и не имею возможности для длительного пребывания в России. Потому я не могу использовать такие традиционные и эффективные методы исторических поисков, как работа в российских архивах и библиотеках, посещение научных центров в различных частях страны и встречи с большим числом социологов, обсуждение “лицом-к-лицу” промежуточных результатов исследований со специалистами. Учитывая также и другие факторы, пришлось искать такой путь изучения прошлого, по которому я мог бы двигаться самостоятельно, лишь в отдельных случаях обращаясь за помощью к коллегам.

При сохранении генеральной направленности исследования – изучение современной истории российской социологии –на первом этапе оказалось целесообразным сконцентрироваться на анализе биографий тех, кто стоял у истоков советской социологии, и тех, кто шел непосредственно за ними. Эта задача много у́же исходной, но ясно, что без понимания того, кто, как и когда формировал социологическое знание о жизни советского общества во второй половине XX века и кому пришлось закладывать основы социологического изучения современной российской действительности, исходная задача в принципе не решается. Более того, исследование биографий советских социологов-перовопроходцев – это не некая периферийная тематика, изучение которой может быть отложено на будущее, но одна из центральных для понимания процесса зарождения современной отечественной социологии и многих особенностей ее развития. Представители первых поколений, являющиеся активными участниками, вершителями этого прошлого, как и все люди, не вечны. В их памяти хранится уникальная информация о становлении социологического знания и функционировании нашего социологического сообщества. Ценность этой информации будет расти со временем, но если ее сейчас не собрать и хотя бы слегка не обработать, многое пропадет навсегда.

Таким образом, фокус внимания проекта сместился с истории советского этапа российской социологии на биографии советских социологов. А в перспективе – на их судьбы. Биография человека начинается с момента его рождения и завершается его смертью. Судьба – закладывается до рождения,

включает биографию и во множестве форм существует после смерти человека. Биография – ограничена социальным пространством-временем. Судьба – в принципе не имеет подобных ограничений.

Исследования истории социологии и биографий социологов сущностно различны. Во-первых, у них разные предметы и объекты: первая тема относится к истории становления науки как социального института, вторая – является областью социологии личности и социологии творчества. Во-вторых, история социологии – продукт анализа историка, не обязательно работающего в социологии, в то время как изучение судеб социологов должно делаться человеком «своего» цеха. В-третьих, описание прошлого социологии должно обладать хотя бы минимально обоснованной мерой полноты. Применительно к биографиям социологов тема может раскрываться – во всяком случае, в начале исследований – на основе монографического подхода. В-четвертых, история социологии в принципе не может быть извлечена из биографий тех, кто создавал эту науку, поэтому биографический метод не может быть основным, ведущим при изучении и написании истории, он – вспомогательный. Наоборот, при изучении судеб социологов биографический метод – основной. Наконец, история социологии – это описание того, как во взаимодействии государства, общества и ученых-социологов формировалась данная дисциплина: как возникали исследовательские центры, сколько людей в них работало, как создавалась и функционировала система подготовки кадров, география развития науки и т. д. Биографии, или начало судеб, отдельных людей здесь лишь дополнение, иллюстрации обнаруживаемых макротенденций. В биографическом анализе все извлекается из рассказов людей о себе и о своих коллегах, и здесь «макро» является не самостью, а фоном.

Квалиметрические критерии или личные отношения?

Биографические интервью людей, достигших определенных успехов и признания в своей профессиональной деятельности, во многом отличаются от других видов, форм, типов социологического интервью. Особенно если сами респонденты – социологи, десятилетиями использовавшие различные формы опроса населения и его отдельных групп. Здесь мы имеем дело со специфической, многошаговой рефлексией опрашиваемого и опрашивающего по поводу задаваемых вопросов. Это нечто аналогичное тому, что испытывают два опытных врача при обсуждении болезни одного из них.

Проблема отбора людей для проведения интервью возникла сразу, но специфика сбора данных – личные и весьма продолжительные интервью по электронной почте – не требовала априорного ответа на все методические и организационные вопросы комплектования выборки. Интервьюирование можно было начинать сразу, поскольку генеральная совокупность исследования в целом была ясна и несколько «жертв» для проведения опроса были намечены сразу.

Носителями информации о становлении постхрущевской российской социологии являются люди, участвовавшие в этом процессе, задававшие его основную конфигурацию и непосредственно наблюдавшие все происходившее. В хронологическом отношении речь идет об относительно узком временном интервале – от конца 1950-х до начала 1980-х. Поскольку в те годы, особенно в первой половине указанного отрезка времени, научных центров было немного, а массовой подготовки социологов не проводилось, генеральная совокупность

настоящего исследования относительно невелика. Однако ее границы расплывчаты, и ее полный охват невозможен. Многих участников этого процесса нет в живых; кто-то уже отошел от социологии. Ряд специалистов, внесших заметный вклад в развитие советской социологии, теперь живут в независимых постсоветских государствах, и, хотя многие из них активно продолжают свою профессиональную деятельность и их воспоминания могут быть крайне ценными, на настоящем этапе работы я не включил их в изучаемую генеральную общность.

В целом, ориентация на проведение монографического исследования смягчает требования к репрезентации генеральной совокупности, тем более что, когда целью является изучение биографий, судеб людей, трудно априори очертить свойства генеральной совокупности.

Начинать опрос следовало по возможности быстрее, поэтому первым критерием для отбора респондентов оказалось наличие у них электронной почты. Время показало, что это не слишком жесткий критерий; в начале нового века электронная почта подавляющим числом социологов старших поколений уже освоена. Вместе с тем, отсутствие доступа к электронной почте нескольких потенциальных респондентов не позволили провести с ними запланированные интервью.

Второй критерий – возраст опрашиваемых. Ниже эта тема будет рассматриваться подробнее, сейчас лишь замечу, что в основном это люди, представляющие узкий возрастной промежуток: старшие – приближаются или уже отметили 80-летие, младшие – не моложе 60 лет.

Третий критерий – успешность деятельности социолога. Она не связывалась напрямую с наличием степеней и званий, должностным статусом, количеством опубликованных книг и т. д. Речь идет скорее о признании потенциального респондента профессиональным сообществом. Обе эти грани успешности, если говорить о социологах первых поколений, не противопоставлены друг другу. К настоящему моменту завершены или находятся в работе 29 интервью: 21 респондент обладает высшей научной степенью (из них: один академик и три члена-корреспондента РАН), семеро – кандидаты наук и один не имеет научной степени.

Безусловно, значимым фактором участия в опросе является характер моих личных отношений с потенциальными респондентами, особенно важным это было в начале работы. Выше были приведены некоторые реакции людей на предложение поговорить об их жизни; это отклики друзей, благодаря которым опрос «стартовал». В той же мере я ценю согласие, полученное от всех, к кому я обращался, ведь решиться на биографическое интервью нелегко. Во-первых, это трудоемкое дело: приобретя некий опыт, я предупреждал, что беседа будет длиться не менее чем пару месяцев. Во-вторых, говорить о себе – дело сложное; это не просто воспоминания, но осмысление прожитого, и при этом – в присутствии множества потенциальных слушателей...

Онлайновое интервью: метод одновременно спасительный и эффективный

Интервью по электронной почте, являющееся одной из разновидностей онлайнового опроса, – это опросная технология, применяемая при выявлении мнений представителей различных локальных и дисперсных групп по широкому кругу проблем. Для меня данный метод стал единственно

возможным, технологически реализуемым приемом опроса социологов, живущих в России. И потому, даже не зная его достоинств и недостатков, я был вынужден начать его использовать. Специальные публикации по технике анкетирования по электронной почте отмечали сложности в достижении репрезентативности и указывали на низкую активность участия в опросе. Но эти моменты меня не очень волновали; задумывавшееся исследование в принципе не имело атрибутов массового выборочного опроса, применяемого при изучении общественного мнения.

С самого начала я определял мое биографическое интервью как специфическую форму коммуникации между хорошо знающими друг друга людьми. Интервью превращает наши отношения в определенном смысле в неравные (интервьюер – респондент), и, таким образом, каждый берет на себя новые коммуникационные функции. Проведя около трех десятков интервью и несколько раз выступив в качестве респондента, я отдаю себе отчет в том, насколько сложны и ответственны эти роли в диалоге, когда предметом обсуждения является биография, профессиональная деятельность одного из участников беседы.

Эти «разговоры за жизнь» не имеют ничего общего с разговорами, нередко возникающими у попутчиков в поезде, которые раскрываются друг другу, понимая, что скорее всего больше никогда не встретятся.

Все сказанное выше делало возможным еще до начала опроса трактовать жанр задумывавшихся интервью как синтетический, объединяющий в себе черты мемуаров и исторического исследования. Историзм должен был возникнуть постольку, поскольку темой интервью являются значимые для человека события его профессиональной жизни (а у подавляющего числа опрошенных другой жизни фактически и не было), мемуарный аспект – поскольку не предполагалось ограничивать опрашиваемых в их праве освещать прошлое так, как оно виделось именно им в описываемое время и как представляется сейчас.

После накопления определенного опыта мне представляется, что интервью по электронной почте оказалось релевантным этой исследовательской установке.

Во-первых, получив определенную порцию вопросов, отвечающий может спокойно, в привычной ему обстановке, подумать, вспомнить, обратиться к документам или дневниковым записям, которые многими ведутся на протяжении десятилетий, уточнить что-то по своим публикациям и лишь затем отвечать.

Во-вторых, постепенно интервью превращается в диалог: спрашивающий и отвечающий имеют возможность уточнить вопросы и ответы. Случалось, что респондент возвращался к вопросам, на которые он уже ответил, и дополнял сказанное несколькими страницами текста. Обычно такие дополнения – о «наболевшем», о давно хранившемся в памяти, но почти забытом, это более личностное, чем сказанное ранее. Это – мемуарность.

В-третьих, почти всегда переписка, относящаяся непосредственно к интервью (повторю, в целом оно длится несколько месяцев), дополняется, окаймляется обсуждением многих тем, выходящих за рамки предмета. И это придает самому интервью более неформальный, дружеский тон, сближает опрос с беседой.

В-четвертых, в этом методе интервью, в отличие от, скажем, беседы под диктофон, интервьюер не сидит напротив и своим присутствием (молчанием

или взглядом, нетерпением или репликами...) не влияет на мнение респондента. Последний остается сам с собою, он думает и пишет, отвечая даже не на сам вопрос, а на собственную версию этого вопроса. Мне не раз приходилось видеть, что мой собеседник понимал вопрос не так, как я предполагал. Вот эта свобода респондента в интерпретации вопроса, в выборе времени для ответа, а также пребывание в привычной для него (как правило, домашней) обстановке сближает ответы человека с тем, как если бы он просто записывал свои воспоминания.

Опубликованные интервью говорят об эффективности избранного метода опроса. Это по-настоящему обстоятельные и исповедальные беседы.

О роли интервьюера

Условиями проведения интервью оговаривалась его последующая публикация, и этот факт имеет серьезное, системообразующее значение и для характера общения «интервьюер – опрашиваемый», и для результата электронной беседы. Каждый понимает, что сказанное вскоре станет опубликованным и заживет своей собственной жизнью. Пройдет время, какие-то факты, события, обстоятельства, приведенные в интервью, будут проверены и приняты профессиональным сообществом и, как результат, войдут в историю социологии; рассказы, воспоминания о людях помогут восстановить коммуникационные сети, существовавшие в разные периоды развития отечественной социологии, и лучше понять пути ее движения. С другой стороны, что-то окажется неверным, ошибочным с исторической точки зрения, противоречащим документам и воспоминаниям других участников описываемых событий. Это вполне возможно, ибо жанр интервью, характер общения не предполагает того, чтобы опрашиваемый при описании своей жизни постоянно сверял воспоминания с какими-либо записями, документами. Да чаще всего это и невозможно. Ведь речь идет о воспоминаниях того, что в момент свершения чаще всего виделось обыденным, но потом в силу различных причин стало личностно и/или исторически значимым.

Все электронные беседы строились примерно по одному плану, но интервью не было стандартизованным. Оно не могло быть таковым, ибо это противоречило бы стремлению к максимальному раскрепощению респондента и приданию интервью духа мемуарности. Таким образом, первая задача, которую мне приходилось решать, – это уловить, как развивается мысль респондента, и своими вопросами или молчанием дать ему возможность наиболее полно раскрыть то, к чему он стремился на каждом этапе интервью. По содержанию ответов, их аргументированности и детальности можно было пытаться понять, интересна ли респонденту та или иная тема или она не кажется ему заслуживающей обсуждения. В первом случае я стремился дополнительными вопросами стимулировать воспоминания, во втором, получив ответ общего плана, переходил к новой теме.

Сразу же определилась еще одна роль интервьюера, которую можно назвать редакторской; ее приходится выполнять постоянно, но наиболее сложным это становится на стадии подготовки текста интервью к публикации. Дело в том, что, неспешно начинаясь и развиваясь, интервью с какого-то момента стремительно набирает темп и наращивает объем: человек осознает, что есть реальный повод рассказать о прожитом и сделанном и неизвестно, представится ли ему еще такая возможность, и если да, то как скоро. Таким

образом, завершить интервью, прервать поток воспоминаний часто оказывается не легче, чем ответить на первые вопросы. Начинать страшно, завершать – грустно, а, может быть, наоборот. Но объем публикации в «Телескопе» – это, как правило, два печатных листа. И тогда интервьюеру, естественно, в сотрудничестве с респондентом, приходится текст «резать». И главная трудность – не технологическая, а этическая: по сути, приходится как бы указывать человеку, что в его жизни или в его суждениях второстепенно.

Существует и более сложный в этическом отношении момент. Мне приходилось просить респондентов снять или смягчить слишком резкие оценки деятельности или высказываний их коллег. Речь шла о ситуациях, имевших место десятилетия назад, и все эти годы негативная реакция жила в душе человека, и теперь у него появилась возможность высказаться. Методология биографических интервью не дает однозначного ответа относительно права интервьюера-исследователя рекомендовать респонденту воздерживаться от резкостей. Есть точка зрения, согласно которой все произнесенное опрашиваемыми должно сохраняться, ибо эти оценки – часть жизненных реалий и характеристика сознания людей. Теоретически это положение мне импонирует, в нем есть логика и последовательность, но на практике следование ему способно привести к появлению в печати массы заявлений, суждений, потенциально «напрягающих» наше и без того далекое от единства социологическое сообщество. Если бы собираемые сейчас интервью лишь архивировались для публикации в середине XXI века или позже, тогда, возможно, в них надо было бы все сохранять: пусть разбираются во всем следующие поколения социологов. Но тексты интервью публикуются сейчас, и потому мне нечасто, но все же приходилось отдельные высказывания моих респондентов корректировать или просто не публиковать. Я благодарен всем, кто, неся ответственность за сказанное, отнесся к этому с пониманием.

Два главных направления анализа биографий

Рассматриваемый историко-науковедческий проект продолжается: в работе находится значительное число интервью, многое в методологии анализа собранной информации требует проработки, приходится думать о стиле (жанре) изложения. Крайне сложной представляется проблема обобщений, комментариев (или воздержания от них) по поводу приведенных в интервью фактов и суждений.

Опыт изучения событий середины прошлого века и еще более раннего времени ограниченно применим при анализе процессов «близкого» прошлого. Ряд новых граней этого кажущегося тривиальным положения обнаружился, когда от исследования деятельности Гэллапа, Роупера, Кроссли и людей их поколения я перешел к изучению биографий выдающихся американских полстеров второй половины XX века. Первой реакцией на осознание этих сложностей стал поиск нового подхода к изучению прошлого, который пока обозначен как оперативное историко-биографическое исследование [14]. Оно ориентировано на изучение биографий людей, чей жизненный путь уже завершен, и значение этих поисков видится прежде всего в том, чтобы сейчас, пока живы и работают люди, знавшие их и дружившие с ними, собрать информацию, которая может исчезнуть в обозримом будущем.

Еще много сложнее – анализировать историю постхрущевской российской социологии, ведь этот анализ касается прошлого-настоящего (и в

значительной мере будущего) большого количества людей, продолжающих активно работать: проводить теоретические и эмпирические исследования, публиковать статьи и книги, читать лекции, встречаться со своими коллегами внутри страны и за рубежом. Как правило, все они знают друг друга и говорят друг о друге в своих интервью или пишут в своих воспоминаниях. Поэтому любой, кто в ближайшие годы будет исследовать творческие биографии действующих российских социологов, столкнется со значительными сложностями профессионального и этического плана.

И все же собранные материалы уже сейчас позволяют сформулировать ряд задач историко-науковедческого характера, которые наиболее успешно могут решаться на основе биографических интервью. Одни из них формулировались при разработке сценариев проведения интервью, другие – возникли в процессе изучения собранного эмпирического материала. В целом имеет смысл говорить о двух главных направлениях теоретико-эмпирического анализа полученной информации. Первое – история в биографиях и второе – биографии в истории.

История в биографиях – это то, каким представляется прошлое российской социологии в воспоминаниях первых поколений социологов. Можно сказать и несколько иначе. История в биографиях это то, что можно узнать о становлении и развитии социологии из рассказов очевидцев: какие события профессионального плана они вспоминают, как они их оценивают, каким образом они сегодня, по прошествии десятилетий, видят те события и процессы.

Механизмы памяти таковы, что запоминается и при опросе всплывает из прошлого лишь важнейшее, а точнее – то, что тогда или по истечении многих лет представляется таковым. При стремлении ответить на вопрос «Что и как было?» человек прежде всего вспоминает факт, некую картину событий, свое эмоциональное ощущение происходившего, но далеко не всегда способен точно датировать запомнившиеся события и дать их «объективное» описание. Здесь вообще трудно говорить об объективности, ибо само восприятие происходившего было актом субъективным, к тому же за прошедшие годы оно, осознанно или непроизвольно, могло еще более субъективизироваться. Не просто прошли годы – но жил и действовал в том прошлом один человек (молодой, еще мало что сделавший, с неглубоким жизненным опытом), а вспоминает – совсем другой (порой лет на 40–50 старше, зрелый профессионально, часто – с тяжелыми думами о прожитом). Потому в восприятии и описании того далекого одни аспекты, грани событий могли «потеряться», «исчезнуть», другие, наоборот, стать ярче, зримее. К тому, что было в действительности, могло «приклеиться» то, чего вообще не было или было, но присутствовало в другом событии, в другое время, в ином окружении.

Кроме того, в интервью человек не только рассказывает о прошлом, настоящем, рассуждает о будущем; в сказанном и умолченном он подает себя таким, каким представляет себя сейчас и/или каким он хочет, чтобы его видели. Причем не только сегодняшние читатели, многие из которых знают этого человека десятилетиями, но и социологи новых поколений.

С другой стороны, без этого личного, ауторефлексивного, «субъективного» историю социологии не узнать, не описать. Замечу, тех, кто будет знакомиться с биографиями, нередко это личностное в описании событий и людей будет интересовать не менее, чем фактическая сторона дела. Так, при обсуждении одного из опубликованных интервью Л.Е. Кесельман заметил: « ...в

какой-то момент я сообразил, что, по сути, в этих сюжетах ценна не столько информация о событиях, сколько видение этих событий твоими собеседниками» [42].

Биография – это некий уникальный, единственный и неповторимый синтез социального, физического и биологического времени, это история конкретного человека и одновременно некая в чем-то уменьшенная, но где-то увеличенная копия того периода большой истории, в котором он жил. Автобиография, являющаяся продуктом, итогом биографического интервью, это отрефлексированное описание человеком своей жизни, или отретушированная самофотография, автопортрет, созданный художником в определенном интерьере и при продуманной им постановке света. Можно допустить, что автобиография социолога выстроена с более глубоким пониманием специфики социального времени, в котором ему было суждено жить, чем автобиография представителя иной профессии. Другими словами, в рассказе первого более зримо присутствует дух, специфика среды его социализации и жизнедеятельности; опыт А.Н.Алексеева показывает, что ауторефлексия социолога с большей вероятностью, чем у другого типа респонентов, социологична.

Потому с полным основанием можно говорить еще об одном направлении изучения полученных интервью – биографии в истории. Это исследование того, как история страны отражена, представлена в биографиях социологов, какие социально-политические и иные реалии определяли их жизнь, что формировало их гражданские установки и профессиональные воззрения.

В атмосфере «оттепели» советская социология возникла «сама по себе»

Указанные выше два исследовательские направления – это стратегия, сверхзадача рассматриваемого проекта, это – на будущее. Пока же ставится более узкая и скромная задача: выделить несколько сюжетов, получивших освещение в ряде интервью, определить основные позиции опрошенных по соответствующим темам, сформулировать первые выводы и попытаться новые поисковые задачи для последующего историко-науковедческого поиска.

Кто сотворил социологию

В 1994 году, открывая дискуссию о возникновении Ленинградской социологической школы, В.А. Ядов упомянул «круглый стол» по истории советской социологии», проходивший в том же году в Институте социологии РАН. Оказалось, что среди полутора десятков участников не нашлось и двух человек, чьи точки зрения совпали. Он сказал: «Никто правдивую историю не напишет: она видится с разных точек зрения по-разному» [27]. По Ядову получается, что существует некий единый предмет анализа – процесс становления и развития социологии в СССР, и все говорят о разных гранях, аспектах этого процесса. В действительности же, думается, нередко речь идет о прошлом разных процессов; каждый говорит об истории именно «своей» социологии, но это обстоятельство маскируется расплывчатостью используемых терминов.

Вопрос о генезисе, происхождении советской социологии является одним из ключевых для истории этой науки. Дело не в исчислении «дня рождения социологии», ясно, что это был достаточно продолжительный процесс, но в указании событий, определивших развитие ее самости, то есть присущей ей методологии и методов, всей практики функционирования социологии как социального института.

Так, Л.Н. Коган, по сути, отсчитывает развитие современной советской социологии с начала 1950-х годов, когда по инициативе М.Т. Иовчука в позднесталинские годы было проведено первое анкетирование на предприятиях Екатеринбурга (Свердловска) и Нижнего Тагила. Методической базой работы была чудом сохранившаяся книга, в которой приведены итоги социально-гигиенического обследования рабочих Урале в середине 1930-х годов. Однако все случившееся с материалами опроса, проведенного сотрудниками Иовчука после сбора данных, вынудило Когана признать, что полученный ими результат был значительным шагом назад в сравнении с исследованием далеких 1930-х [Коган Л.Н., 32, с. 286]. Сегодня, зная, как происходило становление советской социологии, у нас нет оснований говорить о том, что первые уральские опросы детерминировали развитие ее методологии и методов.

Аналогично, нельзя говорить о том, что созданная в 1958 году Советская социологическая ассоциация (ССА) стала импульсом для развития социологии в стране. Г.В. Осипов вспоминает, что Ассоциацию создали два-три человека, «больше никого, в общем, тогда и не было» [Осипов Г.В., 32, с. 95]; то есть было несколько генералов, но не было армии, в существовании которой, думается, и не все генералы были заинтересованы. В действительности социологическая армия, долгое время малочисленная, слабо обученная и плохо вооруженная, формировалась, зарождалась волонтерами. Позже ССА сыграла значительную роль в жизни социологического сообщества, но нельзя было создать науку «сверху»; процесс шел «снизу», иногда при поддержке власти, но временами вопреки ее действиям.

Взгляд назад показывает, что новыми социологами могли стать и стали люди не просто талантливые, хорошо образованные и работоспособные, но готовые годами выдерживать суровые идеологические, жизненные испытания и сохранять социальные идеалы молодости. Отсутствие у этих людей социологической подготовки в конце 1950-х – начале 1960-х годов компенсировалось их стремлением к совершенствованию социализма, детьми которого они были и в возможность улучшения которого искренне верили. В те годы были ученые, знавшие философию, историю, экономику лучше, чем их тридцатилетние коллеги, но старшие были многократно биты – в прямом и переносном смыслах.

Наступало время людей, чувствовавших, отгадывавших в социальной атмосфере, в лишь намечавшихся общественных преобразованиях новые вызовы, а в себе – силы, амбиции, желание, кураж ответить на них. Нужен был некий романтизм и значительный запас социального оптимизма. Необходимо было некое, пусть умеренное, допустимое бунтарство, стремление к поиску новых социальных, если не горизонтов, то технологий. При этом новые должны были уметь сотрудничать с либерально настроенными представителями властной элиты.

И, как это ни покажется странным, этим новым людям нужно было незнание, точнее – лишь частичное знание истории своей страны и даже прошлого своей семьи. Все былое не должно было «придавливать» их думы,

лишать их воли. Знание дореволюционных реалий, не канонизированных идеологией страниц Гражданской войны, правды о коллективизации, реальные представления о размахе борьбы с «врагами народа» в конце 1930-х, знакомство с существованием ГУЛАГов и многое другое могло оказаться тяжелейшим интеллектуальным и душевным грузом для тех молодых, которым историей было предначертано создание советской социологии. Очень точно сказал И.С. Кон: свободомыслие его поколения отчасти было выстрадано молчанием их предков [Кон И.С., 32, с. 114]. Эти люди не ощущали личной ответственности за случившееся в стране до их рождения и в ранние годы их социализации.

Биографические материалы показывают, что «шестидесятники», сотворившие советскую социологию, во многом и были таковыми. Историю своих семей они знали поверхностно, им был близок дух «комиссаров в пыльных шлемах», и, создавая новую социологию, они не были отягощены знанием опыта дореволюционных российских и ранних советских социологов.

Б.А. Грушин поступил на философский факультет МГУ, будучи одержимым проблемами морали, он хотел улучшить свое поколение [8, с. 3]. Но время делало его другим: «Я снял с себя кожаную куртку и маузер Корчагина в 49-м году, в пору борьбы компартии с космополитизмом»; М.К. Мамардашвили отмечал, что Грушин вырос из «обыкновенного, банального комсомольского активиста…» [8, с. 12]. По воспоминаниям И.С. Кона, его знакомство с Ядовым началось с серьезного замечания, полученного им от него – тогда секретаря райкома комсомола. На комсомольском собрании Кон сказал, что в юности он увлекался комсомолькой работой, по мнению Ядова, комсомол был настолько серьезным делом, что увлекаться им нельзя было [27, с. 58]. А поворотным моментом в судьбе Ядова было его исключение из партии в 1952 году за то, что при вступлении в КПСС он не сказал, что в 1928 году его отец состоял в зиновьевской оппозиции. Заявления о том, что отец никогда не говорил ему об этом, никто не слышал [46, с. 2]. Среди предков Я.И. Гилинского были люди, входившие в дворянскую элиту России и Украины, и на один из моих вопросов он ответил: «До “оттепели” дома никто никогда, разумеется, о “врагах народа”, беглых белых офицерах, егерях Его Величества и т. п. не говорил». Лишь в первые послевоенные годы его допустили к семейным «тайнам» [6, с. 4–5]. Родители отца и матери Шляпентоха были состоятельными людьми, и революция была для них катастрофой. Он знал об этом. Не были для него секретом и репрессии 1930-х годов, но он понял все происходившее только в конце 1940-х, обучаясь в университете [38, с. 2].

Еще предстоит тщательно проанализировать, с каким теоретическим и методическим багажом пришли «первые» в социологию, но базовую гипотезу можно сформулировать уже сейчас. Они были выдающимися студентами, общались с опытными профессорами и потому неплохо знали марксизм как логику науки и как базу социального познания. Вместе с тем их образование не включало методологию буржуазной теоретико-эмпирической социологии и эмпирические методы сбора и анализа социологической информации. Конечно, все они были знакомы с какими-то работами довоенных советских социологов, но в этих знаниях не было системы.

В интервью, данном несколько лет назад В.В. Козловскому, В.Я. Ельмеев подвергает сомнению утверждение, что в советский период, после 1920-х и вплоть до 1960-х годов, социологии не существовало. Кроме того, по его мнению, преподавание социологии в ЛГУ начиная с 1917 года не прерывалось.

Он вспоминает, «что в 1948–1949 гг. слушал лекции по истории русской социологии Н.Н. Андреева, работавшего в университете еще с П.А. Сорокиным» [15]. Несколько удивленный этим, я недавно обратился к А.Г. Здравомыслову и В.А. Ядову, учившимся в одно время с Ельмеевым, с вопросом, не помнят ли они эти лекции. Здравомыслов ответил, что был «доцент в военной форме, который читал лекции по русской философии (отнюдь не социологии – это было бы невозможно)» [41]. Ядов, в телефонном разговоре, вспомнил лекции Андреева, но, по его мнению, это был не рассказ о русской социологии, но скорее критика дореволюционной социальной философии [34].

Для подавляющего числа специалистов очевидно наличие разрыва между постхущевской и ранней советской социологией, однако А.Г. Здравомыслов высказал более тонкое суждение. По его мнению, профессиональной преемственности с предшественниками 1920-х годов у его поколения не было, Булат Окуджава имел для становления советской социологии большее значение, чем Питирим Сорокин. Одновременно Здравомыслов указал на сохранение определенного культурного капитала, передававшегося и осваивавшегося новыми поколениями вместе с переживанием и осмыслением опыта становления личности [19, с. 4-5]. С этим суждением можно согласиться, однако следует признать, что на рубеже 1950–1960-х годов подобного осмысления и поддержания столь непростых рационально-эмоциональных контактов с социологией 1920-х у тридцатилетних советских марксистов, скорее всего, не могло быть. Оно могло возникнуть позже, когда основное видение конструкции советской социологии уже сложилось. Поэтому, скорее всего, сказанное Здравомысловым – это «реконструкция сегодняшнего дня» [32, с. 62].

По мнению В.А. Ядова, «эвристическая ценность публикаций царско-романовского периода, первых пятилеток, военного периода 1941–1945 и двух пятилеток послевоенного времени» – во всяком случае, при изучении в 1960-е годы процессов отношения к труду – не представлялась высокой. И далее: «Дореволюционная рабочая Россия великолепно описана классиками литературы и представлена бурлаками Репина и “Эй, ухнем!” шаляпинским басом. Какая там загадка с мотивацией? Полурабский труд. После Октября Троцкий инициировал “трудармию”, в Отечественную все жили единственной мыслью: “Мы за ценой не постоим” и далее – “Восстановим народное хозяйство во что бы то ни стало”. Бригады коммунистического труда в хрущевское время – вот что нам было интересно» [46, с. 6].

В.Э. Шляпентоху, имеющему статистическое образование и занимавшемуся проблемами выборки, я задал два «лобовых» вопроса: оказали ли на него влияние работы русских земских статистиков и могла ли оказать влияние на развитие советской социологии книга В.И. Ленина о развитии капитализма в России. Ответы – тоже однозначные: по первому: «Буквально никакого, хотя я кое-что знал о них», и по второму: «Я хорошо знал работы Ленина и относился к его анализу статистических данных вполне уважительно... Однако влияние Ленина на нашу социологию в 60-е годы было равно, по моему мнению, нулю» [37, с. 624].

Получается, что советский вариант социологии как теоретико-эмпирической науки даже в сезон «оттепели» не мог произрасти на базе лишь «одного» марксизма, к тому же без серьезной подпитки со стороны русской и ранней советской социологии, которые явно несли на себе черты

западноевропейской философской и теоретико-эмпирической культуры. Вырасти могла лишь истматовская версия социологии, в качестве примера которой Ядов называет книгу В.П. Рожина «Введение в марксистскую социологию», вышедшую в свет в 1962 году. Другой пример, – это трактовка социологии, многие годы отстаиваемая В.Я. Ельмеевым, который еще в 1949 году проводил эмпирические исследования, но являлся последовательным противником позитивистских, а позднее феноменологических методов. В стороне от магистральных направлений развития социологии могло возникнуть лишь нечто похожее на социологию, но не радовавшееся этой схожести и откзазывавшееся от родства с нею. Это был – научный коммунизм.

По мнению В.А. Ядова, первые советские социологи возникли «сами по себе» [Ядов В.А., 27, с. 11] из людей, не имевших социологического образования. Мне представляется, что «сами по себе» – должно иметь иную, более сущностную интерпретацию. Советская социология возникла тогда, когда, будучи марксистами, молодые философы «сами по себе», но благодаря «оттепели» нашли в себе мужество обратиться к буржуазным теориям и позитивистским методам и сделали первый шаг по направлению от идеологизированного советского марксизма к полипарадигмальности. Не манифестируя этого движение, а возможно, и не осознавая его в полной мере.

Представляется, что одним из перспективных направлений в разработке истории советской социологии (или советского этапа российской социологии) может стать изучение становления ее полипарадигмальности: идеи, события, люди.

Три первых поколения советских социологов

Долгое отсутствие в СССР системы подготовки социологов в университетах и институтах и высокая привлекательность работы социолога обусловили определенную специфичность формирования возрастного и профессионального состава первых поколений российских социологов советского периода. К тому же сложившийся механизм рекрутирования, привлечения новых людей к социологическим исследованиям в значительной степени детерминировал и характер, тип общегражданских установок, политических идеалов, социальных устремлений тех, кто в течение четверти века входил в эту науку вслед за создателями советской социологии.

Очень небольшая по численности группа молодых в то время людей признается сегодня первым поколением советских социологов, основателями этого научного направления. Преимущественно они имели базовое философское, экономическое или историческое образование и некоторый опыт работы по полученным специальностям. Большинство тех, чьи биографии представлены в книге Г. Батыгина [32], родилась в узком промежутке от 1926-го до 1931 года, модальный интервал – 1928–1929 годы. Их социологическая деятельность начиналась в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Все они самостоятельно осваивали эмпирические методы социологии и как некая общность, объединенная формальными и неформальными связями, разрабатывали методологию и практику теоретико-эмпрического анализа советского общества. Их социально-политические взгляды формировались событиями Великой Отечественной войны (ряд первых социологов принимали участие в боевых действиях) и атмосферой хрущевской «оттепели». Эту группу социологов будет оправданно называть «шестидесятники: первая волна».

Хотя поколенческий подход к анализу развития социологии в целом признается перспективным, реально в его освоении мало что сделано, в частности, не решен вопрос о числе поколений социологов, двигавшихся, или складывавшихся, непосредственно вслед за первым. Так, по мнению А.Г. Здравомыслова, следующим является поколение, которое примерно на 20 лет моложе социологов-шестидесятников [17]. Думается, что это утверждение носит слишком обобщенный характер и не отражает реальной ситуации. Кроме того, получается, что в течение долгого времени первое поколение работало без притока новых людей.

Начиная настоящую работу, я исходил из той точки зрения, что вслед за первым отрядом советских социологов-шестидесятников шли социологи моего поколения, которым сейчас уже больше 60 лет, но многие не подошли к 65-летию. Отвечая в интервью на один из вопросов Б.М. Фирсова, я говорил: «Моими “героями” являются, прежде всего, социологи двух поколений: твое, родившееся на рубеже 1920–1930-х, и мое, родившееся в первой половине 1940-х годов. Первые уже приобрели свое поколенческое имя – “шестидесятники”, вторых я пока называю по созвучию “шестидесятилетними”» [13, с. 3]. Однако собранные впервые в достаточно большом количестве интервью социологов разного возраста позволяют заметно уточнить границы и некоторые особенности становления поколений социологов, следовавших за первым.

Интервью Б.М. Фирсова и Я.И. Гилинского, незавершенная беседа с А.Н. Алексеевым, небольшая заметка и присланные мне рабочие материалы Ю.Л. Неймера, краткая беседа в декабре 2006 года с Ж.Т. Тощенко, а также известные мне биографии ряда действующих социологов дают основание говорить о существовании второго поколения советских (российских) социологов, по возрасту и социально-политическим воззрениям близкого к первому, но одновременно принципиально отличающегося от него. Эти люди родились в конце 1920-х – начале 1930-х годов, формировались в той же социально-политической и нравственной атмосфере, что и модальная по возрасту группа социологов-шестидесятников первой волны, но в силу жизненных обстоятельств пришли в социологию позже их, став – и это главное – их первыми учениками, последователями. Представители первой волны пришли в социологию с теоретическим багажом и исследовательским опытом, приобретенным при разработке проблем смежных с социологией научных направлений, при этом они, как правило, перешли «из науки (преподавания) в науку». У следовавших за ними (их тоже еще было мало) путь в социологию шел не только из науки; в социологию некоторых из них «толкнула» практика деятельности в других сферах и стремление разобраться в том, что они наблюдали.

Б.М. Фирсов, инженер-электрофизик, был секретарем по идеологии обкома комсомола Ленинграда, в 30 лет стал секретарем одного из центральных райкомов КПСС города, участвовал в работе XXII съезда партии, стал первым директором Ленинградского телевидения, но, будучи отторгнутым системой, в 36 лет пошел в аспирантуру. Его руководителем был В.А. Ядов. Я.И. Гилинский после окончания юридического факультета ЛГУ многие годы проработал в прокуратуре и адвокатуре и, уже будучи кандидатом юридических наук, начал свою социологическую карьеру, его наставниками стали первые социологи Ленинграда. Ж.Т. Тощенко после завершения философского факультета МГУ уехал по комсомольской путевке на строительство железной дороги Абакан-Тайшет. Лишь через десять лет после завершения университета он защитил

кандидатскую диссертацию по проблемам социального планирования в Академии общественных наук при ЦК КПСС. А.Н. Алексеев, получив филологическое образование и подготовку в области журналистики, быстро занял заметное положение в ленинградской прессе. Но стремление к более глубокому пониманию процессов, которые он анализировал и описывал как журналист, привели его в аспирантуру. Одним из его консультантов был В.А. Ядов. Примерно по тому же сценарию складывался жизненный путь Ю.Л. Неймера. Сначала – журналист, потом – аспирант Н.И. Лапина. Это поколение можно назвать – «шестидесятники: вторая волна».

Третье поколение – это уже люди без собственного опыта восприятия событий войны, они слышали о ней от взрослых, но лично столкнулись лишь с тяготами первых послевоенных лет. Их годы рождения – самый конец 1930-х – первая половина 1940-х. Середина этого временного интервала приходится на 1941–1942 годы, то есть это поколение примерно на 12 лет моложе первого. Атмосфера «оттепели» осознавалась ими через первые песни Окуджавы, записывавшиеся в те годы «на берцовых костях», стихи поэтов-фронтовиков и поэтов евтушенковского поколения, публикации «Нового мира». Так что по характеру мироощущения эту группу можно характеризовать как «младших шестидесятников»; во всяком случае многие из них так идентифицируют себя.

Путь в социологию этой группы начинался по-разному, но в основном – через социологическую аспирантуру или работу в социологических коллективах. Для понимания некоторых профессиональных и общегражданских качеств этой когорты социологов важно то, что они проходили «социологические университеты» почти одновременно с теми, кто выше был отнесен к шестидесятникам второй волны. В любом случае можно утверждать, что второе и третье поколения это как старшие и младшие дети в семье – у них общие «родители». Они учились у одних и тех же учителей и по одним и тем же книгам. Мне представляется верным замечание Л.Е. Кесельмана, сказавшего о тех, кого я сейчас отношу ко второму поколению, что они «такие же “дети” Ядова “со товарищи”, как и мы» [24, с.12], то есть представители третьего поколения.

Тот факт, что отблеск шестидесятничества лежит и на этой когорте советских социологов, объясняется не только тем, что оно развивалось в социальном пространстве «оттепели», но и тем влиянием, которое оказывали на него их учителя двух первых поколений. Скажем, в поле ленинградской социологии несколько десятилетий доминировали гражданские ценности, отстаивавшиеся А.Н. Алексеевым, И.С. Коном, Э.В. Соколовым, Б.М. Фирсовым и В.А. Ядовым. Мне крайне дороги слова В.А. Ядова, написанные им в начале нашего интервью, но не вошедшие в опубликованный текст: «Разница в возрасте 15–30 лет огромна. В наше время это разные поколения. Но мы, по сути, в одном поколении “шестидесятников”. Уже этого достаточно чтобы обращаться на “ты”».

Если среди первых двух поколений в основном были гуманитарии, то в третьем – значительная часть имела математическое, физическое, техническое образование. Такие специалисты были востребованы первыми социологами, которые сами не имели достаточных знаний в области математики, в то время как решавшиеся ими задачи предполагали использование вычислительной техники, понимание правил конструирования выборки, освоение достаточно сложных приемов шкалирования. Возможно, самой первой была известный теперь социолог Г.И. Саганенко; в 1962 году в лаборатории Ядова она,

завершая ЛГУ по кафедре математической статистики, писала диплом по обработке социологической информации.

Вхождение в социологию третьего поколения, значительная часть представителей которого имела математическое и техническое образование и была заметно менее политизирована, чем их старшие коллеги, позволяет сделать два вывода. Во-первых, это свидетельство того, что к тому времени советская социология уже достаточно отделилась от чистого истмата. Во-вторых, участие молодых в те годы сегодняшних «шестидесятилетних» (они же — «младшие шестидесятники») в развитии методологии и технологии теоретико-эмпирических исследований усиливало именно полипарадигмальность советской социологии. Эти новые в силу своего образования и особенностей общефилософских воззрений скептически относились к идеологизированному марксизму, но более тяготели к различным формам позитивизма.

Замечу, что в младших группах второго поколения социологов и среди тех, кто входит в третью профессиональную когорту, были люди, воспитывавшиеся принципиально в иной социальной среде, чем их наставники. Прежде всего, укажу на молодых в те годы первых социологов Эстонии и Литвы, отношение которых к марксизму и социализму, очевидно, не могло быть таким, как отношение поколения, родившегося в СССР в конце 1920-х годов. А ведь в 60-е годы российской социологии не было, была – советская, создававшаяся не только в двух главных городах страны, но и в республиках, регионах. Думается, что встречи в Кяярику потому и остались яркими, памятными для определенной плеяды советских социологов, что в Эстонии они чувствовали себя, по мнению В.А. Ядова, примерно так, как российские социологи сегодня на любой международной конференции; они говорили то, что думали, а думали как шестидесятники [46, с. 10.]. По сути, это было началом создания полипарадигмальной базы советской социологии.

Примечательный факт «западности» обнаруживается при изучении биографий опрошенных мною респондентов третьего поколения. Ф.Э. Шереги родился и формировался в венгерском регионе Западной Украины. Через венгерские издания он знакомился с работами классиков социологии ранее, чем они были изданы в СССР. Кроме того, об особенностях строительства социализма в Венгрии он знал не из советской прессы, а непосредственно из венгерских изданий [2]. Л.Е. Кесельман, отец которого до 1940-х годов был гражданином Румынии, провел детство и юность в Черновцах и Трускавце. В то время там еще продолжалось активное сопротивление бандеровцев. В своем интервью Кесельман рассказывает о своем школьном друге Владимире Павленко, работающим ныне в Социологическом институте РАН; в школьные годы он выучил польский и чешский языки, и это позволяло им иначе, чем рассказывалось в советских средствах массовой информации, видеть социализм [24, с. 6]. Родители А.Б. Гофмана – простые бессарабские евреи, а его детство и юность прошли в Кишиневе [3], где, можно быть уверенным, происходившие в СССР события воспринимались населением не так, как, скажем, в российских городах.

Итак, возраст является важным, но не единственным критерием для очерчивания контуров первых трех поколений современного российского социологического сообщества. Второй критерий – особенности вхождения в социологию. В частности, это относится к тем, кто родился на границах между вторым и третьим поколениями. Пришедшие в социологию сразу после вуза

скорее считают «своим» второе поколение, те же, кто поздно начал обучение (скажем, после службы в армии или после получения диплома), работал по базовой специальности и лишь затем начинал осваивать социологию, возможно, идентифицируют себя с третьим поколением.

Отношение к марксизму

Изучение отношения действующих советских социологов к марксизму и его будущему в России было исходно включено в программу настоящего историко-науковедческого проекта [9, с. 31]. Огромна библиотека работ о значении марксизма как теоретико-методологической советской социологии, большое число специалистов участвовало в нескольких дискуссиях на эту тему, защищены сотни диссертаций. Поскольку учение Маркса было одновременно идеологией советского общества и философской основой социологии, постольку оно было не только предметом академических разработок, но также элементом биографий социологов ряда поколений; для некоторых – детерминантой их профессиональной и личностной судьбы. Поэтому сегодня, когда происходит формирование теоретико-эмпрической платформы новой российской социологии, вопросы, касающиеся роли марксизма в прошедшие десятилетия развития отечественной социологии и его будущего, прямо затрагивают интересы многих действующих социологов. Детальность, с которой опрашиваемые отвечали на соответствующие вопросы интервью, показывает, что обозначенная тема действительно заслуживает обсуждения.

Впервые рассматриваемая тематика была обозначена в интервью с В.А. Ядовым. На вопрос о том, не чувствовал ли он скованности при изучении мотивации труда, оттого что надо было работать лишь в рамках марксизма, он ответил: «Я определенно был марксистом и сегодня никоим образом этого не стыжусь, много пишу о полипарадигмальности современной социологической теории, причем Маркс занимает далеко не последнее место, он рядом с Вебером... Маркс – величайший мыслитель» [46, с. 6]. Столь же однозначной была и его реакция на вопрос о перспективах марксизма в России: «Исходя из положения, что бытие определяет сознание, я уверенно прогнозирую ренессанс марксизма в разных неовариантах... Когда у нас в России “утрясется”, классовая теория Маркса будет неизбежно востребована» [46, с. 7].

Обстоятельным было рассмотрение темы марксизма в беседе с А.Г. Здравомысловым, позиция которого сводится к следующему. В дискуссиях 1950–1960-х годов вопрос об историческом материализме был вопросом о методологических основаниях исследований, а ссылка на марксизм – решающим аргументом для обоснования их необходимости. Теперь в научном мышлении и в методологии исследований социологии утвердилась идея плюрализма. Во многих российских вузах еще не усвоено новое понимание марксизма, он входит в комплекс тех понятий, которые вызывают страх до дрожи в коленках; есть «идеологические борцы» против марксизма, которые всех перепугали. Но Маркс создал каркас социологического знания, который невозможно устранить, нельзя возвратиться в домарксистскую эпоху, хотя у нас таких любителей движения вспять много [18].

Теперь приведу фрагменты интервью с Н.И. Лапиным, многие годы занимавшимся историей и методологией марксизма: « С утверждением идеологического плюрализма в нашем обществоведении, прежде моноидеологичном, стало естественным принимать или не принимать те или

иные учения, в том числе марксизм. Теперь это вопрос личного выбора каждого обществоведа... Между тем нередко, как и прежде, только не под идеологически-административным давлением, а по привычной инерции мышления, наблюдается либо полный отказ от всех идей Маркса, либо безоговорочное их принятие; то и другое малопродуктивно». И далее: «По моим представлениям, методология и многие идеи Маркса остаются одним из важнейших достижений мировой социальной мысли, которое взаимодействует с другими достижениями и эволюционирует вместе с ними. Надеюсь, это относится и к мейнстриму российских социальных наук, включая социологию» [26, с. 117].

Иным представляется марксизм Р.С. Могилевскому, которого можно отнести к представителям третьего поколения социологов. «Не мне поправлять Ядова. Очевидно, у него есть резоны так утверждать. У меня другая точка зрения. Я полагаю, марксизм займет место в музее истории социологии, не более того. Он не прошел испытания историей. Ни один из догматов марксизма не был подтвержден исторической практикой». Аргументируя сказанное, он говорит, что не согласен с утверждениями, будто происходившее с СССР было извращением марксизма, по его мнению, то «была именно жизнь, в которой нашли воплощения основные положения марксистской теории» [30, с. 12].

Е.Э. Смирнова, также представитель третьего поколения социологов, высвечивает еще один аспект обсуждаемой темы: «Марксизма, кажется, в российской социологии не стало, а вот Маркс изучается, включается в работы именно там, где его идеи уместны, несут объяснительную силу. Теперь при защите любой работы, слава богу, не нужно цитировать Маркса как “заклинание о дожде”, но его отсутствие в работе по делу, по теме может вызвать справедливый вопрос» [33, с. 9].

В интервью В.В. Козловскому, опубликованном несколько лет назад, Л.Г. Ионин – также представитель «шестидесятилетних» – сказал, что нынешняя российская социология отрезана от своих корней (до 1917 г .) и эту связь вряд ли можно восстановить, а от марксизма в любой его разновидности она отказалась сама [21]. В конце 2006 года в нашей электронной беседе я попросил Л.Г. Ионина прокомментировать этот ответ. По его мнению, это произошло в силу ряда причин [4]. Во-первых, по политическим причинам. Во-вторых, по причинам личного характера – обязательное блюдо, осточертевшее до невозможности. Кроме того, марксизм отождествлялся с цензурой, идейным и социальным гнетом, запретами и ограничениями свободы; партийные идеологи добились того, что стало казаться: жизнь наша действительно построена по Марксу, во всех запретах виноват марксизм. И в целом, не удается «психоанализировать», что произошло с нашей социологией, потому мы и живем до сих пор в состоянии антимарксистского невроза. Л.Г. Ионин – автор ряда работ по истории социологии, и мне показалось оправданным узнать его мнение о значении и будущем того марксизма, который долгие годы развивался в СССР. Его точка зрения такова: опыт советского марксизма во всех его разновидностях начиная с 1920-х годов не может не быть полезным, в частности, он указывает на фрейдомарксизм, соединявший идеи марксизма и психоанализа Фрейда и ставший основой студенческих бунтов и сексуальной революции 1960-х годов. Но если фрейдомарксизм – это уже история, то антиглобализм – это актуальнейшая современность. И его трудно даже просто мыслить без марксизма, в том числе без советского марксизма в многообразии его форм и проявлений [4].

Многое в истории становления советской социологии, ее философской базы и отношений между разными группами ученых можно попытаться понять, изучая движение к полипарадигмальности, естественно понимаемой в те годы иначе (мягче, с обилием полутонов и намеков), чем она трактуется сейчас российскими социологами.

По дороге к читателю

Собственный опыт, многолетнее общение с большим числом социологов различных поколений подсказывали, что при изучении истории российской социологии советского периода следует обратить внимание на различные грани проблемы публикации учеными результатов исследований. Гипотеза была очевидной: прежде всего, идеологические причины ограничивали и/или препятствовали свободной публикации социологами результатов их теоретико-эмпирических изысканий. О трудностях подобного рода и способах преодоления барьеров, воздвигавшихся социальной системой на пути от производителя социологической информации к заинтересованным в ней социальным группам, вспоминают участники проекта Г.С. Батыгина [32], об этом говорится в ряде интервью, опубликованных в последние годы в «Социологическом журнале» и в «Журнале социологии и социальной антропологии», о них рассуждает в своей книге Б.М. Фирсов [35]. Таким образом, все это стало общеизвестным фактом. Вместе с тем задача определения форм и масштабов подобного вмешательства различных структур в этот процесс, а также многочисленных следствий, или эффектов, существования откровенных и скрытых, внутренних и внешних, грубых и тонких форм контроля за творчеством ученого и способов влияния на его личность еще не формулировалась как самостоятельная проблема историко-науковедческого плана. Но уверен, что это произойдет.

Примеры, содержащиеся в проведенных мною интервью, дополняют уже описанные в отечественной литературе случаи трудностей с публикацией результатов исследований и позволят в будущем представить весь этот процесс с необходимой полнотой и яркостью.

Почти детективную историю о судьбе книги «Человек и его работа», давно признанную классикой советской социологии и одной из немногих известных на Западе, рассказал В.А.Ядов: « При подготовке книги издательство “Мысль” запросило официальную рецензию у Коли Лапина (Николай Иванович Лапин. – *Б.Д.*). Коля ничего нам об этом не говорил и рассказал, какова была обстановка, лишь после недавней публикации вместе с Андреем Здравомысловым “Человека и его работы в СССР и после” [20]. Здесь мы восстановили главу о советских и американских рабочих с пояснением, что цензура ее изъяла в первом издании. Коля, получив подаренную книгу, звонит по телефону и говорит: “Что вы там нафантазировали? Какая цензура? Вы знаете, что редакция вообще отказывалась принять работу только потому, что был подзаголовок “Социологическое исследование”? Я, обормоты, вас спас, предложив убрать пятую главу”» [46, с. 3–4]. Эти события сорокалетней давности помнит и Н.И. Лапин, он тогда руководил редакцией литературы по истории философии в издательстве «Мысль». Его попросили дать внутреннюю рецензию на рукопись книги «Человек и его работа», «поскольку поступила авторитетная внешняя рецензия, в которой выражались большие сомнения в целесообразности издания книги в представленном виде. Я горячо поддержал

издание рукописи, предложив снять только одну, последнюю главу, в которой авторы полемически сопоставляли свою позицию с позицией одного из американских социологов и которая вызвала наибольшие возражения рецензента и сомнения директора издательства. Авторы согласились, и книга была опубликована» [26, с. 119].

Но если А.Г. Здравомыслов и В.А. Ядов увидели в 2003 году уже второе издание своей книги, то самому Н.И. Лапину лишь в 2005 году, то есть через три десятилетия после формального закрытия проекта, удалось издать материалы выполненного в 1968–1973 годах под его руководством исследования по социальной организации промышленного предприятия. В опубликованной «Телескопом» заметке Ю.Л. Неймер [31] обстоятельно изложил суть и перипетии этого проекта, а Н.И. Лапин во вводной главе книги назвал его историей, длящейся и поныне: и объективно, и субъективно. Действительно, это исследование стало существенной частью профессиональной и личной судьбы значительного числа советских социологов.

На этом фоне процесс публикации «Таганрогского проекта» Б.А. Грушина выглядит стремительным и почти благостным. Исследование началось в 1967 году и, несмотря на сильнейшее противодействие со стороны партийных органов и руководства Института конкретных социальных исследований АН СССР, было завершено в 1974 году. И книга [28], содержащая краткое изложение методологии работы, описание инструментария и ряд теоретико-эмпирических выводов, увидела свет «всего» через шесть лет.

О.Б. Божковым и Т.З. Протасенко было проведено тщательное расследование того, как в 1984 году дирекция и партбюро Института социально-экономических проблем АН СССР остановили издание коллективной монографии, редактором которой был В.Б. Голофаст [5]. В статье – минимум рассуждений, ее основа – сохранившиеся, найденные документы. В готовившейся Голофастом книге суммировались итоги изучения различных аспектов жизни семьи в крупном городе, и издательский процесс уже завершался, шла вычитка верстки. Ход «делу» был задан замечаниями центральной редакции издательства «Наука», носившими, как понятно сегодня, явно идеологический характер: 1. Усилить во введении разграничение между процессами, проходящими в семьях крупных городов социалистического и капиталистического общества. 2. Исправить соответствующие места... где без каких-либо объяснений проводятся параллели между исследованиями по СССР и по капиталистическим странам, так как процесс ломки старых семейных отношений и формирование новых в различных общественно-экономических формациях, как известно, протекает по-разному... После смерти В.Б. Голофаста, через два десятилетия после описываемых событий, его друзья смогли издать эту книгу [7].

Следующее документальное свидетельство того, какими приемами останавливались социологические публикации, приводится в заметке «Анатомия закрытия» [11]. Это – обширные фрагменты докладной записки двадцатилетней давности, написанной профессором Б.Д. Парыгиным по поводу готовившегося Б.М. Фирсовым сборника материалов советско-венгерского семинара. Вывод «о низком идейно-теоретическом уровне материалов» сделал невозможным издание книги и более того – стал основанием для свертывания советско-венгерского проекта, до того успешно развивавшегося свыше пяти лет. Ошибочность аргументов, приводившихся рецензентом при «обосновании» его

суждений, сегодня очевидна, достаточно посмотреть развитие мировых процессов массовой коммуникации на рубеже веков.

Эпопея с книгой Я.С. Капелюша – иллюстрация еще одного типа судьбы материалов, не дошедших до читателей [10]. Небольшого формата книга об отношении к выборности на производстве [22] была опубликована в 1969 году. Но почти весь ее тираж был тогда же и уничтожен. Сохранилось только несколько экземпляров, скорее всего – лишь в частных коллекциях.

Нечто аналогичное рассказал А.Г. Здравомыслов [19, с. 5]. В конце 1960-х под его руководством был проведен опрос в Ленинграде и Пензе. Согласно полученным результатам, уровень пропаганды был явно ниже уровня массового сознания; кроме того, им были выделены четыре типа массового сознания, обозначенные как «неразвитое», «стереотипизированное», «скрытое» и «критическое». Главные выводы исследования были опубликованы в ротапринтной книжке [16] тиражом 100 экземпляров, каждый из которых был пронумерован. Вскоре после получения тиража ему позвонил сотрудник аппарата ЦК, попросил его собрать все экземпляры и передать их в первый отдел. Книжку должны были уничтожить. И уничтожили.

Обобщая приведенные примеры, можно задаться вопросом о том, в какой мере опубликованные в 1960–1980-е годы работы социологов в принципе отражают тематику, предмет проводившихся исследований, их теоретическую направленность, и – главное – их выводы. Ведь барьеры, тормоза, экраны и фильтры, препятствовавшие публикации, были тем мощнее, чем ярче, необычнее, острее были результаты работ, чем глубже они вскрывали проблемы общественного бытия и сознания.

Контакты с Западом

В последние годы значительное число молодых российских социологов прошли обучение за рубежом, стали обладателями западных научных степеней, преподают в европейских и американских университетах, участвуют в международных проектах и форумах. Не покидая аудиторий и библиотек своих российских вузов, преподаватели и студенты имеют возможность читать электронные копии старых и новейших книг и журналов, участвовать в онлайновых форумах, проходящих во всех странах мира, обсуждать на специализированных чатах теоретические и методологические проблемы социологии. Все это считается обычным делом, и российские социологи вливаются в единое мировое профессиональное сообщество. Четверть века назад, не говоря уж о более отдаленном прошлом, все было иначе.

Определение путей развития теории, методологии и методов советской социологии доперестроечного времени уже в ближайшие годы, несомненно, станет темой серьезного целенаправленного историко-науковедческого анализа. В частности, будут выявлены и описаны различные каналы освоения отечественными социологами зарубежного опыта, названы ученые, сыгравшие в этом заметную роль, указаны обстоятельства, сдерживавшие обычный для движения любой «нормальной» науки обмен идеями, результатами и гипотезами советских социологов с их зарубежными коллегами.

Было бы ошибкой говорить о том, что в СССР социологи не выезжали за границу, не участвовали в международных форумах самого высшего уровня, не принимали у себя западных коллег, не проводили совместных исследований, не читали иностранную профессиональную литературу; многие из моих

респондентов обо всем этом рассказывали. Вместе с тем, в памяти социологов первых поколений хранится множество фактов о том, сколь долгой и непредсказуемой была процедура получения разрешения на поездку не только в капиталистические, но и в социалистические страны; насколько сложной была организация приема в своем институте даже небольшой группы иностранных ученых, не говоря уж о проведении международных семинаров или конференций; как строились их контакты с иностранными учеными, какие сложности приходилось преодолевать – часто с риском для карьеры, – чтобы получить новые книги или отправить свои материалы за границу.

Б.М. Фирсов, посетивший многие страны и имевший большой опыт контактов с зарубежными специалистами, вспоминает о многолетнем сотрудничестве возглавлявшегося им сектора Института социально-экономических проблем АН СССР с венгерскими и финскими исследователями массовой коммуникации. «Однако, – замечает он, – мы не смогли обойти запреты на сравнительные международные исследования, на открытый и бескомпромиссный диалог с нашими зарубежными коллегами, вынужденно ограничили сотрудничество семинарами и научными публикациями общего характера» [36, с. 7]. И все же, вот чем все это завершилось.

Б.М. Фирсов передал своему финскому коллеге доклады сотрудников сектора на очередной совместный семинар. Тексты были стопроцентно просоветские, отжатые до сухого бессодержательного остатка, и имелось разрешение Главлита для вывоза и публикации материалов за границей. По недоразумению оно было предъявлено таможне, когда его финский коллега уже прошел таможенный и пограничный контроль. Присовокупив данный случай к ряду других столь же абсурдных, по сегодняшним представлениям, Ленинградский обком КПСС объявил Фирсову строгий выговор с занесением в учетную карточку, а дирекции института было рекомендовано освободить его от занимаемой должности. Что и было сразу исполнено [36, с. 9].

Ученых, на основании критериев, о которых можно догадываться, но которые официально никто не называл, разделяли на тех, кому можно было встречаться с иностранными коллегами и кому такие встречи были запрещены. Первые делились еще на три группы: одним было разрешено выезжать во все страны, другим – лишь в социалистические, и третьи вообще не могли надеяться на выезд. Так В.Э. Шляпентох отметил [38, с. 6], что у него никогда не было возможности поехать на Запад, его не пустили даже на конгресс в Варну в 1972 году, хотя в нем участвовала большая по тем временам группа советских социологов. Я.И. Гилинский пишет: «Я был de facto невыездной, никто официально мне это не заявлял, но и мои попытки поехать туристом в “капстрану”, например, “вокруг Европы” не увенчались успехом; комиссия РК КПСС, обязательная в таких случаях, рекомендовала мне съездить по Волге» [6, с. 4]. За короткий постперестроечный период он по приглашению коллег побывал почти во всех странах Европы, в США, Чили, Бразилии, Австралии и Новой Зеландии, Японии, Корее, Таиланде, причем я ряде стран – неоднократно.

Разрешение на выезд не было вечным, его можно было легко лишиться, с другой стороны, поездка могла стать для социолога наградой за его «понятливость». По воспоминаниям А.Г. Здравомыслова, его однажды пригласили в Ленинградское управление КГБ и попросили ознакомиться с ксерокопией книги американского сенатора Барри Голдуотера, изъятой у кого-то при обыске. Он прочел ее и охарактеризовал «антикоммунистической».

Тогда сотрудник этой организации попросил заменить это слово на «антисоветскую», и при этом дал ему посмотреть проспект замечательных туристических путешествий. Здравомыслов ответил, что различает «антисоветское» и «антикоммунистическое», и не изменил своего заключения [19, с. 9].

Замечу, «невыездные» нередко завидовали своим «выездным» коллегам, а последние постоянно опасались того, что их очередная поездка может стать последней.

Исследование всего комплекса отношений советских и западных социологов – сложная проблема со множеством уровней и аспектов. Вместе с тем одним из сквозных направлений этой проблематики может быть выявление механизмов поиска рядом поколений ученых сути советской социологии. Это была жесткая, иногда кровопролитная война тех, кто видел и создавал советскую социологию как часть мировой, и тех, кто противодействовал этому движению. Обе группы ратовали за формирование социологии, базировавшейся на принципах марксизма, но ими по-разному понимались и марксизм, и логика «базирования». Первые видели возможность и перспективность размещения в каркасе марксизма новых, эффективных конструкций, создававшихся западными изобретателями и успешно зарекомендовавших себя при возведении зданий нового образца. Вторые понимали, что активное использование новых теорий и новых измерительных инструментов неминуемо ускорит обнаружение дефектов и заболеваний социальной системы.

Заключение

Многие сюжеты, обсуждавшиеся в уже завершенных интервью, не нашли своего отражения в этой статье. В значительной степени это связано с ограниченностью размеров журнальной публикации, но есть и иные обстоятельства, классифицируемые как методологические, науковедческие и этические.

Говоря о методологических обстоятельствах, я прежде всего имею в виду сложности «размещения» собственно биографического анализа в общем контексте исследований истории становления и развития советской социологии. Прежде всего – есть две ключевые темы. Первая – как строить интервью, чтобы получаемая информация полнее отвечала проблемам изучения прошлого отечественной социологии в целом, а не только фиксировала бы жизненный путь опрашиваемого. Вторая – каким образом вести беседу, чтобы наиболее эффективно выявить в творческом, жизненном пути человека личностное и социальное. Без продвижения вдоль двух этих методологических линий будет крайне сложно приступить к решению одной из стратегических задач настоящего проекта – определения судеб социологов первых трех выделенных когорт. Но и эта тема – лишь часть еще более трудного историко-науковедческого поиска: формулирования критериев для оценки основных достижений полувекового развития советской социологии и затем описания судеб каждого из поколений советских/российских социологов. Попытки назвать то или иное поколение «потерянным», которые встречаются в литературе, явно поверхностны и преждевременны. И тот факт, что в течение десятилетий Запад очень плохо знал работы советских социологов, не вина последних, а беда. Остается лишь вслед за И.С. Коном сказать: «Эпоху не выбирают» [Кон И.С., 32, с. 112].

К существенным науковедческим я, прежде всего, отношу проблему социально-исторической классификации первых трех поколений: они – советские или российские? Это не терминологическая проблема, а вопрос о периодизации истории российской социологии. Речь опять же – о критериях: что значит «советский» и в каком случае – «российский», если имеется в виду группа социологов, начавших свою профессиональную деятельность в 1960-х и 1970-х годах, то есть проработавших несколько десятилетий в стране под названием СССР и возродивших, а точнее – создавших советскую социологию. А когда советский социолог превратился в российского и в чем заключалась эта трансформация? Что интеллектуальные компромиссы и внутренняя самоцензура пропали на следующий день после объявления Россией своей независимости или утром после подписания Беловежского соглашения? Если в населении России социологи фиксируют черты «советского человека», то почему в российских социологах нет «советскости»? В факте признания социологов рассматриваемых когорт «советскими» я не вижу признаков ностальгии по прошлому. С другой стороны, трудно назвать социолога российским, если он с начала 1960-х известен как советский, даже если за последние полтора десятилетия он опубликовал больше, чем за предыдущие тридцать лет. Неужели советская социология существовала лишь в период от 1917 года до середины 1930-х годов? А если так, то почему сейчас мы говорим о возрождении советской социологии, а не российской? Опираться на самоидентификацию – я опросил нескольких ведущих социологов первого поколения – тоже не получается. Есть мнение: «советский – лучше», есть – «я – российский», наконец высказывается мнение – «надо подумать». Действительно, надо.

Интересной историко-науковедческой проблемой является проникновение в еще советскую социологию идей полипарадигмальности. Выше было предложено связывать рождение советской социологии с неманифестируемым (маскируемым) проникновением в марксизм идей, ряда аспектов позитивистских и феноменологических концепций. Закономерно, что критики буржуазной философии и социологии, в частности П.П. Гайденко, Ю.Н. Давыдов, Ю.А. Замошкин, И.С. Кон и другие, одновременно рассматриваются и как ученые, внесшие значительный вклад в становление методологии марксистской социологии. Принципиально и то, что в настоящем В.А. Ядов и ряд других социологов первых поколений активно отстаивают концепцию полипарадигмальности [47]. Фактически, в рамках подобной философии социологии они работают уже многие годы.

Вопросы этики в исследованиях биографической направленности имеют как самостоятельное значение, так и сопряженное с науковедческими и методологическими проблемами. От характера решения этих вопросов во многом зависит, какой будет история нашей социологии, смогут ли будущие поколения знать, как она создавалась, кто развивал ее методологию и технологию (и что он туда привнес), а кто «лежал» на ее пути.

Хочется надеяться, что проект, который ведется на страницах «Телескопа» уже два года, будет иметь продолжение и станет частью широких и многоцелевых исследований, направленных на создание истории единой российско-советско-российской социологии.

Литература:

1. Алексеев А.Н. Познание через действие // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 5. С. 11-23.

2. Архив проекта: воспоминания Ф.Э. Шереги.

3. Архив проекта: интервью с А.Б. Гофманом.

4. Архив проекта: интервью с Л.Г. Иониным.

5. Божков О.Б., Протасенко Т.З. «Гляжу в себя как в зеркало эпохи» // Телескоп. 2005. № 6. С. 2–13.

6. Я. И. Гилинский: «…Я начинал как чистый уголовник...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №2. С. 2–12.

7. Голофаст В.Б. Социология семьи. Статьи последних лет. СПб.: Алетейя, 2005.

8. Докторов Б. Б.А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. №4. С. 2-13.

9. Докторов Б. История есть, только если она написана. К открытию рубрики «Современная история российской социологии». Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. №5. С.30-32.

10. Докторов Б.З. Рассказ о книге, которой нет. (Я.С. Капелюш «Общественное мнение о выборности на производстве») // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №2. С. 15-19.

11. Докторов Б.З. Как это было – 2. Анатомия закрытия // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев . 2005. №6. С. 14-16.

12. Докторов Б.З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования, 2006.

13. Докторов Б.З.: «Мне наиболее интересны методы познания и сам исследователь...» (Интервью Б.М. Фирсову) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. №3. С. 2-13.

14. Докторов Б.З. Творцы опросов второй половины XX века: опыт «оперативного» историко-биографического анализа // Социологический журнал. 2007. № 1. С. 5–38.

15. Ельмеев В.Я. Интервью // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 4.

16. Здравомыслов А.Г. Пропаганда и ее восприятие. Социологическое исследование эффективности / ССА, ИКСИ АН СССР. Л., 1969.

17. Здравомыслов А.Г. Поле социологии: дилемма автономности и ангажированности в свете наследия перестройки // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 20.

18. Здравомыслов А.Г. Социология как жизненное кредо // Социологический журнал. 2006. № 3/4. С. 161–162.

19. Здравомыслов А.Г. «Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит – надо искать объяснения в мире людских отношений» // Телескоп. 2006. № 5. С. 2–10.

20. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2003.

21. Ионин Л.Г. Интервью //Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Вып. 1.

22. Капелюш Я. Общественное мнение о выборности на производстве // Под ред. Б.А. Грушина. Информационный бюллетень № 39 (54). М.: Научный Совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований, 1969.

23. Капелюш Я.С. (1937–1990) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев . 2005. № 2. С. 13–21.

24. Л.Е. Кесельман: **“ ...**Случайно у меня оказался блокнот «в клеточку**»...”** // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №5. С. 2-13 .

25. Д.Л. Константиновский «Такие вот динамические ряды... » // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 4. С. 2-13.

26. Лапин Н.И. Наша социология стала полем профессиональных исследований, свободных от идеологического диктата // Социологический журнал. 2007. №1. С. 111 -148.

27. Ленинградская социологическая школа (1960–1980-е годы) / Отв. ред. В.В. Костюшев. М.-СПб.: Российское общество социологов; Санкт-Петербургская ассоциация социологов, 1998. С. 14–15.

28. Массовая информация в советском промышленном городе: опыт комплексного социологического исследования / Под ред. Б.А. Грушина, Л.А. Оникова. М.: Изд-во политической литературы, 1980.

29. Международная биографическая инициатива

30. Р.С. Могилевский: «Я бы назвал себя социологом – консультантом...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 2. С. 2-13.

31. Неймер Ю. Динамит в папильотках // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 3. С. 14–17.

32. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.

33. Е.Э. Смирнова: «...По профессиональной части претензий не было, но инкриминировалось распечатывание гороскопов» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 1. С. 2-10.

34. Телефонный разговор Б.З. Докторова с В.А. Ядовым 27 января 2006 г .

35. Фирсов Б.М. История советской социологии 1950–1980-х годов. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2001.

36. Б.М.Фирсов: «…О себе и своем разномыслии…». // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №1. С. 2-12.

37. Шляпентох В.Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М.: Центр социального прогнозирования, 2006.

38. Шляпентох В.Э. «Только эмпирическая социология в СССР была ареной творчества для гуманитариев» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 6. С. 2–13.

39. Электронное письмо Б.З. Докторова Л.Е. Кесельману от 25 января 2005 г .

40. Электронное письмо Я.И. Гилинского Б.З. Докторову от 9 января 2005 г .

41. Электронное письмо А.Г. Здравомыслова Б.З. Докторову от 4 января 2006 г .

42. Электронное письмо Л.Е. Кесельмана Б.З. Докторову от 12 января 2007 г .

43. Электронное письмо Б.М. Фирсова Б.З. Докторову от 30 августа 2004 г .

44. Электронное письмо В.А. Ядова Б.З. Докторову от 11 декабря 2004 г .

45. Электронное письмо В.А. Ядова Б.З. Докторову в интервале от 24 января до 10 апреля 2005 г .

46. Ядов В.А. «Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. Ч. I . № 3. С. 2–11; Ч. 2. № 4. С. 2–10.

47. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: СПбГУ, 2006.

***

(4) А. Алексеев Биография. Наука. История (К созданию коллективного автопортрета российских социологов) [33]

Расширенный текст доклада, произнесенного на Четвертых международных чтениях памяти В. В. Иофе "Право на имя. Биографика XX века: Методология составления и изучения биографий" (Санкт-Петербург, апрель 2006)

Автоаннотация

Доклад посвящен проблематике порождения и использования автобиографических текстов, и в частности, биографических интервью ученых, для реконструкции процесса развития науки. При этом рассматриваются имеющиеся опыты такой работы применительно к истории российской социологии (от 1950-х гг. до наших дней). Обсуждаются особенности и мера информативности биографических интервью и мемуаров в сопоставлении с другими историко-научными источниками. Особое внимание уделяется методологическим и этическим вопросам построения "истории науки в лицах".

Место биографических текстов среди ресурсов историко-науковедческого знания

Историческое изучение любой конкретной сферы человеческой деятельности имеет своей естественной эмпирической базой трудно обозримое множество имеющихся или подлежащих разысканию, первичных или вторичных (производных, специально созданных на базе первичных...) документов или же иных, зафиксированных на любом материальном носителе либо "материализовавшихся" (закрепившихся...) в формах как вербального так и не вербального поведения людей источников такой информации, которая прямо или косвенно характеризует данную сферу деятельности, локализованную во времени и пространстве. Говоря коротко, история зиждется

[33] См. http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_bioscience.html.

на фундаменте текстов (не обязательно письменных...), выступающих в качестве (исторических...) источников.

От этого предельно общего утверждения относительно эмпирической основы всякого исторического рассмотрения объекта (и исторического знания вообще...) перейдем к обсуждению более частных методологических проблем, сосредоточившись на проблематике исторического изучения такой сферы человеческой деятельности, как ***наука***, и в частности — ***общественно-гуманитарная*** наука.

Но сначала еще один общий теоретико-методологический "заход". Любая наука не существует (а стало быть, и не может рассматриваться...):

(а) "вне" историко-культурного контекста, (б) "вне" собственной истории становления и развития, (в) "вне" личностей, ее творящих и двигающих.

В первом ("контекст"...) заключены все "внешние" (социокультурные, политико-идеологические, экономические и т. д.) факторы научного движения, во второй ("история науки"...) реализуются собственные закономерности этого движения, третьи ("личности"...) составляют главный "внутренний" фактор развития науки, ее ***человеческий фактор***, или источник самодвижения.

Даже школьный учебник физики не может при изложении законов Ньютона обойтись без сообщения, когда жил Ньютон и т. п. Тем более. освещение современного состояния или обсуждение актуальных проблем общественно-гуманитарной науки немыслимы без исторической ретроспективы и в отвлечении от человеческого фактора.

Какие же ресурсы в принципе имеются для решения историко-науковедческих задач?

Будем различать ресурсы (источники...) "первичные" и "вторичные". *Первичные* классифицируем следующим образом:

(а) тексты *собственно научные*, (б) *деловыедокументы* (институционально-организационные тексты) и (в) тексты *личностные* ("человеческие", индивидуально-приватные)

Под первыми понимаем весь поток научных публикаций (научная периодика, монографии, материалы научных конференций и конгрессов, сборники статей, репринты и т. п.). Под вторыми — документы, как правило официальные, относящиеся к организации науки, как социального института, но, пожалуй, и некоторые не официальные тоже (кое-что уцелевает в научных и ведомственных архивах...). Наконец, человеческие (личностные...) документы, скапливающиеся в персональных архивах ученых; тут и переписка, и дневники, и много чего еще, включая *биографические интервью и мемуары,* которые (те и другие...) будут нас интересовать особо.

Разумеется, разграничение названных категорий не является слишком жестким. Возможны тексты, сочетающие в себе разнородные черты (например: диссертация — текст научный и, в определенном смысле, инстиционально-организционный; переписка ученых может включать в себя элементы как научности, так и приватности; и т. д.).

Вторичные ресурсы — собственно историко-науковедческие изыскания: каждый исследователь (в данном случае речь идет об историке науки...) так или иначе опирается на своих предшественников, иногда просто пересказывает их, иногда дополняет, иногда опровергает. По мере умножения и развития историко-научного знания (что, вообще говоря, справедливо и для всякого исторического исследования...) ссылки на "первоисточники" нивелируются,

документального обоснования или подтверждения требуют лишь новые факты и не общепринятые положения.

Особый вид “вторичных” ресурсов составляют материалы *средств массовой информации*, а также *научно-популярная литература*, что, особенно при недостатке иных материалов, часто оказывается ценным историко-науковедческим источником.

Еще можно указать на ресурсы как бы *нулевого цикла*. Это “сырые” материалы: полевые дневники исследователя, протоколы наблюдений, записи измерений, материалы первичной обработки данных и т. д., и т. п. Например, для социологии (которая нас будет специально интересовать...) это могут быть как массивы заполненных опросных анкет на бумажных носителях (кстати, увы, редко сохраняемые ...), так и массивы социологических данных на носителях электронных.

Здесь следует особо оговорить разницу между историческими документами (вообще — памятниками культуры...), которые выступают в качестве актуальных или потенциальных источников информации или эмпирических объектов изучения для ученого-гуманитария или обществоведа, и документами науки, как таковой, или так или иначе связанными с нею текстами, которые (документы, тексты...) составляют источниковедческий ресурс собственно историко-научного знания.

Понятно, что чем более развита конкретная научная отрасль, чем богаче ее профессиональный багаж и весомее вклад в историко-культурный процесс, тем больше шансов на становление адекватных ее “возрасту” и общественному значению историко-научной фактографии и рефлексии. История науки есть в определенном смысле ее прогрессирующее *самосознание*. И обратно: “молодая” наука (область научного знания...), которая не имеет столь глубокой и прочной традиции, обычно оказывается беднее историографически.

Еще одно соображение. Как от возраста самой научной отрасли, так и от нацеленности исследовательского интереса на более или менее отдаленные от настоящего момента этапы и периоды развития науки, обычно зависит структура источниковедческой базы, например: соотношение первичных и вторичных ресурсов науковедческого изыскания или, скажем, архивных и “живых” свидетельств о процессе научного движения. В частности, “человеческие” (личностные...) документы обычно наименее долговечны — при недостатке специально предпринятых мер к их сбережению такие материалы могут оказаться утраченными уже через одно-два поколения.

В особенности это касается документов индивидуальной памяти, включая автобиографические нарративы. Два поколения спустя отсутствие документированного рассказа деятеля науки (как и любой исторической или “не исторической” личности...) о своем жизненном пути, о профессиональной, общественной и глубинно-личностной (ценностной...) мотивации своей жизнедеятельности, о своем круге общения и взаимодействии с коллегами и т. д., равно как и отсутствие зафиксированных воспоминаний об этом человеке лиц, близко его знавших, с ним сотрудничавших и т. п., — уже ничем нельзя будет восполнить. Придется довольствоваться либо “обезличенными” сведениями из официальных справок или же заниматься истолкованием “легенд”. [1]

С учетом всего сказанного, историография всякой конкретной научной отрасли (научного направления, научной школы и т. п.) должна, по возможности, создаваться (строиться...) если не “параллельно” с реальным

научным процессом, то по крайней мере с минимальным “запаздыванием”. В особенности это следует отнести к формированию корпуса индивидуализированных историко-науковедческих свидетельств, без которых невозможно полноценное исследование “человеческого фактора” науки, а стало быть и комплексное историко-научное исследование..

Начало “истории российской социологии в лицах”

В свете изложенных методологических соображений обратимся к исторически конкретной общественно-гуманитарной научной отрасли, а именно — к советской и постсоветской, или, скажем так, ***новейшей российской социологии***. [2]

Как известно, становление (возрождение...) социологии в СССР, в качестве так или иначе востребованной властью области специализированного научного знания, после многолетнего перерыва (30-40-е гг., когда социология числилась по разряду буржуазных “лженаук”), произошло в период хрущевской “оттепели”, где-то на рубеже 1950-60-х гг. Таким образом, “возраст” советской (соответственно — новейшей российской...) социологии соизмерим с длительностью человеческой жизни. Ее первопроходцы принадлежат (принадлежали...) к поколению “шестидесятников”. И если за полвека успели выйти на общественную сцену уже не одно новое поколение социологов, то о *смене* поколения “отцов” поколением “детей” говорить пока еще рано. Те и другие, равно как и давно уж повзрослевшие “внуки”, работают параллельно и совместно. Причем (и это можно отметить с особым удовлетворением!), некоторые из зачинателей современной (новейшей...) отечественной социологии не только продолжают активно играть на “научно-профессиональном поле”, но и сохраняют подчас лидирующее положение в нем.

...Вот передо мною помещенная на сайте Центра демократической культуры (Center for Democratic Culture) Университета Невады (Лас-Вегас, США) библиография — “Литература на русском языке по истории российской социологии советского и постсоветского периодов” — составленная *Л. Козловой*.[3] В ней систематично и довольно полно представлены имеющиеся на сегодня обзорные и аналитические, профилирующие и специализированные работы в данной области. Из ста с лишним позиций этой библиографии около 30 занимают “научные сборники и монографии”, 9 — “учебники и учебные пособия”, 10 — “библиографические и справочные издания”, остальное — “статьи и интервью”, а также “документы и материалы”. Надо сказать, что для 50-летнего периода (с учетом еще того обстоятельства, что основные историко-науковедческие публикации появились лишь в последнее десятилетие...) это количественно (да и качественно...) впечатляющий итог.

Уже в 1996 г. появилась объемная (фундаментальная...) коллективная монография “Социология в России”, под ред. *В. Ядова.* Два года спустя вышло 2-е переработанное и дополненное издание этой книги (696 стр.). Пионерным было издание курса лекций *Б. Фирсова* “История советской социологии 1950-1980-х годов” (СПб.: 2001). Среди современных авторов, неоднократно фигурирующих в вышеупомянутой библиографии, можно указать *Г. Батыгина, И. Голосенко, Б. Докторова, Л. Козлову, В. Козловского, Е. Кукушкину, Г. Осипова.*

Не вошло в эту библиографию (пожалуй, лишь по формальным соображениям, поскольку предмет изучения там — не история социологии, а

история общества *сквозь призму* эмпирической социологии...), титаническое гражданственно-научное предприятие *Б. Грушина* — уже опубликованные (пока еще не все...) материалы проекта “Четыре жизни России в зеркале общественного мнения”. [4]

Нас особенно будут интересовать ***биографические*** материалы об отечественных социологах второй половины XX века, в частности — о социологах старшего поколения (1930 г. рожд. и раньше). Это те, кто стоял у истоков современной социологии в СССР, работы некоторых из них составляют “золотой фонд” советской (российской...) социологии. По счастью, здесь можно констатировать немалый задел “человеческих документов”, автобиографических и мемуарных текстов. Мне недостаточно хорошо известно положение дел на этот счет в других “отраслевых” историях советской общественно-гуманитарной науки. Но во всяком случае, социологическое сообщество рубежа XX и XXI вв. довольно щедро на мемуарную и ауторефлексивную литературу.

Тут есть заслуга вполне определенных лиц, и, думаю, в первую очередь — безвременно скончавшегося *Геннадия Батыгина*. Начиная с 1994 г. в созданном и возглавлявшемся им вплоть до 2003 г. одном из ведущих профессиональных периодических изданий — “Социологический журнал” — под рубрикой “Ретроспектива”, а затем “Профессиональные биографии”, стали регулярно публиковаться *биографические интервью* (их брали, кроме самого Г. Батыгина, также его коллеги: *Н. Мазлумянова, М. Пугачева, С. Ярмолюк,* возможно и другие).

Среди обстоятельно интервьюированных журналом, как правило, известные в профессиональном социологическом кругу (а некоторые — и далеко за его пределами!) имена [5]: *И. Кон* (1994-2), *В. Ольшанский* (1995-1), *Б. Фирсов* (1995-2), *Л. Карпинский* (1995-3), *Ю. Левада* (1996-3/4), *Т. Заславская* (1997-1/2), В. *Радаев* (2000-3/4), *С. Чесноков* (2001-2), *Л. Дробижева* (2001-4), *О. Яницкий* (2002-1), *А. Левинсон* (2002-2), *Л. Гудков* (2002-2), *Б. Дубин* (2003-2), *О. Шкаратан* (2002-3), *Д. Алиева* (2002-4), *Г. Батыгин* (2003-2), *О. Божков* (2004-1/2), *В. Ярская-Смирнова* (2005-2), *Б. Докторов* (2005-4).

В 1998 г. под редакцией и с предисловием Г. Батыгина вышел замечательный коллективный историко-социологический труд *“Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах”* (СПб.: Русский христианский гуманитарный институт). Кроме тех из упомянутых выше авторов, чьи биографические интервью были ранее опубликованы в “Социологическом журнале”, здесь, в разделе “Воспоминания”, представлены мемуары и автобиографические рассказы еще ряда российских социологов старшего поколения (а также некоторых партийных работников, “курировавших” тогдашнюю социологию): *В. Колбановского, В. Ядова, Ю. Левады, Г. Осипова, И. Кона, А. Здравомыслова, Б. Грушина, Л. Оникова, М. Руткевича, Н. Лапина, Р. Рывкиной, Л. Когана, Н. Наумовой, А. Галкина, Н. Пилипенко, Э. Араб-Оглы, Ю. Давыдова, И. Бестужева-Лады, В. Семенова.*

Таким образом, уже во второй половине 1990-х гг. Г. Батыгиным и его ближайшими сотрудниками был заложен фундамент историко-биографического проекта, который можно было бы назвать: ***“История российской социологии в лицах”.*** Проследим дальнейшую историю (продолжение...) этого естественно сложившегося проекта.

“Современная история российской социологии” и “Международная биографическая инициатива”

Эстафету указанной историко-биографической инициативы подхватил независимый исследователь, российский социолог, вот уже 12 лет проживающий в США (Калифорния), *Борис Докторов*. Начиная со второй половины 2004 г. в петербургском журнале социологических и маркетинговых исследований “Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев” (учредитель и редактор — *Михаил Илле*) открылась новая рубрика “Современная история российской социологии”. Начало ей было положено в № 4 подборкой материалов, информационным поводом для которой послужило 75-летие одного из зачинателей социологии в СССР, главного теоретика и практика изучения общественного мнения в России *Бориса Грушина.* Смысловой центр этой инновационной журнальной публикации составила *научная биография* Грушина, написанная Б. Докторовым.

В следующем номере журнала (2004-5) инициатор вышеназванной рубрики (Б. Д.) опубликовал статью-манифест “История есть, только если она написана”. Начиная с 2005 г. публикация в “Телескопе...” материалов из (по...) истории российской социологии второй половины XX века стала регулярной. При этом рубрика оказалась многожанровой. Приведу здесь в хронологической последовательности список материалов данной рубрики:

— *Б. М. Фирсов*: “...О себе и своем разномыслии”. (2005-1);

— *Я. И. Гилинский*: “...Я начинал как чистый “уголовник”...”. (2005-2);

— Воспоминания о *Якове Самуиловиче Капелюше*(1937-1990). (2005-2);

— *В. А. Ядов*: “...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...”. (2005-3, 4);

— *Г. Батыгин*. Социальные науки как текст. (2005-4);

— *Л. Е. Кесельман*: “...Случайно у меня оказался блокнот в клеточку...”. (2005-5);

— *Б. З. Докторов*. Как это было (Комментарий к интервью с Л. Е. Кесельманом). (2005-5);

— *О. Божков, Т. Протасенко*. “Гляжу в себя как в зеркало эпохи”. (2005-6). (Составленное и откомментированное названными авторами собрание документов, относящихся к политическому “делу” *Валерия Голофаста* середины 1980-х гг., возникшему вокруг несостоявшегося издания книги “Семья в крупном городе”, под его редакцией) [6];

— *Б. Докторов*. Как это было — 2. Анатомия закрытия. (2005-6). (История другого подобного “дела” — *Бориса Фирсова,* возникшего вокруг насильственно прекращенного советско-венгерского проекта по проблемам массовой коммуникации);.

— *Е. Э. Смирнова*: “...По профессиональной части претензий не было, но инкриминировалось распечатывание гороскопов”. (2006-1);

— *Р. С. Могилевский*: “Я бы назвал себя социологом-консультантом...”. (2006-2);

— *Б. З. Докторов*: “Мне наиболее интересны методы познания и сам исследователь...”. (2006-3);

— *Ю. Неймер*. “Динамит в папильотках”. (2006-3). (Воспоминания и обсуждение недавно опубликованных рабочих материалов одного из крупнейших социологических проектов рубежа 1960-х — 1970-х гг., возглавлявшимся *Н. Лапиным,* — “Социальная организация промышленного

предприятия: соотношение планируемых и социальных процессов"; работа по этому проекту была насильственно прервана в 1973 г.).

Как видно, из тринадцати публикаций за полтора года семь составляют биографические интервью, взятые у коллег Б. Докторовым (а у него самого — Б. Фирсовым). В известном смысле, данный жанр является для историко-науковедческого раздела журнала ведущим. То есть это по существу ***историко-биографическое*** научное предприятие.

Дальше — больше... В начале апреля с. г. я получил от Бориса Докторова электронное письмо, фрагмент которого воспроизведу здесь:

> "...Дима Шалин, профессор Университета Невады в Лас-Вегасе, — заметная фигура в американской социологии и кроме того занимается Россией... Его интересует методология биографий сама по себе и применительно к России – в частности... [7]
>
> У него есть сайт <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/mission/index2.html> — на главной странице его фото с Бродским. [8]
>
> В конце марта у Димы возникла идея разместить мои интервью и относящиеся к истории российской социологии публикации из "Телескопа", на этом сайте. Сказано, начали делать.
>
> Вот ты вызвал http... *(см. выше. — А. А.).* Посмотри левый столбец открывшейся страницы, найди строчку International, нажми это слово. Откроется другая страница : International Programs offered by CDC. Чуть ниже расположен раздел History of Russian Sociology Project. [9]
>
> Дима разместил на сайте сообщение о моей работе и были положены первые тексты : *Vladimir Yadov, Boris Firsov, Yakov Gilinsky, Boris Doktorov, Elena Smirnova, Leonid Keselman, Roman Mogilevsky, Aleksandr Oslon, Georgy Satarov.*
>
> Там же есть материалы : *Doktorov on the project's history, Shalin's comments on the interviews, Bozhkov and Protasenko on the Golofast Affair, Doktorov on the Firsov Affair.*
>
> Это все – начало... Во что это выльется? Никто не знает. Мы оба с Димой "заводные" и потому трудно сказать, что придумаем. Может и ничего... а может и чего..." *(Конец цитаты. — А. А.).*

Борис с Дмитрием действительно оказались "заводными"... В течение апреля-июня 2006 г. окончательно сложился раздел многопрофильного сайта Центра Демократической культуры Университета Невады, представляющий новый историко-биографический проект. Приведу здесь аннотацию проекта, составленную его организаторами [10]:

> **"**МЕЖДУНАРОДНАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА (IBI)**"** [11] это новый американо-российский проект, посвященный истории российской социологии постхрущевского периода и методологии биографического метода. Две эти темы в последние годы привлекают значительное внимание социологов, и мы надеемся, что IBI будет способствовать изучению истории российской социологии и разработке методологии биографического метода во всех его аспектах. Сайт – англо-русский, но большая часть представленных текстов написана по-русски. В будущем мы надеемся переводить материалы, написанные по-русски, на английский язык и англоязычные тексты – на русский. Думаем, что вскоре и социологи из других стран смогут принять участие в проекте и предложат для нашего сайта свои воспоминания и результаты исследований о постхрущевском периоде российской социологии. Предполагается также размещать на сайте звукозаписи интервью и фотографии. Собранные к настоящему времени материалы представлены следующими рубриками: Интервью, Воспоминания, Документы, Дополнения, Комментарии и Статьи. В них вы найдете несколько десятков интервью, мемуаров и автобиографических заметок известных российских социологов, а также множество статей и материалов документального характера. Предлагаем вам ознакомиться с содержанием сайта и высказать свое мнение о проекте IBI. Будем признательны всем за замечания и предложения, а также за материалы биографического и методологического характера, присылаемые для размещения на сайте. С вопросами о проекте и возможностях сотрудничества,

пожалуйста, обращайтесь к руководителям проекта профессору **Борису Докторову**, bdoktorov@inbox.ru, и профессору **Дмитрию Шалину**, shalin@unlv.nevada.edu. Профессор **Борис Фирсов**, firsov@eu.spb.ru, консультирует часть данного проекта, связанную с историей социологии в России, и кандидат философских наук **Андрей Алексеев**, alexeev34@yandex.ru, консультирует материалы по биографическому методу.

Многие из наших онлайновых публикаций стали возможными благодаря помощи московского *«Социологического журнала»* и петербургских изданий: *«Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев»* и *«Журнал социологии и социальной антропологии».* Мы признательны редакторам названных журналов за разрешение разместить их материалы на нашем сайте и выражаем особую благодарность кандидатам наук **Ларисе Козловой**, batygin@isras.ru, и **Наталии Мазлумяновой**, mazlumyanova@comtv.ru, за их работу в качестве редакторов-консультантов по этому проекту". *(Конец цитаты. — А. А.).*

К настоящему времени (август 2006 г.) к биографическим интервью уже упоминавшихся социологов старшего поколения добавились извлеченные из других печатных изданий, кроме "Социологического журнала" и "Телескопа...", или специально написанные автобиографические повествования (интервью или мемуары): *А. Бороноева, И. Голосенко, А. Дмитриева, В. Ельмеева, С. Кугеля, Ю. Неймера, А. Ослона, Б. Парыгина, И. Поповой, А. Румянцева, Г. Сатарова, А. Силина, В. Шляпентоха, В. Ярской-Смирновой.* [12]

Всего на сайте Шалина-Докторова представлено сегодня уже *свыше 50* только автобиографических и мемуарных текстов, т. е. историко-биографических, "человеческих" документов, дающих живую, многообразно индивидуализированную картину становления и полувекового, во многом драматичного, противоречивого и далеко не линейного развития советской (российской...) социологии. Плюс к этому — история советской социологии *в документах* (в основном взятых из книги "Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах", но и из других источников также). Наконец, около 50 *статей или монографических публикаций* группируются в двух подразделах рубрики "Статьи": " История социологии" и " Биографический метод".

Таким образом биографические интервью и автобиографические нарративы российских социологов составляют, пожалуй, главную характерологическую черту, особенность данного онлайнового собрания материалов. Однако репрезентация истории российской социологии "в лицах" ее работников и *со*-трудников происходит на фоне и в контексте других историко-научных, а также методологических трудов.

Значимость настоящей инициативы Б. Докторова и Д. Шалина трудно переоценить. Приняв эстафету от Г. Батыгина, они обеспечивают необходимые условия для создания многосложной и реалистичной, не парадной и насыщенной содержанием (как собственно научным, так и "человеческим"...), исторической картины становления и развития новейшей российской социологии. В течение апреля-июня 2006 г. насыщение "сайта МБИ"новыми материалами происходило чуть ли не экспоненциально!.. [13]

Некоторые промежуточные итоги и перспективы историко-биографических инициатив

В июне с. г. организаторы сайта МБИ (руководители американо-российского проекта...) включили в свою преамбулу (аннотацию проекта...) специальное *"Приглашение"* [14]:

> “Мы приглашаем социологов и обществоведов, живших и работавших во времена хрущевской “оттепели”, поделиться воспоминаниями об этом важном периоде российской жизни и соображениями о его значимости для наших дней. Предлагаем Вам при написании автобиографических заметок подумать над следующими вопросами.
>
> 1. Какое влияние хрущевская “оттепель” оказала на развитие социальных и гуманитарных наук? Как изменилась Ваша личная и профессиональная ситуация в эпоху брежневского застоя? Как бы Вы определили свое место в истории Вашей дисциплины советской эпохи? Каково Ваше мнение о перестройке и ее влиянии на общество и науку? Как изменения постсоветской поры сказались на Вашей работе и личной жизни? Не могли бы Вы назвать наиболее значимые школы и имена в Вашей науке? Какие ученые и научные школы за пределами России Вам кажутся наиболее интересными? Есть ли существенные различия в состоянии Вашей дисциплины в России и за рубежом? Как Вы оцениваете ситуацию в Вашей стране и ее воздействие на научную сферу? Должны ли ученые высказывать свою позицию по политическим вопросам? Что Вы думаете о ближних и дальних перспективах развития Вашей науки?
>
> 2. Что бы Вы посоветовали будущим обществоведам, какими мыслями о бытии и мире поделились бы с поколением, которое придет нам на смену?” *(Конец цитаты. — А. А.).*

Как видно, руководители проекта апеллируют прежде всего к старшему поколению российских социологов. И это правильно! Дело в том, что возраст некоторых из первопроходцев современной российской социологии уже перевалил за 75. По счастью, большинство из них пока в добром здравии, но уже нет среди нас *Геннадия Батыгина, Николая Гиренко, Игоря Голосенко, Валерия Голофаста, Леонида Гордона, Германа Дилигенского, Тамары Дридзе, Наталии Козловой, Наталии Паниной, Эльмара Соколова*, некоторых других выдающихся социальных исследователей (я называю потери только последних пяти-шести лет; причем как правило — безвременные, ранние уходы...).

И пусть это прозвучит даже кощунственно, надо “успеть” запечатлеть живые лица и “записать голоса” старших и младших “шестидесятников”, равно как и тех, кого Б. Докторов называет “шестидесятилетними” (кому сегодня около 65...), а не только сохранить их труды на книжных полках... Одним из способов такого сбережения памяти (увековечения...) являются автобиографические тексты, профессиональные биографии, интеллектуальные автопортреты.

Не менее ценным, чем биографическое интервью (иногда возникающие по юбилейным поводам, с трудно преодолеваемой в таких случаях парадностью, чего, впрочем, нельзя сказать о большинстве интервью, опубликованных в “Социологическом журнале” и в “Телескопе...”), являются воспоминания об ушедших, вообще — “акции памяти”... К числу самых ярких примеров таких акций в нашей сфере можно отнести издание книги *“Социологический калейдоскоп (памяти Леонида Абрамовича Гордона)”* (М.: Прогресс-Традиция, 2003), вышедшей под редакцией его коллег Г. Дилигенского, Э. Клопова и А. Назимовой. Этот коллективный труд состоит из трех частей: 1. Фрагменты из сочинений Л. А. Гордона. Библиография его трудов; 2. Статьи, посвященные памяти Л. А. Гордона; 3. О Лене, Леониде, Леониде Абрамовиче... Листки воспоминаний. [15]

Вообще, среди “человеческих” документов (письменных...) о тружениках науки (что, впрочем, относимо и к любой сфере деятельности...) могут быть выделены *собственно биографические*, *ауторефлексивные* (часто это сочетается в мемуарах и биографических интервью...) и *воспоминания* ***о...*** (данном человеке, ныне здравствующем или покойном).

Стоит заметить, что многие авторы. перейдя 60-летний и — особенно — 70-летний рубеж, сами ищут способа подведения некоторых (все же, лучше сказать, промежуточных, а не окончательных...) профессиональных и жизненных итогов. Иногда это капитальные труды “о времени и о себе” (например: *И. В. Бестужев-Лада*. Свожу счеты с жизнью. Записки футуролога о прошедшем и приходящем. М.: Алгоритм, 2004, 1152 с.). Иногда — деловые и лаконичные “Записки социолога” (так называется книга старейшего питерского социолога *Самуила Кугеля*, вышедшая в издательстве “Нестор-История” в 2005 г.). К этому жанру можно отнести и тематизированную интеллектуальную автобиографию *Владимира Шляпентоха* (“Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом”; СПб.: Изд-во журнала “Звезда”, 2003).

Хочется упомянуть здесь автобиографические заметки *Игоря Кона* — “Эпоху не выбирают” (в наиболее полном виде опубликованы на сайте МБИ) [16], “Страницы творческой биографии” *Татьяны Заславской* (опубликовано в: Реформаторское течение в отечественной аграрно-экономической мысли, 1950-1990. М., 1999, с. 37-82; см. также на сайте МБИ)...

Бывает, что автор не стремится к последовательному автобиографическому повествованию, а в свою собственно научную работу включает отдельные биографические фрагменты и реминисценции. Примеры: *В. Н. Шубкин.* Насилие и свобода. Социологические очерки. М.: На Воробьевых, 1996; *В. С. Дудченко*. Абсолютный консультант, или секреты успешного консультирования. М., Кватро-Принт, 2004. [17]

При том, что первоочередным делом в формировании корпуса автобиографий советских и постсоветских социологов является обращение именно к “шестидесятникам” и “шестидесятилетним”, стоит, мне кажется, постепенно расширять круг приглашений и поиска. Не следует забывать, что современная, актуальная история российской социологии творится уже не в меньшей, а в большей мере “пятидесятилетними”, “сорокалетними” и еще позднейшими поколениями ученых.

Заслуживает специального обсуждения вопрос о принципах отбора персоналий для включения в проект МБИ. Здесь возможны разные подходы. Один, назовем его *формальным*, предполагает строгое ограничение “выборки” возрастными, статусными, возможно, какими-то еще критериями. Но уже сегодня в реестре лиц, представленных на сайте Шалина-Докторова академики и профессора прекрасно “уживаются” с учеными, не имеющими даже кандидатской степени. И — слава Богу! Не только формальными регалиями определяются профессиональная репутация и научный вклад.

Другой подход — *интуитивный*. Тогда организаторы сайта и проекта следовали бы своим не строго очерченным представлениям об “уместности”, релевантности той или иной персоналии в архиве-коллекции мемуаров и биографических интервью. Но трудно рассчитывать, что такая выборка будет репрезентативной, хоть по формальным, хоть по содержательным критериям.

Нам представляется в данной ситуации оптимальным подход с позиций *стихийного* формирования выборки мемуаристов и субъектов биографических интервью. Вряд ли критерии отбора даже “Социологического журнала” (Г. Батыгин и его сотрудники) и “Телескопа...” (Б. Докторов, М. Илле) одинаковы. Не говоря уж о явно отличающихся от них критериях “Журнала социальной антропологии и социологии” (где преобладают юбилейные интервью, причем “не ниже” докторов наук). Кто-то из интервьюируемых склонен к парадным, кто-то — к исповедальным, кто-то к аналитическим ретроспекциям

собственного пути и места в науке, и к соответствующим взглядам на научное движение в целом. В любом случае материалы “истории российской социологии в лицах” подлежат преимущественно *качественному*, а не статистическому анализу. Искажения, связанные будь то с выборкой, будь то с иными “привходящими” обстоятельствами, могут быть минимизированы лишь квалифицированной интерпретацией. Кроме того при не направленном отборе происходит, с высокой вероятностью, взаимопогашение субъективных “перекосов”.

Здесь действуют иные критерии репрезентативности, которая оказывается не структурной, а *типологической.* В своем анализе типов “биографических ниш” советских социологов С. Рапопорт в континууме от “официального” до “неофициального” полюсов выделяет “руководящую”, “рядовую” (“рутинную”), “почти официальную”. “эзоповскую”, “там- и самиздатскую” и “устную” социологию. По мысли С. Р., этому подразделению неоднозначно соответствуют три главные биографические ниши, которые — в нашем пересказе — обозначим упрощенно: (1) *“карьеристы”*, (2) *“выживающие”* и (3) *“любознательные”.* [18] Так вот, мало реалистично, да и не нужно стремиться к пропорциональному представительству названных (или иных...) типов, важно лишь, чтобы все они присутствовали в коллекции мемуаров и автобиографических повествований.

...Сама по себе совокупность историко-биографических материалов на сайте МБИ представляет чрезвычайную культурную ценность, как в целом, так и в отдельных своих сегментах. Но каковы возможности дальнейшей работы с этими текстами?

Весьма серьезный опыт науковедческого анализа процессов развития современной российской социологии находим в недавно вышедшей коллективной монографии: *Социальные науки в постсоветской России* / под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой, Э. М. Свидерски. М.: Академический проект, 2005.[19]

В частности, в вошедшей в эту монографию работе *Г. Градосельской* (при участии Г. Батыгина) представлена интереснейшая попытка исследования сетевых коммуникаций в профессиональном сообществе *на материале совокупности автобиографических нарративов* ведущих советских социологов.[20] На базе регистрации упоминаний всяким отдельно взятым актором (автором текста...) своих коллег строится *“эгоцентрическая сеть”* данной персоналии.[21] Следующим шагом анализа является построение *социоматрицы,* дающей сводную картину всех зафиксированных в обозреваемых текстах сетевых связей. Далее оказывается возможной уже и количественная обработка этих данных, построение графов, выделение сильных связей и “центральных” фигур, а также участков наибольшей плотности связей (например, “научные школы”...). [22] При этом последнее слово, на мой взгляд, остается все же за качественным анализом, интерпретацией эмпирически зафиксированных коммуникативных сетей.

В той же коллективной монографии присутствует работа *Н. Мазлумяновой* “Жизнь в науке”: концептуальная схема и описание биографических материалов российских социологов”. Здесь предпринята попытка качественного исследования карьер специалистов в области общественных наук на базе биографических интервью Б. Грушина, Ю. Левады, В. Радаева, Г. Батыгина, В. Ядова, Л. Дробижевой и др. из архива сектора социологии знания Института социологии РАН.

Материалы биографических интервью, представленные в книге “Российская социология шестидесятых в воспоминаниях и документах”, также активно использовались Б. Фирсовым в упомянутом выше курсе лекций по истории советской социологии (2001).

...Это только первые опыты. Перспективы как качественного, так и количественного анализа биографических материалов, собранных на сайте МБИ, представляются весьма разнообразными и значительными.

Персональные автопортреты и коллективный автопортрет российских социологов

Достаточно острым вопросом “истории российской социологии в лицах” является обращение/необращение за биографическим интервью к персонажам, сыгравшим так или иначе заметную роль в истории нашей науки, но при этом их роль с современной точки зрения скорее кандальна либо зловеща (ну, как скандальна фигура Булгарина или же как зловеща фигура Бенкендорфа в истории литературы пушкинского времени). Далее, у автора (он же — “герой”!) автобиографического нарратива, особенно такого, который предназначен для публикации (как в случае проекта МБИ...) нередко возникает искушение представить себя в наилучшем виде путем где “приписок”, где умолчаний, где самооправданий, т. е. обнаруживается, как минимум, неспособность быть себе самому “высшим судом”. Как избежать таких ситуаций и надо ли их избегать?

Точка зрения автора этих строк довольно подробно отражена в нашей переписке с Б. Докторовым. Приведу здесь извлечения из своего апрельского (2006 г.) письма [23]:

> “...Еще раз к вопросу об “одиозных” персонажах в твоей исследовательской практике. В одном из моих предыдущих писем <...> есть такой пассаж:
>
> “...Твой интерес (в своей историко-науковедческой миссии) к фигурам, так сказать, одиозным (нарочно их сейчас не называю повторно) вызывает у меня, признаться, противоречивое чувство. Я уверен, что “юбилейных” интервью у такого рода персон было более чем достаточно. <...>
>
> В общем, если тебе так уж нужна “репрезентативная” выборка (так сказать, “каждой твари по паре”...), то не лучше ли воспользоваться для этих целей уже имеющимися материалами, а себя как бы “поберечь”... от этих мазохистских упражнений?
>
> Уж не говорю о том, что “объективистское” соседство в твоей выборке, скажем, Ядова и Парыгина выглядело бы по меньшей мере странно. Хоть и тот и другой “успешны”... К критерию “успешности” (“много сделал”...), более или менее объективному, я бы добавил еще вполне субъективный критерий “приличности” (с точки зрения автора проекта, разумеется). А то рядом с потенциальной “очередью” в твою галерею не выстроилась бы очередь на выход из этой галереи. <...>
>
> Вообще, и без интервью с “парыгиными” у тебя останется большое разнообразие “судеб” и “лиц”. Разве нет?...” *(Конец внутренней цитаты. — А. А.).*
>
> Из другого моего, еще мартовского письма (адресованного непосредственно Лене Кесельману, но и тебе также):
>
> “...Конечно, есть в истории нашей бедной науки и монстры, и “нерукопожатные” персонажи. Хотя, например, Ядов даже для Ельмеева (имя чуть ли не нарицательное!) нашел какие-то теплые слова... (Интересно, что “злым гением” в его жизненной драматургии выступает скорее лицемерный Парыгин).[24] Отрицать же причастность тех или иных мало симпатичных нам или не столь уж чтимых нами (скажем, деликатно, так...) людей к актуальной социологической практике или к истории российской социологии, неправомерно.
>
> Так что в круге “званых” Борисом я, конечно, вижу не только “избранных”, но пока не вижу “случайных” людей...”. *(Конец внутренней цитаты. — А. А.).*

Д. Шалин справедливо замечает:

"...A statement from Rutkevich would also be helpful. As they say, no respectable Zoo can do without a rhino". *(Цитирую по твоему письму от 19.04).*

...Это — "носорог"... А вот как насчет "скунса" или "гадюки"?..

Теперь ты пишешь (21.04):

"...Из совокупности вопросов, которые мы стали с тобою неспешно обсуждать, хочу сегодня выбрать один: об освещении роли "одиозных" (в твоей терминологии) фигур в современной истории российской социологии. Хотя сами критерии отнесения того или иного ученого к сонму одиозных не очень-то ясны, будем исходить из того, что о критериях мы можем договориться. Тогда остается часть вопросов, как освещать эту одиозность, в какой мере историк имеет право, должен, может, обязан... касаться этой темы, подходить к ней, искать возможность встречи с этими фигурами...". *(Конец внутренней цитаты. — А. А.).*

...Вообще говоря, судить о человеке стоит не столько по тому, что он думает о себе сам, сколько по тому, что думают о нем другие. Если же конкретнее и операционально, то реальная роль каждого актора на "социологическом поле" может быть оценена, например, по частоте его упоминаний в интервью других, по занимаемому им месту в этих текстах и, далее, по "знаку" выказываемого к нему там авторского отношения. (В общем — азбука контент-анализа...).

Г. Градосельская своими коммуникационными сетями и матрицами в статье из сборника "Социальные науки в постсоветской России"... сделала только первый, важный шаг в этом направлении анализа (например, в построенной ею на материалах еще давнего интервью Ядова его "эгоцентрической сети" — Парыгин, Сигов, Черкасов и Заславская мирно и безоценочно фигурируют рядом друг с другом...).

<...> Вообще, что касается "одиозности" (как, впрочем, и "сверхценности") общественно значимых (или хотя бы просто известных...) фигур, то иного, более объективного, критерия, кроме профессионального "общественного мнения", увы, нет. Не мне тебя учить, как исследовать общественное мнение... Однако это очень трудно, при живых-то "объектах=субъектах". И при том, что "общественное мнение" может меняться (в том числе, отчасти, и под влиянием твоих публикаций). Остается полагаться — пока — на *меру, такт, искусство* того, кто отважился на такое исследование. То есть на критерий уж и совсем субъективный...

<...> Отзыв Ларисы Федотовой на твою книгу [25] в "Телескопе" я, разумеется, читал. С твоей постановкой вопроса о собственной работе как "заготовках для тех, кто начнет систематически изучать, описывать историю советских/российских исследований..." я вполне согласен. Равно как и с твоим размышлением о "независимости ученого, несвязанности его с принадлежностью к тем или иным отечественным школам... его полной свободе в интерпретации фактов и построении обобщений".[26]

В известном смысле ты, по своему нынешнему положению (не только географическому, но и социально-профессиональному), а также по ряду личностных и биографических особенностей, — оптимальная фигура для такой "подготовительной работы". Что ты, судя по твоему письму, и сам хорошо понимаешь...

Еще — воспользуюсь случаем, чтобы высказаться касательно вашего диалога с Натальей Мазлумяновой, вывешенного на сайте.[27]

Можно сказать, что Н. М. является сторонником более "жесткой", "дотошной" манеры ведения интервью. Тебе, судя по всему, ближе — более "мягкая" или "щадящая" манера. Разумеется, и ты, и она отвергаете крайности той или иной формы беседы. Далее, Н. М. позиционирует себя (не люблю это выражение, да ладно...) в качестве исследователя научных карьер, с их внешними обстоятельствами и внутренними мотивациями... Для нее интервьюируемый как бы больше объект, чем субъект...Ты — формулируешь свою задачу как исследование *судеб* российских социологов. Чем постулируешь не абстрактную, а конкретную (для тебя...) субъектность своих героев.

В принципе возможно взаимодополнение (взаимооплодотворение...) этих позиций или подходов.

Примечательно, что Н. М. видит перспективу последующей более или менее строгой обработки собранных материалов (что наверняка не чуждо и тебе...). И она, как и я, усматривает в этой работе возможность написания "истории российской социологии в лицах". И ты (опять же, как и я...) не ожидаешь от данного метода

“самодостаточных” результатов. И тем самым, среди прочего, подкрепляешь свое “интуитивное” желание дать побольше “воли” своим собеседникам (даже если они где-то себя приукрасят или что-то существенное опустят...).

Мне было интересно следить за поворотами вашей с Н. М. беседы, в которой я, пожалуй, не усматриваю полемики, а скорее партнерское развитие темы: “с одной стороны...” и “с другой стороны...”. Могу предложить “с третьей стороны...”: Какое бы интервью ни взять, хоть “допрос с пристрастием...”, хоть “дружеское попустительство” интервьюера своему герою (этакое laissez faire...), мы имеем ***автопортрет*** конкретного человека**.** И это — главное, мне кажется.

Из множества автопортретов, каждый из которых, в принципе, может быть подвергнут определенной “расшифровке”, “декодированию”, во всяком случае — интерпретации (причем в контексте остальных интервью и иных документальных свидетельств, включая, очевидно, и научные труды героя), складывается ***коллективный автопортрет*** российских социологов...” *(Конец цитаты. — А. А.).*

Заключительные соображения

Подведем некоторые итоги.

Разработка истории новейшей российской (советской и постсоветской...) общественной науки, и в частности — социологии, пока только начинается. Но для этого созданы уже весьма серьезные заделы. Среди разнообразных ресурсов для такой работы немаловажное место занимают “человеческие документы”, в частности, мемуары и биографические интервью — особенно представителей старшего поколения российских обществоведов. Накопление историко-биографических материалов происходит как естественным путем, так и за счет целенаправленной работы отдельных подвижников по организации сбора и сбережения этих материалов.

Всякий автобиографический нарратив (мемуары...), будучи документом в высшей степени субъективным, является вместе с тем ценнейшим жизненным и историческим свидетельством, а более или менее масштабная коллекция таких повествований, в сопоставлении с другими, так сказать, “объективными” документами и источниками позволяет реконструировать реальную, не парадную и не казенную, *“живую”* историю данной общественной сферы (в данном случае — историю отечественной социологии...).

Отдельно взятый автобиографический текст (полученный в итоге неструктурированного интервью, свободной беседы, или как инициативное авторское произведение), имеет смысл АВТОПОРТРЕТА того лица, которому он принадлежит и жизни которого посвящен. Совокупность таких текстов, сложившаяся естественно или/и в итоге целенаправленной деятельности (типа “Международной биографической инициативы” Д. Шалина - Б. Докторова) может рассматриваться как КОЛЛЕКТИВНЫЙ АВТОПОРТРЕТ деятелей данной общественной сферы (в данном случае — российских социологов старшего поколения).[28]

Такой коллективный (групповой...) автопортрет элиты общественно-гуманитарной науки конкретного общества сам по себе является существенной историко-культурной характеристикой этого общества, значение которой выходит за рамки данной научной отрасли, как таковой.

Примечания:

(1) Общую постановку вопроса об “эстафете памяти” см. в нашей работе: “Эстафета памяти. Ресурсы, нормы и эффекты автобиографического повествования” в: *А. Н. Алексеев.* Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 2. СПб.: Норма, 2003, с. 471-

477. См. также: *Алексеев А. Н.* Эстафета памяти // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2001, № 4.

(2) Термины *советская, постсоветская, новейшая российская* (социологии...) здесь являются не строгими. Речь идет о социологии в СССР и преемственной с ней социологии на "постсоветском пространстве", что лишь с изрядной долей условности может обозначаться как "современная" или "новейшая" *российская* социология. Иногда говорят также: "российская социология советского и постсоветского периодов". Однако выработка адекватной историко-научной терминологии сейчас не входит в нашу задачу.

(3) <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>

(4) См.: *Б. А. Грушин*. Четыре жизни России в зеркале общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я "Эпоха Хрущева", М.: Прогресс-Традиция, 2001; Жизнь 2-я "Эпоха Брежнева", часть 1. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

(5) В скобках указаны год и номер соответствующего выпуска "Социологического журнала".

(6) Эта книга была издана лишь 20 лет с лишним лет спустя: *В. Голофаст*. Социология семьи. Статьи разных лет / В. Б. Голофаст; под ред. О. Б. Божкова. СПб.: Алетейя, 2006.

(7) Питерские социологи старшего поколения наверняка помнят бывшего сотрудника ядовского сектора в Институте социологии АН СССР *Дмитрия Шалина*, эмигрировавшего в США в середине 1970-х гг.

(8) Сайт Центра демократической культуры (Center for Democratic Culture) Университета Невады в Лас-Вегасе. Д. Шалин является директором упомянутого центра.

(9) Сегодня выход на соответствующую страницу сайта достигается также "нажатием" слова *Biographies* в левом столбце заглавной страницы.

(10) Автоаннотация проекта Б. Докторова - Д. Шалина цитируется по состоянию на июль-август 2006 г.

(11) IBI — The International Biography Initiative. В дальнейшем будем употреблять также сокращение на русском: МБИ (Международная биографическая инициатива). А соответствующий раздел сайта Д. Шалина будем называть: " сайт Шалина - Докторова", или "сайт МБИ".

(12) Некоторые авторы представлены двумя и более биографическими текстами, выполненными в различных жанрах (интервью, мемуары...).

(13) Стоит заметить, что название проекта — "Международная биографическая инициатива" указывает лишь на одну из его сторон. Другая — "Современная история российской социологии". Первоначально Б. Докторов и Д. Шалин говорили о двух взаимоскоординированных проектах: "Международном биографическом..." и "Истории российской социологии...": "International Biography and History of Russian Sociolology Projects feature interviews and autobiographical materials collected by scholars who participated in the intellectual movements spurred by the Nikita Khruschev's liberalization campaign" (Из аннотации проекта, по состоянию на апрель 2006 г.) Наверное, не следует добиваться чрезмерной логической строгости обозначения, в перспективе "свободного развития" и самодвижения проекта.

(14) Здесь приводится в редакции по состоянию на август 2006 г.

(15) Материалы этого последнего раздела были бы очень уместны на сайте МБИ.

(16) Это большой текст, около сотни компьютерных страниц, являющийся, пожалуй, образцом профессиональной автобиографии. Замечательна структура этих записок:

Времена и нравы *(концептуальное введение. — А. А.)*. 1. Люди и обстоятельства: Детство и юность; Вологодский пединститут; Философский факультет ЛГУ; ИКСИ и ИОН; Институт этнографии; В Москву, в Москву...; Свой среди чужих; Чужой среди своих; 2. Темы и проблемы: Первые публикации; Философия истории; О пользе и вреде чтения; История социологии; Новый мир. Социологическая публицистика; Национальный вопрос; "Социология личности" и "В поисках себя"; Дружба; Социология молодежи; Психология юношеского возраста; Этнография детства; Сексология; Лики и маски однополой любви; Сексуальная культура России; Мужчина в меняющемся мире.

(17) Пожалуй, к этой же категории публикаций можно отнести и нашу собственную: А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005. Хоть в центре повествования и сам автор книги, однако по существу исследуется срез общественной жизни определенного времени *на примере* и *сквозь призму* индивидуального сознания и поведения ("наблюдающее участие"). Вместе с тем, автор пытается "глядеть в себя как зеркало эпохи"... Полный текст названной книги представлен на сайте МБИ.

(18) *Рапопорт С. С.* Социология времен тоталитаризма: компендиум для нынешних" // Социологический журнал, 1998, № 1/2, с. 246-248.

(19) В значительной своей части эта коллективная монография представлена на сайте МБИ.

(20) Использовались 25 таких текстов, вошедших в упоминавшуюся выше книгу "Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах" (1998).

(21) Эта сеть характеризует круг реальных, *значимых* для данного актора (поскольку "заслужили" упоминания им в автобиографическом тексте...) других лиц. Кроме того компонентами сети оказываются так называемые "артефакты" — "важные события, сопровождающие упоминания о связях между персонажами".

(22) См.: *Г. В. Градосельская* . Сетевые коммуникации в профессиональном сообществе / Социальные науки в постсоветской России..., с. 228-261.

(23) Соответствующие фрагменты этой переписки опубликованы на сайте МБИ:
<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/alekseev/html>

(24) См. *В. А. Ядов*: "...Надо по возможности влиять на движение социальных планет..." // Телескоп..., 2005, № 4, с. 4.

(25) Имеется в виду книга: *Б. З. Докторов.* Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2005 .

(26) Цит. по: *Л. Федотова*. От Гэллапа к Грушину: приглашение к размышлению // Телескоп..., 2005, № 6, с. 56. Там же приводится еще одно существенное замечание Б. Докторова на эту тему:

"...К созданию... обобщающей работы, думается, можно приступать лишь через пару десятилетий. Все, что будет сделано раньше, может оказаться неточным, субъективным, политизированным... Более того, если я — российский аналитик — рискнул писать историю американских опросов, то может быть какой-либо американский или европейский ученый решится изучить зарождение и становление опросов в России? Поверь мне, в этом есть глубокий смысл...".

(27) См. "О том, что есть и чего нет в опубликованных интервью. Б. Докторов — Н. Мазлумянова". Опубликовано на сайте МБИ:
(http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/Mazlumyanova-Doktorov.html)

(28) Об историко-биографическом проекте Б. Докторова - Д. Шалина см. также интервью, взятое Н. Мазлумяновой у Б. Докторова: ""Международная биографическая инициатива": между Россией и Америкой" (опубликовано на сайте Полит.Ру: (http://polit.ru/science/2006/08/16/dohtur.html).

Апрель-август 2006

См. на эту тему также следующие работы А. Н. Алексеева:

- К вопросу об «истории российской социологии в лицах» (сетевая публикация, 2006). [34]

- История российской социологии в лицах (сетевая публикация, 2007). [35]

- Личностное науковедение (на примере современной российской социологии) / XXII Любищевские чтения. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2009. [36]

- Замечание об истории социологии «с человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2008, № 3. [37]

***

[34] См. на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/alekseev.html.

[35] См. там же: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_sociology.html.

[36] Электронная версия - http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_bioscience.html.

[37] Электронная версия - http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1216017615146483file.pdf.

(5) А. Алексеев Тезисы о биографии и со-бытии человека [38]

Из книги: Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. Т. 3. СПб.: Норма, 2010, с. 488-490.

1

- Биография – один из генетически исходных и универсальных способов отображения мира. «Одиссея» - это, кстати сказать, биография Одиссея.

- Кто пишет биографии? Ученые, художники (литераторы), «простые» люди. Предмет науки, искусства, самой жизни.

- Ученые (историки, социологи, психологи…) постигают устройство мира и человеческую природу через жизнь человека.

- Художники посредством биографии открывают людям их самих, «человеческий мир».

- «Просто» люди – рассказывают свою жизнь для общения с другими и для понимания самих себя.

- Грани между наукой, искусством и «просто» рассказом о жизни вовсе не отчетливы. Например, документальный фильм «Подстрочник» - это художественное исследование, но также и жизненная ретроспектива, и богатейшее поле для научного анализа (в частности, исторического, но и не только).

2

- В социологии есть понятие «исследование случаев». Случай – это некоторая развивающаяся конкретная ситуация, ставшая предметом углубленного исследования.

- Исследователя интересуют всевозможные подробности и нюансы динамической ситуации, но не ради них самих, а для постижения ее (ситуации) целостности.

---

[38] Сокращенный текст доклада на 7-х биографических чтениях памяти В. В. Иофе (апрель 2009).

Впервые опубликовано на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/analekseev-i-ego-trudy/tezisy-o-biografii-i-so/ Здесь цит. по сайту «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_bioevent.html.

- Целостная конкретная ситуация нужна исследователю для выявления общего и типичного в ней, для постижения, на ее основе и примере, неких общих социальных закономерностей.

- Ситуация есть воплощение закономерностей, но не прямое, а путем взаимоналожения, «сюрдетерминации» разных закономерностей. Даже исключительная ситуация обнаруживает некоторые общие правила.

- Например, «в истории исключение из правил есть правило правил» (Альтюссер [39]).

- Ситуация есть частное относительно общего, т. е. закономерности. «Хорошо увиденное частное может всегда считаться общим» (Гете).

- Исследование конкретных ситуаций имеет свои (не безусловные…) преимущества перед массовым, репрезентативным исследованием. «Один цветок лучше, чем сто, передает природу цветка» (Кавабата).

3

- Жизнь человека есть некое уникальное событие в рамках универсума. Но это также и СО-бытие, поскольку нет человека, который бы не взаимодействовал с другими в процессе жизни.

- Исследование жизни человека (= биографическое исследование) – это не просто обозрение повседневности, событий и процесса - истории его жизни. Это рассмотрение того, и другого, и третьего – в контекстах: биологическом, личностном, семейном, общественном, культурном, историческом…

- Для социолога или историка общественный и исторический контекст равнозначны с биографией как таковой. Постижение мира происходит «в точке пересечения биографии и истории» (Миллс).

- Для исследователя биографий эти последние не самоцель, а средство познания социального мира, исторических процессов и т. д.

- В частности, этим ученый отличается от художника, для которого человек как таковой является приоритетным предметом познания.

- Для человека же «рассказывающего жизнь» (свою ли, другого ли человека…) существен именно ДАННЫЙ человек, в его уникальности.

4

- Все эти положения, в их совокупности, могут рассматриваться как некий ключ к пониманию того, чем занимаемся, в частности, мы – социологи, применяющие биографический метод, историки, работающие с конкретным

[39] Луи Пьер Альтюссер (1918-1990) – французский философ, один из теоретиков структуралистского марксизма. См. о нем, например: http://politizdat.ru/fragment/45/.

биографическим материалом, а также – психологи, литературоведы, архивисты и т. д., своего рода археологи человеческих жизней, пытающиеся таким образом приобрести новое знание о человеке и мире.

- Ни один из способов постижения мира – научный, художественный, «житейский» не является предпочтительным перед остальными. Мало того, без двух других каждый является ограниченным и недостаточным.

- Однако пусть каждый, имеющий дело с биографией или даже сотворяющий ее, делает «свое дело», при этом постоянно «оглядываясь» на других.

- Иногда происходит намеренное или нечаянное вторжение на «чужую» территорию. Так, человек, «просто» рассказывающий свою жизнь, может стать источником мощнейшего художественного воздействия (вспомним опять же «Подстрочник»). В нем может проявиться и высокая аналитическая способность, ставящая его в ряд с исследователями социума или истории.

- Ученый может «преобразиться» (хотя бы отчасти) в художника. Реже (но вовсе не исключено) – наоборот. И если у того или другого не будет интереса к данной конкретной личности, в ее неповторимости, своего рода трепета перед ней, то ущербными могут оказаться и наука, и искусство.

- Мир целостен. Человеческая жизнь – тоже целостна. Ее отображение – научное, художественное или «житейское» - всегда более или менее фрагментарно. Однако и оно должно стремиться к целостности, как к «далекому желаний краю» (Ухтомский).

22.04.2009

***

Из книги: Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. Т. 3. СПб.: Норма, 2010, с. 490-502.

(6) А. Алексеев Дневник и письмо как формы социальной коммуникации

Впервые опубликовано, под этим же названием, в: Философские науки, 2008, № 5, с. 31-47. [40]

[40] Электронная версия - http://www.academyrh.info/html/2008/fn-8.pdf.
См. также на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/analekseev-sociolog/dnevnik-i-pismo/.

Дневник – ***для…***
Письмо – ***к…***
Статья – ***о…***
Общение – ***с…***
Коммуникация –
и ***для…***, и ***к…***, и ***о***…, и ***с…***
(Р. Ленчовский)

1. Коммуникация самому себе, другому и другим

Термин ***коммуникация*** многозначен. Он может употребляться и как синоним *общения* (обмена информацией) [41], и в значении *сообщения* (передачи информации). Здесь будет использоваться второе значение, этимологически исходное.[42] В структуре коммуникации как сообщения традиционно выделяются: *субъект-источник* (адресант, коммуникатор); *содержание* коммуникации; ее *форма*; ее *средства* (знаковые, технические, институциональные и др.); *адресат* (субъект, которому коммуникация предназначена; в случае, если это индивид – реципиент); *эффекты*. Коммуникация осуществляется в определенном *контексте* (ситуации, среде — социальной, исторической, культурной и проч.).

Различают вербальную (словесную) и не вербальную коммуникации, аксиальную («осевую») и ретиальную («сетевую»), личную (адресованную вполне определенному человеку) и массовую (адресованную анонимной аудитории), «коммуникацию-разговор» и «коммуникацию-распространение» (термины А. Моля), индивидуальную (где адресантом выступает индивид, личность, *лицо*) и институциональную (исходящую из социального института), диалогическую и монологическую. Коммуникация может быть также спонтанной и целевой.[43] Возможны и иные категориальные подразделения коммуникативного процесса.

Здесь не станем обсуждать все многообразие форм коммуникации, равно как и ее универсальные семиотические и иные механизмы. Сосредоточимся на *индивидуальной* коммуникации и, в частности, укажем на фундаментальное различение ее возможных адресатов. Таковыми могут быть: сам субъект-источник коммуникации; другое лицо (индивид, личность); аудитория (другие лица, группа, общность). Будем называть первый случай **коммуникацией самому себе** (можно говорить также: автокоммуникация) , второй — ***коммуникацией другому лицу*** и третий — **коммуникацией для других.**

От этих общих определений перейдем к рассмотрению индивидуальной коммуникации, воплощенной - дальнейшее сужение предмета! - в *письменном* тексте (он же – *скрипт*). Здесь для каждого из указанных случаев

---

[41] «*Коммуникация*… смысловой и идеально-содержательный аспект социального взаимодействия» (Новейший философский словарь. Минск: Изд. В. М. Скакун, 1998, с. 322). Здесь и далее в этом разделе подстрочные примечания воспроизводятся из первопубликации. *(Ред.).*

[42] *Communicatio* – сообщение, передача (лат.). Ср. у Э. Гидденса: «*Коммуникация*... Передача информации от одного индивида или группы к другим. Коммуникация является необходимой основой для всех видов социального взаимодействия…» (http://www.i-u.ru/biblio/archive/giddens_sociologija/15.aspx).

[43] Если коммуникация является целевой (т. е. субъект преследует цель, в которой «отдает себе отчет»), можно говорить не только об эффектах или последствиях, но и об эффективности коммуникации (в смысле соответствия результата цели).

коммуникации может быть усмотрен «идеальный тип» текста, характеризующийся своими содержательными и формальными особенностями, используемыми средствами, а также иными параметрами. Назовем эти типы, различающиеся адресатом коммуникации, условно: *дневник* (коммуникация самому себе); *письмо* (коммуникация другому лицу); *статья* (коммуникация для других). [44]

Сначала некоторые «очевидные» черты и определения.

Дневник по преимуществу монологичен; это аксиальная коммуникация; дневник сугубо личностен, импровизационен; он может быть насыщен фактами («записная книжка»), переживаниями, размышлениями («ауторефлексия»); может быть регулярным или эпизодическим, воспроизводящим последовательность событий («хроника») и отражающим движение чувств или хода мысли («поток сознания»). Можно продолжать перечисление вариаций. Принципиальным для нас является то, что дневник в любом случае обращен главным образом к самому себе, в этом его смысл и «организующее начало».

Письмо — тоже личностно и, как и дневник, есть аксиальная коммуникация; оно может содержать фактологическую и эмоциональную информацию; письмо может быть сугубо «информационным», «исповедальным» или «поучающим»; оно может быть посвящено обстоятельствам собственной жизни и жизни другого или других, а также обсуждать вовсе не личные обстоятельства; как правило, письмо «реактивно», т. е. откликается на предыдущие сообщения адресата («переписка»); оно может быть «целевым» и совершенно спонтанным, а также «ритуальным» (поздравительные открытки).

Письмо par excellence —это *разговор*, оно не монологично, а диалогично (т. е. рассчитано на реакцию собеседника). Вот в этой диалогичности и состоит его (письма) принципиальная особенность, проистекающая из специфики адресата: *другое лицо*.

Статья — наиболее условное из предложенных нами обозначений типов письменного текста. В разряд «коммуникации для других» относимы почти все жанры делового, журналистского, научного сообщения. Такая коммуникация адресуется *аудитории*, иногда специализированной, иногда массовой. В «статье» особенно ярко выражена целевая функция и минимизирован личностный момент. Здесь не меньшее видовое разнообразие, чем в иных названных типах письменных сообщений. Достаточно сказать, что художественная (литературная) коммуникация (радикально отличная от упомянутых выше) есть тоже «коммуникация для других»… Но для целей последующих типологических сопоставлений нам удобен термин «статья».

Является ли наша классификация полной, перечень типов, выделенных по адресату (на данном уровне обобщения) — конечным? Нет. Ибо возможна еще коммуникация, обращенная не «к себе», не «к другому» и не «к другим», а к некой «надчеловеческой» сущности: коммуникация «к Богу», «к Высшему существу», «к Универсуму»; именно индивидуальная, по субъекту-источнику,

[44] См. Алексеев А. Н. Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации // XII Любищевские чтения. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2000.

коммуникация, но апеллирующая к чему-то или к Кому-то, кого (чего) или нет, или есть, но Он (оно) принципиально непостижим (непостижимо).

Да и в рассмотренных ранее классах индивидуальной коммуникации могут присутствовать элементы такого трансцендентного общения: обращение к умершему или к еще не родившемуся, к «предкам» или к «потомкам». Само по себе адресование «к человечеству» может иметь общие черты с молитвой, обращенной к Небу.

Итак, нами выделены три категории, или класса индивидуальной письменной коммуникации, принципиально различающихся адресованием: к *себе; к другому; к другим,* Для них указаны, соответственно, три типа скриптов: *дневник, письмо* и *статья*. Более или менее понятна специфика каждого из этих типов. Но вообще-то самым интересным и перспективным — для последующего анализа — является прояснение взаимосвязей и взаимодополнительности этих форм.

Можно предположить, что здесь имеем дело с *системной триадой,* в смысле Р. Баранцева [45], поскольку каждый из вышеназванных концептов, по-видимому, соотносим (разумеется, не жестко и не однозначно!) с тем или иным элементом универсального семантического архетипа: интуицио (дневник), эмоцио (письмо), рацио (статья). В таком случае, исследование соотношения выделенных нами трех типов скриптов становится не частнонаучной, а философской, эпистемологической задачей.

И логически, и исторически *письмо* является, по-видимому, «праформой» индивидуальной письменной коммуникации. Оно зарождается как закрепленное в «письменах» личное послание, впрочем, очень рано совмещающееся (переплетающееся) с посланием «также и» к другим. Могут быть усмотрены в письме и элементы автокоммуникации.

При ближайшем рассмотрении, в любой из названных ипостасей индивидуальной письменной коммуникации можно усмотреть — актуально представленные или потенциально мыслимые — черты остальных. Иначе говоря, понятия «перетекают» друг в друга. По-видимому, правомерно выделение типов-«кентавров»: письмо-дневник; письмо-статья; статья-дневник. Принципиально возможен синтез: дневник-письмо-статья.

2. Публичность, корпоративность, приватность, интим

Изложенное выше стоит соотнести с известным различением сфер *публичности* и *приватности*.

Публичность предполагает открытость (доступность для всеобщего обозрения, восприятия, участия) социальных связей и отношений, включая «коммуникацию для других». Здесь могут быть выделены «градации» публичности. Так, *массовая* коммуникация потенциально доступна всем и каждому, кто пожелает с нею ознакомиться, хоть фактически она - в различных своих подразделениях - как правило, обращена к определенной, целевой аудитории. К сфере публичности относится и *специальная* коммуникация (например, научные тексты, правовые акты и проч.), которая также в принципе доступна всем; другое дело, что не у всех она может вызвать интерес или быть понятой. Таким образом, можно говорить о потенциальной и фактической,

[45] См. Баранцев Р. Г. Становление тринитарного мышления. М.-Ижевск.: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2005, и др. работы этого автора.

реальной публичности (так же как различают потенциальную и реальную аудитории).

Особую разновидность специальной коммуникации составляют тексты, адресованные аудитории, состав которой заранее определяется, а масштабы ограничиваются - какими-либо правилами или установлениями («только для…» или «для служебного пользования», государственная тайна, коммерческая тайна и проч.). Область такого ограничения, или регламентации, особенно деловой (но и не только…) коммуникации, во всяком обществе достаточно велика. Ясно, что это уже не публичная сфера. Но и не приватная, разумеется. Такую коммуникацию «для избранных» можно назвать **корпоративной** (имея в виду расширительное толкование этого слова).

(Кстати сказать, соотношение, пропорции публичной и корпоративной коммуникации является важным показателем, характеристикой свободы распространения информации, и вообще – открытости общества).

Обратимся к **приватной** сфере, или сфере личной автономии. Здесь тоже множество степеней и градаций. Сразу оговорим, что приватной может быть коммуникация и самому себе, и другому, и для других. В первом и втором случаях – понятно. В третьем – имеет место ограниченное число персональных адресатов, некое «расширение» приватности (в противовес «сужению» публичности, о котором говорилось выше). Не вполне переводимое на русский понятие p*rivacy*, относимое обычно к «частной жизни», в общем объемлет всякий конфиденциальный обмен информацией между людьми, как частными лицами.

Частное лицо выступает то адресантом, то адресатом приватной информации, но не следует забывать и об индивидуальности, личности, коммуникация которой может быть принципиально закрытой от всяких «посторонних глаз», это сфера **интимност**и (в расширительном смысле). Разумеется, тут не приходится говорить о типе текстов, условно обозначенном нами как статья. В «интимной» сфере бытуют коммуникация другому и – особенно – коммуникация самому себе.

Подведем некоторый предварительный итог. Нами проведено различение сфер: публичности, корпоративности, приватности и интимности, применительно к индивидуальной письменной коммуникации. Корпоративность есть урезанная публичность. Интимность – сугубая, акцентуированная приватность. С другой стороны, выше было предложено различать коммуникацию самому себе, другому и для других. Как сопрягаются эти два ряда категорий?

Дневник, по определению, *интимен*; письмо, по преимуществу, *приватно*; статья, как правило, *публична* (хоть может иметь и достаточно узкую, *корпоративную* сферу распространения). В сущности, эти определения вытекают из различия адресов – от «самого себя» до «граду и миру».[46]

3. Многообразие писем

Рассмотрим подробнее письмо, не как тип письменной коммуникаций другому, а как реальный социальный феномен в максимальном приближении к обыденному толкованию этого слова: “*Письмо* - написанный текст, посылаемый

[46] Заметим, что, согласно такой классификации, даже такие личностные скрипты, как воспоминания или семейная хроника, являются «статьями».

для сообщения кому-н. чего-н.”.[47] При этом будем, по мере необходимости, обращаться к ранее представленной коммуникационной модели, а также к различению сфер в континууме от публичности до интимности.

К специфике письма (будем говорить также – *послание*) как формы текстового сообщения относятся:

а) пространственно-временная *разделенность* участников коммуникации (в отличие от наличия или актуальной возможности непосредственного контакта между субъектами общения);

б) более или менее четко обозначенная *адресованность* сообщения определенному лицу или кругу лиц, а если к анонимной аудитории — то с прямым обращением (апелляцией...) к определенной группе (группам);

в) вытекающая из п. «а» необходимость фиксации сообщения на некотором *материальном носителе*, который может перемещаться в пространстве и сохраняться во времени.

Уже эта первая попытка охарактеризовать наш предмет обнаруживает высокую степень разнообразия в его рамках. К примеру, интервал между отправкой и получением сообщения может измеряться как годами, так и секундами... Варианты послания: от индивида к индивиду, от индивида к группе людей, от группы к индивиду; от группы к группе. Возможные материальные носители: вещественный, волновой, магнитный.

Чтобы не утонуть в этом море многоразличий, введем некоторые ограничения. Письмо почтовое или электронное, телеграмма или факс — это всего лишь “технические подробности”. И хоть всякое техническое средство коммуникации существенно обуславливает и сам стиль общения, и даже его содержание, здесь от этой специфики отвлечемся.

Рассмотрим простейший случай, когда и отправитель письма, и его получатель являются индивидами. Письмо “от одного к другому” в предложенной нами ранее модели предстает одним из видов коммуникации, имеющей своим источником конкретное лицо. Такое письмо *моноадресно* (в терминах теории информации - аксиальная коммуникация). Независимо от содержания, письмо конкретному лицу, как правило, не рассчитано на “постороннее” восприятие. Это, понятно, не относится к случаю адресованного индивиду *официального* письма, которое, строго говоря, имеет лишь формально индивидуализированный (подпись, факсимиле), а по существу — *институциональный* источник.

В свете сказанного, элементарным видом письма является письмо в сущности *приватное* (частное), хотя бы оно трактовало и не личные вопросы. Приватность — антитеза *публичности* (см. выше). В этом последнем случае субъектом-источником выступает тоже индивид, однако письмо принципиально *многоадресно* (ретиальная коммуникация).

Возможно ли «приватное многоадресное» письмо? Строго говоря, оно в таком случае перестает быть частным. Но тут возникают варианты. Круг лиц, которому адресовано послание, может быть весьма узок, и тогда послание

[47] Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994, с. 509.

сохраняет некоторые признаки приватности. А обратная комбинация — «публичное моноадресное» письмо? Такое тоже вовсе не невозможно (так называемые *открытые* письма определенному лицу), но тогда письмо оказывается лишь по форме моноадресным (индивидуализированное обращение...), а по существу адресовано “граду и миру”.

Еще раз оговорим, что в этих различениях мы отвлекаемся от содержания сообщения. Это все различия только по характеру связи между субъектами общения.

Уже в предыдущей попытке рассмотреть оппозиции “приватности-публичности” и “моно-” и “многоадресности” мы начали выходить за рамки “коммуникации другому” и обсуждать также “коммуникацию для других”. В принципе письмо в обыденном смысле больше ассоциируется с первым, однако в теоретической классификации оба случая равноправны.

Коммуникация для других имеет многоадресность своим атрибутом, или имманентным признаком. Ее публичный (хотя бы в некоторых случаях и ограниченно...) характер также очевиден. При этом возможно “равноправие” и “неравноправие” адресатов: В первом случае письмо обращено в равной мере ко множеству людей; во втором — оно имеет приоритетного адресата, а остальные получают его (письма) как бы копии. Далее, адресаты могут быть поименованными или анонимными. Универсальной формой последнего случая является массовая коммуникация, которая обращена к анонимным аудиториям (см. выше).

Вообще, адресатом публичного письма, по определению, является *аудитория.* Тут уместно различать аудитории *потенциальную* и *реальную.* Первая — объемлет всех, для кого данное сообщение предназначено; вторая — включает только тех, кого оно реально достигло. (Мы вполне отдаем себе отчет в том, что сказанное об аудитории и т. д. относится к коммуникации вообще, но оно, понятно, справедливо и заслуживает учета при рассмотрении феномена письма, как ее частного случая.

Далее, попробуем выйти за пределы ситуации, когда отправитель письма, или источник сообщения, индивидуализирован. Вариантом жанра “письма” (уже не в узком, обыденном, а в широком, теоретическом смысле) являются *институциональные* документы, имеющие характер послания. Тут и “обращение к народу”, и дипломатическая нота, и даже рекламный слоган... Стремясь избежать чрезмерной универсализации понятия письма, ограничим это случаями, когда имеет место прямое обращение к некоторому кругу читателей (будь то “товарищи”, “господа” или “уважаемый господин Президент”).

Понятно, что институциональный документ может иметь и очень ограниченную аудиторию, т. е. быть *закрытым* (в отличие от “открытых писем” и вообще публичных текстов). Документы “для служебного пользования”, скажем, — это тоже “письма”. Господствующие социальные институты, различные ведомства и т. д. часто устанавливают ограничения на публичность (в рамках Закона или даже вопреки ему), чем делают свою деятельность непрозрачной.

С другой стороны, *приватное* письмо принципиально не должно быть “прозрачным”, а всякая перлюстрация (за исключением специально оговоренных з аконом случаев) является посягательством на тайну личной жизни, равно как и не разрешенное автором и адресатом “чтение чужих писем” подлежит моральному осуждению.

Последние замечания, впрочем, относятся скорее уже не к многообразию писем, как таковых, а к социальным условиям “бытования” письма, что есть отдельная тема.

Наконец, может ли письмо быть коммуникацией самому себе? Да, это не что иное как *дневник*. Дневник выступает таковым письмом если не субъективно (человек может считать свои дневниковые записи и безадресными...), то объективно. Но специально о дневнике – ниже.

Укажем еще на различение писем по основанию: *монологичность — диалогичность.* Как уже отмечалось, письмо – это по преимуществу *разговор.* Потенциально всякое письмо предполагает ответ; отправитель рассчитывает на обратную связь (“переписка”). Но это ожидание ответной (или “встречной”) коммуникации может быть подкреплено либо нет формой послания, может быть эксплицировано в тексте либо только подразумеваться. В последнем случае письмо оказывается своего рода монологом. Особенно это наглядно в случае коммуникации публичной, где достаточно отчетлива разница между письмом-*обращением* (диалогичность) и письмом-*заявлением* (монологичность).[48]

Итак, монологичное письмо — это письмо, не претендующее на ответ, или же — не дающее прямого повода для ответной коммуникации. В отличие от диалогичного письма, предполагающего обмен сообщениями и периодическую смену ролей адресанта и адресата.

Еще одно теоретическое различение: *письмо-диалог; письмо-прошение; письмо-предписание.* Это – разные модальности вербального взаимодействия. Первая – разговор «на равных» или, согласно модели К. Пигрова, «горизонтальная» коммуникация, в отличие от «вертикальной».[49] Второе и третье – иерархически выстроенная коммуникация: прошение обращено «снизу вверх», а предписание – «сверху вниз».

Как видно, многообразие писем, их классов и разновидностей, вообще, является исключительно высоким. Мы здесь вовсе не претендуем на полную систематизацию, а лишь пытаемся обозначить возможные способы письменного общения, основания для классификации и т. п.

4. Сообщение, отображение, изъявление

Заслуживает специального обсуждения вопрос о *полифункциональности* письма. Каковы вообще функции письма (послания), в самом общем виде? Хотелось бы возвести их к фундаментальной модели всякой человеческой коммуникации, в которой, как нам представляется, могут быть выделены три взаимодополнительных момента: *сообщение, отображение* и *выражение* (или *изъявление*; ср. у Довлатова: литература — изъявление внутреннего мира).

Во всякой коммуникации имеет место передача информации, а поскольку речь идет о взаимодействии субъектов (акторов, коммуникантов),

---

[48] Заметим, что в российской институциональной практике, идущей от советских времен, “заявлением” называется в сущности “челобитная”: “*Прошу* принять меня на работу...”, “*прошу* решить мой вопрос...”, — пишет гражданин работодателю или чиновнику, даже не подозревая, что просьба вовсе не есть “заявление”...

[49] См . Пигров К. С. Забота о своей духовности, или техника скриптизации индивидуальной жизни / Vita Cogitans: Альманах молодых философов. Выпуск 4. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004, с. 76-83.

уместно говорить о сообщении одним другому некоторой информации (“контента”, содержания).

Далее, во всякой человеческой коммуникации передаваемая информация так или иначе отображает реальность, точнее - некоторые фрагменты ее. Кем-то сообщается кому-то информация о *чем-то* из реалий мира.

И, наконец, в каждом человеческом сообщении представлен субъективный момент; в коммуникации иногда явным, иногда неявным образом выражена позиция, изъявлено отношение субъекта общения к отображаемой реальности.

Спускаясь на менее абстрактный уровень рассмотрения, говоря о феномене именно письма, заметим, что в любом письме присутствуют все три момента, которые могут интерпретироваться также как *функции*. Притом, что та или иная функция может оказаться приоритетной. Письмо-сообщение (по преимуществу) отличается от письма, выступающего предпочтительно формой выражения или самовыражения).[50] Соответственно, то и другое отличаются от письма-отображения (по преимуществу). В принципе возможно и “равноправие” указанных выше трех функций в конкретном письме.

Заметим, что общение, отображение и изъявление, как функции письма, могут быть сопоставлены с системной триадой «свободной жизнедеятельности»: *общение*, *познание* и *творчество*.[51]

Здесь для нас принципиален сам факт полифункциональности всякого письма. Отправляя письмо, мы сообщаем другому нечто о себе и мире; другой же из нашего письма узнает нечто о мире и о нас самих (даже если специально “о себе” мы ничего не сообщали).

С этой точки зрения может быть переосмыслена и наша попытка обозрения многообразия писем. Представление о письме как *акте общения*, как *документе времени* и как *автопортрете пишущего* (что соответствует нашей триаде функций) позволяет приблизиться к пониманию всего богатства размежеваний и пересечений признаков письма, выделенных выше по основаниям моно- и многоадресности, приватности и публичности, личностности и институциональности...

Так, приватное письмо, адресованное современнику с целью сообщить нечто, скажем, о себе самом, может годы спустя приобрести смысл публичного свидетельства об исторической эпохе. А собрание частных писем исторической личности может сказать о ней больше, чем тома адресованных широкой аудитории сочинений. С другой стороны, стилистика институциональных писем и обращений чрезвычайно информативна, в частности, для социокультурной и психологической характеристики их авторов. И т. д., и т. п.

Может быть, самые яркие примеры совмещения указанных выше функций и форм письма предъявляет современная “мировая сеть” (Интернет). Думается, что изложенные общие положения и предложенная концептуальная схема значимы и для анализа таких новейших форм социальной коммуникации

---

[50] «Есть письма-сообщения (деловые и дежурные), и есть письма-воплощения. Потребность же в воплощении – самая обычная, и самое обычное средство ее удовлетворения – слово (быть может, потому-то, в силу обычности, оно и самое человеческое средство: человек на санскрите - говорящий слова). Стремление к воплощению становится предосудительным, когда забывает о своей обычности и рядится в исключительность» (Кетегат А. О письме-воплощении… Цит. по: Алексеев А. Н. Драматическая социология… Том 1, с. 303. Электронная версия - http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_276-441.pdf).

[51] Алексеев А. Н. Драматическая социология… Том 1, с. 507-510. (Электронная версия - http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_442-547.pdf).

(глобального общения), как “форумы”, “блоги”, “живой журнал”, не говоря уж об обычной электронной переписке с явными и скрытыми копиями, пересылками и т. д. Однако обсуждение этих специальных вопросов уже выходит за рамки нашей темы. [52]

5. Дневник и «протоколы жизни»

Теперь обратимся к специфике ***дневника*** как типа *скрипта* и реального социального феномена. Дневник есть имманентная и, можно сказать, универсальная форма письменной автокоммуникации, способ оперативного отображения личностью (для себя самой!) внешних и внутренних событий своей жизни. Эти события неизбежно вплетены как в жизнь непосредственного окружения пишущего, так и в “жизнь историческую”. [53]

Каковы “собственные” черты дневника как типа письменных текстов? В отличие, скажем, от «письма» (которое обычно предполагает реакцию адресата, и постольку диалогично), дневник, как уже говорилось, по преимуществу монологичен (по форме). В отличие от “статьи” (в которой личные моменты, как правило, элиминированы), дневник сугубо личностен. Формы дневника чрезвычайно многообразны. Здесь нет каких-либо жанровых канонов или ограничений. Несмотря на видимую монологичность, дневник есть форма общения или диалога *с самим собой*.

Здесь отвлекаемся от случаев, когда дневниковая форма используется как литературный (художественный или публицистический) жанр и изначально имеет место ярко выраженная “коммуникация для других” (например, “Дневник писателя” Ф. М. Достоевского).

Попытаемся все же как-то упорядочить чрезвычайное разнообразие форм и воплощений дневниковой практики. Представляется возможным выделить три типа дневника:

а) *“дневник души”* (дневник в традиционном и, пожалуй, узком смысле слова, сугубое “общение с самим собой”, причем на первый план выходят личные переживания и самоанализ; такой дневник обычно аутоисповедален);

б) *“дневник духа”* (в котором личное “я” отходит на второй план, а дневник оказывается своего рода копилкой символов, образов, мыслей и лабораторией творчества; часто — это сырье для будущих произведений; пример – «Записные книжки» А. П. Чехова);

в) *“дневник факта”* (где главный упор делается на внешних событиях жизни, а личные переживания и размышления отсутствуют либо сведены к минимуму).

Как и в представленной выше типологии индивидуальной письменной коммуникации, здесь имеем дело с идеальными типами. В реальной

---

[52] См., например, сборник: Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet / Под ред. Волохонского В. Л., Зайцевой Ю. Е., Соколова М. М. СПб.: СПбГУ, 2007. (Электронная версия -http://volokhonsky.ru/internet/). *(Ред.)*.

[53] Именно в силу этого дневник может приобрести и иногда приобретает, независимо от намерений автора, смысл послания другому лицу, или свидетельства (как биографии, так и истории) для других.

дневниковой практике описания событий обычно перемежаются впечатлениями и размышлениями; имеет место если не синтез, то синкретизм типов. И все же всякий дневник тяготеет к тому или иному типу.[54]

Ниже остановимся лишь на случае **дневника факта**, а точнее — на особой его разновидности.

...Конечно, человек может вести такие записи исключительно для себя — так сказать, для памяти: что когда произошло, с кем встретился, что предпринял, иногда — расписание дел, встреч и т. д. на будущее (так называемый ежедневник). Но в принципе возможна и иная — дополнительная, а иногда и выходящая на передний план — цель: фиксация событий частной жизни "на стыках" с жизнью общественной, в тех точках, где та и другая пересекаются. То есть целевая установка на фактографию *в контексте* данного исторического времени.

Тогда оказывается, что человек ведет эти записи как бы для себя, но по существу — и *не только для себя.* Здесь хочется вспомнить известное замечание А. С. Пушкина, засвидетельствованное А. Н. Вульф: "Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться".[55] Для такого рода дневника уместно использовать термин "протокол". Данную разновидность "дневника факта" будем называть ***протоколом жизни***.

Попробуем выявить некоторые особенности текстов такого рода путем рассуждения от противного: укажем сначала на то, чем протокол жизни заведомо *не* является, несмотря на некоторые внешние сходства и параллели.

1. Это — не хроника общественной жизни. Личности (если, конечно, она не ставит перед собой такой профессиональной, мониторинговой задачи) вовсе незачем конкурировать, скажем, со СМИ (выступающими сегодня многосоставной и полифонической летописью современности). Протокол жизни отображает только те социальные (возможно, мелкие и частные) события, эпизоды, в которых субъект жизни лично участвовал, был если не действующим лицом, то хотя бы очевидцем. В таком случае этот протокол приобретает характер *жизненного свидетельства*, тем, прежде всего, и ценного, что оно есть свидетельство непосредственного участника или наблюдателя.

2. Вместе с тем, протокол жизни — это не сугубо личностный документ. Здесь неуместны интимные подробности индивидуальной жизни. В этой разновидности дневника факта отражаются лишь такие "происшествия", которые, по мнению автора, представляют интерес и *для других,* — "чтобы могли на нас ссылаться" (если кому-либо когда-либо зачем-либо это понадобится). В таком случае, это документ также и — изначально! — *общественный*.

3. И, наконец, протокол жизни (как явствует из самого термина) — это вовсе не мемуары, не ретроспекция, не отложенное во времени описание или реинтерпретация, а именно протокол, который ведется *в ходе события* или составляется по его "горячим следам". Это — *первичный*, а не вторичный

---

[54] См. Алексеев А. Н. Драматическая социология… Том 3, с. 53. (Электронная версия - http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t3_1-207.pdf).

[55] А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, в 2-х томах. М.: Художественная литература, 1974. Том 1, с. 416.

документ личности и времени, не замутненный последующими напластованиями индивидуальной субъективности и влияний социокультурной среды.

И еще несколько замечаний (уже не от противного).

4. Протокол жизни — это своего рода тематизированная регулярная или эпизодическая *жизненная хроника*. Ее можно вести в утилитарных целях — фиксируются некие реперные события, ситуации, чтобы потом учесть в последующих собственных действиях. Это может быть и способ информирования других людей об обстоятельствах своей жизни, представляющих для них интерес. Иногда присутствует и понимание культурно-исторической значимости жизненного свидетельства.

5. В зависимости от характера события (событий) или сложившихся обстоятельств, сам протоколист выступает главным героем (или одним из главных) — если тот в описываемой ситуации активно *действует*; или же его персона отходит в протоколе на второй план — если он является только наблюдателем*, свидетелем*.

6. Наконец, протокол жизни есть оперативное и более или менее преднамеренное отображение случившегося не вообще, а “в точке пересечения биографии и истории” (выражение Ч. Р. Миллса).[56]

Итак: протокол жизни — будь то за определенный период времени, будь то относящийся к отдельному событию — это *первичный личностно-общественный документ*. Он есть *актуальное свидетельство очевидца или действующего лица* (актора), выступающего наблюдающим участником драмы собственной жизни (всегда вплетенной в общественную, и — в пределе — “мировую драму”). Таким образом “протокол жизни” сочетает элементы коммуникации самому себе, другому и для других.

Другие черты и виды дневника здесь рассматривать не будем.[57]

Примеры намеренного или «стихийного» совмещения *дневника, письма* и *статьи*, по существу - их синтеза, находим в творческом наследии выдающихся деятелей науки и культуры (например, А. Герцен, А. Швейцер, А. Ухтомский, М. Пришвин, А. Любищев, Г. Гачев…).

6. Скриптизация бытия

«В начале было Слово». Но не письмо. Письменность – уже продукт культуры. Письменная коммуникация – одна из форм межчеловеческого общения. В понятии *скриптизация* акцентируется закрепление в письменном

[56] Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М.: Стратегия, 1998, с. 16.

[57] См.: Пигров К. С. Дневник: общение с самим собой в пространстве тотальной коммуникации / Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации. СПб., 1998; Пигров К. С. Дневник: диалог с самим собой / Диалог в образовании. Сборник материалов конференции. Серия “Symposium”, выпуск 22. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002; Пигров К. С. Вещь и время. Время / бремя артефактов. / Социальная аналитика повседневности. СПб., 2004.

слове некоторых фрагментов, аспектов, черт бытия (индивидуального, par excellence).

По мысли К. Пигрова, «рефлексия как обязанность философствования за две с половиной тысячи лет выработала универсальные и совершенные технологии вербализации и скриптизации, т. е. оглашения своего бытия и удвоения его в фиксированном слове».[58] Как дневник, так и письмо суть имманентные формы скриптизации индивидуальной и социальной, приватной и публичной жизни.

Май 2008

Другие работы автора статьи на эту и смежные темы

- *Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации // XII Любищевские чтения. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2000.*
- *О «протоколах жизни» / Любищевские чтения. 2003. Сборник докладов. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет. 2003.*
- *Что такое и зачем нужны "протоколы жизни". К постановке вопроса / Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках. СПб.: НИЦ "Мемориал", ЦНСИ, ЕУ в СПб, 2004.*
- *«…в точке пересечения биографии и истории…» / Время / бремя артефактов (социальная аналитика непоправимости). СПб.: Философский факультет СПбГУ, Кафедра социальной философии и философии истории: Филиал Северо-Западной академии государственной службы, г. Иваново, 2004.*
- *Письмо, дневник, автобиография: многообразие форм и сопряжение смыслов (теоретико-методологические заметки) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007, № 4.* [59]
- *Биографический дискурс: акт общения, отображение реальности и изъявление себя (заметки об «эстафете памяти») / Право на имя. Биографика XX века, 6-е международные чтения памяти В. Иофе. – СПб.: НИЦ «Мемориал», Европейский ун-т в СПб, 2008.*
- *Многообразие писем и полифункциональность письма / Социология вчера, сегодня, завтра. Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаста. СПб.: Бильбо, 2008.* [60]

***

[58] Пигров К. С. Забота о своей духовности, или техника скриптизации индивидуальной жизни …, с. 76.

[59] Электронная версия - http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content122071303773076file.pdf. См. также на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_letters.html.

[60] Электронная версия – на сайте СИ РАН: http://www.si.ras.ru/. Точечный адрес; http://www.si.ras.ru/doc/gr_2007.pdf.

(7) А. Алексеев Личная переписка как документ биографии и истории[61]

Личные письма широко используются как источник для биографических, меньше – исторических изысканий, однако природа, особенности и значение этого источника недостаточно отрефлексированы. Всякое частное письмо являет собой некое единство сообщения, отображения и самовыражения (изъявления себя). Таким образом, это есть источник информации как о самих коммуникантах, так и о реальности, являющейся предметом коммуникации.

Использование личной переписки в биографических исследованиях имеет ряд ценных, не восполнимых другими информационными ресурсами качеств, среди которых: а) непосредственность; б) информативность; в) достоверность (разумеется, все – относительно).

Личная переписка, как правило, диалогична. Тем самым она позволяет судить о некоторых событиях жизни, о ментальности, о круге общения пишущего - *в контексте* как его адаптации к восприятию адресата (об одном и том же можно сообщить разным лицам по-разному), так и самого этого восприятия и встречной реакции эпистолярного партнера.

Существует понятие «эпистолярная литература». Под этим понимаются: 1) изданные письма частного характера; 2) совокупность произведений, использующих форму письменного обращения к другому лицу. Без соответствующего «тома писем» не обходится ни одно академическое собрание сочинений. Истоки эпистолярной литературной формы восходят к античности.

Переписка исторических личностей ныне занимает значительное место в документальной литературе («литературе факта»). К сожалению, переписка «рядовых» людей (обычно плохо сохраняемая…) пока мало используется как ресурс биографических, культурологических и исторических исследований. Недооценивается и значимость рассмотрения эпистолярного диалога как такового (в отличие от совокупности писем исторического лица к менее известному адресату).

Переписку двух и более лиц, представленную как некая целостность, с ее естественной драматургией, можно назвать *эпистолярной хроникой.* Это пока не термин, однако удачное название книги И. Кузьмичева «А. А. Ухтомский и В. А. Платонова. Эпистолярная хроника» (СПб., 2000), возможно, будет способствовать его укоренению в биографике.

Современный Интернет является неисчерпаемым кладезем и архивом эпистолярных хроник (диалогов).

Апрель 2008

***

[61] Тезисы одноименного доклада А. Н. Алексеева на Шестых международных чтениях памяти В. В. Иофе (СПб, апрель 2008)

Цит. по: Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. Тт. 2. СПб.: Норма, 2010, с. 478-479.

Папка 2.3. Эссе

Б. Докторов Правый поворот на красный свет светофора

Шесть тысяч дней[62]

Готовы ли вы пролистать 6000 ваших последних дней? День за днем? Без пропусков. Радостных и трагических, наполненных событиями и как-бы пустых, долгих и коротких, когда все шло «в масть» и когда все было наперекосяк, дни – долго ожидавшиеся и как бы случайно оформившиеся, дни- приобретения и дни-потери и т.д. Трудно представить, что такое 6000 дней? Привычнее измерять протяженность годами.

Представьте, что только завершился сентябрь 2010 года, а теперь перенеситесь мысленно в конец апреля 1994 года. Вот это и есть шесть тысяч дней. Теперь стало яснее, проще? Хорошо. Итак, день за днем. Можно начинать из прошлого и двигаться вперед, можно начинать сегодня и двигаться назад. Если на воспоминание одного дня затратить минуту, то ваши воспоминания займут ровно 100 часов.

И все же перенесемся на 6000 дней в прошлое.. Могли ли вы тогда представить, что к сегодняшнему дню ваша жизнь будет разматываться так, как это было в действительности? А хотели ли бы вы, чтобы все произошло так, как произошло? Чего больше: дней, которые не хотелось бы вспоминать или которые вы готовы вспоминать и вспоминаете?

Существует то, что выше наших сил, выше наших возможностей, и потому многое происходило не потому, что мы так хотели. Однако мы обязаны были и это впустить в свою жизнь. Но многое произошло так, потому что мы что-то сделали не так или вообще не сделали.

Почему я обо всем этом спрашиваю? Почему я называю именно 6000 дней?

Записывая события моего первого дня в Америке, я непроизвольно зафиксировал не только дату, но отметил: «День первый». Так и повелось, и прошедшее 2 октября оказалось 6000-м днем.

Могу ли я пролистать дни от №1 к №6000 или наоборот? Формально – «да», день за днем. Точнее, почти день за днем, изредка я не смог зафиксировать происходившее. Но счетчик дней «тикал» постоянно.

Хочу ли я пролистать эти состоявшиеся 6000 дней?

Пожалуй, нет... но, может быть, когда-нибудь я приму хорошенько «для храбрости» и загляну в мое 6000-дневное прошлое...

Америка – не скучная страна..

Случившееся сегодня – просится на бумагу. История – обыденная, но, думается, такое возможно лишь в Америке.

Приехал я в три часа дня в одно присутственное место, удалось быстро справиться, и я планировал заехать еще в пару мест и вернуться к своему любимому компьютеру. Однако, впервые за лет семь-восемь моя машина не завелась. Вообще-то положено регулярно в нее что-то заливать, где-то

[62] Опубликовано в: Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2010, № 6.

подмазывать, что-то еще, но я ничего этого не делаю Просто время от времени заезжаю на станцию обслуживания.

Так вот, но морально и документально я оказался готов к ЧП. Морально – надо всегда, документально – если это касается машины, тоже. Звоню в страховую фирму. Почему-то я думал, что она где-то в наших местах, но нет. Меня спрашивают не только улицу, на которой я припаркован, но город и штат. Все сообщил. Мне говорят, через несколько минут вам позвонит автоматическая служба контроля выполнения заказа. Точно, звонят. И начинается чисто американское: если вам надо это, нажмите «1», если другое, нажмите «2». Нажимаю.. наконец: «Хотите ли вы узнать, когда к вам придет машина, которая вас отвезет на ремонт?», если «да», нажмите «1». Нажал, слышу «Через час и 15 минут». Если хотите прослушать наше сообщение еще раз, нажмите «1». Начал ждать.

Но мне сказали, через полчаса позвоним, подтвердим. Позвонили, подтвердили, сказали, машина будет через 45 минут. Действительно, минут через 40 звонят, уже не автомат, женский голос. Подъезжаем. Точно, вижу машину, подъезжают, припарковываются рядом со мною. В ней – мужчина американского вида (белый, высокий, уверенный в себе..) и женщина – симпатичная филиппинка, лет 30+, минимум лет на десять моложе его, в черных очках и совсем коротких шортах. Его жена, она работает с ним. Подцепили они мою машину и спрашивают, поеду ли я с ними. Отвечаю, что поеду.

У меня есть контракт на ремонт с «Тойотой», я объяснил, куда ехать Поехали, я сижу с ними в кабине, втроем, значит.

Женщина с заметным акцентом (с тем или иным акцентом говорит большинство калифорнийцев) спрашивает меня, откуда я. Отвечаю: «Из России».. едем дальше (а нам ехать минут 25) о чем-то говорим. Мужчина спрашивает: «Ты – еврей?». Говорю, да, мои родители были евреями, а я – по национальности – еврей, но в синагогу не хожу. Он говорит, что он протестант, но в церковь не ходит. И вдруг.... филиппинка говорит: «Я – тоже еврейка». Мама родная, думаю, верно поется: «евреи, кругом одни евреи...». Оказывается, она жила и кончала школу в Израиле. Она, действительно, филиппинка. Потом показала паспорт – израильский. Я говорю, никогда не видел филиппинских евреев, она она сказало, что их действительно мало. Тем временем мы приехали, это было уже около шести вечера.

Быстро поставили машину на парковку, завтра утром мне будет звонить мастер. У меня многое оплачено страховкой, но я готов к тому , что он запросит тоже немало. Шофер (муж) спрашивает, где я живу, я объясняю, он говорит, мы тебя довезем до дому. При этом на оплату даже не намекает. Едем, я – доволен, скоро буду дома. Обратно едем уже по фривею, быстро, и вдруг он говорит: «Я – японец». У меня челюсть отъехала. Я говорю, никогда бы не сказал. Оказалось, что он родился в Японии, где его отец служил в американских войсках. Когда он показывает свой паспорт в аэропортах, все удивляются. Ведь в Америке нет национальности, где кто родился, такая у него и национальность.

Да, говорю, такое бывает только в Америке. В кабине машины едут люди с такими интересными судьбами.

Довезли они меня до дому, попросил я их подождать меня пару минут, принес ей коробку конфет, ему бутылку коньяка. Они ничего не ожидали. Я сказал, что тоже не ждал такого доброго отношения. Дали мне «визитку», если что – могу звонить, у них мастерская по ремонту автомобилей.

Вот так, а в России говорят, что Америка – скучная страна.

Как сказать. Кому как.

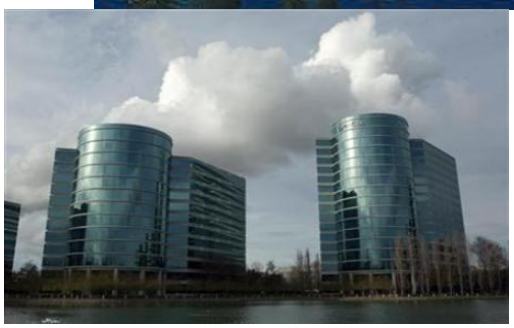
Меняющиеся здания «Оракла» и убегающий Смольный собор

Свыше десяти лет я несколько раз в неделю проезжаю мимо монументального комплекса зданий глобальной компьютерной корпорации «Оракл» (Oracle Corporation) – когда выхожу с фривея-101 на восток и когда возвращаюсь на эту скоростную дорогу. И каждый раз восхищаюсь ими. Много лет хранится в моей памяти тайна легкого и одновременно величественного Смольного собора в Петербурге. И вдруг ощущения, вызываемые чудом архитектуры конца XX века, и воспоминания о здании Растрелли, выстроенном в середине XVIII века, встретились во мне. И подружились. Причиной этой доброй встречи стала бело-серая облачность, нетипичная для летнего утра Калифорнии, но присущая Петербургу. В то утро я увидел здания «Оракла» так, как никогда ранее, и они напомнили мне Смольнинский ансамбль.

1.

Штаб-квартира фирмы «Оракл» расположена в Redwood Shores и является архитектурным центром этой застраивающейся территории. Комплекс вырос фактически в «чистом поле», и несколько позже там начала складываться городская инфраструктура и открываться новые фирмы, в основном из dot.com индустрии. «Оракл» – одна из составляющих всемирной известности Кремниевой долины, а Redwood Shores – ее северная оконечность.

Шесть высотных зданий «Оракла» стоят по трем берегам превращенной в небольшое озеро заводи Сан-Франциского залива. Их расположение, конструкция и облицовка порождают удивительную пространственную и цветовую подвижность, переменчивость, воздушность всего этого комплекса. В нем нет и капли статичности.



Здания корпорации «Оракл» при разной освещенности

В совокупности зданий присутствуют скрытая симметрия и легко обнаруживаемая асимметрия. Сложены они из одних и тех же элементов: параллелепипедов, башен и полубашен, но каждое из них неповторимо. В одном

случае башни стоят по бокам параллелепипеда, в другом – заключены между двух параллелепипедов. Одни сферические поверхности обращены к зрителю выпуклостями, другие – вогнутостями. В самой высокой башне 15 колец-этажей, есть 12-этажные. Примыкающие к ним конструкции прямоугольной формы на два-три этажа ниже.

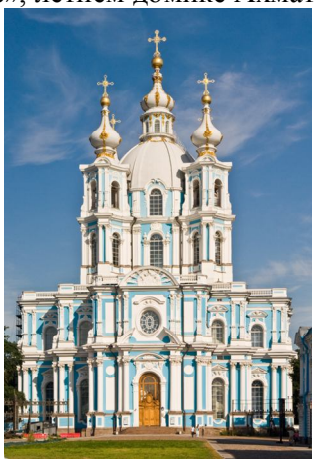
Здания не выровнены по линии, они хитро «разбросаны». Поэтому, подъезжая к комплексу с разных сторон, человек, находящийся в машине, видит разное количество строений. Иногда думаешь: одно здание, но, немного проехав, замечаешь, что оно «разлепляется» на два. С некоторых точек обзора видны лишь башни, но по мере движения обнаруживается, что за ними «прячутся» прямоугольная конструкция. Или наоборот, сначала здание имеет сложную, составную форму, но затем прямо на глазах оно превращается в башню.

Но самое удивительное в восприятии зданий порождено их зеркальной облицовкой. Башни всегда «окрашены» в цвет неба над ними. Обычно утром и днем небо ярко-голубое, безоблачное, поэтому доминирующий цвет зданий – голубой, но при этом каждое из них имеет свой оттенок. В пасмурные дни здания серые. На закате они быстро из золотисто-красноватых «перекрашиваются» в темно-голубые, потом – в почти черные. В ночное время большинство окон остается освещенными. Здания не исчезают в темноте.

2.

Дошкольные и школьные годы, а также значительную часть студенческих лет я прожил в Ленинграде на улице Красной Конницы (теперь – Кавалегардская улица). Она начинается у Суворовского проспекта и идет к Неве. На класс старше меня и моей сестры, мы – двойняшки, училась Аня Каминская, внучка известного теоретика искусств и литературного критика Николая Николаевича Пунина. Он был репрессирован и в 1953 году погиб в заключении. Его женой была Анна Андреевна Ахматова, которая жила с семьей Пунина до самой смерти. С 1952-го до лета 1961-го они жили на Красной Коннице, а потом переехали в писательский доме на улице Ленина (теперь – ул. Широкая).

После окончания школы Аня и моя сестра начали учиться на искусствоведческом факультете Академии художеств, и это сблизило их. Я поступил на математико-механический факультет ЛГУ. Образовалась большая, веселая студенческая компания, зимние выходные и каникулы мы проводили в «Будке», летнем домике Ахматовой в поселке Комарово под Ленинградом.



Смольный собор

Как-то Аня дала мне пакет с оттисками статей одного из величайших математиков XX века Андрея Николаевича Колмогорова. Это были итоги применения идей и методов статистики и теории вероятностей в исследованиях русского стиха. Материалы были переданы Колмогоровым Ахматовой через известного лингвиста академика Виктора Максимовича Жирмунского, тоже жившего в Комарове. Мне надо было разобраться в этих статьях и «по-простому» объяснить Ахматовой их содержание.

Вскоре Аня попросила меня, скорее всего это была осень 1960 года, сопроводить Акуму, так в семье звали Анну Андреевну, из «Будки» в Ленинград. Договорились с кем-то о машине и поехали. Мне кажется, что я сидел впереди, а сзади – Ахматова и ее подруга Эмма Григорьевна Герштейн, литературовед и исследователь творчества Ахматовой.

По дороге я пересказал Ахматовой то, что вычитал и понял в работах Колмогорова. Подарок Анны Андреевны за мой «труд» навсегда остался со мной. Она обратила мое внимание на то, что если ехать по Суворовскому проспекту от Невского к Смольному собору, то это бело-голубое здание Растрелли поначалу, как и положено, приближается, а потом, вопреки законам зрительного восприятия, вдруг начинает удаляться. Не знаю, был ли этот эффект предусмотрен зодчим, но его обнаружил поэт.

* * *

От моего дома на Красной Коннице надо было немного пройти до улицы Войнова (теперь – Шпалерная), завернуть направо, и сразу был виден Смольный собор. Он не был отреставрирован, но это не лишало его аристократизма. А если прогуляться несколько минут от моего нынешнего дома до озера, то в просвете между деревьев над одно-двухэтажными домами, стоящими на противоположном берегу, можно увидеть башни «Оракла». До них – чуть более 6 километров. Иногда, ранним утром, пока туман не рассеялся, они кажутся бело-голубыми.

Правый поворот на красный свет светофора

На неделе я замешкался, наступила пятница, и тут я вспомнил, что к понедельнику должен был выслать в наш госпиталь (в российской жизни – это поликлиника и больница) одну бумагу. Все было готово, но отправлять почтой было поздно. Из-за кризиса почта не работает по субботам, значит письмо может задержаться в пути. Я решил этот документ отвезти.

Это очень близко, минут 12-15 от дома. Приятная дорога, время – начало десятого утра, утренняя нагрузка на дорогу уже спала. В одном месте пути скорость ограничена до 25 миль/час (40 км/час), нарушать никто не будет, но немного-то можно. А здесь поток идет так, что на спидометре все время ровнехонько 25 миль/час; и по соседней линии все движутся с такой же скорость. Ясно, значит что-то (не авария) сдерживает нас всех. Действительно, на одном из поворотов я заметил, что машины за три-четыре до меня идет полицейская машина. Все «тащатся» за нею, никто перегонять ее не хочет. Если у копа на спидометре 25 миль/час и это – предел скорости, то перегнать его можно лишь превысив скорость. Это каждому понятно. И вот размышления по этому поводу как-то незаметно подвели меня к следующему дорожно-социальному сюжету.

В Калифорнии и ряде других штатов страны есть очень хорошее правило уличного движения. Машина, движущаяся по первой, т.е. ближайшей к тротуару полосе, может на красном свете светофора поворачивать направо. Убедись, что слева нет потока машин и справа никто не рвется перебегать дорогу, и – вперед. Думаю, что каждый водитель понимает, насколько это удобно. Путь открыт, почему не ехать? Вообще говоря, сам водитель имеет право решать, поворачивать ему на «красный» или нет, но правила рекомендуют поворачивать, особенно в тех случаях, когда за твоей машиной выстроились для поворота другие.

Я склонен видеть в этом дорожном правиле проявление американской обыденной философии, системы организации повседневности. Можно говорить о минимизации запретов, можно – о стремлению к доминированию здравого смысла, простой разумности.

Если у человека кончилось лекарство, которое он постоянно принимает, он звонит врачу и либо оставляет на автоответчике свою просьбу, либо просит девушку, принимающую звонки, записать ее и передать врачу. Врач в специальной фармацевтической базе данных находит код этого лекарства, отыскивает там же код ближайшей ко моему дому аптеки и сразу пересылает в нее рецепт на необходимое лекарство. Еще совсем недавно рецепт высылали в аптеки по факсу.

Если вы пришли в аптеку, но в силу каких-то причин вам не могут выдать прописанное врачом, сама аптека будет связываться с ним и потом позвонит вам, что бы вы пришли за лекарством.

Если вам надо отправить стандартное письмо и нет времени или желания прогуляться или доехать до установленного на улице почтового ящика, положите письмо в свой почтовый ящик. Почтальон, который приносит вам вашу ежедневную почту, открыв ваш почтовый ящик, увидит письмо и отправит его.

Когда пришло время сдать в библиотеку взятые там книги, видео- или аудио-диски, не обязательно приходить в библиотеку в ее рабочие часы. Выезжая рано утром из дома или возвращаясь домой очень поздно, остановитесь на минуту у библиотеки и опустите ваши книги или диски в специальный ящик. Дело сделано. Более того, возвращать взятое в одной из локальных библиотек можно в любой другой, входящей в сеть из десятков библиотек, расположенных в соседних городках.

Но, помня правило правого поворота на «красный», следует еще крепче держать в памяти обязательность остановки на знаке «STOP». Что нельзя, то нельзя. Если полицейский заметит, что вы не остановились у знака или лишь имитировали остановку, не зафиксировали ее, штраф будет немалым.

Еще два примера на неукоснительность выполнения «STOP».

Несколько лет назад мои молодые друзья отмечали день рождение, скажем – 35 лет. Веселились в небольшом садике перед своим домом. Теплый вечер. Коптили рыбу, делали шашлыки, гитары: Окуджава, Высоцкий, Цой. Примерно в 23: 05 у калитки появился полицейский, узнал, кто хозяин. Напомнил, что все песни, музыка должны были закончиться в 23:00, выписал штраф и уехал. Его вызвали соседи. Они не заходили к веселившимся, не просили вести себя тише, не грозились. Они поступили по правилам и напомнили другим, что правила надо выполнять.

Я работал секьюрити в большом офисном здании. Летнее воскресенье, утро, тишина. И вдруг слышу шум воды за спиной. Поворачиваюсь в кресле и

вижу через стеклянную стену, что обычно небольшой фонтан выбрасывает мощную струю воды. Звоню моему напарнику, который в это время обходит обширную территорию вокруг здания, и прошу его вернуться. Понимаю, что раньше чем через 10 минут его не будет. Беру универсальный ключ, подходящий ко всем дверям технических служб, открываю специальную комнату и перекрываю воду, поступающую в фонтан. Возвращаюсь на рабочее место, моего напарника еще нет. Гордый тем, что справился с фонтаном, звоню в службу инженера и объясняю, что было, что стало. Через два дня меня вызвал на работу мой бригадир, бывший военный моряк, и вежливо, без надрыва, объяснил мне, какой я был идиот. Обязанности секрьюрити: наблюдать, фиксировать в специальном журнале и информировать. И «STOP». Если я нарушил эти требования в данный момент, то я могу нарушить их и в других случаях. Наши добрые отношения и тот факт, что я лишь недавно стал жить в Америке, спасли меня. Никаких иных санкций не было.

Таковы основы философии повседневной американской жизни.

Утренний кофе в стане американских демократов

В Америке успешный бизнес – больше, чем бизнес. Это – политика. Иногда даже самая высокая. Сегодня – о сети кафе «Старбакс» (Starbucks), насчитывающей свыше 17 тысяч точек в почти полусотни стран. Я давно открыл для себя «Старбакс», еще тогда, когда ничего не знал об интереснейшей культурно-политической особенности этой сети. В радиусе 10-15 минут езды от меня находится несколько «Старбаксов», а до ближайшего – не более пяти минут совсем ленивой походкой.

Открывается оно, как и все кафе сети, в 5:30 утра, в это время я его не наблюдал. Но в начале восьмого – многократно. Двери впускают и выпускают посетителей, которые там почти не задерживаются: покупают стакан кофе, какую-нибудь выпечку – и быстро в машину. Совсем недалеко от кафе начинается San Mateo Bridge – мост через Сан-францисский залив. Он занимает 26-е место в мире по длине (протяженность – свыше 11 км). Несмотря на то, что на мосту три полосы в каждую сторону, поток машин движется медленно: пока пересечешь залив, все купленное можно съесть несколько раз. Забегают в кафе и уже съехавшие с моста; их утро началось давно, дома завтракать не было времени. Они мчатся на работу, паркуются у «Старбакса». Насладятся кофе в офисе.

Иногда, но не часто, я заглядываю в это кафе после полудня, когда солнце во всю светит и воздух сильно прогрет. Люблю расположиться на улице за каменным столиком у стены кафе. Горяченный кофе, раскаленная столешница, на которую невозможно сразу положить ладони, но самое приятное – это прикосновение спиной к нагретой солнцем стене. Кто когда-либо залезал на хорошо протопленную русскую печь, тот, вспомнит это чувство полного погружения в тепло.

Кофе в «Старбаксе» крепкий и очень душистый; посетителя спрашивают, оставить место для сливок или нет. Специальные лаборатории постоянно разрабатывают новые сочетания сортов, и в кафе предлагают несколько видов смесей на выбор. Все хороши. Сидя в кафе, быстро свыкаешься с запахом кофе и начинаешь ощущать его слабо. Но мой столик находится вблизи открывающихся-закрывающихся дверей, и меня постоянно окутывают новые волны душистого воздуха. Яркое солнце, даже несмотря на плотные темные

очки, заставляет прикрывать глаза. Время останавливается. Никаких мыслей. Часто испытывать этого нельзя, «подсядешь».

Но в одну из недавних суббот я решил посидеть внутри кафе. Было чуть более семи утра, еще прохладно. Небольшой зал, шесть квадратных и круглых столиков с двумя приставленными к ним стульями. Мебель – деревянная. Есть в зале два глубоких кресла. Поначалу посетителей было мало, но вскоре поток входящих стал плотнее выходящих, и к восьми утра все столики были заняты. Многие предпочитали сидеть на улице, особенно те, кто зашел в кафе, прогуливаясь с любимой собакой.

Были одиночные посетители, пары, молодые родители с детьми. «Старбакс» – кафе быстрого питания, здесь не задерживаются, но в субботнее утро люди не торопятся. Здесь главное – кофе, но есть любители чая со льдом. Можно купить булочку или кекс. Нередко посетители приходят с бумажным пакетом. Значит они уже зашли в расположенное рядом кафе сети «Ноас» (Noah's New York Bagels) и купили всегда свежайшие бейгелы) – еврейские бублики. Об этом бизнесе надо рассказывать специально: первое кафе этой сети было создано в 1990 г. в Беркли, куда и ведет San Mateo Bridge, ортодоксальным евреем Ноем Алпером. «Бубличные» оказались настолько успешным бизнесом, что в 1995 г. создававшаяся сеть была им продана за 100 миллионов.

В среднем посещение кафе обходится в 6 долларов, по американским понятиям это недорого, но есть кафе подешевле. Согласно репрезентативному опросу, проведенному фирмой «Расмуссен» в августе 2008 г., три четверти (73%) американцев считают, что несколько переплачивают «Старбаксу» за предоставляемые услуги. Эти кафе расположены на углах многих улиц главных городов страны, но лишь 8% опрошенных заходят в них по крайней мере раз в неделю, а 76% – редко или никогда. 80% посещают «Старбакс», чтобы выпить кофе, и только 5% – чтобы поесть. Есть еще одна цель – бесплатно воспользоваться беспроволочным Интернетом; для более трети (37%) мужчин до 40 лет – это первичная причина посещения кафе этой сети. Четверым из десяти взрослых (38%) нравится эта сеть кафе, 27% высказывают противоположное мнение.

Среди зарабатывающих менее 20 тыс. долларов в год примерно треть (30%) положительно относятся к «Старбаксу», в группе, чей доход превышает 100 тыс. долларов в год, таких более половины (54%).

В будние дни преобладающая часть посетителей «моего Старбакса» одета по-деловому. Строгий стиль одежды, добротная обувь, хорошая стрижка, дорогой парфюм. Это – сотрудники расположенных рядом четырех огромных зданий глобальной корпорации «Visa», местного филиала «Microsoft» и других солидных кампаний. Они заходят в кафе небольшими группами, но не засиживаются там. Со стаканами кофе и какой-нибудь булочкой неспешно возвращаются в свои офисы. В раннее субботнее утро обстановка в кафе совсем иная. Те же люди, но теперь по их одежде сложно сказать, к какой социальной страте они принадлежат и каков их доход. Почти все в джинсах или шортах, майках или джемперах, в сандалиях или кроссовках, чаще – на босу ногу. Так одеваются и весьма состоятельные, и тех, чей доход невелик.

Однако не нужно быть физиономистом, чтобы распознать в доминирующей части посетителей «Старбакса», как бы они ни были одеты, образованных, либерально-настроенных, в целом успешных людей, не участвующих активно в политике, но имеющих свое собственное отношение к происходящему в стране. Не знаю, дух ли «Старбакаса» объединяет их или они

сами создают особую социальную атмосферу этой сети кафе. Сначала я сам уловил, почувствовал эту особенность «Старбакса» и – не только из-за любви к кофе – стал присматриваться к этим кафе; летом 2008 г. мои ощущения получили «цифровое оформление».

В феврале 2008 г. я оказался втянутым в мониторинг американской президентской избирательной кампании. Я с самого раннего утра входил в электронную паутину и с трудом выбирался из нее вечером. Существовало множество сайтов, за материалами которых следовало постоянно наблюдать, одни ежедневно размещали результаты последних опросов электората, другие – предлагали политологический анализ событий в стране. Были и дайджесты, моментально публиковавшие горячий материал других сайтов.

В октябре 2007 г. никому не известный аналитик под псевдонимом Poblano начал публиковать на одном из активно посещаемых политических блогов свои рассуждения о новых подходах к анализу статистики электоральных опросов. Исходно многих привлекла его методология, затем – успешные предсказания результатов первичных выборов. В марте 2008 года он открыл свой сайт <FiveThirtyEight.com>, описал разработанный им метод и приступил к систематическому прогнозированию исходов первичных демократических выборов. Его оценки часто были точнее предлагавшихся известными специалистами. Так возникли понятия Poblano-модель и Poblano-эффект.

30 мая 2008 года маска была снята, Poblano – это Нэйт Сильвер, молодой (Nate Silver, род. 1978) политический обозреватель и экономист, выпускник Чикагского университета. В раннем детстве он увлекся бейсбольной статисткой уже к середине 2000-х считался гуру в области прогнозирования успешности выступления бейсболистов. Для миллионов американцев это много интереснее, президентские выборы.

Помимо ежедневного уточнения прогноза числа выборщиков, которых могут приобрести в день голосования Барак Обама и Джон Маккейн, Сильвером каждый день вычислялись вероятности развития различных исходов избирательной кампании. В таблице представлены вероятности нескольких вариантов завершения борьбы за Белый дом, вычисленные во второй половине октября.

Вероятности завершения президентской избирательной кампании 2008 года, октябрь *(%)*

	13 октября	25 октября	31 октября
Одинаковое число выборщиков	0,19	0,22	0,07
Обама победит на общих выборах	89,36	94,16	96,08
Маккейн победит на общих выборах	10,64	5,84	3,92
Обама победит во всех штатах, где в 2004 году побеждал Керри	90,19	93,16	97,71
Маккейн победит во всех штатах, где в 2004 году побеждал Буш	0,38	0,33	0,03
Будет полностью повторен сценарий 2004 года (Буш - Керри)	0,00	0,04	0,00
Будет полностью повторен сценарий 2000 года (Буш - Гор)	0,18	0,27	0,01

Выводы Сильвера вскоре были признаны американскими средствами массовой информации, его обзоры публиковали «Wall Street Journal», «Newsweek» и другие известные издания, в прайм-тайм с ним беседовали ведущие крупнейших общенациональных телевизионных каналов. В начале 2009 года журнал «Time» включил его в сотню влиятельнейших людей мира по разделу «Ученые и мыслители».

Рассмотрению прогнозной модели Сильвера предпошлю одну личную историю. В ходе мониторинга я быстро распознал смысл построений Сильвера и стал посещать его сайт ежедневно. В начале мая 2009 года я обнаружил, что его отец – профессор Мичиганского университета, Брайн Сильвер, политолог, изучающий Россию и Эстонию. Я отправил ему электронное послание с просьбой поговорить с ним о его сыне. Через пару дней звоню профессору того же университета Владимиру Шляпентоху, с которым дружен свыше сорока лет, и рассказываю ему о гениальном сыне его коллеги Сильвера. Весьма экспрессивный Владимир говорит мне: «Боря, что-то ты не то говоришь. Я помню, как был у Брайна дома, и он кормил с ложки сидящего на высоком стуле малыша». Посчитали годы, и Шляпентох пришел выводу, что тот малыш уже сильно подрос. Через неделю Владимир позвонил мне и сказал, что встретил профессора Сильвера, тот получил мое письмецо и собирается ответить на него. Пока ответа я не получил...

Информационную базу прогнозной (регрессионной) модели Нэйта Сильвера составляют данные регулярных, в том числе – ежедневных опросов электората, проводившихся многими полстерскими организациями по общенациональным выборкам и внутри всех штатов страны. Все эти данные специальным образом «взвешивались». Во-первых, по мере старения результатов опросов, их «вес» при расчете прогноза исхода выборов уменьшался. Во-вторых, в модели учитывалось качество прогнозов, делавшихся отдельными полстерскими организациями в период первичных выборов. Подобный мониторинг осуществляется крупнейшей в стране независимой, внепартийной исследовательской фирмой SurveyUSA.

При построении модели учитываются значения 23 показателей, характеризующие электорат и некоторые особенности инфраструктуры штата. Все они, кроме одного, достаточно традиционны, приведу несколько примеров. К политическим показателям относятся: «Преимущество (%) Буша на выборах 2004 года в данном штате», «Отношение «либерал/консерватор» (шкала Лайкерта), опросы на выходе с избирательных участков в 2004 году», «участие (%) на выборах 2004 года». Среди демографических (%): «афроамериканцы», «мужчины», «молодежь (18-29 лет)». Показатели экономики штата: «годовой доход на человека, (тыс. $)», «уровень безработицы, (%)». Вот три показателя из группы, условно названной «общесоциальной»: «Имеющие родителей – американцев, (%)», «владельцы оружия, (%)», «однополые семьи (%)».

И есть один необычный показатель, это – *«Старбакс-Уолмарт соотношение»*.

О сети «Старбакс» немного сказано выше. «Уолмарт» (Walmart) – крупнейшая в мире сеть розничной торговли, продающей по дешевым ценам продукты питания и огромное число различных товаров. Две трети американцев (64%) позитивно относятся к этой сети, треть (30%) – хотя бы раз в неделю делают покупки в «Уолмарте» и половина (52%) – считают, что наличие магазина этой сети в их комьюнити положительно влияет на жизнь людей, хотя и затрудняет существование малого бизнеса.

Стечение многих социально-экономических обстоятельств и особенности этих бизнесов были таковы, что сеть «Старбакс» активно развивалась и сейчас широко охватывает штаты, в которых традиционно высока поддержка кандидатов в президенты от Демократической партии, а сеть «Уолмарт» – штаты, где доминируют позиции республиканцев. Эксперименты Сильвера показали, что использование в его прогностической модели «Старбакс-Уолмарт отношения» (число кафе «Старбакас» к числу магазинов «Уолмарт» в штате), повышает предсказательную силу его построений.

Сеть «Старбакс» родилась в штате Вашингтон. Сейчас в нем 13,65 кафе приходится на один магазин системы «Уолмарт». На втором месте – Калифорния (я живу в этом штате). У нас значение рассматриваемого отношения равно 12,48. Третий – Орегон (8,38). В 2008 году эти штаты проголосовали за Барака Обаму.

Родиной сети «Уолмарт» является штат Аканзас. Для него значение рассматриваемого отношения минимально (0,19) – нижняя, 50-я ступенька. На 49-й и 48-й располагались штаты Миссипи и Западная Вирджиния, соответственно. Там в 2008 году победил Джон Маккейн.

В 2000 году в политический язык Америки вошли понятия «синих» и «красных» штатов. В первых – в ходе последних пяти президентских выборов, начиная с 1992 года, преимущественно побеждали кандидаты от Демократической партии, во вторых победу чаще праздновали республиканцы. Анализ показывает, что «старбаксовые» Вашингтон, Калифорния и Орегон относятся к «синим» штатам, Миссисипи – «красный». Аризону и Западную Вирджинию причисляют к промежуточному классу «фиолетовых», но они тяготеют к республиканцам. Сказанное позволило одному политологу заметить: забудьте про «красные» и «синие» штаты. Для политического прогноза важнее знать отношение «Старбакс-Уолмарт» для каждого штата.

Сильвер точно предсказал исход голосования по стране в целом и в 49 из 50 штатов. Я тоже голосовал за Обаму.

Теперь я рассматриваю мои посещения «Старбакса» и как наблюдения за демократическим электоратом. Но все же, прежде всего, я иду туда, чтобы, сидя под горячим солнцем, выпить стакан горячего и душистого кофе.

Почти пропавший сюжет. Отбор в присяжные

Моя радость от случившегося пару часов назад слегка омрачена лишь тем, что не получится написать тот сюжет, который я планировал сделать в ближайшие дни. Однако что-то из задуманного изложено ниже...

Месяц или чуть более назад я получил, если сказать по-русски, повестку о том, что в пятницу 11 сентября этого года в 8:30 утра я должен быть в суде нашего округа для отбора присяжных; быть присяжным – обязанность каждого гражданина США. Возможно, кто-либо радуется этому, если пройдешь все испытания, то можно будет сколько-то дней не работать, но – думаю – большинство – не испытывает большой радости. Приходится пропускать работу, переносить командировку, улаживать какие-то дела дома, да и вообще.

Прежде чем собираться завтра утром в путь, я должен был сегодня после 6 вечера позвонить в суд или зайти на его сайт, чтобы узнать, нет ли каких изменений. Они часто случаются, например, дело, в котором мне, возможно, пришлось бы участвовать, было отложено... или, скажем, судья заболел..

Я позвонил, попал, как и предполагал, на автоматическую систему. После нажатия ряда цифр, которые мне предлагались приятным мужским голосом, мне сообщили, что завтрашнее приглашение отменяется, и пообещали обратиться ко мне снова через 12 месяцев. Ух, пронесло. А что было бы, если бы завтра утром я туда отправился? В целом, я знаю, имею некоторый опыт.

Приехать надо было бы не в 8:30, а минут на 15 раньше, иначе намучаешься с парковкой. Она, хотя и огромная, но место на ней всегда найти сложно. Затем я вошел бы в здание суда и прежде всего подвергся бы той же процедуре досмотра, что и в аэропорту: мои вещи были бы просканированы, а я, освободившись от обуви, брючного ремня, мелочи и ключей в карманах, прошел бы через рамку.

Думаю, здесь никаких проблем у меня не возникло бы. После контроля, служащий, посмотрев мое приглашение, сказал бы, в какой зал я должен пройти. Это было бы большое помещение, у дверей за конторкой сидел бы сотрудник, я отдал бы ему мое приглашение, он ввел бы его номер компьютера и, тем самым, зарегистрировал бы меня. В каком-либо углу находился бы стол с пакетиками чая, кофе и какао, а рядом – титан с кипятком. Это – всегда, не только утром. Вдоль стен на столах стояли бы компьютеры для публики. Кто знает, может придется долго ждать, когда придет сотрудник суда и объявит всем нам, что будет дальше. Хотя многие приедут с лептопами, кто-то будет без них. Тогда можно поработать на общих компьютерах. Залезть в Интернет, почить новости, отправить электронное послание.

Думаю, что между девятью и половиной десятого утра пришел бы клерк. Возможно, он объявил бы, что все собравшиеся – свободны, так как что-то стряслось в последний момент. Каждому присутствующему дали бы справку о том, что он утром он был в суде. Через три-четыре минуты зал был бы свободным, а на парковке – много свободных мест.

Но может быть и иначе, он пригласит всех в большой зал. Думаю, там будет не менее ста человек, все рассядутся, и вскоре на возвышении перед нами появится судья в мантии и секретарь суда. Всем предложат встать, потом сесть. Потом секретарь будет называть фамилии присутствующих, а мы – вставать и отвечать «Yes». Это займет много времени, так как будут не только распространенные американские фамилии, но и китайские, японские, индийский. Произнесение моей фамилии – Doktorov, записанной через «k», тоже может оказать проблемой.

И все же это закончится. Теперь – все напряжены, судья скажет несколько общих слов о гражданских обязанностях собравшихся, а затем секретарь начнет зачитывать по какому-то правилу или на основе случайной выборки отобранные фамилии для формирования коллегии присяжных. Будут называть фамилию и спрашивать, можешь ли работать. Вопрос не совсем формальный, так как исполнение обязанностей присяжного требует определенного знания английского. Самая первая возможность «спрыгнуть», заявить, что ничего не понимаешь по-английски, но и суд это знает, и они как-то легко определяют, дурит ли их человек или действительно не знает. За полчаса они отберут человек 50, объявят перерыв. Не попавшие в эту полусотню получат справки о том, что были в суде, а «меченные» вернутся в зал.

Я это все описываю подробно, потому что все прошел.

После перерыва процедура отбора присяжных продолжится. Отберут 12 человек, это – основные кандидаты в присяжные, и еще 12 – это первые запасные и все оставшиеся – запасные второго уровня.

Вскоре основным присяжным предложат занять свои места, это кресла у боковой стены справа от судьи, вторые 12 будут сидеть в первом ряду зала, оставшиеся – в зале, где угодно.

Примерно год назад я попал в первую дюжину, честно, никакого экстаза я не испытывал. Думал об одном, как сойти с дистанции. Понимаю, это не очень хорошо, но так было.

Сначала каждому из нас задали еще раз вопрос о знании английского, а потом предложили кратко рассказать о себе. Здесь важно, чтобы сам человек никак не соотносился с судебной системой, полицией и тому подобное, и чтобы в семье не было профессионалов. Бумаг никаких предоставлять не надо, верят сказанному. Мое сообщение о том, что я живу в США недолго и английский – мой второй язык, было выслушано без желательного для меня последствия. Опросив таким образом всех из нашей дюжины, суд освободил одного-двух человек, заменил их представителями второй дюжины и затем начал опрашивать их. Там тоже оказалось несколько человек, которым судья не мог доверить участие в суде. Их отпустили, и опросив оставшихся, дополнили ими вторую дюжину присяжных. Ясно, что после этого всех нас отпустили по домам, наказав на следующий день быть в определенное время и уже не в майках и джинсах, а в более строгой одежде.

На следующий день мы все собрались: судья, секретарь, слева – полицейский. Около судейского возвышения – стол, за ним: прокурор, следователь и обвиняемый с адвокатом, 12 человек – справа от судьи, еще 12 – в зале на переднем ряду, оставшиеся – где-то в глубине зала.. Нам объяснили суть дела: обвиняемый – молодой парень, выходец из Латинской Америки, начал поколачивать свою подругу, с которой он жил уже несколько лет, она и подала на него в суд.

Затем к основной группе присяжных подошел адвокат и в присутствии всех стал спрашивать у каждого, как он воспринимает это дело. Я сказал, что суть дела мне понятна, что вижу его социальную направленность. По глазам адвоката я понял, что это его не настроило против меня., с его стороны отвода не будет. Слушая других, я все более задумывался, как сделать так, чтобы меня освободили. Слышу, что одна женщина из нашей группы, латинос, говорит, что она возмущена поведением парня, что это не отвечает требованиям религии, что она будет против. Ее сразу же отвели: она продемонстрировала заинтересованность в определенном исходе процесса. Здесь и я смекнул, как быть.

После перерыва с нами начал говорить прокурор. Дошла очередь до меня, я говорю: «Знаете, в России, откуда я приехал, говорят, бьет, значит любит. Если бы у нас каждая женщина, которую бьет муж или друг обращалась в суд, работа судов была бы приостановлена». Он попросил меня пояснить еще раз мою точку зрения и обратился к судье с просьбой заменить меня другим кандидатом.

Кто знает, может быть, если бы завтра мне пришлось участвовать в процедуре отбора присяжных, я был бы включен в финальную группу и мог бы описать, как работают присяжные, но завтра я свободен.. всех, кто получил приглашение, в левом нижнем углу которого было написано Juror Group

Number: 5000, просили не приезжать утром. Потому и моя история заканчивается.

Sand Hill Road – новая дорога между будущим и прошлым

В заголовке этой «повестушки» каждое слово надо понимать буквально, хотя все вместе они порождают множество различных метафорических ассоциаций. Sand Hill Road – короткая улица, которая ограничивает с севера-запада территорию всемирно известного Стэнфордского университета. Один ее конец упирается в идущую параллельно линии Тихого океана 1000-километровую улицу (или локальное шоссе) El Camino Real (по испански – «Королевская дорога»), а другой – уходит в невысокие горы, стоящие на пути океанских ветров. Там улица Sand Hill Road выводит на 100-километровый хайвей-280, по которому можно быстро добраться до Сан-Франциско или, если ехать в противоположном направлении, вскоре оказаться в центре Силиконовой долины. Конечно, все условно, но значительный отрезок этого скоростного шоссе называют красивейшим в мире хайвеем.

Противопоставление будущего и прошлого – многолико, к примеру, для одних, будущее – прекрасно, а прошлое – ужасно. Для других – наоборот. В данном случае я рассматриваю будущее и прошлое лишь как временнЫе категории: то, что будет и что было.

Весьма конкретно и понятие «новая дорога». Даже я, живущей здесь с 1994 года, помню, когда она была иной. Название Sand Hill Road – старое, но тогда улица была несколько короче, и чтобы попасть на нее с магистрали El Camino Real, надо было сделать приличный крюк. Экологи и население городка Менло Парк, в котором расположен университет, не соглашались со строительством нового куска дороги, полагая, что это нанесет вред окружающей среде. Переговоры о том, чтобы его построить, продолжались около 30 лет, и в ее современном виде улица существует лишь с 2006 года.

Sand Hill Road. Ничего не видно. Все утопает в зелени

Человек, проезжающей по тихой и ухоженной Sand Hill Road, скорее всего не знает, что на ней располагаются крупнейшие в мире инвестиционные (венчурные) кампании, обеспечивающие развитие Силиконовой долины. В 90-х годах, в период dotcom-бума, стоимость недвижимости на этой улице была выше, чем где-либо в мире. В середине нулевых средняя стоимость аренды помещений здесь была 1550 долларов за квадратный метр, выше, чем в Манхэттене или в деловом центре Лондона. На улице не просто нет ничего гламурного, привлекающего внимание, с нее вообще почти не видны никакие здания. Все и всегда утопает в густой зелени деревьев и кустарника.

Так случилось, что для себя я открыл эту обновленную улицу летом 2009 года, когда стал регулярно ездить по ней в Медицинский центр Стэнфордского

университета, одну из лучших клиник США. Зайдя как-то выпить стакан кофе в новый хирургический центр, а потом побывав в одной – явно не самой крупной – из операционных, я был почти в шоке: я увидел организацию медицины в XXI веке. Медицинский центр расположен в нижней части Sand Hill Road, но красивая зелень и горы, просматривавшиеся в верхнем конце улицы, притягивали к себе.

Проехав просто из интереса почти всю эту улицу, я начал понимать, что на ней формируется будущее. Оно рождается работающими на ней венчурными капиталистами – элитой современного бизнеса, образованной и любящей риск, инвестирующей огромные капиталы в индустрии нового столетия: создание хадвера и софтвера, развитие Интернета, «зеленых» технологий, телекоммуникации, электроники и медицины. К примеру, по адресу 3000 Sand Hill Road расположен главный офис глобальной *Sequoia Capital*, признаваемой одной из крупнейших в мире венчурных фирм. Именно она в свое время нашла и поддержала крошечные компании, имена которых теперь известны всюду, где пользуются компьютерами, а проще и точнее – всюду: *Apple, YouTube, Cisco Systems, Oracle, Yahoo!* и другие. В июне 1999 года эта компания и ее сосед по улице *Kleiner, Perkins, Caufield & Byers* помогли двум вундеркиндам – Ларри Пейджу и Сергею Брину. В сентябре 1997 года они зарегистрировали домейн *google.com,* а через год основали в гараже, который арендовала для них будущая жена Брина, фирму *Google Inc.*

На этой же улице расположен мощный маяк, освещающий множество дорог в будущее. Это – Стэнфордский Центр, объединяющий линейный коллайдер, самый длинный в мире линейный ускоритель и множество лабораторий и проектов, в которых физиками и астрофизиками, химиками, биологами и медиками США и всего мира проводятся суперсовременные теоретические и экспериментальные исследования. Трое физиков и один биохимик, работавшие здесь, стали Нобелевскими лауреатами.

Сказанное объясняет, что на Sand Hill Road, действительно, рождается будущее. А где место прошлому? Здесь же, рядом. Время поездки вдоль всей улицы – не больше 10 минут. Уходя в горы, она вливается в Alpine Rd. Проехав еще и по ней три минуты, надо повернуть направо, на узкую проселочную дорогу. Но только знающий человек не проскочит ее, она не отмечена на картах Гугла, и ее не знает GPS. На обочине Alpine Road у начала этой «странной» дороги стоит обычный деревянный столб, и на прибитой к нему небольшой дощечке масляной краской написано *Webb Ranch*. Это и есть вход в прошлое.

В 1922 году Джордж Уэбб взял в аренду у Стэнфордского университета 16 га земли, чтобы недалеко от Сан-Франциско выращивать для рынка клубнику. В конце 20-х он перевез туда свою семью и увеличил арендованный участок до 130 га. До начала шестидесятых он, а потом его сын специализировались на клубнике, но потом диверсифицировали продукцию и стали выращивать кукурузу, помидоры, бобы, различные овощи. Безусловно, в наше время никакой «химии» там не используется, производится лишь чистая продукция. По итогам 2009 года, ранчо Уэббов было первым в нашей округе по продаже тыкв накануне Холлоуина и по продаже елок в преддверии Рождества. Сейчас всем делом руководит Гари Уэбб – внук основателя бизнеса. На ранчо живет уже пятое поколение этой семьи, и все вместе они сохраняют традиции в производстве продуктов и высоко ценят дружеские отношения с наемными рабочими, живущими там бесплатно. Так, старейший рабочий ранчо работает на семью Уэббов 42 года и вырастил там 12 детей.

В 1960 году на *Webb Ranch* стали держать лошадей, чтобы люди могли приехать, освоить навыки езды и получать радость от таких прогулок. Сейчас там содержится до 250 лошадей, и за прошедшие годы уже сформировалось несколько поколений всадников. За многие десятилетия на ранчо сложилась особая атмосферы открытости и дружелюбия. Все это я узнал после того, как моя внучка решила учиться ездить на лошадях, и мы стали бывать там.

Как только въезжаешь на проселочную дорогу и сбрасываешь скорость до предписанных 8-10 км/час, сразу оказываешься в прошлом. Дорога зажата между полями кукурузы, всюду стоят деревянные загородки, лошади бродят на привязи, пыль над дорогой, поднятая проезжающей машиной, деревянные загоны для лошадей и сараи для сена.. запахи полей и навоза.

Въезд на Webb Ranch, или дорога в прошлое

Тишина. Отсутствие торопливости. Чувствуешь атмосферу некоей патриархальности и начинаешь ощущать свою отнесенность к большой сельской семье. Детей, не представляющих, что жить можно без Интернета и мобильного телефона, учат чему-то естественному, но забытому – езде на лошадях и уходу за ними. Это все им нравится, у них блестят глаза, и они не хотят уходить. Существует двухлетняя очередь на то, чтобы стать волонтером и ухаживать за лошадьми.

Сейчас – лето, жарко. Родители сидят в тени навеса и ждут окончания урока. Негромкие разговоры ни о чем, почти не смотрят на часы. Время течет иначе, чем в мире, из которого люди приехали и в который они вернутся через час-полтора.

Я задумываюсь, почему Sand Hill Road – одна из самых дорогих в мире. Так случилось? Или это знак того, что путешествие из будущего в прошлое – редкое и дорогое путешествие.

«Солярис-101»

Общенациональный Хайвей-101 (U.S. Highway 101) является главной американской дорогой, идущей с севера на юг вдоль Тихого океана. Она начинается в штате Вашингтон, продолжается в Орегоне, затем входит в Северную Калифорнию, заходит в Сан-Франциско, пересекает Кремниевую долину и завершается в центре Лос-Анжелеса. Общая протяженность дороги – 2378 км. В разных местах она имеет свои имена. В Орегоне ее называют Прибрежным орегонским хайвеем, в некоторых частях Калифорнии – Тихоокеанским хайвеем, на юге Калифорнии – уважительно «the 101», в северной части – менее официально «101», или «ван-оу-ван».

Дорога – уникальна. Параллельных ей скоростных путей в штате нет. Пока не существовало «живой карты» Google и GPS, прежде чем ехать куда-либо, приходилось звонить и спрашивать, как добраться. Ответ практически всегда включал: «take one-oh-one», то есть «выезжайте на Хайвей-101».

Уже через несколько минут после въезда на хайвей чувствуешь себя членом бесконтактной общности, объединенной тем, что в данный момент все оказались в одном месте и движутся в одном направлении. Все личное отходит на задний план, отношения всех подчиняются лишь правилам движения и здравому смыслу. При сильном дожде, шторме, когда в метре от машины ничего не видно, у всех включены фары и все держат между машинами бóльшую, чем обычно, дистанцию. Если солнце стоит по ходу движения, то оно ослепляет всех. В утреннем трафике рядом медленно движутся дорогие новые машины и давно устаревшие модели, нервничают и миллионеры, и безработные. Когда впереди идущие машины начинают притормаживать, то следующие за ними тоже вынуждены тормозить, даже если кто-то опаздывает. Если «пробка» рассосалась, то постепенно набирают скорость все машины, хотя, возможно, кто-то и не торопится.

В тот вечер, о котором о котором я хочу рассказать, я не предполагал оказаться на «ван-оу-ван»; я промчался по нему днем, когда спешил к моему другу в сауну. Посидели там полтора-два часа, поговорили, попили пива, а у него дома нас уже ждал обед. Непременная селедка с луком, квашеная капуста, горячая картошка, ветчина и многое другое. Затем – первое, второе и чай. И, конечно же, выпивали: я в последнее время предпочитаю коньяк или виски, мой друг – водку. Опрокинули «за встречу», «за успехи в делах», за хозяйку дома, ну и еще несколько обязательных тостов. Такие встречи у нас происходят несколько раз за весну-лето. Осень-зиму мой друг проводит в России, он читает курс судоходной астрономии в Мурманском государственном техническом университете.

Обычно я не тороплюсь покидать эту гостеприимную семью, да и пью я немного, но все равно после сауны и доброго застолья предпочитаю возвращаться домой по El Camino Real – неспешной локальной дороге, идущей недалеко от хайвея параллельно ему. Конечно, этот «маневр» не предохраняет от встречи с полицией, но все же так ехать спокойнее. Но в тот раз я почему-то поехал по «ван-оу-ван».

Мой путь начинался в одном из известных городков Кремниевой долины – Маунтин-Вью, в котором, к примеру, расположены один из исследовательских центров НАСА (Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства), фирма Google и ряд других кампаний из перечня 1000 крупнейших американских бизнесов. Я быстро добрался до хайвея, перешел на вторую или третью линию, по которым ехать много удобнее и безопаснее, осмотрелся и поехал домой. Днем обычная скорость – 60–65 миль/час (100 км/час или немного больше), вечером я стараюсь не превышать 60 миль/час.

Было часов 7–8 вечера, солнце уже зашло, в машине и без кондиционера не было жарко, можно было включить радиоприемник и слушать музыку. Обычно он у меня поставлен на «классику», и поэтому искать волну при управлении машиной не приходится.

Гладкое покрытие хайвея, хороший обзор дороги, ровная скорость, красивая музыка, относительно небольшое количество машин, движущихся впереди, сзади и по бокам. Путь от Маунтин-Вью до моего Фостер-Сити

недолог, даже вечером около получаса, проходит он мимо семи небольших городков с несколько гипнотизирующими названиями: Пало-Альто, Стэнфорд, Менло-Парк, Атертон, Редвуд-Сити, Сан-Карлос, Бельмонт... Все это успокаивало, расслабляло, настраивало на философско-романтические, полуфантастические размышления. Когда дорога поднялась на невысокий холм, открылось какое-то метафизическое зрелище: в полнейшей темноте были различимы лишь несколько машин, идущих непосредственно передо мною, а дальше – линия движущихся автомобильных огней, тянущаяся до горизонта. И вдруг я почувствовал, что существую лишь как часть бесконечного потока машин, как часть дороги и звездного неба. Мое собственное «я» куда-то исчезло.

Я понимал также, что в этот момент огромное число машин ехало по этому же хайвею, и внутри каждой кто-то думал о своем, в салоне играла понятная этим людям музыка, каждый жил своей жизнью. Но вместе с тем нас всех связывал этот Тихоокеанский хайвей. Он не просто шел вдоль океана, он сам и был земным океаном. Мыслящим. Разумным. Это был «Солярис-101».

Я не должен был быть в тот момент на хайвее, но оказался. Это он меня позвал. Чтобы открыться мне.

***

…И опять новый жанр на страницах «Телескопа»! Жанр-кентавр, я бы определил его как *лирико-социологический.* Борис Докторов – математик «по происхождению», социолог по призванию, на этот раз окончательно разрушает границу между «физикой» и «лирикой». Примечательно, однако, как он это делает.

Прежде всего, это проза «настроения», а не описания, переживания, а не анализа, причастности, а не деяния. Автор всматривается, вслушивается, вдыхает мир вокруг себя и дарит этот мир, вроде далекий нам, уже как понятный и близкий. Причем же тут социология? А при том, что в свободном полете памяти и чувства, ну, никак не обойтись автору без строгой фиксации обстоятельств места, времени, встреч на «хайвее» и на «обочине» жизни, и каждое его эссе – оно же «случай», кейс, когда «один цветок лучше, чем сто, передает природу цветка» (Ясунари Кавабата).

И вот оказывается, что прочитав эту полдюжины зарисовок, я узнал про стиль, и дух, и, может быть, даже смысл «не нашей» жизни, больше, чем если бы побывал там. Надо прожить в Калифорнии 6 тыс. дней, чтобы так рассказать о ней в себе и о себе в ней.

Андрей Алексеев. 15.11.2010.

**

Б. Докторов «В поисках Адресата»: вместо послесловия

Началом этой необычной книги послужило мое электронное письмо Андрею Алексееву, отправленное ему 20 февраля 2006 года, точно шесть лет назад. Первоначально задумывалось разместить вслед за «Вместо предисловия», написанного Алексеевым, мой краткий вводный текст. Я уже намеревался сделать его, но, посмотрев на календарь и обнаружив на нем – 20 февраля 2012 года, подпал под магию совпадения дат и решил, что логичнее попытаться написать «Вместо послесловия». Тем более, что шесть прошедших или

промелькнувших лет дают повод для осмысления той уже давней переписки. Главное: она «ушла в песок», не оставив следа, или дала какие-то всходы?

Почему именно этот вопрос я задаю себе, в чем вижу его смысл? Ведь в начале нашей переписки никакие далеко идущие цели не формулировались, она начиналась просто как обмен письмами давно не общавшихся друзей-коллег. С моей стороны то был своего рода отчет о проделанном в последние годы и бытовые зарисовки. Более того, и позже никакие ориентиры, границы обсуждений не обозначались. И поэтому, зачем искать итог переписки, которая к тому же не завершилась, а продолжается?

В моем понимании эта книга приоткрывает и для ее соавторов, и для тех, кто ее пролистал, особенности процессов возникновения тематики социологических исследований, происхождения понятийных конструкций, поисков стиля, формата, языка социологии. Названная проблематика давно осознана историей и социологией социологии и в разных научных парадигмах предложены подходы к ее решению, но многое все равно требует принципиального прояснения. Отчасти это вызвано тем, что теоретические поиски в этой области не опираются на эмпирические данные. И дело не просто в бедности биографического материала, но в почти полном отсутствии информации о том, «из какого сора» растут «социологические стихи». В традиционной схема генезиса тематики и происхождения теоретического аппарата социологических исследований доминирующее положение придается двум обстоятельствам: социальному (в широком смысле) заказу и трудностям (теоретического и инструментального характера) развития самой науки. Но в этой схеме слабо прописаны сами исследователи, хотя именно им общество «направляет» для анализа возникшую внутри него проблему и никто кроме них не способен найти выходы из внутри научных тупиков.

Почему сегодня при изучении процессов постановки исследовательских задач и отыскании методов их решения историки науки часто обращаются не к опыту современных ученых, но к реалиям доинституциональной науки? В определенной степени это обусловлено тем, что во второй половине XVII – первой половине XVIII вв., когда закладывались основы математики, физики, механики, астрономии, научная коммуникация была прежде всего эпистолярной. Обращение к письмам Гука, Гюйгенса, Лейбница, Ньютона, Паскаля и других ученых того времени позволяет историкам не только анализировать состояние науки того времени, но проследить пути, которыми шли ученые[63].

Институализация науки, рост численности ученых, появление большого числа специальных журналов, становление практики проведения различного рода научных конференций изменили характер всей системы научной коммуникации. При этом эпистолярная форма общения между исследователями потеряла свое былое значение.

Естественно предположить, что активное освоение учеными всего мира электронной почты, а в последние годы – блогосферы породит новые традиции эпистолярной научной коммуникации. Мне не известны работы в этой области,

---

[63] Арнольд В.И.Гюйгенс и Барроу, Ньютон и Гук. Первые шаги математического анализа и теории катастроф, от эвольвент до квазикристаллов. М.: Наука,о 1989.

однако легко допустить, что сетевое общение охватывает большое число исследователей и дает огромные возможности для обсуждения разного рода научных проблем. Изучение содержания такой переписки может дать ценную информацию для методологов и историков науки, для познания механизмов научного творчества.

Полагаю, что в советской / российской социологии личное письмо как метод распространения научной (социологической) информации и теоретико-эмпирических обобщений был внесен Андреем Алексеевым в начале 1980-х в его серии «Писем Любимым женщинам». Это были неформальные описания событий, происходивших в жизни рабочего-социолога, его наблюдений, его рефлексия и опыт саморефлексии. Они адресовались опытнейшим социологам и журналистам, которых Алексеев знал многие годы и которые понимали не только написанное, но и то, что он не мог написать, оберегая их и себя. Не случайно по завершении этого цикла он писал: «Мои письма — принадлежат вам. Но все же прошу вас: не выпускайте их за пределы круга ваших *личных* друзей» [1, т. 1, с. 271][64].

В свете сказанного не удивительно, что наша спонтанно начавшаяся переписка практически сразу превратилась, по словам Алексеева, в *эпистолярную хронику*. Так сложилось, что в течении последующих пяти лет весь материал существовал лишь в его компьютере. Вместе с тем можно утверждать, что процесс обмена письмами, а позже и готовившимися для публикации статьями, стал стимулом для развития наших собственных исследований, проводившихся нами независимо друг от друга.

Алексеев в содружестве с киевским социологом Романом Ленчовским в 2008-2010 годах провел исследование ряда ценностно-профессиональных коллизий, протекавших: 1) в петербургском Социологическом институте РАН, 2) в российском социологическом сообществе в целом и 3) затрагивавших интересы значительной части населения Петербурга. Одним из главных информационных источников этого проекта стали письма многих социологов, вовлеченных в изучавшиеся конфликты. Итогом этой работы стал 4-томный труд «Профессия – социолог»[65].

В течении прошедших шести лет я продолжал разработку ряда аспектов проблематики, обсуждавшейся в переписке с Алексеевым 2006 года. Первое направление: историко-биографический анализ становления американской технологии проведения опросов общественного мнения. Результаты этих поисков отражены в трех книгах[66] и во многом стали отправными для движения

---

[64] Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: В 4 т. СПб.: Норма, 2003–2005.

[65] Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог. Документы, наблюдения, рефлексии. 4 тома. СПб.: Норма, 2010.

[66] Докторов Б.З. Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. М.: ЦСП. 2008. <http://www.pseudology.org/Gallup/ReklamaOprosy.pdf>. Докторов Б.З. Отцы-основатели. История изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования. 2006. Докторов Б. Джордж Гэллап. Биография и судьба. М.: Изд-во ООО»Полиграф – Информ»,

вдоль второго направления – изучение современной истории советской/российской социологии. Эмпирической базой данного проекта являются около полусотни проведенных мною по электронной почте глубинных интервью с социологами разных поколений. Промежуточные историко-методологические выводы этого исследования отражены в десятках журнальных статей, в онлайновой книге[67], содержащей тексты всех интервью, и в монографических работах, готовящихся к изданию.

Трудно сказать, каково место нашей эпистолярной дискуссии, начавшейся в 2006 году, в том, как далее развивались исследования ее участников. Ведь они проводились нами и до обмена письмами и, можно утверждать, тем или иным образом продолжались бы и далее. Перечитав содержание переписки, я могу сказать, что она прежде всего убедила меня в главном, в перспективности изучения истории отечественной *социологии* в опоре на воспоминаниях российских *социологов.* Интуитивно, такой переход мне казался возможным и эвристически ценным еще в 2004-2005 годах, к тому же справедливость этого допущения подтверждался накапливавшимся опытом интервьюирования и анализа биографической информации. Но именно не ограниченный никакими рамками обмен мнениями с Алексеевым, подчеркну особо, *без оглядки на будущую публикацию* наших писем, стал для меня решающим в продолжении движения в этом направлении.

Я нахожу в переписке еще ряд методологических проблем, которые спонтанно возникали, но не получили обстоятельного рассмотрения. Теперь я понимаю, чем это было обусловлено. Тот формат переписки, о котором я говорю, во многих своих аспектах является *конспектом размышлений* «здесь и сейчас». Пишущий максимально раскрепощен, не задумывается об обосновании высказываемых положений, о соответствии их утверждениям, которые им формулировались ранее, минимально редактирует себя. Что-то из «проговоренного» затем – иногда сразу, иногда – через какое-то время додумывается и трансформируется в научный текст. Но что-то не запечатлевается в сознании, существует в нем «латентно» и в какой-то момент всплывает и воспринимается как нечто новое. Именно поэтому перечитывая старые записи, ученые нередко обнаруживают в них ростки тех идей, которые – казалось им – пришли к ним недавно. Более того, те старые, забытые формулировки были почти такими же, как те, которые человек нашел «недавно».

Я испытываю некий дискомфорт раскрывая *личную* переписку, хотя она содержит обсуждение научных, т.е. *внеличностных*, проблем. Невозможно предвидеть, как и кто ее воспримет, что будет искать за произнесенными словами и как будет додумывать непроизнесенное. Но пусть будет так, как будет.